

801-
13

М. В. Довнаръ-Запольскій.

145
64
ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ.

Томъ I.

Этнографія и соціологія, обычное право, статистика,
бѣлорусская письменность.

Изданіе А. П. Сапунова.

К І Е В Ъ.
Типографія 1-й Кіевской Артели Печатнаго Дѣла. Трехсвятительская 5.
1909.

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Въ настоящемъ томѣ собраны работы автора, касающіяся этнографіи, социологіи, діалектологіи, статистики и письменности Бѣлоруссовъ. Такимъ образомъ, въ нихъ затронуты весьма различныя стороны жизни Бѣлорусской народности.

Когда впервые появлялись переиздаваемые теперь статьи, литература о Бѣлоруссахъ и Бѣлорусіи была очень незначительна, неполна,—вообще, къ этой области знанія замѣтно значительное ослабленіе интереса въ русской и польской литературахъ въ періодъ съ половины 60-хъ годовъ до конца 80-хъ. Вотъ почему авторъ, побуждаемый желаніемъ пролить возможно больше свѣта для уясненія всего, что касается Бѣлоруссовъ, дѣлалъ попытки освѣтить положеніе этой народности съ точки зрѣнія различныхъ наукъ. Правда, съ тѣхъ поръ (1888—1895, къ каковымъ годамъ относятся основная часть печатаемыхъ статей) литература о Бѣлорусіи въ нѣкоторыхъ ея областяхъ весьма расширилась (этнографія, діалектологія); въ другихъ она, къ сожалѣнію, остается по прежнему бѣдной (экономическій бытъ, письменность, обычное право).

Выяснивъ основной мотивъ, въ силу котораго появлялись настоящія статьи, авторъ не можетъ не сознавать извѣстнаго рода неудобствъ, съ коими связано переизданіе работъ, появившихся впервые довольно давно, при большой бѣдности литературы, и не дополненныхъ новѣйшими матеріалами, иногда опирающихся на выводы науки, нынѣ ею оспариваемыя (это относится къ послѣдовавшему пересмотру нѣкоторыхъ положеній социологіи); не безъ колебанія авторъ собралъ въ одинъ томъ статьи, часть которыхъ предназначалась для мѣстныхъ газетъ и, слѣдовательно, подвержена была условіямъ извѣстной спѣшности газетной работы, и даже болѣе—все это статьи, относящіяся къ очень раннему періоду научной дѣятельности ихъ автора. Но, рѣшаясь переиздать часть работъ, появившихся въ свѣтъ при указанныхъ условіяхъ, авторъ находитъ для того и нѣкоторое оправданіе. Всѣ эти работы носятъ спеціальнѣйшій научный характеръ, иногда очень узкій. Ученый интересъ побуждаетъ изучающаго знакомиться съ предше-

ствующей литературой, и собраніе такихъ работъ въ отдѣльной книгѣ только облегчить бібліографическіе поиски моихъ ученыхъ коллегъ. Съ другой стороны, выдвинутые мною въ свое время вопросы не были пересмотрѣны послѣдующей наукой: по однимъ вопросамъ увеличился лишь собранный матеріалъ, по другимъ разработка не подвинулась; можетъ быть, и тутъ не бесполезно будетъ облегчить работу бібліографическихъ изысканій.

Наконецъ, не могу не указать и на одинъ мотивъ личнаго свойства: я не счелъ себя вправе отказать члену Государственной Думы глубокоуважаемому изслѣдователю Витебской Бѣлорусіи Алексѣю Парфеновичу Сапунову въ его желаніи видѣть мои работы собранными въ одномъ изданіи; подъ его теплымъ дружескимъ побужденіемъ и на его средства настоящая книга появляется въ свѣтъ. Я считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить Алексѣю Парфеновичу Сапунову свою глубокую признательность за его дружеское вниманіе къ моимъ научнымъ трудамъ.

М. Д.-З.

Очерки семейственного обычнаго права крестьянъ Минской губ.¹⁾

Предлагаемые очерки основываются на матеріалѣ троякаго рода: главнымъ источникомъ служатъ рѣшенія волостныхъ судовъ, записанныя авторомъ въ Рѣчицкомъ, Вобруйскомъ и Пинскомъ уѣздахъ²⁾, затѣмъ личные наблюденія и, наконецъ, отвѣтъ нѣсколькихъ лицъ изъ Минскаго, Новогрудскаго и Мозырскаго уѣздовъ, постоянныхъ обывателей бѣлорусскихъ селъ, обязательно сообщившихъ свои наблюденія на предложенные имъ авторомъ вопросы. Тогда какъ въ личныхъ наблюденіяхъ и сообщеніяхъ всегда можно предполагать извѣстную долю субъективнаго отношенія къ предмету, рѣшеніе волостныхъ судовъ, какъ акты, можетъ служить наиболѣе объективнымъ источникомъ для изученія правовой стороны народной жизни.

Поэтому, едва ли справедливо то скептическое отношеніе къ выводамъ, основаннымъ на этомъ матеріалѣ, которое нерѣдко проявляется въ нашей юридической литературѣ и поддерживается даже такими первостепенными юристами, какъ покойный Оршанскій³⁾ и М. М. Ковалевскій⁴⁾, которые ссылаются на произволъ „пьянаго“ писаря. Съ такимъ взглядомъ на рѣшенія волостныхъ судовъ, какъ на источникъ обычнаго права, трудно согласиться, по крайней мѣрѣ въ сферѣ нашихъ наблюденій.

Прежде всего въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ мы будемъ наблюдать одно и то же отношеніе ихъ въ однородныхъ случаяхъ, и въ различныхъ мѣстностяхъ, и въ различное время, что указываетъ на то, что то или

¹⁾ „Этнографическое Обзоріе“, 1897 г.

²⁾ Во время своихъ поѣздокъ я сдѣлалъ выписи рѣшеній волостныхъ судовъ Телехавской вол. Пинск. у., Горбачевичской вол. Вобруйскаго у. и Дерновичской вол. Рѣчицкаго у. (въ количествѣ болѣе 270 №№); сверхъ этого я занимался обзоромъ волостныхъ рѣшеній другихъ волостей — Доброславской, Погостъ-Загородской Пинскаго у., Игуменскаго у., Городокской Вобр. у. и нѣк. др.

³⁾ Оршанскій, Нар. судъ и нар. право, 390.

⁴⁾ См. его статью въ Nouvelle Revue historique du droit etc., 1890, май—іюнь: „Etudes sur le droit coutumier russe“, введение.

Довнар-Запольскій.

другое рѣшеніе есть актъ обычнаго права, а не измышленіе писари. Съ другой стороны, принимая во вниманіе историческія данныя, мы можемъ убѣдиться, что современныя нормы обычнаго права бѣлоруссовъ соотвѣтствуютъ тѣмъ даннымъ, которыя мы можемъ извлечь изъ историческихъ источниковъ, по крайней мѣрѣ за триста лѣтъ до нашего времени¹⁾. Мало того, въ нашихъ рѣшеніяхъ мы не разъ встрѣчаемъ указаніе на то, что то или другое дѣло рѣшено по „мѣстному обычаю“. А въ одномъ дѣлѣ мы даже встрѣчаемъ любопытную борьбу мѣстнаго обычая съ властью Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ: оно четыре раза кассировало рѣшеніе и всякій разъ волостной судъ, опираясь на „мѣстный обычай“, постановлялъ прежнее рѣшеніе.

Правда, въ области уголовныхъ рѣшеній можно встрѣтить, особенно за послѣднія 3—5 лѣтъ, болѣе частые случаи справокъ съ Уложеніемъ о наказаніяхъ. Это вполне понятно: основы обычно-правовыхъ воззрѣній такъ или иначе подрываются, усложненіе жизни усложняетъ разнообразіе преступковъ, для сужденія о которыхъ еще не созданъ обычай, а между тѣмъ стройность и опредѣленность нашего уложенія о наказаніяхъ подкупаетъ судей. Но въ сферу семейной жизни, домашняго очага, еще не проникъ писанный законъ; традиціи семьи чрезвычайно дороги для крестьянина, наше же законодательство мало примѣнимо въ этомъ отношеніи къ крестьянскому быту, и здѣсь волостному суду, болѣе тѣмъ гдѣ бы то ни было, приходится пользоваться заплатами отцовъ и мирить ихъ, прилаживать къ новымъ жизненнымъ требованіямъ, отставивъ всякую мелочь народной традиціи.

Все это позволяетъ намъ видѣть въ рѣшеніяхъ волостного суда наиболѣе достовѣрный источникъ народно-обычнаго права.

Положимъ, такимъ образомъ, въ основу настоящей статьи рѣшенія волостныхъ судовъ, мы однако, приводимъ, по возможности и то, что намъ извѣстно изъ личныхъ наблюденій или разспросовъ.

Что касается способа пользованія всѣми этими источниками, то была принята во вниманіе возможность различныхъ уклоненій въ сферѣ обычнаго права въ зависимости отъ мѣстныхъ условий. Чтобы не принимать частностей за общее правило, я отмѣчаю въ скобкахъ уѣзды или волости, гдѣ замѣчается такое уклоненіе. Въ особенности я старательно выдѣлялъ всѣ обычно-правовыя особенности крестьянъ Пинскаго у.,—хотя ихъ оказалось весьма не много,—такъ какъ населеніе его не однородно съ населеніемъ другихъ уѣздовъ.

Въ заключеніе этихъ предварительныхъ замѣчаній, я не могу не замѣтить, что предложенный очеркъ далеко не исчерпываетъ всего содержа-

¹⁾ См. интересную статью проф. Владимірскаго-Буданова въ „Чтеніяхъ“ Истор. Общ. Лѣтоп. Нестора, Кіевъ, т. III.

нія собраннаго мною матеріала, представляя лишь краткій обзоръ его, лишь главнѣйшіе факты и выводы, пополненіе которыхъ было-бы крайне желательно.

I.

Теперь перейдемъ къ предмету статьи. Прежде всего рассмотримъ вопросъ о томъ, какую форму семьи мы должны признать преобладающею у бѣлоруссовъ разсматриваемой мѣстности. Терминологія для опредѣленія родонъ семьи, какъ извѣстно, далеко не установлена. Существующія опредѣленія *большой, малой* семьи, *простой и сложной семейной общины*¹⁾ иногда употребляются не въ одномъ и томъ-же смыслѣ. А потому слѣдуетъ замѣтить, что мы будемъ, слѣдуя болѣе обычной терминологіи, называть *малой* семей такою, которая состоитъ изъ родителей и неженатыхъ дѣтей, *большой* семей—такую, въ которой живутъ родители съ женатыми и замужними дѣтьми, и наконецъ *семейной общиной* такую форму семьи, когда живутъ нераздѣльно братья или дяди съ племянниками, сродники и пр.

Итакъ, какую форму семьи изъ трехъ названныхъ можно признать здѣсь господствующею? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить абсолютно. Дѣло въ томъ, что раздѣлы дѣлаютъ свое дѣло, они проникаютъ не только въ семейную общину и разлагаютъ ее, но все чаще и чаще замѣщаются даже выдѣлы женатыхъ сыновей отъ отца. Поэтому здѣсь и отвѣтъ можетъ быть данъ только приблизительно. Я думаю, что едвали будетъ ошибочнымъ признать преобладающею формою семьи въ Минской губ.—семью большую. Выдѣлы сыновей при жизни отца, какъ увидимъ, все еще считается явленіемъ необычайнымъ, обусловливаемымъ специальнымъ положеніемъ той или другой семьи, а также не признаваемымъ за общее правило.

Стремленіе къ раздѣламъ при жизни родителей замѣчается лишь оазисами въ различныхъ мѣстностяхъ: въ однихъ ихъ совсѣмъ не знаютъ, въ другихъ, наоборотъ, именно эта послѣдняя форма прививается все болѣе и болѣе, съ каждымъ годомъ число такихъ семей увеличивается, и уже образуются правовыя нормы, опредѣляющія порядокъ раздѣла. Такъ, напр., въ Дерновичской волости (юго-восточный уголъ Рѣчицкаго у.) выдѣлы сыновей при жизни отца почти неизвѣстны. Если онъ и бываетъ, то далеко не полный: отецъ строитъ сыновьямъ у себя на дворѣ отдѣльныя хаты, въ которыхъ помѣщается каждая новая семья, но земля, скотъ, орудія—все находится въ общемъ владѣніи, дѣлятъ вмѣстѣ и работаютъ. Каждая семья имѣетъ лишь въ отдѣльномъ владѣніи платье и другія мелкія вещи, деньги лично ею заработанныя и пр., т. е. соблюдается тотъ же порядокъ,

¹⁾ Ср. Пахманъ, Обычное право, т. II, стр. 137.

какъ и въ семьѣ, живущей въ одной избѣ. Обостренныхъ отношеній между отцомъ и сыновьями, подѣла землею и скотомъ почти не встрѣчается. Ни одного дѣла мѣстнаго суда (съ 60 годовъ до нашего времени) нѣтъ такого, гдѣ бы сынъ жаловался на отца или наоборотъ.

То же слѣдуетъ сказать и относительно многихъ другихъ мѣстностей Рѣчицкаго, Мозырскаго, Минскаго и Новогрудскаго уѣздовъ, гдѣ мнѣ приходилось бывать лично, или откуда у меня имѣются свѣдѣнія.

Но весьма оригинальное явленіе мы замѣчаемъ въ Пинскомъ уѣздѣ. Глухое Полѣсье, болотистость этой мѣстности, сравнительно первобытный строй всего мировоззрѣнія пинчука—сохранили много архаичныхъ особенностей быта, во многихъ отношеніяхъ. Но не смотря на это здѣсь именно разложеніе большой семьи и семейной общины идетъ наиболѣе быстрыми шагами. Раздѣлы здѣсь охватываютъ весь уѣздъ повально и именно въ самые послѣдніе годы. Еще поколѣтіе средняго возраста не знало ихъ, смотря съ ужасомъ на то, что дѣлаютъ молодые, но покорился необходимости. Нормы раздѣловъ не установились: дѣла волостныхъ правленій переполнены жалобами родителей и дѣтей другъ на друга, указывающими на самыя ожесточенныя отношенія тѣхъ и другихъ. Но еще болѣе замѣчательно то, что именно здѣсь-же мы находимъ наиболѣе типическіе остатки не только большой семьи въ строгомъ смыслѣ, но и семейной общины. Впослѣдствіи мы увидимъ, что экономическія причины заставляютъ здѣсь быстро разлагаться большія семьи и общины. Но гдѣ тяжесть экономического быта не довела семью до разложенія, тамъ въ томъ же Пинскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ самыя строгіе и чистыя типы ея. Здѣсь мнѣ перѣдко приходилось встрѣчать семейныя общины въ 15—25 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ другихъ уѣздахъ такіа общины уже большая рѣдкость. Я имѣю лишь краткія указанія на существовавшія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Минскаго уѣзда общины въ 25—30 человѣкъ и даже до 50, въ Бобруйскомъ у. встрѣчались семьи въ 17 челов. Такимъ образомъ очевидно, что тогда какъ въ белорусскихъ уѣздахъ Минской губ. семейная община представляетъ собою отживающій типъ и нормальнымъ типомъ семейной организаціи мы должны признать большую семью, въ свою очередь стремящуюся перейти въ малую, —въ Пинскомъ уѣздѣ мы, повидимому, присутствуемъ при непосредственномъ переходѣ семейной общины въ малую семью. При этомъ типъ большой семьи остается здѣсь, конечно, не беззвѣстнымъ, но онъ не успѣлъ еще укорениться, проникнуть во все населеніе, какъ вдругъ новый порядокъ вещей, новыя отношенія сразу вызываютъ къ еще болѣе простой формѣ семьи,—именно къ малой. Въ виду все болѣе усиливающихся раздѣловъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ здѣсь признается болѣе удобнымъ раздѣлъ при жизни отца, чтобы предупредить раздоры послѣ смерти главы

семьи. Такой порядокъ вырабатывается, напр., въ Горбачевичской и Городокской вол. Бобр. у.

Таково общее впечатлѣніе, которое выносить наблюдатель.

Но чтобы дать читателю болѣе осязательное представленіе о составѣ семейной общины, мы приведемъ нѣсколько указаній изъ имѣющихся у насъ рѣшеній волостныхъ судовъ о лицахъ, которые входятъ въ составъ общины. Такая справка дастъ возможность ясно представить взаимныя отношенія членовъ, хотя, слѣшнимъ замѣтить, она не можетъ дать выводовъ о количественномъ отношеніи общины къ семьѣ, какъ въ послѣднее ни было желательнымъ. Кромѣ того, тутъ же мы увидимъ и степень жизнеспособности этого института въ средѣ крестьянъ: чѣмъ болѣе далекое родство отдѣляетъ сожительствоющихъ членовъ, тѣмъ большую силу, кажется намъ, долженъ имѣть самъ институтъ.

Чаще всего мы встрѣчаемъ, что живутъ вмѣстѣ родные семейные братья. Такихъ общинъ повсемѣстно мнѣ приходилось встрѣчать очень много, и онѣ представляютъ обычный и простѣйшій видъ семейной общины. Иногда такая семья держится до самой смерти братьевъ, или до смерти одного изъ нихъ и разстраивается уже двоюродными братьями, хотя не рѣдко можно видѣть, что посѣдѣвшіе братья расходятся на отдѣльныя хозяйства, чаще всего вслѣдствіе несогласій среди младшихъ членовъ. Затѣмъ встрѣчаемъ указанія на сожительство дядей съ племянникомъ; изъ одного рѣшенія видно, что двое дядей жили съ племянникомъ, община раздожилась, при чемъ племянникъ остался жить съ однимъ изъ дядей: сожительство такое иногда бываетъ настолько продолжительно, что племянникъ отдѣляется съ взрослыми уже сыновьями (Рѣч. и Бобр. уѣзды). Но эта община, основанная на чисто родственныхъ и при томъ близкихъ отношеніяхъ, представляетъ явленіе довольно понятное, какъ слабыя пережитки родовой общины.

Для насъ особенный интересъ имѣютъ случаи сложенія *искусственной* общины, или по крайней мѣрѣ такой, въ которой члены не связаны близкимъ родствомъ, а для совмѣстнаго сожительства должны были сойтись на извѣстныхъ условіяхъ.

Я приведу нѣсколько примѣровъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Такъ, односельцы Антонъ и Корней Борисевичи въ с. Озаричахъ Пинскаго уѣзда (изъ другого дѣла видно, что они не считаютъ себя родственниками даже) согласились жить вмѣстѣ, при чемъ Корней принялъ на свое хозяйство Антона. Послѣдній „прожилъ семь лѣтъ, привелъ его (Корнеево) хозяйство въ хорошее состояніе, трудился какъ самъ, такъ рано и жена его и выкупили участокъ земли его, Корнея, который былъ въ арендѣ у еврея за тридцать рублей“. Корней выгоняетъ изъ дому Антона, а потому послѣдній требуетъ за трудъ его 100 р. Корней признаетъ трудъ Антона и удовлетворяетъ искъ по-

сдѣланого. Антонъ считался въ семьѣ Корнея—*семянникомъ*—обычный терминъ для подобнаго рода принятыхъ въ домѣ; *семянникомъ* называютъ иногда и дальнихъ родственниковъ, также сожительствующихъ вмѣстѣ.

Въ Бобрыйскомъ у. приняты въ семью въ качествѣ *семянника* носятъ названіе *сдольниковъ*, и эта форма семейной общины является здѣсь довольно распространенной, не смотря на одновременно усиливающееся разложение большой семьи. И здѣсь сдольничество вызывается чисто экономическими причинами: вдова остается съ малолѣтними дѣтьми, не можетъ сама управлять хозяйствомъ и принимаетъ къ себѣ сдольника; захудалый по тѣмъ или другимъ причинамъ домохозяинъ точно также подыскиваетъ себѣ сдольника съ здоровыми руками, а иногда и съ хозяйственнымъ инвентаремъ. Для большей прочности договора, обѣ стороны очень часто заключаютъ формальный договоръ въ волостномъ правленіи. Въ договорѣ точно опредѣляется, въ какихъ отношеніяхъ стоять обѣ стороны, кто изъ нихъ будетъ заведывать хозяйствомъ, наконецъ самую существенную часть договора составляетъ условіе о землѣ ¹⁾.

¹⁾ Приведемъ для примѣра два условія сдольника съ хозяиномъ: „1876 года февраля 19 дня, мы, крестьяне дер. Дѣдко, вдова Парасковія Росликъ и Иванъ Труханъ заключили условіе въ слѣдующемъ: 1. Я, Парасковія Росликъ, будучи въ немолодомъ вѣкѣ и оставшись вдовою съ малолѣтнимъ сыномъ Петромъ, не въ силахъ сама удерживать оставшагося послѣ мужа моего хозяйства и обрабатывать землю и уплачивать за оную платежи, за лучше признала для поддержанія себя и хозяйства принять въ домъ свой Ивана Трухана, который обязанъ управлять всѣмъ хозяйствомъ, смотрѣть за онымъ какъ за своимъ собственнымъ, меня уважать какъ старшую, а малолѣтняго сына моего до достижения совершеннолѣтія лѣтъ воспитывать, какъ свое собственное дитя; за что по смерти моей Иванъ Труханъ вступить въ права наследства и половинную часть земли; на случай же Иванъ Труханъ долго не захочетъ находится у меня и не будетъ смотрѣть за хозяйствомъ, то я удерживать права имѣть не буду, но тогда къ половинѣ хозяйства и земли Иванъ Труханъ права имѣть не будетъ, а когда проживетъ со мною до совершеннолѣтія сына моего Петра, тогда будетъ имѣть право къ половинной части. Ни я, ни сынъ мой прекословить въ отдачу части не будемъ, причѣмъ вывѣню въ обязанность Ивана и то, что уплатитъ денегъ за разная казенныя повинности лежать должна на обязанности его, Ивана, а зарабатывать деньги на эти надобности обязаны вмѣстѣ съ сыномъ Петромъ.— 2. Я, Иванъ Труханъ, на все предложенное 1 пунктомъ яловую Парасковію Росликъ согласенъ и обязанъ исполнить въ точности. Подписи“ (Горбач. вол., книга сдѣлокъ 1876 г. ст. 2).

„1874 года апрѣля 29 дня мы, нижеподписавшіеся, крест. дер. Богущовки, Иванъ Корбутъ и Константинъ Тарасевичъ, заключили условіе въ слѣдующемъ: Я, Иванъ Корбутъ, будучи бездѣтнымъ и не въ состояніи выплачивать за отведенный мнѣ участокъ земли подлѣ № 13 и обрабатывать оный, уступаю крестьянину одной со мною деревни Константину Тарасевичу, и считая занимаемой имъ на моемъ участкѣ усадьбы земли,—половину всей пахотной, сѣнокошной и подлѣ лѣсомъ въ

Сдольника или *семянника* народъ нѣкоимъ образомъ не смѣшиваетъ съ *пріемышемъ*. *Пріемышъ* это тотъ, кто принятъ въ дѣтствѣ за сына *матью*, за сына, или за дочь. Мнѣ не разъ приходилось наблюдать, что крестьяне дѣлаютъ различіе даже между *пріемышемъ* въ собственномъ смыслѣ (за сына), отъ *пріемыша*, который, выросши, становится въ семьѣ уже въ качествѣ сдольника. Хозяинъ не будетъ называть такого *пріемыша* сыномъ, а *пріемышъ* хозяина—отцомъ. Въ Бобр. у. съ десяти лѣтъ полный *пріемышъ* считается въ семьѣ сдольникомъ.

Сдольникъ, являясь въ принимающую его семью, часто приноситъ съ собою и свою долю имущества, въ видѣ инвентаря, наличныхъ денегъ или даже земли. Такъ, въ одномъ случаѣ сдольникъ внесъ „40 руб., сало, муку и разную хозяйственную рухлядь“ (Бобр.). Въ другомъ случаѣ споръ шелъ за засѣянное рожью такого сдольника поле (Пин.); одинъ *семянникъ* въ Дерновичской вол. внесъ $3\frac{1}{2}$ осмины ржи, 1 осмину овса, 10 гарнцевъ ячменя, 1 осм. ярицы, 10 гарнцевъ картофеля и т. д. Однимъ словомъ, сдольникъ, кромѣ своего труда, приноситъ еще и капиталъ.

Положеніе, которое занимаетъ *семянникъ* въ семьѣ, зависитъ отъ тѣхъ условій, при которыхъ онъ принятъ. Если принимающій его самъ заправляетъ хозяйствомъ, то сдольникъ является младшимъ, подчиненнымъ членомъ въ семьѣ. Одно, напр., рѣшеніе суда такъ опредѣляетъ положеніе такого сдольника: онъ „принятъ въ семью „какъ родственникъ“, „съ тѣмъ, что онъ обязанъ работать въ его, Якимъ, хозяйствѣ, какъ на своемъ собственномъ, нести должное повиновеніе и находится съ Якимомъ до конца жизни“ (Бобр. у.). Но если въ семьѣ нѣтъ хозяина, или хозяинъ умираетъ, оставивъ младшихъ членовъ семьи, то и сдольникъ становится во главѣ хозяйства, и его прерогативы по отношенію къ остальнымъ членамъ ничѣмъ не отличаются отъ власти и значенія главы семьи, хозяина.

количествѣ 9 десятинъ. Постройка, произведенная Тарасевичемъ, должна оставаться за нимъ и не тронутой съ занимаемаго ею теперь мѣста, при чемъ ставлю въ условіе, что плату за половину участка долженъ вносить Тарасевичъ; кромѣ того онъ долженъ отбывать всѣ общественныя и натуральныя повинности за полный участокъ, т. е. какъ за свою, такъ и за мою половину надѣла и уплачивать за меня мірской сборъ. За полъ-участка же, который я оставляю за собой, я долженъ выкупной платежъ вносить самъ, а также казенныя подати лежать на мнѣ. Обязательства, налагаемая мною на Тарасевича, обязательны для него до смерти моей и жены моей или же до переуступки мною закономъ оставленнаго себѣ полъ-участка земли другому лицу, въ такомъ случаѣ Тарасевичъ всѣ причитающіяся платежи и повинности долженъ вести за полъ-участка.—Я, Константинъ Тарасевичъ, принимаю въ свое вѣчное и потомства моего пользованіе переуступленный мнѣ Иваномъ Корбутомъ полъ-участка земли, всѣ вышеположенные на меня обязательства долженъ исполнить. Условіе же, заключенное между нами на счетъ участка земли въ 1867 г. апрѣля 2 дня, настоящимъ условіемъ уничтожается и теряетъ силу. Подписи“ (Тамъ же, кн. 1874 г., ст. 2).

Такъ, напр., мужъ и жена Наумчики и сынъ ихъ Ковалько (пасынокъ Наумчика) жаловались суду на притѣсненія со стороны семейнина—главаря и просили раздѣла. Судъ не только не удовлетворилъ ихъ просьбы, потому что не соглашался главарь семьи, но даже наказалъ Христину Наумчикову, которая была признана причиною ссоры въ семьѣ (Дерн. в.). Въ одномъ судебномъ рѣшеніи мы даже встрѣчаемъ своего рода наставленіе суда, что разъ семейнинъ „какъ старшій управляетъ хозяйствомъ по смерти отца“ (т. е. бывшаго хозяина), то ему должны остальные члены семьи повиноваться „какъ старшему“.

Цѣль, которая соединяетъ эти искусственныя семейныя общины,—это общій трудъ: одинъ изъ участниковъ имѣетъ землю, но почему либо неуспѣшно ее обрабатываетъ, за неимѣніемъ ли скота, посѣвовъ и т. п. Входящій въ соглашеніе приноситъ не только свой трудъ, который онъ полагаетъ на обработку земли, но также и кое какое имущество, и за то получаетъ, конечно, право на имущество, приобретаемое съ момента договора общими трудами. Поэтому имущественныя отношенія играютъ огромную роль въ такой семьѣ. Не только движимое имущество становится общимъ достояніемъ, но и земля. Срокъ договора, подразумеваемый, или же прямо выраженный въ условіи,—смерть одного изъ контрагентовъ. Если этотъ срокъ выполненъ, то сдольникъ или его наслѣдники приобретаютъ такіа же права на землю, какъ и члены семьи—родственники.

Права сдольника на землю въ народномъ представленіи имѣютъ большое значеніе, и волостной судъ, хотя иногда стороны и не были связаны формальнымъ условіемъ, хотя такая передача надѣльной земли и не находила себѣ одобренія въ средѣ членовъ крестьянскихъ присутствій, тѣмъ не менѣе прилагаетъ всѣ усилія для подтвержденія правъ сдольника, выдѣляя ему части земли наравнѣ съ прямыми наслѣдниками¹⁾. Если наслѣдни-

¹⁾ Приводимъ одно изъ такихъ рѣшеній (Горбач. вол.): „Кресг. дер. Сычкова Осипъ Рудакъ жаловался на односельца своего Антона Рудака, который захватилъ противозаконно въ свою пользу двѣ трети изъ участка земли, который получалъ въ надѣлъ при дѣйствіяхъ Люстраціонной коммисіи его нынѣ покойный отецъ Коратій, а ему оставилъ въ пользованіе лишь одну третью часть. Такъ какъ Антонъ Рудакъ былъ только сдольникомъ его отца, то онъ, считая себя прямымъ наслѣдникомъ на оставшуюся послѣ смерти отца землю, проситъ судъ предоставить ему право пользоваться еще одною третью частью, т. е. двумя третями земли.—Сиротенный Антонъ Рудакъ показалъ, что онъ не желаетъ дать Осипу земли для пользованія потому, что у него большая семья и кромя, что землею онъ пользуется уже довольно долгое время.—*Справка* по ревизской сказкѣ по дер. Сычковѣ подъ № 2 имѣется слѣдующая запись: Коратій Яковлевъ Рудакъ—умеръ; его сыновья: 1. Иванъ—умеръ, 2. Осипъ 12 лѣтъ.—Антонъ Петровъ 27 л., его сыновья: 1. Иванъ 2 л., и 2. Викторъ 1 годъ.—По выкупуному акту по дер. Сычкова подъ № 1 на имя Кирилла Яковлева Рудака записанъ участокъ земли въ 22, 18, десят.—Антонъ Рудакъ добавилъ, что

ковъ нѣтъ, то земля вся должна перейти къ сдольнику. Иногда подобныя сдѣлки разстраиваются до срока; въ такомъ случаѣ удовлетвореніе обѣихъ сторонъ судомъ зависитъ отъ условій договора и отъ причинъ, почему семья разстроилась. Такъ, какъ видно изъ одного рѣшенія, дядя принялъ племянника „въ помощь къ себѣ“ (значитъ, въ качествѣ сдольника), но послѣдній ушелъ, причѣмъ все таки получилъ отъ дяди шесть десятинъ земли. Въ другомъ случаѣ было заключено условіе, срокъ котораго истекъ съ смертю принявшаго; земля должна была перейти въ личное владѣніе сдольника, но стороны, вслѣдствіе ссоры, разошлись, и сдольникъ получилъ обратно только внесенныя имъ деньги. Иногда, впрочемъ, сдольникъ, развъ условіе нарушено при такихъ обстоятельствахъ, что раздѣлъ земли невозможенъ, требуетъ отъ принявшаго его хозяина плату за проработанное время,—и судъ въ такихъ случаяхъ никогда не отказываетъ.

Въ этомъ отношеніи, очевидно, принимается въ расчетъ трудъ, положенный семейникомъ на обработку земли,—принципъ, котораго держатся бѣлоруссы и въ другихъ случаяхъ, какъ ниже увидимъ.

Всякая семья или семейная община, естественная или искусственная, имѣетъ своего представителя. Онъ не носитъ опредѣленнаго названія, какъ большакъ въ великорусской, или домашній въ сербской общинѣ; названіе, которымъ опредѣляютъ такого представителя семьи,—это *хозяинъ*, *бацька* для сыновей, *дядька* для живущихъ въ семьѣ младшихъ родственниковъ и пріемныхъ членовъ. Значеніе такого хозяина опредѣляется прежде всего тѣмъ, что онъ заводитъ всѣми мужскими въ домѣ работами. Отъ него зависитъ, какъ распределить работу, кому какое назначить дѣло, что именно дѣлать въ тотъ или другой день и т. д. Распредѣленіе работъ дѣлается съ вечера, за ужиномъ. Старшіе въ семьѣ, взрослые сыновья, братья или семейнины въ общинѣ, принимаютъ участіе въ домашнихъ совѣтахъ по поводу работъ, но только въ болѣе важныхъ случаяхъ. Передъ началомъ запашки, жатвы, сѣнокоса, передъ продажей хлѣба, покушкой скота, постройками и т. п., хотя домашніе и обмѣниваются мыслями не разъ и уже успѣютъ согласиться даже на этотъ счетъ, но все таки хозяину надлежитъ официально начать объ этомъ рѣчь за ужиномъ, если за дѣло предстоитъ приняться въ слѣдующій же день, или въ воскресенье за обѣдомъ. Передъ жатвою, сѣнокосомъ и пр. хозяинъ еще разъ отправляется

этой землею онъ пользуется уже 17 лѣтъ.—Волостъ судъ, по выслушаніи сторонъ и наведенной справкѣ изъ ревизскихъ сказокъ и выкупныхъ документовъ, руков. 107 ст. о Полож. предлагалъ дѣло кончить миромъ; но за неопредѣленіемъ такого, разрѣшилъ настояще дѣло, судъ нашелъ, что Осипъ Рудакъ до настоящаго времени не простираетъ претензій къ Антову Рудaku за землю и что Антонъ Рудакъ по его показанію пользуется этой землею уже около 17 лѣтъ, а потому судъ рѣшилъ: въ жалобѣ Осипу Рудaku отказать. Подписи судей“.

осмотреть поле, лугъ, приносить съ собою нѣсколько колосевъ, травы; передъ закупкою чего нибудь, или передъ продажою онъ еще разъ спрашивается, хотя-бы раньше и то и другое и третье ему было извѣстно,—и тогда уже начинается рѣчь, сообщивши результаты предварительныхъ развѣдокъ. Отвѣчаютъ прежде всего старшіе члены семьи, наконецъ высказываетъ свое мнѣніе хозяинка, а хозяинъ дѣлаетъ уже распоряженіе; распределение обычныхъ работъ на слѣдующій день дѣлается безъ совѣта, самими хозяиномъ. Но никакой работы не могутъ предпринимать даже старшіе члены семьи безъ порученія хозяина. Если кто либо изъ семьи находитъ нужнымъ то или другое сдѣлать, считается, что уже пора начать ту или другую работу, то онъ только сообщаетъ объ этомъ хозяину, предлагаетъ ему сдѣлать соответствующее распоряженіе. Хозяинъ почти всегда бываетъ и казначеемъ семьи; у него хранятся общія деньги, онъ получаетъ выручки отъ продажи, производитъ и платежи и т. п. Впрочемъ, иногда этимъ заведуетъ хозяйка. Наконецъ, ему-же принадлежитъ наблюденіе за поведеніемъ молодыхъ членовъ семьи; онъ слѣдитъ за дочерями, своими и своихъ сообщинниковъ, слѣдитъ за ихъ нравственностью, за поведеніемъ парней, заставляетъ лѣнливыхъ работать, наказываетъ провинившихся; отпускаетъ на заработки свободныхъ отъ общихъ работъ, отдаетъ внаймы младшихъ членовъ, если это оказывается нужнымъ и т. п. Одинъ изъ моихъ корреспондентовъ сообщаетъ, что онъ въ Пинскомъ и Мозырскомъ уѣздахъ встрѣчалъ семьи въ 40 душъ, а въ др. уѣздахъ душъ по 25, и вездѣ въ такихъ семьяхъ, воли отца, матери или старшаго дяди, вообще, самаго старшаго въ семействѣ члена, священна для всего семейства; безъ его воли ничто важное не бываетъ въ семействѣ, при спорахъ члены присѣгають къ его посредству¹.

Хозяинъ вооруженъ знаками уваженія и почета. Онъ садится за столомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ¹ „на кутъ“—въ углу подъ образами, такъ что сидѣть на кутѣ—синонимъ хозяина дома; прочіе члены по старшинству, рядомъ съ нимъ, женщины на противоположной сторонѣ стола, хозяйка всегда съ краю. Онъ представитель и хранитель домашнего благочестія; онъ творитъ общую молитву передъ пищей и начинаетъ самъ есть, а за нимъ остальные члены по старшинству. Онъ же наблюдаетъ за соблюдениемъ праздниковъ и всѣхъ необходимыхъ обрядовъ; среди послѣднихъ особенно важная роль хозяина тамъ, гдѣ выражается почитаніе душъ умершихъ предковъ; онъ во время „дзядо“ (поминальная вечера) послѣ молитвы призываетъ души умершихъ „дзядо“, бабокъ“ „на вечеру“, отливаетъ имъ часть пищи на столъ, ставитъ ее за окно на ночь и пр. Подобные же обряды совершаются имъ и послѣ смерти кого-нибудь изъ членовъ семьи¹).

¹ Ср. Довнаръ Запольскій, Замѣтки по бѣлорусской этнографіи, Живая Старина.

Несомнѣнно, что въ этихъ чертахъ бѣлорусскаго хозяина легко узнать великорусскаго большака, сербскаго домочина, вообще на немъ лежатъ черты древняго домовладыки. Однако, власть хозяина въ семьѣ не бываетъ деспотической, потому что всякая несправедливость съ его стороны, всякое угнетеніе кого либо изъ членовъ, немѣлкое распоряженіе имуществомъ, неопытность его въ работахъ, лѣнны, пьянство и т. п. неминуемо ведутъ за собою общій протестъ членовъ, который кончается раздѣломъ или, въ рѣдкихъ случаяхъ, тѣмъ, что дѣла въ свои руки беретъ старѣйшій изъ членовъ, напр., второй братъ или-же старшій сынъ при отцѣ. Хозяинъ можетъ и долженъ дѣлать лишь то, что требуется общимъ интересомъ семьи, и только въ этомъ отношеніи и съ этою цѣлью остальные члены ему повинуются. Хозяинъ въ то же время долженъ быть умѣлымъ и хорошимъ работникомъ, чтобы имѣть право наставлять и понуждать другихъ. При кособѣ, напр., хозяинъ всегда становится первымъ, съ правой стороны отъ него остальные: отъ скорости работы перваго косара зависитъ работа остальныхъ, такъ какъ эти равняются съ первымъ и т. п. Хозяинъ является представителемъ и приобретателемъ общаго семейнаго имущества, но онъ не можетъ имъ распоряжаться во вредъ семьи.

Для подтвержденія сказаннаго о власти главы семьи—независимо отъ его родственныхъ отношеній,—мы приведемъ характерную выдержку изъ одного судебного рѣшенія. По поводу жалобъ младшихъ членовъ семьи на главаря-сольника, „судъ постановилъ: такъ какъ въ хозяйственномъ быту необходимо, чтобы одинъ изъ членовъ семейства былъ главою и наблюдалъ за хозяйственнымъ порядкомъ, а прочіе члены должны подчиняться его власти и исполнять беспрекословно всѣ его законныя распоряженія, безъ чего не можетъ быть должнаго порядка въ хозяйствѣ, а потому, Осипу (жаловавшемуся на главаря), какъ много младшему противъ Антона, внушить повиновеніе къ Антону, какъ старшему члену и извѣстному своимъ хорошимъ поведеніемъ; а за ругательство наказать Осина 10 ударами розогъ; а Антона жену, какъ дозволившую присваивать себѣ болѣе власти, чѣмъ указываетъ законный порядокъ, посадить на одни сутки въ карцеръ; Антона же за данное послабленіе своей женой оштрафовать въ 75 коп. въ мірскую сумму“ (Бобр.). Таковъ сложный приговоръ суда. И эта мотивировка не случайна—она только подробнѣе другихъ. Въ нашихъ рѣшеніяхъ мы можемъ указать цѣлый рядъ аналогичныхъ поученій и словесныхъ и тѣлесныхъ строптивымъ младшимъ членамъ семьи. Судъ обязываетъ младшаго брата „во всемъ повиноваться и слушаться старшаго брата“, слушаться отца, старшаго родственника и пр.—повторяется въ очень многихъ рѣшеніяхъ.

Въ отношеніи имущества отецъ или вообще главарь не можетъ распоряжаться землею произвольно, не можетъ ни продать ее, ни передать.

(Дерн. в.), и даже если онъ продать при малолѣтствѣ дѣтей, то судъ признаетъ такую продажу недействительной и возвращаетъ землю законному наслѣднику (Пин. и Рѣч.) Впрочемъ, за дурное поведение сына, сопротивленіе отцовской власти, родители могутъ лишить его по крайней мѣрѣ части всего имущества, передавъ остальное чужому лицу,—такие случаи намъ извѣстны изъ рѣшеній пѣкаторскихъ судовъ; хотя бывали ли случаи полного лишенія наслѣдственного имущества, неизвѣстно. Юридическое значеніе отца прекращается надъ сыновьями съ момента раздѣла его съ ними: если онъ продолжаетъ заниматься хозяйствомъ, то оставляетъ себѣ равную часть съ сыновьями. По одному дѣлу сынъ жаловался на своего брата и отца: при раздѣлѣ отецъ не далъ ему равной части гумна и хлѣба и прешаствовалъ ему владѣть третьей частью сѣнокоса. Судъ удовлетворилъ просьбу сына, признавъ права сына на $\frac{1}{3}$ всего имущества (Пин.); то-же подтверждается и другими случаями. Разъ отецъ раздѣлилъ сыновей при своей еще жизни, то для него остается лишь сфера нравственного вліянія. Онъ можетъ, поселившись при одномъ изъ сыновей, помогать ему въ работѣ, совѣтати и пр.

Разумѣется, если семья не распалась со смертію отца, то она продолжаетъ существовать въ видѣ общины. Хозяиномъ въ такомъ случаѣ становится кто-либо изъ старшихъ членовъ—братъ умершаго, старшій сынъ, семейникъ или примакъ, если нѣтъ братьевъ или взрослыхъ сыновей покойнаго. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ распорядительницей хозяйства дѣлается мать семейства, жена умершаго; это не считается правиломъ и болѣе или менѣе высокое положеніе хозяйки по смерти мужа зависитъ отъ ся личныхъ качествъ. Въ такомъ случаѣ старшій изъ мужскихъ членовъ всетати распоряжается мужскою работою, но общія деньги и общій хлѣбъ переходить въ руки хозяйки. Случаевъ избранія главара мыъ не приходилось встрѣчать, и его, кажется, не бываетъ. Дѣло, повидимому, устраивается само собою, а не устроится—слѣдуетъ раздѣлѣ. Такъ, напр., въ рѣшеніяхъ судовъ встрѣчаемъ указанія, что старшимъ въ семьѣ былъ примакъ, племянникъ умершаго сродника и пр. Во всякомъ случаѣ, вновь признанный хозяйнъ, хотя и не отецъ всей семьѣ, пользуется всѣми правами хозяина, и власть и значеніе его тѣмъ болѣе, чѣмъ въ болѣе близкомъ родственномъ отношеніи онъ находится ко всей семьѣ, напр., если онъ старшій изъ братьевъ. Вліяніе такихъ представителей семьи, какъ отчимъ, примакъ, семейникъ, всецѣло зиждется на ихъ умѣнн управлѣть. Во всякомъ случаѣ, народный обычай признаетъ за такимъ хозяиномъ полныя права; судъ наказываетъ пасынка за непочтеніе къ отчиму, не разрѣшаетъ раздѣла, требуемаго младшими членами, при нежеланіи дяди-главаря (напр., Пин.) или старшаго брата и т. п.

Въ семьѣ поддерживается самое строгое распредѣленіе труда на муж-

скія и женскія работы. Мужскими работами считаются: запашка, посѣвъ, борошеніе, косыба, возка сѣна и сноповъ съ дуга и поля, молотѣба, досмотръ скота зимою, возка и рубка дровъ, наконецъ, изъ приготовленія одежды—заготовленіе лаптей. Женщины обязаны готовить пищу для всей семьи, носить воду, засѣвать огородъ, дѣлать на немъ гряды, полоть его, полоть лентъ, картофель, копать картофель, и выдергивать аент на полѣ, убирать коношлю, жать хлѣбъ; ткать сукно и полотно, и пить бѣлье всей семьѣ, смотрѣть за молочными продуктами. Въ заведываніи женщинъ находится носильное бѣлье и вообще платье. Кромѣ того въ большихъ же семьяхъ существуетъ еще болѣе мелкое распредѣленіе труда, сообразно возрасту и умѣнью членовъ. И это раздѣленіе наблюдается точно, особенно въ большихъ семьяхъ и общинахъ. Но въ малыхъ семьяхъ работы мужа, жены и дочерей часто перепутываются, и не рѣдко встрѣтитъ дѣвушку, которая прекрасно коситъ, молотитъ, пашетъ и т. п. Во всякомъ случаѣ это вызывается лишь настоятельною потребностью и безъ нужды никто не вмѣшется въ работу другого. Дѣлать для мужчины женскую работу считается даже «заворнымъ». Мужчина самъ ни за что не станетъ доставать изъ печушннцы: для этого должна придти хозяйка или невістка, которой поручено приготовленіе пищи (это занятіе принадлежитъ старшей женщинѣ въ семьѣ и только въслѣдствіе старости самой хозяйки передается старшей невісткѣ или братовой). Мужчина не можетъ достать изъ сундука бѣлья, хлѣба или сала передъ отправленіемъ въ дорогу—все это дѣло хозяйки¹⁾.

Какъ хозяйннъ является главнымъ распорядителемъ мужскихъ работъ, такъ хозяйка, мать для родныхъ дѣтей, «пѣтка» для старшихъ членовъ общины, и «баба», «хаджайка» для равныхъ,—является распорядительницею всей женской половины общины. Она обыкновенно бываетъ самая старшая въ домѣ женщина, чаще всего жена хозяина. Она, какъ уже было сказано, иногда является представительницей общины. Народный судъ въ такихъ случаяхъ поддерживаетъ ее. Такъ, однажды мать заявила суду, что старшій сынъ ея и его жена желаютъ раздѣла, а она и младшій сынъ и его

¹⁾ Чтобы представить себѣ эту строгость въ распредѣленіи занятій, я приведу одинъ случай. Случилось мнѣ быть въ гостяхъ у одного старика, старшины волости. Отъ него мы вмѣстѣ возвратились въ волостное правленіе и на слѣдующій день условились проѣхать яловое въ сосѣднее село. Вдругъ старикъ заявляетъ, что ему еще нужно «обгѣять» домомъ (версѣ за 10). «Зачѣмъ?»—«А яже, объяснилъ онъ,—завтра являлся, а я побѣду на своей волости у грязной сарочѣ и штаняхъ?»—«Ижежъ я начальство буду?»—добавилъ онъ смѣясь.—«Такъ отчего-же вы не наѣхали дома: вѣдь мы только что были у васъ?»—«Э, да на было хаджайки (старшей невістки). Яна мые и шѣ, яна дае, а я хоба што знаю?»—объяснилъ онъ. Я воспользовался случаемъ поразспросить его, почему существуетъ то или другое расиредѣленіе обязанностей въ семьѣ. Сущность его объясненій сводится къ тому, что «што хто зрабуйт на хозяйства, нахай той и выдае усимъ».

жена не желают; старший сын с женою служить причиной ссоръ въ семьѣ. Тогда судъ не только приказалъ имъ жить нераздѣльно, но опредѣлилъ старшаго сына наказать 16 ударами розогъ, а его жену четырехдневнымъ арестомъ.

Положеніе женщины въ бѣлорусской семьѣ далеко не можетъ быть названо угнетеннымъ. Она является полною хозяйкой въ своей сферѣ, помщицей и совѣтницей мужа. По отношенію къ дѣтямъ народный взглядъ требуетъ также полного почтенія со стороны послѣднихъ къ матери. Дѣти вообще находятся на ея пощеніи; только парни, лѣтъ съ 14, когда они уже подростаютъ на столько, что годятся для болѣе легкихъ работъ при обработкѣ земли, напр., боронятъ, возятъ снопы, сѣно и пр. переходятъ въ непосредственное распоряженіе домохозяина. До этого же времени они, а дѣвушки до самаго выхода замужъ, находятся исключительно въ вѣдѣніи матери; въ то-же отношеніе становятся и невѣстки, хотя положеніе послѣднихъ нѣсколько тяжелѣе. Мать также обязана приготовить для дочери приданое. Юридическое положеніе женщины сводится къ тому, что она можетъ и землю, если останется на родительскомъ хозяйствѣ, о чемъ мы будемъ говорить подробнѣе ниже. Она же признается опекушкой своихъ дѣтей до ихъ совершеннолѣтія, считается въ это время полною хозяйкой въ распоряженіи землей и др. имуществомъ. Сдѣланныя матерью во время малолѣтства дѣтей, признаются законными и не подлежатъ отменѣ. Такъ, по одному дѣлу вдова вошла въ соглашеніе съ деверями относительно раздѣла земли; черезъ пять лѣтъ сыновья заявили недовольство раздѣломъ, но судъ въ ихъ искъ отказалъ (Пин.).

Какъ участникъ въ общемъ трудѣ, женщина получаетъ права на имущество, приобретенное общими ея съ мужемъ трудами. Но она лично не имѣетъ никакого права на имущество, которое взято мужемъ изъ его семьи, составляло его семейную собственность. Такъ, одно рѣшеніе волостного суда дало такой результатъ: Семенъ Мяликъ жаловался на второго мужа своей братовой, жены умершаго его брата Антона, въ томъ, что та завладѣла строениями, столярными инструментами, коровою и пр. имуществомъ его покойнаго брата. На судѣ обвиненіе подтвердилось, но выяснилось и то, что имущество приобретено мужемъ и женою вмѣстѣ, кромѣ коровы и столярныхъ инструментовъ. И судъ предоставилъ вдовѣ, хотя у нея и не было дѣтей, владѣть благоприобрѣтеннымъ имуществомъ, а корову и инструменты, „какъ взятые покойнымъ нынѣ Антономъ Мяликомъ отъ своихъ родителей, за неоставленіемъ послѣ себя дѣтей покойнымъ, возвратить въ домъ родителей покойнаго“ (Пин.).

Другое дѣло указываетъ, что жена по мужу наследуетъ часть имущества, приобретеннаго совместно на землѣ т. е. хлѣба и пр. (ib).

Вислѣдствіи еще разъ мы коснемся правъ наследованія женщины; но для настоящей нашей цѣли приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть равноправное положеніе мужа и жены въ имущественномъ отношеніи, равнымъ образомъ и сравнительно высокое ея нравственное положеніе относительно дѣтей и мужа.

Чтобы покончить съ характеристикой положенія старшихъ членовъ семьи, здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о престарѣлыхъ и вдовыхъ ея членахъ. Разъ семья не раздѣлилась, то престарѣлые члены ея живутъ, разумѣется, въ ней. Если отецъ дѣлается старъ, завѣдывать хозяйствомъ не хочетъ, онъ передаетъ его старшему сыну. Съ этого момента отецъ не властенъ распоряжаться имуществомъ и землею. Все его значеніе въ домѣ сводится на то нравственное вліяніе, которое онъ можетъ оказывать. Если сыновья затѣваютъ раздѣлъ, то онъ не можетъ воспрепятствовать ему, разъ всѣ согласны; онъ вправѣ требуетъ себѣ лишь извѣстную часть имущества на прокормленіе. Родители обыкновенно напередъ, передавая хозяйство сыну, выговариваютъ себѣ извѣстную часть имущества, которую они передадутъ тому изъ сыновей, у котораго будутъ жить. Если же этого они не сдѣлаютъ почему либо, то судъ самъ, въ случаѣ споровъ, дѣлаетъ такой выдѣлъ. Такъ, по одному дѣлу, судъ удержалъ изъ общаго имущества въ пользу старика отца амбаръ, который старикъ долженъ былъ отдать своей замужней дочери съ тѣмъ, чтобы она его до смерти одѣвала, а невѣстка (сынъ умеръ) получила шубу съ тѣмъ, что она должна кормить старика (Пин.). Но эта семья была безземельная. Въ другихъ случаяхъ отцу выдѣляется еще участокъ земли. Такъ, по одному рѣшенію изъ Рѣчицкаго у., видимъ, что отецъ, состарѣвшись, оставилъ себѣ участокъ земли и поселился у младшаго сына. По смерти отца судъ присудилъ младшему сыну $\frac{2}{3}$ отцовскаго участка, а $\frac{1}{3}$ старшему; мотивъ тотъ, что отецъ былъ бо-
лѣзненный (значитъ, не могъ помогать въ работѣ), и содержалъ его младший сынъ безъ помощи старшаго.

Тотъ же принципъ приводится и въ другихъ рѣшеніяхъ. Такъ, по одному рѣшенію изъ Пинскаго у. отцу была оставлена на прокормленіе $\frac{1}{4}$ часть земли, которая и досталась кормящему его сыну (Пин.). За старую—матерью въ этомъ случаѣ, кажется, не признается права оставлять за собой часть земли (если произошелъ раздѣлъ, хотя бы по распоряженію ея покойнаго мужа), но за то судъ обязываетъ сыновей кормить и одѣвать ее до смерти. Имѣющееся у насъ по этому поводу рѣшеніе говоритъ, впрочемъ, глухо: оно не разъяснило сыновьямъ раздѣлиться вообще, но обязало содержать мать при себѣ (Пин.). Матери чаще всего выдѣляется часть изъ строеній, скота и хлѣба, передаваемыхъ ею тому сыну, у котораго она поселяется. Сынъ, у котораго селятся старики всегда бываетъ младшій, ему же достается отцовская селитба. Разсчета, заставляющій придерживаться кре-

стынь этого обычая, заключается въ томъ, что младшій сынъ всегда моложе, семья у него меньше, и какъ бы ни стары были родители, все-таки ихъ трудъ можетъ пригодиться въ малой семьѣ.

Что касается вдовыхъ членовъ семьи, то вопросъ о вдовѣ не имѣетъ особеннаго интереса. Если вдовецъ имѣетъ малолѣтнихъ дѣтей, онъ, независимо отъ своего возраста, женится нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти своей жены. Правда, вдовецъ очень рѣдко женится на дѣвушкѣ; развѣ очень бѣдной, опороченной или съ какимъ нибудь физическимъ недостаткомъ. Вдовецъ и вдова—обычная пара. Если же вдовецъ имѣетъ взрослыхъ дѣтей, то его юридическое положеніе въ семьѣ не измѣняется со смертью жены.

Положеніе вдовы—совсѣмъ другое. Въ немъ надо различать нѣсколько сторонъ: надо различать положеніе старой женщины, остающейся вдовой послѣ раздѣла дѣтей, или когда раздѣлъ произойдетъ уже при ней, и положеніе вдовы, остающейся главою семьи, до ея раздѣла, или опекушкой при подрастающихъ дѣтяхъ. Объ обоихъ случаяхъ мы уже говорили, а объ опекѣ рѣчь будетъ впереди. Если же женщина остается вдовой при малолѣтнихъ дѣтяхъ послѣ раздѣла семьи ея мужа, то она вступаетъ въ управленіе хозяйствомъ и можетъ принять къ себѣ въ домъ примака или сдольника. Она является хозяйкою въ домѣ, распоряжается семейнымъ имуществомъ, и даже отецъ покойнаго мужа не можетъ отнять этого имущества¹⁾.

1) Сопшемся на слѣд. примѣръ изъ рѣшеній Телеханской вол. Пин. у.: «Борисъ Курятникъ жаловался словесно волостному суду на жену сына своего, нынѣ умершаго Купріана, Людмилу о неоплатѣ ему, Борису, амбара и одрины и избѣ, которая строенія имъ были построены при жизни сына.—Вслѣдствіе жалобы Бориса Курятника была спрошена крестьянка Людмила Ятковская, которая показала: что она не въ состояніи дать ему требуемаго строенія, такъ какъ имѣетъ четверыхъ дѣтей, безъ земли, а содержать его при себѣ она не отказывается. По выслушаніи жалобы Бориса Курятника, и показанія Людмилы Ятковской, волостной судъ, состоящій изъ трехъ судей, предложилъ обѣимъ сторонамъ примириться, но обѣ стороны не примирились. Рѣшилъ: Людмила Ятковская обязана отдать Борису Курятнику амбаръ съ тѣмъ, чтобы онъ, Курятникъ, таковой передавъ дочери своей Евдокии, которая обязана будетъ одѣвать его до смерти; жить же Курятникъ долженъ у Людмилы Ятковской, которая обязана его кормить и уплачивать всѣ повинности за него до смерти и послѣ оной, если будетъ требоваться».

Въ данномъ случаѣ дѣло усложняется попеченіемъ о престарѣломъ отцѣ. Дѣло обстоитъ такъ: отецъ выдѣлилъ сына и дочь, слѣдовательно, распоряжаться имуществомъ уже не можетъ. По смерти сына, онъ хочетъ отнять имущество отъ семьи покойнаго, чему судъ воспрепятствовалъ однако. По отношенію къ престарѣлому отцу на вдовѣ его сына лежатъ обязанности поддерживать старика, который въ данномъ случаѣ раздѣлялъ между невѣсткою и дочерью, оставивъ однако основную долю имущества въ семьѣ покойнаго сына, равно какъ и главѣйшія обязанности по отношенію къ отцу. Однимъ словомъ, судъ смотритъ на вдову точно также, какъ смотритъ на отношенія сына—хозяина къ отцу.

Иное дѣло, если вдова выходитъ замужъ на другой надѣлъ; въ такомъ случаѣ земля остается за наслѣдниками, а права вдовы на распоряженія семейнымъ имуществомъ прекращаются.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ вдова бываетъ хозяйкою въ домѣ мужа. Но если женщина остается вдовой до раздѣла, положеніе ея совсѣмъ иное. Связь, скрѣпившая ее съ семейемъ мужа, порвалась. Ей предстоитъ дилемма: или оставаться въ семьѣ мужа въ качествѣ работницы, или же удалиться въ родную семью. Наблюденія надъ практикою народной жизни показываютъ, что послѣдній исходъ является наиболѣе обычнымъ. Въ имущественномъ отношеніи, вдова не имѣетъ правъ на общинное имущество ея мужа; по свое приданое и все, что было приобретено ею лично въ семьѣ мужа, вдова получаетъ обратно; точно также она имѣетъ право на движимое имущество, приобретенное ею совмѣстнымъ съ мужемъ трудомъ, о чемъ мы уже говорили; наконецъ, иногда вдовѣ предоставляется право требовать отъ семьи покойнаго мужа плату за проработанное время.

Но нѣтъ никакихъ данныхъ на то, чтобы вдова, удаляющаяся изъ семьи мужа, могла рассчитывать на полученіе части изъ семейнаго имущества, въ видѣ временнаго или постояннаго пособия, на прокормленіе себя лично. Весь вопросъ въ дѣтяхъ: вдова можетъ ихъ взять съ собою, можетъ и оставить ихъ въ семьѣ мужа. Семья покойнаго обязана дать на прокормленіе дѣтей, «на воспитаніе», какъ выражаются судебныя рѣшенія. Пособіе это бываетъ одновременное или, рѣже въпрочетъ, постоянное. Такъ, изъ одного рѣшенія видно, что вдовѣ на «воспитаніе» ребенка судъ присудилъ корову, цѣною въ 5 р., и подлѣ-кошны ржи въ 2½ р.; въ другомъ—по осмнѣи овса и гречихи, по чашкѣ ржи, ячменя, пшеницы, двѣ бочки картофеля и телушкы.

Перейдемъ къ положенію дѣтей въ семьѣ.

Дѣти съ раннихъ лѣтъ исполняютъ тѣ или другія хозяйственныя обязанности, и чѣмъ семья меньше, тѣмъ раньше крестьянскій подростокъ знакомится съ суровымъ трудомъ. Съ пяти лѣтъ ребенокъ нянчить своихъ крохотныхъ братьевъ и сестеръ, съ 7—8—онъ уже пастухъ, идетъ за возомъ и пр.; съ 12 лѣтъ для мальчика начинаются первыя упражненія въ земледѣліи: онъ сгребаетъ сѣно, боронитъ, съ пятинадцати лѣтъ берется за плѣгъ, косу, а еще года черезъ два и за соху, такъ что къ 20 годамъ онъ уже хлѣборобъ, прошедшій всѣ академическіе курсы крестьянскаго хозяйства. Дѣвушка къ 16—17 гг. знаетъ женскія работы. Разумѣется, интенсивность труда подростковъ всецѣло зависитъ отъ состава и экономическаго благосостоянія семьи.

Юридическія права дѣти получаютъ, по народному взгляду, только съ момента вступленія въ бракъ. До этого времени они не влѣчиваются

въ общую семейную жизнь, съ нихъ меньше и требуется¹⁾. Но тѣмъ не менѣе за ними признается право частной собственности, если они успѣютъ ее приобрести отдѣльною работою; особенно много удобствъ для такихъ приобретений предоставляется дѣвушкамъ: она должна копить приданое; почти всегда въ этомъ ей помогаетъ сама мать. Такими источниками служатъ издѣлья женскаго труда. Женщины обращаютъ въ свою исключительную пользу излишекъ отъ продажи произведеній, которые ими обрабатываются. Онѣ обрабатываютъ и продаютъ ленъ, коноплю, выдѣлываютъ изъ нихъ полотно и нитки, отдѣляя лишь въ пользу семьи столько, сколько нужно для одежды, а изъ конопли—столько, сколько мужчинамъ нужно на веревки, шнурки. Особенно распространено выдѣлываніе конопли. Имъ же идетъ часть огородныхъ овощей, которая онѣ продаютъ, а также молочные продукты и шерсть, получаемые со скота, который привела мать въ приданное отъ своихъ родителей. Наконецъ, собирая грибы, ягоды и орѣховъ доставляетъ также женской половинѣ не малый доходъ. Всѣми этими путями накапливается имущество, находящееся въ исключительномъ владѣніи женщинъ семьи, изъ котораго выделяется дочерямъ приданое. Въ подгородныхъ селахъ малоземельные родители отдають своихъ сыновей и дочерей въ наемъ, при чемъ, смотря по обстоятельствамъ, деньги то поступаютъ въ общую казну, то составляютъ частную собственность дѣтей, то, наконецъ, семья только беретъ часть изъ нихъ. Это зависитъ отъ того, съ какою цѣлью хозяинъ отпускаетъ члена семьи на заработки, на какихъ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе дѣти, до вступленія въ бракъ, фактически не владѣютъ своими приобретениями; они сдаютъ ихъ матери и получаютъ только при женитьбѣ; деньги, нужные на украшения, выдаетъ мать. Такъ какъ за дѣтьми не признается юридическихъ правъ, то они не могутъ лично вступать въ какия бы то ни было обязательства. Сынъ, дочь отдаются въ наемъ отцомъ или матерью, и за исправное отбываніе ими службы отвѣчаетъ отецъ, и онъ же получаетъ слѣдующія за наемъ деньги независимо отъ того, въ чью пользу онѣ пойдутъ. Такъ, крестьянинъ Телеханской волости с. Богдановки жаловался волостному суду на другого крестьянина, „который отдалъ сына своего Данила въ работники ему, Богдановичу, съ условіемъ въ годъ жалованья 11 р. и шанокъ картофеля“. Но сынъ черезъ три недѣли ушелъ со службы, а отецъ отдалъ его другому хозяину. Отецъ и сынъ оправдывались тѣмъ, что сынъ ушелъ „по своей охотѣ“. Но судъ, „за дозволеніе сыну самовольно оставлять службу“, взыскалъ съ отца убытковъ въ пользу истца 3 р., и штрафъ въ пользу волости въ 1 р. По другому рѣшенію видно, что отецъ отдалъ въ наемъ сына за 24 р. въ годъ и взялъ впередъ плату хлѣбомъ и скотомъ; сынъ ушелъ со службы, и судъ приговорилъ взыскать

¹⁾ Они „отгуливають свое“, какъ говорятъ бѣлоруссы.

деньги съ отца. Равными правами повсемѣстно пользуются и въ равныхъ условіяхъ считается по отношенію къ дѣтямъ и мать, отъ которой также зависитъ отдача въ наемъ дѣтей¹⁾. Точно также отецъ или мать отдають дѣтей въ обученіе²⁾ ремесленнику.

¹⁾ Для примѣра приводимъ образецъ такого условія изъ Горбавей. вол. Бобр. у. 1877 года Января 18 дня. Мы, нижеподписавшіеся, съ одной стороны Иванъ Вериго и помѣщикъ Доменикъ Вириша заключили условіе въ слѣдующемъ: 1, Я, Иванъ Вериго, имѣя сына по имени Антона, *отдалъ въ услуженіе помѣщику Вириши на два года*, срокъ службы долженъ считаться съ 1 Апрѣля 1877 г. при чемъ ставлю въ обязанность моему сыну Антону, что онъ долженъ повиноваться во всемъ Виришѣ и его женѣ; въ случаѣ неповиновенія я принимаю обязанность на себя, какъ отецъ, заставить сына своего быть вѣжливымъ человѣкомъ, по службѣ исполнять все, что будутъ отъ него оны требовать гг. Вириши; во время службы сына черезъ два года бѣлые, какъ то: рубахи и подштанники обязуюсь давать самъ, а верхнюю одежду—свиту, кожу и штаны должны быть помѣщика, харчи для сына долженъ быть помѣщика хорошаго качества. За службу сына Вириша долженъ мнѣ ежегодно уплатить по тридцати рублей и деньги всѣ сполна за два года долженъ уплатить впередъ. Прогрѣльныхъ дней быть не должно, въ случаѣ таковыхъ по какимъ либо причинамъ окажутся, то сынъ мой тѣ дни долженъ отслужить послѣ окончанія срока службы.—На случай если мой сынъ сдѣлаетъ какое либо преступленіе или воровство, то я, какъ отецъ, отвѣтственность принимаю на себя, а если сынъ броситъ службу у помѣщика Вириши, въ такомъ случаѣ я подвергаю себя штрафу 25 рублей.—2, Я, Вириша принимаю къ себѣ въ услуженіе сына Ивана Вериго. Авто-на, и на все сказанное въ 1 пунктѣ условія согласенъ.—Подписи.

²⁾ Приведемъ для примѣра одно изъ такихъ условій изъ той же волости (сдѣлка 1876 г.): Мы нижеподписавшіеся крест. дер. Богушовки Федора Перегудова и житель дер. Богушовки еврей Берка Иоселевъ заключили условіе въ слѣдующемъ: 1, Я, Перегудовъ, будучи вдовцомъ и имѣю дѣтей, коихъ съ трудомъ могу пропитать, и не имѣя малѣйшаго хозяйства и собственной земли, за лучшее обдумалъ: Старшаго сына отдать въ обученіе какого нибудь ремесла, а какъ въ дер. Богушовецъ постоянно проживающій кузнецъ Еселевъ, то для обученія кузнечнаго мастерства старшаго сына моего Гавриила отдалъ въ термінацію на 5 лѣтъ, т. е. по 15 июля 1881 года, сказанному Еселеву съ обязательствомъ за науку сейчасъ уплатить ему 20 р. и кромѣ сего 6 мѣсяцевъ своего сына кормить и одѣвать и одинъ годъ одѣвать, а послѣдніе 4 года Еселевъ обязанъ его принять на свой столъ и давать верхнюю одежду и обувь, сподную же одежду я обязуюсь черезъ всѣ пять лѣтъ давать своему сыну свою; на случай же придется выѣхать кузнецу изъ дер. Богушовки прежде окончанія срока термінаціи моему сыну, то срывать его не впраде, и онъ обязанъ тамъ быть, гдѣ и его хозяинъ, съ тѣмъ только, что тогда Еселевъ обязанъ его одѣвать какъ верхнюю, такъ и сподную одеждою. Когда мой сынъ будетъ до исполненія срока внесенъ въ ревизію сказки, то всѣ повинности подушныя и мірскіе сборы уплачивать въ купецк.; исходатайствованіе билета, если случится, на отлучку лежитъ на обязанности Еселева; при чемъ выписанъ въ обязанность моему сыну Гавриилу хозяина своего слушать и ему повиноваться до окончанія 5 лѣтняго срока.—2, Я, Еселевъ, принимаю къ себѣ сына вдовы Перегудовой, Гавриила, обязуюсь его смотрѣть и учить кузнечной работѣ, на сколько самъ понимаю, обходиться съ нимъ обязуюсь честно и благопріятно, на предложенный пунктъ 1 условія во всемъ согласенъ.—Подписи.

Заканчивая характеристику положения кровных членов семьи, нам следовало бы коснуться взаимных личных отношений мужа к жене и родителей к детям. Но эта сторона семейных отношений, конечно, слабо формулирована в обычном праве. Это такая среда народных обычаев, о которой в настоящее время можно сказать весьма мало точного. Семейные чувства вообще мало считаются с законом, тем более в настоящее время, когда крестьянская семья реорганизуется, когда вдовой обычай все более и более уступает новым влияниям, в которых личные отношения играют большую роль. Мы можем лишь подделиться своими личными впечатлениями¹⁾.

В белорусской семье жестокое обращение мужа с женой—явление очень редкое, даже более того—исключительное. Только пьянство мужа нарушает мирный ход семейной жизни, но в такой семье жизнь вообще бывает ненормальной. Впрочем, обычай предоставляет право жене уйти от мужа (что равносильно разводу), если муж жестоко обращается с ней. Но если жена уходит без причины, и дело доходит до волостного суда, последний—на стороне мужа. Так, в одном случае муж жаловался на тещу и брата своей жены, что вследствие их наговоры жена покинула его. В свое оправдание жена приводила то, что муж ее—человек болезненный, а семья мужа ее недолюбливает. Интересен приговор суда: жена за оставление мужа и неуважение к нему была приговорена к общественным работам на неделю; брата жены наказали пятнадцать ударами, тещу—штрафом в один рубль, брата истца «за неведение хорошего порядка в доме»—штрафовали в один рубль; всем вместе суд вынесил об обязанностях: «жить в доме хорошо и чтобы споры не было».

Обычай вынуждает жену повиноваться мужу, но это повиновение не слепое, это повиновение младшего члена семьи к старшим. Отдельность личного имущества, разделение труда, узаконенное обычаями участие в общих делах,—все это придает женщине известную самостоятельность и устраняет частые поводы к семейным раздорам. Вообще, хорошее отношение мужа к жене—явление вполне обычное²⁾.

1) В статьях моих, помещенных в «Вид. Вѣстн.» за 1890—1 гг. (ЖМ 202—262; 9—28), не вышедших к сожалению, отдельной книгой, мне пришлось подробнее изложить наблюдения над личными отношениями в семье.

2) Там, где личные впечатления не подтверждаются объективными данными, весьма важно наблюдение многих лиц, с разных сторон соприкасающихся с народною жизнью. Вот что говорит об отношениях мужа к жене нар. уч. П. П. Демидович, отсылая меня к соответствующей записке: «Муж считается главою семьи, а жена должна находиться в полном его подчинении. Но подчинение жены мужу не во всякой семье одинаково. Хотя в редких случаях, но бывает, что это подчинение слагается совершенно обратным явлением, а именно подчине-

нием мужа жене, а еще чаще равенством мужа и жены. Как бы то ни было, жена всегда считает себя вправе заявить свой протест, если ее муж едывает что-нибудь по хозяйству не по ее праву».—Относительно драк он говорит, что они бываю очень редко и вообще можно сказать, что драки между крестьянскими супругами не составляют обыкновенного явления.

Столь же мягко отношение белорусца к своим детям. Отец и мать любят своих детей, и в большой семье работа детей по возможности облегчается. Если вы спросите крестьянина, как дети должны относиться к родителям и к старшим вообще, он вам объяснит, что дети должны повиноваться родителям, детей не должно «распускать» и пр., но все эти правила обиходной морали не проявляются по отношению к детям в суровой форме. Споры родителей с малолетними детьми не доходят до суда. Другое дело споры взрослых сыновей, отделившихся от отца, или желающих отделиться. Такие дела в некоторых местностях (например в Пинском у., в подгородных волостях Бобр. у.) очень и очень нерядки; в судебных решениях по этому поводу и скывается народный взгляд на отношения родителей и детей. Отчасти мы уже с этим взглядом знакомы, потому что нам приходилось говорить об отношении младших членов семьи к хозяину. Отец, по отношению к взрослым детям, занимает положение хозяина.

Взгляд суда на отношения взрослых детей к родителям весьма интересен. Суд смотрит так, что дети должны повиноваться родителям, но если они не повинуются, то родители сами виноваты в этом. В одном случае, напр., мать жаловалась суду на своих двух сыновей за непослушание. Свидетели показали, что братья живут «не спокойно между собою», а мать «дает им сама потачку». Суд помирил тяжущихся так: старшего присудили к 15 ударам, младшего к 10, причем старшему вменено в обязанность повиноваться матери, младшему—повиноваться матери и старшему брату; самую мать суд приговорил отправить на богомолье в приходскую церковь на покаяние за то, что она неумела мирить детей. Вообще суд очень строго преследует неповиновение детей к родителям, семейным ссоры и пр., когда они ведут к требованию детьми раздела, вообще к разрушению семьи. В случаях резкого непочтения детей к родителям или младших к старшим, суд присуждает виновных мужичь к телесному наказанию, а женщин к штрафам, общественным работам, к заключению при арестантской волостного правления; в других случаях суд лишь выносит в обязанность «младшим повиноваться старшим». Но суд не падает и родителей и старших, если они сами служат причиною раздоров. Мы не зна-

нием мужа жене, а еще чаще равенством мужа и жены. Как бы то ни было, жена всегда считает себя вправе заявить свой протест, если ее муж едывает что-нибудь по хозяйству не по ее праву».—Относительно драк он говорит, что они бываю очень редко и вообще можно сказать, что драки между крестьянскими супругами не составляют обыкновенного явления.

Крестьянин Ярмакович нам писал по этому поводу: «у нас муж с женою живут мирно; бываю ссоры только тогда, когда муж пьяница» и т. д.

емь фактов, когда бы судъ наказывалъ такъ или иначе отца или вообще хозяина, но среди рѣшеній суда есть случаи наказанія работою матери за ссоры въ семьѣ (Бобр. у.).

Судъ неоднократно говорить, что дѣти, вообще младшіе члены семьи, должны исполнять „законныя въ хозяйственномъ быту распоряженія“ домохозяина, слѣдовательно незаконное, т. е. неоснованное на обычномъ правѣ отношеніе родителей къ дѣтямъ, судъ неодобряетъ и самъ присуждаетъ раздѣлъ въ такой семьѣ. Въ одномъ, напр., случаѣ отецъ несправедливо относился къ сыну и не желалъ въ то же время выдѣлить ему часть имущества. Судъ заставилъ отца выдѣлить часть имущества сыну съ слѣд. мотивировкой: „хотя распоряженіе дѣтьми по праву и принадлежить родителямъ, но опросомъ свидѣтелей доказано жестокое обращеніе Авраама Ф. съ своимъ старшимъ сыномъ и его семействомъ“ (Бобр. у.).

Такимъ образомъ, судъ не поощряетъ непочтительнаго отношенія дѣтей къ отцу, ссоръ въ семьѣ и пр., но въ то же время и ненормальное отношеніе отца къ дѣтямъ порицается общественнымъ мнѣніемъ. И это послѣднее обстоятельство еще разъ указываетъ на то, что по народнымъ понятіямъ обоюдныя отношенія родителей и дѣтей не должны отличаться рѣзкостью, грубостью.

Мы разсмотрѣли положеніе представителей семьи, хозяина и хозяйки, и родителей къ дѣтямъ. Теперь намъ нужно перейти къ разсмотрѣнію положенія такихъ членовъ, которые принимаются въ семью и не связаны, до вступленія въ нее, кровнымъ родствомъ, именно положеніе невестки въ домѣ свекра, примака въ домѣ тестя и пріемныхъ сыновей и семьянина. Тогда какъ положеніе невестки опредѣляется значеніемъ въ народномъ мировоззрѣніи брачной сдѣлки, положеніе примака, пріемнаго и семьянина опредѣляется тѣмъ, въ какое отношеніе они поставлены къ землѣ тестя, или пріемнаго отца. А потому мы перейдемъ къ разсмотрѣнію этихъ сторонъ обычнаго права.

II.

Какъ и вездѣ въ Россіи, бѣлорусская молодежь обоего пола имѣетъ не мало случаевъ, чтобы познакомиться и сойтись задолго до того времени, когда наступитъ время вступленія въ бракъ. Средствами такого общенія служатъ собранія молодежи, которыя бывають въ разное время года и по разнымъ случаямъ. Это—„кормаша“ (ирмарки), „хвосты“ (храмовые праздники), „прощи“—мѣста въ честь какого нибудь святаго или праздника, подѣл покровительствомъ котораго считается священный колодезь, источникъ, крестъ, часовня, обыкновенно стоящіе гдѣ нибудь въ уединеніи—въ лѣсу, болотѣ; туда и собираются въ извѣстные дни года жители окрестныхъ де-

ревень. На эти собранія стекается все окрестное крестьянство; старики,—чтобы повидаться съ родственниками или сосѣднихъ деревень, купить что нибудь у прѣзжихъ продавцовъ, помолиться, а молодежь охотно собирается, чтобы пѣть, танцовать; переборчивыя парени,—чтобы высмотрѣть себѣ невесту по красивѣе и побогаче, а дѣвушка, особенно дочь богатыхъ родителей, чтобы показать себя „богатырямъ“ (богачамъ) сосѣдней деревни (для бѣдныхъ, говорятъ бѣлоруссы, и въ своемъ „кутку“ хватить мужей). Все это собирается въ разноцвѣтныхъ пестрыхъ костюмахъ. На дѣвушкахъ ярко горятъ красныя „андараки“, волосы ихъ украшены яркими „китайками“, посеребренныя, а не то мѣдныя кольца и серьги, бусы, яркіе платки, сверху накинута бѣлая свитка—весь праздничный нарядъ бѣлорусской красавицы. Парни не отстаютъ отъ дѣвушекъ: въ длинныхъ „чабояхъ“, въ камзолѣ чернаго или сянго цвѣта съ яркими стеклянными или металлическими пуговицами, въ поясахъ, охватывающихъ шесть—семь разъ станъ, въ свиткахъ и высокіхъ бѣлыхъ валенныхъ шапкахъ, теперь обычно замѣняющихся фуражками съ козырькомъ,—присутствуютъ тутъ-же.

Въ своей деревнѣ парни и дѣвушки имѣютъ также не мало случаевъ къ сближенію. Лѣтомъ они собираются по праздникамъ для игръ; устраиваютъ такъ называемыя „игрища“—нѣчто вродѣ деревенскихъ баловъ и пр. Но болѣе интимнымъ характеромъ отличаются малолюдныя зимнія собранія молодежи—„вечорки“, посидѣлки. Дѣвушки извѣстнаго „кутка“ деревни собираются по вечерамъ у кого нибудь изъ сосѣдей, прядутъ и поютъ пѣсни, старуха рассказываетъ имъ сказки. Сюда же собираются и парни ¹⁾.

Извѣстно этнологическое значеніе этихъ посидѣлокъ ²⁾. На сколько вліяетъ сближеніе молодыхъ людей обоего пола на заключеніе между ними браковъ,—въ этомъ случаѣ взгляды стараго и молодого поколѣнія совершенно противоположны. Тогда какъ молодое поколѣніе стремится добиться все болѣе и болѣе свободы выбора себѣ пары, старое и среднее даже поколѣніе этого совершенно не знало ³⁾. И теперь еще старое поколѣніе оказываетъ сильное сопротивленіе абсолютной свободѣ выбора. Особенно это относится къ большимъ семьямъ и общинамъ. Ни время отдачи замужъ или женитьбы, ни личные симпатіи здѣсь не могутъ имѣть значенія разѣ семей предлагаемая связь признается неподходящей исполнѣ, или несвое-

¹⁾ Подробнѣе о собраніяхъ бѣлорусской молодежи см. въ нашей статьѣ „Живая Старина“, 1893. II.

²⁾ Ср. напр., Ковалевскій, Первобытное право, в. II, 5—6.

³⁾ „Якъ мы были маладые,—можно слышать нерѣдко рассказы,—лишь нѣ было таго, какъ посли за того хлѣнца, зѣ кимъ на вѣчоркахъ любнась; але такъ. якъ скажу бацька зѣ маткой існы за каго, за таго й ідуць. Паплачамъ трѣхи, а потымъ ўсѣ тые маладошкі и забудуца“.

временной. Уступка, которая дѣлается семьей, состоитъ въ томъ, что она стремится согласить свои интересы съ интересами молодежи. Родители разумеютъ, съ кѣмъ „любится“ ихъ сынъ или дочь, и, если это не идетъ совершенно въ разрѣзъ съ интересами семьи, стараются избѣжать спорныхъ и раздора и сдѣлать по желанію парня или дѣвушки. Разумѣется, въ малыхъ семьяхъ дѣтямъ предоставляется больше свободы выбора: личныя чувства родителей, плініе которое имѣютъ сынъ или дочь, какъ единственные работники, большая очевидность пользы, приносимой ими въ хозяйство, — все это скорѣе склоняетъ родителей къ уступкамъ личнымъ сим-паніямъ дѣтей.

Во всякомъ случаѣ, соображенія экономическаго характера играютъ очень видную роль при заключеніи брака, а родители стремятся поставить ихъ на первомъ планѣ. Съ свадьбой старшаго сына всегда сѣмшатъ, такъ какъ семья нуждается въ работницѣ. Напротивъ, старшую дочь стараются по-твой. Кромѣ того, и въ томъ и другомъ случаѣ нужны расходы, которые иногда тяжело ложатся на бюджетъ семьи, а дочери при томъ нужно ско-пить еще „выправу“, т. е. приданое изъ одежды, бѣды и проч.

И эти соображенія настолько важны, что часто на два-три и больше года оттягиваютъ свадьбу бѣдныхъ. Въ одномъ актѣ мы имѣемъ соображе-ніе и другого еще характера, при чемъ мы встрѣчаемъ и указаніе на су-ществованіе обычая улаживаться о женитбѣ дѣтей до ихъ совершенно-по письменному договору съ тѣмъ, однако, устнымъ условіемъ, чтобы по-лучающій надѣлъ женилъ своего сына на его дочери. Когда черезъ один-надцать лѣтъ извѣстный надѣлъ не исполненъ условія о женитбѣ сына, то отецъ дочери отнять надѣлъ, и судъ оставилъ землю за нимъ (Рѣш. у.). Такимъ образомъ, судъ не призналъ незаконность такого договора, а счелъ его разстроившимся потому, что не было соблюдено и другое условіе. Оче-видно, отецъ дочери, не имѣя возможности обрабатывать самъ землю и пла-тить за нее подати, не желалъ передать ее въ чужія руки или въ руки общества, но передавалъ въ пользованіе и для обогащенія семьи своего будущаго зятя. Это же дѣло еще разъ подтверждаетъ сказанное нами о значеніи родителей въ женитбѣ своихъ дѣтей вообще.

Институтъ приданаго въ видѣ денегъ мало извѣстенъ бѣлоруссамъ. Я имѣю свидѣнія о томъ, что оно начинаетъ распространяться въ нѣкото-рыхъ мѣстностяхъ Минскаго у. и доходитъ иногда до 100 и больше руб-леватыхъ крестьянъ; иногда такимъ образомъ успѣваютъ выдавать состо-тельные родители свою дочь, завѣдомо опороченную, за бѣднаго парня. Та-кимъ образомъ, оно не можетъ играть существенной роли въ крестьянскомъ

быту. Но съ другой стороны и „выправа“, „пасагъ“, которая дается не-вѣстѣ, хотя затрудняетъ семью, выдающую дочь, но не могутъ имѣть большого значенія для той семьи, въ которую вносятся, во первыхъ, потому, что приданое принадлежитъ не ей, а невѣстѣ, а во вторыхъ, потому, что оно состоитъ изъ такихъ вещей, которыя въ хозяйствѣ не имѣютъ значе-нія. Поэтому, все значеніе вновь вступающаго члена въ семью сводится ис-ключительно къ цѣнности его, какъ рабочей силы, и выборъ невѣсты съ этой стороны очень строгъ. Красота, часто даже богатство, не имѣютъ зна-ченія въ глазахъ бѣлоруса; ему прежде всего нужна хорошая работница, и только эти качества высоко стоятъ въ глазахъ хозяина. Единственное условіе, которое требуется отъ невѣсты, это ея непорочность; она имѣетъ еще и теперь повсемѣстно весьма важное значеніе. Опороченная дѣвушка съ трудомъ находитъ себѣ жениха, чаще всего вдовца или бѣднаго сироту. Дѣвушка, рѣшившаяся выйти замужъ и обманувшая семью и мужа на счетъ своей нравственности, не только сама и вся ея семья, родственники и сваты подвергаются поруганію, но часто такая свадьба совсѣмъ разстраи-вается, или же молодые расходятся и не живутъ по нѣскольку лѣтъ, пока какъ нибудь обѣ стороны не помиряется. Непорочность часто узнается до церковнаго вѣнчанія. Одна часть свадебнаго ритуала — *посадъ*, когда невѣсту сажаютъ на почетномъ мѣстѣ, совершается во многихъ мѣстахъ не послѣ вѣнчанія, а накануне. Рѣдная дѣвушка рѣшится сѣсть на посадѣ, потеряв-ши бѣломудріе, а если она не сядетъ, то это служить ей сознаніемъ. Тог-да весь свадебный побѣдъ жениха, послѣ доброй перебранки, часто драки, упрековъ, требованій назадъ расходовъ, удаляется обратно, и свадьба раз-страивается. Только заступничество жениха, принимающаго грѣхъ на себя, можетъ спасти дѣвушку, но и тогда она не избѣжитъ укоровъ своей и же-ниховой родни. Замѣчательно, что во многихъ мѣстахъ гдѣ сохранились болѣе древнія черты свадебнаго ритуала, непорочность требуется и отъ же-ниха, и отказъ его сѣсть на посадѣ влечетъ за собою точно такія-же по-слѣдствія¹⁾.

Но при этомъ нравственною обязанностью считается для парня, опо-ровичнаго дѣвушку, на ней жениться. На этомъ настаиваетъ не только вся семья дѣвушки, но вся ея родня, также и родственники жениха, такъ что парень рѣдко можетъ уклониться отъ женитбы. Сожительство безъ церков-наго вѣнчанія „на сумленье“ (на совѣсть), хотя и встрѣчается, но рѣдко, обыкновенно, среди дальнихъ родственниковъ, которые однако по церков-нымъ правиламъ не могутъ вѣнчаться.

¹⁾ Довнаръ-Запольскій, Бѣлор. свадьба въ культ.-религіозн. пережиткахъ, „Этн. Обзор“, кн. XIX, стр. 26 и слѣд.

Выше было упомянуто о свадебных расходах и о выправе невесты¹⁾.

Не безинтересно рассмотреть этот вопрос подробнее, так как он играет важную роль в крестьянском быту. По одному моему источнику свадебные расходы исчисляются минимум рублей в 30 со стороны жениха и рублей в 20—25 со стороны невесты, а наибольшие доходят у жениха до 75 р. и у невесты до 50 р. Главную роль в расходах играть с той и другой стороны водка, которая у жениха занимает половину расходов, у невесты третью часть²⁾. Выправа или посадь, который обязательно должна внести невеста, как бы она ни была бедна,—это одежда на годъ, а по прежним порядкам непременно на 7 летъ, постель (подушки, пуховикъ, „пирина“ и „ковдра“—одъёло изъ домашней шерсти) и что нибудь изъ скота—овцу, свинью, корову. Но о приданомъ болѣе состоятельной невесты мы можемъ судить по нѣкоторымъ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ. Одно рѣшеніе исчисляетъ такъ приданое: бочка в 3 р., 2

1) Свадебного обряда я не привожу здѣсь, хотя онъ и касается нѣкоторыми своими сторонами обычнаго права. Свадебный обрядъ описанъ и рассмотрѣн мною въ слѣд. работахъ: „Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни“, Кіевъ 1888 г.; „Бѣлорусская свадьба въ культ.-религіозныхъ пережиткахъ“, Этногр. Обзор., кн. XVI, XVII, XIX; „Мотивы свад. пѣсенъ Пинчуковъ“, Гродно 1893 г.

2) Привожу примѣрную сумму свадебныхъ расходовъ средней семьи (Минск. у.). Расходы у „молодого“:

3—5 р. на водку во время запойны (3—5 гарнцевъ).

1 р. музыканту во время свадьбы.

5—10 р. водка на свадьбу.

3—10 р. священнику.

Мелкіе расходы:

Дружкамъ за выкупъ невесты 5—10 коп.

Врату невесты „ „ 5—15 коп.

За выкупъ сундука (куфарь)—брату 5—30 коп

За проводы сундука музыканту 3—5 коп.

Непредвидѣнные расходы 50 к.—1 р. и болѣе.

По приему родителей 3—4 р.

Расходы у невесты меньше:

На запойнахъ отъ 80 коп. до 1 р. 20 к.

Водка на свадьбу—3—8 р.

Коровы 1—2 р.

Мелкіе расходы: цвѣты, пояса и пр.—1—3 р.

Хотя смета наша составлена на основаніи фактическихъ данныхъ, но это свадьба небогатая, и потому всѣ расходы увеличиваются въ богатыхъ семьяхъ. Сами же статьи расхода вездѣ остаются неизмѣнными.

Къ свадебнымъ расходамъ отчасти относится и свадебная одежда невесты и „куфарь“ (сундукъ для приданого): подвѣсничный ситцевый уборъ—около 1 р. 50 к., куфарь—2—3 р., свитки—7—10 р.

кубла (кадка для склада бѣлья, одежды)—4 р., веревка—1 р. 50 к., 2 топора на 2 р. 50 к., свитка—2 р., сани—1 р., бочка картофеля—3 р., 2 тютюфа—2 р., бычокъ—3 р., 47 возовъ навозу—9 р. 40 к., амбаръ—10 р., всего на 41 р. 40 к. (По другому акту невеста имѣла корову, двое телятъ, овцу, свинью, и др. (Пин.).

Что касается юридическаго значенія брачной сдѣлки, то прежде всего отмѣтимъ, что нарушена она можетъ быть послѣ сватовства и послѣ сговора, т. наз. вторыхъ и третьихъ „запойны“. Какъ для жениха, такъ и для невесты считается безславіемъ отказъ противной стороны, но послѣ сватовства онъ бываетъ чаще и считается болѣе возможнымъ, чѣмъ послѣ запойны. Нужны слишкомъ серьезные причины, чтобы какаля нибудь сторона отказалась послѣ сговора, и важнѣйшее, едва-ли не единственное признается нецѣломудріе невесты, если она сама признается въ этомъ, или достаточно узнается стороною. Во всякомъ случаѣ потерпѣвшая сторона требуетъ удовлетворенія и возмщенія понесенныхъ ею расходовъ. Такъ, напр., по одному рѣшенію такіе расходы исчислены въ 10 р. (Рѣч.). Другое дѣло высчитываетъ расходы въ той же суммѣ, но передаетъ при этомъ рядъ любопытнѣйшихъ подробностей¹⁾.

1) Крест. дер. Осваѣ Афанасій Шерба заявилъ волостному суду о томъ, что въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года приметъ къ нему сватать его дочь Анну крест. дер. Барановичи Григорій Судимъ за сына своего Андрея, на что онъ былъ согласенъ, а какъ происходило наканунѣ Петрова поста, и Григорій Сулимъ хотѣлъ совершить и вѣнецъ до поста чрезъ два дня послѣ сговора, но онъ Афанасій, какъ не имѣлъ еще ничего въ готовности, то предложилъ отложить вѣнецъ послѣ Петрова поста, чѣмъ Григорій Сулимъ остался недоволенъ, а жена его пришла къ нему, Афанасію, въ домъ и стала грубо высказывать, что она совсемъ не хотѣла брать за сына его дочь Анну, но уже мужъ сдѣлалъ запойны, то такъ и быть; и затѣмъ стала стучать по столу кулакомъ и высказывать разныя угрозы, что увидала его дочь Анна, испугалась и приняла во вниманіе. Что если мать жениха, еще не взявши ее, уже угрожаетъ, то что же будетъ, когда она поступитъ въ ихъ домъ? Тогда навѣрное ей не будетъ хорошаго житія, а потому совсемъ отказалась идти замужъ за Андрея. Не желая силою неволить дочь свою Анну пойти замужъ помимо ея согласія, и объявивъ объ этомъ и Григорію Сулиму. Но тотъ сталъ упорствовать и требовать возврата его убытковъ, какъ бы затраченныхъ имъ при запойнахъ, 40 руб. А какъ ему хорошо извѣстно, что со стороны Григорія болѣе не вышло расходовъ, какъ на 10 рублей, каковыя деньги онъ ему возвращаетъ, и дочь его носила къ нему два раза, но Григорій не соглашается взять денегъ и вѣстѣ съ тѣмъ предупредилъ приходскаго священника, чтобы онъ если найдется его дочери Аннѣ другой женихъ, то не вѣнчать ее какъ давнюю обѣщаніе его сыну Андрею, что священникъ принялъ къ свѣдѣнію и объявилъ его дочери Аннѣ, что пока она не удовлетворитъ Григорія Сулима, онъ не дастъ ей вѣнца. А какъ она по-первыхъ и не въ состояніи уплатить Григорію Сулиму 40 руб., а во-вторыхъ и вполнѣ знаетъ, что некуда было ему израсходовать такую сумму денегъ на запойны; на 40 руб. можно отгулять и всю свадьбу, а на запойны вышло съ его стороны водки не

Свадьба, т. е. вся процедура ритуала, имѣетъ въ глазахъ крестьянъ значеніе акта, скрѣпляющаго брачную связь. Церковное вѣнчаніе не играетъ существенной роли, и его исполняютъ только потому, что оно требуется священникомъ. Вѣнчаніе является лишь одной изъ частей ритуала, непосредственно послѣ или передъ которой, смотря по мѣстности, совершается важнѣйшая часть его — сажаніе молодыхъ на посадь. Гдѣ она совершается передъ вѣнчаніемъ, тамъ въ указанныхъ нами случаяхъ, возможно разрывъ, но женихъ уже съ этого момента считается „человѣкомъ“, — опредѣленіе, даваемое только женатымъ мужчинамъ, а невеста, „женкой“, — женщиной. Слѣдовательно, народъ смотритъ на разошедшихся какъ на разведенныхъ.

Вступающая въ семью или въ семейную общину женщина пользуется всѣмъ необходимымъ для своего прокормленія, а также и одеждою по истеченіи года со времени свадьбы, изъ того, что добывается общимъ съ нею трудомъ семьи. Но она не приобретаетъ правъ на общее семейное имущество, получая лишь часть изъ имущества, приобретеннаго ею совместно съ мужемъ. Все же, что приобретается общиною сообща, принадлежитъ не ей, а общинѣ, членами которой считаются и ея дѣти. Объ этомъ была уже рѣчь. Но за то она безконтрольно распоряжается своимъ личнымъ имуществомъ, внесеннымъ ею въ видѣ приданаго. Она владѣетъ не только этимъ

имуществомъ, но также и всею тою прибылью, которая съ него получаетъ. Если она имѣетъ возможность заработать что либо на сторонѣ, то это также составляетъ ея личную собственность. Она можетъ ею распорядиться по своему усмотрѣнію и, въ случаѣ смерти мужа, все ея имущество вмѣстѣ съ прибылью, если таковая получилась, безпрекословно ей выдается семьею покойнаго. Если супруги расходятся, то приданое возвращается женѣ¹⁾.

Взглядъ на невестку прежде всего какъ на работницу отражается и на томъ, что если она почему либо не работаетъ для семьи мужа, то послѣдняя отказывается кормить ее. Новая условія крестьянской жизни служить иногда причиной продолжительнаго отсутствія мужа, напр. въ военный службѣ и т. п. Часто невестка не ужинаетъ съ семей и уходитъ въ домъ родителей до возвращенія мужа. Тогда семья послѣдняго отказывается выдавать ей на содержаніе, а судъ не обязываетъ ее къ этому (Пин.). По одному рѣшенію видно, что сынъ, уходя на службу, сдѣлалъ распоря-

1) Приводимъ одно такое дѣло (Телеханской вол.), не лишенное любопытныхъ подробностей:

Крестьянка Вудьковскаго сельскаго общества деревни Вудьки Аксенія Иванова Мяликоса проситъ о взысканіи съ ея мужа Марка Станислава Мялика слѣдующаго имущества ея, а именно: бочки стоящей 3 рубля, двухъ кубловъ 4 руб., веревки (ужице) — 1 р. 50 копѣекъ, двухъ топоровъ — 2 руб. 50 к., свитки 2 рубля, саней — 1 рубль, кортофеля одну бочку — 3 рубля, двухъ холстовыхъ тюфяковъ — 2 рубля, за проданнаго бычка 3 рубля и за 47 возовъ навоза за вывезенные на его поле 9 рублей 40 копѣекъ, а всего на сумму 31 руб. 40 копѣекъ, и кромѣ сего проситъ предоставить ей право взять свой амбаръ, перенесенный мужемъ на свой плацъ, стоящий 10 рублей сереб., а всего на сумму 41 рубль 40 копѣекъ серебромъ. Ответчикъ Марко Станиславовъ Мяликъ противъ иска жены своей Аксеніи Ивановой Мяликосой пояснилъ, что онъ прописаннаго имущества возвратитъ женѣ не желаетъ, потому что она его оставила. Имущество прописанное она дѣйствительно внесла къ нему. Навоза же 47 возовъ не взято, а только 4 воза. Свидѣтель Федоръ Осиповъ Мяликъ показалъ, что дѣйствительно сказанное имущество внесла Аксенія къ мужу своему Марку при выходѣ въ замужество, навоза же было не болѣе 12 возовъ. Воостаной Судъ по соображенію обстоятельствъ сего дѣла, нашелъ искъ Аксеніи Ивановой Мяликосой съ мужа ея Марка Станислава Мялика доказаннымъ только въ суммѣ 34 рублей 40 коп., такъ какъ изъ показанія свидѣтеля выяснилось, что навоза вывезено всего 12 возовъ, а не 47 возовъ, какъ истца заявляла. Стороны примириться не пожелали, а потому постановилъ: на основаніи 107 ст. общ. полож. обязать Марка Станислава Мяликоса выдать задержанное имущество и амбаръ женѣ своей Аксеніи Ивановой Мяликосой и уплатить за проданнаго бычка 3 рубля и за 12 возовъ навоза 2 рубля 40 коп., въ случаѣ же не оказанія прописаннаго имущества, взыскать съ Марка Мялика въ пользу Аксеніи Мяликосой по стоимости онаго 29 руб., а всего 34 рублей 40 копѣекъ; въ искѣ же еще 7 рублей за навозъ Аксеніи Мяликосой отказать, какъ недокazanномъ. Настоящее рѣшеніе недовольной стороной предоставляется право обжаловать въ Пинское Уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе въ тридцатидневный срокъ.

болѣе какъ на 5 руб., а закуска вся была его, какъ это было у него въ домѣ. и онъ ему предлагаетъ 10 руб., но тотъ не беретъ. Такъ какъ его дочери находится другой женихъ и онъ готовъ бы выдать дочь, но какъ Григорій Сулима ему препятствуетъ въ этомъ, то онъ проситъ дѣло разобрать по совѣсти, какъ удовлетворить Григорія Сулима и дать его дочери свободу выйти замужъ по ея желанію. — На предложеніе Григорію Сулиму, не согласенъ ли онъ примириться съ Афанасіемъ Щербою, имѣя въ виду, что силою заставить дочь Афанасія Анну выйти за его сына Андрея замужъ во-первыхъ нѣтъ возможности, а во вторыхъ и нельзя изъ этого брака ожидать хорошей жизни, и что Григорій Сулима показалъ, что онъ согласенъ разойтись съ Афанасіемъ Щербою, тогда только, когда тотъ вернетъ ему убытки 40 р., каковыя онъ израсходовалъ на запойны и на вынужденіе невестыной метрики о ея рожденіи изъ Голынской церкви и на перенесеніе таковой въ Горбачевскую, гдѣ тоже ушлатилъ и на заповѣди. Судъ разобравъ сію жалобу примель къ тому заключенію, что такъ какъ суду хорошо извѣстно, какіе именно бываютъ расходы при запойнахъ, а равно извѣстно и сколько бываетъ расходовъ при вынужденіи метрики и на заповѣди, и призналъ, что Григорій Сулима болѣе не израсходовалъ какъ 10 р., но не желаетъ таковыхъ принять отъ Афанасія Щербы, будучи затронутъ за самолюбіе отказомъ невесты, а потому дабы одержать верхъ надъ Щербою и его дочерью Анною, онъ требуетъ отъ нихъ возврата небывалыхъ расходовъ на 40 р., а потому Судъ по своему убѣжденію и по совѣсти постановилъ: чтобы Афанасій Щерба ушлатилъ Григорію Сулиму 12 руб.; оно будетъ безобидно какъ для одного, такъ и для другого, и они болѣе одинъ къ другому не должны распространять никакой претензіи. — Подпись судей.

женіе, чтобы его женѣ данъ былъ изъ общаго имущества скотъ и хлѣбъ для пропитанія дѣтей, но не для ея самой (Пин.).

Указанный взглядъ достаточно рельефно обрисовывается еще въ томъ, что иногда вдова или ея родители требуютъ платы за проработанное ею время изъ семьи мужа. Это бываетъ особенно тогда, когда мужъ умеръ молодымъ. Такъ, напр., въ одномъ случаѣ отецъ вдовы потребовалъ съ семьи мужа плату за проработанное ею время въ видѣ 12 п. ржи, по 2 п. гречихи, овса, ячменя, проса и яровой пшеницы и 1 воза сѣна; на судѣ помирились: братъ покойнаго призналъ искъ и согласился выдать половину требуемаго (Рѣч.). По другому рѣшенію, хотя судъ и отказалъ выдать требуемое вознагражденіе, но только потому, что отецъ покойнаго предложилъ невѣсткѣ поселиться у него и на судѣ было доказано, что и раньше они жили мирно и со стороны семьи не было повода къ ея уходу¹⁾.

Къ вопросу о бракѣ примыкаетъ и вопросъ о разводѣ. О формальномъ разводѣ среди крестьянъ мало кто знаетъ. Но практикуется разводъ безъ посредства церкви: неполадившіе супруги просто расходятся. Изъ имѣющихся у насъ рѣшеній видно, что если разводъ бываетъ добровольный съ обѣихъ сторонъ, то жена получаетъ внесенное ею имущество. Если же

1) Приведемъ для примѣра слѣд. рѣшеніе вол. суда Телеханской вол.: Крестьянинъ Святопольской волости деревни Колонска Николай Осиповъ Ильчукъ жалуется на крестьянина села Озаричъ Семена Теодорова Борисевича, что дочь его была въ замужествѣ за сыномъ его, и когда ея мужъ умеръ, то они выправили ее безъ времени, со скотомъ, который былъ данъ ей въ приданое, не давъ ни хлѣба, ни сѣна, отъ свиньи забрали поросятъ, каковыя цѣнить 6 руб.; просить присудить для дочери, какъ работавшей въ ихъ хозяйствѣ 3 года, дать хлѣба, шапокъ ржи, сала 10 фунтовъ, сѣна для скота 40 пудовъ и 6 руб. за поросята. Семенъ Борисевичъ противу жалобы бывшего своего свата, поясняетъ, что невѣстки онъ не прогонялъ, могла она жить у нихъ или до весны вмѣстѣ со скотомъ своимъ, а она безъ причины съ ихъ стороны, забравъ свой скотъ, оцу и свинью, уѣхала, то онъ не считая обязанностью давать ей ни хлѣба, ни сѣна, ни сала, поросятъ же онъ, дѣйствительно побилъ всѣхъ изъ сожалѣнія, что когда они забрали свинью и поросятъ сосунуть отъ 4 дней оставили, одного поросенка—жареннаго—предъявили на судѣ; невѣстка же, какъ они жили хорошо, можетъ возвратиться къ нимъ и жить сколько пожелаетъ, хоть до выхода замужу, да при томъ невѣстка привела съ собою корову и двое телятъ, а забрала три штуки скота и теленка. На основаніи 107 ст. полож. кр. волостной судъ склоняетъ стороны къ примиренію, чего не посмѣло, а посему постановилъ: какъ со стороны Семена Борисевича не было дано никакого повода къ оставленію ихъ невѣсткой, какъ онъ и нынѣ заявляетъ, что она можетъ и теперь возвратиться къ нему со скотомъ своимъ и жить у него, сколько пожелаетъ, въ домогательствѣ Николай Ильчукъ о выдачѣ ему для дочери, хлѣба, сѣна, а также о взысканіи 6 руб. за поросятъ отказалъ, тѣмъ болѣе, что Ильчукъ, забравъ свинью, долженъ былъ брать вмѣстѣ и поросятъ, а когда не давали, то долженъ заявить старостѣ, и до рѣшенія дѣла оставить свинью. О чемъ объявить сторонамъ.

одна изъ сторонъ оставляетъ другую, то послѣдняя считаетъ себя вправе удержать имущество первой. Обѣ стороны въ спорахъ настаиваютъ на томъ, кто кого „прогналъ“ (Пин. и Боб.¹⁾).

Другое лицо, которое посредствомъ брака является въ чужую семью,—это примакъ, т. е. зять, перешедшій жить въ семью жены. Причины, по которымъ семья дѣвушки ищетъ примака, обыкновенно состоятъ въ томъ, что въ семьѣ нѣтъ или не хватаетъ работника. Если крестьянинъ имѣетъ только дочерей, или если вдова остается на хозяйствѣ съ малолѣтними дѣтьми, наконецъ дѣвушки сироты, остающіяся на отцовской землѣ,—во всѣхъ такихъ случаяхъ ищутъ примака. Но въ примакъ идутъ далеко неохотно и только по нуждѣ, когда семья отца многочисленна и малоземельна, или совсѣмъ безземельна;—вдовцы, сироты, отставные солдаты. Относительно положенія примака въ домѣ тестя или жены бѣлорусская пословица энергично выражается: „примачъ хлѣбъ—собачій“, свидѣтельствуя тѣмъ о зависимости и тяжеломъ положеніи примака.

Съ юридической стороны примакъ, по народнымъ воззрѣніямъ, становится въ тѣ же условія къ семьѣ тестя или къ женѣ, которая его приняла, какъ и невѣстка къ семьѣ мужа. Въ Бобрыйскомъ у. о примакѣ говорятъ „вышелъ за жену“, его имущество называютъ „приданнымъ“.

Примакъ также вноситъ свое имущество. Размѣры его бываютъ различны и зависятъ отъ условій и состоятельности обѣихъ сторонъ. Такъ, какъ указываетъ одно дѣло, примакъ внесъ 2 лошадей, 6 штукъ скота, двухъ телокъ, свинью, двухъ овецъ, кубель съ одеждою, чашу льняного семени и пр.—всего на 142 р. (Пин.). Въ другомъ случаѣ примакъ внесъ 8 штукъ скота и 2 лошадей, или же вноситъ постройки и скотъ и пр.

Внесенное примакомъ имущество, приданое, принадлежитъ лично ему, хотя онъ и обязанъ употребить его для хозяйственныхъ потребностей семьи (лошадей напр.). Въ случаѣ выдѣла, развода и т. п. онъ получаетъ все свое обратно.

Но примакъ рѣдко вступаетъ въ семью жены безъ условій, полагаясь только „на сумленне“, развѣ ужъ очень бѣдный. Обыкновенно-же примакъ или его родители очень точно обозначаютъ съ родителями невѣсты условія, на которыхъ онъ вступаетъ въ семью.

Условія эти главнымъ образомъ касаются земли. Они бываютъ устные и письменныя²⁾. Обѣ стороны обязаны соблюдать условіе. Если послѣднее

¹⁾ Ср. примѣч. на стр. 118.

²⁾ Ср. „Этнографъ Обозрѣніе“, 1891 г. № 1, стр. 111. „О семейныхъ дѣлахъ бѣлоруссовъ“. Н. В. Телесико.

Приведемъ нижеслѣд. условіе (Горбац. вол.): Я, нижеподписавшійся крест. дер. Ново-Старцовъ, даю настоящее обязательство крест. Огдору Андрееву Тимко въ томъ, что, женивъ его на своей дочери Анастасіи и принимая въ свою семью,

нарушено тестем, то судъ выдѣляетъ изъ имущества и земли то, что слѣдовало бы получить примаку, какъ наследнику; если же условіе нарушено примакомъ, то судъ или заставляетъ его жить вмѣстѣ въ семьѣ тестя, или лишаетъ его правъ на имущество¹⁾.

Отношенія примака къ землѣ и имуществу семьи бѣлоруссы часто опредѣляютъ выраженіемъ, что такой-то пришелъ въ примы „за хозяйина“, „за сына“; последнее опредѣленіе дается и приемнымъ сыновьямъ. Этими выраженіями указывается на то, что примакъ явился въ семью жены, выговоривъ себѣ известную сумму правъ на имущество и землю. Если примакъ этого не сдѣлалъ, то онъ и не можетъ требовать ни того, ни другого. Такъ, въ одномъ случаѣ шелъ споръ о томъ, самъ ли прибылъ примакъ или же его ввела жена. Примакъ доказывалъ последнее, но братья жены его доказывали, что онъ „самъ прибылъ и былъ у его сестры въ родѣ работника“. На этомъ основаніи судъ отказалъ въ выдѣлѣ земли примаку. Въ другомъ случаѣ причина отказа въ выдѣлѣ земли та же: ответчикъ утверждалъ, что примакъ жилъ въ семьѣ его отца только „временно“ (14 лѣтъ), хотя судъ и мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что по спискамъ земли не числится за примакомъ (Пин.). Но такая мотивировка не имѣетъ осно-

я долженъ считать его, какъ родного сына, и сообразно этому обходиться съ нимъ, т. е. у насъ должно быть все общее, какъ въ хозяйствѣ, такъ и въ имуществѣ. Но имѣя также родныхъ сыновей, хотя еще и малолѣтнихъ, желая обезпечить Федора Тимко на случай мсей смерти, симъ обязуюсь и дѣтей моихъ (обязую) жить постоянно въ одной семьѣ. Въ случаѣ же если мои дѣти, достигнувъ возраста, почему либо неполадятъ съ Федоромъ, то онъ на случай раздѣла имѣетъ право взять себѣ третью часть моей земли и третью часть движимаго имущества въ настоящемъ его составѣ. Если же Федоръ, еще при жизни моей, не имѣя отъ меня ни въ чемъ обиды, или же по моей смерти при малолѣтствѣ моихъ дѣтей по какому либо капризу захочетъ бросить мое семейство, то онъ теряетъ право на прописанное выше мое обязательство, исключая обыкновеннаго прилаганаго, которое я долженъ дать за мою дочью Анастасію. Настоящее обязательство должно храниться или на рукахъ у самого Федора Тимко или же у лица, которому онъ доверяетъ. Крест Никифоръ Гаврилычъ, а за него неграмотнаго росписался Яковъ Тимушевъ.

¹⁾ Приведемъ по этому поводу одно въ высшей степени любопытное рѣшеніе Горбачевскаго вол. суда (за 1885 г.): Крест. села Дѣяно Никифоръ Треуховъ занесъ жалобу волостному суду, что родной сынъ его Иванъ, будучи *отданъ въ примы* къ крестьянину того же села Ивану Рослику, не хочетъ жить у него, Никифора, безъ жены. Жены же Иванъ Росликъ не отпускаетъ на томъ основаніи, что дочь его вышла замужъ за Ивана потому, что онъ взялъ изъ въ примы, для того собственно, чтобы имѣть въ домѣ работника.—Возраженія ответчика не записано.—Свидѣтелей выставляемъ не было.—Волостной судъ, выслушавъ жалобу и показаніе ответчика, рѣшилъ: оставить Ивана примакомъ въ домѣ Ивана Рослика, вмѣстѣ съ его женою Настей на томъ основаніи, что *по мѣстнымъ обычаямъ примака считается неотъемлемымъ членомъ семейства, которое его приняло.*—Слѣдуютъ подписи судей.

ванія въ обычномъ правѣ, какъ сейчасъ увидимъ. Однимъ изъ доказательствъ на судѣ правъ примака на землю служатъ также и то, что тестъ принимаетъ его „какъ неимѣющій сыновей на полное хозяйство“ (Пин.), или, какъ говоритъ одно рѣшеніе, „былъ принятъ за семьянина, а не за работника“ (Бобр.). Если примакъ не сдѣлаетъ соответственнаго условія устно или письменно передъ вступленіемъ въ чужую семью, или же если послѣдняя упорно отказывается признать за нимъ какое либо право на имущество и доказать своего права примакъ не можетъ, то онъ оказывается въ положеніи простаго работника и какъ таковой имѣетъ право на вознагражденіе отъ семьи за проработанное время. И народное мнѣніе во всякомъ случаѣ признаетъ за нимъ это право, хотя судъ часто отказывается по неподсудности, такъ какъ цѣна иска превышаетъ его компетенцію. Такъ, въ одномъ случаѣ примакъ требовалъ отъ своей жены и падчерицы, принявшихъ его, за 16 лѣтній трудъ по 20 р. годовой платы и вознагражденіе за растраченное его имущество. Вопросъ о землѣ не былъ поднятъ, потому что онъ не былъ обусловленъ при заключеніи брака, но ответчицы не отрицали иска по существу, и жена предлагаетъ ему возвратиться въ домъ. Судъ отказалъ по неподсудности (Пин.). Въ другомъ случаѣ общественное мнѣніе высказалось по этому вопросу болѣе опредѣленно. Примакъ 12 лѣтъ проработалъ на хозяйствѣ жены. Братья жены, подростки, начали прогонять примака. Тогда по жалобѣ его „крестьяне всей деревни признали, чтобы Артемъ Лешошукъ (шуринъ примака) далъ ему половину хлѣба и сѣна урожая сего года и на будущее время пользоваться третью частью“. Это было дано ему обществомъ за его трудъ. Примакъ просилъ волостной судъ или утвердить рѣшеніе общества, или присудить ему за 12 лѣтъ по 50 р. въ годъ. Судъ отказалъ по неподсудности (Пин.), но принудилъ обычнаго права ясенъ: примакъ, хотя и не обусловилъ при своемъ вступленіи въ хозяйство жены своихъ правъ на имущество, но крестьянское общество считаетъ его вправе требовать вознагражденія за рабочий трудъ и выдѣляетъ ему часть имущества. Въ другихъ случаяхъ, если примакъ не связываетъ вопроса о вознагражденіи себя съ вопросомъ о цѣлѣ иска, требуя лишь части земли и имущества, то и судъ не отказывается ему въ его требованіяхъ. Такъ, по одному рѣшенію судъ предоставлялъ примаку половину всего имущества, наследницей котораго была его падчерица (Пин.).

Во всякомъ случаѣ всегда примакъ наираетъ единственно на то, что онъ трудился, „трудился самъ на всемъ хозяйствѣ“ (болѣе трудная работа), и „работалъ, сколько могъ“ и т. п., и судъ также старается при помощи свидѣтелей констатировать этотъ фактъ¹⁾. Но нигдѣ мы не встрѣчаемъ даже

¹⁾ Приведемъ такой примѣръ: „1881 года февраля, 25 дня. Мы крестьяне Киселевскаго сельскаго общества сего числа на сельскомъ сходѣ въ присутствіи сель. Доваръ-Запольскій.

намека на какое нибудь право на имущество по родству; очевидно, принцип труда имѣть исключительное значеніе въ глазахъ крестьянъ.

Если примакъ успѣлъ оговорить свой будущій трудъ въ чужой семьѣ и можетъ сослаться на судъ на существованіе договора его съ женою или тестемъ, то право его признается безспорнымъ. Часто примакъ, для болѣе безспорности своихъ правъ обуславливаютъ еще и такъ, чтобы тестъ умирая „отказалъ“, т. е. записалъ ему ту часть, которую отдалъ при жизни. Въ одномъ рѣшеніи по этому поводу былъ установленъ фактъ записанія тестя въ пользу примакъ, хотя жена послѣдняя умерла на 7 лѣтъ раньше

скаго старосты, слушали жалобу крестьянина дер. Киселевичъ Ивана Рослика о томъ, что онъ былъ принятъ въ примы Григорьемъ Гаврильчичомъ къ дочери его Агафіи и что тестъ его Григорій, будучи уже въ пожитыхъ лѣтахъ, остался вдовымъ въ 1866 г. и у него осталась тогда еще малолѣтній сынъ Михаилъ, то онъ съ своею женою, а его дочерью, приняли хозяйство на себя, обрабатывали землю, уплачивали за оную всѣ денежные повинности и отбывали натуральныя, а также одѣвали и содержали на своемъ иждивеніи какъ отца, такъ и сына его Михаила. Отецъ ихъ Григорій болѣею частью ходилъ по службѣмъ и болѣе или менѣе иногда помогалъ имъ въ хозяйственномъ отношеніи, а сынъ его какъ бывшій въ народномъ училищѣ, такъ и вышедши изъ онаго, требовалъ за нимъ ухода. Теперь же какъ уже поднялся на ноги, также не хочетъ заниматься ремесломъ, а ходитъ по заработкамъ, но считая себя наслѣдникомъ посѣда отца, предагаетъ ему выбраться изъ дому и съ земли и не дозволяетъ ему даже поставить себѣ на уселбойной землѣ жилую хату, наговариваетъ отца, чтобы совсѣмъ ихъ выдѣлить, имѣя въ виду арендовать землю. А какъ онъ прожилъ болѣе 18 лѣтъ въ отцовскомъ домѣ и былъ принятъ за *селянина*, а не за *работника* и никогда не ожидалъ, чтобы¹⁾ могъ быть удаленъ, старался удержать землю, обрабатывать такую же и отбывать всѣ какъ денежныя, такъ и натуральныя повинности, а потому всѣ средства затрачивалъ, также гдѣ и пріобрѣталъ, и въ настоящее время если будетъ выдѣленъ съ земли, то долженъ остаться нищимъ, а потому проситъ общество обсудить его семейное положеніе и дать ему возможность къ существованію. — Обсудивъ сію жалобу Ивана Рослика, мы признали справедливою, и какъ намъ вполнѣ извѣстно, что хотя по именному списку и записана земля на Григорія, но онъ ею совершенно мало занимался, а сынъ его Михаилъ и совсѣмъ не занимался, а управляетъ какъ землею такъ и хозяйствомъ уже болѣе 15 лѣтъ зять его Иванъ Росликъ, — а потому выдѣленіе его съ земли (судъ) призналъ неправильнымъ, и допустить это находить невозможнымъ потому, что самъ Григорій уже въ преклонныхъ лѣтахъ, землею заниматься не можетъ; а сынъ его имѣя 20 лѣтъ отъ роду, будучи разблагованъ, то такъ же какъ землею не занимался и заниматься не будетъ, а только имѣть въ виду то, что если онъ будетъ арендовать землю и сынокость, то будетъ на прогудъ имѣть деньги, а если же пойдетъ недонимка за землю, то уплата таковыхъ, конечно, падаетъ на общество, — а потому единогласно приговорили: чтобы Иванъ Росликъ какъ жилъ до сихъ поръ, такъ долженъ жить и впередъ и какъ занимался землею, такъ и долженъ заниматься, а если сынъ Григорія Михаилъ захочетъ ожениться и заняться хозяйствомъ и землею, то долженъ жить вмѣстѣ и обрабатывать землю вмѣстѣ, а если не захочетъ жить въ одной хатѣ, то пусть Иванъ поставитъ себѣ хату другую, а ему уступить хату отцовскую. — Подписи.

отца, примакъ женился на другой и продолжалъ жить вмѣстѣ, и по смерти тестя судъ призналъ его права (Пин.). Разъ тестъ совершилъ передачу примакъ, „принявъ его въ домъ и передать какъ зятю все хозяйство“, какъ выражается одно рѣшеніе, то онъ уже не вправе отказать ему въ имуществѣ. Въ одномъ случаѣ судъ самъ выдѣлилъ третью часть имущества (Рѣч.). Иногда примакъ снискать укрѣпить за собою выговоренное имущество и требуютъ выдѣла при жизни тестя или тещи, не расчитывая на прочность своихъ правъ въ случаѣ ихъ смерти (Рѣч.). Это обстоятельство тогда оговаривается передъ бракомъ: долженъ ли примакъ жить до смерти хозяйина или хозяйки опредѣленное время, или же можетъ уйти во всякое время. Иногда съ этимъ соединяется и большая или меньшая сумма правъ на имущество. Но судъ поддерживаетъ права примакъ. Въ одномъ случаѣ примакъ и его жена жаловались на брата жены, что послѣдній гонитъ ихъ изъ дому. Судъ однако призналъ надѣлъ общему собственностью и приказалъ имъ пользоваться совместно. (Пин.).

Права примакъ признаются и въ случаѣ смерти его жены, связывавшей его съ своею семьею. Такъ въ одномъ случаѣ примакъ получилъ часть земли, хотя жена и умерла (Пин.). Изъ другого рѣшенія видно, что примакъ, по смерти своей жены, женился на другой и продолжалъ жить въ семьѣ первой жены, а при раздѣлѣ онъ получаетъ часть имущества, въ томъ числѣ и 3 надѣла (Рѣч.). Въ другомъ дѣлѣ примакъ тоже по смерти жены своей женился на другой и при раздѣлѣ получилъ половину земли; онъ пришелъ въ примы до надѣленія крестьянъ землей и надѣлъ записанъ былъ на его имя, хотя у него и былъ сыночекъ, сынъ владѣльца земли. Надѣлъ перешелъ къ его второй женѣ, принявшей въ свою очередь примакъ. Судъ призналъ записаніе примакъ, передававшее свою часть земли роднымъ сыновьямъ, и отказалъ въ искѣ пасынку, подтвердивъ лишь его право на половину надѣла. (Пин.)¹⁾ Такимъ образомъ, примакъ, жившійся въ семью жены въ качествѣ селянина, получаетъ права на землю въ той или другой мѣрѣ. Менѣе опредѣленнымъ вопросомъ представляется тогда, когда примакъ не заключилъ предварительнаго условія: въ послѣднемъ случаѣ народный обычай сталкивается съ писаннымъ закономъ, которымъ иногда не прочь воспользоваться протинная сторона. Но и сельское обще-

¹⁾ Замѣтимъ, что ссылка на выкупной актъ, по которому земля числилась за отчимомъ, на что и опирались вдова его, не могла имѣть рѣшающаго значенія. Въ народномъ правѣ первенствующее значеніе имѣетъ батьковщина и оно, на сколько возможно, всегда отставивъ ее, не смотря на выкупные акты; притомъ, если бы примакъ считалъ землю своею въ силу выкупного акта, онъ не выдѣлялъ бы своему пасынку половины надѣла, имѣя самъ двоихъ сыновей. Очевидно, онъ бралъ лишь то, что выговорилъ по условію за свой трудъ, остальное, какъ батьковщину, отдавалъ закономъ ея владѣльцу.

ство и волостной судъ стоять на сторонѣ примака. Колебания можно встрѣтить лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, при отсутствіи письменныхъ условий, примакъ требуетъ землю лично для себя, а не для семьи. Судъ иногда колеблется и отказывает¹⁾, но рѣдкие случаи отказа не могутъ поколебать общаго принципа; примакъ, заключая условіе съ тестемъ, получаетъ права на землю лично, независимо отъ будущаго потомства; то же подтверждаютъ и приговоры суда.

Въ дѣлахъ, касающихся примака, весьма любопытно отмѣтить еще слѣд. обстоятельство: примакъ, заключивъ устное условіе, а иногда даже и имѣя письменное, обращается за утвержденіемъ своихъ правъ не прямо въ волостной судъ, но къ сельскому сходу; противники его начинаютъ дѣло въ судѣ, иногда даже въ мировомъ судѣ, или обращаются въ крестьянское присутствіе. Нѣтъ случая, чтобы сельскій сходъ отказалъ примаку, при чемъ приговоръ общества всегда настаиваетъ на двухъ вещахъ—на томъ, что примакъ былъ принятъ въ семью въ качествѣ семьянина, и на томъ, что примакъ „трудился на землѣ“, „платилъ подати“ и пр. Весьма попятно, почему примакъ обращается къ сельскому обществу: послѣднее гораздо консервативнѣе волостного суда, на который производитъ извѣстное воздѣйствіе кассация его рѣшеній начальствомъ и пр.²⁾

Необходимо также оговорить и то обстоятельство, что въ этихъ случаяхъ ни въ одномъ дѣлѣ при спорахъ нѣтъ и помину о какихъ бы то ни

1) Намъ извѣстенъ одинъ такой случай отказа изъ Бобр. у.: примакъ требуетъ половины земли у сына своего покойнаго тестя. Но жена примака умерла уже 16 лѣтъ назадъ, сыновья этого ихъ брака не живутъ при отцѣ, наконецъ, примакъ женатъ на другой. Судъ отказалъ въ искѣ примака, п. ч. онъ былъ принятъ „на имущество жены и что послѣ ея смерти имѣютъ право простираетъ претензію на имущество лишь оставшіеся послѣ нея дѣти“. Какъ ни категорично это утверждение, оно противорѣчитъ цѣлому ряду фактовъ, утверждающихъ какъ разъ противное; мы не знаемъ, каковы были условія примака съ тестемъ, наконецъ, если примакъ плохой работникъ и хозяинъ (его родные сыновья ушли на работы), то симпатіи суда будутъ не на его сторонѣ.

2) Приводимъ, изъ массы аналогическихъ прижѣровъ, одинъ приговоръ сельскаго общества Бобр. у.:

Мы, крестьяне Побокевичскаго сельскаго общества сего числа на сельскомъ сходѣ слушали просьбу крестьянъ Сидора Булацкаго и его швагря Григорія Вошака въ слѣдующемъ: послѣ смерти перваго просителя отца Григорія Булацкаго крест. Григорій Вошакъ поступилъ приемышемъ въ семью покойнаго Григорія Булацкаго, женился на дочери его Агафѣ и въ настоящее время проживаютъ вмѣстѣ съ Сидоромъ Булацкимъ; просятъ оставшіяся послѣ смерти Григорія Булацкаго землю въ количествѣ 17½ десятинъ предоставить пополамъ въ пользованіе Сидору Булацкому и Григорію Вошаку. По выслушаніи чего, между собою единогласно приговорили: оставшіяся послѣ смерти Григорія Булацкаго 17½ дес. земли предоставить въ пользованіе пополамъ Сидору Булацкому и Григорію Вошаку. Подписи.

было правахъ примака на имущество черезъ жену его. О послѣдней вовсе не упоминается, жива ли она или нѣтъ: примакъ самъ по себѣ требуетъ правосудія, и народный судъ удовлетворяетъ его лично, сообразно съ характеромъ выяснивагося на судѣ договора его съ тестемъ. Это вполне понятно, потому что наследованіе женицы на землю признается только въ особыхъ случаяхъ.

Что касается до отношенія сына, поступившаго въ прѣимы, къ своей семьѣ, то и тутъ дѣло обставляется договоромъ его съ братьями или съ отцомъ.

На этотъ счетъ у насъ имѣется нѣсколько рѣшеній суда, и подразумеваемость договора въ спорахъ примака съ наследниками его отцовскаго надѣла не подлежитъ сомнѣнію.

Такъ, по одному изъ нихъ ушедшій въ прѣимы просилъ судъ возстановить его права на владѣніе землею отца, въ размѣрѣ четвертой части, по числу братьевъ. Но послѣдніе ссылались на то, что братъ ихъ ушелъ уже 22 года тому назадъ и имѣетъ въ семьѣ жены землю. Судъ призналъ справедливость ихъ доводовъ и, ссылаясь на семейный списокъ, по которому примакъ числится не въ семьѣ своего отца, а въ семьѣ жены, отказалъ ему въ искѣ (Пин.). Въ другомъ случаѣ сынъ, ушедшій въ прѣимы, жаловался суду на своего отца и брата, что они, владѣя его участкомъ, не платятъ за него повинностей. О землѣ онъ претензіи не заявлялъ. Судъ обязалъ отца платить повинности за сына (Пин.). Во второмъ дѣлѣ судъ высказался неопредѣленно, но другіе факты не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что отходящій членъ семьи лишается правъ на землю въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ одномъ случаѣ два брата раздѣлились. Черезъ 60 лѣтъ сыновья ихъ заспорили: одинъ изъ нихъ, ушедшій съ матерью къ отчиму въ 54 г., женившись и жившии все время тамъ, требовалъ отъ своего двоюроднаго брата, „хотя четвертую часть участка“. По семейному списку онъ былъ записанъ въ семьѣ отчима. Опираясь на это, судъ отказалъ ему, хотя эта ссылка лишь формальная: истецъ, прося ¼ части вмѣсто половины, самъ признавалъ себя не вполне правымъ (Пин.). Тоже находимъ и въ другихъ рѣшеніяхъ (Бобр.), и вездѣ проглядывается одинъ и тотъ-же принципъ. Семья рѣшается отпустить сына въ прѣимы только въ рѣдкихъ случаяхъ, собственно тогда, когда сынъ въ своей семьѣ, какъ работникъ, является излишнимъ, напр., по малоземельности, большому числу братьевъ и пр.; ясно, что семья, отказываясь отъ труда одного изъ своихъ членовъ, тѣмъ самымъ желаетъ ограничить его права на поземельную собственность. Вотъ почему у бѣлорусовъ практикуется двойнаго рода уходъ въ прѣимы, по отношенію къ семьѣ, изъ которой уходитъ. Уходящій въ прѣимы или совершенно отказывается отъ своихъ правъ на отцовскій надѣлъ и получаетъ за это отъ своей семьи большую или меньшую часть движимаго иму-

щества, смотря по ее средствам, или оставлять за собою часть прав, т. е. по условию онъ получаетъ сейчасъ-же или по смерти отца, или въ случаѣ несогласій его съ тестемъ, часть земли, по размѣрамъ меньшую, чѣмъ онъ могъ бы получить, оставаясь въ семьѣ отца. Въ такомъ случаѣ онъ уже или ничего, или очень мало получить изъ движимаго имущества. Меньше всего даютъ примаку тогда, когда онъ хочетъ удержать часть надѣла точно такъ же послѣ своего ухода, и больше всего, когда онъ выговариваетъ себѣ право на землю въ случаѣ несогласій съ тестемъ. Въ послѣднемъ случаѣ семья идетъ на рискъ. Въ этихъ условіяхъ принимаютъ участіе и родители невѣсты, для которыхъ желательнѣе принять зятя съ землею или съ большимъ имуществомъ.

Такимъ образомъ, семья, изъ которой уходитъ членъ въ пріемы, лишаясь его труда, старается тѣмъ самымъ ограничить его право на землю, надъ которой не перестаютъ трудиться остальные члены; но въ свою очередь, семья, пользующаяся трудомъ новаго члена, обязана вознаграждать его трудъ; если онъ не поставилъ условій, чтобы такое вознагражденіе состояло въ извѣстной суммѣ правъ его на общее имущество новой его семьи, то послѣдняя во всякомъ случаѣ обязана вознаградить его трудъ платою, какъ рабочему.

Съ положеніемъ примака въ семьѣ наиболѣе сходно положеніе пріемыша и семьянина вообще.

Сущность положенія пріемыша, — все равно, принятаго въ семью взрослымъ, или же выросшаго въ ней, — и семьянина-сдольника, т. е. лица, принятаго для совмѣстнаго труда въ хозяйствѣ, въ ихъ отношеніяхъ къ семьѣ, среди которой они живутъ, одинаково опредѣляется ихъ правомъ на землю. Едина-ли извѣстны также способы законнаго усыновленія.

Предлагающій усыновить, принять къ себѣ въ домъ, улаивается или съ отцомъ своего будущаго пріемнаго сына, или съ этимъ послѣднимъ, если онъ уже взрослый, или наконецъ, что чаще всего бываетъ въ послѣднемъ случаѣ, и съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; сущность договора состоитъ въ томъ, принимаетъ ли хозяинъ къ себѣ пріемыша „за сына“, или просто беретъ безъ обязательныхъ для себя условій. На послѣднемъ основаніи принимаются лишь круглые сироты и др. бездомные, сдаваясь на волю принимаателя, такъ какъ въ другихъ случаяхъ и семья не отпускаетъ своего члена, т. е. не откажется отъ его труда, да и онъ самъ не уйдетъ, не надѣясь окончательно утвердиться въ новой семьѣ.

Выраженіе *за сына* имѣетъ въ глазахъ крестьянъ юридическое значеніе. Пріемъ бываетъ обставленъ разными формальностями. Послѣ предварительныхъ переговоровъ съ родителями, опроса самого пріемыша и др., собираются при свидѣтеляхъ, родственникахъ, иногда зовутъ и старосту, и здѣсь еще разъ повторяютъ и точно разрабатываютъ условія пріема. Хозя-

инъ официально заявляетъ, что онъ беретъ такого-то „за сына“, дастъ ему по смерти своей, или при раздѣлѣ съ собственными дѣтьми, если таковыя есть, такую-то часть хозяйства, а принимаемый долженъ исполнять такую-то обязанность. Послѣднія состоятъ особенно въ почитеніи къ пріемному отцу, послушаніи, неленивой работѣ, и „кабъ очи закрѣ“, какъ помру я, або малъ баба“ (жена) и пр.

Иногда пріемъ, особенно сиротъ, дѣлается передъ громадой, или съ разрѣшенія ея, что однако не мѣшаетъ заключенію еще и письменнаго условія съ принимаемымъ¹⁾.

¹⁾ Приводимъ для иллюстраціи слѣд. примѣръ (Горбач. вол.): „1878 года мая 30 дня. Мы, крестьяне дер. Вороновичи Захарій Анисѣевъ и дер. Писчахъ Тимофей Болбасъ заключили условіе въ слѣдующемъ: 1. Я, Захарій Анисѣевъ, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ и не имѣя сыновей, а имѣю надѣльную землю при дер. Вороновичахъ въ количествѣ 16 десят., сдать такуюю обрабатывать не могу и даже для себя и жены не въ силахъ заработать куска хлѣба, за лучшее обдумалъ свою землю отдать въ вѣчное владѣніе Тимофею Болбасу, на что общество изъявило согласіе, съ тѣмъ, что Болбасъ обязанъ меня и жену мою взять къ себѣ и продержатъ до смерти, уважать насъ обоихъ какъ своихъ родителей, уплачивать за меня всѣ повинности, а также и за землю, такъ чтобы ко мнѣ никто не имѣлъ претензій; при чемъ возлагаю обязанность на Болбаса такуюю: такъ какъ у меня нынѣ есть малолѣтняя дочь, которая дойдетъ до совершеннолѣтій дѣтъ и придетъ ей выйти въ замужество, — обязанъ онъ сдѣлать своимъ капиталомъ свадьбу и дать приданое по обычаю крестьянскому, а впередъ до выхода ея въ замужество должна находиться при Болбасу, и онъ ее не долженъ обижать, а уважать какъ свою родную; послѣ смерти нашей никто не вправе отъ Болбаса отнять землю. 2. Я, Болбасъ, на предложеніе мнѣ Анисѣевымъ согласенъ, обязуюсь какъ самъ такъ и семейство мое уважать Захарія и жену его, какъ своихъ родныхъ“. Подпись.

Въ данномъ случаѣ пріемышъ принятъ вслѣдствіе отсутствія въ семьѣ сыновей, обязанности которыхъ онъ долженъ исполнять.

Особеннымъ интересомъ отличается еще слѣд. дѣло по принятію пріемыша. Сельское Осовское общество (Бобр. у.) въ 1876 г. составило приговоръ по поводу просьбы односельчанина своего Ерм. Кухарчика; послѣдній просилъ общество „въ томъ, что онъ, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ не имѣетъ дѣтей и родства, а имѣетъ хорошее хозяйство и земельный надѣлъ 10½ десят., желаетъ какъ движимое такъ и недвижимое свое хозяйство отдать въ вѣчное владѣніе крестьян. дер. Осова Дорофею Щерѣ, котораго онъ, Кухарчукъ, принялъ къ себѣ какъ родного сына. Приговорили: принять въ уваженіе просьбу Ермолая Кухарчика, признаемъ, что дѣйствительно онъ есть въ преклонныхъ лѣтахъ, самъ управлять хозяйствомъ не можетъ, дѣтей и родныхъ не имѣетъ, то на основаніи Полож. о выкупѣ ст. 164 изъявляетъ согласіе на передачу Дорофею Щерѣ надѣяннаго земельного надѣла съ тѣмъ, что Дорофей, вступивши въ права хозяина, обязанъ уплачивать какъ выкупной платежъ, такъ равно и другія повинности полностью“.

Вслѣдствіе этого приговора Кухарчикомъ и Щербою тогда же было заключено условіе, по которому первый передаетъ Щерѣ надѣльную и купленную землю, „на вѣчное владѣніе сказанному пріемышу съ тѣмъ, что онъ обязанъ меня и жену мою Феклу уважать, какъ собственныхъ своихъ родителей, повиноваться во всемъ,

Принимают белорусы приемшей очень охотно, особенно подростки, даже многосемейные. С одной стороны надеются на его рабочий труд, с другой—примет сироты составляет нравственную обязанность зажиточного крестьянина, особенно родственника сироты. Принудить взять может даже общество или родственники.

Предпочитают принимать родственников, особенно тех, которые рассчитывают передать приемшу землю, хозяйство. Белорусы стремятся к тому, чтобы „очи закрыть“ челоуѣкъ изъ своего рода, (т. е. семьи: родъ понимаютъ въ этихъ случаяхъ въ тѣсномъ смыслѣ), именно тотъ, который послѣ него будетъ жить въ его же хатѣ, пахать ту-же землю, что и онъ пахалъ (закрыть глаза мертвому, особенно хозяину непременно долженъ старшій изъ мужичиъ, остающихся въ домѣ); а умереть, не оставивъ лица, которое обязано было-бы „похвацаъ, очи закрыть“ (т. е. безъ преемника), белорусы считаютъ величайшимъ несчастьемъ.

По отношенію къ приемшу, усыновитель заступаетъ мѣсто отца. Приемшъ зоветъ его отцомъ, даже и тогда, когда послѣдній ему приходится дядей. Для равныхъ себѣ въ семьѣ приемшъ—семьянинъ, для младшихъ, при личныхъ обращеніяхъ,—дядька, въ другихъ случаяхъ—тоже семьянинъ.

Вступивъ въ домъ, приемшъ пользуется всѣми обусловленными имъ или его родственниками правами. Самъ усыновитель не можетъ измѣнить договора, если нѣтъ причинъ со стороны усыновленнаго. Судъ строго поддерживаетъ права послѣднихъ.

Такъ, въ одномъ дѣлѣ мы находимъ любопытныя данныя по этому вопросу. Дядя прогналъ отъ себя приемша—племянника; но дядя доказы-

за хозяйствомъ смотрѣть, какъ за своими собственнымъ. Повинности какъ за землю, такъ и другіе платежи обязанъ уплачивать аккуратно; при чемъ предоставляю полное право Дороефу,—какъ я хорошо знаю, что у него есть родная мать и живетъ оособо, но въ бѣдности, когда пожелаетъ отъ сына вспомошествованіе,—давать ей, ему прекословить и упрекать не долженъ. Послѣ нашей смерти Дороефъ имѣетъ полное право съ хозяйствомъ нашимъ и землею поступать по его собственному усмотрѣнію; на случай Дороефъ умереть прежде, чѣмъ я и жена моя,—если Дороефъ женится и у него будутъ дѣти то мы, обязаны ихъ смотрѣть какъ своихъ собственныхъ и хозяйство съ землею остается въ пользованіе дѣтей Дороефа.—Если Дороефъ будетъ неуважителенъ и неисполнитъ всего предложеннаго въ точности, въ такомъ случаѣ я и жена моя имѣемъ право устранить отъ всего и претензіи Дороефа имѣть не долженъ.

Видимо, оба контрагента не безъ основанія старались обставить сдѣлку цѣлымъ рядомъ условій. Въ 1892 г. семейство Бухарчика, тогда уже покойнаго, предъявляетъ искъ къ Щербѣ на землю брата, утверждая, что послѣдній поступилъ къ ему брату „на службу“ и завладѣлъ послѣ смерти землей. Судъ отказалъ истцу, удостоверившись въ правахъ отвѣтника.

валъ, что племянникъ самъ ушелъ къ своему отцу, притомъ племянникъ имѣетъ свою землю изъ трехъ десятинъ личнаго надѣла, которымъ пользуется его отецъ, отставной солдатъ. Племянникъ доказывалъ, что дядя самъ его прогналъ, а „права свои на движимое и недвижимое имущество дяди онъ простираетъ на томъ основаніи, что какъ до освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, такъ и послѣ освобожденія онъ *активно сѣ дядю въмѣстѣ* до сего года (1887) и пользовался всѣми правами *семьянина* и на этомъ основаніи домогается отъ дяди третьей части всего имущества“. На судѣ выяснилось изъ показаній свидѣтелей „что П. Домась (примѣшъ) равноправный въ владѣніи имуществомъ, состоявшимся онъ *активно сѣ дядю въмѣстѣ* до сего года въ ихъ общемъ пользованіи“ (Пин.). Племянникъ могъ-бы сослаться просто на то, что онъ былъ принятъ за сына, какъ это мы видимъ въ другихъ случаяхъ. Но здѣсь онъ ссылается на свой трудъ съ дѣтства и на свои права семьянина. Въ томъ же дѣлѣ и показанія свидѣтелей. Поэтому можно думать, что подтвержденіе правъ племянника на имущество усыновившаго его дяди было двойное: племянникъ былъ сначала въ дѣтствѣ принятъ за сына, или просто взятъ безъ условій, какъ сынъ ушедшаго въ солдаты и безземельнаго (отецъ пользовался землею сына, значить какъ солдатъ, взятый до освобожденія, надѣла не получалъ). Уже позже, когда приемшъ возмужалъ, права его были подтверждены тѣмъ, что онъ былъ объявленъ дядею семьяниномъ на равныхъ правахъ. На это послѣднее онъ особенно и напиралъ.

Такіе договоры съ выросшимъ уже приемшемъ извѣстны и въ другихъ случаяхъ. Одно дѣло, напр., рассказываетъ, что племянникъ съ колыбели жилъ съ матерью при дядѣ (по матери). Но по смерти первой жены дяди, вторая жена прогнала приемша (значить онъ, какъ сирота, былъ принятъ безъ условій въ домъ дяди, „на сумленіе“, какъ говорятъ белорусы). Но по смерти второй жены дядя снова пригласилъ его жить у себя и засагать за него невесту, родители которой рѣшились выдать свою дочь съ тѣмъ условіемъ, что дядя подтвердитъ права племянника на половину надѣла. Дядя подтвердилъ при свидѣтеляхъ. Но когда третья жена снова выгнала племянника, то на судѣ дядя заявилъ, что онъ самъ откупилъ отъ племянника (т. е. самъ нарушаетъ условіе съ нимъ), даетъ ему сейчасъ $\frac{1}{3}$ земли, а по смерти половину. Судъ подтвердилъ условіе (Рѣч.). И въ этомъ случаѣ очевидно желаніе приемша удвоить свои права правомъ семьянина.

До сихъ поръ мы говорили о приемшахъ муж. пола. Рѣже, но белорусы принимаютъ „на правахъ дочери“ и лицъ женскаго пола, причемъ онѣ пользуются всѣми правами и положеніемъ дочерей въ семьѣ ¹⁾.

¹⁾ Приведемъ слѣд. примѣръ (Бобр. у.):

Крестянка дер. Старинкохъ дѣвца дѣрля Евсейчикъ жаловалась на крестья-

Такимъ образомъ положеніе пріемыша сливается съ положеніемъ семьянина-сдольника и примака и взаимно дополняются одно другимъ, и это наблюдается не только въ правовомъ отношеніи, но и въ личныхъ отношеніяхъ членовъ, вступившихъ между собою въ соглашеніе, какъ это было уже отмѣчено. Въ самомъ дѣлѣ, въ положеніи семьянина мы наблюдаемъ совершенно аналогичныя черты. Разница состоитъ въ томъ, что пріемышъ не приноситъ своего имущества, а семьянинъ и примакъ часто являются въ чужую семью съ своимъ имуществомъ, скотомъ, орудіями и пр. Последніе также переходятъ въ принимающую его семью на основаніи договора, существенной стороной котораго является, разумѣется земля. Приведемъ еще одно любопытное указаніе на такое условіе. Такъ, одна крестьянка, покойный мужъ которой принялъ къ себѣ семьянина, поспоривши съ послѣднимъ, хотѣла продать движимое имущество и требовала пожизненнаго пропитанія отъ него. Семьянинъ заявилъ, что „отецъ (его) не соглашался (на переходъ въ семью покойнаго), пока онъ не передастъ ему письменно всего имущества“. Судъ оставилъ за семьяниномъ надѣлъ, всѣ постройки и часть скота, а жаловищъ предоставилъ другую часть скота, пользованіе старой избой, $\frac{1}{4}$ посѣва ржи за этотъ годъ и на будущее время по 3 пуда ежегодно (Рѣш.), т. е. тоже самое, что предоставляетъ матери—вдовѣ при ея несогласіяхъ съ сыновьями.

Подтвержденіе той же обязанности правъ принимаемыхъ членовъ семьи мы находимъ и въ другихъ случаяхъ: и сдольникъ, и примакъ и пріемышъ дѣлаются хозяевами въ семьѣ по смерти принявшаго ихъ, заботятся о престарѣлыхъ членахъ, являючися опекунами малолѣтнихъ членовъ семьи, ихъ принявшей, и пр. Однимъ словомъ, они дѣлаются полноправными членами семьи. Дѣйствіе договора съ примакомъ, пріемышемъ и сдольникомъ предполагается пожизненнымъ, т. е. до смерти одной изъ сторонъ, рѣдко ограничиваются какимъ-либо срокомъ. Поэтому, если расходятся раньше, то работавшій на хозяйствѣ другого требуетъ по крайней мѣрѣ

нина дер. Бобръ Романа Курильчука въ слѣдующемъ: Романъ взялъ ее къ себѣ *на правахъ дочери*, когда ей было 7 л. Съ того времени она пробывала у него до 20 л., т. е. до весны сего года, но когда ее стали притѣснять, она была принуждена уйти отъ Курильчука, взявъ съ собою только нѣсколько штукъ полотна. Такъ какъ за все время пребыванія у Курильчука она ничего не получила, проситъ судъ присудить съ Романа въ ея пользу, считая за каждый годъ по 6 руб., за 13 лѣтъ 78 рублей. Курильчикъ показавъ: что взялъ ее къ себѣ на правахъ дочери, когда ей было всего 7 лѣтъ и, конечно, обязался и воспитать и выдать замужъ съ приданымъ приданымъ, но она ушла къ брату..., что онъ не соглашался ей уплатить деньгами, такъ какъ на то не было уговору. Судъ рѣшилъ: взыскать съ Романа Курильчука въ пользу Дарыи Евсейчикъ деньгами 25 руб., оставивъ въ ея же пользу забранную ею одежду.

вознагражденія за свой трудъ, какъ работника, и возврата внесеннаго имъ имущества.

Мы рассмотрѣли право лицъ, входящихъ въ составъ семьи и дѣлающихся ея членами—примака, пріемыша и семьянина. Мы не могли не замѣтить изъ многихъ приведенныхъ примѣровъ, что всѣ интересы, какъ цѣлой семейной группы, такъ и отдѣльнаго ея члена, всѣ стороны крестьянской жизни сосредоточиваются на двухъ главныхъ факторахъ ея—на отношеніяхъ къ землѣ и на трудѣ, который къ ней прилагается. Только съ цѣлью устроить себя болѣе или менѣе сносно по отношенію къ землѣ соединяются въ одну семейную общину двѣ семьи, изъ которыхъ у одной есть свободная рабочая сила, а у другой земля, къ которой можно приложить ее; только ради земли примакъ уходитъ изъ родительской семьи къ дому тестя, чтобы, перенеся нѣсколько лѣтъ тяжелаго труда работника, сдѣлаться потомъ самостоятельнымъ хозяиномъ-собственникомъ клочка земли; съ тою же цѣлью поступаетъ пріемышъ въ семью усыновителя. Семья и примака и пріемыша лишается труда одного изъ своихъ работниковъ, надѣясь заполнить его землю и такимъ образомъ вознаградить себя за трудъ успешнаго, который бы былъ обращенъ на приобретение семейнаго имущества. Родители подыскиваютъ въ невѣстѣ хорошую работницу, чтобы воспользоваться ея трудомъ. Всѣ сдѣлки относятся къ землѣ; ссоры и раздоры, заставляющіе нарушать ихъ, разлагающіе большую семью и общину, происходятъ отъ неумѣнья раздѣлить трудъ, прилагаемый къ землѣ, отъ того, что одинъ работаетъ больше, другой меньше, отъ того, что одинъ укоряетъ другого въ плохомъ приложеніи своего труда. Примѣры подобнаго рода мы еще увидимъ, когда будемъ говорить о раздѣлахъ. Но и изъ этого уже видно, что земля и трудъ составляютъ сущность народныхъ интересовъ, а потому обратимся къ ближайшему изученію принципиальныхъ взглядовъ народа въ отношеніяхъ къ тому и другому.

Земля самый дорогой предметъ для бѣлоруса. Во всѣхъ его многочисленныхъ обрядахъ, пѣсняхъ, сказкахъ, отличающихся древностью воззрѣній, проглядываетъ глубокое чувство почтенія къ землѣ. Это вполнѣ понятно, потому что земля много вѣкомъ питала его и питаетъ теперь. Съ представленіемъ о землѣ тѣсно связывается представленіе о родѣ, въ смыслѣ прямого продолженія потомства. Мы видѣли, какъ дорожитъ бѣлорусъ тѣмъ, чтобы имѣть наследника, который-бы сѣлъ на его мѣсто, обрабатывалъ-бы и почиталъ ту самую землю, на которой проливали потъ его дѣды: если онъ не имѣетъ сына, онъ старается заранее принять пріемыша, зятя—примака, чтобы этотъ продолжилъ его родъ. Правда, отношенія къ землѣ начинаютъ колебаться въ молодомъ поколѣніи: незначительность, дробность надѣла, скудость почвы, сознаніе, что его родъ, потомство, долж-

но будет разбредиться, потому что внукамъ ѣсть будетъ нечего, — все это сильно колеблетъ отношенія крестьянина къ землѣ, заставляетъ его обращать больше вниманія на посторонніе заработки, отправлять лишнія работы руки искать счастья въ городахъ и пр.

Но все таки старыя основы народнаго міровоззрѣнія еще крѣпки. Въслѣдствіе указаннаго отношенія къ землѣ, мы замѣчаемъ прежде всего постоянное стремленіе къ тому, чтобы она не выходила изъ рода, понимаемаго то въ болѣе узкомъ, то въ болѣе широкомъ смыслѣ, въ значеніи всей родни вообще. Такъ, мы встрѣчаемся съ такимъ, напр., рѣшеніемъ: одинъ крестьянинъ, бездѣтный, передалъ другому свой надѣлъ; но по смерти послѣдняго жена его передала надѣлъ во временное владѣніе другому. Тогда вдова первого потребовала землю обратно; судъ возвратилъ ей землю на томъ основаніи, что мужъ ея былъ родственникъ покойнаго владѣльца земли (Рѣч.). Это стремленіе удержатъ надѣлъ среди родственниковъ указываетъ на то, что сама земля въ воззрѣніяхъ бѣлорусса принадлежитъ не лично ея владѣльцу, а ему лишь по столько, по сколько онъ представитель прежде всего рода, и хозяинъ — главарь, является лишь ея распорядителемъ. Всякая сдѣлка послѣдняго на землю, при законныхъ наслѣдникахъ, поэтому, считается недействительной. Мы имѣемъ многочисленныя подтвержденія сказаннаго. Въ одномъ случаѣ крестьянинъ передалъ свой надѣлъ другому при свидѣтеляхъ „на вѣчныя времена“. Но черезъ десять лѣтъ, когда подросли его наслѣдники, они рѣшили отнять землю. Несмотря на показанія свидѣтелей о томъ, что сдѣлка была совершена на вѣчныя времена, судъ, находя, что „такъ какъ у Мацака (зак. владѣлецъ земли) есть законные наслѣдники, то онъ не имѣлъ права продавать свой надѣлъ на вѣчныя времена“, — и возвратилъ ему землю. (Рѣч.).

Тоже мы встрѣчаемъ и въ другихъ рѣшеніяхъ, причемъ даже письменныя обязательства не имѣютъ въ глазахъ суда значенія (Рѣч., Пин., Бобр. и др. уу.). Вездѣ проводится одинъ и тотъ же принципъ: земля не должна выходить изъ круга родственниковъ, если нѣтъ прямыхъ наслѣдниковъ, или если эти постороннія лица заранѣе не были сдѣланы членами семьи владѣльца, сдольниками. Не письменный актъ имѣетъ значеніе въ глазахъ суда, а родство, права сдольника, трудившагося рядомъ съ владѣльцемъ на землѣ. Трудъ, положенный на обработку земли, крестьянинъ цѣнитъ высоко.

Въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ многочисленныя подтвержденія того, что права на землю освящаются и поддерживаются трудомъ на ней. Не достаточно имѣть права на землю по рожденію, — необходимо, чтобы это право поддерживалось трудомъ. Мы видимъ, что и примакъ, и приемышъ, ушедшіе изъ своей семьи, лишаются въ ней правъ на свою долю, но за

то они приобретаютъ права въ своей новой семьѣ и эти права опять таки обусловлены извѣстнымъ количествомъ труда.

Въ каждомъ рѣшеніи по этимъ вопросамъ, мы видимъ упорное стремленіе выяснитъ, действительно ли примакъ или семьянинъ трудился въ новой семьѣ. Если онъ не трудился до смерти хозяина (а это обычный обусловливаемый или подразумеваемый срокъ), то судъ лишь признаетъ его права на вознагражденіе. Этимъ принципиальнымъ взглядомъ на отношенія труда къ землѣ объясняется и то, что членъ семьи, почему-либо вообще долго не жившій въ семьѣ, или совсѣмъ не жившій въ ней, несмотря на свои права по рожденію, лишается всѣхъ, или части своихъ правъ на землю. Это особенно относится къ взгляду крестьянъ на права отставныхъ солдатъ на общій надѣлъ.

Въ литературѣ часто раздаются голоса, что замѣчаемое среди крестьянъ желаніе устранить солдатъ отъ пользованія землей происходитъ не изъ совсѣмъ хорошихъ побужденій ихъ отцовъ и братьевъ. Но такіе нападки на крестьянъ не совсѣмъ ибры. Указанныя отношенія крестьянъ къ солдатамъ объясняются ихъ основнымъ взглядомъ на трудъ. Въ послѣднее время солдаты, уходившіе лишь на 3—5 лѣтъ изъ семьи и потомъ въ нее возвращавшіеся, не теряютъ своихъ правъ на надѣлъ, такъ какъ время ихъ отлучки незначительно; имъ не даютъ только того движимаго имущества, которое приобретено было въ ихъ отсутствіе. Но когда солдаты служили по 15—20 лѣтъ и возвращались въ семью уже отвыкшими и мало способными къ сельскимъ работамъ, то обычное право отказывало имъ въ ихъ правахъ на землю. Въ нашихъ источникахъ мы находимъ этотъ взглядъ вездѣ строго проведеннымъ и вездѣ указывается на то, что солдаты не жили вмѣстѣ, не работали вмѣстѣ.

Но если солдатъ возвращался домой и успѣвалъ снова начать трудиться сообща, то права его на землю остаются, но крайней мѣрѣ на меньшій, чѣмъ бы слѣдовало надѣлъ.

Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ любопытный документъ. Солдатъ былъ призванъ въ 55 г. и уволенъ въ 57 г., потомъ снова призванъ въ 63 г. и уволенъ въ 65 г. Онъ успѣлъ прожить въ семьѣ брата послѣ этого 6 лѣтъ, но былъ устраненъ послѣднимъ и жилъ на сторонѣ. Въ 1880 г. онъ началъ тяжбу съ братомъ о землѣ, которая продолжалась до 1889 г. Судъ присудилъ ему пользоваться третьей частью земли, но крестьянское присутствіе четыре раза отбѣгло рѣшеніе суда, разъяснивъ, что солдатамъ, отданнымъ до 10 ревизіи, земля не полагается. Судъ, еще разъ разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что солдатъ до поступленія на службу, въ промежутокъ между нею и послѣ нея 6 лѣтъ сряду работалъ въ семьѣ и успѣлъ недобровольно, и снова присудилъ ему $\frac{1}{3}$ надѣла, „на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту“ (Пин.). Совершенно анало-

гичны и другія рѣшенія. Тотъ же принципъ проводится, напр., въ слѣд. дѣлѣ, хотя рѣчь идетъ уже не о солдатѣ: одинъ братъ ушелъ отъ другого вслѣдствіе притѣсненій со стороны послѣдняго, но такъ какъ они работали вмѣстѣ до 1863 г., то судъ призналъ ихъ равноправными владѣльцами.

Такимъ образомъ, членъ семьи, по своей винѣ прерывавшій семейную трудовую традицію по отношенію къ землѣ, лишается ея. Но съ другой стороны трудъ освящается, въ понятіяхъ обычнаго права, права на землю. Недостаточно быть формально принятымъ въ семью—нужно еще на нее потрудиться. Обычное право относится съ глубокимъ уваженіемъ къ долготрѣмному труду, полагаемому на нее: признаетъ часто права на владѣніе землею и постороннихъ лицъ, долго трудившихся на ней и приобретшихъ такимъ образомъ право на самое землю. Такъ, въ одномъ случаѣ вдова передала безъ всякихъ формальностей надѣлъ ея мужа. Черезъ 19 лѣтъ сынъ вдовы выросъ и отнялъ землю у временнаго владѣльца. Но судъ, принимая во вниманіе трудъ этого послѣдняго и то, что онъ все время платилъ подати, позволилъ ему совместно съ законнымъ наследникомъ пользоваться землею, въ половинномъ размѣрѣ (Рѣч.). Но другой примѣръ въ томъ же духѣ еще болѣе интересенъ: судъ рѣшилъ, что такъ какъ временный владѣлецъ (завладѣвъ землею самъ, такъ какъ хозяинъ ея не обрабатывалъ) владѣлъ надѣломъ со дня перехода крестьянина на выкупъ и такъ какъ онъ, „будучи многосемейнымъ и слѣснымъ при томъ, аккуратно выплачивалъ всѣ платежи“ (т. е. былъ хорошимъ хозяиномъ),—то ему и отдана была половина земли (ib).

Ссылки на давность владѣнія въ обоихъ случаяхъ подразумевать нельзя, такъ какъ понятіе о давности по отношенію къ землѣ, при существованіи законнаго наследника, да еще прямого, не имѣетъ приложенія къ народному праву. Здѣсь принципъ одинъ—принципъ труда.

Указывая на значеніе труда въ организаціи облорусской семьи, нельзя не сдѣлать нѣкоторой оговорки въ виду сильныхъ возраженій, выставленныхъ противъ такого пониманія народной жизни. Принципъ трудового начала былъ удачно подмѣченъ г-жею Ефименко и разработанъ ею въ рядѣ талантливо и съ большимъ чувствомъ написанныхъ статей¹⁾.

Ея статьи нашли въ свое время сильное сочувствіе и въ журналистикѣ²⁾ и въ наукѣ: теорію эту поддерживалъ Оршанскій³⁾, и въ практическомъ примѣненіи къ изслѣдованію народной жизни прилагалъ и г. Матвѣевъ⁴⁾ и др. Но теорія эта нашла не менѣе сильныхъ противниковъ, въ

лицъ профессора Пахмана¹⁾, профессора М. Ковалевскаго²⁾, гг. Кулишера³⁾, Мухина⁴⁾ и мн. другихъ.

Теорія г-жи Ефименко не была проведена въ одномъ цѣльномъ изслѣдованіи, и въ ней найдено далеко не мало недостатковъ. Проф. Пахманъ очень убѣдительно доказывалъ, что семья—не артель (на чемъ, впрочемъ, сама г-жа Ефименко не настаиваетъ; выраженія въ этой крайней формѣ можно найти у Оршанскаго), причѣмъ онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду основной типъ римской семьи⁵⁾. Проф. Ковалевскій и г. Кулишеръ разсматривали ту-же теорію съ этнологической точки зрѣнія, хотя непонятно, почему эта послѣдняя точка зрѣнія не можетъ мириться съ современнымъ строемъ крестьянской семьи, и почему наша семья должна оставаться окаменѣлымъ остаткомъ древняго родового устройства⁶⁾, или почему понятіе о трудѣ въ современной организаціи семьи должно поддерживаться суевѣрнымъ представленіемъ первобытнаго человѣка о борьбѣ съ природой, какъ этого хочетъ г. Кулишеръ. Въ народной жизни, правѣ, обрядахъ и поверьяхъ, мы, правда, встрѣчаемъ самыя разнообразныя пережитки первобытнаго общественнаго строя, но эти пережитки являются безсознательными остатками первобытныхъ формъ, символомъ, нѣкогда имѣвшимъ жизненное значеніе, но послѣдующее теченіе народной жизни выдвигаетъ новые принципы, регулирующие народную жизнь въ данное время.

Здѣсь не мѣсто, разумеется, вдаваться ни въ разборъ самой теоріи, ни возраженій, выставленныхъ противъ нея. Обращая еще разъ вниманіе на приведенные факты, мы думаемъ, что они говорятъ сами за себя, по крайней мѣрѣ въ сферѣ нашихъ источниковъ, подтверждаемыхъ лишь личнымъ убѣжденіемъ, которое выноситъ непосредственный наблюдатель. Конечно, трудъ, какъ регуляторъ, имѣетъ наибольшее приложеніе въ семейной общинѣ, въ большой семьѣ, но онъ менѣе дѣйствителенъ въ семьѣ малой, строй которой переходитъ на личныя отношенія, привязанности, чувства родителей къ дѣтямъ. Особенно искусственно сложившаяся семейная община держится только общностью цѣлей труда ея членовъ, и, въ случаѣ неумѣнья приложить этотъ трудъ къ общей выгодѣ, такая община неминуемо распадается. Ислѣдствіе тѣхъ же причинъ распадается не только община, но и большая семья и даже малая: сынъ думаетъ, что отецъ пло-

¹⁾ Обычное право, т. II, стр. 8 и слѣд., ср. стр. 26 и слѣд.

²⁾ Первобытное право, вып. 1, стр. 32 и слѣд.

³⁾ Очерки сравнительной этнографіи и культуры, СПб. 1887 г., стр. 13 слѣд.

⁴⁾ Наслѣдованіе крестьянъ по обычному праву.

⁵⁾ Что вѣрно подмѣчено г-жею Ефименко, см. ея предисловіе въ указ. собр. ея статей.

⁶⁾ Какою хочетъ представить великорусскую семью проф. Ковалевскій въ назв. ст. въ „N. Revue historique du droit“: „Etudes sur le droit coutumier russe“.

¹⁾ Статьи ея собраны въ „Исслѣдованіяхъ народной жизни“. М. 1884 г.

²⁾ См. напр. ст. въ „Русскомъ Богатствѣ“, 1884 г., т. III, стр. 260—72.

³⁾ Нар. судъ и нар. право, стр. 380, 381 и др.

⁴⁾ Нар. его „Оч. юридич. быта Самар. губ.“, „Зап.“ Геогр. Общ. по отл. Этн., т. VIII, стр. 22. Ср. Иванюкова „Общинное земледѣл.“ стр. 5. (отт. изъ „Р. Мысли“).

хой работник, что онъ не умѣетъ хорошо распорядиться, а самъ не властенъ дѣлать, а между тѣмъ ему и его семьѣ приходится терпѣть недостатки,—и сынъ рѣшается требовать раздѣла. Поговорите вы хорошенько съ крестьяниномъ, и вы убѣдитесь, что эти побужденія вызываютъ три четверти раздѣловъ. Основная причина раздѣловъ лежитъ, разумеется, глубже, въ упадкѣ общаго экономическаго строя, въ малоземельности и пр., но крестьянинъ нападаетъ на то, что къ нему поближе, что ему видѣе.

III.

Въ заключение необходимо разсмотрѣть вопросъ о раздѣлахъ, наследованіи и опека. Эти отдѣлы обычнаго права настолько важны, что они могли бы составить предметъ особой работы. Мы, впрочемъ, остановимся на нихъ, лишь настолько, сколько это необходимо для полноты обзора обычнаго права семьи.

Незачѣмъ говорить о причинахъ раздѣловъ. Въ Вѣлороссіи эти причины тѣ-же, что и въ остальной Россіи, и онѣ очень хорошо извѣстны. Общественныя семьи, малоземельность, неурожаи, часто бывшіе въ послѣднее время, трудность найти заработки, и между тѣмъ довольно значительныя подати, обременяющія хозяйственный бюджетъ крестьянина,—вотъ общія причины, вызывающія раздѣлы. Слѣдствія раздѣловъ не менѣе хорошо извѣстны. Старшіе члены семьи, выдѣлившіеся уже съ взрослыми сыновьями, еще перебиваются кое-какъ; но младшіе, обремененные подростками, падаютъ, безсилъютъ подъ тяжестью труда, въ концѣ концовъ бросаются на посторонніе заработки, сплавъ, и все хозяйство приходитъ въ упадокъ. Вышнія причины, вызывающія, по объясненіямъ крестьянъ, раздѣлы, выражаются ссорами среди членовъ семейства. Ивану кажется, что Степанъ лѣнивъ, что онъ могъ-бы въ одинъ день скопить сѣнокосъ, да затаилъ на другой, а тутъ пошли дожди и сѣно пропало; а Степану въ свою очередь кажется, что по винѣ Ивана пала кобыла, цѣлый годъ кормившаяся соломою съ крышъ и т. д. до безконечности. Всякому кажется, что если бы онъ самъ косилъ, не полагаясь на брата, то дождь не сгноилъ-бы сѣна, да и кобыла хоть безъ сѣна, а жила бы и т. д. Братья еще кое-какъ терпятъ, младшій уступаетъ старшему, и тотъ и другой понимаютъ тяжелое положеніе хозяина—одиночки. Но женщины скиваются съ большимъ трудомъ. Онѣ ссорятся другъ съ другомъ изъ-за дѣтей, работы и пр. и если самъ хозяинъ хоть нѣсколько авторитетомъ, не прикрикнетъ въ-время, то эти ссоры ведутъ къ раздѣлу: жены пользуются всякимъ случаемъ, чтобы возбудить враждебныя отношенія между мужьями. Въ рѣшеніяхъ суда мы постоянно встрѣчаемъ указанія на то, что причина раздѣловъ—женскія ссоры, судъ наказываетъ иногда виновныхъ, но это мало помогаетъ дѣлу и только отсрочиваетъ раздѣлъ.

Что касается до отношенія крестьянъ къ раздѣламъ, то въ обществѣ сочувствіе массы не на сторонѣ раздѣла, не исключая даже и тѣхъ, которые сами подѣлились. Они очень хорошо знаютъ всѣ невыгодныя стороны раздѣловъ, но жизнь все таки дѣлаетъ свое и раздѣлы увеличиваются.

Въ бытовомъ отношеніи интересно привести нѣсколько указаній на причины раздѣла. При отрицательномъ взглядѣ на раздѣлы, судъ, слѣдуя общественному мнѣнію, въ каждомъ данномъ случаѣ старается установить различіе такихъ причинъ, которыя дѣлаютъ невозможнымъ дальнѣйшее совмѣстное существованіе семействъ. На судѣ, напр., констатируется, что одинъ изъ братьевъ „отвыкъ отъ работы“, скитается на службѣ по чужимъ дворамъ; понятно, что семьѣ мало пользы отъ такого отбивающаго члена, и судъ даетъ братьямъ раздѣлъ (Бобр.). Изъ другого дѣла выясняется неприглядное положеніе младшаго брата въ семьѣ старшаго, и суду приходится раздѣлить ихъ (Бобр.). Или, наконецъ, члены семьи не выполняютъ всѣхъ условій общей жизни и заставляютъ ихъ исполнять эти условія невозможно, напр. „стали сами себѣ зарабатывать деньги и употреблять ихъ на себя“ (и.), или жена одного изъ братьевъ „здорная женщина и на спокойствіе въ семьѣ нѣтъ надежды“ и т. п. и судъ постановляетъ раздѣлъ. За то съ другой стороны, судъ не разрѣшаетъ раздѣла, разъ есть надежда на то, что семейныя дѣла пойдутъ гладко. Въ одномъ интересномъ дѣлѣ между родными братьями приводится содержаніе трехъ предыдущихъ рѣшеній суда: всѣми ими запрещалось братьямъ дѣлиться, но, наконецъ, раздѣлъ фактически произошелъ помимо суда, какъ видно изъ дѣла, по возможности братьямъ сжиться (Бобр.). Въ другихъ случаяхъ иногда приводятся и аргументы, почему раздѣлъ воспрещается: „семья мала, чтобы жить отдѣльно“, говорить одно дѣло, мотивируя отказъ. Но у суда есть еще одинъ важный аргументъ для отказа въ раздѣлѣ: нежеланіе раздѣла со стороны старшаго въ семьѣ—отца, брата, примака и пр., вообще „хозяина“—служить самою вѣскою причиною для отказа; судъ въ такихъ случаяхъ не только отказываетъ зачинщикамъ раздѣла, но и наказываетъ ихъ за неповиновеніе „старшему въ домѣ“. Такого рода факты настолько многочисленны, что нѣтъ нужды приводить отдѣльныхъ примѣровъ; слѣдуетъ только отмѣтить, что въ южной половѣ Минской губ. и случается отказъ встрѣчается больше, и мотивировка, только что указанная, встрѣчается чаще. Только выясненіе полной невозможности дальнѣйшаго существованія семьи неразрѣдимо, или выясненіе неодобрительныхъ поступковъ, вѣдущихъ къ отношенію къ младшимъ членамъ семьи, можетъ побудить судъ не обратить вниманія на протесты представителя семьи.

Стремясь предупредить раздѣлы, судъ иногда прибѣгаетъ къ средней мѣрѣ, въ практичности которой можно усомниться: онъ предписываетъ раздѣляться движимымъ имуществомъ, жить въ отдѣльныхъ избахъ, но владѣть

землю сообща. (Пин.). Въ одномъ случаѣ, судъ потребовалъ такого общаго владѣнія землею отъ братьевъ, раньше раздѣлившихся (Бобр.). Мало того, судъ готовъ преслѣдовать того изъ братьевъ, который отдѣлился самовольно, безъ согласія остальныхъ: въ такихъ случаяхъ онъ иногда налагаетъ наказаніе, а иногда, подтверждая раздѣлъ, лишаетъ виновника его извѣстной части семейнаго имущества, по крайней мѣрѣ движимаго (Пин.).

Таковъ взглядъ суда на раздѣлъ, и едва ли нужно доказывать, что онъ отражается въ себѣ представленія большей части, наиболѣе консервативной, крестьянскаго общества: практика суда вполне сходитъ съ впечатлѣніями наблюдателя¹⁾.

Отцы не всегда надѣются, что послѣ ихъ смерти дѣти долго проживутъ вмѣстѣ. Вотъ почему нѣкоторые заранее готовятъ все нужное для раздѣла: строятъ общими силами семьи избы и др. хозяйственныя постройки для каждаго сына и пр. Бываютъ раздѣлы и при жизни отца; иногда даже отецъ предлагаетъ сыновьямъ мирно раздѣлиться и дѣлать ихъ самъ, оставаясь или при одномъ изъ сыновей (обыкновенно младшемъ) или, если можетъ еще работать, оставляя себѣ часть равную съ сыновьями; отецъ не можетъ надѣяться своихъ сыновей по своему усмотрѣнію: въ случаѣ малѣйшаго отступленія судъ уравниваетъ права отца съ сыновьями и заставляетъ его дать имъ равныя части²⁾. Если отецъ имѣетъ младшихъ сыновей и выдѣляетъ старшаго сына, то обязанъ ему дать равную часть, но при передѣлѣ земли, когда подрастутъ малолѣтніе, сынъ обязанъ возвратитъ свою землю и раздѣлиться съ братьями поровну (Пин.). Отецъ, оставляющій занятіе хозяйствомъ, можетъ удержатъ себѣ часть земли

¹⁾ Къ нашимъ личнымъ наблюденіямъ прибавимъ еще одинъ отзывъ постоянного жителя бѣлорусской деревни: «Народъ считаетъ раздѣлы разрушителями хозяйства; въ особенности же ими недовольны старики; молодые же мирятся съ раздѣлами, какъ съ неизбежнымъ зломъ потому именно, что никакъ не могутъ удержатъ своихъ женъ отъ ссоръ съ прочими членами семьи» и пр. (П. П. Демидовичъ).

²⁾ Приведемъ слѣд. выдержку изъ одного рѣш. суда Пинскаго у.: Михаилъ Санжъ просилъ рассмотреть дѣло „о завладѣніи его частью земли и сѣнокоса отцомъ его Василіемъ и братомъ Еремѣемъ, за которую онъ уплачиваетъ ежегодно, а также гумна и хлѣба, засѣяннаго ими на его части земли рождю, не даютъ. А потому проситъ о вышеизложенномъ удовлетвореніи. Вслѣдствіе сего быть спрошенъ отецъ Михаила Василій, который показалъ, что онъ третью часть земли отдалъ сыну Михаилу, которую онъ нынѣ пользуется, изъ строеній сдѣланую ему часть получилъ, а гумна ему не сдѣлуетъ. Что же касается до засѣяннаго хлѣба, то такового не давалъ и давать не намѣренъ. Судъ рѣшилъ: „крестьянинъ Василій Санжъ обязанъ дать сыну своему Михаилу въ добавокъ къ имѣющимся у него строеніямъ, еще двѣ стѣнки отъ гумна, а также изъ засѣва ржи 30 сноповъ, кромѣ сего предоставляется право рядовому Михаилу Санжу совмѣстно съ отцомъ и братомъ пользоваться доходами съ $\frac{1}{3}$ части земли и сѣнокоса“.

(обыкновенно седьмую) и передать ее до своей смерти тому сыну, у котораго онъ живетъ; объ этой землѣ мы уже говорили.

Послѣ раздѣла, каждый изъ раздѣлившихся имѣетъ право распоряжаться своимъ участкомъ, какъ ему угодно. Одинъ крестьянинъ, уже раздѣлившійся съ братомъ, пожелалъ взять примакъ къ своей дочери и передать ему землю, такъ какъ сыновей у него не было. Но брать его воспротивился. Дѣло было представлено на судъ и онъ рѣшилъ, что всякій изъ братьевъ можетъ по своему усмотрѣнію передавать землю послѣ раздѣла (Пин.).

Выше шла рѣчь о дѣлѣжѣ имущества при жизни отца. Но если отецъ умираетъ, не раздѣливъ сыновей, то раздѣлъ въ такомъ случаѣ опредѣляется или завѣщаніемъ или обычаемъ, хотя завѣщаніе едва ли когда либо противорѣчитъ обычаю.

Только въ послѣдніе годы бѣлоруссы чаще и чаще обращаются къ письменнымъ завѣщаніямъ. Обыкновенно же все, что завѣщаетъ отецъ своимъ сыновьямъ—это жить мирно, не спорить, жить вмѣстѣ, а если и дѣлиться, то по любви, безъ дракъ, не проклиная имени отца. Эти увѣщанія отца къ дѣтямъ очень обычны: они считаются какъ бы священною обязанностью бѣлоруса, они же вмѣстѣ съ предсмертнымъ благословеніемъ считаются самымъ дорогимъ завѣтомъ для сыновей. Бѣлорусъ умираетъ очень спокойно и прямо смотритъ въ глаза смерти. На смертномъ одрѣ онъ съ мельчайшими подробностями рассказываетъ сыновьямъ, какъ они должны жить и какъ и чѣмъ дѣлиться; только сдѣлавъ такое „наказаніе“ и благословивъ дѣтей, онъ считаетъ свой жизненный долгъ исполненнымъ.

Предсмертное „наказаніе“ замѣняется или дополняется письменнымъ актомъ, когда хозяйинъ предвидитъ раздоры въ семьѣ при дѣлѣжѣ. Убѣжденный ходомъ окружающаго жизни, старикъ рѣшается завѣщаніемъ напередъ распределить имущество между сыновьями¹⁾. Если раздѣлы между

¹⁾ Напр., изъ Бобр. у.: „Я, Колосенко, будучи въ настоящее время уже въ дряхлости и старости, но при здоровомъ умѣ, имѣя двухъ сыновей Мартина и Сафону, оба семейные, пожелалъ распределить при моей жизни принадлежащее мнѣ имущество во избѣжаніе могущихъ возникнуть послѣ моей смерти между моими сыновьями споровъ и тяжбъ. Принадлежащія мнѣ постройки я распределяю такъ: Мартинъ долженъ получить въ свое пользованіе одинъ новый домъ съ сѣнъ двѣ скотскихъ сараи, одинъ сарай для овецъ и одинъ сарай для свиней варивню, одну клѣтѣ и одну дуно; всѣ означенныя постройки въ настоящее находятся уже въ пользованіи Мартина. А другому сыну Сафону я отдаю домъ съ сѣнями, 2 сараи, варивню, клѣтѣ и гумно съ овинами; также и нѣя находятся въ пользованіи Сафона. Все остальное принадлежащее мнѣ должно находиться въ пользованіи такъ, какъ оно находится въ настоящее время, и ни одинъ изъ моихъ сыновей не имѣетъ права протѣстовать имущество къ другому“.

родными братьями далеко не всегда совершаются гладко, то тѣмъ болѣе трудно отстоять свои права примаку, сдольнику, пріемыщу. Неудивительно поэтому, что завѣщанія въ пользу послѣднихъ встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ завѣщанія въ пользу родныхъ сыновей. Такъ, дядя дѣлаетъ устное завѣщаніе при свидѣтеляхъ о раздѣлѣ земли между племянникомъ, которому назначаетъ одну треть ея, и примакомъ, получающимъ остальныя двѣ трети (Пин.). Легко можно предположить, что раздѣлъ между племянникомъ и примакомъ могъ бы повести къ цѣлому ряду споровъ¹⁾. Весьма понятно также желаніе примака или сдольника, право на землю которыхъ основывается на обычаяхъ, утвердить за своими наслѣдниками землю. Такъ, напр., отчимъ-примакъ, владѣвшій въ качествѣ хозяина-примака землею пасынка, дѣлаетъ письменное духовное завѣщаніе въ пользу и пасынка и своихъ дѣтей (Пин.) и т. д. Завѣщаніе матери намъ встрѣтилось всего одно, но и оно передаетъ волю ея покойнаго мужа, выраженную имъ при своемъ духовномъ отцѣ. При отсутствіи завѣщанія порядокъ раздѣла покоится на обычаяхъ.

При жизни отца раздѣлъ совершается весьма просто: неизвестны даже случаи приглашенія постороннихъ лицъ для совершенія раздѣла. Братья, если дѣлятся въ согласіи, иногда обходятся безъ постороннихъ лицъ. Но въ спорныхъ случаяхъ присутствіе послѣднихъ обязательно. Иногда дѣлящіеся приглашаютъ только близкихъ людей, родственниковъ, но бываютъ раздѣлы и при стеченіи 20 человѣкъ (Пин.), съ участіемъ сельского старосты, или даже всего сельского общества: большинство раздѣловъ доволь-

¹⁾ Привожу еще одно рѣшеніе Горб. в.: Я, Андрей Шереметь, будучи въ настоящее время уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, но при здоровомъ умѣ, имѣя двухъ дочерей, старшую Александра и младшую Ирину, изъ которыхъ къ Александру въ настоящее время приняла въ мужа Ивана Севруна, пожелаю заблаговременно распределить между ними принадлежащее мнѣ имущество во избѣжаніе могущаго возникнуть послѣ моей смерти спора о такомъ. Принадлежащее мнѣ движимое имущество и строенія я распределяю такъ: старшей своей дочери Александрѣ я завѣщаю жилой домъ съ сѣнами, 1 новый сарай, одного мохолого мерина масти чужей и двое старыхъ свиней, а младшей Иринѣ варьяноу, гумно, одного старого чна и 2 свиней. Присвоеннымъ выше имуществомъ дочери мои Александра и я могу воспользоваться лишь послѣ моей смерти, но если младшая дочь еще при моей жизни или послѣ моей смерти выйдетъ замужъ въ другое, т. е. не приметъ мужа къ себѣ на мое хозяйство, то она имѣетъ право въ видѣ приданаго описанный ей выше скотъ, а завѣщанныя ей строенія оставаться на мѣстѣ и перейти въ собственность старшей дочери въ собственность которой по выходѣ Ирины въ замужество въ другею остаются и все положительно принадлежащее мнѣ имущество, кромѣ ринѣ приданаго.

родными братьями далеко не всегда совершаются гладко, то тѣмъ болѣе трудно отстоять свои права примаку, сдольнику, приемнику. Неудивительно поэтому, что завѣщанія въ пользу послѣднихъ встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ завѣщанія въ пользу родныхъ сыновей. Такъ, дядя дѣлаетъ устное завѣщаніе при свидѣтеляхъ о раздѣлѣ земли между племянникомъ, которому назначаетъ одну треть ея, и примакомъ, получающимъ остальные двѣ трети (Пин.). Легко можно предположить, что раздѣлъ между племянникомъ и примакомъ могъ бы повести къ цѣлому ряду споровъ¹⁾. Весьма понятно также желаніе примака или сдольника, право на землю которыхъ основывается на обычѣ, утвердить за своими наслѣдниками землю. Такъ, напр., отчимъ-примакъ, владѣвшій въ качествѣ хозяина-примака землею пасынка, дѣлаетъ письменное духовное завѣщаніе въ пользу и пасынка и своихъ дѣтей (Пин.) и т. д. Завѣщаніе матери могло встрѣтиться всего одно, но и оно передаетъ волю ея покойнаго мужа, выраженную имъ при своемъ духовномъ отцѣ. При отсутствіи завѣщанія порядокъ раздѣла поконится на обычѣ.

При жизни отца раздѣлъ совершается, весьма просто: неизвестны даже случаи приглашенія постороннихъ лицъ для совершенія раздѣла. Братья, если дѣлятся въ согласіи, иногда обходятся безъ постороннихъ лицъ. Но въ спорныхъ случаяхъ присутствіе послѣднихъ обязательно. Иногда дѣлящіеся приглашаютъ только близкихъ людей, родственниковъ, но бываютъ раздѣлы и при стеченіи 20 человекъ (Пин.), съ участіемъ сельского старосты, или даже всего сельского общества: большинство раздѣловъ доволь-

ствуется присутствіемъ третьихъ лицъ, но иногда составляется ими же письменный актъ¹⁾.

Нѣтъ нужды подтверждать особыми примѣрами права при раздѣлѣ отдѣльныхъ членовъ семьи на общее имущество. Единокровные братья получаютъ равныя части отцовскаго имущества. Если дѣлятся племянникъ съ дядями, то онъ получаетъ часть, которая слѣдовала бы его отцу. Изба отцовская переходитъ къ младшему изъ братьевъ съ тѣмъ однако, что онъ помогаетъ въ постройкѣ старшимъ; если отцовская изба весьма плоха, то младшему брату надбавляется что-либо изъ построекъ. Надирные постройки дѣлятся поровну, по стѣнкамъ. Если одинъ изъ братьевъ не участвовалъ въ возведеніи той или иной постройки (будучи, напр., въ солдатахъ или на заработкахъ въ свою пользу), то онъ и не получаетъ изъ нея соответственной части. Также примѣняется и въ томъ случаѣ, если братъ не жилъ въ семьѣ при покупкѣ скота, посѣвѣ хлѣба и пр. Надо имѣть въ виду, что если братья единокровные въ малолѣтствѣ не живутъ на землѣ отца, уходя съ матерью къ отцу, то они не теряютъ правъ своихъ на землю. Съ другой стороны, необходимо напомнить, что при раздѣлѣ принимается въ расчетъ и то, всѣ ли братья одинаково трудились на общей землѣ. Если одинъ изъ нихъ не работалъ въ семьѣ по собственному желанію, уйдя напр., въ пріемы или промысли, то такой земли не получаетъ.

Всякаго рода обязательства, напр. долги, принятые на себя главою

¹⁾ Приведемъ еще одно рѣшеніе Горб. в.: Я. Андрей Шереметь, будучи въ настоящее время уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, но при здоровомъ умѣ, имѣя двухъ дочерей, старшую Александра и младшую Ирину, изъ которыхъ къ Александру въ настоящее время приняла въ мужья Ивана Северна, пожелалъ заблаговременно распределить между ними принадлежащее имъ имущество во избежаніе могущаго возникнуть послѣ моей смерти спора о таковомъ. Принадлежащее имъ движимое имущество и строения я распределяю такъ: старшей своей дочери Александрѣ я завѣщаю жилой домъ съ сѣнами, 1 новый сарай, одного молодого мерина старшей и двое старыхъ свиней, а младшей Иринѣ варняню, гумно, одного старшачна и 2 свиней. Присписаннымъ выше имуществомъ дочери мои Александра и я могу воспользоваться лишь послѣ моей смерти, но если младшая дочь еще при моей жизни или послѣ моей смерти выйдетъ замужъ въ другое мѣсто, т. е. не приметъ мужа къ себѣ на мое хозяйство, то она имѣетъ право въ видѣ приданаго описанный ей выше скотъ, а завѣщанныя ей строения остаются на мѣстѣ и переходятъ въ собственность старшей дочери въ собственность которой по выходѣ Ирины въ замужество въ другое мѣсто и все положительно принадлежащее имъ имущество, кромѣ рѣшенія приданаго.

¹⁾ Бобр. у.: 1892 года, октября 13 дня. Мы нижеподписавшіеся крестьяне Бобрыйскаго уѣзда, Горбачевичской волости, Сычковского общества, села Сычкова Онуфрій Белозоровъ Гринюк, дер. Миронина Михайла Тимофеевъ Сафонъ и застѣпка Краснаго Игнатій Бобокъ, будучи приглашены по добровольному желанію кр. нашего общества, села Сычкова родными братьями Климомъ, Тимофеемъ и Савеліемъ Павловыми Zubovичами для раздѣла ихъ между собою спора въ отношеніи между ними ихъ движимаго и недвижимаго имущества и рѣшенія таковаго по нашему убѣжденію, осмотрѣвъ ихъ строенія мы рѣшили: 1-му Климу должно остаться изъ строеній жилой домъ съ сѣнами, въ которомъ онъ живетъ, скотскій хлѣвъ и половину пуги, а гумно пополамъ съ двоюроднымъ братомъ Платономъ Zubovичемъ. 2-му Тимофею должно остаться дворъ, жилой истопка, амбаръ, половина скотскаго хлѣва и половина запаснаго гумна, и 3-му Савелію должно остаться пяти аршинный хлѣвъ и половина восьми аршиннаго, а жилой домъ ему построить новый Имѣющаеся у нихъ земля въ количествѣ 10 1/2 дес. должна остаться въ общемъ пользованіи Клима и Тимофея Zubovичей, за которую они общими силами должны выплачивать денежныя и отбывать натуральныя повинности, а брату ихъ Савелію они должны уступить безплатно кусокъ земли, гдѣ онъ построилъ себѣ жилой домъ, и дать ему же за причитающийся платежъ сѣнокоса среднюю лучку въ уроч. Галахъ; и такъ какъ Тимофей и Савелій отомли отъ Клима по собственному желанію, то Тимофей и долженъ дать Савелію изъ своей части кусокъ пахатнаго поля въ уроч. подѣ Василевичи, гдѣ уже онъ ни къ Климу, ни къ Савелію касаться не долженъ.

семьи, отчимомъ, старшимъ братомъ и др., въ имущественномъ отношеніи падаютъ на всѣхъ тѣхъ, кто владѣетъ имуществомъ¹⁾.

По опредѣленности правовыхъ нормъ съ правами братьевъ надо сопоставить права сдольниковъ, примака или пріемиша. Ихъ участіе въ общесемейномъ имуществѣ зиждется на обычай или на письменномъ договорѣ, который приходитъ въ послѣднее время въ подтвержденіе обычая. Общественное мнѣніе о такихъ лицахъ наводитъ справку въ одномъ направленіи: было ли оно въ семьѣ семейникомъ, или простымъ рабочимъ. Въ первомъ случаѣ они получаютъ часть земли или опредѣленную договоромъ, или равную съ остальными сонаслѣдниками. Выше было достаточно говорено о правахъ пріемныхъ членовъ семьи на общее имущество, и здѣсь нѣтъ нужды повторять прежнее.

Гораздо труднѣе опредѣлить права наслѣдованія такихъ лицъ, которые не являются сыновьями, родными или пріемными, оставившаго имущество лица. Практика волостного суда имѣетъ мало случаевъ высказаться по этому поводу, понятія крестьянской среды также смутны. И это вполне понятно. Стоить ближе взглянуть въ народную жизнь, чтобы убѣдиться въ томъ, что имущество, земельное и движимое, рѣдко остается безъ прімого наслѣдника.

Юридическія права на имущество крестьянине получаетъ только при образованіи собственной семьи—съ женитьбой. Но если безсемейный крестьянинъ умираетъ до раздѣла, то его жена уходитъ изъ семьи покойнаго, а имущество его остается въ средѣ этой послѣдней. Если крестьянинъ отделился (что съ безсемейными опять таки бываетъ очень рѣдко) и умеръ, оставивъ послѣ себя жену или дочерей, то онѣ имѣютъ возможность завладѣть землей, если останутся на ней, принявъ къ себѣ примака или сдольника. Только тогда, если ни жена, ни дочь не остаются на землѣ, можетъ быть рѣчь о наслѣдникѣ. Въ этомъ случаѣ передача земли зави-

сѣтъ отъ сельскаго общества, которое далеко не всегда справляется, при передачѣ земли, съ родственными отношеніями: оно, правда, предпочитаетъ передать землю родственнику покойнаго, но наименѣе обезпеченному землей или совсѣмъ безсемейному, причемъ близость родства не имѣетъ особеннаго значенія.

Право женщины на наслѣдованіе землею зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ: уходитъ ли она въ чужую семью, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ женщина никакимъ образомъ не получаетъ части земли. Это одинаково относится какъ къ вдовѣ, послѣ мужа которой остается земля безъ наслѣдниковъ¹⁾, такъ и къ незамужнимъ. При назначеніи опеки надъ пятью малолѣтними сиротами, среди которыхъ были двѣ дѣвочки, сельскій сходъ Побоконичскаго общества (Бобр. у.) задавался вопросомъ: кто по существующимъ мѣстнымъ обычаямъ въ обществѣ долженъ почитаться наслѣдникомъ на оставшееся имущество? Сходъ нашелъ, что мѣстный обычай по наслѣдованію имуществомъ существуетъ такой: „прямыми наслѣдниками считаются дѣти мужскаго пола, а женщины имѣютъ право получить изъ имущества при выходѣ въ замужество лишь приличное состоянію приданое, но наслѣдница женщина, оставшаяся на хозяйствѣ отца и принявшая къ себѣ примака, имѣетъ равныя права на наслѣдованіе имуществомъ наравнѣ съ наслѣдниками мужскаго пола; каковой обычай наслѣдованія и примѣнить къ малолѣтнимъ Селивановичамъ“.

Рѣшеніе схода, равно какъ и рѣшеніе суда, приведенное въ примѣчаніи, вполне раскрываютъ народный взглядъ на наслѣдованіе женщины; къ словамъ его слѣдуетъ только прибавить, что такой взглядъ развитъ повсемѣстно въ изученномъ нами районѣ, и нѣтъ надобности приводить дальнѣйшихъ цитатъ.

¹⁾ Крест. дер. Бояръ Панкратъ Курильчикъ жаловался на крест. дер. Осова Давыда, Федора и Андрея Бебчиковъ, которые не отдають ему 10 рублей, одолженныхъ у него ихъ покойнымъ отцомъ, и кромѣ того Давидъ Бебчикъ, какъ старшій въ семьѣ послѣ смерти отца, взялъ у него одинъ возъ сѣна и пару колесъ, за что ему также не платить. Просить взыскать съ отбѣтчиковъ 16 р. Отбѣтчики показали: Давидъ Бебчикъ, что дѣйствительно отцовскаго долга осталось 10 р., и кромѣ того, когда они братья жили еще вмѣстѣ, онъ бралъ у Курильчика возъ сѣна и пару колесъ для общаго ихъ хозяйства, за что еще неуплачено. Андрей и Федоръ Бебчики показали, что Курильчикъ собственно желаетъ, чтобы съ нихъ взыскали 16 руб. въ пользу зятя своего, а ихъ брата Давыда, почему онъ и признаетъ этотъ долгъ, но въ сущности онъ уже уплаченъ. Волостной судъ по выслушаніи сторонъ, предлагалъ дѣло кончить миромъ, но за непослѣдованіемъ такового, судъ, признавая жалобу Курильчика основательною, рѣшилъ: взыскать съ Давыда, Андрея и Федора Бебчиковъ для Панкрата Курильчика всего 13 руб. (Горб. в.).

¹⁾ Выписъ изъ рѣш. вол. суда Горбачевичской волости: Волостные судьи въ засѣданіи своемъ слушали: прошеніе кр. дер. Дѣдкова Пелагеи Гавриловой Росликъ объ отнятіи отъ нея десятины земли, наделенной на перваго ея мужа солдата Осипа Шпиля, переданной бывшимъ старшиной солдаткѣ Екаторинѣ Головачъ въ дер. Побоконичахъ. На судѣ изъ поясненія сторонъ и свидѣтельскихъ показаній оказалось слѣдующее: просительница Пелагея Росликъ за смертію ея перваго мужа солдата Осипа Шпиля 10 лѣтъ уже вышла вторымъ бракомъ за крест. дер. Дѣдкова Парфена Рослика, который имѣетъ хозяйство и новый участокъ земли: десятина же земли, наделенная на ея перваго мужа солдата Осипа Шпиля, какъ оставлена просительницею, и какъ (просительница) не имѣетъ дѣтей отъ перваго мужа, б. старшиною передача солдаткѣ Екаторинѣ Головачъ съ согласія общества. По выслушаніи обстоятельствъ дѣла постановили: десятину земли, наделенную и записанную по выкупнымъ документамъ при дер. Побоконичахъ на солдата Осипа Шпиля, который послѣ смерти какъ не оставилъ наслѣдниковъ и жена его Пелагея Гаврилова вышла вторымъ бракомъ въ дер. Дѣдкова, въ домогательствѣ ей отказать, а землю признать въ пользу солдатки Екаторины Головачъ.

Можно прибавить, что ссылка на „мѣстные обычаи“ особенно часто встрѣчается въ дѣлахъ, касающихся правъ наслѣдованія женщины: волостной судъ, или сельскій сходъ несомнѣнно знаютъ, что мѣстный обычай въ данномъ случаѣ не сходитъ съ писанымъ правомъ, и потому особенно настойчиво напоминаютъ о немъ.

Пока выяснится, останется ли вдова или дѣвушка на землѣ, или удалится въ другую семью, она сохраняетъ всѣ наслѣдственные права на землю¹⁾.

Если бы по малолѣтству дочерей земля отца захвачена кѣмънибудь, то дочери имѣютъ право требовать землю назадъ (Пин.). Если дочерей нѣсколько, то всѣ онѣ признаются наслѣдницами въ равныхъ доляхъ (Пин.). При раздѣлѣ дочь или мать, принявшія примака, уравниваются въ правахъ на землю съ другими членами семьи: известны многочисленные случаи, когда женщина получаетъ часть земли такую же, какъ и братья. Изъ одного дѣла видно, что дочери дана была равная часть съ семейнымъ примакомъ, принятымъ: ей отцомъ съ своей племянницей, — „на основаніи мѣстныхъ обычаевъ“. Въ другомъ случаѣ судъ раздѣлилъ дочь и ея мужа примака съ матерью, принявшею тоже примака, и опредѣлилъ имъ пользоваться равными долями (Пин.).

1) Приведемъ еще одно рѣшеніе суда, любопытное по своей сложности. Обстоятельства дѣла слѣдующія: послѣ смерти крест. дер. Атрошквичъ Василія Семенова Рутки родныхъ дѣтей не осталось, а только падчерица Магдалина Осипова и ея мужъ Петръ Ошурко, которые и до смерти своей владѣли имуществомъ Рудки, а послѣ смерти ихъ остались дочери Домна, Пелагея, Макрина, Грипина и Фрузина. Изъ нихъ на старшей Домнѣ женился крест. дер. Петровичъ Лука Бородинъ и завладѣлъ имуществомъ Василія Рудки. А какъ послѣдніе племянники записалъ въ одномъ семействѣ по Х. народной переписи Илья Рудко, то и предвѣяніе права на имущество Василія Рудки. Никѣ на судѣ крест. Лука Бородинъ объяснилъ, что 7 дѣтъ тому послѣ смерти Петра Ошурки, онъ былъ работникомъ въ хозяйствѣ Ошурки, а потомъ остался хозяиномъ, какъ женился на старшей дочери Петра Домнѣ, и владѣть имуществомъ по праву наслѣдства жены Домны Петровны. Илья Рудко объяснилъ, что ранѣе не предвѣявалъ правъ на имущество дяди Василія Рудки какъ состоятъ пріемышемъ въ дер. Забудыкахъ Городковской волости, но за возрастомъ сыновей у тети и вытѣсненія его изъ хозяйства тети, онъ, оставшись безземельнымъ, предвѣялъ права на имущество дяди въ 1883 г., и съ тѣхъ поръ произвелося дѣло въ разсмотрѣніи сельскаго схода и нѣсколько разъ волостнаго суда. Свидѣтели подтвердили жалобу Ильи Рудки. По выслушаніи обстоятельствъ дѣла судъ нашелъ: хотя дѣйствительно по Х. народной переписи по дер. Атрошквичи въ одномъ семействѣ записаны Василій Рудко, его племянникъ Никифоръ съ отѣткою „рекрутъ“ и послѣдній сынъ Илья, и по выкупнымъ документамъ участокъ земли записанъ на Василія Рудка, но такъ какъ Илья Рудко не жилъ въ семействѣ Василія, а жилъ пріемышемъ въ дочери Магдалинѣ Петръ Ошурко и отъ нихъ происходятъ дѣти Домна, Пелагея, Макрина, Грипина и Фрузина, постановили: все имущество Василія Рудки предоставить въ пользу дѣтей Петра Ошурки: Домны, Пелагеи, Макрины, Грипины и Фрузины.

Такимъ образомъ, права дочерей на землю ограничиваются лишь такими случаями, когда отецъ, отдѣлившись отъ своей семьи, не оставилъ мужскаго потомства, и когда эти дочери остаются на своей землѣ, принимая къ себѣ примаковъ: въ такомъ же отношеніи стоитъ жена къ мужниной землѣ.

Для полноты остается отмѣтить о правахъ наслѣдованія по женщинѣ. Здѣсь можетъ быть рѣчь только о движимомъ имуществѣ. Материнское приданое и сбереженія переходятъ къ дочерямъ, и даже мать не можетъ взять приданое покойной дочери, если у послѣдней остались дочери; если ихъ нѣтъ, то приданое возвращается въ родную семью.

Обычное право, въ разныхъ уѣздахъ изслѣдованнаго района, смотритъ совершенно одинаково на опеку, на то, кто можетъ быть опекуномъ и въ чемъ ей суть. Разнообразіе заключается не столько въ пониманіи обычныхъ правомъ своей задачи, сколько въ чисто внѣшней сторонѣ дѣла: въ однихъ мѣстностяхъ, преимущественно въ южныхъ, сельскій сходъ составляетъ изустные приговоры, въ другихъ — всякій приговоръ заносится въ соотвѣтственную книгу волостнаго правленія. Высшее поначеніе надъ сиротами находится въ рукахъ сельскаго схода.

Для него опека имѣетъ двойное значеніе: онъ наблюдаетъ за „воспитаніемъ“ сиротъ, т. е. за тѣмъ, чтобы было ихъ кому одѣвать и кормить, и за исправнымъ износомъ податей съ того участка земли, который принадлежитъ малолѣтнимъ; къ этому надо присоединить и заботы о цѣлости опекаемаго имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго. Если сироты необезпечены землей, то сходъ старается пристроить ихъ пріемышами въ болѣе состоятельныя семьи.

Когда нужно назначить опеку, сходъ собирается и составляетъ приговоръ, въ которомъ называются имена опекуновъ, перечисляется движимое и недвижимое имущество опекаемыхъ, опредѣляется срокъ опеки (до совершеннолѣтія старшаго изъ опекаемыхъ мальчиковъ или до выхода дѣвочки замужъ) и даются наставленія о томъ, чтобы имущество было сохранено въ цѣлости и подати уплачивались бы аккуратно. Нѣтъ нигдѣ намека на то, чтобы опекаемые получали чтонибудь въ родѣ аренды съ земли; опекуны обязаны только платить за нихъ подати и кормить ихъ; даже изъ скота къ концу опеки онѣ обязаны сохранить то же количество, которое получаютъ въ поначеніе, рѣдко говорится о томъ, что приплодъ составляетъ собственность дѣтей. Такимъ образомъ за заботы о малолѣтнихъ опекуны получаютъ доходъ съ земли и имущества.

Однако, всѣ эти сложныя формальности опеки имѣютъ мѣсто тогда, когда въ семьѣ не осталось старшаго, хозяина: среди многочисленныхъ приговоровъ не удалось встрѣтить такого, который бы поручалъ опеку старшему брату — представителю семьи, дядѣ въ нераздѣлившейся семьѣ и т. п.

Вполнѣ естественно, что сходя въ этомъ случаѣ не считаетъ нужнымъ вмѣшиваться въ дѣла семьи: оставшіяся его представитель является опекуномъ малолѣтнихъ и плательщикомъ податей. Встрѣчаются случаи поручения опеки приѣмщику надъ дѣтьми приѣмного отца, или примаку, вошедшему въ домъ къ старшей изъ малолѣтнихъ уже по смерти отца. Въ такомъ случаѣ къ мужу переходить опека и надъ женою до раздѣла ея съ остальными наслѣдниками, или ихъ совершеннолѣтія.

Если у малолѣтнихъ есть мать, то дѣти поручаются ей, а веденіе хозяйства возлагается на особо назначенныхъ опекуновъ въ томъ случаѣ, если мать не намѣрена вести его сама. Такъ, въ одномъ случаѣ сельскій сходъ назначаетъ опекунами мать и еще двоихъ крестьянъ, хотя высшій надзоръ за дѣтьми онъ оставляется за собой. Можно даже указать приговоръ схода, назначающій опекуна, при жизни матери дѣтей безъ указанія на то, сохраняеть ли она права опеки надъ дѣтьми или устранилась. Но эти единичные случаи, можетъ быть объяснимы какими либо особыми условиями, не измѣняютъ однако повсемѣстнаго представленія, по которому мать имѣетъ неотъемлемое право опеки: она распоряжается имуществомъ, совершаетъ за опекаемыхъ сдѣлки и пр. ¹⁾

Другое дѣло если сходу приходится заботиться о сиротахъ не только по отцу, но и по матери. Въ такомъ случаѣ онъ назначаетъ опекунами ближайшихъ родственниковъ и усиливаетъ надъ ними контроль, смѣняетъ ихъ и пр.

Необходимо отмѣтить еще и то, что сельскій сходъ беретъ въ опеку только сиротъ. Извѣстны случаи, когда сходъ назначаетъ опеку надъ семь-

ей, представитель которой боленъ, вести хозяйства не можетъ, а въ семьѣ одни малолѣтки, безъ хозяйки ¹⁾.

На обязанности опекуна, какъ сказано, лежитъ наблюдение надъ дѣтьми и сохранение имущества. Опека прекращается, когда дѣвушка выходитъ замужъ и парни женятся. По отношенію къ первымъ, если дѣвушка выходитъ въ чужую семью, на обязанности опекуна лежитъ выдача ей приданнаго „по состоянію“. Если дѣвушка живетъ въ семьѣ брата, то та же обязанность лежитъ на немъ.

Мы рассмотрѣли строй бѣлорусской семьи и нормы обычного права, которыми она регулируется. Нашъ бѣглый очеркъ достаточно свидѣтельствуетъ, что обычай въ данное время слабѣетъ въ крестьянской средѣ, уступая новымъ жизненнымъ условиямъ. Но и то, что осталось гдѣ настоящимъ, представляетъ глубокой научный интересъ, который способенъ еще болѣе возрасти, при сопоставленіи настоящаго съ прошлымъ. Рядомъ съ семейною общиною, состоящею изъ родственниковъ, въ крестьянской средѣ бытуетъ община, составляющаяся искусственно. Прототипъ такой семьи можно безошибочно указать въ дворницѣ-службѣ періода Литовско-русскаго государства: въ основѣ своей дворнице носило семейнородовой характеръ, хотя и тогда уже сабры не всегда были связаны кровнымъ родствомъ. Въ XV—XVI в. преобладающею формою крестьянскаго землевладѣнія—было сложное дворнице, но, оно какъ тогда такъ и теперь, не сосуществовало

¹⁾ Приведемъ по этому поводу рѣшеніе Горбачевич вол. суда, (1891 г.): Крестьянка дер. Старинокъ Пелагея Курильчикъ жаловалась на братьевъ покойнаго мужа ея Устина, Леона и Григорія Курильчиковъ, которые забрали въ свое пользованіе всю землю, у нихъ находящуюся, а ей ничего не даютъ, такъ что она не имѣетъ гдѣ посѣять картофель. Такъ какъ послѣ смерти мужа остался сынъ Антонъ 14 лѣтъ—она жаждетъ его отдать къ дядѣ его, т. е. къ брату мужа ея Устину Курильчику, почему и проситъ судъ слѣдующую часть земли передать въ пользованіе Устину, при которомъ будетъ находиться сынъ ея Антонъ. Отвѣтчики показали: Устинъ, что онъ согласенъ принять къ себѣ Антона съ тѣмъ, чтобы часть его земли находилась у него; Леонъ, что согласенъ отдать часть Антону по совершеннолѣтіи его; Григорій, что онъ засѣялъ одинъ загонъ картофеля Пелагеей и больше дѣла не хочетъ. Волостной Судъ, по выслушаніи сторонъ предлагалъ дѣло кончить миромъ, но за непоступленіемъ онаго, признавая жалобу Пелагеи основательною, рѣшилъ: предоставить Устину Курильчику право пользоваться одною четвертою частию земли изъ общаго ихъ надела, принадлежащаго малолѣтнимъ Курильчикамъ, съ тѣмъ, что они должны будутъ находиться на полномъ его попеченіи.

У 1877 года, апрѣля 21 дня. Мы нижеподписавшіеся крестьяне дер. Бояръ, собравшись на деревенскій сходъ и въ присутствіи нашего сельскаго старосты, разсуждали между собою о томъ, что относяецъ нашей деревни крестьянинъ Григорій Рудякъ совершенно больной, такъ что нѣтъ никакой надежды на его выздоровленіе, и онъ не имѣетъ жены, а имѣетъ троихъ малолѣтнихъ дѣтей—сына Василія и дочерей Матрену и Прасковію, за которыми нуженъ присмотръ, а также и за самимъ Григоріемъ, для того единогласно приговорили: для досмотра за Григоріемъ Рудякомъ и его дѣтьми назначить опекуна крест. дер. Бояръ Семена Шимока съ тѣмъ, что онъ обязанъ при всѣхъ взять къ себѣ на свое иждивеніе, принадлежащую землю Григорію Рудяку, $\frac{1}{2}$ надела отдать въ пользованіе Шимоку на восемь лѣтъ, Семень обязанъ платить за Григорія всѣ казенныя повинности и за землю выкупной платежъ, а тѣмъ какъ у Григорія Рудяка есть движимое имущество: два вола, одна корова и одна свинья, жилой домъ, амбаръ, варница и хлѣвокъ, то это должно находиться въ распоряженіи Семена Шиденка въ теченіе 8 лѣтъ, а по истеченіи этого срока когда сынъ Василій будетъ совершеннолѣтнимъ, Семень Шимокъ обязанъ землю ему возвратить, а также и движимое ему имущество; строенія Шимокъ обязанъ поддерживать, дабы не приходили въ ветхость. Нынѣ же на Григорія числится много казенной вѣдомки и онъ не имѣетъ денегъ очистить оную, то предоставить право Шимоку одного вола продать и такуюю попоинить: когда Григорій умретъ, то Шимокъ обязанъ похоронить его по христіанскому обряду.

рядомъ съ формой малой семьи. Мало того, можно даже указать на то, что способы и причины образованія семейной общины нѣсколько вѣковъ тому назадъ часто вполне совпадаютъ съ нынѣшними: пріемъ въ семью „за сына мѣсто“, какъ выражаются документы, большой надѣлъ при маломъ числѣ рабочихъ рукъ и очевидныя выгоды сябриннаго владѣнія—побуждали соединяться нѣсколько семействъ въ одно дворницѣ; наоборотъ, малоземельность, обиліе рукъ заставляли семью дѣлиться и младшихъ членовъ ея уходить „на свой хлѣбъ“. Въ самой организаціи семейной общины, въ характерѣ, напр., власти отца, порядкѣ наслѣдованія и опеки и пр., можно найти типическія черты, которыя легко сопоставить съ бытомъ отдаленнаго прошлаго.

Бѣлорусская свадьба въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ¹⁾.

При изслѣдованіи культурныхъ и религіозныхъ переживаній свадебныхъ обрядовъ можно имѣть въ виду два метода. По первому можно было бы расположить изслѣдуемый матеріалъ по разнымъ рубрикамъ, которыя выработаны въ современной этнологической фольклористической наукѣ относительно эволюціи семьи и религіозныхъ культовъ. Другой методъ состоитъ въ простомъ объясненіи обрядовъ по мѣрѣ ихъ исполненія. Оба метода имѣютъ свои выгодныя и невыгодныя стороны. Я рѣшился слѣдовать второму, во-первыхъ, какъ наименѣе сложному и ответственному, во-вторыхъ, еще и потому, что въ него легко входитъ первый.

Но, слѣдуя второму методу, приходится встрѣчать затрудненіе въ выборѣ основного описанія свадебнаго обряда, которому пришлось бы слѣдовать при изложеніи отдѣльныхъ частей. По описанію бѣлорусской свадьбы, правда, до сихъ поръ сдѣлано не мало, не мало издано описаній изъ различныхъ частей Бѣлоруссіи. Но описанія эти не всегда и не совсѣмъ сходятся въ изложеніи различныхъ подробностей: одни пространнѣе, другія короче и т. п. Разница, повидимому, происходитъ и вслѣдствіе того, что различные обряды въ разныхъ мѣстностяхъ исполняются различно, и вслѣдствіе того, что наблюдатели придавали неодинаковую цѣну различнымъ частностямъ. Выбрать въ основу изложенія приходится описаніе, отличающееся наибольшими подробностями и исходящее изъ центральной части страны. Я счелъ, по многимъ причинамъ, наиболѣе удовлетворяющимъ такимъ требованіямъ собранный мною матеріалъ. Въ основу были приняты два описанія свадьбы, доставленные мнѣ изъ Никольской волости Минскаго у.: одно—учителемъ П. П. Демидовичемъ, другое—крестьяниномъ Ѳ. В. Ярмако-

¹⁾ Этногр. Обзор. 1893 г.

вичемъ, ¹⁾ уроженцами и жителями данной мѣстности. Я считаю своимъ приятнымъ долгомъ выразить искреннюю признательность П. П. Демидовичу за его содѣйствіе и воздать должное памяти О. В. Ярмаковича, такъ горячо любившаго свою родину и преданнаго ей; онъ вѣрно угадалъ пользу, которую можетъ принести странѣ, гдѣ родился, и съ любовью и энергіей отдался ей. Миръ праху твоему, добрый труженикъ! Дай Богъ, чтобы побольше было у насъ такихъ крестьянъ!

Кромѣ того, мною лично были сдѣланы записи обрядовъ и пѣсень въ Игуменскомъ, Бобруйскомъ, Рѣчицкомъ, Мозырскомъ и Пинскомъ уу. Эти матеріалы были поставлены также на первый планъ. За тѣмъ я старался воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что даетъ уже изданныя литература этого вопроса, какъ это и увидитъ читатель изъ ссылокъ.

Но я не имѣю здѣсь въ виду дать подробное описаніе обрядовъ. Это описаніе читатель найдетъ въ моихъ матеріалахъ, когда мнѣ удастся ихъ издать. Цѣль моя—выбрать только тѣ факты, которые могутъ имѣть интересъ съ точки зрѣнія современной этнологической науки, и поставить ихъ въ связь съ параллельными фактами изъ ритуаловъ различныхъ индо-европейскихъ народностей, насколько мнѣ была доступна литература о нихъ.

По отношенію къ великорусской, малорусской и отчасти славянской свадьбѣ многи параллели уже сведены въ трудахъ гг. Сумцова, Янчука, Волкова, Весина и Смирнова, къ которымъ мнѣ пришлось часто обращаться. Предупрежденный въ этомъ отношеніи своими предшественниками, я старался ввести бѣлорусскіе, а слѣдовательно и вообще русскіе обряды въ сферу романо-германскихъ сродныхъ обычаевъ; но литература, бывшая у меня подъ руками, оказалась, къ сожалѣнію, далеко недостаточной.

Мнѣ приходится мало говорить о юридическомъ значеніи нашей свадьбы, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльных частяхъ. Въ данномъ случаѣ это выходитъ изъ круга моей задачи. При томъ, объ этомъ мнѣ придется говорить въ спеціальной работѣ, посвященной обработкѣ собранныхъ мною матеріаловъ о юридическихъ обычаяхъ въ области бѣлорусской семьи.

Здѣсь я однако скажу два слова о церковномъ вѣнчаніи. По понятію бѣлорусовъ, безъ „выселя“, т. е. всего ритуала, исполнѣ законнаго брака быть не можетъ. Иногда между вѣнчаніемъ и свадьбой проходить нѣкоторое время, и все таки формальные мужъ и жена считаются только женихомъ и невестой, и сожителствомъ строго воспрещается. Такимъ образомъ, какъ и нѣрѣдко въ Россіи, церковное вѣнчаніе въ глазахъ бѣлоруса не играетъ существеннаго значенія.

¹⁾ Къ сожалѣнію, этотъ многообшавшій самородокъ-этнографъ скончался во время послѣдней холерной эпидеміи.

I.

Предварительныя приготовления.

1. Сватовство. Опросъ невесты—2. Дружина жениха и невесты.—3. Запѣвы.—4. Зѣмьины.—5. Юридическое значеніе сговора.—6. Дареніе монеты невестѣ.—7. Тащеніе невесты.—8. Выборъ времени года и дней.

Свадьба завязывается длинной процедурой сватовства. Обыкновенно въ сваты избирается кто-либо изъ наиболѣе уважаемыхъ родственниковъ, чаще всего крестный отецъ, если онъ живъ; къ нему придется въ помощь еще одинъ—другой изъ родственниковъ. Рѣдко женихъ отправляется со сватами самъ, особенно въ первый разъ. Иногда дѣлаютъ предварительныя развѣдки, что исполняетъ или самъ паренъ, или его мать, такъ какъ отказъ въ выдачѣ дочери есть уже „гѣнба“ (позоръ) для парня.

Этикетъ требуетъ, чтобы сватовъ въ семьѣ невесты встрѣтили небрежно, какъ бы не замѣтивъ ихъ появленія: всякій усердно продолжаетъ свою работу. Процедура сватовства болѣе или менѣе общенѣствна. Разговоры, которые заводятъ сваты, доводы, которыми онъ старается убѣдить родителей невесты и самой невесту, — зависятъ въ большой мѣрѣ отъ искусства свата, отъ его умѣнья побалагурить. Замѣтимъ, что этикетъ не дозволяетъ сторонѣ невесты сразу согласиться на бракъ: женихъ хорошаго тона можетъ и отказаться отъ такой охотницы выйти поскорѣе замужъ. Обычно сторона невесты даетъ согласіе только за третьимъ приходомъ сватовъ.

Важный атрибутъ сватовства составляетъ бутылка водки и хлѣбъ, которые они несутъ съ собою. Сторона невесты, пока не дастъ согласія на бракъ, не соглашается ни на что, попробовать ихъ угощенія, потому что такая проба означать согласіе сама по себѣ.

Весь порядокъ сватовства имѣетъ чисто обрядовое значеніе, и обряды его имѣютъ самое широкое распространеніе.

Начнемъ съ обычая дѣлать предварительныя развѣдки. Онъ совершается различными образомъ, но имѣютъ вездѣ одинъ и тотъ же характеръ. Такъ, въ Сициліи, извѣстенъ обычай, называемый *zinescinni*: молодой человекъ кладетъ ночью у входа въ домъ своей возлюбленной различныя подарки—платокъ, золотыя украшения и пр. Если отецъ дѣвушки поутру возметъ эти подарки и передастъ ей, то молодой человекъ можетъ посылать сватовъ ¹⁾. Въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Августѣ, молодой человекъ

¹⁾ *Giuseppe Pitri*, Biblioteca delle tradizioni popolari Siciliani; XV, Usi et costumi, V. II (Palermo), p. 26.

идеть съ своею матерью ночью къ дверямъ дѣвушки и поеть санзона (і апоті; если сторона невѣсты выходить слушать, онъ на слѣдующій день посылаетъ сватовъ ¹⁾. У калабрийцевъ такимъ образомъ паренъ узнаетъ о согласіи любимой дѣвушки: онъ ставитъ у входа въ избу ея огромный стволъ дерева, на которомъ вырѣзываетъ остріемъ топора знаки и украшаетъ его цвѣтами. Если мать дѣвушки утромъ возьметъ дерево и броситъ его въ домъ, то это означаетъ, что родные дѣвушки согласны вести формальные переговоры съ парнемъ ²⁾.

Различные способы вручить избранной дѣвушкѣ предварительный подарокъ соотносятся съ белорусскому обычаю, существующему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, — передавать дѣвушкѣ подарокъ (платокъ, серьги, кольцо или башмаки); передаетъ либо самъ паренъ, либо одна изъ его родственницъ, отправляющаяся на развѣдки. Болѣе поэтической характеръ носить, еще одинъ способъ узнать согласіе дѣвушки: паренъ на вечерахъ тайно старается пожать руку дѣвушки; если она отвѣтитъ тѣмъ же, — это считается предварительнымъ съ ея стороны согласіемъ. Обычай этотъ называется „поданіемъ руки“ (въ Минскомъ и Рѣчицкомъ уу.).

Обычай предварительного пересылать дѣвушкѣ подарокъ встрѣчается и у латышей, гдѣ паренъ пересылаетъ талеръ, завернутый въ платокъ ³⁾. Затѣмъ мы еще приведемъ аналогичный обычай у племени Галела, въ Индіи. Мѣстный обычай указываетъ, что предварительный подарокъ является какъ бы задаткомъ выкупа за невѣсту. Молодая женщина, по порученію родичей парня, является въ домъ дѣвушки съ чашею, наполненною 10—15 пинаговыми орѣхами, и среди разговоровъ незамѣтно оставляетъ эту чашу въ домѣ, а сама уходитъ. Если домашніе не обратятъ вниманія на эту чашу, — это служитъ хорошимъ признакомъ. На третій день снова та же женщина является въ домъ родителей дѣвушки уже съ чашею, наполненною 10—15 реалами. Если прежняя чаша находится на мѣстѣ, это означаетъ, что родители дѣвушки согласны вести переговоры о выкупѣ ⁴⁾.

Принесеніе подарковъ иногда дѣлается самими сватами, и во всякомъ случаѣ принятіе ихъ означаетъ согласіе на бракъ родителей невѣсты ⁵⁾.

Обычай вести переговоры о женитбѣ черезъ посредство третьихъ лицъ — явленіе, повидимому, не имѣющее исключеній среди самыхъ различ-

ныхъ народовъ ¹⁾; оно свойственно почти всѣмъ представителямъ индо-европейскихъ и финскихъ народовъ. Оно было извѣстно и народамъ древности: индусамъ ²⁾, иранцамъ ³⁾, грекамъ и римлянамъ ⁴⁾. Различныя частности сватовства повсюду имѣютъ поразительное сходство.

Такъ, обычай приносить съ собою вино встрѣчается у эстовъ, финновъ, вотяковъ, мордвы, шведовъ, у тирольскихъ нѣмцевъ, въ Гессенѣ и др., у всѣхъ славянъ ⁵⁾, у латышей ⁶⁾, у лопарей ⁷⁾. Сицилійцы также отправляются сватать съ бутылкой вина и хлѣбомъ ⁸⁾. Даже сродный обычай встречаемъ у одного изъ африканскихъ народовъ ⁹⁾.

Принятіе угощенія отъ сватовъ считается, какъ мы сказали, за предварительное согласіе. Въ Арденнахъ, во Франціи, если невѣста не даетъ своего согласія сватамъ, она ѣдетъ отдѣльно; если же соглашается, — всѣ ѣдутъ вмѣстѣ ¹⁰⁾.

Изъ обычаевъ сватовства обращаетъ на себя вниманіе то, что сваты рѣдко говорятъ прямо о цѣли своего прихода. Обычно они выражаютъ индифферентно. Въ Рѣчицкомъ уѣздѣ сваты, входя въ избу, спрашиваютъ: „Чи ли маця дялушки ля продажи?“ — „Мамо и продамо“, — отвѣчаетъ хозяйка, выражая тѣмъ свое согласіе на начатіе предварительныхъ переговоровъ ¹¹⁾. Въ околицахъ Минска, по описанію 1800 г., сватъ говорилъ хозяйку дома: „Намъ быкъ да до вашей дялушки привыкъ. Кабъ дау Богъ даждаць—вашую дялушку да нашего быка загнаць“ ¹²⁾. Въ другихъ мѣстностяхъ цѣль сватовства ставится еще болѣе опредѣленно. Сваты говорятъ: „У тебе, господарю, есць товаръ ледзенець, а у меня есць купецъ молодець“ ¹³⁾. Въ

¹⁾ Leop. Schröder, Die Hochzeitsbräuche der Esten und einiger anderer finn.-ungar. Völkern im Vergl. mit denen der indogerm. Völk., Berl. 1888, p. 32.

²⁾ Weber, Indische Studien, V, p. 276. Ср. комментарий къ сутрамъ Apastamba, описывающій сватовство; описаніе весьма интересно въ смыслѣ устойчивости обрядовыхъ формъ. См. Winternitz, Das altindische Hochzeitsrituell nach dem Apastamba-Grihyasutra und einigen Anderer verwandten Werken. Wien, 1892, p. 40.

³⁾ Geiger, Östiranische Kultur in Alterthum, Erlangen, 1882, p. 241.

⁴⁾ Ang. de Gubernatis, Storia comparata degli usi nuziali in Italia, Milano, 1869, p. 88—90.

⁵⁾ Schröder, 33—35.

⁶⁾ Вольтеръ, Матеріалы, 169.

⁷⁾ Харузинъ, Русскіе лопари, Москва, 1890, стр. 263.

⁸⁾ Piré, Biblioteca d. trad. pop. XV, Usi, XI, 24.

⁹⁾ Letourneau, L'évolution du mariage et de la famille, Paris, 1888, p. 138.

¹⁰⁾ Meurgac—въ Revue des traditions populaires, III, p. 111.

¹¹⁾ М. Запольскій, Вѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни, Кіевъ, 1888, стр. 10.

¹²⁾ Gokbiowski, Lud Polski, jego zwyczaj, zabobony. Warsz. 1830, p. 66.

¹³⁾ Носовичъ, Вѣлорусскія пѣсни. Записки Имп. Русск. Геогр. Общ., т. V, стр. 134.

Доннаръ-Запольскій.

¹⁾ Ibidem, 18—19.

²⁾ Vincenzo Dorsa, La tradizione greco-latina negli usi e nelle credenze popolari della Calabria citeriore. Cosenza, 1879, p. 35.

³⁾ Вольтеръ, Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витъ-губ., Спб., 1891, стр. 166.

⁴⁾ Alb. Herm. Post, Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts. Oldenb. und Leipz. 1890, p. 172.

⁵⁾ Ibidem, 173.

Могилевской губ. отец выводит дочь къ сватамъ со словами: „Добрый пещаръ вамъ, сваты, виду вамъ таваръ—ни слипой, ни храмой, дай Богъ и мѣй такой. Даю вамъ, говорю вамъ, штобъ вамъ ни было абыды на нашъ таваръ“ ¹⁾.

Описанные приемы имѣютъ также обрядовое значеніе. Обычай, что сваты ищутъ корову, теленка, голубя, птицу, встрѣчается у ливонцевъ, эстовъ, венгровъ, финновъ, въ Сардиніи и др. ²⁾. У латышей сваты ищутъ лисицу, зайца ³⁾, то являются какъ купцы, покупающіе лень ⁴⁾. У лопарей они спрашиваютъ, не отдадутъ ли „уточку“ ⁵⁾ и т. д. Въ Нижней Бретани сваты говорятъ о сватаньи дѣвушки, какъ о покупке лошади, не упоминая даже имени ея ⁶⁾.

Указанные только что факты даютъ возможность прийти къ заключенію, что само сватовство представляетъ собою одно изъ переживаній купли-продажи невесты. Сваты являются теперь подъ видомъ купцовъ, потому что при существованіи фактической купли они дѣйствительно являлись представителями жениховаго рода, обязанными вести переговоры о куплѣ для одного изъ его членовъ жены.

Это подтверждается еще и обрядомъ рукобитья. Сваты и отец невесты, какъ только придутъ къ предварительному соглашенію, тотчасъ же ударяютъ по рукамъ. Этотъ обрядъ мы встрѣчаемъ въ Витебской губ. ⁷⁾. Въ Смоленской губ. сватовство называется барышемъ ⁸⁾, въ чемъ нельзя не видѣть яснаго указанія на торговую сдѣлку. Рукобитие мы встрѣчаемъ также и во Франціи, въ Нижней Бретани, гдѣ весь обрядъ сватовства, по выраженію наблюдателя,—простой актъ торговли ⁹⁾. Рукобитие мы встрѣчаемъ у мордвы ¹⁰⁾, у лопарей ¹¹⁾, въ среднебѣловомъ сѣверо-германскомъ правѣ и пр. ¹²⁾. Въ общемъ, рукобитие признается, какъ самый примитивный актъ заключенія торговой сдѣлки ¹³⁾.

¹⁾ Шейнъ, Материалы для изученія быта и яз. русск. нас. сѣв.-зап. края, ч. II, стр. 295.

²⁾ Schröder, Die Hochzeitsbräuche der Esten, 36—39.

³⁾ Вольтеръ, Материалы, 198.

⁴⁾ Ibidem, 202—203.

⁵⁾ Харузинъ, Русскіе лопари, Москва, 1890 г., стр. 276.

⁶⁾ Carrence, Le mariage chez nos pères. Paris, 1872, p. 101.

⁷⁾ Вѣстникъ И. Русскаго Геогр. Общ., 1853, ч. 9, стр. 23. Шейнъ, Материалы, 2 ч., стр. 14, 252.

⁸⁾ Шейнъ, Мат., II, стр. 491.

⁹⁾ Carrence, Le mariage chez nos pères, p. 101.

¹⁰⁾ Майновъ, Очерки юридическаго быта мордвы, СПб., 1885, стр. 59.

¹¹⁾ Харузинъ, Русскіе лопари, 276.

¹²⁾ К. Lehmann, Verlobung und Hochzeit nach den nordgermanischen Rechten des früheren Mittelalters, München, 1882, p. 108.

¹³⁾ Ковалевскій, Современный обычай и древн. законъ. Обычное право осетинъ, М. 1886, I. стр. 163—5.

Сама невеста во всемъ сватовствѣ не играетъ никакой роли. Извѣстенъ опросъ невесты ея родителями и сватами, желаетъ ли она за такого-то парня итти, или нѣтъ ¹⁾. Но этотъ опросъ имѣетъ чисто обрядовое значеніе. У мѣщанъ Могилевской губ. спрашиваютъ, напр., невесту уже послѣ того, какъ написана предбрачная роспись, и когда рѣшеніе ея уже не можетъ имѣть какого-либо значенія ²⁾. Обрядовый опросъ невесты можно указать, напр., у племени Kuhl, въ горной Индіи, гдѣ дѣвушка, какъ и у насъ, ссылается на волю родителей ³⁾, или же, напр., у сартовъ, якутовъ ⁴⁾ и др.

Въ народной поэзіи также отразилось воззрѣніе на сватовъ, какъ на покупателей невесты. Они пускаютъ стрѣлу, чтобы добыть невесту ⁵⁾. Невѣста невесела, потому что каждую субботу наѣзжаютъ сваты, взять зеленое вино, поить ея отца—„мене молоденькую просюнь“ ⁶⁾. Одна сицилійская пѣсенка рассказываетъ, какъ сынъ совѣщается съ матерью насчетъ женитьбы. Мать собирается сама пойти свахой, заплатить за дѣвицу, если потребуютъ; сынъ проситъ передать возлюбленной, что pensando o lei non vedo dagli occhi ⁷⁾.

За сватовствомъ начинаются приготовления въ домѣ жениха и невесты. Молодой собираетъ дружину, избираетъ еще одного-двухъ сватовъ, изъ которыхъ одинъ считается старшимъ: первого и второго „братуоу“, „свацею“, двухъ „сваценокъ“. Дружина всегда набирается изъ родственниковъ, „рода“. Особенно важна роль первого брата (друга). Онъ сажаетъ жениха на посадь, держитъ надъ нимъ вѣнецъ въ церкви и пр.; второй братъ, по объясненію крестьянъ, избирается „ля гонару“. За столомъ первый братъ сидитъ съ правой, второй—съ лѣвой стороны жениха. „Свацея“—помощница свата и заглавало.

Въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Борисовскомъ у., избираютъ трехъ свахъ, изъ которыхъ старшая—крестная мать, и двухъ замѣстителей дружекъ ⁸⁾. Крестный отецъ—непрерывный членъ дружины; онъ старшій сватъ и называется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *возиламъ*, потому что везетъ дружину къ невестѣ. Въ Виленской губ. избираютъ еще *панибрина*, роль котораго таже, что и дружки ⁹⁾.

¹⁾ Описание обряда см., напр., у Носовича, Зап. П. Р. Г. Общ., V, 135.

²⁾ Дембовскій, Опытъ описанія Могилевской губ., I, стр. 642.

³⁾ Статья Iellinghaus'a въ „Zeitschrift für Ethnologie, Organ der Berl. Gesellschaft f. Anthrop., Ethnol. und Urgeschichte“, Bd. III, 1871, p. 368.

⁴⁾ Alb. Post, Studien zur Entwicklungsgeschichte der Familienrechts. Leipz. 1890, p. 167—168.

⁵⁾ Носовичъ, Зап. П. Р. Г. Общ., V, 137, № 3.

⁶⁾ Ibidem, стр. 271, № 15.

⁷⁾ Pitré, I. c., p. 23.

⁸⁾ Шейнъ, Мат., 2 ч., стр. 73.

⁹⁾ Ibidem, 3.

Невеста также собирает свою дружину. У нея есть также сваты, дружки и пр. По описанію свадьбы въ околицахъ Минска 1800 г., непосредственно послѣ согласія родителей невеста избираетъ себѣ двухъ подружъ, которыя называются „большанки“, онѣ во все время сватовства и свадьбы живутъ въ домѣ невесты и не отходятъ отъ нея, поютъ пѣсни, помогаютъ приводить въ порядокъ приданое, одежду и проч. ¹⁾ Впослѣдствіи къ дружинѣ невесты примыкаетъ еще должностное лицо — „маладзица“.

Кромѣ того, и къ невестѣ и къ жениху примыкаетъ человекъ по 10—20 парней и дѣвушекъ, подружъ и друзей ихъ, которыя также слѣдуютъ за ними во все время совершенія свадебныхъ обрядовъ; вообще, родители обѣихъ сторонъ стараются, чтобы дружины было какъ можно больше. Кромѣ того, вся дружина непременно должна быть на лошадахъ: часть въ телѣгахъ, а другая часть верхами. Какъ бы ни былъ близокъ домъ невесты, или церковь, все таки стараются ѣхать, а не идти. Интересно, что этимъ мотивомъ, приходилось слышать не разъ, объясняютъ крестьяне свое стремление брать невесту изъ другого села.

Значеніе дружины жениха не подлежитъ сомнѣнію. Это — тотъ „полкъ“, какъ поется въ литовскихъ пѣсняхъ, съ которыми женихъ собирается раздобыть дѣвушку „тѣсти звоевати“, разбить „крамянну (каменную) стѣну“. Мы сейчасъ увидимъ, что и фактически дружина жениха должна отнять невесту отъ дружины невесты, ее защищающей. Это составляетъ одинъ изъ важныхъ актовъ свадебнаго обряда. У белоруссовъ Тверской губ. мы находимъ въ высшей степени интересный обычай, напоминающій древніе сборы дружины, отправлявшейся за добываніемъ женъ. Утромъ въ день свадьбы дружка садится въ передній уголъ, и отецъ жениха обращается къ нему: „Я тебѣ даю одного, а ты привези мнѣ пару“. Дружка предлагаетъ привезти четырехъ, но отецъ заявляетъ, что ему нужно только пару. Затѣмъ дружка приглашаетъ одѣть жениха „обрядъ палажиться“. Жениха одѣваютъ. Послѣ этого ставятъ на землѣ сквородку, въ нее становятся женихъ обими ногами, а тѣ, которымъ назначено ѣхать за невестой, числомъ 6—8 человекъ, ставятъ вокругъ него на сквороду только правыя ноги. Тогда всѣ стоящіе на сквородкѣ цѣлуютъ образъ и дружка произноситъ: „Ну, падуйте Божіе милосердіе, щобъ стояли другъ за друга, братъ за брата, за єдиную кровь капаю“. Затѣмъ начинается обрядъ „кликанья“ — собраніе денегъ въ пользу молодого ²⁾. Этотъ обрядъ не требуетъ особенныхъ комментариевъ: молодежь собираетъ дружину, чтобы раздобыть съ нею себѣ жену; имъ придется сражаться, брать ее съ боя, перенести опасности, труды, а потому они даютъ другъ другу клятву стоять братъ за брата. Отецъ жениха и весь присутствующій родъ снабжаютъ его деньгами.

¹⁾ Golembiowski, Lud, p. 69.

²⁾ Этнографическій Сборникъ II. Русск. Геогр. Общ., т. I, p. 234—246.

Обычай собирать дружину для жениха и невесты извѣстенъ не только повсемѣстно въ Россіи ¹⁾ и среди славянъ вообще ²⁾. Его мы встречаемъ уже у древнихъ индусовъ, гдѣ упоминаются сваты и дружки ³⁾. Въ настоящее время въ Уэльсѣ женихъ является къ невестѣ въ сопровожденіи вооруженныхъ поселенъ, тоже и въ Скандинавіи ⁴⁾. Дружина жениха невесты играетъ крупную роль въ борьбѣ за невесту во французской свадьбѣ ⁵⁾, во многихъ мѣстахъ Германіи, Ирландіи и др. ⁶⁾. У тирольскихъ нѣмцевъ жениха всегда сопровождаетъ братъ его или близкій родственникъ, невесту — „носитель вѣнка“ ⁷⁾. То же значеніе имѣетъ дружина у латышей ⁸⁾, и т. д.

Значеніе дружины особенно рельефно выступаетъ тамъ, гдѣ существуетъ реальное похищеніе невесты. Женихъ собираетъ своихъ сотоварищей и съ ними рѣшается добыть себѣ невесту. Такое значеніе дружины жениха можно видѣть, напримѣръ, изъ обычая похищенія у кавказскихъ горцевъ ⁹⁾, у чувашей ¹⁰⁾, у морды ¹¹⁾, у вятичей ¹²⁾ и мн. другихъ.

Появленіе дружины въ такомъ же числѣ и съ такимъ же значеніемъ и со стороны невесты слѣдуетъ отчасти отнести на счетъ ритуальнаго параллелизма: съ уравниваніемъ положенія относительно вступленія въ бракъ жениха и невесты, уравнивались постепенно и обряды, совершаемые отдѣльно у того и другого. Отсюда мы видимъ цѣлый рядъ обрядовъ, совершаемыхъ у невесты совершенно такимъ же образомъ, какъ и у жениха. Съ другой стороны, въ пѣсняхъ мы видимъ, что дружина невесты является ея естественною защитницей противъ дружины жениха; въ обрядахъ дружина невесты продаетъ ее, защищаетъ во время симулированнаго похищенія и пр.

¹⁾ Сумцовъ, „О свадебныхъ обрядахъ преимущественно русскихъ“, Харьковъ, 1882, стр. 6—24, *passim*.

²⁾ Ср. „Обычное право южн. Славянъ“ (По Богичичу) „Юридич. Вѣстн.“ 1877, I, стр. 100, 107.

³⁾ В. Миллеръ, „Очерки аріиской мифологіи“, стр. 25.

⁴⁾ Ковалевскій, „Перибытное право“, II, стр. 105, 106.

⁵⁾ Garrence, Le mariage chez nos pères p. 224, 218—219 и др.

⁶⁾ Loth, Dargun, Mutterrecht und Raubehe, Breslau, 1883, p. 134, 103 и др.

⁷⁾ Zingerle, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Tirol, Innsbruck, 1859, p. +56.

⁸⁾ Вольфъ, „Материалы для этн. Лат. плем.“, стр. 205, 206.

⁹⁾ См. описаніе г. Егизарянца — „Бракъ у кавказскихъ горцевъ“, Юридич. Вѣстн., 1878, июль, стр. 965; ср. „Этнограф. Обзор.“, 1890, № 3, стр. 46 и сл. Въ адаткахъ по дѣламъ объ уводѣ дѣвушки съ особенною рельефностью выступаетъ все громадное значеніе дружины жениха. См. Леонтовичъ, Адагы кавказскихъ горцевъ, II, стр. 29, 69—70, 98 и пр.

¹⁰⁾ В. Сбогъ, Чувашіи въ бытов. истор. и религіозн. отношен. Москва, 1865, p. 28—30.

¹¹⁾ Майновъ, Очерки юридич. быта морды, стр. 31.

¹²⁾ Max. Buch, Die Wotjaken, eine ethnologische Studie, Stuttgart, 1882, p. 50.

Съ особенною яркостью значение дружины выразилось въ пинскихъ свадебныхъ пѣсняхъ. Дружина жениха—это его полкъ, съ которымъ онъ добываетъ себѣ дѣвицу. Полкъ этотъ—несомнѣнно родовой, состоящий изъ членовъ рода жениха¹⁾. Мы увидимъ, при разборѣ собственно бѣлорусскихъ пѣсень о похищеніи невесты, что подобные мотивы не чужды и послѣднимъ, хотя, быть можетъ, въ менѣе опредѣленныхъ формахъ.

Сватовство совпадаетъ обычно съ „малой горьлкой“, или „малыми запоинами“. Какъ только сваты добьются согласія родителей невесты, послѣдніе тотчасъ посылаютъ за ближайшими родственниками, за наиболѣе уважаемыми сосѣдами. Когда послѣдніе соберутся, имъ объявляется о дѣлѣ ихъ приглашенія. Тутъ и пьютъ „малую горьлку“, говорятъ о важнѣйшихъ приготовленияхъ къ свадьбѣ. Всѣхъ запоинъ бываетъ три; третій называется великими²⁾. Онѣ обычно соединяются съ сговоромъ, змовинами. Змовины бывають иногда и отдѣльно. Кромѣ того, извѣстны еще заручины и дѣвичники. Но вся эта процедура у бѣдныхъ сокращается, ради избѣжанія расходовъ, такъ что запоинъ бываетъ двое, малая и большія; большія соединяются съ змовинами, заручины съ дѣвичникомъ; послѣдній иногда совсѣмъ опускають.

Запоины никакими особенными обрядами не отличаются. Значеніе ихъ чисто юридическое. На нихъ опредѣляется съ мельчайшими подробностями весь ходъ свадьбы, всѣ расходы, подарки и пр. На нихъ собираются только старшіе родственники. Змовины нѣсколько многолюднѣе запоинъ. На нихъ окончательно объявляются всѣ условія заключаемой сдѣлки между обѣими сторонами; измѣнять эти условія уже послѣ змовинъ не допускается. Главное условіе змовинъ—это присутствіе родственниковъ и сосѣдей, привязанныхъ обѣими сторонами, какъ свидѣтелей сговора. Главная роль принадлежитъ крестнымъ отцамъ или родственникамъ, ихъ заступающимъ.

На змовинахъ же пишутъ „предбрачную“ записку. Этотъ обычай до сихъ поръ очень рѣдокъ среди бѣлоруссовъ, такъ какъ довольствуются устнымъ условіемъ. Свидѣнія о предбрачной записи мы встрѣчаемъ у мѣщанъ Могилевской губ.³⁾. Среди крестьянъ такіа письменныя условія дѣлаются въ исключительныхъ случаяхъ, напр., когда отецъ дѣвушки принимаетъ къ себѣ въ домъ зятя-примака. Нѣсколько подобнаго рода условій мнѣ удалось извлечь изъ книгъ волостныхъ правленій Вобруйскаго уѣзда.

Сговоръ предшествуетъ заключенію брака у различныхъ народовъ, находящихся на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, и потому долженъ быть

¹⁾ Боже подробно о мотивахъ свадебныхъ пѣсень пинчуковъ въ отдѣльной статьѣ „Мотивы свадебн. пѣсень пинчуковъ“, Гродна, 1893.

²⁾ Аналогичное раздѣленіе запоинъ на большіе и малое пиво см. у латышей. *Вольтеръ*, Мат. для этн. Лат. плем., стр. 169.

³⁾ *Дембовецкій*, Опытъ описанія Могилевской губ., I, 641.

признанъ явленіемъ общераспространеннымъ¹⁾. Онъ имѣетъ чисто юридическое значеніе контракта, заключаемаго обѣими сторонами. Главное условіе его—обязательное присутствіе извѣстнаго числа лицъ изъ родственниковъ, являющихся свидѣтелями сговора.

Участіе свидѣтелей сговора мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ чешской свадьбѣ²⁾, у тирольскихъ нѣмцевъ³⁾. Присутствіе родственниковъ требовалось средневѣковымъ французскимъ правомъ⁴⁾. Сговоръ въ сѣверо-германскомъ средневѣковомъ правѣ—одно изъ неперемѣнныхъ условій брачной сдѣлки. Тотъ только считался законнорожденнымъ, чья мать была сговорена: безъ сговора не могло быть правильно заключеннаго брака⁵⁾. Сговоръ освѣдчался присутствіемъ свидѣтелей, какъ и покунка всякой другой вещи, земли и пр.⁶⁾. Köhler считаетъ сговоръ самымъ важнымъ и неперемѣннымъ условіемъ брачной сдѣлки въ древне-индускомъ правѣ; остальная часть брака имѣетъ лишь религіозное значеніе⁷⁾. Такое же значеніе сговора выступаетъ и среди народовъ финскаго племени. У лопарей, напр., сговоръ обязателенъ; на немъ даютъ свое согласіе на бракъ всѣ родичи⁸⁾.

Участіе родственниковъ при сговорѣ и вообще во всей свадебной церемоніи мы наблюдаемъ и въ обычаяхъ французскихъ⁹⁾ и итальянскихъ племенъ¹⁰⁾.

Собственно женихъ и невеста не играютъ никакой роли на сговорѣ. Въ Игуменскомъ у. женихъ вовсе не ѣздитъ на змовины; невеста обычно удаляется на все это время въ домъ кого-либо изъ родственниковъ. Сговоръ, слѣдовательно, контрактъ, заключенный не между брачующимися, но между ихъ семьями. Это вполне естественно, потому что при родовой организаціи, къ которой относится больша часть свадебнаго ритуала, сами женихъ и невеста не были правоспособны вступать въ какія бы то ни было обязательства.

Запоины и змовины происходятъ безъ особенныхъ обрядовъ. Слѣдуетъ однако остановиться на двухъ особенностяхъ этихъ частей ритуала: на предбрачномъ дареніи женихомъ невесты и на обрядовомъ танцѣ по-

¹⁾ *Post*, Studien zur Entwicklungsgeschichte d. Familienrechts, p. 157, и сл.

²⁾ *Bartoš*, Lid a narod, Praha, 1892, p. 78—79.

³⁾ *Zingerle*, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Tirol, p. 456.

⁴⁾ *Koenigsquarter*, Histoire de l'organisation de la famille en France depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris, 1851, p. 122—123.

⁵⁾ *K. Lehmann*, Verlobung und Hochzeit, p. 98.

⁶⁾ *Ibidem*, p. 76.

⁷⁾ Indische Ehe und Familienrecht, „Zeitschrift für Vergleichende Rechtswissenschaft“, B. III, p. 305.

⁸⁾ *Харузинъ*, Русскіе Лопари, стр. 270, 274.

⁹⁾ *Carrence*, Le mariage chez nos pères, p. 102, 103 и др.

¹⁰⁾ *Pitrè*, Biblioteca delle tradizioni popolari Siciliani, XV. Usi e costumi, II, p. 62.

свѣдѣній. Это бываетъ либо на запоинахъ, либо на змовинахъ, когда, по окончаніи всѣхъ формальныхъ переговоровъ, призываютъ молодежь, находящуюся гдѣ-нибудь по сосѣдству. Оба обряда неустойчивы въ бѣлорусской свадьбѣ: въ иныхъ мѣстахъ исполняются, въ другихъ нѣтъ; въ иныхъ исполняются уже послѣ вѣнчанія, на брачномъ пирѣ, въ другихъ до него; оба между собою обрядовой связи не имѣютъ.

Передача предбрачнаго дара невестѣ женихомъ совершается такъ. Онъ пьетъ къ невестѣ, наливаетъ рюмку, бросаетъ туда нѣсколько серебряныхъ монетъ и передаетъ невестѣ. Последняя или выпиваетъ водку, или выливаетъ ее въ платокъ, смотря по обычаю, а деньги забираетъ себѣ. Онѣ составляютъ ея личную собственность¹⁾. Это общій видъ обряда. У пинчуковъ свать передаетъ такимъ же образомъ невестѣ монету еще на первыхъ запоинахъ²⁾, то-же бываетъ и въ Витебской губ.³⁾. Иногда мать принимаетъ монету и передаетъ дочери⁴⁾. Въ Виленской губ., какъ только родители невесты дадутъ свое согласіе на бракъ, то свать пожимаетъ правую руку невесты, кладетъ передъ нею пирогъ, сыръ и бросаетъ нѣсколько монетъ въ чашу, которую и наливаетъ виномъ⁵⁾.

Это дареніе невестѣ монеты имѣетъ чисто обрядовое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ очень убѣдительныхъ аналогій къ этому, повидимому, незначительному обряду.

У великоруссовъ, на заручинахъ, женихъ и невеста опоражниваютъ вмѣстѣ по глоткамъ стаканъ меда, и въ этотъ стаканъ женихъ бросаетъ монету, которую невеста и беретъ себѣ⁶⁾.

Всѣма интересны, по своимъ указаніямъ на первоисточникъ этого даренія, сродные обычаи у краинцевъ, чеховъ и поляковъ. У первыхъ, во время сговора, женихъ и невеста сидятъ нѣкоторое время вмѣстѣ. Потомъ женихъ встаетъ, беретъ невесту за правую руку, обводитъ трижды вокругъ себя, а гости въ это время льютъ имъ на руки вино. Затѣмъ женихъ бросаетъ нѣсколько монетъ на колѣни невестѣ⁷⁾. Мы увидимъ вполнѣ, что хватаніе невесты за руку означаетъ символическій захватъ ея. У кرواتовъ, какъ и у великоруссовъ, женихъ и невеста вмѣстѣ опоражниваютъ бокалъ вина, и въ него сваты бросаютъ золотыя вещи, а женихъ деньги, что и достается невестѣ⁸⁾.

У поляковъ дружка сейчасъ послѣ заручинъ отдаетъ жениху вѣнокъ и платокъ невесты со словами: „Отдаю тебѣ, пане молодой, вѣнецъ и прощу червонецъ“. Женихъ даетъ два или болѣе талера. Дружка бросаетъ эти деньги въ подставленный фарфукъ невесты со словами: „Daję ci ten czerwonec w fartuszek, ażeby ci też urosł brzuszek“¹⁾. У чеховъ также существуетъ сродный обычай. По окончаніи змовинъ, невеста подноситъ жениху на тарелкѣ розмаринъ и платокъ, а женихъ даетъ невестѣ серебряную монету²⁾. По окончаніи свадебнаго пира собираютъ деньги для невесты „na kolebku“. Собравъ ихъ, дружка бросаетъ на колѣни невестѣ со словами: „Nevěsta, drž klín, aby byla do roka dcera nebo syn“³⁾.

Частности описанныхъ обычаевъ даютъ право прийти къ заключенію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ платою за цѣломудріе невесты. Въ обычаѣ поляковъ мы видимъ, что женихъ получаетъ платокъ и вѣнокъ невесты—символы ея дѣвической невинности; отдать вѣнокъ—для дѣвицы все равно, что потерять невинность. Мы увидимъ вполнѣ, какъ широко распространено последнее воззрѣніе. Такъ и здѣсь, невеста символически отдается жениху, за что и получаетъ отъ него плату. Поселеніе дружки, „ażeby urosł brzuszek“, указываетъ, что невеста какъ бы уже потеряла свою невинность.

Рядъ аналогій убѣдительно свидѣтельствуетъ въ пользу высказаннаго предположенія. Сродный обычай мы встрѣчаемъ во многихъ мѣстахъ Франціи. Женихъ вскорѣ послѣ сватовства долженъ уплатить извѣстную сумму, обычно три золотыя монеты, которая переходитъ въ полную собственность невесты. Если запрашиваютъ болѣе и женихъ не даетъ, то это и служитъ самымъ чувствительнымъ для нея оскорбленіемъ⁴⁾. Почти повсемѣстно въ Сициліи, а также и въ другихъ мѣстахъ Италіи, когда невестѣ преподносятъ подарки, отецъ жениха даетъ ей также и монету⁵⁾. Обычаи астовъ даютъ также интересную аналогію. Здѣсь молодой на утро послѣ брачной ночи навѣшивается на шею молодой ленту, на которой висятъ нѣсколько монетъ; эту ленту молодая женщина носить годъ или до первой беременности⁶⁾. Совершенно сродный обычай мы встрѣчаемъ у наировъ на Малабарскомъ берегу Индостана: женихъ вѣшаетъ на шею невестѣ тесемку съ золотомъ монетомъ, которую она потомъ носить всю жизнь, какъ признакъ замужней женщины⁷⁾.

¹⁾ Шейнъ, Мат., 2 ч., стр. 189 и др.

²⁾ Kolberg, въ „Zbiórki Wiadomości do Antropologii Kr.“, т. XIII, p. 209.

³⁾ Шейнъ, 14.

⁴⁾ Носовичъ, Зап. И. Р. Г. Общ., V, 145.

⁵⁾ Киркоръ—въ Вѣстн. И. Р. Г. Общ., 1857, кн. IV, стр. 259.

⁶⁾ Зап. И. Р. Геогр. Общ. по Отд. Этн., т. II, стр. 63.

⁷⁾ Krauss, Sitte und Brauch der Südslaven, Wien, 1885, p. 356.

⁸⁾ Ibidem, p. 386.

¹⁾ Kolberg, Lud. Serya II, t. III, p. 168—169, ep. p. 387.

²⁾ Bartoš, Moravská svatba, Praha, 1892, p. 13.

³⁾ Ibidem, p. 54.

⁴⁾ Alb. Meyrac, въ Revue des traditions populaires, vol. III, p. 111.

⁵⁾ Salomono Marino, Etenia nuptialia, въ Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, подх ред. G. Pitre и Sal. Marino, Palermo, 1890, fasc. I, p. 95.

⁶⁾ Schröder Die Hochzeitsbräuche der Esten, p. 147.

⁷⁾ Giraud Telon, Les origines du mariage et de la famille, Paris, 1884, p. 157.

Для полноты отметим, что подобное же дарение монеты женихом или его отцом невесты, как предбрачный дар, встречается в обычаях вотяков¹⁾, у мордвы²⁾; у чувашей дарить монетой все родственники жениха³⁾. У лопарей встречаются также следы предбрачного дара⁴⁾. У якутов жених имеет право забрать в свою юрту невесту, только привезши ей подарок; пока не даст предбрачного дара, невеста не выдается, хотя бы казным был уплачен⁵⁾.

Средние века хорошо различали плату за действительность невесты от других брачных платежей. У Франков в VI в. существовал обычай, чтобы супруг давал невесте монету во время церковного венчания⁶⁾. Обычай галлов знал двойную плату за невесту: amobug—плата родителям девушки, и cowull—утренний, после брачной ночи, дар невесты, собственно плата за ее невинность; наконец, третий еще дар—egweddi, вдовья часть⁷⁾. Собственно утренний и вдовий дар—одно и то же, имеют одно и то же происхождение, как плата за невинность. Напротив, плата родителям невесты, как плата, выкуп за нее всегда представлял особое явление. В средне-вековых правдах это выражалось в формулх брачного союза—per solidum et denarium. Koenigsvarter невольно думал, что плата per solidum et denarium перешла от платы родителям невесты в утренний дар ей⁸⁾. Общ. платы ничего общего не имеют. Жених покупал у родителей невесту и такой брак назывался per solidum et denarium (едва ли не с V в. продажа была уже фиктивная); деньги поступали родителям девушки, и за это они передавали свою власть, свое mundium над дочерью жениху. Так Клодвиг приобрел mundium над Клотильдой, заплатив один солид и один динарий⁹⁾.

Исследователи средне-векового сѣверо-германского права после стовора различают три акта брачной сделки: брачный дар, торжественное уведение невесты к жениху и восхождение на брачное ложе¹⁰⁾. После брачного дара жених не имел еще mundium над невестой, пока не довел ее до своего дома. Но в имущественном отношении, по остготскому

праву, всякое имущество, приобретенное после брачного дара, считалось общим¹⁾. Брачный дар невесты состоял обычно в правѣ ее на третью часть имущества²⁾. Очень ощутительные следы donatio propter nuptias находят исследователи и в правѣ балтийских славян³⁾. Мы подходим к известному римскому институту donum ante или propter nuptias, который также давался до брака⁴⁾. Къ разряду этих дарений, очевидно, принадлежат все новыя записи Литовскаго Статута.

В средне-вековом немецком правѣ плата за невинность невесты известна под названием утреннего дара, Morgengabe⁵⁾. Этот дар имеет очень широкое распространение⁶⁾ и сроден вообще подаркам от жениха невесты, независимо от времени, когда они даются. Древний нормандский обычай говорит, что au coucher gagne la femme son donaire. Следы фактической платы за действительность невесты находят почти у всех франкских племен⁷⁾. В дополнение к предыдущему, я укажу еще на средне-вековую иранскую легенду о бракѣ Etain, прекраснейшей женщины Ирландии, съ королем Eochuaid Airen, причем последний дал своей невестѣ donaire изъ семи синал, т.-е. изъ семи рабынь, и тогда Etain сдѣлалась его женою⁸⁾.

Все это дает намъ возможность соглашаться съ мнѣніем г. Salomono Marino, который сравнивает дары от жениха невесты, независимо от времени дарения, съ институтом Morgengabe⁹⁾, т.-е. платою за ее действительность. Въ самом дѣлѣ, едва ли можно придавать рѣшающее значение времени, въ которое дается брачный даръ. У мордвы, напр., въ некоторых мѣстах, брачный дар, пѣтнэ, дается мужем жѣнѣ на утро после брачной ночи; а у мокши это самое пѣтнэ дается до брака, и на него невеста дѣлает себѣ шубу, постель¹⁰⁾. Аналитичный обычай, хотя менѣе осязательный по темнотѣ текстовъ, мы имѣем у древнихъ индусовъ. Одно мѣсто Каушикы, къ сожалѣнію, темное по испорченности текста, даетъ воз-

1) *Верещагинъ*, Вотяки Сарапульскаго у. СПб., 1889, стр. 132.

2) *Майновъ*, Оч. юрид. быта мордвы, 87.

3) *Сбоевъ*, Чуваше, стр. 38.

4) *Харузинъ*, Русскіе Лопари, 269.

5) См. *Приклонскаго*, Живая Старица, 1891, III, стр. 55.

6) *Beaume*, Introduction à l'étude historique du droit coutumier français. Paris, 1886, p. 94—95.

7) *Koenigsvarter*, Histoire de l'organisation de la famille en France, p. 42.

8) *Ibidem*, 123.

9) *Beaume*, Introduction, p. 177. *Kulischer* въ „Zeitschrift für Ethnologie“, 1878, III, 224.

10) *K. Lehmann*, Verlobung und Hochzeit, p. 83.

1) *Ibidem*, 86.

2) *Ibidem*, 84.

3) *Котляревскій*, Древности юридическаго быта балтійскихъ славянъ, Прага, 1874, стр. 95.

4) См. *Исследование Гуляева*, Предбрачный даръ въ римскомъ правѣ, Дерпт, 1891.

5) *Schröder* Richard, Das eheliche Güterrecht Norddeutschlands und Niederlande im Mittelalter, 1874, p. 349 и сл. Ero-же—Geschichte des ehelichen Güterrechts in Deutschland, т. II, ч. 1, p. 24 и сл., и ч. II, p. 242 и сл.

6) *Ковалевскій*, Первоначальное право, II, стр. 150.

7) *Beaume*, Introduction, p. 178.

8) *D'Arbois de Jubainville*, Le cycle mythologique Irlandais, p. 314.

9) *Etenia nuptialia*, Archivio per lo studio delle tradiz. popol. 1890 г., p. 94.

10) *Майновъ*, Очерки юридическаго быта мордвы, стр. 37.

мжность заключить, что молодой на утро послѣ брачной ночи дѣлаетъ подарокъ женѣ своей, состоявшій изъ коровъ ¹⁾. Но изъ другихъ источниковъ (напр. Apastamba) мы знаемъ, что еще въ началѣ брачной церемоніи невѣстѣ клалось на голову золото ²⁾; это золото, какъ и темны источники, мы по всей видимости можемъ сопоставить съ обрядовымъ дареніемъ невѣстѣ монетъ.

Обращаясь къ вопросу о происхожденіи платы за дѣвственность невѣсты, получаемой ею самою, мы прежде всего должны замѣтить, что это дареніе не соответствуетъ общему отношенію свадебнаго обряда къ невѣстѣ. Дѣло въ томъ, что наши свадебные обряды и пѣсни ставятъ невѣсту въ столь зависимое отъ всего рода, общины положеніе, что едва ли можемъ предполагать за невѣстой такую самостоятельность. Если она сама продаетъ свою дѣвственность жениху, то она можетъ сдѣлать и свободный выборъ мужа. Между тѣмъ формы ритуала въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ, сложились именно въ такую эпоху, когда дѣвушка была наименѣе самостоятельна. Она цѣлкомъ зависитъ отъ рода, и въ религиозномъ отношеніи мы въ свадебномъ обрядѣ наблюдаемъ именно остатки родовой религіи. Весь свадебный обрядъ сохранилъ болѣе всего чертъ родовой организаціи. А эта послѣдняя менѣе всего способна дать самостоятельность какому-нибудь изъ своихъ членовъ.

Поэтому, мы должны искать источниковъ *donatio propter nuptias* въ такой организаціи брачныхъ отношеній, которая представляла женщинѣ полный просторъ въ распоряженіи собою. Намъ кажется, что здѣсь мы имѣемъ пережитокъ эпохи гетеризма.

Въ этнологической наукѣ признается несомнѣннымъ такой моментъ въ историко-культурномъ развитіи всѣхъ народовъ, когда допускалось безпорочное половое сожитіе. Женщина не была стѣснена узми брака, требовавшими вѣрности мужу, но свободно отдавалась любому мужчине. Леббокъ ³⁾, первый изъ ученыхъ, сдѣлалъ весьма удачную попытку подвести относящіеся сюда факты подъ одно общее явленіе; онъ называетъ это состояніе смѣшанными безразличными состояніями половъ. Женщина принадлежала всей общинѣ, всему племени. Но съ теченіемъ времени общинныя права на женщину получали все большія и большія ограниченія. Женщина начинаетъ принадлежать одному мужчине. Но ей до брака разрѣшается полная половая свобода, она можетъ принадлежать всякому муж-

чинѣ и, только ставши женой одного, обязана хранить супружескую верность. Факты подобнаго рода отношеній, какъ у древнихъ, такъ и у современныхъ мало развитыхъ народовъ, ученые находятъ въ большемъ количествѣ. Дѣвушка дѣлается доходной статей для родителей, доставляя имъ доходъ проституціею, а сдѣлавшись женою, она приноситъ мужу приданое, собранное тѣмъ-же путемъ. Есть много народовъ, которыхъ дѣвушки собираютъ себѣ приданное проституціею, и это не только не считается позорнымъ, но даже очень приличнымъ. Чѣмъ болѣе дѣвушка имѣла любовныхъ приключеній до брака, тѣмъ болѣе лакомый кусочекъ представляетъ она для мужчины, желающаго сдѣлаться ея единственнымъ обладателемъ. Дальнѣйшимъ развитіемъ этого реального гетеризма было то, что женщина, какъ принадлежащая всей общинѣ, переходя въ обладаніе одного изъ ея членовъ, должна была получить *искупленіе*, по выраженію Леббока, за то, что община передаетъ ее во власть одного человѣка. Это искупленіе состояло въ томъ, что дѣвушка могла принадлежать или всѣмъ членамъ общины нѣкоторое время до брака, или только одну ночь за извѣстную плату, или же принадлежала одному какому-нибудь, который ималъ дѣвушку невинности. Плата составляла ея приданое. Эти обычаи развили религиозный гетеризмъ, какъ онъ извѣстенъ въ древнемъ востокѣ и современной Индіи; дѣвушка должна получить искупленіе отъ самого бога—оплодотворителя. Онъ долженъ нарушить ея дѣвственность и положить первыя сѣмена плодородія. Дѣвушка является, передъ самымъ вступленіемъ въ бракъ, въ храмъ, и здѣсь замѣстителемъ бога, лишующимъ ея невинности, являются или жрецъ, или кто нибудь другой, который долженъ дать ей извѣстную плату ¹⁾.

Я напомнимъ изъ области массы сюда относящихся фактовъ, разскажетъ Геродотъ о религиозной проституціи у храма Милитты въ Вавилонѣ. Всѣ вавилонянки должны были проституироваться у храма Милитты. Они получали отъ сходящихся съ ними мужчинъ монету, которая служила имъ какъ бы приданымъ, посланнымъ самою богинею, и носила всю жизнь, какъ таинство; только получивъ эту монету, дѣвушка могла выйти замужъ. Религиозная цѣль проституціи сводилась къ тому, что дѣвушка, оплодотворен-

¹⁾ Литература по этому вопросу общеизвѣстна; напомнимъ соч. Леббока, *Поста, Жиро-Теллона*, на которыя я не разъ ссылался, *Ковалевскаго*—Первобытное право, *Зибера*—Очерки первобытной экономической культуры, *Lévi-Strauss*—*Evolution du mariage et de la famille*, *Спенсера*—Основ. социологін, также *Olivera Martins*—*Quadro das instituições primitivas*, Lisboa 1883, въ которомъ въ достаточной полнотѣ выражено современное ученіе социологовъ, *Кулишъ* въ *Zeitschr. f. Ethn.*, 1876, № 2. Въ русской литературѣ краткій обзоръ мнѣній и литературы можно найти въ книгахъ *Ефимова*—«Очерки по ист. древне-римскаго родства и наследованія», Спб. 1885, и у *Казанцева*—«О разводѣ по римскому праву», Кіевъ, 1892, 43. Новѣйшее изслѣдованіе въ этой области, съ критикою вопроса,—*Westermark*—*The history of human marriage*, Lond., 1891, p. 51—134.

¹⁾ Мѣсто у *Weber'a* Indische Studien, V, p. 402.

²⁾ *Winternitz*, Das altindische Hochzeitsrituell, Wien, 1893, p. 46; ср. *Weber*, Indische Studien, V, p. 192.

³⁾ Начала цивилизаціи.

ная самую богиню, должна сдѣлаться плодородной матерью и принести мужу многихъ дѣтей.

Въ родствѣ съ этими фактами гетеризма намъ представляется и происхождение платы за дѣвственность невесты; женихъ постепенно, съ развитіемъ общественной нравственности, явился самъ замѣстителемъ бога и искупителемъ отъ общины, но за это онъ долженъ уплатить за цѣломудріе невесты. Онъ платитъ именно до брака, такъ какъ только искупленная дѣвушка можетъ отдаться одному мужчине. Съ этимъ не трудно видѣть связь обычая, по которому разрѣшается жениху до свадьбы спать вмѣстѣ съ невестой (но безъ сожителства), каковы, напр., извѣстный на Дону, при стговорѣ, обычай празднованія „подушечки“. Вотъ какъ описывается этотъ обычай. Стговоръ бываетъ въ домѣ родителей невесты. Пожилые люди ухаживаютъ на ужинѣ къ родителямъ жениха. Тогда одна изъ подушечницъ беретъ съ постели двѣ подушки, кладетъ ихъ рядомъ на скамью или на диванъ и приглашаетъ желающихъ садиться. Первыми садятся женихъ и невеста и, принявши изъ рукъ подушечницы вино, въ перемежку съ подушками выпиваютъ его при пѣніи подушечницъ: „у насъ новѣ незнакомый побывалъ, у століка три ножки поломалъ, у Н. пуховня подушечки помялъ, а Н. цѣловалъ, миловалъ“. Послѣ этого то-же самое продолжаютъ и остальные боаре съ избранными ими дѣвушками, пока всѣ не перебиваются на подушки. Почти всѣ боаре расходятся по домамъ; остаются двѣ-три пары. Оставшіеся ужинаютъ и вмѣстѣ ложатся спать въ домѣ невесты ¹⁾. Большое сродство съ изложенною игрою имѣетъ игра „подушечка“ у бѣлоруссовъ, хотя и не приуроченная къ свадьбѣ, а также „женитьба Церешки“ ²⁾.

Въ описаніи игры не трудно узнать символическое лишеніе дѣвственности невесты. Искупителемъ ея является самъ женихъ. Подушка замѣняетъ постель. Поцѣлуй, какъ увидимъ, означаютъ также завладѣніе невестой. Пѣсня, которую поютъ подушечницы, не оставляетъ сомнѣнія въ общемъ значеніи этого обряда. Далѣе, какъ женихъ, такъ и другія пары расплачиваются за вино; эта плата—остатокъ выкупа, который давалъ липающий дѣвушку цѣломудрія въ пользу храма или въ пользу общины, дозволявшей дѣвушкѣ вступить въ индивидуальный бракъ. Одна изъ подушечницъ, распоряжающаяся обрядомъ,—представительница общины, или жрица богини. Переживанія гетеризма выразились еще въ иной формѣ. Тамъ, гдѣ лишеніе дѣвушки невинности не приняло сильной религіозной окраски, искупителемъ ея передъ общиной является не религіозный глава послѣд-

ней, жрецъ, какъ на востокѣ, а представитель свѣтской власти. Такимъ образомъ произошло очень хорошо извѣстное въ средніе вѣка *ius primae noctis*. Искупителемъ, первымъ обладателемъ дѣвушки, являлся представитель общины, помѣщикъ. Мы имѣемъ очень опутительные слѣды этого *ius primae noctis* и среди бѣлоруссовъ. Они заключаются прежде всего въ томъ, что молодые ходили на поклонъ съ подарками къ помѣщику. Подарокъ является какъ бы выкупомъ права помѣщика на первую ночь,—явленіе, очень хорошо извѣстное въ обычаяхъ западной Европы въ средніе вѣка. Но далѣе мы встрѣчаемъ и очень вѣское свидѣтельство о томъ, что помѣщики иногда фактически считали себя въ правѣ воспользоваться своимъ правомъ. Я приведу слова наблюдателя, сообщившаго свои свѣдѣнія въ сборникъ г. Шейна: „Иногда помѣщикъ и его управляющій пользовались и правомъ первой ночи, избѣгнуть котораго можно было только посредствомъ выкупа“ ¹⁾. Факты подобнаго рода извѣстны мнѣ, по разсказамъ старожиловъ, изъ Рѣчинскаго у. Мин. г. Ходить же съ подаркомъ къ помѣщику передъ или послѣ вѣнчанія—было принято во всей Бѣлоруссіи.

Ближайшее сродство съ только что указанными переживаніями первобытнаго гетеризма имѣетъ обрядовый танецъ невесты. Нужно замѣтить, что этотъ обрядъ мало устойчивъ въ нашей свадьбѣ. Трудно указать съ опредѣленностью время, въ которое онъ исполняется. Во всякомъ случаѣ онъ отличается по характеру своему отъ другихъ танцевъ на свадьбѣ. Всякій парень можетъ танцевать съ невестой, пока она не сдѣлается женою. Это бываетъ чаще всего послѣ стговора, когда приглашаютъ на пиръ и танцы молодежь, или же переносится на дѣвичникъ, если послѣдній справляется съ танцами. Иногда женихъ открываетъ танцы съ невестой, за нимъ танцуетъ съ нею старшій дружокъ и остальные парни. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мы встрѣчаемъ слѣдующій любопытный вариантъ. Послѣ жѣны кольцами (что, какъ мы увидимъ, представляетъ одно изъ переживаній захвата), женихъ посылаетъ невестѣ подарокъ. Она его не беретъ, отбрасываетъ и принимаетъ только за третьимъ разомъ. „Это обстоятельство какъ бы приводитъ ее въ стыдъ и смущеніе, и она потупляетъ глаза и отворачивается въ сторону“,—пишетъ наблюдатель. Всѣ встаютъ изъ-за стола; женихъ беретъ за руку невесту, выводитъ на средину избы и начинаетъ танцевать ²⁾. Стыдъ невесты, конечно, обрядовый: она принимаетъ отъ жениха подарокъ, который здѣсь, повидимому, играетъ роль предбрачнаго дара вообще; она смущается отъ сознанія потери невинности, и наконецъ женихъ завладѣваетъ ею, что выражается символически въ танцѣ. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе, судя по аналогичнымъ обрядамъ, что изъ-за же-

¹⁾ Смирновъ, Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа. Юридич. Вѣстн. 1877, ч. I, p. 62—63.

²⁾ Шейнъ, Мат., I, 101, 546.—Киркоръ, Вѣстн. II. Р. Геогр. Общ. 1857, ч. IV, p. 284—287, и въ моихъ матеріалахъ.

¹⁾ Шейнъ, Мат., II, 153.

²⁾ Носовичъ, Зап. II. Р. Геогр. Общ., V, стр. 140.

нихом танцуетъ съ невѣстою старшій дружокъ и т. д., невѣста переходитъ изъ рукъ въ руки.

Въ Виленской губ. танецъ переносится на утро послѣ брачной ночи. Когда разопьютъ „сладкіе рожки“, дружокъ пляшетъ съ молодою и получаетъ за это въ подарокъ поясъ. Затѣмъ свекровь проситъ остальныхъ присутствующихъ протанцевать съ невѣстою, и каждый по окончаніи танца получаетъ въ подарокъ кусокъ полотна. Когда всѣ перетанцуютъ съ невѣстой, начинается общія пляска ¹⁾.

Интересъ этого обрядоваго танца заключается въ томъ, что невѣста обязана со всѣми танцевать. До выхода замужъ невѣста принадлежитъ всѣмъ мужчинамъ своей общины. Я указывалъ на обычай, передавшіе искупленіе дѣвушки одному лицу. Но мы встрѣчаемъ также и такіе обычаи, когда невѣста, въ видѣ искупленія, можетъ принадлежать въ первую ночь всякому члену общины. Такой, напримѣръ, обычай мы встрѣчаемъ у ливонцевъ у которыхъ каждый долженъ также дать невѣстѣ какой-нибудь подарокъ ²⁾. Подарки эти составляютъ приданое невѣсты. Въ обрядовомъ танцѣ невѣсты мы въ правѣ видѣть переживание гетеризма. Танецъ — символическій, актъ временнаго владѣнія невѣстою. Народные танцы представляютъ вообще не мало примѣровъ переживания первобытнаго гетеризма ³⁾, и потому въ подобномъ же значеніи настоящаго танца нѣтъ ничего удивительнаго. Указанія на плату невѣстѣ всякимъ, кто съ нею хочетъ танцевать, я встрѣтилъ въ Игуменскомъ уѣздѣ Мин. г., гдѣ, по словамъ рассказчицы, парень долженъ бросить нѣсколько монетъ въ тарелку, которую держитъ дружокъ; деньги передаются потомъ невѣстѣ. Въ Рѣчинскомъ и Мозырскомъ уѣздахъ парни платятъ за танецъ съ невѣстою не ей, а „музыкѣ“, музыканту, и такимъ образомъ, обычно, оплачивается свадебная музыка.

Обращаясь къ сферѣ переживаній разсмотрѣннаго обычая, мы видимъ, что оно далеко не одного стоитъ въ нашей свадьбѣ. У угро-руссовъ невѣста обязана со всѣми протанцевать; это бываетъ послѣ брачной ночи ⁴⁾. У чеховъ мы встрѣчаемъ слѣдующій обрядъ. Когда на молодую надѣнутъ женскій головной уборъ, одна изъ женщинъ, кюрсова, назначаетъ цѣну за невѣсту; она выхаживаетъ всѣ достоинства молодой: красоту, бѣлые зубы, трудолюбіе и проч.; другія женщины ищутъ купцовъ. Кто покупаетъ, тотъ бросаетъ деньги на колѣни продавщицы, которая потомъ передаетъ ихъ не-

¹⁾ Вѣсти. И. Р. Георг. Общ., 1857 г., ч. IX, p. 60.

²⁾ Giraud Telon, Les origines du mariage et de la famille, p. 31.

³⁾ Нѣкоторые общія указанія на этотъ счетъ см. въ статьѣ г. Кулишера „Die geschlechtliche Zuechtung bei den Menschen in der Urzeit“, въ Zeitschrift für Ethnologie, 1876, № 2, стр. 148; см. интересный танецъ „подушечки“ (Kissentanz) въ среднепѣвковой Англіи, аналогичный нашему.

⁴⁾ Живая Старина, 1891, III, 134.

вѣстѣ. Наконецъ подходятъ женихъ, даетъ больше другихъ, выводитъ невѣсту и танцуетъ съ нею кругомъ. Послѣ жениха танцуетъ съ невѣстою старшій дружокъ, потомъ старшій „младенецъ“, наконецъ всѣ гости ¹⁾. У мазуровъ невѣста проситъ всѣхъ протанцевать съ нею; послѣ танца дружокъ съ тарелкой собираетъ со всѣхъ подарки ²⁾.

Аналогичные обычаи мы встрѣчаемъ и въ средѣ народовъ романогерманскихъ.

Почти повсемѣстно въ Сициліи и Италіи всякій изъ гостей можетъ танцевать съ невѣстою, если дастъ ей какой-нибудь подарокъ ³⁾; въ Сициліи обычно даютъ серебряную или золотую монету или украшеніе ⁴⁾. Въ департаментѣ Lotgaine, во Франціи, невѣста танцуетъ со всѣми мужчинами, а женихъ со всѣми женщинами ⁵⁾. Обычаи другихъ мѣстъ еще интереснѣе: невѣста должна протанцевать со всѣми, и ее всѣ должны обнять ⁶⁾. Мы увидимъ впоследствии, что обниманіе, поцѣлуи представляютъ также символы запладнія. У нѣмцевъ мы встрѣчаемъ также слѣды этого обычая. Танцы обычно начинаются танцемъ жениха и невѣсты; ⁷⁾. Въ Тиролѣ невѣста обязана протанцевать со всѣми парнями; этотъ танецъ бываетъ сейчасъ послѣ брачнаго пира ⁸⁾. Отмѣтимъ еще такой же обычай у латышей. Во время свадебнаго пира танцы начинаются танцемъ жениха и невѣсты ⁹⁾. Во время одариванія невѣсты, всякій дарящій, положивъ свою ленту, выводитъ невѣсту изъ-за стола и танцуетъ съ нею вокругъ комнаты; это бываетъ до вѣчна ¹⁰⁾.

Приведенными примѣрами въ значительной мѣрѣ подтверждается высказанное выше мнѣніе о значеніи обрядоваго танца невѣсты.

Въ заключеніе настоящаго обзора предварительныхъ свадебныхъ обрядовъ, намъ нужно сказать нѣсколько словъ о выборѣ времени года и дней свадьбы. Указанія на этотъ счетъ дѣлались уже не разъ, и мы ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями. Самымъ обычнымъ временемъ для совершенія свадебъ считается весна и осень, причемъ осеннимъ свадьбамъ всегда отдается преимущество. Въ Рѣчинскомъ и Минскомъ уу. бываетъ не

¹⁾ Bartoš, Moravská Svatba, Praha, 1892, p. 60—61. Ср. ego же, Lid a narod, Meziříčí, 1892, p. 109.

²⁾ Kolberg, Mazowsze, I, 262.

³⁾ Sal. Marino, въ Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, 1890, I, p. 96.

⁴⁾ Pirri, Biblioteca delle tradizioni popolari Siciliani. XV. Usi e costumi, II, p. 85.

⁵⁾ Eddlestand du Mérid, Des formes du mariage, p. 62, прим. 2.

⁶⁾ Carrence, Le mariage chez nos pères, p. 71.

⁷⁾ Ad. Wuttke, Der deutsche Aberglaube der Gegenwart, Berlin, 1869, p. 352.

⁸⁾ Zingerle, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Tirol. Innsbruck, 1859, p. 457.

⁹⁾ Волшебъ, Матеріалы для этнографіи Латышскаго племени, стр. 167.

¹⁰⁾ Ibidem, 208.

мало свадеб также в феврале, вообще в месяцы перед самой масляной. В Гомельском у. свадьбы справляются на „Грязной неделе“, в мае или перед началом жатвы¹⁾. В Витебской губ. в одних местах обыкновенное время для свадеб—октябрь и ноябрь²⁾; в других местах—бывают осенью и зимой: от Покрова до заговенья—большая свадебница, и от Крещения до Великого поста—малая свадебница³⁾.

Наши сведения о времени свадеб не совсем полны. Но очевидно, что в различных местах они справляются в различное время. Важно лишь то, что повсеместно признается какое либо время года особенно счастливым для брака. В настоящее время выбор этого времени, сопровождаемый приметами, поддерживается и объясняется соображениями экономическими. Осенью женятся потому, что собранный хлеб, заработанный на стороне деньги дают возможность справить свадьбу. Но весны и зимы свадьбы предпочитают, потому что к лету семья получает рабочую силу, что для нея представляет большую выгоду. Взяв молодую осенью, ее нужно целую зиму бесплатно для семьи кормить. Оттого родители девушки дорожатся ими весной и охотно отдают осенью, по окончании полевых работ. Если за дочерью дают приданое, то выдавая ее весной, родители ее вытнут из приданого за летнее рабочее время. С таким объяснением мы пришлось встретиться в Минском, Речицком и Игуменском уу.

Но едва ли может быть сомнение, что первоисточник выбора времени для свадеб кроется в более отдаленном времени, в чисто религиозных воззрениях. На связь религиозных культов и особенно культа солнца с выбором времени для брака было уже сделано указание проф. Сумцовым⁴⁾. Связь месяца с временем для брака у белоруссов выражается тем, что сватать идут непременно тогда, когда месяц на ущербе⁵⁾. О ближайшем влиянии солнечного светила на брак мы еще будем говорить.

У древних индусов мы также видим, что выбор времени для брака вполне подчиняется религиозным воззрениям: брак запрещается с половины января до половины марта, и с половины июня до половины июля; время это связано было с почитанием солнца и манов⁶⁾—божеств, устроителей браков. Там же религиозные основания мы встречаем у

1) Шейн, Материалы II, стр. 334.

2) Встыняк И. Р. Геогр. Общ., 1853, ч. 9, стр. 23.

3) Шейн, Мат., II, стр. 1.

4) О свад. обрядах, стр. 61 и сл.; здесь же сведены факты о выборе времени у русских и славян; дополним известием, что у чехов свадьбы обычно вводят, у словенцев—в „nové vino“, Bartoš. Moravská Svatba, 14.

5) Новоградский у., Шейн, Мат., II, стр. 234.

6) Winternitz, Das Altindische Hochzeitsrituell, 27—28.

римлян и греков¹⁾. У морды охотнее всего женятся перед масляной и после радунцы, именно когда приходится праздники богинь Вельяв, богинь воды и брака²⁾. У чувашей свадьбы бывают преимущественно весной и летом³⁾.

Очень часто первоисточник религиозного воззрения кроется в области чисто бытовых переживаний. Быть может, здесь, мы встречаем, что подобным же фактом. Мне кажется, что попытка г. Кулипера доказать, что на наиболее примитивной ступени первобытного гетеризма половое сближение между мужчинами и женщинами происходило в известные периоды года, именно весной и во время жатвы⁴⁾, имеет за собою не мало оснований. Очень возможно, что в теперешнем обычай избирать то или иное время для брака кроется переживание гетеризма. С течением времени этот выбор получил религиозное толкование и освящение, как и вообще другие переживания того же периода.

Относительно выбора дней для различных частей брачного обряда мы знаем несколько больше. Но за то объяснение причины выбора того или другого дня гораздо труднее: основное значение тут имеют приметы, а о приметах белорусских мы мало знаем. В Минском у. удачными днями для сватства считаются воскресенье, вторник и четверг. В Новоградском у.—в субботу или воскресенье малая горьлка в четверг—большая⁵⁾; сватать ходят в воскресенье, вторник, четверг, и субботу⁶⁾. В Рогачевском у. сватают по вторникам, четвергам и субботам⁷⁾. Время для вѣнчания избирается всегда в воскресенье, реже в какой либо большой праздник⁸⁾. Четверг является особенно, излюбленным днем: в этот день совершается по крайней мере какойнибудь один важный акт свадьбы⁹⁾.

1) Rossbach, Untersuchungen über die Römische Ehe, Stuttgart, 1853, p. 264 и сл.; ср. Edlestand du Mèril, Des formes du mariage et des usages populaires, в собр. его статей: Etudes sur quelques points d'archéologie et d'histoire littéraire, Paris, 1862, p. 74 и сл.

2) Майнов, Очерки юрид. быта морды, стр. 39.

3) Сбоев, Чуваш, 23. Ашмарин—в „Этн. Обзор.“ V, 158.

4) Die Geschlechtliche Zuchtwa, в Zeitschrift f. Ethnologie, 1876, II, p. 156 и сл.; ср. Edw. Westermarck, The history of human marriage, London, 1891, p. 25 и сл., где приведен целый ряд фактов о времени брака у различных первобытных народов.

5) Шейн, Мат., II, 219, 221.

6) Ibid., 234.

7) Ibidem, 294.

8) Ibid., 15, 200, 221, 236, 257, 334, 376; Вѣлор. пѣсни, стр. 288, и др.

9) Указания на выбор дней у русских и славян см. у Сумцова, О свад. обр., стр. 69; ср. Янчука, Малорусская свадьба в Констант. у. Сѣл. губ., стр. 72; у Чехов—Bartoš, Moravská Svatba, 14; у Поляков—Kolberg, Lud, Ser. XI,

II.

Заручины.

Общій видъ обряда.—Выдача невесты.—Соединеніе рукъ жениха и невесты.—
Мѣна кольцами.—Совѣстная ѣда.—Обрядовый плачъ невесты.

Дальнѣйшимъ актомъ свадебной церемоніи являются заручины. Трудно указать опредѣленно время ихъ совершенія. Въ большихъ, парадныхъ свадьбахъ онѣ бывають въ четвергъ вечеромъ, дѣвичникъ или „вѣнокъ“ въ субботу, вѣчаніе въ воскресенье. Но иногда заручины стягиваются съ дѣвичникомъ на субботу, или же въ четвергъ плетуть вѣнокъ, въ субботу заручають. Въ моемъ описаніи свадьбы изъ Мяскаго у. время заручинъ—утро передъ самымъ вѣчаніемъ, послѣ посадовъ жениха и невесты. Въ иныхъ мѣстностяхъ заручины совершенно опускаются, или лучше сказать, сливаются съ замовинами, на которыхъ и бываетъ соединеніе рукъ брачующихся.

Я укажу ниже важнѣйшіе обряды заручинъ. Но прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что когда является женихъ съ дружкой, то обычно ихъ не прямо выпускаютъ въ хату. Въ Игуменскомъ у. женихова дружина находитъ ворота дома невесты запертыми; начинають долгие переговоры: сваты выдаютъ себя за пріѣзжихъ купцовъ, сбившихся съ дороги, просятъ на ночь. Наконецъ, дѣло выясняется, ихъ выпускаютъ и требуютъ водки. Подобные обряды, съ большими или меньшими вариациями, мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ Витебскомъ у. сваты прямо просятъ переночевать, и ихъ выпускаютъ¹⁾. Очень сходные съ только что рассказанными въ Игуменскомъ у. переговоры ведутъ сваты и въ нѣкоторыхъ частяхъ Борисовскаго у.²⁾ Въ этомъ же уѣздѣ встрѣчается и другой вариантъ. Гости прямо входятъ въ избу, но ихъ встрѣчаютъ молчаніемъ. На шутки и заговариванія свата всѣ отвѣчаютъ молчаніемъ. Наконецъ, сватъ замѣчаетъ, что самого-то хозяина нѣтъ въ хатѣ, ищутъ послѣдняго и находятъ его въ снѣгахъ. Долго сваты упрямиваютъ хозяина войти, но онъ отпихивается: „може я тамъ не дуже потребентъ“, и только усердные поклоны жениха заставляютъ его войти въ избу и занять свое мѣсто³⁾.

ч. III, p. 53, *Magowske*, I, 24; у Нѣмцевъ—*Buchholz*, Deutscher Glaube und Brauch in Spiegel der heidnischen Vorzeit. II Bd., Berl. 1877, p. 17, 14, 31, 52; *Wuttke*, Der Deutsche Volksglaube, Berl., 1869, p. 346; ср. *Schröder*, Die Hochzeitbräutche der Esten, Berl., 1888, p. 51; у французовъ, *Revue des traditions populaires*, t. IV, p. 23; у литовцевъ, Матеріалы для Георг. и Стал. Россин, Ковенская губ., стр. 571 и мн. друг.

¹⁾ *Шейнъ*, Мат., II, 15.

²⁾ *Ididem*, 155—156.

³⁾ *Шейнъ*, ib., стр. 135—137; *Носовичъ*, Зап. Р. Георг. Общ., V, 137—138.

Въ настоящее время ись эти обряды, сопровождаемые дружнымъ смѣхомъ присутствующихъ, не болѣе какъ свадебныя шутки. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай указать на сродные обычаи и у другихъ народовъ. Теперь же замѣтимъ, что эти наши обычаи представляютъ собою переживанія отчасти похищенія, отчасти купли-продажи невесты. Пріѣзжие добиваются войти въ домъ невесты, что указываетъ на борьбу; они входятъ въ избу въ шапкахъ, дружки съ кнутомъ черезъ плечо, разгоняють невинныхъ гостей и садятся сами; хозяинъ удаляется изъ дому, предоставивъ его побѣдителямъ. Это—переживаніе умычки. Съ другой стороны, сваты являются купцами, цѣль ихъ покупки—невеста.

За пріѣздомъ сватовъ начинается выдача имъ невесты. Сваты передаютъ невестѣ и ея роднымъ подарки¹⁾. Часто на заручинахъ же бываетъ и обрядовое дареніе невестѣ монеты²⁾, о которомъ мы уже говорили. Въ этихъ случаяхъ сваты продолжаютъ свою роль купцовъ. „Покажице-жъ намъ того, за кимъ мы страдаемъ“, говорятъ въ Витебской губ. сваты, и крестная мать невесты выводитъ ее къ сватамъ, чѣмъ, собственно, и выражается выдача³⁾. Въ Вобруйскомъ у. сваты спрашиваютъ: „За што я пиу гарьлку? Покажъ мнѣ дѣўку“. Братъ приводитъ сестру и, подводя къ жениху, передаетъ ему „сестру ни слящую, ни кривую“⁴⁾. Въ Борисовскомъ у. женихъ самъ разыскиваетъ среди дѣвушекъ невесту и выводитъ ее на среднюю комнату, тогда отецъ невесты складываетъ ихъ руки, съ пожеланіемъ—„на вясёлое житця, на доброе здароўе, на доўгій вѣкъ, на дзяццное счастье!“⁵⁾.

Въ Мяскомъ у. сватъ требуетъ выдачи невесты, ему приводятъ двухъ дѣвушекъ, спрашивая, которую онъ требуетъ. Сватъ угощаетъ дѣвицъ, говоритъ, что и эти хороши, но онъ желалъ бы лучшую. Ему приводятъ другую пару, и потомъ уже невесту, которую онъ угощаетъ и даетъ ей подарки. Это—веселая свадебная шутка. Она, повидимому, пародируетъ одну изъ сценъ купли. Сватъ явился въ родъ невесты, чтобы купить жену для жениха, члена своего рода. Ему приводятъ нѣсколькихъ дѣвицъ, среди которыхъ онъ и дѣлаетъ выборъ.

Очень замѣчательно, что эта, повидимому, незначительная свадебная игра получила очень широкое распространеніе въ свадебныхъ обрядахъ. Подобную мистификацію мы встрѣчаемъ еще у древнихъ индусовъ⁶⁾. Въ настоящее время она господствуетъ на всемъ славянскомъ югѣ, гдѣ изъ

¹⁾ Напр., *Шейнъ*, Мат., II, 16 (Витеб. у.).

²⁾ Напр., *Шейнъ*, Вѣлорус. пѣсни, стр. 314.

³⁾ *Шейнъ*, Мат., II, 16.

⁴⁾ *Ibid.*, 253.

⁵⁾ *Ibidem*, 157.

⁶⁾ *Weber*, Indische Studien, V, 313.

известна еще из средневековых источников¹⁾, на славянском западе, среди малороссов и великороссов, во многих мѣстахъ Германіи, въ Богеміи, Швейцаріи, Румыніи, среди эстовъ и др.²⁾ Очень часто обрядъ варьируется тѣмъ, что приводятъ сначала одну—другую старую бабу въ лохмотьяхъ, лицо которой закрыто. Свать или дружка открываетъ, смотритъ и прогоняетъ бабу назадъ. Такая версия повсемѣстно практикуется среди южныхъ славянъ. Это дало поводъ Узенеру сопоставить настоящий обычай съ похоронами Марены и другими сродными обычаями похоронъ зимы. Но сходство этихъ обрядовъ чисто внѣшнее, случайное (старая баба въ лохмотьяхъ—и соломенное чучело зимы въ лохмотьяхъ) и потому мнѣніе его едва ли тѣмъ-нибудь оправдывается. Появление бабы въ лохмотьяхъ—не болѣе какъ утрировка обряда, съ цѣлью вызвать побольше смѣха, дать пищу шуткамъ и пр.

Обращаемся далѣе къ обрядамъ, сопровождающимъ заручины. Въ Минскомъ у. онѣ происходятъ слѣдующимъ образомъ.

Женихъ со своею дружиною садится за столъ на лавку; противъ него на скамейкѣ помѣщается неvěста съ своею дружиною. Свать наливаетъ по стакану водки жениху и неvěстѣ и сливаетъ эту водку изъ стакановъ въ чашку, поставленную посрединѣ стола. Надъ этой чашкой молодые соединяютъ правыя руки, которыя свать связываетъ носовымъ платкомъ, затѣмъ ложкой наливаетъ водку въ стаканъ и подаетъ жениху; тотъ отпиваетъ половину, доликаетъ и подаетъ неvěстѣ. Она отпиваетъ, снова доликаетъ, прикрываетъ платкомъ и подаетъ старшему дружкѣ жениха. Последний беретъ платки себѣ, выпиваетъ водку, наполняетъ стаканъ и снова передаетъ неvěстѣ; та прикрываетъ стаканъ платкомъ и передаетъ слѣдующему брату и т. д., пока ея стаканъ не обойдетъ всей дружины жениха и неvěсты.

Въ описаніи заручинъ 1800 г. мы находимъ слѣдующее интересное дополненіе. Послѣ описанной церемоніи, „маладзница“ разстилаетъ бѣлый платокъ на столъ, куда молодые кладутъ свои кольца. Тогда „большанки“, сядущія по обѣ стороны неvěсты, и братья, занимающіе то-же положеніе относительно жениха, берутся за углы платка и трижды поднимаютъ его вверхъ. Послѣ этого „маладзница“ надѣваетъ кольцо жениха на палецъ неvěсты, а кольцо последней на палецъ жениха. Платокъ, бывший на

столѣ, свать беретъ себѣ, а неvěстѣ даютъ башмаки, но та трижды ихъ отбрасываетъ и наконецъ принимаетъ¹⁾.

Этотъ несомнѣнно по своей обстановкѣ основной типъ заручинъ измѣняется по мѣстностямъ. Если доверять описаніямъ, то иногда заручины проходятъ только въ одной попойкѣ²⁾, или же женихъ сжимаетъ только протянутую руку неvěсты³⁾ (Витебск. губ.). Иногда отцы жениха и неvěсты даютъ другъ другу руки, молодые кладутъ свои руки, а мать неvěсты своею рукой обхватываетъ всѣ руки; затѣмъ мѣняются перстнями⁴⁾. Иногда свать только подаетъ руку неvěстѣ⁵⁾ (Гродн. губ.); или же отцы молодыхъ сцепляютъ свои руки, ихъ разнимаетъ кто-либо посторонній, и тогда выдаютъ неvěсту⁶⁾ (Бобруйскій у.). Перстнями иногда мѣняются, иногда нѣтъ⁷⁾. Въ Борисовскомъ у. женихъ самъ отыскиваетъ неvěсту и беретъ ее за руку⁸⁾.

Изъ предложеннаго обзора различныхъ вариаций обрядовъ, практикуемыхъ на заручинахъ, рельефно выделяются три акта: соединеніе рукъ брачующихся, мѣна ихъ кольцами и совмѣстная ѣда. Къ обзорѣ этихъ обрядовъ мы и обратимся. Широта распространенія этихъ обычаевъ и ихъ устойчивость въ свадебномъ обрядѣ поразительны.

Такъ, въ санскритѣ само названіе брака означаетъ вообще актъ соединенія руки: *karagraha*, *panigraha*, *hastekarana*, *panāukarana*—всѣ эти названія имѣютъ одинъ и тотъ-же основной смыслъ⁹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ индусскимъ памятникамъ извѣстны соединенія рукъ жениха и неvěсты, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ и неизмѣнныхъ частей брачнаго обряда: женихъ хватаетъ правую руку неvěсты¹⁰⁾. Kohler считаетъ соединеніе рукъ въ индусскомъ бракѣ именно такимъ моментомъ, когда неvěста фактически передавалась въ руки жениха¹¹⁾. Но уже у индусовъ этотъ обрядъ получилъ религиозное освѣщеніе и толкованіе: руки брачующихся отецъ связывалъ священной травой, обливалъ священной водою и соединялъ концы

1) *Golebiowski*, Lud, p. 80.

2) *Шейнъ*, Мат., II, 199, 16.

3) *Шейнъ*, Бѣлор. пѣсни, 314.

4) *Ibidem*, 334.

5) *Шейнъ*, Мат. II, 366.

6) *Ibidem*, 252.

7) *Ibidem*, 220.

8) *Ibidem*, 157.

9) *Pictet*, Les origines des indoeuropéens, t. III, p. 14—15.

10) *Weber*, Indische Studien, V, 317; *Вс. Миллеръ*, Очерки аріійской мифологіи, 30; *Winternitz*, Das altindische Hochzeitsrituell, Wien, 1892, p. 48, ср. p. 22. *Kohler*, Indische Ehe und Familienrecht. Zeitschrift für Vergleichende Rechtswissenschaft, V, III, 347.

11) *Zeitschr. f. Vergl. Rechtswiss.* V, III, 350—351.

1) *Usener*, Italische Mythen, Rheinisches Museum für Philologie, Bd. XXX, Frankfurt am Main, 1875, p. 183—189.

2) Относящаяся сюда указанія: *Schröder*, Die Hochzeitsbräuche der Esten, Berl. 1888, p. 68—72; *Volkov*, Rites et usages des noces d'Ukraine, „Anthropologie“ (Paris), 1891, V, II, p. 181; *Суминовъ*, О свад. обрядахъ, 27—28. Обычное право южн. сл. „Юридич. Вѣстн.“, 1877, янв., 104 и др.

одеждъ ихъ¹⁾. Беря за руку невесту, женихъ произноситъ священный стихъ, выражалъ надежду на „дородное потомство“, на долгодѣіе: боги даютъ ему жену, чтобъ служить вмѣстѣ домашнему огню²⁾. Сами боги, слѣдовательно, передаютъ невесту въ руки жениха. Сосѣдніе адвусамъ древніе иранцы главнымъ актомъ въ сговорѣ также ставили соединеніе рукъ брачующихся³⁾.

Въ современной Индіи соединеніе рукъ распространено повсемѣстно: обычно отецъ вкладываетъ руку дочери своей въ руку жениха, и такимъ образомъ передаетъ ее ему, или же просто соединяетъ руки молодыхъ; въ другихъ мѣстахъ льютъ на руки воду и связываютъ ихъ платкомъ⁴⁾.

У римлянъ передъ жертвоприношеніемъ, сваха подводила невесту къ жениху и соединяла руки обоихъ⁵⁾. А отецъ невесты говорилъ, обращаясь къ невестѣ: „я передаю тебя вотъ этому другу, опекуну и отцу“⁶⁾, передавая такимъ образомъ свою опекунскую власть будущему мужу. Повты римскіе для означенія женитьбы обычно употребляютъ выраженія: взять, похитить, унести невесту⁷⁾. Обычай соединенія рукъ практиковался въ средне-вѣковой Франціи, причемъ женихъ бралъ руку невесты⁸⁾. По сѣверо-германскому средневѣковому праву считалось необходимымъ, чтобъ женихъ и невеста протянули на сговорѣ другъ другу руки⁹⁾. Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи молодой человѣкъ пожатіемъ руки пред-варяетъ дѣвушку о сватовствѣ¹⁰⁾.

У мордвы, передъ отъѣздомъ въ церковь, женихъ подходитъ къ невестѣ и хочетъ взять ее за руку, но она отталкиваетъ его, вопить и ругаетъ¹¹⁾. Этотъ обычай характеренъ по отношенію къ опредѣленію первоисточника его. Сродный обычай мы встрѣчаемъ даже у одного новогвинейскаго племени Noeforezen: при заключеніи брака, старшій изъ родственниковъ вкладываетъ правую руку жениха въ правую руку невесты, беретъ въ ротъ платокъ воды и льетъ ее на руки молодыхъ съ особымъ разговоромъ¹²⁾.

Въ настоящее время обычай соединенія рукъ существуетъ во всей Россіи¹⁾.

Уже было высказано мнѣніе, что соединеніе рукъ брачующихся—одинъ изъ переживковъ умчички²⁾. Это весьма правдоподобно и подтверждается тѣмъ, что древнѣйшимъ актомъ было именно схватываніе невесты за руку: женихъ выражалъ тѣмъ свое завладѣніе невестой. И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что невеста при этомъ фактически выдается жениху. А въ версіи мордовскаго обряда мы еще видѣли, что невеста отбивается, не давая взять себя за руку.

Въ подтвержденіе высказаннаго значенія хватанія за руку говорить нѣкоторое количество фактовъ, сущность которыхъ сводится къ тому, что всякое прикосновеніе къ дѣвушкѣ со стороны парня считается символомъ завладѣнія, даже болѣе—именно похищенія. У лаковъ, напримѣръ, одного горнаго племени Кавказа, парень срываетъ платокъ съ головы дѣвушки, или хватаетъ ее за руку или за грудь это называется „поймать“ дѣвушку. и она должна выйти за парня замужъ, хотя бы и не желала, потому что считается обезпеченной³⁾. Нѣчто подобное практикуется и въ Калабріи также съ цѣлью вѣрнѣе добиться согласія любимой дѣвушки. Парень выжидаетъ день, когда дѣвушка пойдетъ въ церковь. На дорогѣ къ церкви онъ срываетъ съ нея платокъ и замигаетъ болѣе дорогимъ, совершенно бѣлымъ, или вообще какъ нибудь дотрогивается до дѣвушки. Такая дѣвица называется scapigliata, съ распущенными волосами, или imbiancata, segnata⁴⁾. Последній фактъ равно относится и къ растрепыванію волосъ дѣвушки, какъ символу завладѣнія ею. Но въ то же время оба примѣра показываютъ, что прикосновеніе парня къ дѣвушкѣ, хватаніе ея, рассматривается, какъ одинъ изъ актовъ похищенія ея, завладѣнія ею.

Отраженіе того же взгляда мы встрѣчаемъ въ возрѣвнѣхъ бѣлорусовъ. Я позволю себѣ указать на это здѣсь же, хотя это и не относится прямо къ занимающему насъ вопросу. Если парень захочетъ нанести обиду дѣвушкѣ, онъ старается въ публичномъ мѣстѣ сорвать съ нея платокъ, хватить за косу, за грудь. Это считается очень обиднымъ и позорнымъ для дѣвушки, даже если парень не имѣлъ основаній такъ оскорбить ее. Проф. Вл. Зен. Завитевичъ передавалъ мнѣ очень интересное въ этомъ отношеніи наблюденіе свое во время раскопокъ въ Бобруйскомъ у. По сосѣдству отъ раскапываемыхъ имъ кургановъ вдругъ раздался раздражающій душу женскій крикъ. Всѣ рабочіе бросились туда. Оказалось, что парень и дѣвушка, пасшіе стадо, о чемъ-то заспорили; парень сорвалъ съ нея платокъ

1) *Rosbach*, Untersuchungen über die Römische Ehe, 203. *Köhler*, 348.

2) *Wintirnitz*, Das altind. Hochz., p. 49.

3) *Geiger*, Ostiranische Kultur in Alterthum, p. 242.

4) *Wintirnitz*, p. 49.

5) *Rosbach*, Untersuch. üb. d. Röm. Ehe., p. 308.

6) *Valentino Giachi*, Amori e costumi latini, 1885, p. 180.

7) *Ibidem*, 175.

8) *Beaume*, Introduction à l'étude hist. du droit coutumier fr., Paris, 1880, 385.

9) *Lehman*, Verlobung und Hochzeit, p. 130, 133.

10) Les mariages en Bourbonnais. Revue des traditions populaires, t. I, p. 196.

11) *Mainovs*, Оч. юридич. быта Мордвы, 94.

12) *Nasselt*, Die Noeforezen. Zeitschrift f. Ethnologie, 1876, H. III, p. 181.

1) *Сумцовъ*, О свад. обрадахъ, 28.

2) *Ibidem*. Вст. *Миллеръ*, Оч. ар. мѣсод. 30—31.

3) *Ковалевскій*, Первобытное право, II, 110.

4) *Dorsa*, La tradizione grecolatina etc., 36.

и разорвалъ его. Дѣвушка горько плакала, держа въ рукѣ разорванный платокъ. Собжавшіеся были возмущены поступкомъ парня. „Она въ дѣвничкомъ станѣ,—говорили они,—а онъ сорвалъ платокъ“. Дѣло кончилось дракой между защитниками права дѣвцы и оскорбившаго ее парня. Аналогичный случай я наблюдалъ въ с. Дерновцахъ, на Припяти (Рѣзницкій у.). Проходили плотовичники-могилевцы и начали пьянствовать въ мѣстной корчмѣ. Въ это время туда зашла затѣмъ-то сосѣдская дѣвушка. Одинъ изъ плотовичниковъ хватилъ ее за руку, она вырвалась; онъ догналъ ее, но она съ крикомъ вырвалась и убѣжала на улицу. На крикъ явился братъ ея, онъ заспорилъ съ обидчикомъ, но присутствующіе помирили ихъ, и дѣло кончилось выпивкой. Братъ дѣвушки скоро ушелъ. Но тогда пьяные плотовичники стали подтрунивать надъ своимъ сотопарнемъ, что онъ трусилъ. Тотъ, долго не думая, пошелъ разыскивать дѣвушку, поднялъ стукъ у воротъ ея, Собравшіеся односельчане завязали серьезную драку съ плотовичниками, кончившуюся проломами головъ, реберъ. Всѣхъ плотовичниковъ связали и привели въ волостное правленіе. Среди шумныхъ толковъ собравшейся толпы объ этомъ событіи ясно опредѣлился взглядъ ея: „какъ смѣлъ мужчина оскорблять такъ дѣвушку, да еще могилевецъ“,—прибавляли они.

Въ этомъ чувствѣ негодования отразилось традиціонное убѣжденіе, что всякое прикосновеніе къ дѣвушкѣ есть символъ захвата ея, и община считаетъ своимъ долгомъ вступить за нее.

Къ нашему вопросу относится и еще одинъ фактъ изъ римской жизни. При посвященіи въ весталки, понтифексъ хваталъ (саріебат) за руку посвящаемую дѣвушку. По объясненію Геллія, это означало, что дѣвушка уходитъ отъ отца, какъ бы захваченная на войнѣ. Этотъ взглядъ отразился и на завладѣніи всякой вещью, вообще *mancipatio*, по объясненію Гая, состояло въ томъ, что покупающій брался за предметъ купли и этимъ выражалъ свое завладѣніе вещью¹⁾.

Приведеннаго достаточно для объясненія значенія обряда соединенія рукъ брачующихся.

Переходимъ ко второму обряду заручинъ—мѣнѣ кольцами.

У древнихъ индусовъ одна изъ родственницъ надѣвала желѣзное кольцо на правую руку жениха и на лѣвую невесты²⁾. У римлянъ отецъ жениха спрашивалъ отца невесты: „Spondesne?“ Тотъ отвѣчалъ: „Spondeo“ Затѣмъ составлялся актъ, скрѣпляемый печатями присутствующихъ, и невестѣ надѣвали желѣзное кольцо, *annulus pronubus*³⁾; у древнихъ герман-

цевъ, послѣ жертвоприношенія, женихъ надѣвалъ на палецъ невесты кольцо, сплетенное изъ вѣтви⁴⁾.

Въ настоящее время мѣна кольцами извѣстна во всемъ славянскомъ мірѣ⁵⁾, среди нѣмцевъ, французовъ⁶⁾, итальянцевъ⁷⁾, у латышей⁸⁾, лопарей⁹⁾ и среди многихъ менѣе культурныхъ народовъ¹⁰⁾.

Мнѣнія ученыхъ объ обрядовомъ значеніи кольца сильно разнятся. Мнѣологи склонны думать, что кольцо есть символъ солнца—брачного соединенія солнца съ мѣсяцемъ или съ землей¹¹⁾. Напротивъ, этнологи видятъ въ кольцѣ одно изъ звеньевъ плѣби, надѣвавшейся нѣкогда на женщину, какъ на плѣнницу, рабу, и затѣмъ уже кольцо приняло значеніе связи, прикрѣпляющей жену къ мужу¹²⁾.

Мнѣологическое объясненіе не ясно. У индусовъ и римлянъ кольца употреблялись желѣзные, у др. германцевъ—изъ вѣтви. Слѣдовательно, кольцо не могло напоминать своимъ блескомъ солнечнаго божества.

Этнологическое объясненіе едва ли не болѣе вѣрное. Повидимому, въ началѣ существовало только обычай, по которому женихъ давалъ кольцо невестѣ. Онъ ее какъ бы привязывалъ къ себѣ. Такую версію обряда мы встрѣчаемъ у римлянъ. Въ правдахъ Визиготской и Лангобардской вѣры кольцо представляло родъ задатка, плѣбъ котораго была—обезпечить выполнение обѣщанія заключить бракъ¹³⁾. Значеніе кольца съ достаточной убѣдительностью выясняется изъ сицилійскаго обряда. Мать жениха раздѣляетъ гребешкомъ волосы на головѣ невесты и затѣмъ надѣваетъ ей на палецъ кольцо и даритъ платокъ. Въ Mazzara обрядъ кончается тѣмъ, что невеста цѣлуетъ руки женихова отца¹⁴⁾. Расчесываніе волосъ невесты матерью же-

¹⁾ Kulischer, Intercommune Ehe durch Raub und Kauf. Zeitschrift f. Ethnologie, 1878, II. III, p. 208—290.

²⁾ Сумцовъ, О свад. обрядахъ, 78. Krauss, Sitte und Brauch d. Südlaven, Wien, 1885, p. 356.

³⁾ Указ. см. Кулишова, Ср. *Édilestand du Méri*, Des Formes du mariage, p. 9. Revue des trad. popul. 1890, № 4, p. 270—277.

⁴⁾ Pitré, Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane, XV, Usi e costumi, II, p. 33. Ср. *De Gubernatis*, Storia comparata degli usi nuziali in Italia. Milano. 1869, p. 147.

⁵⁾ Э. Волътеръ, Матеріалы для этн. лат. плем., 166.

⁶⁾ Харузинъ, Русскіе лопари, 278.

⁷⁾ Post, Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts, Leipz. 1890, p. 236.

⁸⁾ Сумцовъ, О св. обрядахъ, 78. *De Gubernatis*, Storia comparata, p. 147. Ср., еще нѣмѣе Никурижскаго, Русск. Филологич. Вѣсти. 1880, № 3, стр. 2.

⁹⁾ Кулишова, Очерки сравнительной этнографіи и кудатурны, p. 154—155, и въ назв. ст. его же въ Zeitschr. f. Ethn., 1878, II. III; *Édilestand du Méri*, Des formes du mariage, 9; Post, Studien, 236.

¹⁰⁾ Карасевичъ, Обычное гражданское право Франціи, 86.

¹¹⁾ Pitré Biblioteca d. trad. pop. Sic., XV, Usi, II, p. 33.

¹⁾ Туревичъ, Кузаль Вѣсты въ древн. Римѣ. Кіевъ. 33—35.

²⁾ Weber, Indische Studien, V, 299.

³⁾ Val. Giachi, Amori e costumi latini, 169.

ниха есть несомнѣнный остатокъ подстриженія волосъ дѣвушки въ знакъ перехода ея въ рабское подчиненное положеніе. Одинъ символъ похищенія, насильственного завладѣнія (что расчесываніе волосъ невесты имѣетъ такое значеніе—мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи) слѣдуетъ за другимъ: расчесываніе волосъ, затѣмъ надѣваніе кольца-цѣпи. Невѣста, принявшая свое новое рабское положеніе, цѣлуетъ руки отца жениха, своего повелителя.

Не менѣе интересенъ обычай у племени наировъ, на Малабарскомъ берегу Индостана, среди котораго бытуетъ типичная поландрія. Здѣсь, когда дѣвушка вступаетъ въ первый разъ въ бракъ, новобрачныхъ соединяютъ цѣпью за шею ¹⁾.

За кольцомъ по настоящее время остается значеніе связи, неразрывно соединяющей брачующихся. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ одна французская пѣсенка, обращенная къ невестѣ:

Vous voilà liée,
Madame la mariée,
Et pour cet anneau d'or,
Qui vous conduira à la mort ²⁾.

На заручинахъ у насъ мало поютъ пѣсню, часто ихъ совсѣмъ не поютъ; во всякомъ случаѣ пѣсни мало говорятъ о заручинахъ. Я обращаю лишь вниманіе на двѣ пѣсенки, сообщаемыя изъ Борисовскаго у. Въ нихъ отразилось то обстоятельство, что два акта заручинъ, соединеніе рукъ и мѣна кольцами, принадлежатъ переживаніямъ умыканія невесты. „Коршунъ“,—говоритъ пѣсня, называя такъ дружину жениха,—„летѣли черезъ боръ, сѣли къ намъ на дворъ“; они ищутъ „шѣру вуютку“; она совѣтуетъ поймать коршуну въ кѣтку, а сѣру вуютку загнать въ хату. Другая пѣсня говоритъ, что посадили коршуновъ за столъ, чувствуютъ ихъ, а сѣру вуютку не ратуютъ.

А ты, шѣра вуюточка, ховайся,
Лютому сокоду не давайся:
Бо ѣвъ цѣбѣ, вуютку, прожаю,
У чужую сторону понясѣ ³⁾.

Третій актъ заручинъ—это совмѣстная ѣда молодыхъ. Этотъ обычай выражаетъ собою союзъ брачующихся. Вообще, совмѣстная ѣда у различныхъ народовъ служитъ символомъ для заключенія союзовъ, договоровъ ⁴⁾. Сюда же относятся и наши могаричи.

Разбираемый обычай имѣетъ большую устойчивость и распространеніе. У древнихъ индусовъ молодые, на утро послѣ брака, съѣдали вмѣстѣ часть

¹⁾ Giraud Telon, Les origines du mariage, 157.

²⁾ P. Bourchenin, Une noce en Béarn. Revues des trad. popul. 1890, № 4, p. 266.

³⁾ Шейнъ, Мат., II, 156—157.

⁴⁾ Кулишъ, Очерки сравнительной этнографіи и культуры, 103, 118—119.

жертвенной лепешки. Въ современной Индіи почти повсемѣстно существуетъ обычай, что брачующіеся совмѣстно вкушаютъ хлѣбъ или выпиваютъ вино изъ одной чаши ¹⁾.

Совмѣстная ѣда, какъ свадебный обрядъ, встрѣчается еще у древнихъ индусовъ ²⁾. У Римлянъ это былъ самый важный моментъ заключенія брака; одна изъ формъ брака, въ которой главную роль играло принесеніе въ жертву хлѣба и вкушеніе лепешекъ молодыми, получила названіе отъ этого акта—confarreatio. Confarreatio въ римскомъ бракѣ, несмотря на свое чисто бытовое происхожденіе, получило религіозное значеніе и было священнымъ бракомъ; изслѣдователи тѣсно связываютъ его съ сакральными учрежденіями патриціевъ. Карлова особенно настаиваетъ на томъ, что принятіе хлѣба брачующимися вмѣстѣ съ сидѣніемъ было самымъ важнымъ фактомъ римскаго брака ³⁾.

По старинному сѣверо-германскому обычаю молодые опорожняли вмѣстѣ бокалы вина. Этотъ обычай бытуетъ по настоящее время въ Норвегій, Кельтѣ, Седмиградіи; въ Чешской части Рудныхъ горъ молодые пьютъ кофѣ ⁴⁾. Въ другихъ частяхъ Германіи молодые въ утро передъ бракомъ должны ѣсть изъ одного блюда ⁵⁾, а по пріѣздѣ изъ церкви они съѣдаютъ вмѣстѣ кусокъ хлѣба и выпиваютъ другъ съ другомъ по стакану вина ⁶⁾. Въ Баваріи женихъ и невеста съѣдаютъ вмѣстѣ печеніе изъ яицъ ⁷⁾; съ этимъ можно сопоставить обычай Борисовскаго у., гдѣ молодымъ даютъ ѣсть яичницу ⁸⁾.

Совмѣстная ѣда встрѣчается почти повсемѣстно въ Италіи ⁹⁾. Въ Калабріи мать жениха при встрѣчѣ предлагаетъ молодымъ бокалы меда ¹⁰⁾. Въ Сардиніи молодые, послѣ кѣнчанія, ѣдятъ одной ложкой изъ одной миски ¹¹⁾.

Аналогичные обычаи были извѣстны въ средніе вѣка во всей Франціи, Италіи и Англіи ¹²⁾. Въ настоящее время, въ Бретани, новобрачные

¹⁾ Winternitz, Das altindische Hochzeitsrituell, p. 80.

²⁾ Rossbach, Untersuch. üb. di Röm. Ehe, p. 143 и др. Marquardt, Das Privatleben der Römer, I, p. 34.

³⁾ Die Formen der Römischen Ehe und Manus, Bonn, 1868, p. 10.

⁴⁾ Schröder, Die Hochzeitsbräuche der Esten, 83.

⁵⁾ Wuttke, Der deutsche Volksglaube, Berl., 1869, p. 347.

⁶⁾ Ibidem, p. 350.

⁷⁾ Schröder, p. 83.

⁸⁾ Шейнъ, Мат., II, 106.

⁹⁾ De Gubernatis, Storia comparata, 148—150.

¹⁰⁾ Dorsa, La tradizione precolatina, p. 38.

¹¹⁾ Gabrieli, Usi dei contadini della Sardegna. Archivio per lo studio delle tradiz. popol. 1888, p. 473.

¹²⁾ Edélestand du Ménil, Des formes du mariage, p. 40—42.

сейчас послѣ вѣнчанія уходить къ священнику въ сакристію. Сюда дружок относитъ корзину, изъ которой священникъ вынимаетъ хлѣбъ и вино и даетъ молодымъ. Въ горахъ французской Юры новобрачныхъ встрѣчаетъ мать жениха и даетъ имъ хлѣбъ и вино; они пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ ¹⁾.

Обычай совмѣстной ѣды извѣстенъ у астовъ, албанцевъ, ново-грековъ ²⁾; у послѣднихъ молодые ѣдятъ пироги и фрукты ³⁾. У мордовъ молодымъ даютъ яичницу изъ одной ложки ⁴⁾; у вотяковъ брачующимся давали освещенное пиво: „сіе служить, какъ будто брачнымъ таинствомъ“ ⁵⁾.

Среди славянъ въ настоящее время этотъ обычай нужно признать общераспространеннымъ. Въ Москвѣ, напр., на царскихъ свадьбахъ новобрачные пили вино изъ одного сосуда изъ рукъ митрополита ⁶⁾.

Совмѣстная ѣда извѣстна среди южныхъ славянъ ¹⁾. У гнѣзенскихъ поляковъ молодые ѣдятъ хлѣбъ съ сыромъ ²⁾, въ другихъ мѣстахъ практикуется обычай совмѣстной ѣды одной ложкой ³⁾. Въ Моравіи мать жениха кладетъ жениху и невѣстѣ на правыя ладони по куску меду; невѣста слизываетъ медъ съ руки жениха, женихъ—съ ея руки ⁴⁾.

Ѣда и питье настолько тѣсно связываются съ бракомъ и любовью, что уже Потебня указалъ рядъ сближеній въ области народной поэзіи и обрядовъ, гдѣ *любитъ*—равнозначуще *свѣтѣ* ¹⁾. Съ этимъ вполне гармонируетъ французская пословица: *boire et manger, coucher ensemble—c'est mariage, ce me semble*.

Совмѣстная ѣда—одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ заключенія брака у самыхъ различныхъ народовъ. Важность его настолько велика, что можно привести рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что у многихъ народовъ, стоящихъ на болѣе низкой ступени цивилизации, въ совмѣстной ѣдѣ состоитъ вся брачная церемонія. Въ Японіи существуетъ обрядъ, подобный римскому *conjugatio*, какъ важнѣйшій актъ брачной церемоніи ²⁾. У нѣкоторыхъ племенъ Бенгаліи заключеніе брака выражается въ совмѣстномъ питьѣ вина женихомъ

и невѣстою съ присутствующими ¹⁾. У наваевъ вступающіе въ бракъ ѣдятъ маисъ изъ одного сосуда ²⁾. У сартонъ молодые выпиваютъ каждый изъ одной чашки по глотку воды. У манассаровъ невѣста даетъ жениху сливу. У балинцевъ, послѣ благословенія священника, невѣста беретъ горсть рису и кладетъ въ ротъ жениху; онъ дѣлаетъ то-же. У альфуровъ и минагасовъ брачная церемонія состоитъ въ томъ, что женихъ и невѣста ѣдятъ немного рису вмѣстѣ и кусочекъ сала и пьютъ нѣсколько капель пальмового вина ³⁾. У вахосовъ вступающіе въ бракъ садятся другъ противъ друга, по обѣ стороны корзины, въ которой лежитъ пища, и ѣдятъ ее ⁴⁾.

Такимъ образомъ, совмѣстная ѣда и питье, представлявшія въ началѣ лишь обычный актъ заключенія между двумя лицами какой бы то ни было сдѣлки, перешли съ такимъ же значеніемъ и въ свадебный обрядъ, сдѣлавшись здѣсь необходимою формою. Съ теченіемъ времени она приняла религиозное осязание, какъ это мы видимъ въ индусскомъ и римскомъ бракѣ.

Мы разсмотрѣли обряды и ходъ заручинъ въ бѣлорусской свадьбѣ. Онѣ состоятъ изъ четырехъ актовъ: выдачи невѣсты сватамъ и жениху, двухъ актовъ, выражающихъ символическое закладѣніе женихомъ невѣстою (хватаніе за руку и мѣна кольцами) и одного акта, выражающаго союзъ, заключаемый между договаривающимися сторонами (совмѣстная ѣда). Заручины въ русской свадьбѣ отдѣлились отъ сговора, но по своему внутреннему значенію являются какъ бы продолженіемъ его. У другихъ народовъ, какъ мы видѣли, тѣ-же обряды совершаются собственно на сговорѣ.

Въ народномъ міровоззрѣніи Бѣлоруссіи заручины являются актомъ, окончательно связывающимъ брачующихся; разрывъ послѣ нихъ не мыслимъ. Въ одной пѣснѣ изъ Минскаго у., поющейсей сейчасъ послѣ заручинъ, говорится, чтобы „заручальничка-дзѣвчатка“ подала своей матери воды. Но: „вжошь я табѣ, маточка, ня слуга“,—говоритъ невѣста и не идетъ за водой. Съ заручинами прекращается власть родителей надъ дочерью, ихъ *mundium* переходитъ къ жениху. Въ другой пѣснѣ, изъ Борисовскаго у., выражается также окончательное благословеніе присутствующей общины молодой парѣ. Заручили дѣвушку—

На высюла житця,
На добра здароуе,
Богъ намъ даў!
Намъ многа здароуе
Ды на доўгій вѣкъ,
На многа богатця,
На дзяццину пашцы ⁵⁾.

1) Beschreibende Ethnologie Bengalens. Zeitschrift f. Ethnol., VI, 261.

2) Post, Studien, 235.

3) Ibidem, 236.

4) Зибель, Очерки первобытной экономической культуры, 310.

5) Стенсеръ, Основ. социологіи, р. 670.

6) Шейнъ, Мат., II, 154.

1) Schröder, 83.

2) Ibidem.

3) Mélusine, t. IV, p. 124.

4) Минновъ, Оч. юридич. быта Мордовы, р. 88.

5) М. Ч., Словарь русскихъ суевѣрій. Москва, 1782, стр. 25.

6) Теребенко, Бытъ рус. нар. II, 51.

7) Krauss. Sitte und Brauch, 386.

8) Kolberg, Lud, ser. XI, ч. III, 75, 84.

9) Kolberg, Pokucie, I, 266.

10) Bartoš, Moravska svatba, 32.

11) Потебня, О значеніи нѣкот. обрядовъ и повѣрій, 54.

12) H. H. Giglioli, Usi e credenze Giapponesi. Archivio per lo stud. d. trad. popol., 1889, 512—513.

Съ заручинами кончается собственно бытовая сторона свадебного обряда; общее впечатлѣніе, которое оставляетъ остальная часть обрядовъ, таково, что въ послѣдней въ значительной мѣрѣ, почти сплошную, мы уже встречаемся съ переживаниями религиозныхъ культовъ. Переживания бытовыя (символическая купля, похищеніе) являющіяся уже свадебными шутками, основа же обрядовъ носить чисто религиозный характеръ.

Оканчивая обзоръ заручинъ, мы считаемъ уместнымъ здѣсь же отмѣтить еще одно явленіе—обрядовый плачъ невесты. Въ бѣлорусской свадьбѣ есть два момента, когда невеста обязана плакать,—это заручины и посадъ. Впрочемъ, мы не встречаемъ здѣсь такъ наз. заплачекъ, длинныхъ, надрывающихъ душу рацей, произносимыхъ на великорусской свадьбѣ самою невестою съ рыдающими воплями¹⁾. Невѣста ничего не поетъ въ нашей свадьбѣ; за нее поютъ подруги преимущественно о томъ, что совершается въ то или другое время обряда. Плачъ бѣлорусской невесты—тихія, горькія слезы, въ которыхъ много отражается и естественнаго чувства. Но все-таки въ извѣстные моменты этотъ плачъ обязателенъ и имѣетъ чисто обрядовое значеніе.

Народная пѣсня относится съ большою симпатіей къ слезамъ дѣвушки. Слезы ея—„крупень жемчугъ“, говоритъ пѣсня²⁾. Дѣвушка сидитъ за столомъ, а слезы у нея текутъ „ручаемъ“³⁾. „Дробинки“ слезы дѣвцы покатились,

Да на земли пали,
Крамни разбили,
Крамни разбили,
Песокъ размыли⁴⁾.

Такова сила слезъ дѣвушки, которой приходится сочетаться бракомъ съ неизвѣстнымъ „чужаницею“. Но во всякомъ случаѣ нельзя характеризовать по нимъ несчастную долю женщины, которой „слезы, гонимыя скорбью, выливались обильно и видны были въ каждой дѣвичьей и женской пѣснѣ“, какъ иногда дѣлаютъ изслѣдователи нашей народной поэзіи,—было бы не совсѣмъ справедливо. Время, когда эти плачи имѣли реальное значеніе, когда дѣвица дѣйствительно продавалась въ руки чужому чужанину, уже для многихъ мѣстностей прошло или, по крайней мѣрѣ, проходить⁵⁾. Еще менѣе справедливо сопоставлять наши „плачи“ съ *canzoni di amore*

¹⁾ Объ этихъ плачахъ см. ст. *Весина*, въ „Русской Мысли“, 1891 г. №9, стр. 78 и сл.

²⁾ *Шейнъ*, Мат. II, 405.

³⁾ *Ibid.*, 242.

⁴⁾ *Ibid.*, 224.

⁵⁾ См. *Будде*, Полож. рус. женщины по бытовымъ пѣснямъ народа. Филологич. Записки, 1883, вып. IV, 2, стр. 5—6.

западноевропейцевъ. Свадебныя пѣсни послѣднихъ дышатъ такою же грустью, переполнены такими же мотивами, какъ и наши „плачи“, потому что порядокъ вещей былъ одинаковъ. Губернатишъ указываетъ, что обычай невесты плакать (*piangere*) во время благословенія и другихъ церемоній свадебнаго ритуала ведетъ свое начало еще съ ведійскаго періода¹⁾, и въ настоящее время въ употребленіи среди итальянцевъ, грековъ, албанцевъ, славянъ и финновъ. У ново-грековъ паферъ говоритъ жениху: „если она плачетъ, оставьте ее“; но невеста быстро возражаетъ: „берите меня съ собою, но позвольте плакать“. У сицилийцевъ эти обрядовые „плачи“ называются „Sona“. Они также запечатлѣны грустнымъ раздумьемъ о будущей участи²⁾. Одна французская пѣсня (изъ департамента Верхней Марны), которую друзья поютъ невестѣ, въ непривлекательномъ свѣтѣ выставляетъ невестѣ будущую супружескую жизнь: „прощай, прелестный чертогъ, чертогъ моего отца! прощай, свобода!“; она предупреждаетъ молодую, что ей уже не придется посѣщать собранія, она должна смотрѣть за домомъ, когда другіе пойдутъ³⁾. Въ томъ же духѣ выражаются и другія пѣсни⁴⁾. Schröder указываетъ на существованіе обрядоваго плача у римлянъ, эстовъ, финновъ, вотяковъ, мордвы, а также въ Германіи и Богеміи⁵⁾.

III.

Обрядъ посады жениха и невесты.

Общій ходъ обряда въ Мясномъ у.—Варианціи обряда въ другихъ мѣстностяхъ — Колебаніе цѣлности обряда.—Значеніе обряда въ глазахъ крестьянъ.—Сложность культурно-религиозныхъ мотивовъ обряда.—Сходство и различіе посады жениха и невесты.

Мы должны приступить къ описанію срединной и важѣйшей части свадебнаго ритуала бѣлоруссовъ—къ посадѣ жениха и невесты. Прежде всего мы остановимся на чисто описательной сторонѣ обряда. Это необходимо по многимъ причинамъ: вслѣдствіе важности и сложности обряда у самихъ бѣлоруссовъ, вслѣдствіе разнообразія и сложности культурно-религиозныхъ мотивовъ, легшихъ въ его основаніе, и, въ особенности, вслѣдствіе того, что этотъ обрядъ, не подхергался въ нашей литературѣ болѣе или менѣе обстоятельному разсмотрѣнію, главнымъ образомъ, потому, что

¹⁾ *De Gubernatis*, Storia comparata, p. 135—137; ср. *Weber*, Ind. Stud., V, 327; *Winternitz*, Das altind. Hochzeitsrit., 42.

²⁾ *Pitrè*, I, c., 93; ср. Archivio per lo stud. d. trad. popol., 1890, 83.

³⁾ *Carrence*, Le mariage chez nos pères, 87—88.

⁴⁾ *Revue des trad. popul.*, 1890, №4, p. 224—226.

⁵⁾ *Schröder*, Die Hochzeitsbräuche der Esten. 86—88; ср. *Wuttke*, Der deutsche Volksglaube, 349.

Донна-Запольскій.

онъ почти неизвѣстенъ у великороссовъ и малороссовъ, да и описанія его въ белорусскомъ ритуалѣ до сихъ поръ крайне отрывочны.

Въ Минскомъ у. (Никольской вол.) обрядъ посада жениха происходитъ, въ общихъ чертахъ (подробное описаніе въ матеріалахъ), слѣд. образомъ. Обрядъ исполняется съ вечера, наканунѣ вѣнчанія. Женихъ, собравъ дружину, ходитъ просить сосѣдей на „благославленства“. На свадьбу собственно приглашаютъ и раньше, теперь женихъ повторяетъ приглашеніе только близкихъ родственниковъ и важнѣйшихъ сосѣдей; остальные сходятся сами. Когда всѣ собрались, женихъ съ дружиною садится за столъ. Сватъ беретъ въ руки стаканъ съ водкой и трижды испрашиваетъ у присутствующихъ благословенія „пѣсни заспѣвади“. Ему отвѣчаютъ: „Божа, благослови!“—два раза, а за третьимъ: „Дай Божа, шасьце й долю!“ Свахи угощаютъ дѣвухекъ. Въ пѣсняхъ поется про сборы жениха въ путь за невѣстой. Въ это время ужинаютъ. Затѣмъ выходятъ всѣ изъ-за стола, столъ немного отодвигаютъ. „Братъ“ (дружко) подаетъ жениху конецъ платка, другой конецъ держитъ самъ; начинается троекратное обхождение вокругъ стола, причемъ женихъ каждый разъ кланяется „на погуцъ“—уголъ съ обрзами за столомъ. Между тѣмъ сватъ, поднимъ въ рукѣ стаканъ съ водкой, произноситъ: „Просимъ адъ Бога ласки, адъ айца, адъ матки, пановы сусѣдзи, пановы прыяцѣли, благословица маладому дзяжъ ўнясыци!“ Онъ громкогласно произноситъ это трижды; отвѣтъ толпы слѣдуетъ такой же, какъ и прежде. Вносятъ „дзежу“ (квашню) и ставятъ ее посрединѣ избы, прикрывъ вывороченной шубой. „Братъ“ тѣмъ же порядкомъ ведетъ молодого за конецъ платка къ „дзежѣ“, обводитъ вокругъ нея три раза, затѣмъ произноситъ трижды формулу благословенія молодому „на пасатъ сѣсьци“. Молодой въ ноги кланяется родителямъ, получаетъ отъ нихъ благословеніе и садится на „дзежу“. Это самая торжественная и тяжелая для присутствующихъ минута. Всѣ молчатъ, принявъ серьезный видъ. Дѣвушки поютъ 2—3 коротенькихъ пѣсенки о томъ, что женихъ сѣлъ на посадь. „Братъ“ стоитъ молча нѣсколько минутъ передъ женихомъ, держа въ рукахъ „громничную“ свѣчу. Мать съ рыданиями бросается сыну на шею и обнимаетъ его; женщины, дѣвушки плачутъ. Женихъ также рѣдко выдерживаетъ безъ слезъ. Происходитъ таинственное, несомнѣнно традиционное священнодѣйствіе, смыслъ котораго мало кому понятенъ, но къ которому всѣ присутствующіе относятся съ глубокимъ уваженіемъ. Еще болѣе тяжелая сцена, при томъ же обрядѣ, происходитъ въ домѣ невѣсты. Когда все успокоится, „братъ“ проситъ благословенія „маладому кѣсу рашасацъ“. Хоръ дѣвухекъ, съ послѣдними словами громады: „дай, Божа, шасьца“, поетъ:

Да падайца щоточки-грабянца,
Рашасаца косачку да вянца.

„Братъ“ поднимается вверхъ горящую громничную свѣчу, которую все время держалъ; парни расчесываютъ молодому волосы. „Братъ“ снова торжественно испрашиваетъ благословенія „маладому кѣсу застрыхца“. При послѣднихъ словахъ громады дѣвушки снова поютъ пѣсню, содержаніе которой намекаетъ на глубокую древность:

Да бѣда, бѣда да бѣлы камянь,
Агню дасцавайца,
Маладого застрыгайца!
Да били, били да бѣлы камянь,
Агню даставали,
Маладого застрыгали!

Во время этой пѣсни братъ прижигаетъ жениху волосы свѣчей, сначала на лбу, потомъ на затылкѣ и около ушей; затѣмъ передаетъ свѣчу парнямъ, которые продолжаютъ то же. По окончаніи этой процедуры, братъ снова проситъ благословенія поднять молодого съ посада и поднимаетъ его подъ руки.

Сажаніе невѣсты на посадь происходитъ на слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, передъ вѣнчаніемъ. Разницы въ обоихъ обрядахъ нѣтъ; только въ пѣсняхъ вставляются имя невѣсты. Замѣтимъ еще, что при посадѣ жениха родственники невѣсты не присутствуютъ официально, по приглашенію, хотя въ толпѣ бывають. Посадъ же невѣсты начинается съ прїѣздомъ жениха, но ни женихъ, ни его дружина въ хату не входятъ и во все время посада остаются во дворѣ.

Таковъ ходъ обряда въ Минскомъ у. Разсмотримъ теперь важнѣйшія измѣненія его въ другихъ мѣстностяхъ.

Очень интересный варіантъ обряда встрѣчаемъ мы въ Борисовскомъ у., въ извѣстномъ описаніи этого уѣзда гр. Тышкевича¹⁾. Когда женихъ со своею дружиною въѣзжаетъ во дворъ невѣсты, всѣ выходятъ встрѣчать его; въ хатѣ остается только молодая съ дружкой и „братомъ“. Онъ становится на порогѣ избы съ пирогомъ, чашкой и березовой вилкою въ рукахъ и произноситъ: „Нехъ бѣдѣ похвалены Іезусъ Хрыстусъ!“ Толпа стоитъ за порогомъ. Невѣста беретъ за руку дѣвицу, находящуюся при ней, покрываетъ ее и себя платкомъ, и обѣ встають. Братъ беретъ ее за руку, подводитъ къ порогу и произноситъ: „Есьць тутъ Богъ, бацька и матка, хрышчненне и радзёныя, сусѣдзи близкіе и дальніе, мужи статэчныя (почтенныя) и бабяи запечныя и дѣтки запечныя, благословице маладую панну на пасадъ пасадзицы!“ Трижды произносится эта формула и трижды получается отвѣтъ толпы. Невѣста съ причитаніями проситъ родительскаго

¹⁾ Переведено въ 2-й ч. Матеріаловъ г. Шейна; этимъ переводомъ я и пользуюсь.

благословения. Братъ ставитъ чашку съ водой на полку, подводитъ невесту къ скамьѣ и, сдѣлавъ съ нею три оборота, сажаетъ на разостланный шерстью вверхъ коужу.

Нѣкоторыя частности вышеописаннаго обряда дополняютъ обрядъ Минскаго у. въ отношеніи культа домашняго божества, какъ это мы увидимъ ниже.

Изъ другихъ особенностей посада укажу на вариантъ его въ Игуменскомъ у. (Дудичкая волость). По сдѣланной мною записи, дѣло происходитъ такъ: сначала здѣсь бываетъ посадъ невесты, передъ самымъ отправленіемъ въ церковь. Она садится на дзезу, покрытую скатертью: на скатерть насыпаютъ рожь, и на нее-то и садится невеста; въ руки ей даютъ хлѣбъ, завернутый въ полотенце. Невѣста при всѣхъ переодѣвается тутъ же, одѣваетъ чистую сорочку, и затѣмъ братъ расчесываетъ ей волосы. Одѣтую къ вѣнцу невесту братъ ведетъ за платокъ къ услопу (скамьѣ) передъ столомъ. Братъ жениха сажаетъ и его рядомъ съ невестой. Молодые пьютъ черезъ хлѣбъ, положенный передъ ними; за третьимъ разомъ женихъ бросаетъ въ рюмку нѣсколько монетъ и подаетъ невестѣ. Затѣмъ молодые встаютъ, кланяются родителямъ, покуту, хлѣбу и пирогу и выходятъ на дворъ, чтобы ѣхать въ церковь. Посадъ жениха бываетъ вечеромъ, въ тотъ же день, слѣдовательно, уже послѣ вѣнчанія. Мать вноситъ дзезу, застилаетъ ее коужухомъ. Сваты усаживаютъ жениха и поджигаютъ его волосы съ трехъ сторонъ свѣчей, испрашивая на всякое дѣйствіе благословенія присутствующихъ.

Въ Бѣлорудской вол. Минскаго у. особенность посада молодой состоитъ въ слѣдующемъ. Когда внесутъ дзезу, закосникъ ведетъ къ ней невесту. Онъ кружитъ ее на рукахъ трижды и старается посадить на дзезу. Но первый и второй разъ невеста встаетъ, и только за третьимъ разомъ она остается на посадѣ. Одинъ закосникъ обноситъ вокругъ головы ея три раза свѣчей, другой въ это время продвѣкаетъ клокъ волосъ невесты черезъ кольцо и поджигаетъ ихъ. Послѣ этого уже расплетаютъ молодой косу¹⁾.

Въ Новогрудскомъ у. молодую сажаютъ на дзезу, въ которой расчищаютъ коровай, и затѣмъ приглашаютъ волосы. Въ формулѣ благословенія интересно обращеніе къ „покуцѣ святому“²⁾. Въ Виленской губ. молодого подстригаютъ родители его³⁾, въ иныхъ мѣстахъ Новогрудскаго у. молодого подстригаетъ сестра его, молодую—братъ ея⁴⁾.

Въ Витебской губ. обрядъ варьируется слѣд. образомъ: въ день вѣнча невеста сначала ходитъ голосить, а потомъ возвращается въ истопку, гдѣ ей расплетаютъ косу. Большой дружокъ велитъ ставить кланью, кладетъ на нее пубу, сажаетъ невесту, велитъ ей снять сапогъ, въ который онъ самъ кладетъ нѣсколько монетъ, завернутыхъ въ овечью шерсть, и снова велитъ надѣть сапогъ. Тогда дзезу выносятъ въ сѣни, застилаютъ ее пубой, братъ ударяетъ по ней два раза кнутомъ, сажаетъ снова невесту, которой ставятъ на подборъ тарелку со щеткою, дружокъ беретъ щетку, проводитъ ею по волосамъ невесты и кладетъ въ тарелку конфекъ 5. Затѣмъ вызываютъ всѣхъ присутствующихъ, которые продѣлываютъ то же¹⁾.

Сажаніе на дзезу и надѣваніе сапога бываетъ въ то же время и у жениха съ такими же обрядами.²⁾ Но, кромѣ того, уже послѣ, въ концѣ свадьбы, по приѣздѣ въ домъ жениха, молодыхъ обоимъ вѣмѣтъ снова сажаютъ вѣмѣтъ за столъ на пубу и обоимъ надѣлняютъ³⁾.

Въ Ошмянскомъ у. Виленской губ. жениха сажаютъ на посадъ передъ отъѣздомъ къ невестѣ. кладутъ подушку на сундукъ или на дзезу, сватъ ведетъ къ посадѣ жениха за конецъ полотенца. По испрошеніи благословенія у родителей, женихъ садится на посадъ. Но волосъ ему не подстригаютъ: онъ прямо встаетъ, кланяется родителямъ и присутствующимъ, и съ дружиною ѣдетъ къ невестѣ. Хотя, быть можетъ, иногда и здѣсь бываетъ подстриганіе молодого, потому что въ числѣ его дружины нечлѣнъ *покосникъ*.⁴⁾ Посадъ невесты здѣсь представляетъ еще болѣе интересъ: онъ происходитъ въ тоже время, какъ и у жениха. Невѣста одѣвается, причемъ голова ея убрана миртовымъ вѣнкомъ. Затѣмъ невеста, среди своей дружины, садится за столъ на подушкѣ. Черезъ минуту всѣ встаютъ, столъ отодвигается, и начинается троекратное обхожденіе вокругъ стола. Впередъ идетъ братъ, держа за одинъ конецъ полотенце, другой конецъ котораго въ рукахъ у невесты; за нею идетъ свадица съ подушкой, на которой сидѣла невеста (подушка эта называется „свадебной“ и обшита кругомъ красными лентами). За свадицей идутъ дружки съ пѣсней, въ которой приглашаютъ „кутъ“, которому кланяется невеста, благословить ее. Послѣ троекратнаго обхожденія, братъ ведетъ невесту на посадъ въ *столку* (кладовая), при пѣніи подругъ. Тутъ невесту сажаютъ снова на ту же подушку, положенную на сундукъ, на которомъ уже раньше поставлена вода и закуска (ни того, ни другого не трогаютъ), потомъ братъ проситъ

1) Вѣстникъ Русск. Географ. Общ. 1857 г., ч. IV, стр. 39.

2) Ibidem, стр. 51.

3) Ibidem, стр. 55.

4) С. Карскій, Нар. бѣлорус. свадьбы въ Ошм. у. Виленск. губ., Вильна 1888 (Отт. изъ Вид. Вѣстника), стр. 21.

1) Шейнъ, Матеріалы, 2 ч. стр. 190—191.

2) Ibidem, 212.

3) Ibidem, 379.

4) Ibidem, 223.

благословенія у громады, и ведетъ обратно къ столу невѣсту. Раздаются всеобщія благословенія присутствующихъ. Къ этому времени прѣзжаетъ уже женихъ, и обѣ дружины скорѣе уѣзжаютъ въ церковь.¹⁾

Я описалъ важнѣйшіе сложные варианты обряда. Для полноты отмѣчу еще нѣсколько частныхъ. Въ Могилевской губ., предъ прибытіемъ жениха на столъ ставятъ крышку отъ дзези, въ нее кладутъ хлѣбъ, сверху прикрываютъ шубой; невѣста подходитъ къ шубѣ, молится передъ иконами и затѣмъ пробуется²⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Виленской губ., при постриженіи жениха, его сажаютъ на коробъ съ рожью³⁾. Но послѣ вѣнчанія прижигаютъ снова волосы молодому и молодой вмѣстѣ⁴⁾. Въ Минской губ., въ иныхъ мѣстахъ, тоже сажаютъ жениха на коробъ съ рожью пристригаетъ крестная мать его⁵⁾; въ другихъ мѣстахъ бываетъ посадь невѣсты безъ расплетанія косы, которую расплетаютъ только передъ самымъ отъѣздомъ въ церковь; сажаютъ при этомъ на лукошко съ рожью, покрытое шубою⁶⁾. Иногда сажаютъ не на дзезу, а прямо на лавку подъ образами⁷⁾, или же сажаютъ жениха и невѣсту вмѣстѣ⁸⁾. Иногда этотъ обрядъ соединяютъ съ заручинами, какъ „злученіе молодыхъ“ въ Витебской губ.,⁹⁾ то же соединеніе мы видимъ въ обрядѣ Игуменскаго у. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Могилевской губ. практикуется еще обрядъ посады невѣсты въ связи съ вѣтьемъ елки¹⁰⁾. Но какъ описаніе этого обряда, такъ и разсмотрѣнія его мы отнесемъ въ послѣдующее изложеніе.

Главное условіе посады—это цѣломудріе какъ жениха, какъ и невѣсты: сѣсть на посадь ни тотъ, ни другой не можетъ, если не сохранилъ цѣломудрія. Это обстоятельство также дало поводъ къ варіаціямъ обряда. Такъ, въ иныхъ случаяхъ, сватья торжественно исповѣдуютъ молодую (Случій у.)¹¹⁾. Въ Новогрудскомъ у. невѣста сидитъ на посадѣ съ покрытой головой за столомъ. Жениха призываютъ, и если онъ сохранилъ цѣломудріе, то перелѣзаетъ черезъ столъ и цѣлуетъ невѣсту, если не сохранилъ, —лѣзетъ подъ столъ на ея колѣни.¹²⁾

Сложный обрядъ посады постепенно уступаетъ болѣе упрощенному,

¹⁾ Ibidem, 23—32.

²⁾ Дембовецкій, Опытъ описанія Могил. губ., I, 487.

³⁾ Ст. Киркора, Вѣстн. Им. Русск. Геогр. Общ., 1857 г., кн. IV, 261.

⁴⁾ Ibidem, 264.

⁵⁾ Носовичъ, Зап. Р. Геогр. Общ., V, 142.

⁶⁾ Ibidem, 143 и 146.

⁷⁾ Шейнъ, Мат. II, 161.

⁸⁾ Запольскій, Вѣстн. свадьба, 22.

⁹⁾ Шейнъ, Мат., ч. 2, стр. 8.

¹⁰⁾ Ibidem, 298—301.

¹¹⁾ Ibidem, 208.

¹²⁾ Ibidem, 231.

такъ какъ и вообще весь свадебный обрядъ въ послѣднее время сильно сокращается. Это происходитъ и потому, что вообще древнія бытовныя условія жизни сильно пошатнулись въ глазахъ крестьянъ подъ вліяніемъ разныхъ городскихъ обычаевъ, да еще и потому, что, съ сокращеніемъ свадебной процедуры, сокращается и трата времени, расходы. Наконецъ требованіе цѣломудрія съ обѣихъ сторонъ дѣлаетъ посадь часто невыполнимымъ, особенно для парней, а нерѣдко и для дѣвушекъ. Вотъ почему обрядъ посады жениха встрѣчается все рѣже, и рѣже, но рѣдкая свадьба обходится безъ посады невѣсты: его отправляютъ и тогда, когда знаютъ наизусть, что невѣста откажется отъ сидѣнья. Требовательность къ дѣвушкѣ сильнѣе, чѣмъ къ парню, а потому свадебные заправилы считаютъ нужнымъ, по крайней мѣрѣ, поставить въ неловкое положеніе провинившуюся и ея мать, хотя бы женихъ и объявилъ себя виновникомъ. Впрочемъ, мы увидимъ, что цѣломудріе невѣсты еще разъ строго проверяется женскимъ персоналомъ.

Но гдѣ посадь сохранила свою первобытную чистоту, тамъ онъ имѣетъ громадное значеніе: это центръ свадьбы, традиціонно привлекающій къ себѣ вниманіе всѣхъ присутствующихъ, выполняемый съ особеннымъ эффектомъ, торжественно; но торжественность эта скорѣе мрачнаго, удручающаго душу характера, производящая тяжелое нравственное впечатлѣніе даже на совершенно сторонняго зрителя и рѣзко отличающаяся отъ безконечнаго веселья послѣдующихъ свадебныхъ обрядовъ.

Но еще болѣе тяжелая картина получается, если кто-либо изъ молодыхъ не садится на посадь, особенно въ глухихъ селахъ, гдѣ старинные обычаи еще держатся. Съ юридической стороны обиженная сторона имѣетъ право тотчасъ уѣхать, отказавшись отъ всякихъ обязательствъ и потребовавъ возмщенія расходовъ на свадебныя приготовленія и за протраченное время,—что, по обычаю, и выполняется. Разумѣется, разрѣвъ возможенъ только тогда, когда посадь выполняется передъ церковнымъ вѣнчаніемъ. Для предупрежденія разрыва во многихъ мѣстностяхъ входитъ въ обычай садить на посадь именно послѣ вѣнчанія. Но и въ послѣднемъ случаѣ извѣстны факты, когда молодые расходятся на нѣкоторое время и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, иногда черезъ полгода, родственники примѣряютъ обѣ стороны.

Чтобы наглядно представить весь процессъ отказа съѣсть на посадь, я рѣшаюсь, въ выдержкахъ, привести одинъ изъ имѣющихся у меня рассказовъ подобныхъ случаевъ. Рассказъ принадлежитъ очевидцу Ѳ. В. Ирматовичу.

Обида трижды столъ съ „братомъ“, женихъ молча остановился передъ иконами. Ему рукою указали на дзезу, но онъ продолжалъ еще нѣсколько минутъ стоять. Водворилось суровое, гробовое молчаніе. „Потомъ онъ сдѣлалъ движеніе рукою, какъ будто хотѣлъ молиться, но рука его по-

гнулась и снова остановилась. Кровь хлынула к лицу его, а потом он поблѣднѣлъ, какъ полотно. Затѣмъ онъ машинально опустил руку въ карманъ, вынулъ оттуда носовой платокъ, разостлалъ передъ собою на полу и, опустившись на колѣни, принявъ устами къ землѣ. Потомъ женихъ поднялся и сотворилъ крестное знаменіе, снова повергся на землю. Мертвое молчаніе продолжалось. Вдругъ раздался стукъ разбитой посуды; и отъѣлъ глаза въ сторону отъ жениха на отца его, стоявшаго надъ разбитой чашкой; лицо его было блѣло, онъ весь трясся, какъ въ лихорадкѣ, но не двинулся съ мѣста, а стоялъ надъ разбитой чашкой, устремивъ свирѣпый взоръ на сына, уже въ третій разъ повергшагося на землю. Жена его, мать жениха смотрѣла на сына умоляющими глазами. Не вставая съ земли и не глядя никуда, женихъ повернулся въ сторону отца и принявъ къ его ногамъ, обливаясь слезами и издавая глухіе звуки отъ сдерживаемыхъ рыданій. Отецъ вскопчилъ какъ ужаленный и ногами сталъ бить сына, но тотъ не всталъ, а продолжалъ цѣловатьъ ноги отца. Всѣ молчали, наконецъ, свать вступился за жениха: онъ при помощи неслишкомъ вѣжливыхъ толчковъ въ грудь хозяина, уприсиль его перестать давать наставленія сыну. Тяжело дыша, отецъ жениха прислонился къ скамейкѣ и зарыдалъ какъ ребенокъ, закрывшись руками. Сынъ такъ и не переставалъ плакать, обнимая и цѣлуя ноги отца. При видѣ этого, многіе стали просить отца простить сына и благословить его. „Не,—сказалъ онъ,—хоть я благослаблю, але Буогъ яго ня благословиць, кали йонъ гѣдакъ зрабиў мнѣ; гѣдакая твае будзя жидця, сынникъ, кали ты ня баўся Бога и ня хацѣў слухаць бацькуо“⁴. Насилью уприсили отца благословить сына, а послѣдняго оторвали отъ ногъ и подыали.—Замѣтимъ что въ этой мѣстности крестьяне твердо убѣждены, что парню, потерявшему цѣломудріе до женитбы, будетъ неудача въ жизни: у него будутъ умирать дѣти и падать скотъ.

Рассказъ очевидца производить тяжелое впечатлѣніе. Но такова сила традицій, сложившихся подъ влияніемъ вѣкового процесса народной жизни подъ влияніемъ вѣрованій, юридическихъ обычаевъ, всѣхъ бытовыхъ условій жизни народа, который еще остался вѣрнѣ своей завѣтной старинѣ, обычаямъ и религіи предковъ.

У великороссовъ и малороссовъ посадь или рѣдко встрѣчается, или имѣетъ слишкомъ ничтожное значеніе, иногда совершенно сливаясь съ другими обрядами.

Общій ходъ, колоритъ обряда не находитъ себѣ прочныхъ аналогій ни въ славянской, ни въ общерусской свадьбѣ и можетъ быть, повидимому, признанъ оригинальнымъ проявленіемъ бытовой дѣятельности бѣлорусской народности; особенно это слѣдуетъ сказать относительно посада жениха. Но отдѣльныя частности посада, отдѣльныя дѣйствія и обряды входятъ въ широкую область аналогическихъ обрядовъ другихъ народовъ. Въ са-

момъ дѣлѣ, въ послѣдующихъ главахъ увидимъ, что посадь нашъ является обрядомъ сложнымъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ частей, являющихся пережитками то культурныхъ, то чисто религіозныхъ мотивовъ. Въ посадь можно ясно различить главныя и побочныя стороны обряда. Всѣ ходъ его группируется около пристриганія или прижиганія волосъ, сажанія на шубу, сюда же присоединяется и покрываніе головы невесты. Эти три части обряда окружены другими дѣйствіями и предметами, не принадлежащими специально къ посадѣ, но повторяющимися и при другихъ частяхъ свадьбы или же вообще въ обыденномъ теченіи крестьянской жизни. Эти второстепенныя части уже, но располагаются въ двѣ группы. Первая группа—бытовые переживания, это участіе въ посадѣ брата, дружины и всей общины. Вторая группа болѣе сложная: сюда относятся всѣ проявленія религіозныхъ культовъ, легшихъ въ основу обрядовыхъ дѣйствій. Такъ, испрашивание благословенія, обхожденіе вокругъ стола, почитаніе покута, порога, употребленіе свѣчи—представляются намъ, какъ увидимъ ниже, частями культа домашняго очага; употребленіе же хлѣба, хлѣбной квасни, зелени и елки являются частями культа божества-производителя. Расчлененность обрядовъ посада заставляетъ насъ перейти къ разсмотрѣнію каждой части его въ отдѣльности. Но притомъ, значеніе побочныхъ частей, о которыхъ мы говорили, выясняется только при сопоставленіи случаевъ ихъ примѣненія во всѣхъ другихъ частяхъ свадебнаго обряда. Поэтому намъ придется отложить разсмотрѣніе ихъ до другого мѣста.

Необходимо еще одно замѣчаніе, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію значенія посада. При всемъ внѣшнемъ сходствѣ посада жениха и посада невесты въ современныхъ обычаяхъ бѣлоруссовъ, ихъ происхожденіе и этнологическое значеніе совершенно различны. Намъ не должно нисколько удивлять это обстоятельство. Въ народномъ преданіи часто одинъ и тотъ же пережитокъ, культурный или религіозный, раздвояется и принимается въ послѣдующей жизни своей различныя обряды, различную внѣшнюю оболочку, и только наука открываетъ тожество источниковъ. И наоборотъ, два различныхъ по характеру своему переживанія получаютъ настолько сходственныя внѣшнія черты, что съ перваго взгляда могутъ показаться тождественными. То же случилось и съ посадомъ жениха и невесты. Для того и другого обряда употребляются одни и тѣ же предметы и дѣйствія. Употребленіе ихъ при первоначальной культурѣ было существенно необходимо, какъ увидимъ, хотя цѣль была и различна. Отсюда произошло и полное сліяніе обрядовъ. Мало того. Въ свадебномъ обрядѣ мы постоянно можемъ наблюдать стремленіе удвоить, или отождествить обряды, исполняемые у невесты, съ обрядами, выполняемыми у жениха, что происходило, конечно, подъ влияніемъ возрастающаго сознанія равенства положенія жениха и невесты. Поэтому, параллелизмъ въ свадебныхъ обрядахъ—вещь обычная.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ къ разсмотрѣнію значенія посада жениха.

IV.

Посадъ жениха. (Продолженіе).

Общее замѣчаніе о составѣ посада.—Обычай постричь у славянъ и другихъ народовъ.—Значеніе ихъ.—Связь постричь съ свадьбой.—Признаніе зрѣлости у различныхъ народовъ.—Извѣщенія и связь ихъ съ постригами.—Борьба за невесту.—Переживание этихъ обычаевъ.—Достоинство мужчины по мнѣнію первобытныхъ народовъ.—Женихъ въ белорусск. свадебн. пѣсняхъ.—Связь постричь съ религіозными атрибутами.—Значеніе „лежи“ и овечьей шкуры.—Заключеніе.

Посадъ жениха—сложный пережитокъ культурно-религіозной жизни народа. Онъ могъ окончательно сформироваться только въ періодъ высшаго развитія бытовой и религіозной жизни народа. Прочно установившійся земледѣльческій бытъ каждого народа—наиболѣе плодотворный періодъ для созданія религіознаго міровоззрѣнія. Человѣкъ находится въ самомъ близкомъ, непосредственномъ соприкосновеніи съ природою и ея силами. Онъ внимательно начинаетъ слѣдить за дѣйствіями и проявленіями ея силъ, изучаетъ явленія, благопріятствующія ему и неблагопріятствующія, и доходитъ до почитанія тѣхъ и другихъ. Онъ старается склонить къ себѣ, умиротворить страшныя для него явленія природы и возблагодарить тѣ изъ нихъ, которыя способствуютъ главному его занятію—земледѣлію. Вслѣдствіе этого аграрные культы доходятъ до высшаго своего развитія, проливаютъ во все міровоззрѣніе человѣка: онъ старается всаеческимъ образомъ почитать производительныя силы божества. Съ другой стороны, земледѣльческій бытъ болѣе всего способствуетъ развитію родового быта и его прочной организаціи. Земледѣліе въ первой стадіи своего развитія требуетъ особенныхъ усилій со стороны человѣка. Борьба съ природою требовала сильной сплоченной организаціи возможно большаго числа лицъ, а это было мыслимо только при родовой организаціи. Но родовой бытъ, въ свою очередь, способствуетъ развитію тѣхъ культовъ, которые связаны съ почитаніемъ предковъ, съ почитаніемъ домашняго очага. Славянинъ, сколько знаетъ его исторія, былъ прежде всего земледѣлецъ. Во всѣхъ его обрядахъ культъ аграрный и домашняго очага занимаютъ первенствующее положеніе.

На посадѣ белорусской свадьбы оба культа отразились очень рельефно. Посадъ обставленъ поклоненіемъ домашнему очагу, душамъ предковъ и поклоненіемъ богу—покровителю земледѣльческихъ продуктовъ. Но рядомъ съ этими остатками первобытной религіи уцѣлѣлъ въ посадѣ жениха и остатокъ чисто бытовой организаціи. Этотъ послѣдній—обрядъ пострига-

нія или прижиганія волосъ жениха, съ котораго мы и начнемъ, какъ съ центральнаго факта обряда.

Самый фактъ подстриженія или прижиганія волосъ жениха стоитъ единично въ посадѣ белорусской свадьбы. Мы не встрѣчаемъ полной аналогіи ему даже у сосѣднихъ малороссовъ и великороссовъ. Но зато, выходя изъ сферы собственно свадебныхъ обрядовъ, мы встрѣчаемся съ широкимъ распространеніемъ обрядовъ, аналогичныхъ нашему подстриганію волосъ жениха. Прежде всего, едва ли мы ошибемся, если сопоставимъ постриженіе нашего посада съ древнерусскимъ обрядомъ пострига. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Великороссіи, гдѣ вообще посадъ жениха съ постригами, повидимому, не встрѣчается, совершаютъ однако постриги надъ младенцами. Такъ, въ Мценской губ., какъ передаетъ А. Н. Труновъ, „застрижки“ бывають по прошествіи года отъ рожденія. Застригаютъ дѣтей обоего пола. Церемонія происходитъ торжественно, при собраніи родныхъ и знакомыхъ. Ребенка сажаютъ на столъ на подушкѣ, около него, съ правой стороны кладутъ попки. Крестные мать и отецъ выстригаютъ волосы на головѣ младенца крестообразно и кладутъ на голову нѣсколько денегъ, что называется „осеребреніе“¹⁾. У малороссовъ, по свидѣтельству Потебни, въ первый разъ постригаютъ ребенка на второмъ году; подъ него подкладываютъ „повесомъ конопель, або кокухъ, щобъ бувъ косматый“²⁾. Есть извѣстіе, что обрядъ подстрига существовалъ также въ Области Войска Донскаго, но на сороковой день отъ рожденія, причемъ отецъ надѣвалъ на ребенка саблю, сажалъ его на лошадь, постригалъ попки волосъ въ кружокъ и возвращалъ сына матери, поздравляя ее съ казакомъ³⁾. Послѣдній фактъ уже очень близко напоминаетъ древнерусскіе постриги, при которыхъ также сажали на коня: „Сотвори постриги сынови моему Ярославу и на конь его всади“—говоритъ Лаврентьевская лѣтопись про Всеволода Юрьевича. Уже давно было замѣчено, что актомъ пострига въ древней Руси признавалось вступленіе въ совершеннолѣтній возрастъ постриженнаго⁴⁾. Посаженный торжественно на коня юноша уже считалъ себя съ этого момента воиномъ. Такъ и у донскихъ казаковъ отецъ поздравлялъ жену „съ казакомъ“. Но съ теченіемъ времени обрядъ теряетъ свое реальное значеніе, и постриги начинаютъ совершаться въ болѣе раннемъ возрастѣ, переходя затѣмъ и на младенческій періодъ.

Съ обрядовымъ постриженіемъ мальчиковъ мы встрѣчаемся не только у русскихъ; оно извѣстно и южнымъ славянамъ. Для постриженія здѣсь

¹⁾ „Задписки“ И. Р. Геогр. Общ. по Отд. Этногр., т. II, стр. 47—48.

²⁾ „О значеніи нѣкотор. обрядовъ и повѣрій“, стр. 70, въ примѣч.

³⁾ Кулишъ, „Очерки сравнит. этнографіи и культуры“, стр. 80.

⁴⁾ Ср. Котляревскій, „Древности юридич. быта Славянъ“, стр. 129—130.

избирается особое лицо „стриженный кумъ“, который по совершении обряда уже становится лицом, родственником всей семьи. „Стриженому куму“ подносят на тарелки маленькия пожницы и подводят ребенка. Онъ трижды постригает волосы ребенку и кладетъ ихъ на тарелку, затѣмъ одариваетъ его. Обрядъ совершается торжественно¹⁾. Постриги сохранялись и у албанцевъ²⁾: Тотъ же обрядъ мы встрѣчаемъ и у другихъ народовъ. Такъ, постриги совершаются у одного индусскаго горнаго племени Kolhs слѣдующимъ образомъ: на восьмой день по рожденіи ребенокъ принимается въ родъ. Приносятъ бѣдную курицу въ жертву Синбору, а затѣмъ выстригаютъ волосы на головѣ, послѣ чего уже ребенку дается имя³⁾. Обрядовое постриженіе волосъ мальчиковъ у дравидскихъ племенъ Бенгаліи бываетъ на 6—7 году отъ рожденія⁴⁾. Цѣль этихъ пострижений—принятіе въ число членовъ рода именно родившагося или подрастающаго его члена. Такое значеніе рассматриваемый обрядъ имѣлъ и у древнихъ индусовъ, гдѣ родовая религія получила высшее развитіе. Предписанія Ману гласятъ, что если ребенокъ умираетъ до двухъ лѣтъ безъ постриженія, то онъ не считается предкомъ, и послѣ него не должны были совершаться похороны и очищенія, приличныя умершему предку; духу его не предлагались священные поминальные пироги⁵⁾. Это изреченіе Ману для насъ имѣетъ то значеніе, что оно объясняетъ, почему постриженіе, будучи въ первоначальномъ своемъ значеніи актомъ признанія зрѣлости, половой и военной, за молодымъ членомъ рода перешло на такой возрастъ, который очень далекъ отъ зрѣлаго. Каждая индусская семья стремилась дать какъ можно большее число потомковъ мужескаго пола, чтобы они были почитателями духовъ домашняго очага. Поэтому родъ стремился какъ можно скорѣе причислить, ввести въ свое лоно подрастающаго члена. Съ момента вступленія въ возрастъ половой зрѣлости это посвященіе переходило на болѣе ранній возрастъ и наконецъ перешло и на дѣтство. Ребенокъ долженъ былъ быть принятъ въ число членовъ рода, чтобы въ случаѣ его ранней смерти онъ могъ быть причисленъ къ предкамъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы видимъ раздвоеніе одного и того же обряда. Въ дѣтствѣ совершается принятіе мужского потомка въ число членовъ рода, а при наступленіи возраста половой и боевой зрѣлости снова совершается принятіе его въ число взрослыхъ членовъ. Это мы наблюдаемъ въ обычаяхъ римлянъ. У нихъ было въ обычай подрѣзывать и посвящать пер-

1) Krauss, Sitte und Brauch, 609.

2) Maciejowski, Hist. prawodawstw Słow., t. II, p. 322 (изд. 1858 г.).

3) Jellinghaus, Sagen, Sitten und Gebräuche der Mundo-Kolhs, вѣ Zeitschrift für Ethnologie, 1871, Bd. III.

4) Beschreibende Ethnologie Bengalens, Zeitschr. f. Ethn., 1874, Bd. VI, p. 384.

5) L. Jacoliot, Les traditions Indo-Asiatiques, Paris, 1876, p. 150, 148.

вые волосы на головѣ ребенка, причемъ происходило торжественное жертвоприношеніе; это называлось dies lustricus¹⁾. Но затѣмъ, съ наступленіемъ 17-ти лѣтъ, римскій юноша торжественно праздновалъ свое вступленіе въ совершеннолѣтній возрастъ, когда надѣвалъ toga virilis и складывалъ передъ ларями свои insignia puerilia²⁾.

Такое же раздвоеніе мы встрѣчаемъ и у грековъ, очевидно, вызванное аналогичными причинами. Праздникъ amphidromion соотвѣствуетъ римскому dies lustricus; на немъ совершалось очищеніе матери и ребенка, которые обводились вокругъ алтаря домашней Гестіи³⁾. Слѣдовательно, и здѣсь ребенокъ, посредствомъ очищенія и моленія домашнимъ богамъ, причислялся къ членамъ семьи. Но греческіе молодые люди, вступившіе въ зрѣлый возрастъ, должны были отпраздновать свое вступленіе посвященіемъ волосъ богу. Юноши посвящали свои волосы Аполлону⁴⁾. По разсказу Лукіана, дѣвушкамъ и юношамъ въ Трезенѣ было запрещено вступленіе въ бракъ, пока они не посвящаютъ своихъ волосъ Гипполиту, также соларному божеству⁵⁾. Послѣдній фактъ уже нѣсколько ближе связываетъ обрядъ пострига съ женитьбой. Интересную аналогію мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Мексики, напр., въ Ichcatlan: здѣсь желающій вступить въ бракъ приходитъ къ жрецу, который ведетъ его въ храмъ и тамъ отрѣзываетъ часть его волосъ⁶⁾. У племени Mixtecas, во время обряда связыванія жрецомъ платья брачующихся, имъ отрѣзывали часть волосъ на головѣ⁷⁾. Наконецъ, важный фактъ встрѣчаемъ мы у болгаръ. Здѣсь существуетъ обрядъ постриженія ребенка, какъ и у всѣхъ южныхъ славянъ, но передъ свадьбой совершается торжественное сніятіе волосъ на бородѣ парня. Утромъ, въ день свадьбы, къ нему является цирюльникъ и торжественно брѣетъ его. Дѣи дѣвушки собираютъ падающіе волосы, связываютъ ихъ въ платокъ и позже кладутъ въ сундукъ невесты. Остальныя дѣвушки плачутъ и колютъ вокругъ жениха. По окончаніи бритья, цирюльникъ собираетъ отъ каждого въ платокъ деньги, женихъ цѣлуетъ у всѣхъ руки и моетъ⁸⁾.

Такимъ образомъ, приведенные факты даютъ намъ право вывести за-

1) Marquardt, Das Privatleben der Römer, Leipz., 1879, t. I, p. 81—82, срв. p. 581.

2) Ibidem, p. 122—124.

3) Preuner, Hestia—Vesta, p. 58.

4) A. Gitté, La chevelure. Revue des traditions popul., t. III, p. 402.

5) Ibidem, p. 404.

6) Tegg Williams, The Knottied, Marriage ceremonies of all nations. London, 1877, p. 128.

7) Ibidem, p. 129.

8) Krauss, loc cit., p. 442.

ключение, что белорусский обряд постригания жениха представляет собою просто акт признания зрелости молодого члена со стороны его однообщинников. Этот обряд связывается со свадьбой главным образом потому, что женитьба является главным показателем половой зрелости мужчины или женщины. В самом деле, общественное положение молодого человека у белорусов носит все признаки зависимости его от семьи: он не может выделиться, он не может наняться иначе, как с согласия отца, матери или старшего вообще и т. д. ¹⁾ Кроме того, от него требуется до женитьбы сохранение целомудрия, и во многих местностях и по настоящее время несохранение целомудрия до женитьбы считается величайшим позором для парня. Мало того, частности обряда некоторых местностей прямо указывают на обрядовое значение пострига. Так, по записям Носовича, крестная мать, во время посады жениха, говорить нараспев: „подстригайся N сь ребячаго стану да вь мужскую славу“ ²⁾. О том же поет и песня:

Брахна Миколкинъ по гумнѣ ходиць,
Три сады садциць,
Уси сады хмелевые,
Вийся, хмѣлю, вийся коло тычки,
Подстригайся (ими) сь ребячаго стану,
Да вь мужскую славу ³⁾.

Почти вь такихъ же выражѣнїяхъ крестная мать напутствуетъ жениха и вь Витебской губ. ⁴⁾.

Признание зрелости, особенно за мужчиною, имѣть вообще самое широкое распространѣнїе у различныхъ народовъ, хотя выражается иными способами и сопровождается иными обрядами. Но самое важное, что актъ признанїя всюду совершается при наступленїи половой зрелости и предшествуетъ заключенїю брака. Довольно общезвѣстно сообщенїе Тацита, что молодые германцы опоясывались мечемъ вь народномъ собранїи и тутъ признавались воинами. У древнихъ иранцевъ общественное признанїе юноши или дѣвушки членомъ общины совершалось черезъ описыванїе. У современныхъ парсовъ поясъ этотъ носить названїе *kost* и имѣть и теперь то же значенїе ⁵⁾. У балтировъ при сочетанїи бракомъ, мѣла дарилъ жениху стрѣлу, говоря: „будь

храбръ, содержи и защищай свою жену“ ¹⁾. Народы, стоящіе на низкихъ ступеняхъ развитїя, представляютъ собою цѣлый рядъ очень интересныхъ фактовъ разбираемаго обряда. Вступленїе вь зрѣлый возрастъ выражается у нихъ различно. У нѣкоторыхъ племенъ это выражается просто переменою одежды, заботою о ней, ношенїемъ ожерельевъ и пр. (напр., нѣкоторые племена Индо-Кита, Австраліи и пр. ²⁾). Эти сравнительно невинные способы отличить уже возмужалаго чловека, способнаго къ брачной жизни, отъ невозмужалаго принимаютъ иногда очень оригинальныя формы. Такъ у американскихъ эскимосовъ, африканскихъ масаровъ, у многихъ австралїйцевъ и пр. продѣваютъ черезъ носовой хрящъ кость, раковину или желѣзо ³⁾. У чибчасовъ и аборигеновъ Калифорніи прокалываютъ дырочки вь ушахъ. У нѣкоторыхъ племенъ изувѣченїе имѣетъ болѣе слабый характеръ, какъ подпиливанїе и черненїе зубовъ, практикуемое у многихъ африканскихъ и австралїйскихъ дикарей ⁴⁾. У многихъ племенъ тѣ же обычаи принимаютъ довольно сложныя формы. Вь южной Австраліи мальчики вводятся вь состоянїе взрослого на 14-мъ или 16-мъ году слѣдующимъ образомъ: его смазываютъ жиромъ, выдергиваютъ волосы изъ тѣла, и его друзья gather green gum bushes, which they place under his arm-pits and over the os pubis, after which the boy is entitled to marry ⁵⁾. Вь другихъ частяхъ той же страны мальчики смазываютъ свое тѣло, волосы и конечности охрой и жиромъ, чегъ требуютъ обычаи, дающїе ему право быть мужемъ ⁶⁾. У готентотовъ юноши передъ вступленїемъ вь бракъ разрисовываютъ себѣ носъ, щеки и середину лба сажею. У гуарайевъ молодой чловекъ за нѣсколько дней до женитьбы разрисовывается сь головы до ногъ и одѣваетъ оружіе ⁷⁾.

Очень интересенъ и тотъ фактъ, что у тѣхъ народовъ, которые практикуютъ татуированїе, какъ абигоны, дайяки, гуарайи, многие австралїйцы и др., это послѣднее совершается надъ молодыми людьми при вступленїи вь брачный возрастъ. Сь татуированїемъ связываютъ обычно, сь полнымъ основанїемъ, и другое явленїе—тотемизмъ ⁸⁾. Одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ видовъ такъ называемыхъ „испытанїй зрелости“, это обрѣзанїе юношей, а иногда и дѣвушекъ. Почти у всѣхъ австралїйскихъ племенъ оно совершается при первомъ появленїи волосъ на бородѣ и усахъ юно-

¹⁾ Словарь русскихъ суевѣрій. М., 1782, р. 34.

²⁾ Westermarck *Eduard*, The History of human Marriage. London, 1891, p. 173.

³⁾ Ibidem, 173—174.

⁴⁾ Ibidem, p. 174.

⁵⁾ Ibidem, p. 199.

⁶⁾ Ibidem, p. 176.

⁷⁾ Ibidem, p. 176.

⁸⁾ Ibidem, 177 и сл.

¹⁾ О правовомъ положенїи парня до женитьбы вь белорусской семьѣ говорится вь ст. о сем. правѣ.

²⁾ Вѣд. пѣсни, Записки И. Р. Георг. Общ. по Отд. Этно., т. V, стр. 142.

³⁾ Ibidem, стр. 196, № 60; ср. *Шейнъ*, Мат., ч. II, стр. 80.

⁴⁾ Памятная книжка Витебской губ. на 1865 г., подъ ред. Семеновскаго, ст. Серебряникова, 85.

⁵⁾ Geiger, Ostiranische Kultur in Alterthum, 238—239.

шей ¹⁾. Оно имѣетъ широкое распространѣніе на западномъ и южномъ берегу Африки, въ христіанской Абиссиніи, у богосовъ, коптовъ, на Мадагаскарѣ, въ срединѣ чернаго континента—въ Мовбутту и Акке; кромѣ собственной Австраліи, оно извѣстно во всей Полинезій, у многихъ аборигеновъ Южной и Сѣв. Америки и пр. Важно, что повсемѣстно этотъ обычай является, какъ актъ, признающій зрѣлость мужчины и дающій ему право вступить въ бракъ ²⁾.

Такимъ образомъ, нашъ обрядъ постриженія волосъ жениха связывается съ очень распространенными обычаями изувѣченій, какъ способъ „испытанія зрѣлости“, такъ какъ и то и другое представляетъ актъ признанія зрѣлости половой и военной за молодымъ членомъ. Сущность мнѣнія по этому вопросу большинства современныхъ этнологовъ сводится къ слѣдующему. На первобытныхъ ступеняхъ человѣческой культуры борьба за жизнь, за пропитаніе чрезвычайно трудна. Поэтому племя не имѣетъ возможности вскармливать всѣхъ своихъ рождающихся членовъ; извѣстная часть послѣднихъ уничтожается сейчасъ по рожденіи; извиваются не только дѣвочки, но и мальчики, хотя въ меньшемъ числѣ. Оставляются въ живыхъ столько народившихся членовъ, сколько племя или семья можетъ вскормить, и притомъ оставляются въ живыхъ наиболѣе здоровые дѣтскіе организмы. Расчитать тотъ въ послѣднемъ случаѣ, что здоровыя дѣти по достиженіи зрѣлаго возраста окажутся сильными членами племени, способными воевать, защищать себя и другихъ и кромѣ того производить здоровое и крѣпкое потомство. Съ наступленіемъ возраста половой зрѣлости, который вмѣстѣ съ тѣмъ является и возрастомъ, когда юноша уже становится способнымъ носить оружіе, воевать,—молодые подростки члены вновь подвергаются испытанію, насколько они дѣйствительно способны воевать и производить. Съ этой цѣлью у многихъ племенъ дѣлаются очень суровыя испытанія, юношей подвергаютъ изувѣченіямъ, лишеніямъ и пр. Только выдержавшій такой испытаніе можетъ вступить въ число взрослыхъ членовъ общины, можетъ носить оружіе и добывать себѣ жену ³⁾. Впрочемъ, современная наука обогатилась цѣнною книгою профессора Уэстермарка, въ которой авторъ, однако, отрицаетъ существующіе взгляды на различныя виды изувѣченій. Сущность его мнѣнія сводится къ тому, что всѣ обряды перехода въ возрастъ возмужалости, въ томъ числѣ и обрѣзаніе и другія изувѣченія, представляютъ собою своего рода coquetterie со стороны мужчинъ и женщинъ. Правда, что такое объясненіе какъ будто бы хорошо подходитъ къ теоріи о половомъ

подборѣ у животныхъ и людей, на которую авторъ особенно напиралъ, но нужно замѣтить и то, что подъ его теорію далеко не подходятъ факты суровыхъ изувѣченій и факты принятія въ родъ или племя испытаннаго юноши, которые онъ, намъ кажется, тщательно обѣгаетъ. Зачѣмъ было бы роду истязать своего молодого члена, посвящая его въ родъ съ религіозными обрядами и пр., когда все дѣло сводилось бы на то, чтобы этотъ юноша могъ нравиться женщинамъ. Но если племя практикуетъ строгую экзогамію съ похищеніемъ у враждебнаго племени, то зачѣмъ молодому члену прихорашиваться татуированіемъ или обрѣзываніемъ, когда ему нужна только сила и военная споровка, чтобы добыть себѣ жену и защищать ее? Поэтому старая теорія изувѣченій, изложенная выше, имѣетъ все-таки болѣе основаній: подъ нее безъ натяжекъ подходитъ большее число извѣстныхъ наукъ фактовъ, хотя и она не разъясняетъ всего и къ ней можно было бы предъявить не мало вопросовъ. Притомъ, она съ достаточной убѣдительною разъясняетъ, почему суровыя изувѣченія съ теченіемъ времени теряли свой жестокий характеръ, переходя наконецъ въ символы и дойдя до насъ только въ переживаніяхъ. Въ виду этого можно съ большою вѣроятностію предположить, что постриганіе волосъ имѣло своимъ преемникомъ одинъ изъ видовъ изувѣченій съ цѣлью испытанія зрѣлости, перейдя потомъ лишь въ символическій обрядъ.

Человѣкъ, признанный зрѣлымъ и способнымъ быть мужемъ, долженъ однако фактически доказать свою возмужалость тѣмъ или инымъ способомъ. Это требованіе дало поводъ къ многимъ и интереснымъ обычаямъ. Послѣдніе еще разъ указываютъ на то, что отъ вновь признаннаго члена требуется именно сила и военная споровка, способность быть воиномъ, умѣющимъ запитать свою будущую семью и добыть ей пропитаніе. Такъ, у племени Галла, мужчина только тогда можетъ жениться въ средѣ своего племени, когда онъ оскотитъ извѣстное число враговъ и тѣмъ уменьшитъ число враждебныхъ конкурентовъ, которые могли бы похищать женщинъ его племени. Совершенно сродный обрядъ существуетъ и у абиссинцевъ ¹⁾. На о. Борнео молодой человѣкъ, желающій вступить въ бракъ, долженъ отрѣзать голову своему врагу ²⁾. На о. Новомъ Самосѣ или Nicaria существуетъ такой обычай пробы жениха. Какъ только дѣвушка достигнетъ половой зрѣлости, отецъ ея объявляетъ, что у него есть дочь для замужества, и назначаетъ день, когда лучший пловецъ можетъ получить въ призь его дочь. Кто долѣе всѣхъ продержится на водѣ, тотъ и считается даннымъ судьбою женихомъ ³⁾. У племени Creek молодой человѣкъ посылаетъ

¹⁾ Zeitschr. für Ethnologie, 1874, Bd. VI, p. 268, срв. p. 287 и сл.

²⁾ Westermarck, loc. cit., p. 201—202.

³⁾ См. Спенсеръ, Основ. социологіи; срв. его же, Обрядовыя учрежденія. Сжато и полно теорія изложена г. Кулишеромъ, Очерки сравн. этн. и культ., стр. 57—58 и др.

¹⁾ Kulischer, Intercommunale Ehe durch Raub und Kauf. Zeitschrift f. Ethnol., 1878, H. III, p. 19 i.

²⁾ Tegg, loc. cit., 165.

³⁾ Ibidem, p. 164—165.

Доннаръ-Запольскій.

своей возлюбленной сало убитого им медвѣдя и помогает ей обработать поле, именно посадить бобы ¹⁾. У Мапутов и др. мужчина не имѣет права взять себѣ жену, пока не подвергнет себя жестокой пытке ²⁾. Сюда же относится и обычай состязательной борьбы за дѣвушку, причем она достается побѣдителю. Слѣды такой борьбы находятъ въ древне-греческихъ мифахъ ³⁾. У индѣйцевъ Гудзонова залива существуетъ обычай драться за женщину, и она достается побѣдителю ⁴⁾. Въ Новой Зеландіи, если дѣвушка имѣетъ двухъ равныхъ претендентовъ, то она достается сильнѣйшему. Сродные обычай существуютъ на о. о. Самоа, Маори и др. ⁵⁾, у древнихъ индусовъ царская дочь доставалась тоже побѣдителю всѣхъ претендентовъ ⁶⁾. Въ Ирландіи было въ обычаѣ состязаться въ скачкахъ ⁷⁾. Въ Гуанѣ молодые люди не женятся до 15 и болѣе лѣтъ, пока не побѣдятъ своего соперника. У племени Мугас практикуется борьба на кулакахъ между всѣми поклонниками дѣвушки. Въ Австраліи у многихъ племенъ, если женщина красива, къ ней приходятъ всѣ мужчины состязаться, и она достается побѣдителю ⁸⁾. Съ этимъ имѣютъ явную связь и обычай, когда одинъ отнимаетъ жену у другого, побѣдивъ его въ какомъ-либо состязаніи. Такіе обычай практикуются у многихъ племенъ Африки ⁹⁾, у камчадаловъ ¹⁰⁾ и др. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи существуетъ въ этомъ отношеніи оригинальный обычай. Если одинъ мужчина хочетъ лишитъ жены другого, онъ вызываетъ его на состязаніе, состоящее въ томъ, что противники вдѣлаются въ волосы другъ другу и держатся до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не закричитъ *рессави*. Если побѣждаетъ вызвавшій, то онъ платитъ мужу за жену, а ее самое уводитъ ¹¹⁾.

Проба силы мужчины передъ вступленіемъ въ бракъ дала интересныя переживанія.

На Далматскомъ побережьи молодые, въ первое послѣ свадьбы воскресенье, отправляются къ родителямъ молодой. Зять, прежде чѣмъ войти въ домъ, долженъ выказать свое искусство въ стрѣльбѣ: ему отворяютъ дверь только тогда, когда онъ попадетъ изъ ружья въ деревянную фигуру,

¹⁾ *Post, Studien*, p. 235.

²⁾ *Спенсеръ*, Осн. социологии, II, p. 688 и сл.; *Post, Studien*, p. 231—233.

³⁾ *Rosbach, Untersuchungen über d. Röm. Ehe*, 211.

⁴⁾ *Левбоксъ*, Начало цивилизации, p. 74.

⁵⁾ *Westermarch, loc. cit.*, p. 161.

⁶⁾ *Ibidem*, p. 162.

⁷⁾ *Ibidem*, p. 163.

⁸⁾ *Ibidem*, p. 160 и 161, въ примѣч.

⁹⁾ *Ibidem*, p. 161.

¹⁰⁾ *Ibidem*, p. 161—162.

¹¹⁾ *Ibidem*, p. 160.

прикрѣпленную къ дереву ¹⁾. У французовъ родители невесты стараются провѣрить, хорошій ли работникъ парень, сватающийся къ ихъ дочери ²⁾. У сицилійцевъ молодой человѣкъ долженъ выказать силу и ловкость, чтобы имѣть право предложить свою руку возлюбленной. Съ этой цѣлью въ *Chiaromonte* и другихъ мѣстностяхъ парень старается взять во время процессіи самую большую хоругвь и, проходя мимо дома возлюбленной, подбрасываетъ эту хоругвь, выказывая такимъ образомъ свою ловкость и намекая на желаніе посвататься ³⁾. У нихъ же ловкому и мужественному парню дозволяется обычаями похитить дѣвушку. Если дѣвушка отказывается парню и выходить за другого, то первый поджидаетъ ее у входа въ церковь и отсюда быстро уноситъ на глазахъ у всѣхъ. Если дѣвушку не успѣютъ отнять во время, она должна сдѣлаться женою похитителя въ награду за любовь и мужество. Родители-же ея считаютъ такое похищеніе за честь себѣ и дочери ⁴⁾.

Такимъ образомъ, сила, ловкость и мужество, приспособленныя къ защитѣ и нападенію, требуются преимущественно отъ молодого человѣка, желающаго вступить въ бракъ. Одна пѣсенка сѣа-американскихъ индѣйцевъ такъ описываетъ идеалъ дѣвушки: „My love is tall and graceful at the young pine waving on the hill—And as swift in his course as the noble stately deer.—His hair is flowing, and dark as the black bird that floats through the air.—And his eyes, like the eagles, both piercing and bright.—His heart, it is fearless and great, and his arm, it is strong in the fight“.— У одного племени на Мадагаскарѣ качества жениха описываются въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Placed at a certain distance from a clever caster of the spear, he is bidden to catch between his arm and side every spear thrown by the man opposite to him. If he displays fear or fails to catch the spear, he is ignominiously rejected; but if there be no flinching and the spears are caught, he is once proclaimed an „accepted lover“ ⁵⁾.

Если мы обратимъ вниманіе на то, какимъ представляетъ себѣ жениха бѣлорусская свадебная поэзія, въ которой еще въ достаточной мѣрѣ сохранились традиціи стариннаго бытового строя, то мы найдемъ въ ней полное соотвѣстствіе только что сказанному. Пѣсни поютъ о женихѣ—добромъ молодцѣ; онъ красивъ, но главнымъ образомъ онъ воинъ, добывающій себѣ дѣвицу, а добываніе это сопряжено съ большими трудностями. Мы приведемъ нѣсколько пѣсенныхъ отрывковъ.

¹⁾ Юрич. Вѣстникъ, 1877, № 1, стр. 115.

²⁾ *Carrence, Le mariage chez nos pères*, p. 178.

³⁾ *Pitré, Biblioteca d. tradiz. popol. sicil. v. XV, Usi, v. II, p. 24.*

⁴⁾ *Ibidem*, p. 24—24.

⁵⁾ *Westermarch, loc. cit.*, p. 255.

По пѣснѣ Витебской губерніи мать родила Ванютку „ѹ нидзѣлку“,—

Кола рэчыньки ходзила,
Зелье коренне копала
И тымъ Ванюгычку ўмывала,
Кабъ яго уроццi ни брали,
А ни винныя похмѣлье,
Ни цыжкое ўздыханье,
Ни Ганкина цалованье ¹⁾.

Такъ онъ закаленъ еще съ перваго дѣтства. Пѣсни представляютъ жениха красивымъ, статнымъ молодецкѣмъ. Хомочка на конѣ—„червонѣй, пригожей“ калины; онъ расчесалъ „русь хохоль, позавивавъ кудри молодзецкiя“ ²⁾; онъ—„бѣлиньки, кудравиньки“; его „бѣлѣсинька“ ўмывали сестрицы, расчесывали кудри—братья. Его посылають съ напутствіемъ:

А вѣдзъ орати, Иванька, да ня баўся!
Скрозь цемную, скрозь нотушку пробивайся,
И до свае Гапулюхы добывайся ³⁾.

Женихъ соответственно одѣтъ. Ёдетъ Ригорка—„а ѹ яго шапунька ярунька и золотая кѣтунька“ ⁴⁾, „яго бодики казловы, у яго панчѣшки бѣлые, у яго падызкі поўконы“,—говорить другая пѣсня ⁵⁾.

Прибирайся, Сямѣнка,
То ѹ атласъ, то ѹ золото,
То ѹ чырвоную шапку,
Кабъ отъ цѣбе вулочка ззяла,
Кабъ цѣбе дзѣвочка знала ⁶⁾.

Куда ни явится женихъ—все собою озаретъ: „на дворѣ ўзѣхавъ—дворѣ зазявѣ, съ коня злѣзъ—конь зарзавѣ, ѹ сѣнки войшовъ—лапку знявѣ“ ⁷⁾.

Пѣсни часто поють о его „вѣжествѣ“. Вотъ какъ входитъ онъ въ домъ своей тещи:

Ай вуминькій, разуминькій Паўлютка
Къ тещи на дворѣ василѣчкомъ сцѣлицца,
У сѣни лѣзиль—гарнушничкомъ кѣнцица,
У хату лѣзиль червоною мятою,

За столикомъ соколикомъ верцицца.
Ли Матрунки близѣхынью садзицца ¹⁾.

Или по другой пѣснѣ—Яночка ѣдетъ къ тестю:

Ёнъ дзѣца разумное,
Ёнъ море селезнемъ плывецъ,
Ёнъ поле соколомъ лѣнцѣ,
У ворохцѣхъ росой падзецъ,
На дворѣ княземъ станецъ,
За столомъ госцедемъ сядзецъ ²⁾.

Но всѣ эти качества блѣднѣють передъ описаніемъ жениха, какъ воина, воюющаго съ своей дружиной съ тестемъ, добывающаго себѣ невесту. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мнѣ придется подробнѣе коснуться пѣсенъ объ умываніи дѣвушки. Теперь я ограничусь нѣсколькими выдержками, характеризующими главнымъ образомъ жениха. Зять стоитъ за воротами у „грознаго тестя, свѣжкомъ перепавшѣмъ“ ³⁾. Янечка си(итъ) и крѣпкую думу думаетъ о томъ, какъ пришлось ему добывать невесту. Онъ „поняѹ родзину богатую, зѣздзиѹ коничка гарцуочы, стопаѹ боцники танцуючы“ ⁴⁾. Невѣста жалуется своему брату, что

Откуль ўзяўси Ликсѣйка:
Коникомъ танѣчыкъ разыгнаѹ,
Ручками вянѣчыкъ разрываѹ,
А мяне, милоду, къ сабѣ ўзиѹ ⁵⁾.

„Ликсѣйка воюница“, такъ что „ўси людзи дзвинуцца“ ⁶⁾. Яркими красками рисуютъ жениха-воина смоленскіе пѣсни. Онъ—„сизый орелъ“, который собирается поцутать „чоронѣ шоўкъ“—косу невесты, раз. пать „крупенъ жемчугъ“—слезы ея ⁷⁾. Женихъ собирается на сторону незнакому на добромъ ворономъ конѣ, впереди его ле ить соколъ, по сторонамъ—друзья ѣдутъ: „Мяне, молодца, не выладуцъ, да суженую мнѣ выведауцъ“ ⁸⁾. Женихъ—„князь Егорушка“ подѣдетъ къ тестеву двору, „ступнець, грохнець ѹ веревюшку—веревюшка покачулася“. Для невесты онъ—„погубицель, погубиць мяне, дзѣўку красную“ ⁹⁾. „Грозенъ князь Егорушка“ подѣзжаетъ

¹⁾ Шейнъ, Матерьялы, ч. II, 36, № 48.

²⁾ Романовъ, Вѣлор. Сб., в. I, р. 462, № 125.

³⁾ Шейнъ, Вѣлор. пѣсни, р. 301, № 559.

⁴⁾ Романовъ, *loc. cit.*, р. 364, № 111.

⁵⁾ Шейнъ, Вѣлор. пѣсни, р. 302.

⁶⁾ Шейнъ, Матерьялы, ч. II, р. 287, № 5.

⁷⁾ Романовъ, *loc. cit.*, р. 356, № 83.

¹⁾ Шейнъ, Матерьялы, ч. II, р. 17, № 5.

²⁾ Ibidem, р. 84, № 37.

³⁾ Ibidem, р. 92, № 57.

⁴⁾ Ibidem, р. 80, № 28.

⁵⁾ Ibidem, р. 56, № 84.

⁶⁾ Ibidem, р. 56, № 85.

⁷⁾ Ibidem, р. 404, № 3.

⁸⁾ Ibidem, р. 405, № 5.

⁹⁾ Ibidem, р. 407, № 7.

къ тестеву двору, „стукнець, грохнець ёнъ копѣмъ у ворота“—и требуетъ Алешушку¹⁾. Онъ ѣдетъ—

И какъ соколъ лениць,
Колоколь гудить ли,
Какъ Егоръ ѣдзецъ,
Уся земля трасецца²⁾.

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ (хотя подобные мотивы общи малорусской и великорусской свадьбѣ³⁾) отражены переживания того болѣе ранняго строя жизни, когда отъ мужчины, вступившаго въ возрастъ половой зрѣлости, требовалось, чтобы онъ прежде всего былъ воиномъ, подобно тому, какъ это показываютъ обычаи другихъ народовъ. Но рядомъ съ этимъ требуется и фактическое достиженіе половой зрѣлости, что тѣсно соединяется одно съ другимъ. Одинъ наблюдатель описалъ: „Бывали случаи, что послѣ сватовства родители невесты свидѣтельствовали дѣтородные органы жениха, если были какія-либо сомнѣнія на счетъ его способности удовлетворительно выполнить назначеніе мужа“⁴⁾. Съ этимъ гармонируютъ обычаи, по которымъ послѣ доказанной импотенціи мужа бракъ немедленно расторгается въ первые же дни послѣ его заключенія⁵⁾.

Покончивъ съ обрядомъ пострига, перейдемъ къ разсмотрѣнію значенія тѣхъ атрибутовъ, которые его сопровождаютъ.

Посадъ совершается среди торжественной, напряженно-серіозной обстановки, въ присутствіи ближайшихъ родственниковъ, знакомыхъ и друзей. Главную роль играетъ крестный отецъ или мать, или свать—лица всегда уважаемыя; имъ помогаетъ старшій дружка. Это соотвѣтствуетъ бытовому значенію всей церемоніи. Возмужавшій молодой человѣкъ вводится въ число членовъ рода, общины въ присутствіи ближайшихъ и важнѣйшихъ ихъ представителей; онъ вводится наиболѣе почтеннымъ лицомъ ея, замѣнившимъ прежняго родовладку, старшійшину. Участіе дружекъ объясняется характеромъ и значеніемъ дружины жениха, какъ остатковъ родового „полка“, блюдущаго интересы рода, на стражѣ которыхъ долженъ стоять теперь и новый членъ.

Весь обрядъ совершается при обстановкѣ, которая носитъ характеръ религиозныхъ пережитковъ. Это послѣднее обстоятельство—связь бытового факта съ религіею—явленіе обычное. Соотвѣтственные обычаи римлянъ и грековъ имѣли также религиозное освященіе. Даже у народовъ съ мало

1) Ibidem, p. 411, № 12.

2) Ibidem, p. 412, № 14.

3) См. статью *Охримовича* въ „Этнограф. Обзорніи“ 1892 г.

4) *Шейнъ*, Матеріалы, ч. II, p. 15.

5) См. *Post*, Szudien, p. 228.

развитую религіею актъ признанія зрѣлости связывается съ религіею. Такъ, нѣкоторые австралійскіе дикари, татуирующіеся при наступленіи зрѣлаго возраста, объясняютъ этотъ обрядъ тѣмъ, что богъ Мурамура разрисовалъ первое дитя, созданное имъ, и такъ приказалъ дѣлать¹⁾. Жители о.о. Фиджи приписываютъ установленіе татуированія богу Денгей²⁾. Тайтине рассказываютъ легенду о Таароа, Апаувару и ихъ дочери Гинериромонои, которыхъ они считаютъ богами³⁾ и пр.

Бѣлорусскій посадъ прежде всего связывается съ культомъ домашняго очага, культомъ предковъ. Сюда относится обхожденіе вокругъ стола, замѣнившая собою древній жертвенникъ, и поклоненіе куту (углу), куда перенесено мѣстопробиваніе духовъ предковъ; употребляемая при прижитіи волосъ громничная свѣча, хранимая круглый годъ за образами,—возженный огонь на жертвенникѣ. Объ этихъ предметахъ, которые вообще играютъ крупную роль въ свадебномъ обрядѣ, мнѣ придется говорить особо, гдѣ я надѣюсь доказать указанное ихъ значеніе. Здѣсь же я считаю нужнымъ остановиться на обрядовомъ значеніи вывернутаго овчиннаго тулупа и квашни (дзежи), на которые сажаютъ молодого.

На дежу перешло почитаніе, которое у всѣхъ славянъ придается хлѣбу. Посидѣть около дежи или на дежѣ—символически выражаетъ желаніе, чтобы родилъ хлѣбъ, чтобы онъ не выволился. Когда бѣлорусъ входитъ въ первый разъ во вновь устроенную избу, онъ вноситъ прежде всего дежу, покрытую бѣлою скатертью; хозяйка должна посидѣть около нее нѣсколько времени, чтобы хлѣбъ не переводился⁴⁾. Во многихъ мѣстностяхъ молодые входятъ въ избу и выходятъ изъ нея подъ крышкою дежи (Игуменскій у., напр.). Дежа употребляется при пожарахъ, гаданіяхъ и вообще пользуется всеобщимъ у славянъ уваженіемъ⁵⁾.

Сажаніе на вывернутомъ тулупѣ выражаетъ также пожеланіе всякаго богатства, обилія вообще. Мать жениха или невесты встрѣчаетъ всегда молодыхъ въ вывернутомъ тулупѣ. Въ Борисовскомъ уѣздѣ свать ведетъ невесту къ столу, держа ее за руку черезъ кожу⁶⁾. Въ одной пѣсенкѣ говорится, что

Агашка за столъ идзецъ,
Шубочку ѣ. рукахъ несетъ⁷⁾,

1) *Westermarck*, loc. cit., p. 169.

2) Ibidem, p. 170.

3) Ibidem, p. 179—180.

4) Труды Этногр. Отд. Моск. Общ. Любит. Естествозн., кн. IV, Вѣров. и обряды жит. Могил. губ., стр. 28.

5) *Сумцовъ*, О свад. обр., стр. 147.

6) *Шейнъ*, Матер., II, стр. 143.

7) Ibidem, 99.

гдѣ шубочка, повидимому, приравнивается къ богатству, которое принесетъ невеста въ свое новое жилище. И въ другихъ случаяхъ жизни вывернутый тулупъ у бѣлоруса служитъ символомъ богатства ¹⁾. Для объясненія этого значенія мѣха Потебня привелъ прекрасное объясненіе: „мохнать—богатъ“, говорить поговорка ²⁾. Подобное значеніе мѣхъ имѣть у всѣхъ славянъ ³⁾.

Важно отмѣтить, что мѣхъ повсемѣстно тѣснѣйшимъ образомъ связывается съ аграрными культами, и жертвоприношеніе овцы—лучшая дань аграрнымъ божествамъ. Это относится не только къ славянамъ ⁴⁾, но въ равной мѣрѣ и къ римлянамъ, германцамъ ⁵⁾, древнимъ египтянамъ и мн. др. ⁶⁾. Римское преданіе, сохраненное Овидіемъ, говоритъ, что въ случаѣ неплодородія земли слѣдуетъ принести овцу въ жертву Фавну, какъ это сдѣлалъ Нума, причемъ именно шкура овцы играла при обрядѣ крупную роль ⁷⁾. Съ этой стороны понятно, почему въ народномъ представленіи шкура животнаго сравнивается съ тучею, дающею также плодородіе полей ⁸⁾. Въ индусскихъ гимнахъ сама земля, подательница плодородія, сравнивается иногда съ шкурою животнаго, распростертою Агни ⁹⁾. По другимъ представленіямъ шкура сравнивается съ кущей дерева, которое также служитъ символомъ растительной силы ¹⁰⁾. Поэтому становится понятной и связь шкуры овцы съ Ярилой, въ представленіи славянъ, отмѣченная Леанасьевымъ ¹¹⁾. Это нѣсколько сходно съ ролью козливой шкуры въ культѣ Діониса; ее носилъ очиститель при очищеніяхъ ¹²⁾. Ниже мы еще увидимъ специальное значеніе шкуры овцы для плодородія женщины. Но и сказаннаго достаточно, чтобы прійти къ заключенію, что сидѣніе въ нашемъ посадѣ на овчинномъ тулупѣ имѣетъ самую тѣсную связь съ аграрнымъ культомъ.

Сводя къ одному общему представленію все сказанное о посадѣ жениха, мы получили слѣдующую картину. Посадъ не представляетъ собою

части собственно свадебнаго ритуала. Въ основѣ его лежитъ бытовой актъ—принятіе въ число членовъ рода новаго возмужавшаго члена; принятіе это основывается на признаніи зрѣлости этого члена, половой и военной, или, примѣняясь къ позднѣйшему быту,—зрѣлости хозяйственной, способности быть хозяиномъ, продолжателемъ рода и бластителемъ домашнихъ культовъ. Въ основѣ этого акта, быть можетъ, лежитъ болѣе древній мотивъ—„испытаніе зрѣлости“ съ тѣми же цѣлями. По отношенію къ свадьбѣ, этотъ актъ предварительный; только возмужавшему члену рода, признанному таковымъ со стороны своихъ сочленовъ, дозволяется ввести въ домъ, приобщить къ домашнему алтарю новаго члена, будущую жену его. Этимъ объясняется связь посада съ свадебными обрядами. Далѣе, посадь обставленъ по преимуществу культомъ родовымъ, затѣмъ аграрнымъ. Онъ принялъ окончательный видъ, очевидно, въ ту пору народной жизни, когда народъ имѣлъ родовое устройство и когда главнымъ его занятіемъ было земледѣіе.

V.

Посадъ невесты. (Продолженіе).

Подбръзываніе и растрепываніе волосъ невесты у различныхъ народовъ.—Мнѣнія ученыхъ объ этомъ.—Значеніе обряда.—Переживанія: женскій головной уборъ, потеря косы—потеря цѣломудрія.—Бѣлорусскія пѣсни о косѣ дѣвicy.—Обрядъ сажанія невесты на овчинномъ тулупѣ.—Обычаи индусовъ.—Шкура животнаго и ея значеніе.—Сидѣніе невесты у другихъ народовъ.—Мнѣнія ученыхъ объ этомъ обрядѣ.—Значеніе его.—Покрываніе невесты.—Положеніе обряда въ бѣлорусской свадьбѣ.—Покрывало у римлянъ и др. народовъ.—Связь покрывала съ краснымъ цветомъ.—Символика краснаго цвѣта.—Мнѣнія ученыхъ о покрываніи невесты.—Религиозное значеніе покрывала.—Значеніе краснаго цвѣта.—Религиозная концепція покрывала съ краснымъ цвѣтомъ.—Общій колоритъ посада невесты.

Посадъ невесты, подобно посаду жениха,—обрядъ сложный и мы мало встрѣчаемъ полныхъ ему аналогій. Но если мы обратимся къ основнымъ чертамъ его, представляющимъ какъ бы три составныя части его, то встрѣтимъ самое широкое распространеніе его у различныхъ народовъ. Напомнимъ, что три основныя момента посада невесты составляютъ: подстриганіе или прижатіе косы ея, упрощающееся иногда простымъ расплетеніемъ или, сказаніе на вывернутомъ овчинномъ тулупѣ и покрываніе головы ея во время обряда. Разсмотримъ эти части.

Начнемъ съ обряда подстриганія косы. У др. индусовъ, при чтеніи изреченій, выражающихъ символически удаленіе дѣвухи изъ дома ея родителей, ей отбъзывали съ двухъ сторонъ по локону волосъ и призывали на ихъ мѣсто по клочку овечьей шерсти; жрецъ говорилъ при этомъ: „Я

¹⁾ „Виленскій Сборникъ“ Кузина I, ст. Крачковскаго, стр. 107, 190.

²⁾ О знач. нѣкот. обрядовъ и повѣрій, стр. 69.

³⁾ См. Сумцовъ, О свад. обрядахъ, стр. 109; Аванасьевъ, Поэтич. воззр. Слав., I, 690; Архивъ Палачова, т. I, ст. Буслаева, стр. 6—7. Ср. гаданіе, Словарь русскихъ суевѣрій, М. 1782, стр. 123.

⁴⁾ Аванасьевъ, Поэт. воззр., I, стр. 680.

⁵⁾ Указаніе см. у Karlowa, Die Formen d. Röm. Ehe, p. 21—23.

⁶⁾ Bastian, der Mensch in der Geschichte, B. III. p. 130 и сл.

⁷⁾ Preller, Römische Mythologie, p. 338.

⁸⁾ Schwartz, Indogermanische Volksglaube, p. 30.

⁹⁾ Bergaigne, La religion Vedique, t. I. 241.

¹⁰⁾ De Gubernatis, La mythologie des Plantes, t. I, p. 123.

¹¹⁾ Поэтич. воззр., I, 682—683.

¹²⁾ Faucart, Des associations religieuses, p. 73.

освобождаю тебя от оков Варуны, которыми связать тебя блестящий Савитри" ¹). Римская невеста зачесывала свои волосы in sex crines; они растрепывались копьем, hasta coelibraris, и перевязывались повязкой, vitta lalea ²), что соответствует привязыванию овечьей шерсти у индусов. У дорант, невесты подстригала волосы сваха — нимфетрия ³). Аналогичные обычаи сохранились у итальянцев. У калабрийцев, невесты растрепывают волосы особым острием, на подобие копья, назыв. spatina, что вполне соответствует римскому hasta coelibraris ⁴). У сицилийцев, на заручинах, невесты сажают среди комнаты, и мать жениха раздвигает ей волосы особым гребешком, pettine ⁵). В настоящее время обычай расплетать косу невесты перед вѣнчаніем извѣстен у всѣхъ славянъ ⁶). Но онъ также бытуеъ и у другихъ народовъ, выражаясь съ тѣми или другими отлѣченіями. Такъ, у латышей невесты передъ вѣнчаніемъ чешутъ голову; каждый присутствующій чешетъ понемногу, подруги заплетаютъ косу ⁷). У эстовъ обрядъ сродный бываеъ на утро послѣ брачной ночи: молодой подрѣзываютъ волосы и привѣшиваютъ на лобъ особую ленту, на которой виситъ нѣсколько монетъ ⁸). У чувашъ существуетъ обрядъ окруживанія: невесты свахи расплетаютъ косу и вмѣсто дѣвичьяго убора одѣваютъ женскій ⁹). Въ самомъ дѣлѣ, надѣваніе женскаго головнаго убора, каковой обрядъ существуетъ и у ѳлоруссовъ, имѣетъ много общаго по основному своему характеру, какъ увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ; оба обряда часто соединяются. Расплетеніе дѣвичьей косы существуетъ у мордвы ¹⁰), при чемъ невеста отдаетъ матери кисточку, которую она имѣетъ всегда въ косѣ ¹¹), подобно тому какъ у ѳлоруссовъ невеста отдаетъ матери „улеты“, ленточки изъ косы. Подобно чувашамъ, у калмыковъ зачесываютъ косу невесты по-женски передъ ложемъ ¹²). У лопарей невеста является передъ гостями съ растрепанными волосами ¹³). Довольно сложный обрядъ существуетъ у абиссинцевъ. Здѣсь жениху и невестѣ отрѣзывается по локону волосъ; эти

¹) Weber, Indische Studien, V, 319.

²) Roszbach, loc. cit., 286—287.

³) Ibidem, p. 216.

⁴) Dorsa, La tradizione greco-latina negli usi etc., p. 36.

⁵) Pitri, Biblioteca d. tradiz. popol., v. XV r. II, p. 33.

⁶) Суминовъ, О св. обр., 150 и др., Терешенко, Бытъ р. нар., II, 132 др., и Саов. русск. сув., 1782 г., стр. 5.

⁷) Волытеръ, Матерьялы и пр., стр. 177.

⁸) Schröder, Die Hochzeitsbräuche der Esten, p. 147.

⁹) Сбоевъ, Чувашы, стр. 35.

¹⁰) Майновъ, Очерки юрид. быта Мордвы, стр. 66.

¹¹) Ibidem, 91.

¹²) Ир. Житенскій, Астраханскіе калмыки, М., 1893 г., стр. 22.

¹³) Словарь русск. сув., М., 1872 г., стр. 27.

локоны погружаютъ въ вино, смѣшанное съ медомъ, а затѣмъ прикалываютъ локонъ невесты къ волосамъ жениха, и наоборотъ ¹). Этимъ какъ бы указывается на связь жениха и невесты. Но гораздо характернѣе обычай съ волосами дѣвушки у нѣкоторыхъ персидскихъ племенъ. У персовъ есть средство для предпримчиваго влюбленнаго юноши обойтись безъ согласія родителей невесты. При удобномъ случаѣ, онъ отрѣзываетъ локонъ волосъ дѣвушки, срываетъ съ нея покрывало и набрасываетъ простыню, объявляя ее обрученною ²). У одного горнаго персидскаго племени vizeres, съ сильными остатками матриархата, — выборъ мужа зависитъ отъ женщины. Если ей правится какой нибудь мужчина, она посылаетъ въ его станъ тамбуриста: онъ долженъ приколотъ къ шапкѣ жениха платочекъ булавкою, къ которой она прикрѣпила часть своихъ волосъ. Тамбуристъ передаетъ платокъ и булавку избраннику публично, и послѣдній обязанъ жениться на избравшей его дѣвушкѣ, если можетъ уплатить отцу ея соответственную плату ³). Интересно еще отмѣтить обычай китаецъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ обычай, что одна изъ замужнихъ женщинъ заплетаетъ косу невесты по-женски, — и въ этомъ состоитъ вся брачная церемонія; и законъ, и общественное мнѣніе считаютъ бракъ заключеннымъ ⁴); въ другихъ же мѣстахъ къ этому присоединяются еще другія церемоніи ⁵).

Такимъ образомъ, подрѣзваніе или растрепываніе женской косы имѣетъ широкое распространеніе въ свадебныхъ обрядахъ. Учеными были высказаны различныя мнѣнія по поводу значенія этого обряда. Гаасъ высказывалъ предположеніе, что отрѣзваніе локона въ индусскомъ ритуалѣ имѣло то значеніе, что невеста символически отдѣлялась отъ своего родного дома ⁶), но расчесываніе косы онъ отдѣляетъ и отъ отрѣзванія, предполагая, что этотъ актъ, подобно оскосленію, совершался для очищенія и предохраненія отъ чаръ ⁷). Преллеръ актъ растрепыванія волосъ связываетъ съ культомъ Юноны: новобрачная должна перейти во власть мужа, но въ то же время она находится подъ покровительствомъ богини; онъ сопоставляетъ употребленіе hasta coelibraris съ пошеніемъ копья женщинами на сабинскомъ празднествѣ въ честь Юноны ⁸). Къ числу мнѣній, придающихъ женской косѣ въ обрядахъ характеръ религиозный, относятся и мнѣнія

¹) Tegg, Marriage ceremonies of all nations, p. 172.

²) Ibidem, p. 156 Сродный обычай у калабрийцевъ былъ уже приведенъ по другому поводу, см. „Этн. Об.“ кн. XVII, стр. 53.

³) Ibidem, 158.

⁴) Usi nuziali nelle China, Archivio per lo st. d. trad. popol., 1888, p. 487.

⁵) Tegg, loc. cit., 116.

⁶) Weber, Ind. Studien, V, 277—8.

⁷) Ibidem, 278.

⁸) Preller, Römische Mythologie, p. 248.

проф. Сумцова, сопоставляющего женскую косу съ солнечною косою ¹⁾. Но объясненія изъ религиозныхъ воззрѣній народовъ едва ли могутъ имѣть приложение въ данномъ вопросѣ: здѣсь проглядываетъ чисто бытовой фактъ. Уже *Edelstand du Mérid* видѣлъ въ обычаяхъ раздѣленія волосъ на головѣ невѣсты актъ завладѣнія ею ²⁾. Дарить прямо видятъ въ обычай подрѣзыванія косы пережитокъ похищенія невѣсты ³⁾.

Послѣднее предположеніе, по нашему мнѣнію, наиболѣе удовлетворительно объясняетъ различныя проявленія обычая. Тогда понятно, что копые является оружіемъ завладѣнія невѣстой; растрепать волосы, обрѣзать ихъ — достаточно, чтобы выразить завладѣніе ею, объявить ее обрученной, какъ въ приведенномъ персидскомъ обрядѣ. Съ этой стороны понятно также и обрядовое рваніе косы невѣсты женихомъ въ великорусскихъ обрядахъ ⁴⁾; общезвѣстенъ обрядъ, совершающійся и у бѣлоруссовъ передъ самымъ отъѣздомъ молодой къ жениху, — покупка женихомъ ей косы: купить косу дѣвушки — все равно, что приобрести, купить ее самою.

Расчесываніе косы часто соединяется съ другими обрядами — надѣваніемъ женскаго головного убора, который также представляетъ пережитокъ. Что касается происхожденія настоящаго обряда, то едва ли не болѣе вѣрное будетъ — видѣть въ немъ остатокъ трофея. Для побѣдителя женщины являлась такимъ же побѣжденнымъ врагомъ, какъ и мужчина. Побѣжденнаго мужчину онъ убивалъ, снималъ съ него скалыпъ, отбрасывалъ носъ, руку или др. часть тѣла для удовлетворенія своей гордости побѣдителя, отпуская врага иногда и живымъ, но изувѣченнымъ. Съ развитіемъ экзогаміи, съ возражающимъ стремленіемъ мужчины имѣть себѣ жену — плѣнницу и рабу, снятіе съ послѣдней скалыпъ, отбрасываніе носа и т. п. дѣлалось негодною. Но всетаки побѣжденные женщины были врагами, и побѣдители какъ трофей обрѣзывали волосы тѣмъ изъ нихъ, которые предназначались въ жены. Если мужчина-плѣнникъ оставался въ живыхъ, съ него также срѣзывали волосы или брили голову. Этимъ объясняется обычай, по которому рабамъ запрещалось носить длинныя волосы; обычай извѣстенъ не только у американскихъ и австралийскихъ дикарей, грековъ и римлянъ, но онъ перешелъ еще и въ средніе вѣка ⁵⁾. Женщины очень многихъ австралийскихъ племенъ, какъ лица несвободныя, также носятъ короткіе волосы — признакъ ихъ рабскаго положенія ⁶⁾.

¹⁾ О свадебн. обр., стр. 152.

²⁾ *Edelstand du Mérid*, loc. cit., p. 16.

³⁾ Das Mutterrecht und Raubehe, p. 82.

⁴⁾ Терещенко, Бѣт. р. нар., II, 174.

⁵⁾ *Спенсеръ*, Обрядовыя учрежденія, перев. Лучицкаго, стр. 94—98.

⁶⁾ Карсевичъ, Гражданское обычное право Франціи, стр. 83.

⁷⁾ *Спенсеръ*, Обр. учр., 98.

Съ другой стороны, длинныя волосы всегда служатъ признакомъ свободного человѣка ¹⁾. У древнихъ славянъ также длинный плоскъ волосъ (чубъ) былъ признакомъ благороднаго происхожденія и свободы ²⁾.

Такимъ образомъ, подрѣженіе волосъ женщины служитъ признакомъ ея перехода въ подчиненное положеніе. Съ теченіемъ времени, когда женщина выдѣлилась изъ толпы рабовъ, когда она сама стала блюстителемъ домашнего очага, ее перестали лишать ея природнаго украшенія смѣшивавшаго ее съ настоящими рабами; въ обрядахъ же свадебныхъ остался одинъ пережитокъ бытового факта въ видѣ подрѣзыванія косы, да въ видѣ пережитка въ способѣ ношенія волосъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемся съ распространеннымъ обычаемъ, что женщины замужнія носятъ свои волосы прикрытыми, или, по крайней мѣрѣ, не могутъ распускать ихъ, что дозволяется только дѣвушкамъ. Въ древней Индіи замужнія женщины носили волосы стянутыми подъ сѣткой, дѣвушки — распущенными ³⁾. Такъ же носили и древнія Римлянки ⁴⁾. По древне-армянскому обычаю женщины не могли носить распущенныхъ волосъ; переносное значеніе для замужества было — „unter die Haube kommen“ ⁵⁾. Въ Эстоніи женщины носятъ чепцы или шляпки, дѣвушки распущенные волосы, или заплетенные въ двѣ косы ⁶⁾. Аналогичные обычаи извѣстны всѣмъ славянамъ ⁷⁾. У калмыковъ съ момента расплетенія дѣвичьей косы, женщина всю жизнь не должна показываться съ открытою головою ⁸⁾, — обычай, строго соблюдаемый на всемъ пространствѣ Россіи. У албанцевъ дѣвушки по своему головному убору отличаются отъ замужнихъ ⁹⁾ и т. д.

Распущенные волосы — признакъ дѣвчества и цѣломудрія. Чтобы овладѣть женщиной, нужно прикрыть ея волосы, растрепать ихъ или подрѣзать, какъ мы видѣли изъ предшествующихъ обычаевъ. Невѣста одного горнаго индусскаго племени поетъ своему возлюбленному: если ты не имѣешь денегъ (чтобы выкупить ее), то не пой „приди ко мнѣ: моя коса распущена, мой платокъ (головной) не связанъ“ ¹⁰⁾.

Въ одной сицилійской пѣсенкѣ — мать идетъ, по просьбѣ сына, къ возлюбленной его — col pettine mio, — съ гребнемъ, чтобы растрепать ея воло-

¹⁾ *Gitté*, La chevelure, Revue des traditions popul., t. III, p. 404.

²⁾ *Голубовскій*, Извѣстія Ибнъ Фолдана о Руссахъ, — отд. от. изъ Киев. Univ. Изв.

³⁾ *Weber*, loc. cit., p. 405.—406.

⁴⁾ *Rosbach*, loc. cit., 287.

⁵⁾ *Schröder*, loc. cit., 145.

⁶⁾ *Ibidem* 146—147.

⁷⁾ *Krauss*, loc. cit., 367.

⁸⁾ *Жимевскій*, loc. cit., 24.

⁹⁾ *Tegg*, loc. cit., 170.

¹⁰⁾ *Jellinghaus*, Zeitschr. f. Ethnol., B. III, p. 377

сы¹⁾. Во Франціи существуетъ повѣрье: чтобы заставить женщину полюбить себя, нужно достать ей волосъ²⁾. Потеря косы, поэтому,—потеря дѣвчести, цѣломудрія и свободы. У познанскихъ поляковъ, дѣвушка потерявшая невинность, идетъ къ старшей въ селѣ женщинѣ и проситъ послѣднюю обрѣзать ей косу³⁾. Тотъ же мотивъ извѣстенъ и пѣснямъ пинчуковъ⁴⁾. У южныхъ славянъ сохранился старинный обычай, теперь уже исчезающій: парень за отказъ въ рукѣ дѣвушки грозитъ обрѣзать ей волосы⁵⁾. Въ среднѣе вѣка выраженіе *in capillis esse* было синонимомъ *in virginitate esse*. Духовные соборы строго требовали, чтобы опороченная дѣвушка стригла себѣ волосы, а бургундскіе законы наказывали порочныхъ дѣвицъ остріженіемъ волосъ⁶⁾.

Такимъ образомъ, остріженіе волосъ женщины, переходящей во власть мужчины, съ теченіемъ времени получило еще и значеніе потери цѣломудрія. Замѣтимъ еще, что и встрѣчаемые обычаи посвященія волосъ божеству, по всей видимости, сходны съ обычаями постриженія волосъ невесты: какъ она лишается съ замужествомъ свободы, подчиняется мужу, такъ и посвящающій свои волосы богамъ выражаетъ этимъ свое подчиненіе и посвященіе божеству⁷⁾.

Если мы обратимся къ народной поэзіи, то увидимъ, что въ ней сохранилось то же сознаніе, что съ лишеніемъ косы дѣвушка лишается своей свободы, переходитъ во власть мужа, причемъ потеря косы—въ большинствѣ случаевъ насильственная: дѣвушка не даетъ „рвать“ косы, ее

¹⁾ *Pitrè loc. cit.*, 23.

²⁾ *Revue des tradit. popul.*, t. III, p. 405.

³⁾ *Kolberg*, *Lud*, Serya XI, ч. III, стр. 53.

⁴⁾ См. мою брошюру „Мотивы свадебныхъ пѣсень Пинчуковъ“. Гродна. 1893 г.

⁵⁾ *Krauss, loc. cit.*, 192—193.

⁶⁾ *Edelestand du Mirel. loc. cit.*, p. 13 и примѣч. 3, 4.

⁷⁾ Др. греки посвящали волосы Гиппократу или Аполлону, вообще солярнымъ божествамъ, см. *Maury*, *Histoire des religions de la Grèce antique*, Paris, 1875, II, 244. *Revue des traditions popul.*, III, 403. У буддистовъ, поступающихъ въ ученики къ ламамъ обрѣзаютъ свои волосы. Интересно, что у мексиканцевъ дѣвушки, посвящаемыя божеству, остригаютъ также волосы. *Westermarck*, *The Hist. of hum. Marriage*, p. 175, примѣч. 6. У калмыковъ духовенство брѣть голову, даже выбрѣты дѣти, предназначенные въ духовный санъ, *Словарь русск. словъ*, стр. 64. Быть можетъ, съ культомъ предковъ и съ культомъ домашняго очага имѣютъ общія острігать волосы въ знакъ траура по умершимъ, какъ у римлянъ, *Marquardt*, *Das Privatleben der Römer*. Th. I, Leipz. 1879, p. 346, въ обычаяхъ Новой Гвинее, *Zeitschr. für Ethnologie*, 1874, p. 184; сюда же относится обычай въ Нижней Бретани: дѣвушки отрѣзываютъ клочекъ волосъ у мертвыхъ и прячутъ, *Revue des tradit. popul.*, III, 47. Въ Богеміи молодая, входя въ первый разъ въ домъ мужа, бросаетъ на очагъ три свои волоса—жертва очагу, *Revue des trad. popul.*, III, p. 404.

пытаются защищать подружки, но женихъ либо насильно „рветъ“ косу, либо покупаетъ ее у брата или матери. Пѣсни эти чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Мы приведемъ нѣсколько относящихся сюда отрывковъ.

Въ пѣсняхъ отразились стремленія дѣвушки не давать, не позволять „косы рвать“ или „косы расплетать“:

— Не давайся, Кадирныка, Радабъ же я да не далася,
Русое касы расплетай. Де скѹбѹ на нѣбо мясо¹⁾.

Пѣсня совѣтуетъ невестѣ заранѣе остерегаться „застрыгалничкоу“:

Сдаряжыся, дѣвонька, Застрыже твою коску,
Застрыгалочка ѣдзя, Разолье твою слезку²⁾.

Яна цѣбе застрыгаѣ будзя.

Другая предупреждаетъ дѣвушку стеречь косу отъ самого жениха: „штыбы твоей Антѹнко не растрѹсѹ“³⁾. Женихъ—„погубицель“ дѣвушки; съ его прѣздомъ она распуститъ косу и разольетъ слезу⁴⁾. Дѣвушка боится предстоящаго расплетенія косы; она проситъ подружекъ:

Запляцця маю косу русю, Кабъ ни распляли
Замкннця маю косу русю, Маю русаю косаньку
Дзвяццѣ замками, И ня снiali бъ съ мене
Кабъ нн наѣхали татары, Мою дзвѣнцѹ красоту⁵⁾.

Но невеста ничего не могла подѣлать: двадцать два года она чесала свою косу, но „проиграла“ за одинъ вечерокъ:

Наѣхали купчики, дружки бояры,
Раздзьялили косочку да й на двѣ косы,
Обмотали косочку вѹкругъ головы,
Надѣли на косочку кичку съ обручомъ⁶⁾.

Съ понятіемъ о косѣ тѣсно соединяется понятіе о красотѣ и свободѣ дѣвичьей. Пѣсня напоминаетъ дѣвушкѣ, что она косу утратила:

Коса косою такъ будзець—
Половина красоты не будзець⁷⁾,

отвѣчаетъ она. Вся красота дѣвушки въ косѣ:

Чашице пляцце Юличкину коску!
Ўся краса, ўся краса Юличкина—коска.

¹⁾ *Янчукъ*, По Мивекой губ., 51, № 18.

²⁾ *Шейнкъ*, *Матер.*, II, 246, № 22.

³⁾ *Ibidem*, 233, № 11.

⁴⁾ *Ibidem*, 407, № 7.

⁵⁾ Вѣстинъ И. Русск. Геогр. Общ., 1857, ч. IX, стр. 39.

⁶⁾ *Романовъ*, Вѣлорусскій сборникъ, I, 346, № 42.

⁷⁾ *Ibidem*, 349, № 53.

Ее заплетают шелком¹⁾. Съ потерей косы, дѣвушка теряетъ и красоту, и нѣгу-ласку домашнихъ, и свободу:

А плачь, Тацянка, нямножко тебѣ плавань,—
Толки ўсѣга три вечары:
Первый вечарокъ—по косѣ,
Другіи вечарокъ—по красѣ,
Третій вечарокъ—по нѣзи:
Зыгѣживала мяне матушка,
Якъ вшпаньку ў саду, якъ пчичлачку ў мяду²⁾.

Чтобъ выразить свою печаль, дѣвушка распускаетъ косу „по ковальному поясу“³⁾. Коса дѣвицы—черный шелкъ, говоритъ пѣсня, слезы дѣвицы—крупный жемчугъ⁴⁾. Дѣвушка съ величайшею нѣжностью относится къ своей косѣ:

Куквала зязюля по росѣ,	Русую косыньку чесала,
Плакала дѣвыньки по косѣ:	Бѣлая личико ўмывала.
А косица моя русая!	Чесала косыньку гребенцомъ,
Погуляння моѣ ранно!	Кинула гребенецъ подъ вѣнецъ,
Ня одно раняйко гуляла,	Русую косыньку подъ чанецъ ⁵⁾ .

Что будетъ съ косой послѣ свадьбы, будетъ ли она такая у мужа, какою у отца была:

Коса моя, коса русая,
Ци будзешь такова
Какъ у бацьки была?—

спрашиваетъ дѣвушка у косы и отвѣчаетъ: нѣтъ не будешь у молодого такая, какъ у батьки⁶⁾.

Плачь о косѣ—любимый пѣсенный мотивъ. Дѣвушка не такъ жалѣетъ о матери, какъ о своей косѣ:

Ни жалѣць своей матуньки,	Русую косаньку чисала,
Да жалѣць своей косыньки.	Учосы мое гладкіе,
Косынька моя русая!	Уплѣты мое густыя ⁷⁾ .
Ня одно раняйко супрала,	

„Ты распачкайся, Грушачка, ни по тѣцу, ни по матери—по своей русской косынькѣ, по своей дѣвичьей красонькѣ“,—обращается къ невѣстѣ

пѣсня¹⁾. Ей не жаль разлуки съ отцомъ, съ матерью, ей не жаль „ни подворья его—только жаль русской косы“²⁾.

Невѣста жалѣетъ косы потому, что ей уже не придется ее „плести“: „зѣ вечера косочку плела, шовковыми вилеточки уплетывала“, но пріѣхали „сваточки ни жалосливые“, сторговали косу, „стали мою русую растрепывать“³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, коса была утѣхой дѣвицы:

Куквала зязюлячка на страсть,	Я дворъ пирайду чешучы,
Да плакала дѣвочка по косѣ:	Ў сѣни ўвйду плетучы,
„Да косица жѣ моя русая—	Ў хату ўвйду—запачу,
Отдыха моя частая;	Што русыя косочки ни бачу“ ⁴⁾ .

Такъ убивается невѣста по своей косѣ, убивается потому, что съ подрѣзываніемъ и расплетаніемъ дѣвичьей косы соединяется отдаленная традиція о быломъ значеніи этого факта.

Перейдемъ теперь къ другой части посада невѣсты—сажанію ея на овчинномъ, вывернутомъ шерстью вверхъ, тулупѣ. Тулупъ разстилается или на дежѣ или на услонѣ (скамейкѣ); то и другое помѣщается около стола.

Наиболѣе интересныя и полныя аналогіи нашему посаду невѣсты мы встрѣчаемъ у древнихъ индусовъ и римлянъ, особенно у первыхъ. Древнеиндусскіе памятники оставили нами, повидимому, нѣсколько вариантовъ одного и того же обряда, весьма близкихъ между собою; отличія въ подробностяхъ, быть можетъ, происходили потому, что въ однихъ мѣстностяхъ обрядъ исполнялся нѣсколько иначе, чѣмъ въ другихъ. По памятникамъ, изслѣдованнымъ Гаасомъ, обрядъ имѣлъ слѣдующій видъ. Около очага разстилалась бычачья шкура красного цвѣта. Одинъ изъ сильныхъ мужчинъ вносилъ на нее невѣсту; она садится, причѣмъ женихъ выражаетъ ей пожеланія о богатствѣ. Онъ, во время произнесенія различныхъ мѣстъ гимновъ, намазываетъ глаза невѣсты жертвеннымъ жиромъ и дотрогивается до волосъ ея. Послѣ этого друзья и присутствующіе желаютъ ей счастья⁵⁾. Этотъ обрядъ совершается въ домѣ родителей невѣсты, хотя въ тѣхъ же памятникахъ онъ, повидимому, повторяется и въ домѣ жениха. Но пріѣздъ туда новобрачной⁶⁾. Интересно отмѣтить, что въ приведенной версіи обряда сидѣнія невѣсты соединены съ обрядомъ аналогичнымъ растрепыванію или подстриженію косы ея: женихъ дотрогивается до волосъ невѣсты.

1) Ibidem, 463, № 126.

2) Ibidem, 365, № 112.

3) Янчукъ, loc. cit., 57, № 35.

4) Шейнъ, Мат., II, 405; ср. Романовъ, loc. cit., 367, № 121.

5) Шейнъ, Бѣлорус. пѣсни, 334, № 624.

6) Шейнъ, Матер., II, 420, № 1.

7) Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, 327, № 580.

1) Романовъ, loc. cit., 344, № 32.

2) Радченко, Гомельскія пѣсни, 70, № 9.

3) Шейнъ, Мат., II, 349, № 1.

4) Шейнъ, Мат., II, 310, № 10.

5) Weber, Indische Studien, V, 324.

6) Ibidem, 75.

Довнаръ-Запольскій.

Судя по сутрамъ Анистамбы, недавно изслѣдованной г. Винтерницомъ, тотъ же обрядъ принимаетъ слѣдующую версію. Онъ происходитъ только въ домѣ новобрачнаго, когда къ нему прибываетъ невеста. Молодой сначала входитъ самъ въ домъ, посрединѣ разстилаетъ красную бычачью шкуру, шерстью вверхъ; она разстилается у жертвенника. Женихъ приноситъ и возжигаетъ огонь, сажаетъ самъ, взявъ за правую руку, молодую вѣсть съ собою на эту шкуру; тогда начиналось жертвоприношеніе ¹⁾. Дополнимъ, что по тексту Баудайяны, когда молодые садятся на шкуру, ихъ обсыпаетъ стеблями зеленого ячменя ²⁾. По Manavagrihyasutra это сажаніе бываетъ сейчасъ послѣ церемоніи семи шаговъ, т. е. въ домѣ отца невесты; сверхъ шкуры посыпается трава darbha,—мишечская трава, часто упоминаемая въ индусской поэзіи ³⁾, или же молодые садятся просто на этой травѣ.

Кромѣ своей близости къ блѣдускому посаду, индусскій обрядъ важенъ еще и тѣмъ, что сопровождающія его изреченія поясняютъ намъ смыслъ самаго обряда. Весь обрядъ носитъ характеръ строго религіозный, причемъ основа его—культъ домашнего очага; вся церемонія происходитъ около очага, сопровождаемая возжеженіемъ на немъ огня. Изреченія поясняютъ намъ, чего именно просилъ у боговъ индусъ при этомъ обрядѣ и къ какимъ преимущественно богамъ обращался онъ. Главнымъ образомъ женихъ обращается къ Агни, устроителю и покровителю домашнего очага; онъ проситъ его о дарованіи новой семьи многочисленнаго потомства и всякаго богатства: лошадей, быковъ и пр. «Къ загону пришла госпожа, говорить изреченіе, съ быками и лошадьми,—госпожа, которой супругъ долготѣнъ, которая черезъ потомство достигнетъ неба: сто зимъ пусть она служитъ у этого Агни здѣсь, производя многочисленное потомство и богатое прекрасными драгоценностями». Женихъ проситъ Агни, Прияти и Индру дать ему дѣтей, сохранить ихъ и не дать имъ умереть, пока будутъ жить сами родители ⁴⁾. Садясь на шкуру, женихъ произноситъ: „Hier sollt ihr, Kühe euch fortpflanzen, ihr ihr Pferde, hier ihr Menschen (очевидно приведенные невестою), und hier auch soll sich Reichthumherung mit tausend Gaben niederlassen“ ⁵⁾. Какъ изъ этого изреченія, такъ и изъ другихъ, съ особенною опредѣленностью выступаетъ значеніе шкуры животнаго, на которой сидятъ молодые. Разстели шкуру, женихъ произноситъ: „Als Schutz und Schirm bring es herbei, um es für diese Frau auszubreiten, o Sinivali, gebären soll diese hier, sie stehe in Bhagas Huld“ ⁶⁾.

¹⁾ *Winternitz*, Das altindische Hochzeitsrituell, Wien, 1893, p. 23.

²⁾ *De Gubernatis*, La Mythologie des plantes, II, p. 182—185.

³⁾ *Winternitz*, loc. cit., 64.

⁴⁾ *Winternitz*, loc. cit., 73.

⁵⁾ *Ibidem*, 74; полагаемъ достигнуть болѣе точной передачи отрывка, оставляя его въ нѣмецкомъ переводѣ.

⁶⁾ *Ibidem*, 71.

Къ моменту, когда садится молодая, приуроченъ слѣдующій текстъ гимна: „Войди на эту шкуру. Сядь здѣсь у огня. Богъ отдалитъ отъ тебя всѣхъ ракшей (злыхъ духовъ). Рождай здѣсь дѣтей этому супругу! И пусть сынъ твой будетъ исполнѣнъ благополученъ, какъ и этотъ (т. е. мужъ)“ ¹⁾. Одно правило Ашвалайяны говорить, что мужъ въ этотъ самый моментъ восклицаетъ: „Пусть владыка всѣхъ существъ дастъ намъ дѣтей!“ ²⁾. Приведемъ еще два стиха, не менѣе характерныхъ: „Сколько стеблей здѣсь положено и сколько воловъ шкуры (welches Fell) здѣсь разостлано,—на нихъ пусть войдетъ богатыя дѣтми дѣвушка, которая обрѣла супруга“ ³⁾; „Такъ разстели ты стебли на красную шкуру! Пусть, сидя на нихъ, она блюдетъ этотъ огонь (домашняго очага), богатыя дѣтми“ ⁴⁾.

Выступающее въ этихъ стихахъ значеніе разстилаемой въ обрядѣ шкуры животнаго получаетъ свое спеціальное значеніе для невесты: отъ соприсношенія, черезъ сидѣніе, съ волосами шкуры умерщвленнаго животнаго ожидается проявленіе наибольшей производительной силы женщины, она родитъ многочисленное потомство. Сюда относится и еще одинъ фактъ изъ одного сборника индусскихъ обычаевъ. Мужъ на третій мѣсяцъ беременности своей жены приноситъ въ домъ кислое молоко отъ тельной коровы, сажаетъ жену у жертвенника на шкуру коровы (вѣроятно убитой для жертвоприношенія), даетъ ей пить это молоко, всоросивъ въ него два боба и одно овсяное зерно. Мужъ спрашиваетъ при этомъ трижды: „что ты пьешь“? Жена трижды отвѣчаетъ: „мужское наслѣдіе“ ⁵⁾.

Вѣра въ то, что шкура животнаго способствуетъ плодородію женщинъ, бытовала не у однихъ индусовъ. У послѣднихъ въ обрядахъ употребляли шкуру коровы, у другихъ народовъ (грековъ, римлянъ, египтянъ и др.)—овны или козла. Обобщая это всеобщее убѣжденіе среди арійскихъ народовъ, Губернатисъ говоритъ: „женщина должна лишь сѣсть на нее, чтобы сдѣлаться матерью“ ⁶⁾. Интересно въ этомъ отношеніи латинское преданіе, сохраненное Овидіемъ. Похищенные римлянами сабинянки были неплодны. Когда онъ и мужья ихъ молились о плодородіи въ роцѣ Юноны-Луцины, то услышавъ былъ голосъ, говорившій, что „священный козелъ долженъ вступить на спины матерей (italiadas matres sacer hircus inito)“. Одинъ изъ очевидцевъ зарѣзалъ козла, вырѣзалъ ремень изъ его шкуры и началъ бить женщинъ по спинамъ. Съ помощью Юноны онъ забеременѣлъ ⁷⁾.

¹⁾ *Weber*, Indische Studien, V, 208.

²⁾ *De Gubernatis*, Die Thiere in d. Indogermanisch. Mythologie, p. 34.

³⁾ *Weber*, loc. cit., 207.

⁴⁾ *Ibidem*, 208.

⁵⁾ *De Gubernatis*, Die Thiere in d. Indogermanisch. Mythologie, 35.

⁶⁾ *Ibidem*, p. 34.

⁷⁾ *Preller*, Römische Mythologie, 243.

Шкура животного, овцы или коровы, во многих случаях замѣняетъ ковромъ, войлокомъ, вообще всѣмъ тѣмъ, что „мохнато“, по меткому выраженію Потебни. Съ этой ступени, напр., понятенъ обычай, практиковавшійся у татаръ, что молодыхъ клали спать на войлокъ¹⁾. У чувашей, передъ самымъ отправленіемъ въ клѣть, съ головы невесты снимаютъ покрывало, кладутъ вмѣсто него войлокъ и льютъ сверху „похлебку молодой“, затѣмъ войлокъ снимается и ее ведутъ въ клѣть²⁾. И въ этихъ обрядахъ проглядываетъ тотъ же основной смыслъ—пожеланіе невестѣ плодородія черезъ символическое соприкосновеніе съ тѣмъ-либо „мохнатымъ“.

Обращаясь къ аналогичнымъ обрядамъ другихъ народовъ, мы прежде всего встрѣчаемся съ родственными обрядами у римлянъ: шкуру убитой при жертвоприношеніи овцы раскладывали на двухъ сидѣньяхъ у жертвенника; на нихъ сидѣли женихъ и невеста во время *confarreatio*³⁾. Что касается до того, что въ римскомъ и индусскомъ обрядѣ невеста и женихъ садятся на шкуру вмѣстѣ, то это обстоятельство не должно устранять ихъ отъ сравненія съ бѣлорусскимъ посадомъ: мы видѣли, что въ большинствѣ версій бѣлорусскаго посада невеста и женихъ сидятъ также рядомъ.

По всей видимости, у древнихъ евреевъ былъ также извѣстенъ обычай, сродный нашему посаду. Такъ, у нихъ существовала такая церемонія въ день свадьбы: женщины вводили невесту безъ покрывала и съ распущенными волосами въ особую комнату. Тамъ ее сажали на „почетное мѣсто“, особо устроенное, заплетали ей волосы, украшали ихъ лентами, надѣвали на невесту свадебное платье и покрывали покрываломъ⁴⁾. Хотя въ этомъ обрядѣ не упоминается сидѣнье на шкурѣ животного, но сажаніе невесты на особенное почетное мѣсто, съ присоединеніемъ такихъ особенностей, какъ заплетаніе косы и покрываніе покрываломъ, даетъ намъ право и этотъ обрядъ сравнивать съ посадомъ.

Среди новѣйшихъ народовъ мы прежде всего встрѣчаемъ переживанія данного обряда у французовъ и итальянцевъ. Въ Сициліи на заручинахъ невесту сажаютъ посреди комнаты на стулъ, покрытомъ ковромъ, и здѣсь мать расчесываетъ ей волосы⁵⁾. Во многихъ мѣстахъ Италіи невесту ставятъ на колѣни на порогѣ дома жениха, покрытомъ ковромъ или подушкой⁶⁾. Въ Сардиніи молодые послѣ вѣнчанія обѣдаютъ въ домѣ невесты и затѣмъ отправляются въ домъ жениха. Ихъ встрѣчаетъ мать послѣдняго съ хлѣбомъ. Невесту подводятъ къ столу, поставленному у входа

въ конюшню и покрытому богатымъ ковромъ: она должна стать на него, послѣ чего, сходить и цѣлуетъ руки родителей молодого¹⁾. Этотъ обрядъ согласуется съ тѣми изрѣченіями индусскихъ гимновъ, въ которыхъ высказывается мысль, что молодая несетъ въ домъ не только будущее потомство но и богатство въ лошадахъ, коровахъ и др.; невесту подводятъ къ конюшнѣ, и здѣсь она соприкасается съ „мохнатымъ“. На Корсикѣ, передъ брачнымъ пиромъ, женщины удаляютъ мужчинъ и дѣтей изъ комнаты; онѣ сажаютъ молодую на сосудъ, наполненный зерномъ; затѣмъ каждая изъ женщинъ отбираетъ горсть зерна и сыплетъ на голову молодой. Замѣчательна пѣсенка, которую поютъ при этомъ женщины:

Dio vi calmi d'ogni bene Dio vi accordi lungo età
Figli maschi in quantità, Poi vi accolga in Paradiso,
Senza duoli e senza pene, L'un dall' altro mai diviso²⁾.

Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе сажаніе на сосудъ съ зерномъ, что вполне сходно съ бѣлорусскою дежей или душономъ съ рожью; не менѣе интересны и пожеланія пѣсни о мужскомъ потомствѣ и долгой жизни.

Основные черты разсматриваемаго обряда мы встрѣчаемъ и у народовъ не арійскаго происхожденія. У астовъ по пріѣздѣ изъ церкви въ домъ невесты, отецъ жениха ссаживаетъ съ воза невесту на разостланный шерстью вверхъ тулупъ³⁾. У калмыковъ, во время смотрѣнія жениха (послѣ окончательнаго сватовства) молодежь собирается у невесты и танцуетъ, причемъ женихъ сидитъ на подушкѣ⁴⁾. Сидѣнье на подушкѣ жениха имѣетъ въ настоящемъ случаѣ то же религіозное значеніе, что и сидѣнье невесты или обоихъ молодыхъ. Сюда же относятся и обычай, существовавшій у казанскихъ татаръ, гдѣ невесту въ свадебный домъ несли на коврѣ. Но въ высшей степени интересна аналогія разсматриваемому обычаю мы встрѣчаемъ у одного несианскаго племени. Невесту приводятъ торжественно въ домъ жениха. Послѣдній вводитъ новобрачную въ особую комнату, оба садятся на разостланную посреди комнаты особую приготовленную циновку и возжигаютъ огонь. Жрецъ соединяетъ концы платья невесты съ концомъ платья жениха. Въ этомъ и состоитъ собственно брачная „церемонія“. Черезъ четыре дня эту циновку и простыни съ постели относятъ въ храмъ и передаютъ въ жертву идоломъ⁵⁾. Съ

¹⁾ *Ser. Gabriello*, Usi dei contadini della Sardegna. Archivio per lo studio delle tradiz. popolari, 1888, p. 473.

²⁾ *De Gubernatis*, La Mythologie des plantes, II, p. 167.

³⁾ *Schröder*, loc. cit., p. 89.

⁴⁾ *Хумевіа*, loc. cit., 21.

⁵⁾ Словарь русскихъ словъ, 32.

⁶⁾ *Tegg*, loc. cit. 127.

⁷⁾ *Ibidem*, 128.

¹⁾ Словарь русскихъ словъ, p. 36.

²⁾ „Этнографическое Обзоріе“, кн. V, стр. 165.

³⁾ *Rosslach*, loc. cit., p. 112—114; *Karlowa*, loc. cit., p. 18, 24.

⁴⁾ *Tegg*, loc. cit., 52—53.

⁵⁾ *Pitre*, Biblioteca etc., p. 33.

⁶⁾ *De Gubernatis*, Storia comparata degli usi nuziali, p. 146.

этим обрядом интересно сопоставить вариацию посада у древних индусов, у которых в начале свадебных церемоний (в дом невесты) молодые тоже садились на циновку¹⁾. Кроме того интерес мексиканского обычая заключается еще и в том, что в нем ясна религиозная цель обряда. Следовательно, обычай сажания молодых на шкуру, на ковер или на циновку (как у мексиканцев) уже у народов первобытных народов, т. е. на первых ступенях своего развития, иметь религиозную основу. Циновка здесь имеет то же значение, что и шкура животного: животное убивается в жертву богам, точно также и циновка на четвертый день относится к храму, как жертва. В параллель к этим обрядам мы еще можем привести обряд у австралийцев, описанный миссионером Джоном Вильямсом. Во время свадьбы владельца островов Самоа Ма-йелоа, названный миссионер наблюдал такую церемонию. Недалеко от дома жениха, под тенью дерева, сидела группа женщин, расставивших героиневы пшени. Против них сидела купленная невеста на подстилках из ветвей хлебного дерева; она была в праздничном платье, в венок из зелени и цветов²⁾. И в данном случае религиозная цель обычая очевидна. Шкуру жертвенного животного заменили здесь ветви хлебного дерева. Как от соприкосновения с мохнатой шкурой животного ожидается плодородие новобрачной, так точно ожидается оно и от соприкосновения с деревом, в котором первобытный человек видит высшее проявление растительной производительной силы природы.

Указав известные нам обычаи сидения невесты на шкуру животного, дополним еще указанием следов того же обряда у славян. У великорусов жениха и невесту сажали на мохнатый пух в дом невесты³⁾. У поляков невесту сажают на кашню⁴⁾, у болгар посаду извѣстень под названием бучи⁵⁾, у южных славян сажание невесты обычно бывает на ковре⁶⁾.

Изъ обзора различных переживаний обычая сажать на шкуру жертвенного животного невесту прежде всего явствует тот факт, что этот обряд—явление не случайное в области свадебного ритуала, что он имеет за собой широкое распространение. Это обстоятельство можно отметить в виду мифия, высказанного Россохом, склонным думать, что сидение молодых в римском обряде представляет собою не более, как обыч-

ное при всяком римском жертвоприношении действие¹⁾. Неосновательность подобного мифия была уже указана Карловой, который настаивает на том, что сидение брачующихся и принятие ими хлеба при confarreatio—специально свадебный обряд, и при том самый важный акт его²⁾. Edéstand du Ménil сравнивает обряд сидения на шкуру корою у индусов с застиланием шкурою брачного ложа у греков и римлян³⁾. Конечно, значение шкуры животного в том или другом случае, как символическое пожелание плодородия женщин,—одно и то же, но и это сопоставление не устраняет факта сидения, как отдельного свадебного обряда.

Г. Винтерниц не признает сидения обычаям индогерманским на том основании, что он будто бы встречается только у индусов и славян⁴⁾, но это мифие, с мифием надяться, достаточно опровергается приведенными аналогичными обрядами.

Г. Шредер совершенно неосновательно, по нашему мифию, сопоставляет обрядом сидения невесты на шкуру или ковер с подниманием и перенесением⁵⁾ (напр., перенесением с телеги в дом и т. п. фактами). Перенесение или поднимание невесты, совершаемое иногда и на ковре, не имеет ничего общего с обрядовым сидением на шкуру, жертвенного животного: этот обряд представляет собою вполне определенный пережиток похищения невесты. Употребляемый же при перенесении невесты ковер имеет лишь то общее с сидением на шкуру или ковер, что и в этом акте выражается пожелание, чтобы похищаемая женщина внесла в дом своего супруга богатство и потомство. Таким образом в данном случае бытовой факт, сдвинувшись символическим обрядом получил религиозную окраску, но сам по себе он не мог создать стройного религиозного обряда, составляющего центральную, важнейшую часть ритуала. Религиозный смысл сидения на шкуру жертвенного животного ясен: молодые садятся у домашнего очага, на котором приносится жертва за их благополучие в будущей совместной жизни; предъ лицом домашних богов основывается новая семья, которая ищет их покровительства. Кроме того, молодая женщина должна быть посвящена в службу новому культу, что выражается еще другими обрядами, о которых рѣчь впереди.

Но в обычаях сидения мы встречаем двойную форму обряда: то сажать одну невесту, то и жениха и невесту вместе; болгарский посаду знает ту и другую форму. Какую форму посады признавать за первоисточ-

¹⁾ *Winternitz, loc. cit.*, p. 21, № 9, ср. p. 50.

²⁾ *Tegg, loc. cit.*, 160.

³⁾ *Словарь русских словесностей*, М. 1782, p. 5

⁴⁾ *Kolberg, Mazowsze*, 218, 221.

⁵⁾ *Сумцов*, О свадебн. обрядах.

⁶⁾ *Krauss, loc. cit.*, 398—9, 428, 448

¹⁾ *Unters. über d. Röm. Ehe*, 143.

²⁾ *Die Formen d. Röm. Ehe*, 10.

³⁾ *Des formes du mariage et des usages populaires*, p. 67—68.

⁴⁾ *Winternitz, loc. cit.*, p. 4.

⁵⁾ *Die Hochzeitsbräuche der Esten etc.*, Berlin, 1888, p. 91.

никъ обряда,—это другой вопросъ. Разсмотрѣнные факты посада даютъ полное показаніе, что въ болѣе сложныхъ обрядахъ садятся оба молодые (въ индусскомъ, римскомъ), въ менѣе сложныхъ, повидимому болѣе первобытныхъ (напр. мексиканскій), сажаютъ одну невѣсту. Съ другой стороны, изреченія священнѣхъ гимновъ въ индусскомъ посадѣ почти относятся къ невѣстѣ: она вноситъ въ домъ потомство и благополучіе, она приобщается къ домашнему Агни: женщину, какъ существо менѣе чистое, стараются очистить жертвоприношеніемъ богамъ, приобщеніемъ къ культу; отъ благосклонности боговъ именно къ ней ожидается потомство и благополучіе будущей семьи. Мужчина самъ по себѣ не требуетъ очищеній, онъ уже служитель алтаря, признанный таковымъ болѣе раннимъ обрядомъ—актомъ признанія его зрѣлости, возмужалости. Все это застарялыя предположенія, что первоначальная религиозная церемонія посада—сидѣніе одной невѣсты на шкурѣ животного. Сидѣніе рядомъ съ ней и жениха можетъ быть отнесено отчасти къ свадебному параллелизму, отчасти къ тому, что женихъ, какъ жрецъ, участвуетъ въ жертвоприношеніи и молитвѣ богамъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію слѣдующаго акта посада—къ покрыванію головы невѣсты. Этотъ обрядъ встрѣчается въ Бѣлоруссіи далеко не повсемѣстно. Встрѣчаемое же покрываніе головы невѣсты при надѣваніи на нее женскаго головнаго убора принадлежать къ сферѣ обрядовъ, имѣющихъ другое происхожденіе и цѣль; о нихъ мы будемъ говорить вполнѣ въ слѣдствіи. Хотя покрываніе головы невѣсты—обычай, сравнительно рѣдко практикуемый въ бѣлорусскомъ посадѣ, тѣмъ не менѣе онъ заслуживаетъ самаго подробнаго изслѣдованія въ виду распространенности сродныхъ обычаевъ у другихъ народовъ. Если покрываніе головы невѣсты рѣдко встрѣчается при ея посадѣ, то употребленіе свадебнаго покрывала вообще имѣетъ гораздо болѣе широкое распространеніе. Такъ, въ Витебской губ. невѣста во время голошенія ходитъ въ шубѣ и покрыта сверху нея платкомъ¹⁾. Въ той же губерніи головная принадлежность подѣвочнаго наряда невѣсты—большой ситцевый платокъ, распущенный отъ головы до плечъ; верхній конецъ платка, покрывая голову и лицо, завязывается на шеѣ такъ, что невѣста ничего не можетъ видѣть²⁾. Въ другихъ мѣстахъ голова и плечи невѣсты покрываются платками³⁾. Мало того, въ одномъ извѣстнѣмъ встрѣчаемъ указаніе и на основной цвѣтъ этого покрывала. Въ той же губерніи существовалъ до недавняго времени обычай, по которому засватанная невѣста ходила съ распущенными волосами и въ вѣнокъ; вѣнокъ дѣлался изъ

краснаго кумача, вышиною въ $\frac{1}{4}$ аршина, и внизу обшивался полотномъ; онъ надѣвался совѣсть на глаза, и поверхъ вѣнка повязывался красный шелковый платокъ⁴⁾.

Такое употребленіе въ бѣлорусскихъ обрядахъ покрывала невѣсты вводитъ насъ въ сферу обрядовъ, сродныхъ покрыванію головы римской невѣсты flammem. У римлянъ этимъ flammem покрывалась голова невѣсты при confarreatio, во время сидѣнія на шкурѣ⁵⁾. У грековъ невѣста сидѣла среди женщинъ на свадебномъ ширѣ подъ покрываломъ⁶⁾. Кромѣ фактовъ, приведенныхъ по сроднымъ обычаямъ у г. Шредера⁴⁾, добавимъ еще слѣдующіе. По описанію путешественника конца прошлаго вѣка Fga Paolino, у индусовъ покрываніе невѣсты имѣетъ очень важное значеніе. Покрывало называется pidambaga; это кусокъ шелковой матеріи золотистаго цвѣта, который свѣшивается съ головы до середины тѣла, образуя нѣчто въ родѣ плаща, и ниспадаетъ до ногъ; это pidambaga индусы считаютъ священнымъ, надѣваютъ его на невѣсту послѣ омовенія ея и намазыванія груди, колыма и плечъ и описыванія⁷⁾. У латышей, когда ѣдутъ отъ вѣнца, невѣста и дружки покрываются платками или холстомъ⁸⁾. У новогорковъ въ Эширѣ невѣста ѣдетъ въ церковь подъ покрываломъ, которое снимается только передъ очагомъ дома жениха какимъ-либо мальчикомъ, уже послѣ вѣнчанія⁹⁾. Среди народовъ неарійскихъ интересно указать на употребленіе покрывала у лопарей⁸⁾. У морды невѣсту везутъ въ церковь подъ бѣлымъ покрываломъ¹⁰⁾. Краснымъ платкомъ голову ея покрываютъ и въ настоящее время¹¹⁾. Обычай морды особенно интересенъ тѣмъ, что они съ достаточной ясностью указываютъ на религиозное значеніе покрывала. Когда женщины покрываютъ невѣсту краснымъ платкомъ, что дѣлается за занавѣской, ее выводятъ, сажаютъ со свакхами и спрашиваютъ *ведьня-языръ-ов*, т. е. моленіе рожаницы, которую просятъ благословить

1) *Мейнъ*, Матеріалы, ч. II, стр. 2.

2) *Rosbach*, *Ueters*, über. d. Röm. Ehe, p. 280; cp. C. Boettiger, *Die Aldobrandinische Hochzeit. Eine Archeologische Ausdeutung*, Dresden, 1810, p. 31—33.

3) *Die Griechischen Privatalterthümer*, von *Th. Müller*—въ *Handbuch der Klassischen Altertums-Wissenschaft*, B. IV, часть I *Nördlingen*, 1887, p. 447 d.

4) *Schröder*, *loc. cit.*, 72 и слѣд.

5) *Winternitz*, *loc. cit.*, 47.

6) *Вольтеръ*, Матеріалы для этногр. Лат. пл., 199.

7) „*Mélieuse*“, т. IV. *Mœurs et coutumes de l'Épire* par *Ag. G. Contis*, p. 124.

8) *Харузинъ*, Русскіе Лопари, p. 986.

9) *Майновъ*, Очеркъ юридическаго быта Морды, p. 73.

10) *Словарь русскихъ суевѣрій*, 14.

11) *Майновъ*, *loc. cit.*, 83.

1) Вѣстникъ И. Русскаго Географическаго Общества, 1853 г., ч. IX, p. 27.

2) Витебская губернія, историко-географическій и статистическій обзоръ, вып. I, подъ редакціей Витебскаго губернатора кн. Долгорукова, Витебскъ, 1890 г., стр. 262.

3) Вѣстникъ И. Русскаго Геогр. Общ., 1857, IX ч., стр. 42.

будущую женщину, облегчить ей роды послать ей больше дѣтей ¹⁾. Въ прошломъ вѣѣ, по разсказу Лепехина, мордовскую невѣсту одѣвали въ въ красное кумачное платье, красную рубаху и красные сапоги; голову покрывали красною фатою, и пригомы такъ, чтобы лица не было видно. Передъ нею ставили скамейку, на которой находился коронный хлѣбъ, ведро пива и солонка съ солью. Сидя такъ, невѣста оплакивала своихъ родителей ²⁾. Хлѣбъ, пиво и соль составляли, повидимому, жертвоприношеніе богамъ; цѣль жертвоприношенія ясна изъ предыдущаго обряда, связаннаго съ почитаніемъ рожаницы; невѣста проситъ объ облегченіи родовъ и о дарованіи ей потомства. Та же цѣль явствуетъ и изъ одного изъ послѣдующихъ обрядовъ, исполнявшагося, по разсказу того же Лепехина, уже въ домъ жениха. Когда невѣсту привозили къ нему, братъ его бралъ ее за руку, вводилъ въ избу и сажалъ за столъ. Подлѣ невѣсты садился женихъ. Отецъ жениха бралъ за одинъ конецъ длинный, аршина въ полтора, пирогъ, ставившійся передъ невѣстой, и поднималъ другимъ концомъ пирога покрывало съ ея головы, со словами: «вотъ тебѣ сѣсть, будь счастлива къ хлѣбу, животу и размноженію семьи» ³⁾.

Къ указаннымъ фактамъ употребленія покрывала прибавимъ еще нѣсколько. У калмыковъ невѣста три первые дня послѣ брака ходить подъ покрываломъ ⁴⁾. У современныхъ египтянъ невѣста идетъ въ баню подъ багдахиномъ изъ розовой или желтой матеріи ⁵⁾; багдахинъ здѣсь, быть можетъ, замѣняетъ покрывало. У абиссинцевъ невѣста идетъ къ жениху подъ чернымъ покрываломъ ⁶⁾. У коптовъ во время обрученія, по разсказу миссіонера Whately, невѣста сидитъ по срединѣ комнаты, окруженная друзьями и сосѣдями; голова ея покрыта красною шалью, сама она украшена цѣпями, золотыми монетами и ожерельемъ ⁷⁾. У нихъ же священникъ, по совершеніи церковнаго обряда, покрываетъ головы обоимъ молодымъ платкомъ и благословляетъ ихъ ⁸⁾. У древнихъ вавилонянъ невѣсту веди въ домъ жениха, покрытую густымъ покрываломъ съ головы до ногъ ⁹⁾. У армянъ употребляется для покрыванія головы невѣсты сѣтка или вуаль

1) Ibidem, 83.

2) Ibidem, 44.

3) Ibidem, 43.

4) Житенский, Астраханскіе калмыки, М. 1893, р. 24.

5) Tegg, Marriage ceremonies of all nations, р. 83.

6) Ibidem, р. 173.

7) Ibidem, р. 94.

8) Ibidem, р. 93.

9) Ibidem, р. 77.

ярко красного цвѣта ¹⁾. Покрывало на свадьбѣ употребляется также у японцевъ ²⁾, у чужашей ³⁾ и пр. У болгаръ оно красного цвѣта ⁴⁾.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что покрывало невѣсты типа Пампеша имѣетъ религіозное значеніе. Но чтобы опредѣлить характеръ его, цѣль употребленія, слѣдуетъ обратить вниманіе на цвѣтъ его. Мы видѣли, что у многихъ народовъ цвѣтъ покрывала—красный. Это обстоятельство заставляетъ обратить вниманіе на общее значеніе въ свадебныхъ обрядахъ красного цвѣта.

Въ бѣлорусскихъ обрядахъ красный цвѣтъ на свадьбахъ имѣетъ довольно широкое примѣненіе. Невѣста и ея дружки украшаютъ голову и шею красными лентами. Къ шапкамъ жениха и его дружки пришиваютъ красныя ленты, шейныя платки у нихъ также красныя и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляютъ ручники красного цвѣта ⁵⁾. Въ другихъ женихъ, отправляясь къ невѣстѣ, надѣваетъ баранью шапку съ багровымъ изъ красной ленты, на шею повязываетъ платокъ, также перевитый красной лентой ⁶⁾, или же женихъ имѣетъ на шапкѣ красную кокарду и красную ленту пришиваются къ шейному платку ⁷⁾. Невѣста даритъ дружкамъ красныя платки ⁸⁾. Невѣстѣнъ въ Москвитинѣ губерніи дѣлаютъ изъ красной матеріи ⁹⁾. Повсемѣстно бытуетъ обычай пить красную водку на утро послѣ брачной ночи, если невѣста сохранила свое цѣломудріе ¹⁰⁾ и т. п. Въ прежнее время женихъ отправлялся къ невѣстѣ въ красной шапкѣ, на груди налѣплялъ красныя платки и полотенца ¹¹⁾.

Употребленіе красного цвѣта въ бѣлорусскихъ свадебныхъ обрядахъ еродно съ обычаями другихъ славянъ. У моравянъ красный цвѣтъ въ одеждѣ молодыхъ играетъ крупную роль. Молодой шею повязываетъ краснымъ платкомъ, молодой одѣваетъ красныя чулки; употребительны красныя каймы на жунахахъ и пр. ¹²⁾. Даже упряжь лошадей оканчивается краснымъ сукномъ, въ гривы лошадей влетаютъ красныя ленты ¹³⁾. И у чеховъ

1) Ibidem, р. 98.

2) Archivio per lo studio delle tradizioni popolari. 1889, р. 513.

3) Сѣверъ, Чужаши, стр. 35.

4) Krauss, Sitte und Brauch, р. 441, 450.

5) Weiss, Mat. II, 263.

6) Ibidem, р. 81.

7) Носовичъ, Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этногр., т. V, стр. 142.

8) Ibidem, р. 139.

9) Дембовецкій, Опытъ описанія Могилевской губ., I, 686.

10) Weiss, Mat., II, р. 317. 338, 250 и др.

11) Ст. Барцескаго, Журн. Мин. Нар. Просв., 1846, т. LI, р. 64.

12) Bartoš, Moravská svatba, р. 19.

13) Ibidem, 21.

вообще красный¹⁾ цвѣтъ въ уборѣ невесты весьма употребителен, дружки же одѣваютъ пояса красного цвѣта²⁾. Молороссы вообще выказываютъ пристрастіе къ красному цвѣту; у нихъ извѣстенъ красный коровай, красныя ленты въ нарядѣ невесты³⁾.

Обращаясь къ дальнѣйшимъ параллелямъ, мы прежде всего напомнимъ объ употребленіи въ индусскомъ посадѣ красной бычачьей шкуры. У древнихъ грековъ и римлянъ обычный цвѣтъ брачнаго убора невесты былъ желтый, шафрановый⁴⁾, который имѣетъ то же значеніе, что и цвѣтъ красный. Затѣмъ, мы встрѣчаемъ широкое употребленіе красного цвѣта въ германской свадьбѣ. Въ Тиролѣ невеста украшается красными и зелеными ленточками⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи невеста имѣетъ на головѣ красную шелковую ленту, въ другихъ красный или черныя платокъ⁶⁾. Рохгольдъ даетъ очень подробный подборъ обрядовъ, связанныхъ съ употребленіемъ красного цвѣта. Мы приведемъ изъ его работъ нѣсколько указаній, имѣющихъ ближайшую связь съ нашей задачей. Въ германской свадьбѣ красный цвѣтъ самый употребительный. Впереди брачнаго поѣзда ѣдетъ всадникъ въ красномъ и съ краснымъ знаменемъ. У фризцевъ красный поясъ и чепчикъ были признакомъ замужней женщины; невеста, идя въ церковь, надѣвала красныя башмаки. Во Франкфуртѣ невеста идетъ въ церковь вся въ красномъ, на женихѣ красныя штаны. Въ Страсбургѣ дружки одѣваются въ красное⁷⁾. Обычно также украшеніе телѣги и лошадей брачнаго поѣзда красными лентами и т. п.⁸⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ во время брачнаго шествія одинъ изъ гостей несетъ красный платокъ—подарокъ невестѣ⁹⁾ и пр.

У латышей, въ прежнее время, вѣнокъ невесты былъ красный¹⁰⁾. У калмыковъ, когда невеста подѣбываетъ къ кибиткѣ жениха, двое изъ молодежи берутъ занавѣску отъ полога, обычно красного или синяго цвѣта, и везутъ передъ невестой¹¹⁾. У алтайскихъ инородцевъ брачною жертвою служитъ лошадь, украшенная красными лентами¹²⁾. У эстовъ голову не-

сты покрываютъ красными лентами¹⁾. У саларовъ женихъ и невеста обвязываются красною матеріею, опоясываются краснымъ поясомъ²⁾. Венгерская невеста надѣваетъ башмаки красного цвѣта³⁾. Общерапространенность употребленія красныхъ цвѣтовъ въ свадебныхъ обрядахъ имѣетъ особенно важное значеніе въ связи съ краснымъ цвѣтомъ свадебнаго покрывала невесты.

Мнѣнія ученыхъ относительно обрядоваго значенія покрыванія головы невесты различны. Исслѣдователь римской свадьбы Россбахъ высказалъ предположеніе, что римское flammeum не болѣе, какъ обыкновенный платокъ красного цвѣта⁴⁾. Flammeum, по его мнѣнію, національное покрывало римскихъ женщинъ болѣе ранняго времени. Огненный цвѣтъ его—символъ домашнего огня; само покрываніе головы невесты во время брачной церемоніи—не болѣе какъ обычный актъ при жертвоприношеніяхъ⁵⁾. Национальность римскаго flammeum и самого обряда изъ достаточной мѣрѣ опровергается фактами: покрываніе головы невесты и самый красный цвѣтъ покрывала далеко выходятъ за предѣлы римскаго ритуала. Предшественникъ Россбаха по изслѣдованію римской свадьбы, Беттигеръ, обращаетъ вниманіе на связь римскаго flammeum съ древними изображеніями Юноны, покровительницы браковъ: ее изображали подъ покрываломъ, спускавшимся съ головы до ногъ. Онъ приводитъ также и фрагментъ Валеріана, который, говоря о храмѣ Юноны въ Самосѣ, описываетъ статую богини: et simulacrum in habitu nubentis figuratum et sacra ejus anniversaria ritu celebrantur. По мнѣнію Беттигера, покрывало римской невесты, подобно покрывалу Юноны, прикрывало все тѣло ея, ниспаядая съ головы до ногъ⁶⁾. Такимъ образомъ, римское flammeum имѣло не бытовое значеніе обычнаго женскаго наряда, прикрѣпленнаго потомъ къ свадебному ритуалу, а представляетъ собою самостоятельный религіозный актъ, связанный съ почитаніемъ покровительницы браковъ Юноны и съ празднествомъ брака Геры и Зевса на Самосѣ.

Изъ послѣдующихъ ученыхъ проф. Н. Θ. Сумцовъ давалъ разбираемому акту зоологическое объясненіе, сравнивая покрываніе невесты съ весеннимъ облачнымъ покровомъ⁷⁾. Де-Губернатисъ высказываетъ два предположенія: покрывало могло быть символомъ или брачной связи, или дѣвичьей невинности, и болѣе склоненъ къ послѣднему предположенію⁸⁾. Слѣ-

1) Bartos, Lid a národ na Zlinisku, I, Mežirč, 1892, p. 93—94.

2) Ibidem, p. 95.

3) Ст. Сумцова, «Этнограф. Обзор», 1889 г., кн. III, p. 129—130.

4) С. Boettiger, Die Aldobrandinische Hochzeit. Dresden. 1810, 128—129.

5) Zingerle, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Tirol, Innsbruck, 1859, p. 487.

6) Wuttke, Der Deutsche Aberglaube der Gegenwart, Berl., 1869, p. 348.

7) Rochholz, Deutscher Glaube und Brauch, Berl., 1867, II, p. 242.

8) Ibidem, 343.

9) Ibidem, 244.

10) Вольтеръ, loc. cit., p. 211.

11) Житницкій, loc. cit., 22.

12) Вербицкій, Алтайскіе инородцы, М. 1893, стр. 43.

1) «Живая Старина», т. I, стр. 26.

2) «Этнографическое Обозрѣніе», XVI, 18.

3) Tegg, loc. cit., p. 111.

4) Untersuch. über d. Röm. Ehe, p. 280.

5) Ibidem. 284, ep. 143.

6) С. Boettiger, die Aldobrandinische Hochzeit, p. 126.

7) О свадебныхъ обрядахъ, p. 161.

8) Storia comparata degli usi nuziali, 143—144.

дуетъ еще отбѣтить два мнѣнія историко-бытового характера. Покойный проф. Потебня сравниваетъ покрываніе невісты съ скрываніемъ женщины волосы ея и съ постриженіемъ ихъ ¹⁾. Слѣдовательно, въ этомъ обрядѣ онъ видитъ одно изъ переживаній умычки. Въ томъ же смыслѣ высказывается и проф. Ковалевскій: по его мнѣнію этотъ обрядъ означаетъ переходъ женщины во власть мужа ²⁾. Последніе два объясненія имѣютъ за собой извѣстное число фактовъ. Но факты эти относятся къ другому моменту свадебнаго ритуала и не имѣютъ ничего общаго съ обрядомъ типа римскаго *flammeum*. Дѣло въ томъ, что въ славянской свадьбѣ бываеъ еще разъ покрываніе головы невісты, сопровождаемое обычно продажей косы ея и заканчиваемое одѣваніемъ женскаго головного убора; этотъ обрядъ совершается всегда въ концѣ свадебнаго пѣра, передъ отъѣздомъ невісты къ жениху или передъ уходомъ молодыхъ на брачное ложе; иногда онъ переносится на утро послѣ брачной ночи. Этотъ обрядъ имѣетъ извѣстное число аналогій и въ обычаяхъ другихъ народовъ. Онъ также сближается съ посадомъ, такъ что иногда и у белорусцевъ онъ называется посадомъ, хотя и существуетъ посадь въ собственномъ смыслѣ ³⁾. Этими обычаями мы занимаемся вполнѣ. Здѣсь же отмѣчаемъ лишь разницу, существующую въ обоихъ обрядахъ. Обрядъ одѣванія женскаго головного убора, предвѣщаемый покрываніемъ наметкомъ головы невісты, сопровождаемый продажей ея косы и заканчиваемый выдачею молодой жениху, — дѣйствительно носитъ всѣ признаки переживаній купли продажи невісты; онъ является какъ бы продолженіемъ и окончаніемъ расчесыванія или растрепыванія косы невісты. Къ этому же покрыванію относятся нѣкоторое число фактовъ изъ жизни народовъ, практикующихъ символическое похищеніе, именно, увозъ невісты, голова которой окутана покрываломъ.

Вопросъ другой — находится ли оба обычая въ генетической связи, или же они возникли самостоятельно. Покрываніе головы невісты во время одѣванія женскаго головного убора, какъ актъ бытовой, носящій въ себѣ всѣ признаки переживаній умычки, могъ появиться ранѣе и послужить прототипомъ покрывала невісты съ религиозною цѣлью, изъ бытового факта могъ превратиться въ религиозный обрядъ. Быть можетъ, одинъ лопарскій обрядъ, извѣстный подъ названіемъ „ловли утокки“, носитъ рядомъ съ чертами чисто бытовыми и религиозный отбѣнокъ. „Ловли утокки“ у лопарей состоитъ въ слѣдующемъ. Пріѣзжаютъ въ домъ невісты сваты съ женихомъ и дружиной и выкупаютъ „утокку“; у но „утокки“ есть „маленькія ланки“,

ее нужно поймать. Невѣсту, покрытую платкомъ, выдвигаютъ впередъ, женихъ ее ловитъ трижды, стараясь схватить за концы пальцевъ. Поймавъ въ третій разъ, онъ сажаетъ ее вмѣстѣ съ собою на постель и покрывается вмѣстѣ платкомъ, привезеннымъ имъ съ собою изъ дому, а не тѣмъ, которымъ была покрыта невіста. Молодые, которые считаются таковыми съ момента покрыванія платкомъ и имѣютъ право вступить въ брачное сожителство, сидятъ подъ покрываломъ часа два, потомъ открываются и принимаютъ участіе въ пирѣ ¹⁾. Въ описанномъ обрядѣ ловли невісты женихомъ носятъ всѣ признаки умычки; прикрывъ вмѣстѣ съ собою невісту, женихъ тѣмъ самымъ показываетъ фактъ похищенія оконченнымъ. Но сидѣніе молодыхъ подъ покрываломъ на постели, повидимому, напоминаетъ сидѣніе молодыхъ во время посады вообще. Быть можетъ, здѣсь бытовой фактъ уже началъ получать религиозную окраску, какъ и во многихъ другихъ фактахъ народной жизни.

Разсмотрѣнный же нами обычай покрыванія головы невісты во время посады покрываломъ, преимущественно краснаго цвѣта, имѣетъ самостоятельное значеніе въ свадебномъ обрядѣ. Значеніе его — чисто религиозное, имѣющее ближайшую связь съ сидѣніемъ на курьѣ жертвеннаго животнаго. Мы видѣли, что въ римскомъ ритуалѣ оно стоитъ въ связи съ культомъ Юноны, въ мордовской свадьбѣ при покрываніи молятся рожаницѣ, спрашиваютъ у боговъ дарованія потомства и пр. Этимъ опредѣляется общій характеръ религиознаго значенія покрывала. Связь же его съ краснымъ цвѣтомъ, которую, по нашему мнѣнію, необходимо брать въ расчетъ, дастъ возможность точнѣе опредѣлить, къ какому богу обращаются при покрываніи головы невісты краснымъ покрываломъ. Учеными уже не разъ отмѣчалось, что красный цвѣтъ — преимущественно свадебный ²⁾. Часто его считаютъ символомъ домашнего огня; такъ, Веберъ этимъ объясняетъ цвѣтъ бычьей кожи въ индуизмѣ ³⁾. Но красный цвѣтъ, въ обрядовомъ своемъ значеніи, находится въ тѣсной связи съ культомъ бога-производителя вообще, и съ культомъ фаллическихъ божествъ. Такъ, изъ Апулея извѣстно, что желтое платье носили жрецы Кибелы ⁴⁾. Рохгольдъ приводитъ данныя, свидѣтельствующія, что фаллическія божества различныхъ народовъ, даже американскія и африканскія, тѣсно связаны съ употребленіемъ краснаго цвѣта, какъ символа ихъ, а также съ употребленіемъ его въ богослуженіяхъ ⁵⁾. Въ верхнемъ Египтѣ приносили въ жертву Зенсу Аммону барана, шкурой котораго былъ покрытъ богъ въ мѣсяцъ овна; въ этотъ мѣсяцъ

¹⁾ О знач. нѣкотор. обрядовъ и пов. 78, въ примѣч.

²⁾ Первобытное право. Семья, p. 59; Юрида. обычай татовъ — въ „Трудахъ“ Этнограф. Отд. Моск. Общ. Любит. Естеств., кн. VIII, p. 43.

³⁾ Напр., см. Карскій, Народныя белорусскія свадьбы, Вильно, 1888, p. 49.

¹⁾ Харузинъ, Русскіе лопари, 286.

²⁾ Winternitz, loc. cit., p. 67.

³⁾ Indische studien, V, 208.

⁴⁾ C. Boettiger, loc. cit., 129.

⁵⁾ Deutscher Glaube und Brauch, p. 227—228.

египтяне дѣлали красной краской значки на всѣхъ овцахъ ¹⁾. Вообще греческіе фаллическіе культы представляютъ въ этомъ отношеніи интересныя данныя. Такъ, во время Діонисій, въ процессіяхъ употреблялись фаллосы краснаго цвѣта; въ индусскихъ процессіяхъ лингами также краснаго цвѣта, тотъ же цвѣтъ имѣютъ и изображенія римскихъ приаповъ ²⁾. Къ тому же выводу пришелъ и извѣстный мнѣологъ Кунъ, изслѣдуя растенія, служащія символами фаллическихъ божествъ: всѣ растенія, имѣющія связь съ Сомой или съ аналогичными обрядами, отличаются либо краснымъ цвѣтомъ своихъ плодовъ или листьевъ, либо краснымъ цвѣтомъ самого дерева ³⁾. Эти факты даютъ основаніе предполагать, что красный цвѣтъ въ свадебныхъ обрядахъ вообще и покрывала въ частности—символь бѣга-производителя, простѣйшимъ выраженіемъ котораго служитъ фаллосъ ⁴⁾. Фаллическое божество занимаетъ видное мѣсто въ свадебныхъ обрядахъ: ему поклоняются, его призываютъ различными способами; призывать же его на свадьбы было необходимо, потому что отъ него зависятъ плодородіе женщины. На женщину стремятся всяческимъ образомъ извѣсти это божество: оно должно быть первымъ ея супругомъ, освятить ея лоно, раздѣлить ее отъ дѣломудрія. Это воззрѣніе лежитъ въ основѣ религіознаго гетеризма, наиболѣе примитивной религіи человѣчества; оно даже дало рядъ интересныхъ обрядовъ, обставляющихъ первые моменты брачнаго сожителства. Намъ кажется, что и покрываніе невесты ярко-краснымъ покрываломъ относится къ культу фаллоса, первоисточникъ котораго кроется въ религіозномъ гетеризмѣ. Цѣломудренная дѣвица покрывается покрываломъ, символомъ фаллическаго божества; она отдается въ этотъ моментъ во власть божества, и только уже послѣ этого можетъ перейти во власть мужа. Съ этой стороны намъ представляется строго послѣдовательнымъ требованіе цѣломудрія отъ невесты: посвящаемая богу дѣвушка должна быть чиста. Требованіе это имѣетъ свое

¹⁾ Bastian, Der Mensch in der Geschichte, т. III, р. 130.

²⁾ Schwarz, Der (rothe) Sonnenphallos der Urzeit, Zeitschr. f. Ethnologie, 1871, В. VI, р. 170.

³⁾ Kuhn, Herabkunft des Feuers, р. 173 (2-е изданіе сына).

⁴⁾ Для поясненія концепціи народныхъ представленій о фаллосѣ съ краснымъ цвѣтомъ, приведенъ характерный стихъ изъ Каушика: „Des Mannes Körper wird garstig, geröthet durch die Ueble dort: Wenn er mit seiner Gattin Kleid den eignen Leib bedecken wollte“. Этотъ стихъ читается при поднятій сорочки молодой. Weber, Ind. Stud., V, 188. Съ этой стороны понятны и такіе обычаи, напр. въ Бразиліи: если дѣвушка уже способна къ супружеству и за нею никто не ухаживаетъ, то мать разрѣсываетъ ей подъ глазами красной краской (Westermarck, loc. cit., 177, или натраетъ охрой при наступленіи совершеннолѣтія (напр., ibid., 199).—Бѣлорусскія пѣсни, относящіяся къ утру послѣ брачной ночи, помѣтъ о „чирвономъ полѣтъ молодой, о „чирвонои каляніѣ, и т. под.

выраженіе даже въ томъ, что сваты, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, исповѣдуютъ въ этомъ смыслѣ невесту ¹⁾.

Намъ остается въ заключеніе настоящей главы собрать все сказанное о посадѣ невесты. Напомнимъ при этомъ и нѣкоторыя мелкія черты обряда. Въ основѣ обряда лежитъ религіозная церемонія моленія и посвященія невесты божеству-производителю, божеству фаллическому. Для этого невесту сажаютъ на шкуру животнаго, иногда разстилаемую въ бѣлорусскомъ посадѣ на дежѣ или на лукошкѣ съ роженъ; сюда же относятся и держаніе невесты въ рукахъ хлѣба, поклоненіе хлѣбу (Игуменскій у.), держаніе въ рукахъ братомъ пирога (Борисовскій у.). Пирогъ и хлѣбъ могутъ разсматриваться и какъ жертва богамъ, и какъ самъ стоятельный символъ божества-производителя. Къ этому же культу слѣдуетъ отнести и употребленіе березовой вѣтки въ Борисовскомъ у. Всѣми этими мѣрами, сопряженными съ невестой съ символами производительности, стараются перенести на нее самое производительную силу, чтобы она внесла въ свой новый домъ потомство и богатство. Высшимъ выраженіемъ того же пожеланія служитъ актъ покрыванія головы невесты покрываломъ краснаго цвѣта. Въ свадебномъ обрядѣ упорно проводится идея о посвященіи невесты фаллическому божеству, ее окружаютъ символами этого божества. Эта идея, намъ кажется, гнѣздится въ первобытномъ религіозномъ гетеризмѣ, требующемъ отдачи невесты богу, прежде чѣмъ ею овладѣтъ мужъ. Посадъ невесты намъ представляется въ бѣлорусской свадьбѣ высшимъ и наиболѣе цѣльнымъ выраженіемъ этой идеи. Кромѣ того, посадъ окруженъ атрибутами, связанными съ религіей домашняго очага. Онъ совершается у самаго очага (у бѣлоруссовъ сидѣніе около стола и троекратное обхожденіе его). Въ нѣкоторыхъ версіяхъ братъ становится на порогъ (Борисовскій у.), невеста и женихъ кланяются порогу (Игуменскій у.), повсемѣстно кланяются куту; въ Борисовскомъ у. братъ ставитъ чашку съ водой на полку у печи, какъ бы въ видѣ жертвы, тамъ же онъ, испрашивая благословенія у присутствующихъ, обращается и къ бабкамъ запечнымъ, дѣткамъ запечнымъ.

Мы будемъ имѣть случай показать, что поклоненіе столу, куту, порогу и печи относится къ культу домашняго очага. Здѣсь мы отмѣтимъ лишь представленія бѣлоруссовъ о бабкахъ запечныхъ и дѣткахъ запечныхъ. Печь и ея части заселены духами, которые благопріятствуютъ домохозяйству, если имъ угождать. На печи преимущественно пребываетъ домовая, но тамъ же обитаютъ и бабки запечныя. Теперь это выраженіе молодѣжь употребляетъ въ шутку, но для стариковъ оно еще имѣетъ опредѣленное значеніе. Печные духи пребываютъ въ „печуркахъ“—кубическихъ

¹⁾ Шейнъ, Мат., II, 208.
Довнаръ-Запольскій.

углублениях въ стѣнках печи, и между трубою („коминномъ“) и стѣною, и на полкахъ около или противъ печи (куда въ посадѣ ставятъ чашку съ водой). Дѣтей пугаютъ, что изъ печурки или комина выйдетъ бабка (запечная) или дѣдка (домовой). Считается нехорошимъ, если дитя выглядываетъ изъ-за комина: оно можетъ умереть. Это повѣрье стоитъ, очевидно, въ связи съ тѣмъ, что если дитя садится на мѣсто, гдѣ обитаютъ домашніе духи, души предковъ, то оно само можетъ сдѣлаться такимъ же духомъ, умереть. Между коминномъ и трубою нельзя ничего класть лишняго; тамъ лежатъ только ухваты, дрова, лучина; сюда же и на полки хозяйка кладетъ частички номинальныхъ обѣдовъ и вечеръ („дзядоу“); за коминъ бросаютъ выпавшіе зубы, туда бросаютъ заговоренныя отъ болѣзни хлѣбъ, льютъ такую же воду. Дѣтки заплечныя относятся къ области духовъ, постоянно сопутствующихъ человѣку; они помѣщаются за плечами. Тутъ помѣщаются или добрые или злые духи, дающіе человѣку то счастье и богатство, то горе и бѣдность; они относятся къ одному разряду съ *домей, горемъ, злыднями*. Бѣлорусскія сказанія полны разсказами объ этихъ существахъ. Если человѣкъ прогнѣваетъ добрыхъ дѣтокъ заплечныхъ, то они могутъ уйти къ другому, а на его плечахъ поселятся злыя дѣтки, злыдни, горе. Поэтому-то ихъ благословенію нужно испрашивать на свадьбѣ.

Таковъ религіозный характеръ посада невесты. Но съ нимъ тѣсно связаны бытовые пережитки—подрѣзываніе или прижиганіе косы невесты. Этимъ символомъ умыканія, введеннымъ въ центральный религіозный обрядъ, выражается окончательный переходъ невесты во власть мужа. Общая постановка посада невесты могла сложиться, по нашему мнѣнію, въ періодъ родового быта. Однимъ изъ блестящихъ доказательствъ такого мнѣнія можетъ служить близость бѣлорусскаго посада съ индусскимъ. Посадъ невесты представляется намъ основной религіозной частью свадебнаго ритуала. Разрывъ послѣ него въ понятіяхъ бѣлоруссовъ невозможенъ, въ индусскомъ, римскомъ и др. ритуалахъ посадомъ окончательно заключался обрядъ. Послѣ сидѣнія и confarreatio римская невеста была уже женой; въ индусскомъ обрядѣ женихъ, привезши въ домъ купленную имъ дѣвушку, предъ лицомъ домашняго алтаря объявляетъ ее своей женой. За посадомъ повсемѣстно слѣдуетъ свадебный пиръ, переполненный у бѣлоруссовъ пережитками бытовыми, принявшими теперь видъ свадебныхъ шутокъ; коровайный обрядъ и постельный освящаютъ лишь сожитіе молодой пары, бракъ которой уже заключенъ фактически ¹⁾.

¹⁾ Настоящее изслѣдованіе не было закончено въ полномъ объемѣ, хотя напечатанныя его главы представляютъ собою самостоятельные этюды. Изъ продолженія этой работы была напечатана нижеслѣдующая статья и нѣсколько отрывковъ въ газетѣ „Минскій Листокъ“.

Ритуальное значеніе коровайнаго обряда у бѣлоруссовъ.^{*)}

Въ бѣлорусской свадьбѣ существуетъ много обрядовъ, связанныхъ съ употребленіемъ хлѣба въ томъ или иномъ видѣ. Такъ, мы встрѣчаемъ обрядъ обсыпанія молодыхъ зернами хлѣба, совмѣстную ѣду молодыхъ, бросаніе молодымъ хлѣба въ уголь избы, въ печь, на „запечекъ“ и нѣк. др. Но среди обрядоваго употребленія хлѣба коровай, его печеніе и раздача занимаетъ центральное мѣсто. Судя по записямъ свадебнаго обряда, представляющимъ собою, повидимому, наибольшую полноту и архаизмъ, коровайный обрядъ, наравнѣ съ обрядомъ посада можетъ быть признанъ самымъ важною частью свадьбы.

Обрядъ коровай общезвѣстенъ. Намъ нѣтъ нужды описывать его въ подробностяхъ, но достаточно будетъ напомнить наиболѣе важныя черты его, особенно характерныя для выясненія значенія обряда.

Короваей обычно печется два: одинъ въ домѣ жениха, другой—у невесты. Матери жениха и невесты собираютъ заранѣе коровайники, въ числѣ 5, 7 или 10, къ нимъ приглашаютъ еще одного или двухъ мужчинъ, одного непременно холостого. Изъ женщинъ—часть должны быть дѣвушки; старая коровайница, распоряжающаяся обрядомъ, если возможно быва-етъ крестная мать молодого или молодой или старшая сваха. Очень замѣчательно, что избираются въ коровайницы женщины, отличающіяся чадородіемъ, хорошия хозяйки. Пекутъ коровай либо накапуть вѣнчанія, въ субботу, а въ понедѣльникъ, когда „поднимутъ“ молодыхъ, раздають, либо пекутъ въ день вѣнчанія, но раздѣляютъ во всякомъ случаѣ послѣ первой брачной ночи.

^{*)} Напечатана въ юбилейномъ сборникѣ въ честь профессора В. Ө. Миллера.

Всякое дѣйствіе надъ короаемъ: расчинка его, мѣсиво, сажаніе въ печь, выниманіе изъ нея, вынось въ клѣтъ и принесеніе оттуда, непремѣнно сопровождается испрошеніемъ благословія въ родѣ слѣдующей формулы:

Ой, дай намъ Боже,
Свое дѣло зробици,
Коровай расчиници! ¹⁾

Или „замѣсици“, въ пѣчь „посадици“ и т. д.

Въ одномъ описаніи свадьбы (Борис. у.) мы встрѣчаемъ пѣлюю пѣсню, которой начинается печеніе коровой. Пѣсня проситъ близкихъ, сосѣдей и всѣхъ гостей благословить замѣситъ коровой и, наконецъ, обращается къ Богу:

Ты заступи, Боже, зѣ неба,
Якъ намъ пѣперъ треба!
Памагаѣ расчиници,
Памагай замѣсици
Ручками бяленькими,
Персыньями золоценькими,
Пѣснями веселенькими.
— „Ня стой, Боже, за дзвырми,
Да иди, Боже, ѣ хату,
Да сидь на куцѣ,
Да дай долю маладцѣ.“
— „Я ѣ хату ня пайду,
Я за дзвырми постою,
Маладцѣ долѣ перешлю.“

И дальше пѣсня приглашаетъ собраться весь „родъ“ ²⁾. Пѣсня эта, несомнѣнно, носитъ всѣ признаки молитвеннаго обращенія къ покровителю брака.

По окончаніи мѣшенія коровай, опять пѣсня благодаритъ божество:

Хвала табѣ, Боже,
Што мы дѣла зрабили,
Коровай замѣсици, и т. д. ³⁾

Въ самомъ дѣлѣ, присутствіе божества въ коровайнѣмъ обрядѣ очень значительно. Коровай „Самъ Богъ мѣсици, а Пречистая свѣщици, анѣлы воду носюць, у Бога доли просяць“. И далѣе, пѣсня обозначаетъ, какую долю нужно молодымъ:

Одну долю грошовую,

¹⁾ Шейнъ, Матеріалы, ч. II, стр. 170.

²⁾ Ibidem, 74.

³⁾ Ibidem.

А другую—збожовую,
А третью—дзяциную ¹⁾.

Пѣсня проситъ божество о томъ, чтобы у молодыхъ водились деньги, хлѣбъ и дѣти. Последнее очень важно. Вообще въ коровайныхъ пѣсняхъ, больше чѣмъ въ какой-нибудь другой части свадьбы, мы находимъ обращеніе къ божеству о дарованіи молодымъ „доли“, именно въ изобиліи хлѣба и потомства, многолѣтія брачной чѣты. Нужно положить коровай на жито, говорить пѣсня,—

Дай Божа, ято, спожици,
А нашемъ дзѣцямъ доўга пожици ²⁾.

Въ предыдущихъ пѣсняхъ божество призывается благословить печеніе коровай, при чемъ и испрашивается у него доля: божество призывается въ домъ, присутствующіе вѣрятъ, что оно находится въ хатѣ при исполненіи обряда, и потому обращаются къ нему съ молитвою. Въ пѣсенкѣ, приглашающей къ раздѣлу коровай, онъ называется „божимъ даромъ“. Другая пѣсня спрашиваетъ у коровай:

Коровая мой румянь!
Ци боги пѣбе малавали? ³⁾

Близость коровай къ божеству такова, что Богъ, Пречистая, ангелы принимаютъ участіе въ изготовленіи его, а

Мѣсяцъ ѣ печь сажая,
Зоренька закладая,
Слонейко запекая ⁴⁾.

Въ приведенныхъ пѣсенкахъ видна большая близость коровай къ божеству. Но есть данныя, которыми позволяютъ утверждать, что народное представленіе переносило божественныя свойства на самой коровай. Одна пѣсенка, записанная въ Гродненской губ., призываетъ женихова отца поближе къ короваю съ „тройчатой свѣчою“ и проситъ у коровай доли сыну:

Да Трохимуу ойченъка,
Чаму не стоишь близко короваю?
Чаму не дзержишь тройчатой свѣчки?
— Ой я стою, ой я стою
Близко короваю,
Ой я прошу, ой я прошу
Свойму дзидцати доли ⁵⁾.

¹⁾ Ibidem, 171. Въ короваѣ, говоритъ пинская пѣсня, „доля и щасте“. (См. мою статью: Мотивы свадебныхъ пѣсенъ пинчуковъ, 1893, стр. 55).

²⁾ Ibidem, 289.

³⁾ Ibidem, 341.

⁴⁾ Ibidem, 378.

⁵⁾ Ibidem, 378.

Значить, отецъ долженъ просить доли у самого корова, который обладает божественными свойствами, можетъ надѣлить молодого долею.

Пѣсни занимаются немало и наружнымъ видомъ корова. „Родина“ свежала для корова „семь пудъ муки“, „семь пудъ соли“, „семь пудъ масла“, „семь копъ яицъ“ ¹⁾. Вотъ какой разбѣръ корова: въ коровай вошло изъ семи полей пшеницы, изъ семи рѣкъ водица, десяти коровъ масла и яицъ полтора ²⁾. Или по другой пѣснѣ:

Тры бочки криничной воды,
Тры копы перепелчиныхъ яицъ,
Тры фаски дровичного масла ³⁾.

Однимъ словомъ, когда коровай поставятъ на столъ, то ножки у стола „пагнутца“,

Да людзи коровау дзвятца ⁴⁾.

Это гиперболическое представление о размѣрахъ коровай соответствуетъ той особой силѣ, которая ему приписывается.

Въ самомъ дѣлѣ, пѣсни вполне опредѣленно говорятъ о тѣхъ функцияхъ, которыя приписываются коровау, или той силѣ, которой символомъ онъ служитъ. Разсмотрѣніе этихъ пѣсенъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ коровайномъ обрядѣ мы имѣемъ остатки такъ называемаго пріаническаго культа. Одна пѣсенка обращается къ коровау съ просьбою о покровительствѣ браку ⁵⁾:

„Злучи, Божа, да мое дзѣтки!“

А другая, которую поютъ при закнскѣ коровай, дѣлаетъ и еще болѣе прозрачный намекъ:

„Нехай мой кося (конь) по росѣ поскаче,
„Нехай молода Аўдоцка по кось поплачѣ“ ⁶⁾!

Смыслъ послѣдняго замѣчанія станетъ вполне яснымъ, если мы припомнимъ, какое значеніе брачные обряды приписываютъ расплетанію или обрѣзыванію дѣвичьей косы ⁷⁾.

Но, конечно, указанное значеніе коровай еще болѣе характеризуется полнымъ рядомъ пѣсенъ фаллическаго содержанія, составляющихъ обязательную часть только этого обряда, наконецъ, и самую внѣшнюю форму этого обрядоваго хлѣба, которая придается ему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

¹⁾ Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, 292.

²⁾ Ibidem, 371.

³⁾ Шейнъ, Матеріалы, 367.

⁴⁾ Янчукъ, По Минской губ., стр. 98, № 7.

⁵⁾ Шейнъ, Матеріалы, II, стр. 241.

⁶⁾ Ibidem, стр. 215.

⁷⁾ Довнар-Запольскій, „Бѣлор. свадьба“ и пр., въ „Этнограф. Обзор.“, кн. XIX.

Правда, фаллическія коровайныя пѣсенки съ трудомъ попадають въ наши этнографическія сборники; собиратели перфдо опускають ихъ сознательно, но ихъ не легко и записать, такъ какъ бабы не скажутъ въ обычное время. Несмотря на эти не вполне благоприятныя условія, извѣстны намъ записи свадебныхъ обрядовъ сохранили немало пѣсенъ, приуроченныхъ къ коровау.

Эти пѣсенки въ грубой формѣ отмѣчаютъ дѣйствія коровайнаго хлѣба на плодovitость женщины: одно прикосновеніе къ коровау, качаніе его, выпѣлка для него украшеній изъ тѣста и т. п. уже дѣйствуетъ на работницу:

- 1) А коли я коровай качала,
Тогда я животомъ кричала ¹⁾!
- 2) А богатые качали,
А пузатые сажали ²⁾.

Такъ говорятъ пѣсни. ³⁾

Пѣсни идутъ иногда дальше въ олицетвореніи коровай:

Коровай рогоче,
Да до печи хоче,
А печь рогоче,—
Коровай хоче ⁴⁾.

Эти грубыя пѣсенки не случайно попали въ коровайный обрядъ. Онѣ только отражаютъ въ себѣ вѣру въ ту оплодотворяющую силу, символомъ которой является коровайный хлѣбъ въ обрядѣ. Этимъ, вѣроятно, объясняется убѣжденіе, существующее у великороссовъ, съ томъ, что если молодая отвѣдаетъ до ночи коровай, то молодой не будетъ любить ея ⁵⁾: со вкушеніемъ коровай невѣста какъ бы теряетъ дѣвичество.

¹⁾ Ibidem, 257.

²⁾ Ibidem, 341.

³⁾ Приведемъ еще нѣкоторыя изъ нихъ:

- а) Якъ мы шыпачки качали,
Тогда мы животомъ кричали;
Якъ мы шыпачки лапили,
Тогда мы животомъ кропили. (Ibidem, 307).

- б) Старшая коровайница!

Ни стой коля печи:
Аба ты хвартухъ спалишь,
Аба курку осмалишь! (Ibid., 259).

- в) Въ огородѣ макъ паламаўся,
До дзвонку Езепъ прикасаўся;
Собралися дзѣўки паганки,
Привязали Езепа да лаўки, и т. д. (Ibidem, 215).

⁴⁾ Ibidem, стр. 227.

⁵⁾ Терещенко, Бытъ русск. нар., II, 133

Только что описанное свойство коровай выражается въ пѣсняхъ и еще особымъ образомъ.

Коровайное тѣсто растетъ особенно: чтобы вынуть его изъ печи, необходимо взять „вострый мечъ“, „порубаѣ камянную печь“¹⁾, потому что онъ такъ выросъ въ печи, что уже не проходитъ въ ея отверстіе. Пѣсенка приглашаетъ коровай:

Подыходзь, подыходзь, нашъ коровай,
Да вышей печи муравой,
Да вышей стоѹпа золотого,
Да вышей князя молодого²⁾.

Или другая такъ описываетъ коровай въ дежѣ:

Коровай ѹ дзяки играецъ,
До гѣка поднимаецъ,
Короваиницъ ожидаецъ³⁾.

Во всѣхъ этихъ пѣсенкахъ коровай является символомъ оплодотворяющей силы. Ее надо передать невестѣ.

Последнимъ объясняется любопытная особенность посада, существующая въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи; невесту во время расплетанія косы сажаютъ на дежу, въ которой расцвѣтъ коровай⁴⁾ и въ которой его тѣсто, по пѣснямъ, такъ чудодѣйственно подходить. Существуетъ и примѣта: короваиницы слѣдятъ, хорошо ли подходить тѣсто, и изъ этого заключаютъ о плодородіи молодой четы.

Сама внѣшняя форма коровай подтверждаетъ выводы, только что сдѣланные нами изъ пѣсенъ. Отдѣлка коровай, лѣпка изъ его тѣста различныхъ украшеній занимаетъ довольно много времени, сопровождается весьма нескромными намеками, замѣчаніями, критикой молодыхъ и пр. Сдѣлавъ основу коровай—большую круглую булку, приступаютъ къ украшенію ея: тутъ лѣпятъ изъ того же тѣста домашнихъ животныхъ, птицъ, растенія—рыбу, морковь⁵⁾. Лѣпятъ и отдѣльные части животныхъ. Всѣми этими произведеніями свадебной скульптуры украшаютъ коровай. Правда, въ последнее время въ разныхъ мѣстахъ Минской губ., гдѣ мнѣ приходилось наблюдать обряды, нескромныхъ фигуръ уже не запекаютъ, но передѣлываютъ ихъ. Во многихъ же мѣстностяхъ на жениховскомъ короваѣ изображаютъ, напиримѣръ, въ Минской губ., селезня, на невестининомъ — уточку;

¹⁾ Янчукъ, По Минской губ., 49, № 10.

²⁾ Шейнъ, Матеріалы, II, 221.

³⁾ Ibidem, 752.

⁴⁾ Ibidem, 222; ср. Довнаръ-Запольскій, Бѣлорусск. Полѣсье, I, стр. 132.

⁵⁾ Ср. описаніе „Бѣлорусская свадьба“, этнографическій этюдъ. М. Довнаръ-Запольскаго, Кіевъ. 1888 годъ, стр. 21.

вокругъ птицъ кладутъ яйца изъ тѣста¹⁾. Кое-гдѣ вставляютъ въ коровай зеленныя вѣтки (Гродненская губ.)²⁾. Впрочемъ, грубыя изображенія на короваѣ еще въ ходу; такъ, напиримѣръ, мы встрѣчаемъ чрезвычайно интересное изображеніе его въ одномъ описаніи изъ Гродненской губ.³⁾. Эти описанія только подтверждаютъ сказанное нами о связи коровайнаго обряда съ пріаписическимъ культомъ.

Обряды во время печенія и раздѣленія коровай вполне гармонируютъ съ его общимъ значеніемъ. Наблюдатели всегда поражаетъ экзальтированное состояніе участвующихъ въ коровайнtimer обрядѣ. И этотъ экстазъ не случайное явленіе: въ народныхъ обрядахъ экстазъ является столь же традиціоннымъ, какъ и народный обычай. Музыкой и пѣніемъ сопровождаютъ различныя частности обряда.

Такъ, въ Минскомъ у. парни выносятъ изъ клѣти коровай на вѣскѣ отъ квашни съ музыкой; внесши въ избу, они кружатся нѣкоторое время и только тогда ставятъ на столъ. Въ Гродненской губ. дѣвушки пляшутъ вокругъ коровай послѣ того, какъ его замѣсятъ⁴⁾. Здѣсь же, когда вынутъ коровай изъ печи, „маршалокъ“ кружится съ нимъ по избѣ, приговаривая: „раю короваю, раю, раю, я съ тобою пограю“⁵⁾. Въ Минской губ., предъ раздѣленіемъ, коровай трижды обносятъ вокругъ стола⁶⁾. Этотъ традиціонный экстазъ, конечно, имѣетъ въ коровайнtimer обрядѣ такое же значеніе, какъ и въ пріаписическихъ культахъ вообще⁷⁾, а съ послѣдними нашъ обрядъ имѣетъ общую основу.

Наши замѣчанія о коровайнtimer обрядѣ и пѣсняхъ были бы не полны, если бы не были разсмотрѣны еще два мотива коровайныхъ пѣсенъ, въ которыхъ коровай (т.-е. изображенія на немъ) сопоставляется съ женихомъ и невестой, а также съ солнцемъ и мѣсяцемъ.

„Шипачка“ на короваѣ—невеста.

¹⁾ Шейнъ, II, стр. 171.

²⁾ Ibidem, 379.

³⁾ Коровай бываетъ вѣсомъ въ 50 и болѣе фунтовъ. На немъ запекаютъ такую картину: стоитъ невеста по колѣна въ короваѣ и правой рукой держитъ подолъ свое въ верху платье и рубашку. Женихъ стоитъ такимъ же родомъ насупротивъ невесты и держитъ въ правой рукѣ рыбу. Кругомъ изображенія животныхъ: борозъ верхомъ на свинѣ, пѣтухъ—на курицѣ, и т. д. Кругомъ этихъ фигуръ солнце, мѣсяцъ и звѣзды. Вынутъ коровай изъ печи, въ него вытаскаютъ вилы деревянные, въ аршинъ величиной, и покрываютъ его простыней (ibid., 379). Кроме того, здѣсь же пекутъ вѣстѣ съ короваемъ отдѣльные пироги цилиндрической формы. (Лашанская вол.).

⁴⁾ Ibidem, 378.

⁵⁾ Ibidem, 361.

⁶⁾ Ibidem, 222.

⁷⁾ См., напр., книгу Foucart, Des associations religieuses.

„Куда коровай унести?“ — спрашивает пѣсня и отвѣчает:

Понесли коровай до клѣщи,

А покляси на матчиной скрини:

А нехай матчино сирдечко радятца.

Што на коровай пышачка сидиць, якъ лебядзь.

А пышачка моя бялесеяка —

Дочка моя милосенька! ¹⁾

Эта пѣсня поется при невѣстномъ короваѣ. Другая, которая поется у жениха, совбѣтуетъ короваю взять „пирожокъ“ и добиваться въ клѣть. Тамъ, въ клѣти, на полатяхъ, лежить „сырокъ бѣленькій—зять щещи мялиный“ ²⁾. Тутъ коровай-женихъ идетъ въ клѣть, гдѣ устроено брачное ложе. Въ другой пѣснѣ выражается пожеланіе, чтобы коровай былъ „ясанъ“, а женихъ — „красянъ“.

А ясанъ коровай, ясенекъ,

А красянъ Сяменка, красянекъ ³⁾!

Во основѣ этихъ сопоставленій лежитъ мысль о перенесеніи свойствъ коровай на новобрачную пару: у коровай просятъ объ изобиліи для новобрачныхъ въ богатствѣ, умноженіи семьи; отсюда и сопоставленіе молодыхъ съ короваемъ.

Относительно сопоставленія коровай съ солнцемъ уже выше приведено было указаніе на то, что среди его украшеній встрѣчаемъ солнце, луну, звѣзды ⁴⁾; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изображеніе полумѣсяца обязательно ⁵⁾. То же сопоставленіе проходитъ и въ пѣсняхъ. Коровай окружаютъ звѣздами и мѣсяцемъ:

Биты коровай густо,

Подъ бѣлюхно хусто,—

Мѣсяцемъ оружоны,

Зорами осадзоны ⁶⁾.

По пѣснѣ, коровай—

Мѣсяць ў печь саяя,

Зоренька закладая,

Слонейко залекая ⁷⁾!

Такимъ образомъ выказаннымъ въ предыдущемъ изложеніи замѣчаніи возможны, какъ кажется, привести насъ къ заключенію, что въ бѣлорус-

¹⁾ Шейнъ, Матеріалы, 259.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, 288.

⁴⁾ Ibidem, 361, 226.

⁵⁾ Ibidem, 307, 77 и др.

⁶⁾ Ibidem, 368.

⁷⁾ Ibidem, 378.

скомъ коровайномъ обрядѣ и пѣсняхъ мы имѣемъ остатки приаписаннаго культа. Въ этомъ не оставляютъ сомнѣній какъ пѣсенки, такъ и формы коровайнаго хлѣба. Обрядъ и пѣсни ясно высказываютъ свою основную цѣль—испросить для молодой пары благословенія той высшей силы, которая содѣйствуетъ плодородію людей, скота, хлѣббѣ—тѣхъ „долей“, которая такъ нужна пахарю. Коровай то является въ пѣсняхъ символомъ этой силы, то самъ ея носителемъ, конкретнымъ образомъ ея. Варіаціей на ту же тему является сопоставленіе коровай съ женихомъ и невѣстою и небѣсными свѣтилами.

При этомъ интересно замѣтить, что бѣлорусская свадьба вообще представляетъ въ себѣ не мало слѣдовъ названнаго культа ¹⁾; и его можно бы подмѣтить не только въ свадебномъ обрядѣ, но и въ другихъ, особеннo въ живинныхъ ²⁾.

Однако, слѣды даннаго культа не представляются, случайнымъ явленіемъ въ бѣлорусскомъ свадебномъ ритуалѣ. Достаточно было бы привести на память обряды древнихъ индусовъ, чтобы убѣдиться въ широкомъ распространеніи его. Но для нашей цѣли гораздо важнѣе то обстоятельство, что и обычай печь свадебный пирогъ имѣетъ самое широкое распространеніе. Для насъ достаточно будетъ для подтвержденія сказаннаго привести нѣсколько параллелей изъ обычая другихъ народовъ.

Свадебный пирогъ составлялъ непрѣмѣнную принадлежность свадьбы въ Московской Руси, гдѣ онъ даже вносился въ церковь во время вѣчанія ³⁾, хотя въ настоящее время онъ мало извѣстенъ въ великорусской свадьбѣ ⁴⁾. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ въ своихъ работахъ собралъ богатый матеріалъ по употребленію хлѣба-коровай у различныхъ славянскихъ народностей ⁵⁾, такъ что можно безошибочно утверждать, что коровайный обрядъ, съ тѣми или иными отступленіями, извѣстенъ свадебному обряду всѣхъ славянъ.

Но мы позволимъ себѣ привести нѣсколько сопоставленій изъ обрядовъ не-славянскихъ народностей. Напомнимъ, что уже *пѣлюхъ* древнихъ

¹⁾ Ср. сказанное въ моей статьѣ „Бѣлорусск. свадьба въ культурно-рел. перспективѣ“.

²⁾ Ср. напечатанныя мною живинныя пѣсни въ стат. „Замѣтки по бѣлорусской этнографіи“, „Живая Старина“, 1894 г. вып. I.

³⁾ *Терещенко*, Бытъ русск. нар. II, 51.

⁴⁾ „Русск. Филологич. Вѣстникъ“, 1880 г., I, стр. 84 (ст. *Яцуржинскаго*).

⁵⁾ О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ (Харьковъ), стр. 135 сл.; Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ стр. 63 сл.; ср. *Kolberg*, *Mazowsze*, стр. 220; *Krauss*, *Sitte und Brauch der Südslaven*, p. 432—438; для разъясненія этимологии коровай могутъ служить: *Pictet*, *Les origines indoeuropéennes*, II, 402 и *Потебни*, „О значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“, стр. 51.

греков может представлять собою некоторую аналогию к короваю ¹⁾. Но наиболее близкия черты обрядов мы встрѣчаем въ Калабріи. Здѣсь пироги особой формы составляетъ непрерывную принадлежность свадьбы. Въ Cozenza при выдачѣ приданого даютъ одинъ или два пирога особой формы, которые называются *muscclati*, *collari*, *tortani*. Въ другихъ мѣстностяхъ женихъ даритъ невестѣ два пирога, *fossare* и *berlingozzi*; первый изъ нихъ имѣетъ обыкновенную форму, второй—большой и продолговатый, Калабрийцы же албанцы на огромномъ пирогахъ дѣлаютъ изображенія солдатиковъ, птицъ и различныхъ животныхъ; послѣ свадебнаго пира женихъ и невеста обязаны съѣсть по куску его ²⁾. Въ Сициліи въ половинѣ прошлаго вѣка молодой, уже послѣ гнѣчанія, являлся къ невестѣ съ большимъ хлѣбомъ, сдѣланнымъ въ видѣ короны; этотъ хлѣбъ назывался *busscelato* ³⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, въ Беарнѣ, молодые ѣдятъ сладкіе пироги особой формы ⁴⁾; такихъ пировъ обычно бываетъ два ⁵⁾. Въ Бельгіи, если дѣвушка выходитъ замужъ въ другое село, молодежь ея села подноситъ ей пирогъ (*le paté*), длиною въ аршинъ, и букетъ цвѣтовъ ⁶⁾. Въ Германіи и Англіи обычай свадебныхъ пировъ очень распространенъ; въ Англіи онъ называется *bridesakes*. Объ употребленіи этихъ пировъ свидѣлствуютъ еще средневѣковые источники ⁷⁾. Этихъ близкихъ указаній, число которыхъ можно было бы значительно увеличить ⁸⁾, кажется, достаточно прежде всего для вывода въ томъ смыслѣ, что короваинный обрядъ бѣлорусской (и вообще славянской) свадьбы не стоитъ одиноко и находится себѣ широкую аналогию у другихъ народовъ. Этого общаго вывода намъ представляется достаточнымъ. Входить въ изслѣдованіе вопроса о томъ, насколько употребленіе свадебнаго пирога у другихъ народовъ соот-

вѣтствуетъ тому его характеру, который получился въ бѣлорусской свадьбѣ, было бы въ предѣлахъ нашего очерка, неумѣстнымъ, но, можетъ быть, было бы позволительно высказать по этому поводу два-три замѣчанія.

Несомнѣнно, первоначальное значеніе свадебнаго пирога въ ритуалѣ нашихъ народовъ представляется теперь не вполне яснымъ; иногда этотъ обрядъ почти смѣшивается съ другимъ—съ совместнымъ вкушеніемъ пищи женихомъ и невестой. Очевидно, тутъ могла произойти обычная въ исторіи обрядовъ дифференціация. Кромѣ того, этотъ грубый обрядъ не можетъ долго оставаться въ своей первобытной наготѣ.

При этомъ, если принять во вниманіе, какую роль играли, особенно въ древности, обряды, связанные съ хлѣбомъ, въ пріаписическихъ культахъ ¹⁾, то аналогическое значеніе пирога въ свадьбѣ не могло бы быть несомнѣннымъ. Въдѣ свадебный обрядъ очень занятъ плодородіемъ новобрачныхъ, почему иногда допускаетъ такіа ритуальныя особенности, которыя не позволяютъ ошибаться въ ихъ основномъ значеніи ²⁾.

Чѣмъ некультурнѣе народъ, тѣмъ рельефнѣе выражаетъ онъ въ своихъ обрядахъ заботу о судьбѣ новобрачныхъ.

Въ примѣръ въ данномъ случаѣ можно было бы привести свадебные обряды мордвы, гдѣ употребленіе свадебнаго хлѣба весьма близко къ нашему истолкованію его, какое ему можно дать въ бѣлорусской свадьбѣ ³⁾.

¹⁾ См., напримѣръ, въ книгѣ *Hodder M. Westropp's Primitive symbolism as illustrated in Phallic worship or the reproductive principle*. London, 1885.

²⁾ Ср., напримѣръ, обрядъ у литовцевъ, записанный въ началѣ нынѣшняго вѣка. *Ch. Laurier, Cérémonies nuptiales anciens et modernes*, Paris, 1830, p. 123.

³⁾ Вотъ нѣкоторые изъ такихъ обрядовъ:

Передъ свадьбой невестѣ даютъ отвѣдать каши. Съѣвъ ее, она кричитъ и причитаетъ: „Доннута бы мнѣ какъ ййцу, разорваться бы мнѣ, какъ тройной веревкѣ, отъ этой каши! Поѣла я чужое счастье!“ (*Майновъ*, Очерки юридическаго быта мордвы, стр. 91). Не менѣе интересенъ и другой обрядъ. Отецъ жениха, полаявъ надъ головою корзину съ хлѣбомъ со вставленною въ него солоницею и яичницей, обращается къ божеству Шкашъ съ молитвою за молодыхъ и между прочимъ говоритъ: „Мы даемъ тебѣ хлѣбъ, ты дай ему (жениху) хлѣбъ; Мы даемъ тебѣ куриное сѣмя, ты дай ему человѣческое сѣмя!“ и пр. (*ibidem*, p. 111). Въ этомъ наивно-первобытномъ обращеніи къ божеству какъ нельзя лучше отражается цѣль принесенія въ жертву хлѣба на свадьбѣ и его значеніе.

Но у мордвы же употребляется и хлѣбъ, соотвѣствующій нашему короваю. По разсказу Лепехина, совершался славянолюбъ интересный обрядъ. Когда невесту приводили къ жениху, то брать жениха брать ее за руку, вводилъ въ избу и сажалъ за столъ. Очевидно, невеста такимъ образомъ вводилась въ новую семью, пріобщалась къ домашнему очагу мужа. Женихъ садился подлѣ нея. Предъ ними ставился огромный длинный, аршина въ полтора, пирогъ. Отецъ жениха брать за одинъ конецъ этого пирога и другимъ концомъ поднималъ съ головы невесты покрывало со словами: „Вотъ тебѣ свѣтъ, будь счастлива къ хлѣбу, животу и размноженію дѣтей“ (*ibidem*, 113).

¹⁾ Die Griechischen Privataltertümer, von S. Muller (Handb. d. klass. Alt.-Wiss. IV, r. 1, p. 447).

²⁾ Dorsa, La tradizione greco-latina negli usi etc., p. 37.

³⁾ Pitri, Archivio per lo studio delle trad. popolari, XV, Usi, II, p. 68. Для поясненія южно-итальянскихъ обрядовъ необходимо помнитъ о сильномъ развитіи здѣсь культа пріапа не только въ древности, но еще и въ XVIII в.; см. интересную и очень рѣдкую брошюру „The worship of Priapus. An account of the fête of St. Cosmo and Damiano celebrated of Isernia in 1780.. To which is added some account of the phallic worship... by Richard Payne Knight“, London, 1883.

⁴⁾ *Edelstand-du-Mérid*, Etudes sur quelques points d'Archéologie, 1862, p. 59, прим. 6.

⁵⁾ Une nocé en Béarn, par D. Bourchemin, Revue des tradit. popul. 1890, № 4, p. 275.

⁶⁾ Revue des tradit. popul. 1890, № 3, p. 181—2.

⁷⁾ *Edelstand-du-Mérid*, o. c., p. 59.

⁸⁾ См., напримѣръ, еще *William Tegg, Marriage ceremonies of all nations*. London, 1872.

Покончивъ съ разсмотрѣніемъ корованнаго обряда, кажется, можно высказать увѣренность въ связи этого обряда съ припическимъ культомъ; значеніе его такимъ образомъ связано съ испрошеніемъ молодымъ всякихъ благъ, главнымъ образомъ потомства. Быть-можетъ, такое значеніе свадебнаго пирога не стоитъ одиноко въ бѣлорусской свадьбѣ, но находится въ связи съ обрядами другихъ народовъ, хотя для послѣдняго вывода еще требовалось бы особое изслѣдованіе вопроса.

Женская доля въ пѣняхъ Пинчуковъ^{*)}.

Пинскій уѣздъ Минской губерніи, занимающій верховья Припяти, съ массою рѣчекъ, озеръ и болотъ, изрѣзывающихъ его во всѣхъ направленіяхъ, является едва ли не однимъ изъ самыхъ глухихъ и неизвѣданныхъ уголковъ нашего обширнаго отечества. Это центръ Полѣсья, самая интересная, самая характерная его часть, природа, которая до сихъ поръ дика и сохраняетъ свою первобытную прелесть. Здѣсь живетъ таинственный, угрожающій разбѣжувъ, про котораго всѣмъ извѣстенъ давнишній расказъ, будто на вопросъ, что онъ за человѣкъ, онъ отвѣчалъ: „я не человѣкъ, я — пинчукъ“. Въ обществѣ упорно держится странное, фантастическое предствленіе объ этой части Полѣсья, его природѣ и обитателяхъ, и именно потому, что до сихъ поръ еще и въ наукѣ этотъ край остается темнымъ мѣстомъ¹⁾.

^{*)} Напечатанное въ „Этнограф. Обзорнѣи“.

¹⁾ Работъ по этнографіи Пинскаго Полѣсья очень немного: 1) *Zienkiewicz, Piosnki gminne ludu Pińskiego Kowno. 1854.*—2) Матеріалы по географіи и статистикѣ Россійской Имперіи. Гродненская губ., сост. полк. *Бобровскимъ* С.П. (замѣтки на стр. 622—652 въ I части).—3) въ VII т. „Трудовъ экспедиціи въ Западно-Русскій край“ статья *Михальчука* о пинскомъ нарѣчій.—4) *Карпинскій*, „Говоръ пинчуковъ“ (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1888, 1).—5) *Piesni obrzędowe ludu ruskiego z okolic Pinska, zebrał P. Wykowski*, во II т. „Zbioru wiadomości do antropol. krajowej. Krakow.“—6) Свящ. *Булгаковский*. „Пинчуки. Этнограф. сборникъ“ С.П.Б. 1890 г.—7) Памятная книжка по Витебской губ. 1868 г., статья: „Свадебные обряды и пѣни крест. Пинск. уѣзда“.—8) Наши „Замѣтки изъ путешествія по Бѣлорусіи“ въ „Виленск. Вѣстн.“ 1890 и 1891 г.г. №№ 202, 206, 210, 211, 217, 219, 220, 225, 232, 264, 265; 9, 18, 22, 23, 25, 27, 28. Къ этому можно бы прибавить нѣкоторыя мелкія замѣтки въ мѣстныхъ изданіяхъ. Кромѣ того, см. мою книгу „Пѣни Пинчуковъ“.

Болѣе подробную библиографію Полѣсья вообще можно найти въ книгѣ: „Полѣсье — Библиографическіе матеріалы по географіи, статистикѣ, этнографіи и экономическому состоянію Полѣсья (сѣв.-зап. и юго-зап. край вообще и губ. Минская, Гродненская, Волынская, Кіевская и Могилевская въ частности)“, С.П.Б. 1883. 8° стр. VII+X+274+1 неп. Книга оставлена *З. Ленкиной* при содѣйствіи *В. И. Межова*, но къ сожалѣнію уже вышла изъ продажи.

Этот-то край пришлось мнѣ посѣтить лѣтомъ прошлаго года¹⁾ по порученію Этнографическаго Отдѣла Имп. Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Результатомъ поѣздки явились между прочимъ собраніе пѣсень, среди которыхъ лирическія занимаютъ весьма солидное мѣсто²⁾. Мотивы ихъ весьма разнообразны; но самый теплый, задушевный мотивъ—это женская доля, съ ея горечью и радостями. Эту сторону поэзіи пинчуковъ мы и избрали предметомъ нашей статьи. При этомъ считаемъ не лишнимъ предупредить, что мы пользуемся исключительно записанными нами пѣснями. Мы не считали нужнымъ также указывать варианты приводимыхъ нами пѣсень, хотя онѣ и сходятся съ белорусскими и малорусскими, такъ какъ это будетъ сдѣлано при изданіи самыхъ пѣсень³⁾.

Дѣвушка въ очень раннемъ возрастѣ вступаетъ въ общественную жизнь, т. е. въ тотъ счастливый періодъ своей жизни, когда на нее начинаютъ смотрѣть, какъ на взрослую, на невѣсту: на нее засматриваются парни, ухаживаютъ за нею; она, въ свою очередь, останавливаетъ свое вниманіе то на томъ, то на другомъ, пока, наконецъ, не выберетъ себѣ „дружка пудъ мысли“. Это время для дѣвушки наступаетъ лѣтъ съ пятнадцати, когда онъ начинается съ парнями принимать участіе въ „вечоркахъ“ (вечернихъ собраніяхъ молодыхъ людей обоего пола), въ играхъ, пѣсняхъ и танцахъ. Но и до этого времени еще дѣвочкою 12—14 лѣтъ, она присматривалась къ отношеніямъ парней и дѣвицъ, подслушивала ихъ пѣсни и сама пѣла, гдѣ-нибудь вдали отъ взрослыхъ, про милого казака черноброваго, про горькую долю невѣстки въ большой семьѣ. Теперь, въ 16 лѣтъ, начинается только болѣе сознательная жизнь. Въ праздники дѣвушка кокетливо украшаетъ голову разноцвѣтными „квитками“ (цвѣтами), „китайками“ (ленточками), вышиваетъ тщательно передній борть и рукава сорочки и проч. Время, въ которое на свободѣ развивается „дѣвочья краса ўсему роду прираса“, непродолжительно; дѣвушка понимаетъ это и спѣшитъ насладиться природой и молодой жизнью. Она понимаетъ, что пройдетъ годъ—два, и придутъ сваты, быть можетъ, отъ милога, изъ другого села, и ее отдадутъ родители, оторвутъ отъ милога парня, отдадутъ на „чужую“ чужину, ў вѣлику семью, ў тяжку нѣволю“. Между тѣмъ красота дѣвушки только начинаетъ развиваться въ это время во всей своей силѣ. Пинчучка, стройная, средняго роста, съ длиною русою косою, рѣдко черною, съ большими кариими или сѣрыми глазами и темными бровями, при нѣжномъ блѣломъ цвѣтѣ лица—очень красива. При этомъ пинчуки вовсе не

угрюмы: насколько важны и степенны представители обоего пола ихъ въ зрѣломъ возрастѣ, настолько-же весело и игриво молодое поколѣніе. Праздничные дни и предпраздничные вечера молодежь проводитъ шумно и весело, среди пѣсень, игры на трубахъ, въ танцахъ, въ прогулкахъ большими компаніями въ лѣсъ по грибы и ягоды и проч. Они шумно справляютъ всѣ свои обряды: на Троицу, въ день Ивана Купала, въ колядки, на Пасху—раздаются веселыя пѣсни соответствующаго случаю содержанія. Зимой, на „вечоркахъ“, поютъ пѣсни зимнія, филиповскія и великопостныя.

Въ пѣсняхъ это время дѣвичьей жизни отражается весьма рельефно; „милый“ въ нихъ играетъ, конечно, первенствующую роль.

Уже сонце низенько, уже вечеръ близенько,

Прыбувай до мене, козаче, сердэйко;

Прыбувай до мене, до моєй хаты,

То я тебе ўпустю, щобъ не чула мати,

поетъ дѣвушка съ замираніемъ сердца. Она ждетъ своего милога, не можетъ дожидаться, но наконецъ онъ приходитъ и вызываетъ ее игрою:

Ой, ў саду вишня съ-пидь кореня вишла,

Ой, козакъ грає, птобъ дѣвчина вишла.

Ой, дѣвчина зышла, праву руку дала:

—Здороў, здороў, козаченько, доўго тебе ждала.

Всѣ мысли ея заняты милымъ; она дни него „головушку чеше и кѣсу (косу) плетѣ“. „Ой люблю я молодичка—не наляжуся; не такъ люблю, якъ зъ имъ гуляю“,—поетъ она.

Разумѣется, поглощенная любовью, она старается побороть всѣ встрѣчающіяся на пути препятствія. Когда она слышитъ отъ милога, что онъ не можетъ прибыть къ ней „за лихими ворогами“, она поетъ:

Я вороги потончу подь ноги, круту гору перескочу,—

Одай мене, мати, за кого я сама схочу!

Въ пѣсняхъ сестра парня является часто лицомъ, препятствующимъ сближенію его съ дѣвушкой. Мотивъ, по которому она удерживаетъ брата отъ поѣздки „до тое дѣвки, що вѣрно козашь“, почему она и прячетъ сѣдло его,—пѣсня объясняетъ такимъ образомъ:

Бо тая дѣвка не умѣ жати,

Ни вишывати, тилько косу чесати:

—Ой, рости-жь, кѣса, ниже поєса,

То я буду чесати.

Рекрутчина—также важное препятствіе, разрывающее любовныя отношенія. Оплакивая своего милога, взятаго въ солдаты, дѣвушка:

Плакала, рыдала, слезы утирала

Своей русою косою, правую рукою.

¹⁾ Имѣется въ виду 1890 г.

²⁾ Напечатаны въ книгѣ „Пѣсни Пинчуковъ“.

³⁾ См. примѣчанія къ названной книгѣ, гдѣ указаны варианты.

Замѣчательно, что пѣсни какъ будто вовсе не знаютъ о матери, которая являлась бы препятствіемъ къ сближенію молодыхъ людей. Въ моментъ собранія есть только одна, не безъизвѣстная впрочемъ, пѣсня, передающая разговоръ матери съ сыномъ по поводу его ночныхъ походовъ. Пѣсня эта замѣчательна по прекрасному мягкому мотиву и по содержанию. Я приведу ее цѣликомъ:

—Дѣ ты, хмелю, зыму зымоваў, що нэ распуснаўса?

Дѣ ты, сыну, ночъ ночоваў, що нэ разуваўса?

—Зымоваў я, зымоваў, ў лузі на тычині,

Ночоваў я, ночоваў у слаўное дѣўчыны.

—Нэхораше, сынку, робышчъ, што по ноче ходышчъ:

Скаржилыса ¹⁾ молодцы, що ты пікодз ²⁾ робышчъ.

—Охъ, робыў я, моя матко, і буду робыты:

Було мэнэ, моя матко, ў семъ лѣти оженыты.

—Ой, я-жъ тобѣ, мой сыночку, дай нэ бороньла ³⁾:

Було тобѣ оженытыся, скоро я родыла.

Но и помимо постороннихъ препятствій и вмѣшательствъ не всегда первая дѣйственная любовь кончается такъ, какъ того хотѣлось бы молодой парочкѣ. Съ грустью начинаетъ задумываться дѣвушка, начинаетъ замѣчать, что «не по правды козакъ живэ нсъ своею дѣўчиною». Она предчувствуетъ, что милый можетъ ее покинуть.

Ой, кабъ же я знала, шо вынѣ нэ покинэ,

Тобѣ я ёго крыльця дай озолотыла.

Дѣвушка, уже предвидя разладъ съ милымъ, дѣлается грустной и старается всячески предотвратить разрывъ. Поддѣлываетъ молодецъ къ восторгамъ своей «коханки»,—стоитъ дѣвица «у золоты», подходитъ къ дворянъ,—стоитъ «на пашэры ⁴⁾». Она взяла его коня за уздечку, повела на «стайничку», козака—«за рученьку да ў свѣтлыченьку». Кормить она коня овсомъ сѣномъ, а козака угощаетъ медомъ-виномъ, старалась угодить ему. Но все-таки она «задумала, чорны очи зарумала» ⁵⁾. Козакъ спрашиваетъ ее о причинѣ грусти.

—Ой, жаль-же мнѣ по любви,

Що нэ живэмъ по щирости,—отвѣчаетъ она.

Въ другой пѣснѣ дѣвушка выражаетъ свое горе и сомнѣніе въ слѣдующемъ поэтическомъ сравненіи:

¹⁾ Жаловались.

²⁾ Убытокъ.

³⁾ Запрещала.

⁴⁾ Т. е. поблѣдѣла, поблѣла какъ бумага?

⁵⁾ Заплакала.

Тыхо, тыхо Дунай воду пэса,

Еще й тыше дѣўка косу хмеша.

Що й вычеше, то й на Дунай пэса:

—Плыви, коса, пидъ залѣные луги,

Задай тугу залѣному лугу,

Задай жалю залѣному гаю.

Нерѣдко остается одно лишь грустное воспоминаніе о первой молодой любви:

Любылыся, насъ матка нэ знала;

Розыплыся, якъ темная хмара.

Но помимо грустнаго воспоминанія о пріятно проведенномъ времени, часто дѣвушку ждетъ еще большее горе,—пѣтню на всю послѣдующую жизнь. Въ саду соловей «щебече», говоритъ пѣсня, въ саду протекаетъ рѣчка; дѣвица «хорошаго стану, блѣзнького лица» пришла въ садъ, «якъ чирвона рожа», а изъ саду шла, «якъ бѣла бероза»,—

У садъ ишла блѣзнькими вынѣньками,

А зъ садъ вышла дрыбнѣнькими слѣзѣньками.

Молодость, непониманіе жизни, дѣйствіе окружающей поэтической обстановки сгубили ее:

Вона думала, що грушкы—минущкы,

Ажно ростуть до утра фартушкы;

Вона думала, што соколыкъ летае,

Ажно ў боку да тѣтина брыкае.

Покинутая милымъ въ самую тяжкую минуту, дѣвушка «три недѣли у полози лежала», выплакавши «по малойчику глаза». На пятахъ она пошла въ вишневый садъ, гдѣ съ грустью видитъ три дорожки:

Знаю, знаю, хто дорожки поробыў,—

Молодъ барынь (парень) до дѣвицы прыходыў.

Пѣсень, изображающихъ неподдѣльное горе покинутой, обманутой женщины, не мало; мотивы ихъ очень разнообразны и дышатъ неподдѣльнымъ народнымъ лиризмомъ. Милый «до иншого», т. е. къ иной ходить, бросилъ «коморущку», въ которой стоитъ «постель бѣла пухова»; она

Тую ложу рученьками облыла,

Постель бѣлу слѣзѣньками облыла,

Што на рукахъ маленькая дѣтина.

Покинутая мать плачетъ не о себѣ только: участь ребенка, запятнаннаго ея паденіемъ, обреченнаго на горькую, тяжелую жизнь, разрываетъ ей сердце:

Сынку мой, сынку, нэма ў моры лёду,—

Нэма ў тѣбѣ, сынку, жадного роду,

Ой, сынку мой, сынку, нэма ў моры донца,—

Нема ў тебе, сынку, да рыдного ойца!

Мотивъ обь убіеніи матерью незаконорожденного неизвѣстенъ пинскимъ пѣснямъ; есть только двѣ—три, передающія размышленіе матери, что ей дѣлать съ ребенкомъ:

Чи мнѣ тебе годуваты,

Чи ў Дунаю поховати?

Но тутъ-же дѣвушка вспоминаетъ, что „поховаўши—отъ Бога грѣхъ“, хотя и „годаваўши—отъ людэй смѣхъ“.

Впрочемъ, подобные случаи несчастнаго исхода молодого увлеченія все же довольно рѣдки, и чаще возникавшая въ молодыхъ сердцахъ симпатія ведетъ къ благополучному концу. Проходитъ веселая пора „дѣвочтва“, беззаботная весна жизни, когда едва лишь успѣла расцвѣсти „дѣвоцкая краса“, едва лишь „росла (русла) кеса“ выросла до пояса; наступаютъ пасмурные дни осени или послѣбродженскаго мясоѣда, когда ходять сватать. И дѣвушки, и парни уже заранѣе обдумываютъ свое будущее положеніе, свою участь. Часто неравное матеріальное положеніе поправившихся другъ-другу парня и дѣвушки, желающихъ вступить въ бракъ, бываетъ препятствіемъ для ихъ счастья:

На вѣдае отецъ-мать,

Хто до мэнэ залцаецца,—

говорится въ пѣснѣ. Но когда отецъ и мать узнаютъ, кто „залцаецца“ къ ихъ дочери, то далеко не всегда бываютъ согласны на бракъ. Напрасно просить отца и мать,—говоритъ парень дѣвушкѣ,—не отдадутъ за меня: у тебя отецъ и мать есть, они богаты;

У тебе хата богатая,

А я—бѣдный сыртыня.

Въ другой пѣснѣ парень совѣтуется съ матерью, кого взять:

Чи на тую богатую, що хороше убрана,

Чи на тую сыртынюку, що къ сарцу прыпала.

У хорошее, богатое—бычки да тѣлушки,

У бѣдное сыртыньки—цыцки, язь подушки.

Пѣсня развиваетъ тотъ взглядъ, что бѣдная дѣвушка—работница, что сама по себѣ—лучшій вкладъ въ домашнее хозяйство: у богатой „бычки подыхали“, а у бѣдной „волы забуили“; бѣдная „съ поля идэ—скаче“, а богатая „съ хормы идэ—плаче“. Но не всегда бѣдная дѣвушка сразу соглашается выйти замужъ за богатаго:

Ты мэнэ любышъ,—я товару (скота) на маю,—

мотивируетъ она свой отказъ, опасаясь погрѣшковъ. Но парень убѣждаетъ ее, что ей не будетъ „доганы“ (упрека) ни отъ кого.—„Не доженэшъ (упрекнешъ) ты, доженэ твоя маты“,—возражаетъ ему дѣвушка и рисуетъ

себѣ неприглядную картину положенія бѣдной невестки въ богатой семьѣ. Свекровь говоритъ:

—Устань, невеста, бодай ты не ўстала,

Выжень той товаръ, що одъ батьки напала.

Устала дѣўчина зъ бѣлое постали,

Ударылася голывою обь днѣры:

—Будо на браты, що съ черными бровами;

Будо браты, що съ кыными да зъ волами.

Каждый осенній или зимній мясоѣдъ семья дѣвушки-невесты съ терпѣніемъ ожидаетъ прибытія сватовъ, строить всевозможныя предположенія, планы. Взрослые члены семьи подтруниваютъ надъ невестою, спрашивая: „а колы-жъ пришла до тебе ў сваты Инаска?“

Случай насильственнаго брака, насколько мнѣ извѣстно, рѣдки. Это объясняется просто тѣмъ, что молодые люди сближаются между собою приблизительно равные по состоянію своихъ родителей. Всегда въ каждомъ селѣ можно наметить нѣсколько группъ молодежи, составленныхъ или изъ богатыхъ, или изъ бѣдныхъ семей; образуется какъ бы нѣсколько деревенскихъ клубовъ, каждая изъ группъ собирается на посидѣлки или вечорки въ одной избѣ, всѣ держатся другъ-друга и въ дѣтніе праздники, и въ хожденіи съ колядою и пр. Между представителями того или другого состоянія нельзя не замѣтить нѣкотораго антагонизма, который отъ родителей переходитъ къ дѣтямъ. Поэтому послѣдніе и группируются сообразно экономическому состоянію первыхъ. Замѣчу кстати, что разобщенность между крестьянами имѣетъ своимъ основаніемъ не только недоброжелательное отношеніе бѣдняка къ богачу, но также и разобщенность экономическихъ интересовъ и вообще жизненныхъ условий села. Бѣдняки находятъ въ кабалѣ у евреевъ, бросаются на заработки, ходятъ цѣлыми семьями на сѣлава, такъ что земля перестаетъ быть для нихъ единственнымъ источникомъ благосостоянія, забрасывается и неохотно обрабатывается ими. Богатые крестьяне, напротивъ, все свое благосостояніе видятъ въ землѣ, смотрятъ съ презрѣніемъ на тѣхъ, которые бросаютъ землю и отправляются на отхожіе промыслы.

Естественно, что при такихъ условіяхъ жизни сельскаго населенія, молодые люди сходятся изъ семей, одинаковыхъ по состоянію, и препятствій къ браку бываетъ мало; при томъ и родители справляются съ желаніемъ молодыхъ, замѣчаютъ заранѣе, кто къ кому питаетъ склонность и пр. Но бывають и исключенія, случаи сближенія между молодыми людьми неподходящихъ состояній, или когда родители почему-либо враждебно настроены другъ противъ друга. Тогда родственники дѣвушки стараются какъ-нибудь помѣшать браку, отказываютъ сватамъ. Въ пѣсняхъ отразился и этотъ

моментъ въ жизни дѣвушки, когда она борется съ семьею, но должна или уступить обезсиленная, или прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ.

Замѣчательно, что въ то время, какъ пѣсни передаютъ только совѣщаніе матери съ сыномъ относительно неравной женитьбы, самимъ молодымъ людямъ вовсе неизвѣстенъ мотивъ горькой доли дѣвушки, браку которой препятствуютъ отецъ или мать,—напротивъ, братъ является въ пѣснѣ главнымъ лицомъ, препятствующимъ сближенію сестры своей съ парнемъ, подобно тому какъ сестра иногда препятствуетъ брату, какъ мы видѣли выше. Такъ, одна пѣсня, отличающаяся большими лирическими достоинствами, начинающаяся при томъ съ упоминанія о Дунаѣ, что, вѣроятно, указываетъ, на ея относительную древность,—эта пѣсня рассказываетъ, какъ дѣвушка „до козака лыстѣ писала: возьми мѧна, дѣўчиноньку“. Но козака не хочетъ братъ, потому что у нея „братъ проглатый“.

Счаруй брата своего,—

Будешь мѣти мыльняного,—совѣтуетъ онъ.

Дѣвушка рѣшается и поступаетъ по совѣту козака:

Тамъ на ели сонце пѣче, зъ гаду кроў тече.

Озьми, дѣўко, квартиру-коновачку (кружку),

Постаў пудъ гадську головачку...

Сестра „спѣшно зустрічає“ брата, даетъ ему выпить „пива“, отъ котораго онъ „съ кыныка схмыўся“. Но когда она снова написала „лыстѣ“ козаку, то получила отвѣтъ:

Якъ я маю тебе брати, коли умѣнешъ чаровати?

Счаровала брата своего, а мылого—нема й чого.

Нельзя не замѣтить, что мотивъ послѣдней пѣсни имѣетъ всѣ права на глубокую древность, когда братъ старался не выпускать сестру изъ рода, какъ рабочую силу, или позже, когда онъ является главнымъ лицомъ при совершении купли—продажи невѣсты. Значеніе брата невѣсты въ заключеніи свадебныхъ условій и въ свадебномъ ритуалѣ общезнакомо. Лирика пинчуковъ, носившая на себѣ всѣ признаки архаичности, также даетъ большое мѣсто брату въ свадебныхъ пѣсняхъ и самомъ ритуалѣ:

Расплѣў братко кяску, да разлѣў же мнѣ слезку

Да по бѣлому лыченьку, по черномъ нагрудничку.

Другой важный древній мотивъ—похищеніе дѣвушки—извѣстенъ почти исключительно по пѣснямъ свадебнымъ. Молодой человѣкъ собираетъ искю „роднину ў громаду“, чтобы всѣмъ вмѣстѣ поѣхать на тестя, ставъ „своимъ полкомъ пудъ ганкомъ“ (крыльцомъ), выбить „краменну стѣну“ и взять „дѣвоньку изъ вѣнкомъ“. Вообще, пѣсень, въ которыхъ женихъ собираетъ родъ, чтобы „звезувати“ тестя, добыть дѣвушку,—много. Въ свою очередь, и родъ невѣсты принимаетъ мѣры, чтобы узнать, когда зять придетъ „воевать“. Въ иныхъ пѣсняхъ можно видѣть слѣды воспоминаній о со-

глашеніи дѣвушки съ парнемъ, послѣ котораго уже слѣдовало умыканіе. Дѣвушка наказываетъ парню прибѣгать за нею „въ понедѣлокъ раненько“, обѣщаетъ подтесать „скрыпльвыи“ ворота во дворъ своего отца, умирить сварливость его и пр. Въ пѣсняхъ отразился также послѣдовательно и тотъ періодъ купли невѣсты, когда женихъ собирается ее „выпросити и выважити золотомъ вагою“ у ея рода.

Собственно лирическія пѣсни, какъ кажется, не знаютъ этого мотива, или же въ нихъ остались только самые отдаленные отголоски. Можно найти двѣ—три пѣсни о похищеніи „Ганульки“ матросомъ, объ увозѣ дѣвушки на Дунай—рѣку козакомъ, который затѣмъ бросаетъ ее въ Дунай, или же оставляетъ привязанною къ дереву въ лѣсу; но эти пѣсни едва ли можно принять за отраженіе мотива похищенія дѣвушки-невѣсты. Притомъ же это не исключительно мѣстные мотивы; они извѣстны почти всѣмъ славянамъ, что опять-таки указываетъ на ихъ древность.

Проходитъ свадьба,—и начинается жизнь замужней женщины, полная горя и лишений. Лирика пинчуковъ почти не знаетъ ея радостей; но зато ей хорошо извѣстно ея горе. Особенно прекрасны пѣсни, рисующія положеніе женщины въ семьѣ мужа.

Ой, ты, калына! ой ты, чирвоная! Чого рано зацвѣла?

Ой, ты дѣўчина! ой, ты, молодая! Чого хутко змарнила?

—Чи мачоха, чи рѣдна мати мѧна за-мужъ оддала

На чужину, ў вальку семью: ўсѣ я воду подносю.

Ой, вийди я на високу гору, ой, гляну я, посмотрю:

Сюды гляну, туды оглянуса—ўсе чужая сторона.

Стоить, стоитъ рѣдна мати за плечима ў мѧна.

Мать совѣтуетъ ей вернуться, но это уже невозможно:

Росчесана, росплетѣна моя роса кѧса,

Накинѧна бѣла намиточка на мое жѣўты волосы.

Горько размышляя о своемъ положеніи, она призываетъ свою долю:

Ой, доля моя, доля! дѣ ты, доля, подѣблса?

Да чи ты ў огни згорѣла, чи ты ў лузи утопыласа?

Горе молодой женщины такъ велико, что вся природа отзывается на ея страданія:

Ой, я боромъ лѣнула, ўсѣ боры поздрыгала,

Боры здрыгнулы (содрогнулись), дуги затонулы.

Боры здрыгнулы, що тоненьки голосочокъ,

А дуги затонулы одъ дрыбнѣнькихъ слезочекъ.

Тѣмъ больше тоска и горе молодой женщины, если она вышла такъ рано, что еще

Не нажилася, не набылася,

На свою риднину не наглядѣласа,

попала на чужую сторону, „одъ роду одбыласа“. Теперь, съ чужбины, она собирается писать домой:

Выпишну два листочки, выпишу два письмочки,

Нэхай matka прочитай, нэхай мою бѣду знае.

Она не можетъ забыть, что виною ея отчужденности, горькой доли былъ братъ, который, какъ поется въ свадебныхъ пѣсняхъ, „продаѣ сестрицу за кончукъ“ (нагайку):

Буду ѣ менѣ два браточки,—обое выноваты,

Що ѣ отдады сестрычку на чужую сторонку.

И опять слѣдуетъ отмѣтить, что на отца нигдѣ пѣсня не сѣтуется, хотя этого слѣдовало бы ожидать, такъ какъ онъ—виновникъ несчастія дѣвушки. Косвенный укоръ матери—черта обычная, но прямыми виновниками пѣсня называется братьевъ.

Но гдѣ-же причина, въ чемъ основаніе горя молодой женщины? Дѣло въ томъ, что „свекруха невѣстухи изнавыдѣла“; она „не пускае мэнэ молодю на улицю гулять“. Невѣстка въ новой семьѣ сразу попадаетъ въ подчиненное положеніе, изъ котораго ей трудно выйти, вслѣдствіе враждебнаго отношенія остальныхъ членовъ, которые смотрятъ на нее прежде всего, какъ на рабочую силу, давно желанную въ семьѣ, и изъ которой стараются извлечь возможно больше выгоды. Крестьянка ждетъ, не дождется того времени, когда старухѣ можно будетъ отдохнуть, сваливъ всю наиболѣе трудную работу на невѣстку.

Охъ, вѣликая семья вчераты сѣла,

Охъ, мэнэ молодю да послала по воду.

Поки жъ воду принесли, то вѣчера одишла.

А мой мылый стоитъ, проти менѣ говорить:

—Чому, мылая, етоишь, чому ложки не моешь,

Посталь бѣду на стальежь?

Она, скрѣпя сердце, постлала постель и легла спать, но „не улежалася, да прислухалася“: семья мужа „карае“ (коритъ): „Чому жонки не бьешъ“? Мужъ, хотя повидимому и симпатично относящійся къ своей женѣ, мало защищаетъ ее; онъ предлагаетъ семьѣ:

„Колы вона сонлива, то будытѣ ее;

Колы вона ницѣ (ничего) не знае, то вучитѣ ее;

Колы вона вамъ не трѣба, одсылайтѣ ее“.

Чужая семья обращается съ нею сурово: свекоръ запрещаетъ невѣсткѣ даже выражать свое горе пѣснями.

Сама иду дорогою, а голосокъ дубровую;

услышавъ его свекоръ, „на ганочку сѣди, ѣ оболоночку гляди“;

Коли идѣ дѣтя мое, то нэхай вѣсале;

Коли невѣсточка, нэхай прыгхыае

И къ дѣлу привыкае.

А свекровь задаетъ ей трудныя работы, притомъ со строгимъ наказомъ. Посылая невѣстку вырвать въ чистомъ полѣ день, она приказываетъ:

Нѣ вырвашъ дену,—не иды до дому.

Вохъ, и рвала, рвала, да не вырвала,

У чистому полю прыночовала,

У чистому полю при долиноцѣ,

Тонкой, высокой тополиноцѣ.

Милый шель „зъ Украиньонки“, куда послала его мать, увидѣлъ въ полѣ „тополю за тры миленьки“:

Вохъ, станьмо, братцы, подивѣмоса,

Прыдѣмъ до дому, похвалимоса:

—Вохъ, маты, маты, ты-жъ матусенька,

Што ѣ нашімъ поли за тополя ростѣ?

Тонка, высока, листомъ широка;

Што одъ вѣтрыку похыляецѣ,

А одъ солнушка не мѣняецѣ.

Мать сойтываетъ сыну взять „гостру сѣкерку“ и срубить въ полѣ тополю. Ударилъ онъ разъ—тополи согнагнудася,

Сѣкнуѣ другой разъ—ажъ тѣло бѣло,

Сѣкнуѣ третій разъ—заговорила:

—Нѣ рубай мэнэ,—я твоя мыла! ¹⁾.

Отданная „одъ роду, одъ роднынѣ“, получившая наказъ отъ матери, „кабъ ѣ гости не бувала“, „щобъ семь лѣтъ не бувала“—молодая женщина собирается лѣтъ домой „ѣ рочокъ“ (чрезъ годъ) то въ видѣ „заузульки“, то „соколя“. Прилѣтѣла въ садъ, „сѣла, упала у брата ѣ саду голысно заковала, жалысно заплакала“. Вышелъ братъ „заузульку гоняты“: „колы сѣстра моя, то просю-жъ до хаты“. Въ другой пѣснѣ она собирается лѣтъ соколомъ и упасть „у матки на порозѣ“. Мать вышла, „розлыла слезы“.

—Охъ, покынъ, маты, плакаты, да научи гороваты...

Охъ, маты-жъ, маты! дѣ доли дѣласа?

Ой чи ѣ огни згорѣла, чи ѣ Дунай утонула?

Коли ѣ огни згорѣла, тамъ лежить пѣпальце;

Коли ѣ Дунай затонула, тамъ лежить камѣнце.

Таковы представленія о горѣ женщины въ семьѣ ея мужа, пока она занимается подчиненное положеніе въ ней, пока сама не сдѣлается хозяйкою, свекровью и сама не будетъ загадывать сыну „тополю рубаты“. Но горе, переносимое женщиною въ чужой семьѣ, не единственное горе ея

¹⁾ Срв. „Этногр. Обзор.“ III, 42, 50—2, 211; VI, 234; VII, 252.

жизни; этим не ограничиваются ее несчастия, и скорбная лирика пинчука сопровождает женщину во всех многообразных случаях ее жизни. Не всегда только семья мужа доставляет страдания женщинам, бывают и другие причины:

Вышла я за-мужь молода,
Первая бѣда, што дѣтинушка мала,
Другая бѣда—свакровошка лиха,
Третья бѣда—мой мыльный не любить.

Со стѣсненнымъ сердцемъ, не разъ мысленно обращается она къ матери:

Маты жь моя, маты! мэнэ мужь не любить,
До иншое ходыть.

Хорошо еще если есть родня, есть съ кѣмъ размыкать горе; но она нередко остается круглою сиротою; «померь отецъ-маты, гостыня минѣца». Нѣтъ «гостыни» у родныхъ, не съ кѣмъ поговорить, отвести свою душу, не передъ кѣмъ поплакать о томъ, что она «свой лѣта марно тратитъ». Молодые годы проходятъ подъ гнетомъ несчастій и нуждъ. Молодая женщина только что расцѣлѣла, вошла въ жизнь, ея «первый мыльный» остается тѣмъ-же для нея; она рвется къ нему всѣми силами своей души: несеть ему обѣдъ въ поле и уже задумывается, ласкается себя мыслью, «чи нэ скаже мыльный съѣсти», «чи нэ будэ говорыты». Но не тутъ то было: хотя она и «охвоча, и робоча, и до людей говороча», но мужь «напыўса, нафўса» и «на родлю (землю) схмыўса». О чемъ онъ думаетъ?—спрашиваетъ его жена. Думаетъ онъ о томъ, что «неудалю жонку имѣть». Оскорбленное чувство женщины заговорило въ ней; она вспоминаетъ, что не такъ давно и она была мила ему, когда они собирались на вечерки. Она говоритъ ему:

Нэ выфѣзлы тобѣ очи,—
Нэ свататы було ў ноцѣ;
Було свататы мэнэ ў дэнѣ,
Роспытатца старыхъ людѣй!

Нелюбящий мужъ приходитъ домой «ў бѣлому свѣци», (на разсвѣтѣ) ложится спать «попэрэкъ кровати», къ своей женѣ «плечима, а до стѣны очима».

Ой, одвернысь, мыльный, я табэ розую,
Хочь разъ поцѣдную,—
умоляетъ жена; но мужь ее гонитъ:
Охъ, есть у мэнэ луччѣйша отъ табэ;
Вона жь мэнэ розуе, семъ разъ поцѣдуе.

Бѣжитъ молодая женщина къ быстрой рѣчкѣ, рассказываетъ другая

пѣсня, чтобъ посмотреть, какъ ея милый ѣдетъ съ другою; посмотрѣла, «да на лицѣ ¹⁾ лозы похмылалася»:

Ой, вѣнь, вѣтру, погѣнь съ далекаго краю!
Нэхай зобачу, по чимъ же я плачу,
Нэхай надѣўлюся, по кимъ я журуса.

И вздыхаетъ тяжело молодая, ложась и вставая «сама молодѣнька» на «постели пуховынькой». Нѣсколько пѣсень рассказываютъ, какъ женщина бѣжитъ за милымъ «ў поганы», спрашиваетъ когда онъ вернется, зоветъ «вечераты», но получаетъ отвѣтъ: «вечерай сама», застаётъ милого сидящимъ «у сусѣдки за столомъ» и т. д.

Не всегда дѣло ограничивается одними только нравственными страданиями. Мужъ, «пьяница—ледащца», чужой женѣ

Мадъ, горѣлку купуе,
А на свою нѣўдалочку да ногайку готуе.

Несетъ мужъ, говоритъ другая пѣсня, подъ полою «ногаю дротяную», возвратившись домой «къ бѣлому свѣту», и приказываетъ женѣ итти въ корму и выкупить коня вороного:

Якъ выкупышь—люблю табэ,
Нэ выкунышь—убью табэ,
Убую табэ, замордую (замучу).

«Ногай дротяный» (перевитый проволокою) часто ходитъ по «бѣлу тѣлу» несчастной жены:

Якъ ударыў мэнэ да по бѣлому плечу,—
Полылася кроў горяча, побѣжала по лицу.

Или вотъ какъ грозится мужъ истязать свою «шельму» жену: онъ намѣренъ привести ей изъ города «ногай дротяный», привязать къ сивому коню и пустить въ чистое поле,—

Нэхай собѣ кынъ нагуляецца,
А шельма жона научаецца.

Доля жены представляется въ мрачныхъ краскахъ даже тогда, когда милый не измѣняетъ ей. Одна пѣсня изображаетъ еще новую печальную картину семейной крестьянской обстановки. На полѣ «ратай» пашетъ и посматриваетъ на дорогу: чужія жены обѣдъ несутъ, а его—нѣтъ. Бросилъ онъ воловь, и идетъ домой:

Уступыў я на подвырье,—подвырье мое нэ везалое,
Уступыў я ў радѣнку,—радня моя нѣтопная;
Да жена сына родыла, дай на вѣки заснула.
Чи нэ було дѣтаты да воды податы?
Чи нэ було сусѣдочки кому ратоваты?

¹⁾ Вм. «нице» (нищя)? Нищій—низко растущій (о лозахъ-кустахъ).

Эта небольшая картинка, выхваченная прямо из жизни, изображает одно из многочисленных проявлений крестьянской беды. Но не всегда доля женщины имѣть такой печальный безпросвѣтный исходъ: проходить годы, боязнь за невѣрность милого иѣтъ мѣста, вырастаютъ дѣти, она дѣлается хозяйкою дома, сама имѣетъ невѣстокъ, распоряжается ими; приходитъ, повидимому, время отдыха.

Но эти свѣтлыя минуты омрачаются опять новымъ горемъ: сынъ подрастаетъ, приближается время итти ему въ солдаты; женское сердце, отдавшее все свое вниманіе, всю заботливость и нѣжность любимому сыну, получаетъ новыя испытанія. Со слезами мать снаряжаетъ сына.

— „Наплачесса той часъ, матко, якъ буду ў дорозі“,
останавливаетъ онъ ее.

Нэ кажи, сыночку, тяжкими словами,

Буду тэбэ обливати дрыбнымі слёзамі,—
отвѣчаетъ ему мать.

Не лучше ея участь и тогда, когда она остается вдовою:

Зашумѣло дрэва (2) надъ водою стоячи,

Заплакала ўдова (2) сына Івана родячи.

— „Що мнѣ тобѣ робыць?“—спрашиваетъ она сына: женить тебя или отдать въ солдаты? На это сынъ отвѣчаетъ:

— Матко жъ моя старенькая,

Якъ голубка смывенькая!

Якъ ты мэнэ оженышъ,

Сэрце свое звэсэлышъ;

А ў солдаты оддасы,

Сэрцу жалю задасы.

Таковы въ главнѣйшихъ чертахъ перипетіи горькой женской доли, про которыя знаютъ пѣсни пивчунковъ, отъ молодости женщины вплоть до самой старости.

„Гапонъ“

повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ языкѣ

В. Дунина-Марцинкевича.

(Изъ исторіи бѣлорусской письменности ¹⁾.)

I.

Время до 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія, т. е. до послѣдней польско-русской войны, ознаменовалось въ польской литературѣ значительнымъ оживленіемъ въ изученіи мѣстныхъ этнографическихъ элементовъ, входившихъ нѣкогда въ составъ Польскаго государства. Почти съ начала нашего вѣка въ этой литературѣ начали появляться изслѣдованія о Малороссіи, Бѣлоруссіи и Литвѣ; эти области изучались съ исторической этнографической и экономической точки зрѣнія. Такому направленію не мало способствовалъ Виленскій Университетъ, закрытый послѣ польскаго возстанія 30-хъ годовъ; въ немъ сосредоточились цвѣты тогдашней польской науки, въ немъ были лучшие тогдашніе польскіе профессора, изъ него вышли извѣстные ученые. Конечно, наука далеко ушла съ тѣхъ поръ, но однако ко многимъ работамъ того времени изслѣдователями Западно-русской старины приходится обращаться и теперь: таковы труды Ярошевича, Нарбутта, Тышкевича и др. Вліяніе Виленскаго университета продолжалось и послѣ его закрытія до событій 63 года, когда началось усиленно расти вліяніе великорусское.

Литературное и научное движеніе того времени, начавшееся въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, въ основѣ своей было чисто мѣстнымъ движеніемъ; руководителями его были туземные уроженцы, дорожившіе мѣстными интересами, съ любовью обращавшіе свои интеллектуальныя силы на изученіе мѣстной жизни въ ея прошедшемъ и настоящемъ. Сообразно съ тогдашнимъ поло-

¹⁾ Полное заглавіе этой повѣсти слѣд.: „Hapon, powieść białoruska, z prawdziwego zdarzenia, w języku białoruskiego ludu napisana. Przez Wincentego Dunina-Marcińkiewicza. Minsk, 1855 г.“ (Ст. наст. напечатана въ „Календарѣ Сѣверо-Зап. Края“ на 1888 г.).

женіемъ дѣлъ, это научное оживленіе шло изъ Польши и потому литература упомянутого направленія до сихъ поръ считается польскою. Однако это не совсѣмъ справедливо, потому что ее можно признать польскою развѣ по языку, на которомъ большая часть ея написана, но по направленію своему ее нужно признать вѣрше всего бѣлорусско-литовской.

„Политическое событіе,—говоритъ Везонюгъ, нѣкогда сплотившее ихъ суровою силою и именемъ Литвы, отозвалось вновь: усиленно стали всѣ принимать названіе Литвы, литовцевъ, литовскаго и подъ этимъ названіемъ дѣйствовать, по возможности вмѣстѣ, сообщая, не всегда къ одной, но по крайности къ нѣсколькимъ сходнымъ цѣлямъ. Недостойно было-бы намъ, по обычаю другихъ, видѣть и здѣсь хитрое укрывательство полиціи или предлогъ затереть все русское: не диво, если полякъ, не имѣя возможности жить въ семь качествъ, преобразался въ Литовца, а Русь одѣвалась Литвою, чтобы отличить себя отъ извѣстнаго русизма; въ сей-формѣ поляки все-таки давали отпоръ исключительности польской, какъ давало нѣкогда Литовское княжество, а Русь все-таки выводилась на сцену, хотя и подъ собирательнымъ, политическимъ нѣкогда, теперь же народнымъ именемъ Литвы. То была просто и естественно искомая формула хотъ какого либо примиренія“ (Бѣлор. Пѣсни). По тогдашнимъ взглядамъ, господствовавшимъ въ Польской литературѣ и обществѣ и поддерживаемымъ русскимъ даже правительствомъ, Бѣлоруссія не различалась отъ Литвы: та и другая считались частями Польши; бѣлорусскій языкъ, называемый большей частью древнимъ именемъ „кревицкаго“, считался смѣсью польскаго съ великорусскимъ.

Какъ ни смутны были понятія многихъ тогдашнихъ ученыхъ объ этнографическомъ и историческомъ различіи Литвы и Бѣлоруссіи отъ собственной Польши, однако они видѣли различіе интересовъ этихъ народностей, создавали хорошо свои мѣстные интересы того племени, среди котораго они родились, выросли; они стремились придти на помощь этому мѣстному элементу, облегчить страданія простого народа. Г. Пыпинъ рисуетъ такое положеніе слѣдующими достойными замѣчанія словами: (стр. 295—6 „Вѣст. Евр.“, 87 г. июнь).

„Нельзя было не видѣть, что въ западномъ краѣ эти массы были въ громадномъ большинствѣ чужды польской національности—русскія и литовскія; но, по старой памяти, никому не приходило въ голову, чтобы эти массы, при какомъ либо дальнѣйшемъ развитіи, могли найти иные средства просвѣщенія, кромѣ польскихъ, и могли вступить на иной путь цивилизаціи, кромѣ польскаго. Рядомъ съ этимъ была—часто горячая—любовь къ своей мѣстной родинѣ, къ ея исторической и бытовой особенностямъ, къ народному обычаю, знакомому съ дѣтства и въ панской средѣ; въ этой средѣ не чужды были и народный (въ данномъ случаѣ бѣлорусскій) языкъ, къ которому

привыкали отъ нянекъ, домашней прислуги и отъ сельскихъ рабочихъ: многие изъ панства, сами бѣлоруссы, кажется, до довольно поздняго времени не были окончательно полонизованы, и языкъ бѣлорусскій частію держался и въ этой средѣ, какъ родной; въ мелкой „защѣпковій“, „околичной“, шляхтѣ—тѣмъ болѣе. Народно-романтическое направленіе литературы совпадало съ этой памятью бѣлорусскаго и съ привязанностью къ нему въ самой жизни,—и въ мѣстномъ патріотизмѣ произошло довольно странное соединеніе весьма разнородныхъ элементовъ: этотъ патріотизмъ былъ „бѣлорусскій“, но сущность его была польская. Онъ былъ бѣлорусскій—по любви къ территоріальной родинѣ и ея пейзажной и бытовой обстановкѣ, но вся жизнь самаго бѣлорусскаго народа понималась съ чисто польской точки зрѣнія: этотъ народъ игралъ только служебную роль; его бытовое содержаніе, его поэзія не могли ожидать какого-нибудь собственнаго самостоятельнаго развитія и должны были только послужить въ обогащенію польской литературы и поэзіи, какъ самый народъ долженъ былъ питать польскую національность, въ которой онъ и считался“.

Вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ въ средѣ тогдашней мѣстной бѣлорусской интеллигенціи появилось много собирателей памятниковъ народнаго творчества, каковыми были: Зенькевичъ, Сырокомля, извѣстный польскій поэтъ, бѣлорусъ по происхожденію и мн. др. Тогда же у многихъ зародилась мысль о возможности создать искусственную бѣлорусскую литературу, представителями которой явились Янъ Чечотъ, Дунинъ-Марцинкевичъ, Маньковский и мн. др. Кромѣ литературнаго интереса, эти произведенія имѣютъ значеніе чисто этнографическое, такъ какъ авторы ихъ обладали обширнымъ знаніемъ бѣлорусскаго народа, его языка, обычаевъ и обрядовъ, домашней обстановки и проч. Съ этой стороны остатки бѣлорусской литературы имѣютъ глубокий интересъ. При томъ въ настоящее время сочиненія эти составляютъ большую библиографическую рѣдкость. Съ однимъ изъ такихъ произведеній „Галонѣмъ“, принадлежащимъ перу Викентія Дунина-Марцинкевича¹⁾, мы и намѣрены познакомить читателей.

II.

Содержаніемъ повѣсти служить судьба героя ея *Галона*, по происхожденію крестьянина, который, попавъ въ солдаты, благодаря кознямъ эконома своей помѣщицы, влюбленнаго въ невѣсту Галона, дослуживается

¹⁾ Дунинъ-Марцинкевичъ родился въ 1807 г. въ Минской губ. Бобрыйскаго уѣзда, въ фольваркѣ Полюшкеничахъ, и скончался въ 1885 г. въ мартѣ мѣсяцѣ. Когда печаталась настоящая статья въ 1888 г., то московская цензура выбросила изъ нея біографію Марцинкевича и его портретъ. Къ сожалѣнію я не могу теперь возстановить ни того ни другого.

до офицерского чина и женится на давно любимой имъ крѣпостной той же помѣщицы—Катеринѣ. Повѣсть состоитъ изъ 4 пѣсенъ, изъ которыхъ каждая рисуетъ различные моменты жизни героя.

Въ первой пѣснѣ авторъ рисуетъ живыми красками веселье бѣлорусскихъ крестьянъ; это—одно изъ лучшихъ мѣстъ повѣсти по живости изображенія и вѣрности жизненной обстановки, равнымъ образомъ и по изложению. Передъ читателемъ, хоть немного знакомымъ съ нашей деревней, рисуется очень оживленная картина веселья, когда крестьяннѣ, натомившись отъ непосильнаго труда, спѣшить въ корчму, чтобы тамъ, подъ вліяніемъ водки и удалой пляски, сопровождаемой пѣніемъ, отдохнуть на свободѣ, забиться хоть на нѣсколько часовъ.

Шумъ, крикъ, гомонъ у карчмѣ.

Кипитъ сельская дружина,

Пива, мѣдъ, гарелки пье,

Ажъ-ны курица чужина.

Гаспадары за столами

Громка гутарку вядуць,

А ландарка зъ ландарами

Мѣдъ, гарелку раздаюць.

Хлопцы, дзѣўкі, маладзицы

Ля парога гаманяць,

А старые чараўницы

Цишкомъ ля пѣчи сядзюць.

Апанасъ на скрыпцѣ йграець

Лявониху, то бычка,

Гапонъ жару подавайець:

„Зыграй, крычиць, казачка!“

Ажъ гокнула Кацярынка,

Такъ задаў ей кулакомъ,

„Хадзи, майя ты малинка!“

Дый затупай хадаромъ.

„Ананя рѣжъ вясѣлу!“

Крычыць громка нашъ Гапонъ,

Дый забраўши ў свецѣ полы,

Меремъ хохликъ! меремъ ёнгъ!

То ў прысудки выкидайець,

Ажъ-ны стогнецъ падъ нимъ полъ,

То галубца падбивайець,

Ажъ-ны трасецца хахоль.

„Ахъ! ухъ! давай жару,

Давай боли, давай пару!“

Крычиць Гапонъ, дый гуляйецъ,
Падъ скрыпачку падбивайецъ.

„Эй чухъ Кацярынка!

Чабочки красны;

Каму блинцъ, како любяць

Твои вочки ясны?

„Эй, чухъ Кацярынка!

Твои кудры ёюцца,

Скачецъ, пляшецъ, майя мила,

Ажъ шочки трасуцца“.

Трейчи Гапонъ прамахнуў,

Бражджаць ножны зъ вагнивомъ,

Стаў на мѣсцѣ—падгугнуў,

Дый затупаў хадаромъ.

Кацярынка-жъ успляснула,

На миленькаго зиркнула,

Хвидъ! снадичку разпусцила,

Тречи запятокъ надбила,

Дробны ножки выкидаецъ,

Чаравички скрыпяць,

А изъ вочакъ ажъ сийайецъ,

Вытцемъ искры лецаць.

Русы коски падлятайюць,

Касники якъ жаръ гараць;

А вось выжей якъ заграюць,

Такъ и возьме прыгнѣваць:

„Милы Харто, милы Саўка,

Да милѣйшижъ мой Гапонъ,

Хахоль ясны поясъ красны,

А галасокъ! кабы звонъ.

Ня хачу Саўки, Хартона,

Мнѣ жыць съ ними ня быць,

Валѣй майго Гапона,

Съ нимъ ня буду я тужыць!“

Пляецъ, пляшецъ, падбивайецъ,

Усякъ вокамъ за ней бродзецъ,

Якъ ластачка надплывайецъ,

Ажъ-ны хочацца глядзѣць.

Ананя—воўча юха!

То ўже нечаго маниць!

Ярка рѣже изъ завуха,

Ажъ скрипка яго звиниць.
 Мицелицу дробирайе,
 Йомка, громка, ладны част!
 Дробна шыкамъ подсѣкайе,
 Звиниць рымка—гудзиць бастъ,
 Ловець е уперши ў бруха,
 Ля кабылки настъ дзяржаў,
 Дали сцяхнуў—дый зъ завуха
 На лявонику падняў.

Схвапиў Гапонъ Кацяринку,
 Смѣла къ сердцу прыцхнуў,
 Абняўши рукой за спинку,
 Лявонику успрыхнуў.

Угрунь за нямъ маладзицы,
 Дзѣўки, хлопцы, хто якъ змогъ,
 Дражаць чупрыны, спадницы,
 Суматоха—што крыў Богъ!

Атъ пилу ажъ пацямнѣла,
 Хохать, лопать, шумъ да крыкъ,
 Якъ у гаршку закипѣла,
 Якъ на быдла напаў зыкъ.

Той ўпрысидки, той выкидки,
 Чупрыны, якъ ипець, дражаць,
 Тая бокамъ, тая спокамъ,
 Дай такъ возмучъ припѣваць:
 „Ахъ, валижъ я ў матульки быда,
 Якъ вишенька ў садочку цѣбла,
 Папалася злому духу, мужику,
 Йонъ высушиў, якъ липинку у духу.
 Наѣхала повенъ дворъ татароў,
 Да узялижъ майгожъ мужа у палонъ.
 Не жалѣежъ мнѣ, што яго узяли,
 Толька шкода, што ня крѣпка звязали;
 Йонъ паганецъ удачець, удачець,
 Мнѣ галоўку натаўчець, натаўчець.
 Требажъ будзя сцяражцыся, удакаць,
 Съ варабьями падъ страхомъ начаваць“.

Дали крикнула Тацяна,
 Абняўши за шию Яна:
 „Пашоў Янка у грывы,
 Тацяна у апенки;

Спаткалися, абнялися,
 Якъ дзѣтки маленьки“.

А за нею Халимонъ,
 Гудзиць якъ царкеўны звонъ:
 „Ой Боже мой, Боже!
 На што я радзиўся;
 Состарѣўся якъ сабака,
 Досюль ня жаниўся“.

Пирастаў—Ганка спляснула,
 Дый тоненька зацянула:

„На улицы курта бреше.
 А да мене милый чеше,
 А чи чеше, чи ня чеше,
 Да ня даромъ курта бреше“.

Вотъ такъ пляшучъ, припѣвайюць,
 Хохать, лопать, крыкъ и зыкъ,
 Ажъ надъ пылъ падлятайюць,
 А якъ рѣзаў—рѣже смыкъ!

Однако гулянье на этотъ разъ окончилось для молодежи весьма печально: эконоомъ съ войтомъ явились въ самый разгаръ гульбы, они пришли забрать изъ молодежи рекрутовъ. Всѣ бросились, кто куда могъ, одинъ только Гапонъ „хвалиў за коль“ и началъ обороняться. Долго съ нимъ не могли справиться, но наконецъ эконоомъ догадался: онъ забросалъ его кожухами, подушками и проч., такъ что Гапону нельзя было повернуться; его связали, заковали въ колодки и сдали въ солдаты.

Во второй пѣснь авторъ знакомитъ читателя съ героемъ и героинею своей повѣсти: *Гапономъ и Катериною*:

„У вяликамъ ў сятѣ
 Надъ Днѣпроўскай стараноу,
 На прыгорку ў вуглѣ,
 Межъ тѣсамъ, да межъ ракою,
 Тамъ стаили двѣ хадины,—
 Усины, друга Гарпины.
 Пернай мужикъ быў Миронъ:
 Не вѣсь за якіе грѣхи,
 Ня дажиў зъ сына пацѣхи,
 А той сынъ—быў нашъ Гапонъ.“

Йонъ —нема чаго казаць!
 Горды, смѣлы,—зухъ дзяццина!
 За сваихъ умѣў стаецъ,
 А прыгожи якъ малина,

Да и письменны-жь быѹ йонѣ:
 На яго саусихъ старонѣ
 Дзѣўки сумаўчкомъ зиркали,
 На игрышкахъ присядали;
 А Гапонѣ али глядзицѣ,
 Йонѣ при сужаной дзяўчинѣ,
 Наймилѣйшай Кацярынѣ,
 Якъ присядзе—дыкъ сядзицѣ.

У ўдавы же Агрышны,
 Апрычъ дочки Кацярыны,
 Болий не было сваихъ;
 Ена съ Усцинней кумойю
 Жила якъ рука съ рукою.
 Адна дума была ў нихъ,
 Штобъ сваихъ дзѣтакъ засватаць,
 Штобъ худобку имъ прыпратаць,
 Штобъ якъ сядуць на сваёмъ,
 Яны весела зажили;
 Безъ патрэбы ня тужили,
 Ня рупели ня обѣ чомъ.

У Грышны-жь Кацярына,
 Крый Боже! бяды ня знала,
 Якъ у садочку малина,
 Расла, цвяла, даспѣвала:
 На шочкахъ кроў сь малакомъ,
 А вочки блипаць агнѣмъ,
 И семнадцать уже лѣтъ,
 Якъ прышла яна на сѣтъ.

Нужъ зъ сабой кумы сайдуца,
 Тутъ заразъ гадки начнуца,
 Пара, бачъ, дзяцей жаниць;
 Яно ўсяки адкладъ,
 Ня вельми идзе на ладъ;
 Пойдаць Пани чаломъ биць:
 А тамъ—дзѣйсѣ Божа воля!
 Якъ прыбярэмъ ўсе сь поля,
 Дзѣтакъ къ вяццѣ новадомъ.
 Гетаць стары гуманили,
 И напеўна улажили,
 Да памѣшаў Аканомъ.

Далѣе разказываецца довольно обыкновенная исторія временъ крѣпостнаго права:

„Йонѣ—бачъ ты, сабачи сину,
 Уподобаў Кацярыну,
 Дый нужъ къ бѣдной присядаць;
 То ластачкай падпывайе,
 Красны слаўда выпускае,
 Штобъ якъ небудзь иѣе ўняць.

А Кацярына нябога!
 „Бойся, каже, Паничъ, Бога!
 Ета жъ грѣхъ така напасць;
 Якъ пожалюся Гапону,
 Йонѣ пеўне такога гону
 Паничу ципкомъ задасць,
 Што зубоў не пазбираешъ,
 И ахвоту пацярайешъ
 Чужихъ нагѣстакъ кмулицъ“.
 Команъ Гапона зликаўся,
 На часъ адстаў, да заклѣўся
 Маладыхъ йонѣ пагубиць“.

Приведенная характеристика героя и героини повѣсти не отличается, какъ видно, поэтическими красотоми; въ художественномъ смыслѣ она весьма слаба, но за то вѣрна дѣйствительности: она вполне составлена въ народномъ духѣ, соотвѣтствуетъ его понятіямъ о красотѣ и удалствѣ. Далѣе авторъ излагаетъ, какъ удалось эконому отомстить Гапону, какъ сопернику, и Катеринѣ за нанесенную ею ему обиду. Отъ кормяря Ирки эконому узнаетъ, что Гапонѣ собирается засылать сватовъ къ Катеринѣ безъ предварительнаго разрѣшенія помѣщицы, и кромѣ того, что Гапонѣ, узнавъ о томъ, что скоро будутъ набирать рекрутовъ, бунтуетъ деревенскую молодежь. Эти извѣстія даютъ эконому случай поиздѣваться надъ Гапономъ и въ то-же время заставить помѣшницу сдать его въ солдаты, не дожидаясь набора. Расправа папа эконома съ подлыстнымъ ему крестьяниномъ—случай весьма обыкновенный въ тогдашней жизни, описанъ у автора со всею рѣзкостью, характеризующею тогдашнія отношенія. Экономъ призываетъ къ себѣ Гапона и не ожидающаго, быть можетъ, грозы:

„Рыжи вусы Аканомъ
 Щецю уверхъ поднялись;
 Зиркнуў скося на Гапона,
 Вочи кроўю залились,
 Губы страшина накривіў.
 Кнутъ у жмени ажъ тращилъ:

Якъ къ Гапону падступѣ,

Такъ и ѣзяѣ яго сучицѣ:

„Якъ ты смѣешь, воѣча юха!

Безъ двора у сваты слапъ?“

И брызнула аплинуха,

Што Гапонъ лезъ могъ ѣстацѣ.

„Осъ я табѣ, ѣражи сыну!

Якъ адыѣшу сатни дѣѣ,

То забудзешъ Кацѣрину,

Да забудзешъ и самъ гдѣѣ.“

Гапонъ на бокъ пашатнуѣся,

Тваръ далоню закрьѣ,

Наакола аглинуѣся,

Да за таѣкачъ ухвациѣ.

„Кабы я Бога ня баяѣся,

Показаѣ бы я табѣ!!

Чаго ты тутъ прискепаѣся:

Думаѣшь, баюсъ кабѣ?

Пани за то ня сирдица,

Хоѣшъ шлюцъ сваты безъ двора,

А пазнаѣяе жаница,

Якъ каму на то пара:

А ты! маѣляѣ, ваѣкулака,

Здекуеѣшься тутъ надъ нами;

Сиражиси жѣ ты, сабака!

Помни, што и мы зѣ зубами!“

Каманъ якъ ту рѣчъ сумѣѣ,

До стадоѣлы набѣжаѣ,

Гапонъ кончицѣ ня пасѣѣѣ,

Такъ съ карчмы йонъ пягу даѣ.

На этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, экономъ не остановился: онъ отправляется къ помѣщицѣ, увѣряетъ ее, что Гапонъ бунтуетъ молодежь, убѣждая уйти въ лѣсъ для избѣжанія рекрутскаго набора; какъ спасительное средство, онъ предлагаетъ сдать бунтовщѣка немедленно. Помѣщица, запуганная имъ, на все согласна, и Гапона, какъ мы уже видѣли при изложеніи содержанія первой пѣсни, сдаютъ въ рекруты. Катерина не была оставлена экономомъ въ покоѣ: онъ употребляетъ всѣ средства погубить несчастную дѣвушку:

„А Романъ при ѣднѣй скаче,

Вотъ налегъ яѣе згубицѣ....

То прыкинеца къ ней лисамъ,

То са злосци страшнымъ бѣсамъ,

Штобъ якъ небудзъ яѣе змочъ“.

Чтобы имѣть больше возможности подѣйствовать на свою жертву, онъ даетъ ей работу въ прачечной при дворѣ, отрывая такимъ образомъ отъ любимой матери. Однако случай помогъ Катеринѣ избавиться отъ приставаній эконома и въ то-же время погубить послѣдняго. Служа при дворѣ, она однажды въ саду „ѣ цемнымъ ѣ кусточку“ пролила горькія слезы, вспоминая о печальной участи любимаго Гапона. Въ этомъ положеніи застаѣтъ ее помѣщица, расспрашиваетъ въ чемъ дѣло, и узнаѣтъ всю правду. Возмущаясь поступкомъ своего служащаго, она тотчасъ-же выгнала эконома изъ своего имѣнія, а Катерина:

„Якъ пакайова дѣѣчина,

Пры пани стала служицѣ;

Пани яѣе полюбила,

Читаѣ, писаѣ наѣчила.

На ксенжцѣ Бога хвалицѣ“.

На этомъ заканчивается вторая пѣсня. Содержаніемъ третьей—служить рекрутскій наборъ въ г. Могилевъ, на которомъ самъ экономъ попадаетъ въ солдаты. Эта часть поѣсти, не отличаѣясь художественными красотами, тѣмъ не менѣе весьма интересна, такъ какъ обильна чисто народными сравненіями и оборотами.

„У горадѣ Магилевѣ,

Пры широкоамъ пры Днипрѣ,

Гудзицѣ кабы шершни у дреѣѣ,

Киницѣ якбы у катѣѣ.

Тамъ улицаѣ Пани гоницѣ,

Калиска страдой яѣицѣ,

Надъ каньми ажѣ зямѣя стоницѣ,

А хварысь, падзи, кричицѣ!

Тутъ сустѣриѣшь каламажку,

Вотъ коники! глядзѣ! кругомъ

Гладки—яѣицѣ у размашку;

Гета, пеѣне, Аканомъ.

Дали хтось тамъ на драбинѣ,

Коникъ бытцѣмъ ракъ паѣзе,

Згадаѣешь па кисѣй минѣ,

Што паѣсѣсѣра яѣзе.

А тамъ хвурманаѣ багата,

Маѣляѣ, грибоѣ у бару;

Глядзиши! — то нашего брата

Вязуѣ на службу Цару.

Кабы голодны сабаки,
Такъ жилюски лапсардаки
Лезуць къ табѣ якъ сабаки;
Пападзисе-жъ имъ у когци,
Наўрадъ патрафишь ихъ змогци,
Вытрыбушаць карманъ твой.

Вотъ у каменны палаты,
Сходящца паны богатъ,
Золота на нихъ кишиць:
Мужикоу туды-жъ приводзяць,
И аднадворцы приходзяць,
Тамъ на службу майоуць брыць.

На сиредзинѣ святлицы
Станць столь накрыть сукномъ,
При нѣмъ, съ крыжамъ у пятицы,
Падпёршися кулакомъ,
Ясны Маршалакъ сядзиць;
Йонъ, маўляѣ, рабинъ у школѣ,
Чи якъ хурманъ у стадолѣ,
Важна такъ на ўсихъ глядзиць!

Направа панъ вельми сроги,
Вусы якъ у быка роги,
Вотъ такъ старчимою стаяць;
Водасы яго сивеньки;
Мундзиръ на нѣмъ галубеньки,
На грудзяхъ крыжи блищаць.

А за нимъ якимъ пузаты, —
Бытцемъ мядзвѣдзь такъ косматы, —
Гета дохторъ майе быдзь;
Руки за собой трймайе,
Пальцами пирабيراе,
Дый часто у карманъ глядзиць.

Съ лѣвой стараны Маршалка,
Тоненьки, просты якъ палка,
На розумъ, видна, хицѣръ!
Йонъ съ надобія паглядаецъ,
У рудѣ пиро тримаецъ:
Гета, кажущъ, пракуроръ,

На канцѣ якисъ вайсковы,
Смаглы, видны и здаровы,
Прыгоженьки кавалеры!

Часта йонъ на стойку вокамъ
Мешиць у раздумьи глубокамъ:
То прыйомный ахвицеръ.

Вотъ съ кресла Маршалъ схвацѣся,
Усѣмъ у поясъ покланиўся,
Табакеркай заскрыпѣў;
Дали крыкнуў на дзорцу;
„Нехай начнуць аднадворцы!“
Дый зноу на мѣста прысѣў.

Тутъ ля бакавой раздаўся
Святлицы жалобны стонъ,
И найпершій показаўся
Нашъ знайомы Аканомъ.

Якъ прышла шляхцѣ тревога,
Штабъ бумаги ўсякъ складаў,
Команъ, съ дапущена Бога,
У аднадворцы палаў.

И вотъ, маўляѣ, ня урогамъ
Кажучи, пагана чесьцъ!
Треба-жъ, бытабы парокамъ
На очередь яму ўлещъ.

Якъ вала вядуць на бойку,
Такъ Аканомъ падъ стойку,
Йонъ-же не пацягне й ногъ;
Да скорчѣся у клубочакъ,
Съ дахтура ня сводзиць вочакъ,
А такъ стогня, што крыѣ Богъ!

Дохтаръ важна прыступайе,
И некрута аглядае,
Зубы, ноги, боки, станъ;
Патулъ кала няго тунаў,
Пакуль кругомъ ня ацупаў,
Вагъ, маўляѣ, каня цыганъ.

Видна зъ сабой яны знались,
Пярвѣй, видна, паўстрѣчались;
Дохтаръ, бачъ, ганьбу нашоу.
Каже, у службу ня гадзица,
Яму треба палячица,
Да и мѣры ня дашоу.

А некрутъ: „Май паночки,
Вы ясны сакалочки!

Гдзѣ тутъ хвораму служницъ,
Вотъ такъ коле мнѣ у грудзѣ,
Што сухваты кажучъ людзѣ,
И у баку вельми балицъ“.

Кабы варамъ абліў плечи,
Якъ пачуў гетаки рѣчи,
Нашъ малады ахвицёръ,
Йонъ съ мѣста свайго самкнуўся.
Пры некрупцѣ апынуўся,
Глядзіць быццёмъ лихі звѣръ.

Падъ стойкай яго прастуйе,
Струной сягне, дый мацуйе,
А у бораду кулакомъ

Якъ парадкамъ яму суне,
Глядзі! вотъ саўсімъ ачуне
Нашъ неспасны Аканомъ.

На што людзей, каже, звядзіць.

Йонъ мѣру наветъ праходзіць.

Я бяру на свой атвѣтъ;

Яка тутъ къ чорту хвароба?

Здаць!—а пасля будзе проба.

Возьмемъ яго ў лазаретъ“.

Дохтаръ кяшеню пачухаў,

Маршалъ табачки панюхаў,

Некрутъ жаласна запѣў;

Сударга на Аканомъ

Напала, пазнаў Гапона,

Дый за страху абамтѣў.

На этомъ кончаецца содержаніе третьей пѣсни. Содержаніемъ четвертой пѣсни служатъ свадьба Гапона. Пока послѣдній служить въ войскахъ, Катерина живётъ у помѣщицы при дворѣ, въ качествѣ ея „покоевой“:

„Цяперъ нашу Кацярыну,

Туйу сельскуюю дзяўчину,

Штобъ сустрѣў—ня пазнаў:

Паньску говарку сумѣла,

И сукеначку надѣла,

Быццёмъ паненка, маўляў!

Однако она не перемѣнилась и въ душѣ осталась вѣрной своему Гапону, часто тосковала по немъ:

„Гдзѣжъ Гапонка напѣ дзяльца,

Якъ бѣдному тамъ вядзецца“?

Такъ часто говаривала она своей старушкѣ матери. Однажды, распылавъ за работой съ своей госпожей „святы пѣсни“, онѣ узнають, что къ господскому двору прѣѣхалъ какой то офицеръ. Когда въ комнату вошелъ

„Пригоженьи ахрицёръ;

Красны, видны и здаровы,

Золатамъ блиницѣ мундзёръ“,

—въ немъ Катерина узнала своего возлюбленнаго. Послѣдній, упавъ передъ бывшей своей помѣщицей на колѣни, просилъ выдать за него Катерину; просьба его, конечно, была исполнена, и скоро начались свадебныя приготовления. Описаніе свадьбы у автора вполне соглашается съ народными обычаями бѣлорусскихъ крестьянъ; оно не лишено живости и занимательности. Мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ:

„Вотъ у удавы Агрипины,

Гаспадароў повянтъ дворъ,

А на перадцѣ дружины

Станцъ важна сватъ Хвядоръ;

У рукахъ съ гарелкай пляха,

А чарка тоўста якъ вольт,

Миргнуў!—и Малая сваха

Абрусомъ наврыла столъ.

Йонъ пляшку съ чаркой паставіў,

Разны закуски дабавіў.

Дый съ галавы шапку сніў;

Агрынинѣ пакланиўся,

Водки да яйе напиўся,

И такі рѣчи начаў.

„Нехъ бендзе Езусъ Христусъ похвалёны!

Для спасенія грѣшныхъ зъ Марыи жоны.

Ня прышлы мы чарадой отъ сябе.

Да прислаў насъ Гапонъ да цябѣ.

Есць у цябе Кацярынка дочка,

Яна у маці якъ правая вочка;

Дый Гапонъ нашъ малады,

Йонъ Цару вѣрна служиў,

Чиноў, почасцей нажиў,

Хватъ дзяццяна—хоць куды!

Вьомъ мы ўсѣ чаломъ Вапещи!

Зазави яйе изъ клѣццѣ,

Няхай зъ нами пагуляе,

Дый гарелки паспытайе“.

Тутъ дзяўчата, маладзцыцы

Кацяринку изъ святлицы
Чесна падъ ручки вядуць,
И такі пѣсни плійоць:
„Отожъ табѣ, Хведарка,
Увядзенка Кацяринка,
Кали яіе любішь, дай пирогъ,
Кали ня любішь—то вонъ за парогъ!
Ня хвалися што у насъ быў,
Што нашай Кацяринки нязлюбіў“.

Хведаръ маладу ўстрѣчайе,
Поўнай чаркай прапывайе,
Пирогъ, сыръ кладзе на столь;
Гарелка у миски лѣпца,
Рублявикъ на днѣ кладзецца.
Разгуляўся сватъ вясель.

А дзѣўкі водку забралі,
Закуска, пирогъ и сыръ,
У истопку пабязжалі,
Галасіўшы на ўвесь міръ;
Уздаволь тамъ пили, ѣлі,
И гэтакі пѣсни пѣлі:

„Мовіла бочачка, у піўніцы стаечы,
Кали мяне ня вышпее,
Сама выкачуся,
На дварѣ разальюся,
Ракой да крыніцай,
Сцюдзенай вадзіцай.

Мовіла Кацяринка, у маці седзячы:
Кали мяне ня выдасі,
То я сама пайду;
Па дварѣ памаленьку пабраду,
За варота угрунъ пабягу“.

Тутъ яны у позню ночку,
Ажъ да яснаго святочку
Пілі, ѣлі, дый гулялі,
Запоіны праважалі.

А ў субботу вчаркомъ,
За Грынінінымъ сталомъ,
Сядзѣла така дружина:
На пачеснамъ на куцѣ,
Важна говарку вядзе

Перша сваха Акуліна.

Дружкі ўправа возлѣ свахі,
Дзѣў прыгожы маладзіцы,—
То Гапонавы сестрыцы,
Хоць ня адной яны маці.

Ўдѣва намѣсникъ сядзіць,
Жадна на пляшку глядзіць.
Далі сустрѣнець Гапона,
Дружкаў Янку и Мирона,
На канцѣ-жъ хростны Данило,—
То маладаго вазіло.

А сватъ Хведаръ то и дзѣла
Гарелку ўспяжъ падлівайе,
Новы закускі стаўляе,
Пірагі, сыръ, што прысѣбла!

Тутъ чатыры маладзіцы,
Цягнуць дзюжу изъ святлицы,
На крыжу яіе стаўляюць,
Бѣлѣ Каравай разціняюць;
Сваха муку імъ прыносць,
Дый благасловлення просіць:

„Йосць тутъ Богъ, дый татка,
Радзёныя и сусѣды блізкія,
И далыны, мужы сустрѣчныя,
Бабы запечныя,
Дзѣтки залечныя,

Благасловіце краснай паннѣ каравай учыніць“!

Каравайкіжъ при рабоцѣ

Плійоць у доброй авхоцѣ:
„Благаславіце людзі!

Блізкія сусѣды,
Гетама дзіцяці,
Каравай замасіць.
Ручкамі бѣленькімі,
Персцёнкамі залацёнькімі,
Пѣснямі выселёнькімі.
Ты ступъ, Боже, зъ неба,
Якъ намъ цяперъ треба,
Памагаў разціняць,
Памагай замасіць.
Ня стой, Боже, за дзварами

Да йдзи Боже, у хату,
Да сядзь, Боже на купѣ,
Да дай долю маладзѣ!

— „Я у хату ня пайдзю,
Я за дзверами пастайю,
Маладзѣ долю пярашлю.
Зберайся, родзе!
Да кь бѣлянѣкам у каравайю,
Старыя бабы ля парадку,
Маладыя маладзцы пѣсни пѣць,
Удалыя малайцы каравай пець“.

Да штобь ўсе разказаци,
Яки пародак у хаці,
Якь змавіны атбыли,
Дый каравай атпакли
Якь хлопцы, дзѣўкі скагали
Лявоніху, то бычка,
Мяцелицу, казачка,
Якь маладую сажали
На пасадь—казка така,
Што ня сталабь языка.

Вотъ прышла нядзѣлька красна,
Засвяціла, зара ясна,
Гапонъ нашъ мундзиръ надзеў;
Щира ўдыхнуў да Бога!
Сѣў на каня вараного,
Дый кь маладой паляцѣў.

А дружбы Янка съ Міронамъ
Вихрамъ садзцы за Гапонамъ:
Слѣдамъ хлопцаў грамады
Ляціць—пѣсни запявайцець,
Вѣцерь свитки развешайцець,
Ну! прыгожа череда!

На канцѣ вазкомъ Данила
Гудзцы!—сколька зможе сила,
Капемъ музыку вязе.
Ананя жь прыпѣвайцець,
Йомка смыкомъ подсѣвайцець,
Не заўважнѣ, што трасе.

Якь заѣхала дружина;
Съ хаты вышла Агрыпина,

Надзѣўшы кажухъ наўзнакъ;
Чарку Гапону падношыць,
У святлицу зайцы просіць,
И рѣчы выводзіць такъ:

„Зяценка!

Пью на цябе поўнымъ кубкамъ,
Добрымъ здароўіемъ,
Што мысляю сабѣ,
То и табѣ“.

Гапонъ чарку бярэ ў руки,
Двойчы выліў за сябѣ,
А трэці разъ для выруки
Бѣлы рублявикъ кладзе.
Грыпина чарку прымайе,
У святлицу запрашайе.
Дзѣўкі-жъ карагодамъ, ходзяць,
Жалобны пѣсни заводзяць:

„Хто у полі падихоньку гукаець?
Тамъ Кацярынка сваго таткі шукаець,
Хоць шукаець, не знайдзѣць.
Ой далека йой татачка далека,
У сырой зямлі у жоўтымъ пыску глыбока:
Да зрабіли добры людзі вѣчны домъ,
Безъ дзвярей, безъ аконачкі, безъ сонца,
Ня прамоўлю, дзіцятка, ня слоўца“.

Тутъ настала частовані,
Дый падаркаў раздавання,
Сотню паясаў, маўляў!
Свата ручнікомъ звязали,
Баклагу у руки ткалі,
Штобъ гарелкі большъ достаў.

Лубку съ ситамъ падстаўляюць,
Маладу на ней сажуюць,
Якь каралеўну на урадь,
Янажъ усцяжъ галосіць,
Кругомъ паклоны разносіць,
Дый зноў сядзе на пасадѣ.
Дзѣўкі-жъ, хлопцы, пьюць, гуляюць,
Падъ скрыпачку падпяваюць:

„Скочила Кацярынка съ лаўкі да лаўкі,
Скланілася мамачѣ низку у ножкі,

Коскаками зямлю накрыла,
Слезками пожки памыла.
Карыся, Кацпрынка, стараму,
Клянийся і маладому,
Зь паклонаў галоўка ня балиць,
Стары і малы благасловіць“.

Як, бач, нявісту прыбразі,
Да двора так паскакалі
Яснай пани чаломь биць,
На выселлі папрасіць.
А пани—не пани, маці!
Маўляў радному дзяцінці,
Прыгожы пасагь дала,
Радосну слёзку ураніла,
Маладых благаславила,
Сама кь вянку павяла.

Ксёндзь маладых спатыкайе,
На ўсе жидь ихь случае;
А як скончыўся абрадь,
Скрыпачемь загудзѣлі,
Дружкі весяла запѣлі,
Дый виртуліся назадь.

Пани на куць запрасілі,
Пры ней Ксёндзя насадзілі,
Свягь парадкамь начаў чесьць;
Пына, медь радой ліліся,
Каўбаса зь саломь напшліся,
Уздонько было піць, ёсьць.

Дзѣўкі, хлопцы, маладзіцы,
Цѣлу ночку на святыцы,
Вадзіліся, хто як змогь:
Як ў гаршку тамь кипѣла,
Ат пылу ажь пацяміѣла,
Суматоха—што крыў Богь!

Я на томь выселлі быў,
Пива, медь, гарелки піў,
У роцѣ здаволь было,
Аж на барадзѣ пцякло“.

III.

Мы разсмотрѣлі зьместава павѣсти Дунина-Марцінкевіча „Гапонъ“. Кагь видно, глывная цѣль я—показаць, што добродѣтель вознаграждаеться, а пороць наказываецца. Въ самомь дѣлѣ, добродѣтельные герои и героини павѣсти много перенесли горя отъ коварнаго эконома; но, посля долгихъ испытаний, ихъ желанія сбываюцца и они многіхъ вознаграждены послѣдующимъ счастьемъ; въ то-же время, эконома, копаншій подь другимъ яму, самъ попадаець въ нее. Такимъ образомъ „Гапона“ нужно отнести кь разряду *нравоучительныхъ повѣстей*, что составляетъ отличительный признакъ тогдашней мѣстной бѣлорусской литературы. Марцінкевичъ отдавъ должъ своему времени. Однако дидактизмъ его павѣсти преслѣдуетъ и болѣе глубокую цѣль, чѣмъ одно простое нравоученіе: желая своими трудами принести посильную пользу какъ „панамъ“, такъ и „хлопамъ“, авторъ имѣеть въ виду еще и другую цѣль. Такъ, кромѣ вышеуказанной цѣли, въ павѣсти проводится еще и другая мысль: авторъ хочетъ доказать, что помѣщики часто вводятся въ заблужденіе своими-же безпаврежденными слугами, какиѣмъ здѣсь является эконома; но сами пани „добродѣтельны“ и потому, узнавъ о коварствѣ, стараются вознаградить по возможности пострадавшихъ.

Такого рода направленье обще большаинству тогдашнихъ мѣстныхъ писателей, которые видѣли въ литературѣ средство для проведения нравственныхъ идей, средство для поученія.

Такъ понималъ свою задачу и авторъ разбираемой павѣсти. Въ своемъ предисловіи онъ говоритъ: „Пиша ее (павѣсть), я имѣлъ цѣлю, чтобы наши помѣщики, при выборѣ въ помощъ себѣ официалістовъ, обращали серьезное вниманіе на ихъ характеръ и нравы; ибо они злоупотребляютъ иногда вибреной имъ властью, изъ своихъ видовъ губить рабочій людъ, и чрезъ это весьма часто безъ вины возбуждаютъ его ненависть на пановъ“. Желая поучить пановъ въ этомъ смыслѣ, онъ и рѣшается „выпустить въ свѣтъ свою павѣсть, взявши зьместава изъ правдиваго случая“, чтобы слѣдовательно, поученіе его могло быть тѣмъ сильнѣе.

Характеръ отношеній между панами и хлопами понимается авторомъ довольно наивно; но въ этихъ его словахъ нельзя не видѣть другой задачи, которую преслѣдовали и другіе современные ему мѣстные писатели (напр. Янъ Чечотъ)¹⁾, хотя и понимали ее весьма неопредѣленно и наивно. Смотря

1) Такъ, напр., Янъ Чечотъ говоритъ въ предисловіи кь одному изъ своихъ сочиненій: „Быть можетъ, онѣ (стихотворенія на бѣлорусскомъ языкѣ) проникнуть какъ нибудь въ деревню? быть можетъ, онѣ заговорятъ сердцу благожелательныхъ пановъ и обратятъ болѣе любящее вниманіе на крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ содѣйствовать успѣху этихъ трудолюбивыхъ соотечественниковъ въ нравственности“ (А. Пыпинъ „Бѣлор. пѣсни“. В. Евр. 1887 г., май, р. 217).

въ то время на литературу, какъ на средство для проведения различныхъ идей, они и обращались къ ней для своей проповѣди, писали повѣсти, рассказы, стихотворенія, рисованіе въ розовыхъ краскахъ отношеніе „добрыхъ пановъ“ къ „милымъ, добрымъ хлопамъ“. Тогдашніе писатели (по преимуществу, конечно, мѣстные бѣлорусскіе и литовскіе уроженцы, которымъ ближе были эти вопросы), поучая пановъ, не понимали причинъ, вслѣдствіе которыхъ возникло разединеніе мѣстныхъ бѣлорусскихъ и польскихъ интересовъ. Отличіе бѣлоруссовъ отъ поляковъ они видѣли только въ „схизмѣ“—православной религіи, но и оно уничтожалось для большинства памятью о недавней уни въ значительной части населенія. На бѣлоруссовъ они смотрѣли, какъ на тѣхъ-же поляковъ, только говорящихъ языкомъ, смѣшаннымъ изъ польскаго и великорусскаго; въ остальномъ они не видѣли разницы между полякомъ и бѣлоруссомъ, называя бѣлорусскихъ крестьянъ „нашими“. Между тѣмъ такой взглядъ на бѣлоруссовъ, какъ на равнозначность поляковъ и на Бѣлоруссію, какъ часть Польши кореннымъ образомъ рознился съ тѣмъ, что замѣчалось ими въ дѣйствительности. Тутъ они видѣли безпрестанную борьбу польскаго и бѣлорусскаго элементовъ, недовѣрчивое отношеніе другъ къ другу. Представители обоихъ племенъ, живя совместно на одной территоріи, имѣли въ то-же время различныя цѣли въ своихъ стремленіяхъ. Поляки или ополяченные бѣлоруссы тянули въ Польшу и католичество, бѣлоруссы—къ православію. Польскіе писатели того времени, видя общность славянскаго происхожденія того и другого племени, не понимали, что при этомъ общемъ славянскомъ происхожденіи между обоими племенами лежитъ коренное различіе въ ихъ культурѣ, историческихъ началахъ развитія и языкѣ, который не составляетъ смѣси польскаго въ великорусскимъ, но составляетъ, какъ показали ученныя изслѣдованія, самостоятельную вѣтвь славянскаго языка.

Бѣлоруссы и поляки воспитались на различныхъ національных основахъ, успѣли выработать, каждое племя отдѣльно, задатки самостоятельной культуры, когда имъ пришлось соединиться въ одно государство (послѣ Люблинской, конечно, уни). Писатели указаннаго направленія, зная о государственномъ соединеніи Польши, Литвы и Бѣлоруссіи до 1793 г., послѣ уничтоженія политическаго существованія Польскаго государственнаго тѣла, стремились найти способъ культурнаго слиянія племенъ и при томъ на почвѣ польскихъ національных началъ.

Писатели указаннаго направленія видѣли только внѣшнее политическое соединеніе Бѣлоруссіи съ Польшей, считая его (а многие и до сихъ поръ считаютъ) „братскимъ союзомъ“ двухъ народовъ; оба народа имъ казались близки по происхожденію, слѣдовательно, могли сойтись, но при этомъ союзъ предполагался съ точки зрѣнія исключительно польской. Они забывали, что пропасть, лежавшая между обѣими народностями, была поло-

жена именно во время политической ихъ уни, тогда именно и обострились обоюдныя ихъ отношенія, такъ какъ время это было временемъ борьбы двухъ культурныхъ началъ.

Вообще, взаимныя отношенія обѣихъ народностей могла бы выяснять только наука, но польская наука (въ общемъ, конечно) того времени не стояла выше чисто польскихъ аристократическихъ тенденцій, а русская только зарождалась¹⁾.

Къ разряду писателей указаннаго направленія принадлежатъ всецѣло и авторъ „Галова“. Видя въ повѣсти средство для нравоченія, Дуининъ-Марцинкевичъ заходитъ слишкомъ далеко, придавая огромное воспитательное значеніе своему труду. Кромѣ указаннаго, онъ еще полагаетъ, что его писаніе можетъ служить для читателей—крестьянъ—убѣдительнымъ примѣромъ того, какъ „трезвый, безупречный правомъ (obuszczał nierozsądkowanych), и притомъ храбрый, даровитый и исполнительный въ службѣ крестьянина (chłopek)“ всегда получитъ награду у правительства (od rządu); поэтому, прочтя его повѣсть, многие изъ крестьянъ съ охотой отдадутся службѣ, тогда какъ вообще они служатъ весьма неохотно. Кажется, не смотря на прекрасныя намѣренія автора, нечего и доказывать, что трудъ его не соответствуетъ высокимъ его цѣлямъ.

Мы остановились подробнѣе на предисловіи автора, выражающемъ его взглядъ на свое назначеніе потому, что эти взгляды не принадлежатъ ему исключительно, но выражаютъ взгляды почти всѣхъ мѣстныхъ писателей того времени²⁾.

Для цѣлей, которыя имѣлъ авторъ при изданіи своей повѣсти, она не могла имѣть особеннаго значенія, но за то его трудъ имѣютъ еще и въ настоящее время большое значеніе, котораго, быть можетъ, не подозреваютъ творцы ихъ; значеніе это заключается въ бытовой сторонѣ повѣсти и ея языкѣ. Языкъ вездѣ представляетъ чистое Минское нарѣчіе, весьма хорошо и точно переданное. Авторъ прекрасно знаетъ бытъ крестьянъ и описанія бытовой обстановки составляютъ лучшія мѣста повѣсти, какъ, напр., описаніе гулянья въ корчмѣ, свадьбы и др.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ схвачена съ поразительной вѣрностью и проникательностью бытовая обстановка жизни бѣлорусса, наконецъ, авторъ старается по возможности отразить въ своемъ произведеніи складъ умственныхъ понятій бѣлорусса: въ его сраженіяхъ, напр., въ третьей пѣснѣ, въ описаніи движенія въ городѣ, засѣданія присутствія выражается богат-

¹⁾ Объ этихъ отношеніяхъ см. подробнѣе въ статьяхъ нашихъ: „Докторъ Францискъ Скорина“ („Минскій Листокъ“ за 1888 годъ №№ 42, 44) и „Бѣлорусское прошлое“ („Минскій Листокъ“ №№ 53, 57, 58, 62, 64, 82 и 86 за 1888 г.).

²⁾ См. Статьи А. Пыпина „Бѣлорусская этнографія“ въ „В. Евр.“ 1887 г., май.

ство своеобразнаго бѣлорускаго юмора и тонкой наблюдательности; онъ вѣрно рисуетъ типическія особенности характера бѣлорусса. Произведение его важно по той любви, по тому теплому чувству къ судьбѣ крестьянина, къ его горю и радости, которыя вложилъ въ свое произведение авторъ.

Заключимъ нашъ бѣлгій очеркъ указаніемъ на тотъ фактъ, что, не смотря на 40 почти лѣтъ, прошедшихъ со времени перваго изданія „Гапона“, повѣсть эта и теперь еще не изгладилась изъ памяти бѣлорускаго крестьянина: намъ удавалось слышать отрывки изъ него въ разныхъ мѣстахъ Минской губерніи. Многіе изъ крестьянъ, особенно старики, знаютъ фамилію автора, а иногда даже содержаніе повѣсти, но большинство считаетъ его произведение чисто народнымъ. Наибольше извѣстное мѣсто, которое чаще всего приходится слышать,—это первая половина первой пѣсни—веселье въ корчмѣ.

В. ДУНИНЪ-МАРЦИНКЕВИЧЪ И ЕГО ПОЭМА „Тарасъ на Парнасъ“.

Очеркъ изъ исторіи бѣлорусской этнографіи ¹⁾.

I.

Въ половинѣ настоящаго столѣтія бѣлорусскій край и его обитатели возбуждаютъ къ себѣ не малый интересъ въ польской и русской литературѣ и наукѣ. Появляется рядъ замѣтокъ, путешествій, сборники пѣсенъ, разсужденія о языкѣ, историческія сочиненія. Интересъ къ краю возбуждается большею частью мѣстными уроженцами и центромъ этого литературно-научнаго движенія сдѣлалась Вильна. Одна часть писателей, воспитанная въ польской культурной средѣ, писала по-польски, другіе, имѣвшие больше связи съ русскими, перенесли свою дѣятельность въ столицы (протоіерей Григоровичъ, Шпилевскій и др.). Однихъ край интересовалъ, какъ предметъ научныхъ наблюденій, другіе писали о краѣ, потому что любили его, какъ мѣсто своего рожденія ²⁾.

Изученіе народной поэзіи повело къ стремленію подражать ей, пиша на народномъ языкѣ. Такимъ образомъ появляются попытки создать

1) Напечатана въ „Витеб. Губ. Вѣдом.“, 1896 г.

2) Въ шестидесятихъ годахъ, да иногда и теперь, встрѣчаются порицатели этого научнаго движенія, повидимому, больше потому, что писали тогда мѣстные люди по-польски или хотя и по бѣлорусски, но польскимъ шрифтомъ. Но на это можно отвѣтить словами г. Пыпина: „Той эпохѣ польской литературы и общественной у насъ приписываютъ обыкновенно или явную, или затѣянную интригу и пропаганду полонизма; мы замѣчали уже, что въ отношеніи польскихъ патриотовъ къ Западному краю гораздо больше было простой исторической привычки смотрѣть на этотъ край, какъ на издавнюю часть ихъ польскаго отечества, тѣмъ больше, когда съ русской стороны интересъ къ этому краю почти не существовалъ. Множество этихъ поляковъ-патриотовъ и писателей были именно уроженцы этого края; „народъ“ края не былъ польскій, но они, по старой памяти, считали его своимъ, давно съ ними связаннымъ, и въ ту эпоху развитія народнаго романтизма ихъ интересъ направился на этотъ народъ, собственно литовскій и народъ польскій“. Пыпинъ, Ист. Русской Этнографіи, IV, 47.

българскую литературу. Некоторые из них попали в печать (Маньковский, Барцевский), другие довольствовались устной и рукописной передачей¹⁾. Но эти пробы не имеют серьезного значения. Первым, придававшим серьезное значение литературѣ на българскомъ нарѣчїи, былъ Викентій Дунинъ-Марцинкевичъ. Цѣль, съ которой онъ взялся за перо, состояла не въ стремленіи создать художественную литературу; какъ увидимъ, его дѣятельность носила практической характеръ: онъ стремился обратить вниманіе помѣщиковъ на крестьянъ и дать понятную для крестьянина книгу для чтенія.

Появленіе книгъ на народномъ нарѣчїи въ Бѣлорусіи представлялось тогда желательнымъ и многимъ великоруссамъ²⁾, и даже въ одно время оно получило оффиціальное признаніе³⁾. Правильна или неправильна была эта мысль,— для насъ это не важно. Въ настоящее время остатки этой литературы важны со стороны исторической и со стороны этнографической. Съ исторической,—потому что они позволяютъ намъ проникнуть въ настроеніе лучшей части общества края предъ самымъ освобожденіемъ крестьянъ; съ этнографической,—потому что въ нихъ мы находимъ вѣрное, иногда художественно написанное изображеніе жизни бѣлорускаго крестьянина недавняго прошлаго; они представляютъ прекрасные образцы народной психологїи. Съ этой стороны, намъ кажется, наукѣ необходимо считаться

¹⁾ См., напр., свѣдѣнія въ ст. Подберезскаго, въ предисловіи къ изданію Барцевскаго „*Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach*“, S.-Petr., 1844, изд. Эйверлингга, т. 1.

²⁾ См., напр., примѣчанія редакціи „Маякъ“ къ статьямъ А. Кавелина „Памятники бѣлорусской письменности“, „Маякъ“, 1845 г. т. 23. Смѣсь, р. 30, и смѣсь р. 12 и 31: Редакція журнала охотно открываетъ свои страницы для произведеній на бѣлор. нар. и о Бѣлорусіи. Въ томъ же духѣ болѣе раннее заявленіе редакціи того же журнала „Маякъ“, 1843 г. IX, смѣсь 33—38 (ст. бѣлоруса Цытовича): „Духъ грамотности замѣтно проникаетъ въ самые крайніе классы бѣлоруссовъ, хотя собственно для нихъ у насъ ничего не пишется. Почему знать, нельзя ли изъ нихъ вызвать мужичковъ-грамотѣевъ?.. Не същется-ли перо, перо трудолюбивое, которое посвятитъ себя на пользу милліоновъ этихъ, такъ сказать, меньшихъ братьевъ великой семьи нашей, не продолжитъ-ли оно путь къ дальнѣйшему образованію средствами самыми близкими, сообразными ихъ силамъ, вкусу и обычаю“. Въ доказательство возможности такой литературы авторъ приводитъ одно стихотворное произведеніе.

³⁾ Такой оффиціозный характеръ носитъ брошюра на бѣлорусскомъ и ливонскомъ нарѣчїи, изданная въ Вильнѣ въ 1853 г. „Разсказы на бѣлорусскомъ нарѣчїи“, 32 стр. Брошюра носитъ политическій характеръ, вотъ ея содержаніе: 1) Кто были наши найдавейшія дѣды и яка ихъ була доля до униі? 2) Чи добре мы зробили, покінувши униі? 3) Великая помилка нашихъ бѣлоруссовъ. 4) Розмова на пментарі старосты Янна зъ братчикомъ Хведосомъ 5) Сказка не сказка, бы на было, але такъ бывати.

съ произведеніями Викентія Дунинъ-Марцинкевича, къ которому мы теперь и обратимся.

В. Дунинъ-Марцинкевичъ былъ однимъ изъ лучшихъ людей недавняго прошлаго. Онъ выросъ въ культурной польской средѣ¹⁾, но оказался однимъ изъ тѣхъ бѣлоруссовъ, которые свою дѣятельность посвятили исключительно благо родинѣ, понимая подъ послѣдней мѣсто своего рожденія (и въ большинствѣ случаевъ происхожденія,—бѣлорускаго). Между тѣмъ въ сороковые—пятидесятые годы, во время оживленія въ польской литературѣ, для всякаго уроженца Западнаго края съ польскимъ воспитаніемъ, съ мало-мальскимъ зародышемъ поэтическаго таланта, было не мало искушеній цѣлкою отдаться польской литературѣ. За поэтами Мицкевичемъ и Сырокомлей двинулась цѣлая плеяда писателей, какъ Геронимъ Марцинкевичъ, В. Короткий, К. Павловскій, Ф. Заторскій и др., не оставившіе въ польской литературѣ, впрочемъ, никакого слѣда. Но еще болѣе симпатична другая сторона дѣятельности В. Марцинкевича: онъ обратился къ литературѣ на народномъ языкѣ съ спеціальною цѣлю возбудить въ тогдѣшнемъ обществѣ интересъ къ бѣлорусскому народу. Онъ любилъ народъ, глубоко уважалъ его и призывать своей лирою къ любви и къ уваженію къ нему своихъ культурныхъ соотечественниковъ.

Въ этомъ отношеніи онъ примыкаетъ къ этнографамъ, какъ Ягѣ Чечотъ, бр. Тышкевичи, Киркоръ, Юдевичъ, Сырокомли (въ историко-этнографическихъ трудахъ) и др. Но послѣдніе были прежде всего ученые, и ученые поляки, для которыхъ бѣлорусскъ, „кричицъ“, какъ они его называли, былъ интересенъ со стороны этнографической, признаніи-же кровной связи своей съ народомъ у нихъ почти нѣтъ. Марцинкевичъ, прежде всего, бѣлорусскъ; онъ любилъ бѣлорускаго крестьянина не изъ-за его историко-этнографическаго интереса, а какъ своего родича, земляка, чувствуетъ

¹⁾ Некрологъ о Марцинкевичѣ съ краткими биографическими свѣдѣніями о немъ былъ помѣщенъ А. К. Ельскимъ въ газ. „Kraj“ 1884 г. У насъ есть въ рукописи болѣе подробная біографія поэта, написанная Александромъ Карловичемъ. Для полноты, приведемъ нѣсколько данныхъ изъ его біографіи. В. Марцинкевичъ родился въ фольваркѣ Понюшконячахъ, Бобруйскаго у., на р. Березинѣ, въ 1807 г. Марцинкевичъ былъ сынъ мелкихъ арендаторовъ и только въ 60-хъ годахъ на свои сбереженія купилъ себѣ небольшое имѣніе подлѣ Минска, Люцинъ. Воспитывался поэтъ сначала въ Бобруйскій училищѣ, которое окончилъ въ 1826 г. До 1828 г. слушалъ медицинскія лекціи въ Петербургѣ, но оставилъ столицу и поселился въ Минскѣ, занявъ мѣсто въ римско-католической духовной консисторіи. Первымъ произведеніемъ его, увидѣвшимъ свѣтъ, была комедія „*Sielanka*“, написанная на смѣшанномъ польско-бѣлорусскомъ яз., напечатана въ 1840 г.; за нею слѣдовали: смѣшанномъ „*Wieczernice*“ (1855), „*Ciekawys? Przeczut.j!*“ (1856), „*Dudarz białoruski*“ (1857), „*Lucynka czyli szwedzi na Litwie*“ (вся на польскомъ) 1861 г.

крѣпкую связь между собой и бѣлоруссомъ. Мораль Мардинкевича сводилась, прежде всего, къ тому, что крестьянинъ—существо, обладающее высокими нравственными достоинствами, такъ что часто онъ стоитъ выше испорченныхъ, извѣженныхъ пановъ и особенно высоко стоитъ въ сравненіи съ такъ называемыми „полупанками“. Въ самомъ дѣлѣ, большіе паны не обходились безъ этихъ „полупанковъ“, происходившихъ изъ мелкой шляхты: они бывали арендаторами, экономами, управляющими въ имѣніяхъ. Люди необразованные и грубые, приближавшіеся къ настоящимъ панамъ только благодаря своему шляхетскому званію, они презирали и угнетали крѣпостныхъ усердіемъ самихъ помѣщиковъ. Типы такихъ „полупанковъ“ выведены имъ въ „Гапонѣ“ и въ „Купалѣ“, въ неизданной драматической пьесѣ „Пинская шляхта“ и въ „Дажинкахъ“. Но правота крестьянина, честность крестьянской дѣвушки берутъ верхъ. Любимый типъ Мардинкевича—невинная дѣвушка, которую стараются такъ или иначе оклеветать, обидѣть. Въ „Щавроўскихъ дажинкахъ“ Тадорка „якъ зорачка ясна“ (р. 100):

Кроў сь малакомъ ле почки,
Молиннію блищаць вочкі,
Спадцишка, бачь, якъ зиркне,
Серца молатамъ забьецца,
Грудзъ поламаюмъ обалецца,
Ня спазнаешъ самъ сябе.

Яна-жъ чёсна—працавита и т. д. ¹⁾.

Нѣсколько разъ поэтъ возвращается къ образу молодой крестьянской дѣвушки. Въ „Купалѣ“ Агатка любитъ панича, онъ ее. Но паничъ, по своей испорченности, клянётся ей въ любви, предлагаетъ ей въ то же время выйти за любящаго Агатку Савку, а сами мы „якъ циперъ любимъ другъ друга—любици будзимъ“. Такое коварство обижаетъ дѣвушку:

¹⁾ Качества крестьянской жены поэтъ ставитъ высоко. Въ „Купалѣ“ („Сіека-мусъ?... 33), передавая народное преданіе, поэтъ отъицаетъ, что и князева жена, которую мужъ бралъ въ золотѣ, и панова жена, которую мужъ бралъ въ серебрѣ, —обѣ оказались не хорошими. Только господарская дочка, жена господаря Янки, оказалась женой и pracowitoj, и боящейся Бога и вѣрой:

Трѣця Яначкава,—что была убога,
Працавала цыри, у боязни Бога;
Пакорная, циха,—для мужыка вѣрна,
Безъ думы, безъ жоўці—а такъ миласерна!
Што якъ Богъ дарыў ихъ у гумні збыткамъ,
Ў клѣцкі запасамъ—аборы дабыткамъ,
Ўсякі кусочакъ зъ бѣднымъ дзялала,
Ня одна тамъ маці ей благословила,—

и т. д.

Якъ пачула дзѣўка гэтакі науки,
Вось, моўляў, асинка ўся запраслася,
Уздыхнула цяжкі, заламала рукі,
Горкімі слезамі тутъ-же залялася,
Посля смутнымъ вокамъ на дзяцюка гляне,
Дній гэтакі рэчы казаль іму стане:
„Да таго-жъ нясчасной мнѣ ўжо прыйшлося,
Што такія брэдни слухаць далялася!
Богъ мне карае, што вѣтрона стала,
Пачывага серца чурацца пачала;
Паничъ только зводзішъ, хочешъ забаўляцца?
А ня ласка-жъ будзі са мной абвянчацца?“
—„Што табѣ, Агатка, сёгодня прыспѣла,
Чи ты упилася, чи ты адурэла?—
Штобъ шляхціцъ зъ мужыцкай дочкай ажаніўся!
Я-жъ бы межъ своими тагды ня ужыўся!
Пальцамі-бы мне ўсѣ вытыкалі,
Якъ отъ злой собаки чурацца-бы сталі!“
—„А мяне-жъ ня будуць свои вырэкацца,
Бацка праклінаці, сасѣды чурацца,
Што сь паничомъ стану ў саромѣ жыць?
Вамъ ня грэхъ мужычку на чёсці забіці,
Бо мужыкъ ня годны,—ня Боская справа?
Ўсякі зьдэкавацца надъ нимъ мае права!
Яно, башъ, ня маці, якъ вась, парадзіла!
Якъ шляхціца, яго не прыме маіла!..—
Дзікуй же паничу за твае кахане,
Милішпы-жъ мнѣ Саўка ў мужыцкамъ станѣ:
Енъ ня схочэ бѣдной дзѣўчачы,
Енъ пачывымъ серцамъ вѣкъ будзі любіцы!“
Такъ наша Агатка миламу аткаже,
А хаць слезка градамъ на тваръ пакацілася,
Ў поламі серцѣ молатамъ забілася,
Хоць на душы гора камянемъ наліжае,
Разумная дзѣўка, помня боязню Бога,
Маўляў, атъ гадзюкі, атъ сваго милога,
Цугливаю ланій яна уцекае:
Дарма злосны писаръ вѣрносць присягае,
Яна ўже далека—грудзъ цисне рукою,
Сердце аблілося крававай тыскою.

Этотъ отрывокъ въ достаточной мѣрѣ характеризуетъ теплое отно-

шение поэта к крестьянину. Поэт идеализирует тип крестьянки, и главным образом для того, чтобы показать, что и надь мужикомъ „грѣхъ здэкавацца“,— какъ говорить та же Агатка въ другомъ мѣстѣ; идеализируя крестьянина, онъ въ то же время призываетъ помѣщика-палхатича къ болѣе человѣческому отношенію къ своему крестьянину.

Марцинкевичъ не только вызвалъ къ панамъ о болѣе человѣческомъ отношеніи къ крестьянамъ, онъ шелъ дальше, проповѣдую необходимость образованія для крестьянина, необходимость школы и, наконецъ, улучшения экономического быта. Въ „Галонѣ“ онъ далъ образецъ того, что крестьянинъ далеко не такъ низко стоитъ въ умственномъ отношеніи, что образованіе доступно и ему. Съ какою радостью посвящаетъ онъ свою книгу „Ciekawys?? Przeczytaj!“ Александру Лаппѣ, маршалу Бобруйскаго повѣта, именно потому, что, проѣзжая черезъ имѣніе Лаппы, авторъ видѣлъ прекрасныя хозяйственныя постройки крестьянскаго люда (proszciewego ludu), свидѣтельствовавшія о благосостояніи обитателей. „Грудь моя забилась веселіемъ! Я нашелъ здѣсь достатокъ во всемъ, указывающій на зажиточность жителей. Радостно тогда я воскликнулъ: Богъ живетъ съ этимъ людомъ! Не панская тутъ, но отцовская распоряжается рука“. Онъ не находитъ никого кругомъ, кому-бы слѣдовало посвятить свою книгу, какъ не „олекуну слабыхъ“, отцу крестьянъ. Да и цѣль его книжки, говорить Марцинкевичъ далѣе,—заохотить деревенскаго жителя (wiesniak) къ чтенію, чтобы онъ развилъ свой умъ, погруженный дотолъ въ темноту.

Но, зная хорошо, что мало найдется помѣщиковъ, которые бы безкорыстно старались объ улучшеніи быта и образованіи своихъ крѣпостныхъ, онъ въ предисловіи къ „Галону“ указываетъ помѣщикамъ и на практическую выгоду: образованный достаточный крестьянинъ будетъ болѣе честнымъ, болѣе понятливымъ слугою,—думая хоть такимъ мотивомъ обратить вниманіе помѣщиковъ на своихъ крестьянъ. Но конечной цѣлью его желаній, о чемъ онъ могъ писать, но не могъ въ то время печатать,—это было полное освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного ига. Что именно эта цѣль составляла заветную мечту Марцинкевича, видно изъ одного неизданнаго стихотворенія, которое мы, пользуясь случаемъ, здѣсь и приводимъ. Стихотвореніе написано въ 1860 году. Рукопись написана рукою поэта и подписана псевдонимомъ „Наумъ“ ¹⁾.

Вотъ оно:

Васна голодь пярापала,
Ани соли, ани крупы:

¹⁾ Наумъ подраз. Приговорка—герой пьесы „Селянка“; этимъ именемъ Марцинкевичъ часто называетъ себя въ своихъ произведеніяхъ, часто подписывался, избѣгаясь быть подъ этимъ именемъ у друзей. Роль Наума Марцинкевичъ игралъ на Минской сценѣ и имѣлъ успѣхъ.

И скацинѣ корму мала,
И самому ани у зубъ.

* * *

На палацяхъдохнуць дзѣци,
Жонка тры дни здуру пьецъ,
И дажно парожня ў кльци,
Хоць была добрая кльцъ.

* * *

Хоць халодна, хоць голодна,
Хоць бы голадъ—ніначомъ:
Вотъ кабъ тольки намъ свободна—
На свободзѣ аджынемъ.

* * *

Будзимъ роўныя зъ панамы
И такъ сама якъ паны
Пницъ гарэлку збанами
И гулицъ такъ, якъ яны.

* * *

Вотъ панамъ нядужа лоўка—
Самымъ трэба працаваць!
Пабалиць ни разъ галоўка,
Коли прыдзеца араць!

* * *

Ни адзинъ зъ ихъ запасъ
И заскачнць драпака:
Яны тольки вѣсь умѣюць
И драць шкуру зъ мужыка!

* * *

Перестануць нашымъ братамъ,
Якъ скациныи таргавачъ,
Напускацца лихымъ магамъ,
И шкуру зъ насъ да карка драць.

* * *

Будзе мужыкъ ни скацина,
Ни разъ скажыць панъ зъ пановъ:
„Пане Хведэръ, пане Мина,
Якъ же, васпаць, ци здароу?“

И такъ, конечное желаніе поэта—это свобода крестьянина. По своему обыкновению онъ не удерживается и въ этомъ случаѣ отъ идеализаціи: вмѣстѣ съ свободой поэту мерещится и полное „равенство“ мужика съ

панамі, заключаючыся ў тым, што мужык будзе называцца „паном“; поспядуе і матэрыяльнае ўлучшэнне: яны будуць п'ць горэлку з панамі і „гуляць“; поэт так пронікся сваёй ідэяй, яго жаданні так сліваюцца з мечтамі сёй масы, што онь злорадствуе, сыхіеся надъ положеніем пановъ, въ какомъ яны оцутяся пры освободженіи, хотя і онъ, і яго кругъ такіе-жэ паны—помѣшкі. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы составить болѣе или менѣе опредѣленное представление о практическихъ цѣляхъ, которыя себѣ ставилъ Марцинкевичъ, хотя здѣсь вовсе не имѣлось въ виду исчерпать всѣхъ характерныхъ мѣстъ изъ его произведений. Главное, повторяемъ, — что одушевляло лиру поэта, это безкорыстная любовь къ крестьянину, жаданіе принести пользу лично і побудить къ тому-жэ другимъ; наконецъ, онъ чувствовалъ і себя частицею этого громадскаго „міра“. Путь, избранный для этой цѣли Марцинкевичемъ, во всякомъ случаѣ оригинальный (сознаніе этого было лучшей наградой поэта; см. предисловіе къ „Дудару“) і болѣе заслуживающій одобренія, чѣмъ злобное раскрыпаніе народнаго горя, безъ указанія причинъ, безъ указанія средствъ, какъ выйти изъ него ¹⁾.

Но какъ художника-любителя Марцинкевича интересовалъ і вообще бытъ бѣлорускаго крестьянина. Въ его произведенияхъ мы находимъ этнографически вѣрную, но художественно-воспроизведенную картину народнаго быта. Къ числу бытовыхъ нѣсть принадлежить печатаемый ниже „Тарасъ на Парнасъ“.

II.

„Тарасъ на Парнасъ“ не былъ до сихъ поръ напечатанъ въ полномъ видѣ, но это небольшое произведение довольно хорошо знакомо въ рукописяхъ во всѣхъ уголкахъ Бѣлоруссіи, при чемъ имя автора едва ли кому извѣстно. Онъ уже вошелъ въ циклъ тѣхъ любопытныхъ произведений, болѣею частью сатирическаго направленія, которыя въ большемъ числѣ ходять въ спискахъ или въ устной передачѣ въ краѣ, какъ „Панское игрище“, „Гутарка Данилы“, но авторы которыхъ неизвѣстны. Въ этотъ циклъ попали также большіе отрывки изъ „Гапона“. Ко мнѣ лично „Тарасъ на Парнасъ“ дошелъ въ болѣе или менѣе искаженныхъ видахъ изъ разныхъ концовъ Минской і Могилевской губ.; въ некоторые списки, очевидно, вышли изъ среды, незнающей ни польской, ни русской литературы,

¹⁾ Тяжелое впечатлѣніе производить разсказъ наприм. „Газыка“ въ „Москвитининѣ“ 1843, т. IV, ч. 8, стр. 383—412. Авторъ его, витебчанинъ, съ какимъ то злорадствомъ описываетъ вѣчно пьющаго Янку и др. лѣтяевъ. Разумѣется, типъ Янки і др., выведенные тамъ, это тоже своего рода идеализація народнаго быта, съ цѣлю обратить вниманіе на него литературы. Но такой способъ можетъ і отвратить общество отъ крестьянства.

т. е. изъ среды полународной і даже народной, потому что встрѣчающіся въ немъ имена писателей искажены или выброшены. Одинъ изъ списковъ, вращающихся въ Витебской губ., былъ напечатанъ въ № 37 1889 г. „Минскаго Листка“, но этотъ списокъ далъ изъ очень искаженныхъ. Причину успѣха, которымъ пользуется „Тарасъ“, нужно искать въ томъ, что въ этомъ маленькомъ произведении, какъ і въ другихъ пьесахъ Марцинкевича, чрезвычайно живо і занимательно изображена жизнь богатаго бѣлорускаго крестьянина; не только изображена вѣрно вѣщная жизнь, но дана вѣрная, понятная для всякаго бѣлоруса, характеристика нравственнаго і умственнаго обліка крестьянина.

Лѣсной сторожъ Тарасъ, честный і добросовѣстный въ исполненіи своихъ обязанностей, вышель на обходъ лѣса до сѣйта на самого Кузьму-Демьяна, когда, по народному представленію, легко могутъ примерещиться всякіе страхи і небылицы. Такъ і случилось. Простоватый Тарасъ призаснулъ, самъ того не созная, і попалъ онъ въ совершенно для себя необычную обстановку, — попалъ на Парнасъ къ самому Зевсу въ гости. Онъ „проштурхался“ между почтительно стоявшими у подножія горы поэтами на вершину ея і здѣсь засталъ совершенно знакомую обстановку: большой домъ богатаго крестьянина, по двору бродятъ свиньи, богини моютъ богамъ портки, Нептунъ плететъ сѣти і пр.; въ избѣ тоже знакомы картины: жарты Амура, драка Марса съ Геркулесомъ, общій обѣдъ боговъ, — такой обѣдъ, который только во снѣ і могъ присниться бѣдному лѣснику, — все это обрисовано живо і вѣрно. Но, какъ видно изъ этой схемы, пугешествіе Тараса облечено въ нѣсколько необычную форму. Мы имѣемъ дѣло съ сатирой. Къ сожалѣнію, довольно трудно сказать что нибудь опредѣленное о томъ, по какому поводу авторъ написалъ эту сатиру или что онъ имѣлъ въ виду.

Думать, что авторъ заднимъ числомъ бичевалъ ложно-классицизмъ, — едва ли возможно. Быть можетъ, авторъ имѣлъ въ виду другую цѣль: воспользовавшись старыми образами, въ родѣ передидовокъ Энеиды, дать намъ живую картину бѣлорускаго народнаго быта і при случаѣ посягнуть на идеями писателей, которые, не имѣя крупныхъ дарованій, тянутся или тинулись за великими поэтами, набрасывались на „высокія“ темы, забывая о своемъ народѣ і своей родинѣ; такихъ поэтовъ мы знаемъ, было не мало среди сверстниковъ Марцинкевича.

Въ заключеніе нашей замітки приводимъ текстъ самого „Тараса на Парнасъ“.

Тарасъ на Парнасъ.

Чы знаў хто зъ насъ, браткі, Тараса,
Што полісоўшчыкомъ служыў? —

Што на Пуцявицы, ля Парнаса,
 У прысёлку сабѣ жыў?
 О! челоуѣкъ ёнѣ быў рахманы,
 Гарэлкі ў губы ёнѣ ня браў—
 Зато ў ласцы быў у пана:
 Яго панѣ вельми шанавалі!
 Любіла тожѣ Тараса пани,—
 И войтѣ ни разу ня брахаў;
 За то атѣ вечера до раньня
 Ёнѣ бору шыра пильнаваў.
 Чуць сьвѣтъ,—а ёнѣ стрэльбу за плечи,
 Сякеру заткнець за паясь,
 Да идзе бору сцярычы,
 И птушачки страдальцы подѣ частѣ.
 Хадзіў ёнѣ доўга такѣ, чы мала,—
 Ажѣ вѣшта адзінѣ разѣ
 Вяліка бяда яго спаткала—
 Вось, якѣ казаў мнѣ самѣ Тарасѣ.
 На самого Кузьму-Дзяміана
 Пашоў я-биць цыярукоў,—
 А ўстаў той дзень я дужа рана—
 Здаецца зѣ первыхъ пятыхоў.

Иду сабѣ я панямогу,—
 Да и на пни троха прысѣў,
 Ажѣ разамѣ—лупѣ! чэрэзѣ дарогу
 Якѣ бытто цыярукѣ ўзяліцѣў.
 Я за стрэльбу—ни палиць!
 Я за други курокѣ—ни пачыць!..
 Гляджу,—ажѣ зѣ-за ели валиць—
 Якѣ есьцѣ хороміна—мядзвѣдзѣ!
 Хоць ня трусліў я быў дзядина,
 Аднакѣ затросся якѣ асина,
 Зубмі якѣ цуцька лапятаў,—
 Да й чуць не захвараў!
 А зѣ парапугу ажѣ сплюнуўся
 И думаў—за пень заскачу!—
 Скакнуў, ня трапіў, послізнуўся
 И ў яму тарчакомѣ лячу!
 Ляцѣў, ляцѣў—якѣ заgrimіць,—
 Ажѣ стала зелена у вачахѣ!
 Дожджѣ якѣ зѣ видра пачаў ляць,—

А я ляжу—якѣ доўгі—на плячахѣ,
 Ўстаў зѣ зямлі, акалациўся,
 Бо быў у гразі якѣ свині—
 И доўга самѣ сабѣ дзивиўся:—
 Куды же гэта папаў я?...
 Рукой поскробаў кола вуха,
 Дастаў зѣ кишени рагавень,
 И храпы насыціў цярухой,
 Бо ўжо ня нюхаў цѣлы дзень.

А вой! а вой! якѣ тутѣ прыгожа,—
 Якѣ бы хто намалеваў:
 Чырвоны краскі,—макѣ и рожа—
 Шырынку мерамѣ хто паслаў!
 И птушкі есьцѣ тамѣ дужа стройны,
 Паяюць ни горай салаўі.
 Ахѣ вохтці мнѣ! ахѣ вохтці я!
 Куды же гэта папаў я?

Стояў я доўга, дзівонаўся,
 Разинуў зявы и глядзѣў,—
 Ажѣ тутѣ аткулітка не ўзяўся,—
 Ни то прашоў, ни приліцѣў—
 Хлапчынка вѣкѣ—круглялыкі,
 Увесь кудравы якѣ баранѣ,—
 А за его плечы валикі
 Прычепляѣ дукѣ да и каўчанѣ.
 — Аткуль идзеѣ дорога гэта?
 Спытаў я хлопчыка той частѣ.
 — Дорога гэта зѣ таго сьвѣта,—
 Атъвѣцѣў,—просто идзе на Парнась.
 Сказаўши, хлопчыкѣ засьмяяўся,
 На скрыдлахъ шпарка поляцѣў,
 Куды то, мусиць ёнѣ спѣшаўся:
 Сказаѣ дороги нехацѣў.

Парнась? Што за чортѣ такі?
 Падумаў сабѣ нашѣ Тарасѣ,
 И ўзяўши ў руки добры кій,
 Шпаныць проста на Парнась.
 Прашоў вѣрстѣ дзесецѣ той дарогай,
 Ажѣ бачиць,—тамѣ гара стайць,
 Пады той гарой народу многа—
 Якѣ бы кермашѣ яки киниць.

Прапоў ёнъ ближай,—што за лиха?
Народъ ня прости,—усё паны!
Хто дужа шпарко, хто пацеха
Усе ў гару идуць яны.

Якъ жиды у школы галасуюць,
Гатоў адзінъ другога зъѣсець—
Другъ друга у баки штурхаюць—
Кабъ першимъ на гару узлѣсець.
Усе зъ сабой цыгають книжкі,
Ажъ потъ зъ лыснѣ ручьѣми хлищиць,
Адзінъ другому выискають кишкі,
Ажъ нѣхта памяжъ нѣхъ лищиць:
— Памала, браткі, не давица
Вы хвалитону мойей „Пчалы“,
Мне самага вы пусцица
Да не дзяржнца за палы!
Бо слухайца! у газетъ
Я васъ аблаю на весь свѣтъ,
Якъ тое была ў пропломъ лѣтъ,—
Бо я радахаромъ газетъ!

Глядзца Тарасъ, ажъ нѣки сивы,
Короткі, тоўсты, якъ чурбанъ,
Кудлаты, неакъ ня красивы,
Крычыць якъ апантаны панъ.
Нясець великі мѣхъ панъ готы
Да и паўнюхенькі набить,—
Усе тамъ ксѣнжкі да газетъ,—
Ну, бачъ, каробачникъ, чы жьдъ.

Ўдругъ нѣшта зашумѣла,
Народъ раздаўся на канцы,
Якбы ітушекъ наляцѣла—
Ўзышли чатыры малойцы.
То быў народъ ужъ ня такоўски:
Мицкевичъ, Пушкінъ, Кахановічъ
И Гоголь,—хутка каля насъ
Пашли якъ павы на Парнась.

За ними ззаду Грѣхъ идзець,
Нясець имъ ксѣнжкі паматае,
И граматку за поясомъ нясець,—
Тую, што у школы наўчаюць,
Ну, словамъ, много тутъ народу

Збѣралася лѣзца на Парнась:
Было и тѣжныхъ тамъ, и зброду,—
Такъ якъ трапалца у насъ.

Намежъ людзей Тарасъ штурхаўся
Атъ пары до пары—
Аднакъ празъ талаку пробраўся
И проста валиць да гары.
Ўзлѣзь, глядзца: будынакъ новы;
Станцъ звычайны паньскі дворъ;
Кругомъ же яго тынъ дубовы—
Нябось ня улѣзець сюды воръ!
А на дворъ тамъ свинні ходзца,
Сабаки, козы й бараны,—
Мусить, и баги гаспадарку водзить,
Калі свиней дзяржаць яны?

Ў цотъ и лишку на дваръ гуляюць.
Парнаскі хлопцы—дзяцюкі,
А хто копеечки ня маець,
Той лупецъ проста на шаўкі.

Ўлѣзь Тарасъ къ багамъ ў хату,
Ажъ тамъ—ну отъ, ни даць, ни ўзяць,—
Якъ у казармахъ тамъ салдатаў—
Багоў ня можна сащитаць!
Шаўцы на лаўкахъ дратвай шыюць
Багамъ, багинямъ хадаки,
Багини же у начвахъ мыюць
Багамъ сорочки и парткі.
Сатурнъ самъ, лыкі размахіўши,
Касцякой лапці заплетаў,—
Па сѣбці многа нахадиўши,
Лапцей ёнъ много патаптаў.
Няптунъ на лаўці чиниць сѣбці
И ладзца восьці на шасты,
Кругомъ жа,—мусецъ яго дѣбці,—
Дзяржавы ляпляць нероты.
Отъ, буюцца Марсъ зъ Виркулесамъ;
Виркулесъ—якъ яки мядзвѣдзь,
Кабъ циниць стараго Зявеса,
Чупрыну Марсу добра мнѣць!
Зявесь залѣгъ сабѣ на печі,
Сирмягу ў голану надклаў

И, грѣючи старыя плечы,
Нѣшто ў бараздѣ шукаў...
Тамъ перадъ люстрамъ задамъ мелиць
И масламъ мажыць валасы
Да й нечымъ сабѣ тварокъ бѣлиць
Вянера,—мусиць для красы.
Амуръ зъ дзяўчатами гуляець—
Ну проста смѣхъ на нихъ глядзець:

То ёнъ зьначку абнимаець,
То хутку зъ галавы здзярэць!
То ў горлянку заиграець,
То аднымъ вокамъ памагаець,
Якъ бы милую сваю завець.

Тарась тутъ дзвиніца, смяецца,
На ўсе разинуў ротъ, глядзіць,
И лихо што яму здаецца—
Ну, быць ў раю ёнъ сядзіць!

Зявесь на печы павярнуўся,—
Ажъ затраслася ўся гара,
Зяўнуў ёнъ разъ да поцягнуўся
И кажиць: ёсць ужо пара.
Тогды проворна дзѣўка Геба
Даваць да столу пачала:
Якъ жорны три булки хлѣба
Прывнесла, дай бразъ сяродъ стала.
На гаспадыню ў неба ўзята
И ёсць и піць багамъ варыць;
Ня бойся! ня дарамъ яе плата:
Чижъ легко столькихъ накармиць?!

Якъ са ўсяго сабраліся неба
Багі, пасѣлі ўкругъ стала,
Тагды патравы зъ нечы Геба
Данаць да столу пачала.
Ўперадъ паставілі капусту,
Патомъ са шкваркамі кулешъ,
На малаціў крупеню густу —
Даюць ў волю, толька тѣшъ,—
Изъ пастаялки сыръ студзёны,
А зъ кашы масло такъ цыкло!
Да и гусяціны пачонай
Ў волю ўсімъ багамъ было.

А якъ унялі на столь каўбасы.
Блины аўсяны ў рашацѣ,—
Ажъ слинка пацякла ў Тараса
И забурчала ў жывацѣ!
Багі гарелку піць пачалі,
Налиўку проста такъ и льюць:
Падпиўнін пѣсни заспівалі,—
Такъ, якъ ў карчмѣ пяюць.

Бахъ зьяна пѣў пріпѣўкі
И веў гутаркі такія,
Што ажъ сароміліся дзѣўкі,
А зъ ими й бабы старыя.
Да й Зевесъ якъ насцябаўся,
Такъ носамъ чуць зямлі ня рыў,
Якъ жыдъ надъ бібліяю киваўся
И брыдкі рэчы гаварыў.

Тагды зъ-за столу ўсталі,
Якъ ўсе паѣлі—напілі,
И той часъ музыкі зайгралі:
Багіны скакаць пачалі.
Ўзяўшы хустачку, Вянера
Пашла мяцелицу гуляць,—
Прыгожа, стройна чэразъ мѣру,
Што ажъ-ня можна и сказаць!
Бѣла, тоўста, кругляліца,
А вочы, бачъ, на калесахъ;
Якъ жаръ тарыць яе спадніца
И чырвона ўступка на косахъ.

Няптунь сь прыгоженькой Наядой
Пашоў ўпрысядкі казака,—
Нябось й у стараго дзѣда
Зайграла кроў, якъ у дзяцюка!
А вось и самъ Юпіцёръ зъ Вестай
Пусьціўся, стары хрэнъ, ў плясць
И якъ жанихъ пярэдъ нявѣстай
Заткнуў ёнъ рукі за свой пасъ!

Хоць тутъ и ня маё ужъ дзѣла,
Ня слѣдъ мнѣ, можа, и казаць,—
Любі ў ёнъ вельми грэпнѣз тѣло,
И часамъ лоўко падуляць...
Далі Марсь ў новыхъ ботахъ,

Каторыхъ, мусиць, не жалѣй,
 Бо зъ нимъхми скакаѣ ѣ потахъ,
 Играѣ ѣ жмурки и шалѣй.

И кажды богъ такъ разгудѣлся,—
 Ня могъ галенокъ удзыржаць!
 А хто празъ мѣру наскакаѣся,
 Таго падъ лаѣки клали спаць.
 Якъ заиграѣ дударъ скакуху,
 То и Тарасъ ня выпариѣ:
 Изъ-за прыполку, што есць духу,
 Гуляць на хаць паляцѣй.
 Якъ стаѣ прытантываць атопамъ.—
 Ажъ рты разинули баги,
 А ёнъ зъ размахамъ, то зъ падскокамъ,
 Якъ вехаръ гониць ѣ круги!
 Глядзѣй Юпицеръ да дзивиѣся
 И подъ дуду ѣ ладони даѣ,
 Потомъ къ Тарасу приблизиѣся
 И ласкава его спытаѣ:
 — А ты аткуличка, прыяцель?
 Што жъ ты забраѣся на Парнась?
 Хто ты такі? може писацель?
 — Не, мой паночку, я Тарасъ!
 Я лясничы сь Пуцявищи,
 Толька сегодня зъ дыра.
 Я заблудиѣся на то игрыца,
 А, бачъ, дамоѣ уже пара!
 Чы ня была бъ паночекъ, ласка,
 Мне ѣ дворъ атсюль завесць?
 Хадзиѣши на гары Парнаской,
 Мне вельми захацьблась ѣсьць.
 Ки́нуѣ Зявесь, и заразъ Геба
 Крупени мису налива
 И добрую краюху хлѣба,
 Сказавши „ѣль“, мнѣ падала.
 Тагды я крупняку подѣѣшы,
 Хацьѣ ни да дому самъ,
 Ажъ тутъ зафіры подхващили,—
 Хто за руку, хто за поясъ,
 И, мерамъ, силой потащили.
 Яны мене празъ ѣвесь Парнась.

И такъ мене ѣсе цягнули,
 Ябъмъ хто гнаѣ ихъ ѣ каршенъ,
 Зъ гары мнѣ звѣѣши, поднихнули
 Падъ нѣки гнили воеъ пляцень.
 Паслухаѣ я—таки дмець вѣпяръ,
 Што ажъ кивалица воеъ лѣсь.
 Гляджу,— ажъ поздна—уже вечаръ,
 И мѣсяць на неба ѣзѣзь...

Съ тыхъ поръ Тарасъ уже ня ходзиць
 Такъ рано лѣсу пильнаваць,
 А празъ тое и ня шкодзиць
 Людзямъ дрова выкрадаць...

Такъ отъ што бачиѣ нашъ Тарасъ,
 Ўлѣзны на гару Парнась.
 Ёнъ мнѣ тое разказаѣ,
 А я ѣ ксѣнжку записаѣ.

Чародѣйство въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ XVII—XVIII вв.¹⁾

Историко-этнографическій этюдъ.

Чародѣйство—одинъ изъ весьма интересныхъ вопросовъ какъ исторической, такъ и современной этнографіи; это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, съ которыми тѣсно связывается развитие культуры народа. Однако, на русской почвѣ онъ не подвергался еще всестороннему разсмотрѣнію, особенно въ его историческомъ развитіи. Наука наша имѣетъ до сихъ поръ лишь небольшія изслѣдованія о чародѣйствѣ въ юго-западномъ краѣ и Великороссіи; относительно историческаго развитія колдовства въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, насколько намъ извѣстно, пока ничего не сдѣлано²⁾. Поэтому мы воспользовавшись изданными уже матеріалами о колдовствѣ, заключающимися въ судебныхъ процессахъ, желали бы по возможности пополнить этотъ существенный пробѣлъ нашей исторической этнографіи. Замѣтимъ что количественная незначительность имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала не позволяетъ намъ сдѣлать, съ одной стороны, болѣе широкихъ обобщеній; небольшое количество и неточность матеріала о суетвѣрияхъ современныхъ бѣлоруссовъ и литовцевъ, съ другой стороны, не даетъ намъ возможности сдѣлать интересныя сопоставленія съ состояніемъ этихъ воззрѣній въ настоящее время, указать на ихъ переживанія среди современныхъ намъ поколѣній. Предоставляя себѣ сдѣлать то и другое, когда матеріалы нашей этнографіи дадутъ возможность къ такимъ сопоставленіямъ, мы ограничиваемся въ настоящемъ нашемъ очеркѣ исключительно данными, заключающимися въ судебныхъ процессахъ XVII и начала XVIII вв.

¹⁾ Напеч. въ „Этногр. Обзор.“ 1890 г.

²⁾ Къ литературѣ вопроса см. В. Б. Антоновича: „Колдовство. Документы, процессы, изслѣдованіе“. СПб. 1887 (изд. И. Р. Георг. Общ.). Н. О. Сумцова: „Очеркъ исторіи колдовства въ Зап. Европѣ“, Харьковъ. 1878.—Нѣсколько замѣтокъ въ *Kievской Старинѣ*.—*Soldan's Geschichte der Hexenprozesse*, neubeard. von. dr. Heintz. Heffer. 2 тома. Штутгартъ, 1880, и др.

Область неизвѣстнаго, таящагося за предѣлами знаній человека, стоящаго на низкой ступени развитія культуры, представляется ему чѣмъ то таинственнымъ, страннымъ, неизбѣданнымъ; онъ боится этого неизбѣднаго ему міра, но въ то же время благоговѣетъ передъ нимъ, хотя и называетъ тайную силу нечистою. Человѣкъ даже не сознаетъ, что именно вселяетъ въ него страхъ, каковы проявленія этой неизбѣдной, таинственной силы, въ какой мѣрѣ его жизнь зависитъ отъ нея. Эта нечистая сила представляется ему чѣмъ-то страшнымъ, подавляющимъ, чѣмъ-то такимъ, съ чѣмъ очень трудно бороться его темному уму. Но эта сила можетъ вредить или приносить пользу во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, которыхъ онъ самъ объяснить не можетъ: внезапная, повидимому безпричинная смерть или болѣзнь кого-нибудь, пожаръ, нашествіе скота, какое-либо непонятное для него физическое явленіе и т. п.—приписываются проявленію этой силы.

Выразителемъ нечистой таинственной силы на землѣ служатъ пѣкаторные люди, предызбранные ею, или же добровольные служители ея. Они настолько же страшны, какъ и самая сила, потому что послѣдняя находитъ въ ихъ распоряженіи, подвластна имъ, служить послушнымъ орудіемъ для нанесенія вреда ближнему въ рукахъ тѣхъ, кто умѣетъ обращаться съ нею. Простой смертный не знаетъ, какіе люди именно сносятся съ этой таинственной силой, какими средствами и съ какими цѣлями они это дѣлаютъ; но онъ глубоко увѣренъ, что такіе люди есть, старается разгадать, кто изъ окружающихъ его принадлежитъ къ нимъ, чтобы во время остречья. Малѣйшій поводъ служить уже для подтвержденія опасеній человека. Но въ большинствѣ случаевъ даже и этого повода не представляется: человѣкъ замѣчаетъ только какое-либо явленіе, оказывающееся, по его мнѣнію, слѣдствіемъ чародѣйства, и отсюда уже восходитъ къ предполагаемому виновнику его и къ тѣмъ дѣйствіямъ или словамъ послѣдняго, непонятнымъ и загадочнымъ для него, которыя вызвали, по его убѣжденію, самое явленіе.

Въ виду высказанныхъ соображеній объ отношеніи къ личности жителей чародѣйственной силы, мы въ большинствѣ процессовъ находимъ лишь неопредѣленные заявленія о томъ или другомъ лицѣ, что оно *чаруе*, при чемъ смыслъ этому понятію дается весьма обширный. Такъ, въ одномъ процессѣ встрѣчаемъ заявленіе мужа объ очарованіи подсудимую жены его¹⁾; въ другомъ обвиняютъ въ очарованіи дома²⁾, въ очарованіи самого жалующагося и его дома³⁾, наконецъ, въ очарованіи маршала ли-

¹⁾ Археографич. Сборникъ Виленской Археограф. Комм. Т. III. 101.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Wspomnienia Żmudzi, Jucewicz, 203. (Вильно 1842), Процессы о чародѣйствѣ помѣщены въ приложеніи.

товскаго Сашѣга¹⁾ и т. д. Нерѣдко можно встрѣтить и такое обвиненіе, что тотъ или другой былъ очарованъ въ домѣ обвиняемой²⁾.

Такое неясное понятіе объ очарованіи, въ другихъ случаяхъ сопровождается болѣе опредѣленными указаніями на то или другое лицо, что оно обладаетъ свойствомъ очаровывать, что тотъ или другой—чаровникъ, ворожбитъ³⁾, или „давний чаровникъ и ворожбитъ“, а объ одномъ чародѣѣ Кузъмѣ говорится даже, что онъ знакомъ съ этимъ дѣломъ съ 18-лѣтняго возраста⁴⁾.

Изъ хода дѣла мы узнаемъ, что чародѣи не обладали всѣ одинаковою силою и знаніемъ, но что между ними были болѣе знающіе и менѣе знающіе, старшіе и младшіе. Такъ, одна привлеченная къ дѣлу указывала на крестьянъ Давида Пусца и Кузму, что они „оба старшіе надъ нами, лучше умѣютъ чаровать, управляютъ нами, чаруя, что сами захотятъ, и намъ позволяютъ“⁵⁾; на другую было указано, что она считается „старшею, умѣетъ чаровать людей, хлѣба, скотъ и вообще, что захочетъ“⁶⁾. Изъ одного акта мы узнаемъ, что чародѣйству нужно было учиться тѣмъ, которые хотѣли имъ пользоваться⁷⁾. При этомъ надо замѣтить, что послѣднія показанія приведены со словъ лицъ, обвиняемыхъ въ чародѣйствѣ; трудно сказать, говорилось ли это ими вслѣдствіе искренняго убѣжденія въ томъ, что такіе факты существуютъ, или же съ цѣлью оговорить то или другое лицо и, такимъ образомъ, свалить хоть отчасти вину на другого. Какъ увидимъ ниже, изъ показаній обвиняемыхъ можно извлечь еще болѣе интересныя подробности, какъ о личности самихъ чародѣевъ, ихъ свойствахъ, такъ и о сущности самаго чародѣйства. Одно только намъ кажется несомнѣннымъ, что передаваемые обвиняемыми и свидѣтелями факты, независимо отъ того съ какою цѣлью они передавались въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, служатъ къ опредѣленію того, какія понятія циркулировали въ обществѣ о чародѣйственной силѣ, ея средствахъ и людяхъ служащихъ ей.

Поводомъ къ обвиненію служили не только одни неопредѣленные указанія на то, что извѣстное лицо чаруетъ, что онъ чародѣй, ворожбитъ. Часто какое-либо неосторожное слово со стороны подозрѣваемаго, непонятное или загадочное для свидѣтеля, какой-нибудь непонятный случай служить для подтвержденія обвиненія и дѣлался поводомъ привлеченія къ судебной отвѣтственности. Это отношеніе современнаго общества весьма ин-

тересно и характерно. Иногда достаточно было одного только подозрѣнія для привлеченія къ суду. Такъ, настоятель одного монастыря заявилъ суду, что, „по нѣкоторымъ доказательствамъ и слухамъ, подозрѣваютъ въ чародѣйствѣ Кумцевичену“; чародѣйство ея, по его увѣренію, „наноситъ большой вредъ монастырю, и дай Богъ, чтобы оно было искоренено“¹⁾. Въ другой разъ былъ признанъ подозрительнымъ и приведенъ свидѣтельницей въ доказательство слѣдующій разговоръ ея съ чародѣемъ-мужикомъ Карпомъ. Когда она, Ференсова, была заручена и переливала медъ къ свадьбѣ, Карпъ просилъ ее дать напиться меду; Ференсова отказала; тогда Карпъ сказалъ: „не даешь теперь, але (но) будешь давать потомъ, але я не буду хотѣть“²⁾. Могилевскій мѣщанинъ Харько рѣшился обвинять въ колдовствѣ служившую у него женщину Орину единственно по тѣмъ признакамъ, что въ домѣ онъ замѣтилъ „пикоды“ (убытки), начались недоразумѣнія съ женой, „зепсованье“ (порча) дѣтей (сынъ только на восьмомъ году началъ говорить), наконецъ по нѣкоторымъ (безъ указанія какимъ) заявленіямъ своего шурина, дѣтей и сосѣдей³⁾. Вообще указаніе на „пикоды“ приводится часто для подтвержденія обвиненія. Въ одномъ процессѣ свидѣтельница показала, что, она перебиралась въ качествѣ слуги въ домъ, въ которомъ служила пастушкой обвиняемая, прежде тѣмъ войти въ новое свое помѣщеніе, впустила туда для предосторожности курицу, и та на другой день-издохла. Та же свидѣтельница рассказывала, что замѣтила у обвиняемой мѣшокъ, прилѣпленный къ стѣнѣ воскомъ; на ея вопросъ о назначеніи мѣшка, дочь пастушки отвѣтила, что мать ея дѣлала въ немъ сыр⁴⁾.

Нравственные качества лицъ, подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ, также принимались во вниманіе. Такъ извѣстенъ случай, когда свидѣтели ставили въ упрекъ женѣ крестьянина Убы, обвиняемой въ чародѣйствѣ, и то, что по ея винѣ происходила „неспокойства“ въ сосѣдствѣ, что она женщина неспокойная, сварливая, злая, съ каждымъ ссорится, что сынъ ея замѣченъ былъ въ кражѣ и что она сама раньше обвинялась въ воровствѣ и чародѣйствѣ⁵⁾; въ подтвержденіе обвиненія одной приводилось, что она „умѣетъ чаровать, мужа своего отравила и жила съ паробкомъ“⁶⁾. Иногда даже дѣлались упреки въ томъ, что чародѣи отступали отъ Бога⁷⁾.

1) Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ Витеб. и Могилев. губ. изд. подъ ред. Созонова, т. VI, 249.

2) Арх. Сб. т. III, 145.

3) Ист.-юр. мат., изд. подъ ред. Созонова, т. IX (1878), стр. 292—3.

4) Акты изд. Вил. Археолог. Ком. т. X, 284.

5) *Jucevics*, 190, 191, 188.

6) *Ibidem*, 209.

7) *Ibidem*, 164.

1) Археограф. Сб. т. III, 99, 115, 151, 166 и *passim*.

2) *Jucevics*, 203, 204.

3) *Ibidem*, 206, 208, 209. Арх. Сб. т. III, 135, 144.

4) *Jucevics*, 209.

5) *Ibidem*, 208.

6) *Ibidem*, 209.

7) *Ibidem*, 182.

Въ иныхъ случаяхъ придавалось особенное значеніе угрозамъ, „похваламъ“ подозреваемыхъ лицъ, какъ мы уже указали вскользь. Такъ, относительно упомянутой жены Убы свидѣтели показывали, что она похвалялась такими словами: „скоро вы трое плакать будете, и мѣста вашихъ домовъ пусты будутъ“. Вскорѣ послѣ этого дѣйствительно сгорѣли дома свидѣтелей¹⁾. Въ другой разъ та-же подсудимая ходила по улицѣ обнаженная до пояса, говоря: „какъ я голая хожу, такъ и вы будете голы“²⁾. Та же самая подсудимая похвалялась одному, что онъ осѣпнетъ, чтѣ и случилось³⁾. Цѣлый процессъ былъ возбужденъ почти исключительно по поводу слѣдующихъ словъ, сказанныхъ подсудимой: „если меня удалить изъ этого дома, то съ нимъ случится то-же самое, что случилось въ домѣ сапожника, прогнавшаго меня изъ костела“⁴⁾. Не разъ подобныя „похвалки“ служили причиною возбужденію процесса. Еврей Гошко Ёскевичъ обвинялъ крестьянина Юрка Войткевича въ чародѣйствѣ по слѣдующимъ даннымъ: Юрко съ пріятелемъ пили въ кормѣ Гошки водку, и когда вошелъ со двора хозяинъ, Юрко пошелъ къ нему навстрѣчу съ чаркой водки „съ приправою чародѣйскою“, по мнѣнію Гошки, предлагая ее выпить; но Гошко, „будучи престоюго (предостереженіемъ) Божію упомянутый, абы оного напитокъ не уживалъ, страхомъ великимъ знятый, же (такъ что) яко сердце, такъ навѣтъ (даже) и руки трестъ се почали, же ажъ горѣла съ тое шкленницы проливати ся почала“—отказался выпить, потому что „поголосока“ на него ходила, будто онъ „чарами своими шкодить“. Юрко началъ драться съ Гошкой, но его увели сосѣди. Вскорѣ послѣ этого заболѣлъ ребенокъ Гошки: „папъ Гошко Ёскевичъ меновалъ,—говорить слѣдствіе,—же (что) такая хвороба иначе се не могла стать тому дитяти его только съ чарованья Юрка“⁵⁾. Въ дѣлѣ Василія Брикуна свидѣтель привелъ цѣлый рядъ „похвалокъ“ его, причинившихъ имъ болѣзнь⁶⁾.

Иногда самое пустое обстоятельство обращало на себя вниманіе и приписывалось таинственному дѣйствию чаръ. Такъ одинъ возный стерегъ взятую подъ стражу попадью; онъ началъ съ товарищемъ играть въ кости, и въ это время три бѣлыхъ кабли, какъ молоко, упали съ потолка около его руки. Это они приписали дѣйствию находившейся у него подъ стражей чаровницы⁷⁾.

Кромѣ рассмотрѣнныхъ нами различныхъ внѣшнихъ проявленій ча-

родѣйства, какія считались въ обществѣ достаточными для признанія того или другого лица причастнымъ колдовству, изъ процессовъ раскрывается не мало еще новыхъ свойствъ чаровниковъ. Эти свойства составляли тайну лицъ, посвященныхъ въ тайны чародѣйства, хотя неясныя понятія о нихъ циркулировали въ современномъ обществѣ. Намекъ на такія интимныя свойства чародѣевъ мы уже видѣли въ показаніяхъ о ихъ старшинствѣ. Однако имѣющіеся у насъ подъ рукою матеріалы даютъ возможность сообщить еще нѣкоторыя подробности.

Прежде всего мы узнаемъ, что вѣдьмы отличались свойствомъ *летать*, при чемъ летали ночью, обыкновенно въ ночь наканунѣ Иванова дня, сопровождая свои полеты метаніемъ искръ. Такъ одна обвиняемая указала, что Шлопакова и дочь ея Магдалена обѣ умѣютъ чаровать и летали на гору Шатрію съ искрами въ ночь передъ св. Яномъ¹⁾. Относительно одной подсудимой было заявлено, что она по ночамъ черезъ крышу выносила изъ амбара хлѣбъ, какъ *лятавица*²⁾. Интересно, что то-же передаетъ подсудимая про свою подругу, не отпираясь отъ сообщенія съ ней. Еще одна подсудимая, по указанію свидѣтельницы, научилась чарамъ отъ своей матери, которая „летуцала вѣдьма, чаровница была“³⁾. Чародѣй Кузьма также научился отъ своей матери, которая летала „съ огнистыми искрами“⁴⁾. Сами подсудимыя иногда признавались, что онѣ дѣйствительно летали. Такъ, одна указывала, что летала съ Шлопаковой и дочерью ея Магдаленой на г. Шатрію предъ св. Яномъ⁵⁾. Очень интересный разсказъ находимъ о такихъ летаніяхъ въ показаніяхъ другой подсудимой; она разсказываетъ, что когда сосѣдка ея, сваривъ ночью какую-то кашу, дала ей поѣсть ее, то она вмѣстѣ съ другими, обратившись въ сорокъ, полетѣли въ сосѣдную деревню и здѣсь у дома Лукана Двила въ пруду купались; между ними была одна изъ семейства Двила, еще дѣвѣ ея знакомыхъ и около 30 незнакомыхъ женщинъ. Онѣ имѣли своего начальника „нѣмца кудлатого“, котораго звали Павломъ. Изъ пруда онѣ отправились въ „комору“ (чуланъ) Двила и тамъ „раду имѣли между собой“. Когда зашѣлъ пѣтухъ, онѣ снова очутились въ своей деревнѣ, за мило отъ пруда⁶⁾.

Нѣкоторымъ вѣдьмамъ сами же подсудимыя приписывали необыкновенную силу. Такъ, про одну попадью одна привлеченная по тому же дѣлу говорила, что „попадья половиною свѣта тресеть“⁷⁾.

¹⁾ Juscevicz, 205.

²⁾ Ibidem, 183.—„Лятавецъ“—летающій змѣй, духъ. Отсюда женское имя „лятавица“.

³⁾ Арх. Сб. III, 146.

⁴⁾ Juscevicz, 209.

⁵⁾ Juscew., 208.

⁶⁾ Ibidem, 182.

⁷⁾ Арх. Сб. III, 100, 150.

¹⁾ Ibidem, 189.

²⁾ Ibidem, 190.

³⁾ Ibidem, 191.

⁴⁾ Акты Вид. Арх. Ком. т. X, 282.

⁵⁾ Арх. Сб. Вид. Арх. Ком. I, 295—6.

⁶⁾ Ibid., 338 и сл.

⁷⁾ Арх. Сб., т. III, 109.

Мало того: было убеждение, что у некоторых вѣдьмъ на тѣлѣ есть признаки ихъ принадлежности въ таковыя. Такъ, неопровержимое доказательство виновности одной подсудимой, Люціи Войцолки, судъ усмотрѣлъ въ томъ, что на тѣлѣ ея оказались „дьявольскія пятна, руки отъ плечъ и ноги отъ коленъ были синіе, налиты кровью, измученныя“. Она признала была несомнѣнной вѣдьмой, совсѣмъ „опанованной“ дьяволомъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ эти пятна остались на ней послѣ пытки¹⁾.

О сношеніяхъ съ дьяволомъ встрѣчается указаніе только въ одномъ процессѣ Маріанны Косцюковой. На пыткѣ она дала противъ себя такіа интересныя и характерныя показанія, что мы приведемъ ихъ почти цѣлкомъ. 1) Она показывала, что собравшись на рынокъ въ Тышлевичахъ, полетѣла она вмѣстѣ съ Шимоновой, Савковой, Гончаровой и Сугавдзювой, которая ихъ помазала чѣмъ-то подъ пахами, приведя съ собой еще какую-то женщину изъ сѣдѣйной деревни. Вѣсь онѣ прилетѣли на Шатрію, гдѣ увидѣли много народу. Старшей между всѣми была Сугавдзюва. 2) Созналась, что видѣла на Шатріи *pana* (дьявола) въ нѣмецкой одеждѣ, въ шляпѣ, прогуливающагося съ палочкой. Тамъ танцовали, при чемъ на скрипкѣ игралъ *rogatnik*; самъ панъ и его дѣти тоже рогаты. Панъ танцевалъ прежде съ Савковой, потомъ съ Гончаровой, Костошковой и другими *per consequens*. Хромяя Михалова Москалева не танцевала; она у Гончаровны недавно изучила „wszystkie wszechmocności“ (всякое всемогущество, тайную силу). Веселились не долго, потому что боялись, чтобы пѣніе пѣтуховъ не застало ихъ. Прилетѣвъ въ мѣстечко, онѣ разошлись. Летѣли выше тѣсомъ самыхъ высокихъ. 3) На Шатріи ни одного зданія нѣтъ. 4) Видѣла, что панъ пришелъ съ палкой въ шляпѣ и, кивнувши на нее головой, ушелъ назадъ. 5) Созналась, что отрелася отъ Бога. 6) Что ее самое мучилъ злой духъ, но Павлюкова, ея госпожа, начала окуривать ее „зелемъ“ освещеннымъ и водой, и онъ пересталъ беспокоить. 7) Что крестилась дьявольской рукой и ногой, которыя онъ ей подавалъ, когда нужно было²⁾.

Конечно, такіа показанія могли очень естественно сорваться съ языка подъ пыткой у человѣка, отчаяннаго уже въ спасеніи, или у человѣка съ разстроенными умственными способностями. Но для насъ, съ этнографической точки зрѣнія, эти демонологическія представленія, носящія въ себѣ несомнѣнно продуктъ общеннаго мѣтнія, весьма интересны. Дѣло Косцюковой только одно изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ богата такими подробностями. Въ другихъ процессахъ мы вовсе не встрѣчаемъ указаній на сношеніе съ дьяволомъ. Мы нашли только два заговора, съ содержаніемъ

которыхъ познакомимъ читателей впослѣдствіи, въ которыхъ упоминается имя дьявола.

Итакъ мы рассмотрѣли тѣ признаки, по которымъ общественное мнѣніе признавало чаровникомъ то или другое лицо, и нѣкоторыя изъ свойствъ чародѣевъ, которыя приписывались имъ. Но какъ мы видѣли, понятія о чарахъ были весьма неопредѣленны; рассказы о ихъ свойствахъ, принадлежащіе также привлеченнымъ къ суду лицамъ, отличаются тѣмъ же свойствомъ, и хотя они циркулировали въ обществѣ, но, конечно, провѣрить ихъ никто не могъ. Гораздо важнѣе для общества были результаты колдовства, его цѣли и средства. Эти послѣднія стороны были виднѣе для массы, ближе стояли къ ней, такъ какъ всѣ необъяснимыя явленія она старалась свалить на дѣйствія колдовства, на проявленія невѣдомой, но страшной, таинственной, злой силы. Поэтому мы находимъ въ процессахъ немало указаній, отличающихся точностью и опредѣленностью, на какія именно стороны чародѣйской жизни обращало колдовство свое губительное дѣйствіе.

По отношенію къ людямъ чародѣйство могло имѣть прежде всего значеніе для ихъ здоровья. Такъ могилевскій мѣщанинъ Харько обвинялъ служанку свою, что она „похвалку чинила“ въ томъ, что повредить его здоровью и что его хозяйство будетъ „псоваться“, т. е. приходитъ въ упадокъ¹⁾. Одна обвиняемая призналась, что по просьбѣ своей внучки она чаровала на болѣзнь одну женщину, но не на смерть²⁾. Цѣлое дѣло было возбуждено по подозрѣнію въ томъ, что попадья Громыкина вмѣстѣ съ другими хотѣла чарами повредить здоровью маршалка литовскаго Сабѣги. Одна обвиняемая въ чародѣйствѣ утверждала, что умѣетъ „малыя дѣти покурить, а тесницу (тоску) отхотить“³⁾, предлагая свои услуги вылѣчить маршала отъ „тесницы“. Далѣе посредствомъ чародѣйства можно было „дѣлать малыя умолять уrazy (заговаривать поврежденія) и иныя дефекты дѣтей малыихъ“⁴⁾. Вообще, заговаривать, „умовлять“ можно было и другиа болѣзни людей: „матницъ, уrazy, рунтуры (переломы), въ костяхъ болѣзня и иныихъ припадковъ подобныхъ“⁵⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что чародѣйство не только приносило людямъ болѣзни, но и наоборотъ: посредствомъ чаръ можно было продлить жизнь, что обѣщала маршалку Сабѣгѣ одна подсудимая, привлеченная по этому дѣлу, говоря, что она можетъ вылѣчить также отъ „тесницы“ что она вылѣчила отъ нея Офанасовичеву, у которой болѣзнь эта выражалась тѣмъ, что та смотрѣла въ стѣну и ковыряла по стѣнамъ, говоря, что тамъ показалось что-то недоб-

1) Истор.-юр. Мат. Созопова, т.

2) Арх. Сб. т. III, 101.

3) Ibidem.

4) Ibidem, стр. 125.

5) Арх. Сб. т. III, 145—146.

1) Juciewicz, 184.

2) Juciewicz, 77—9.

рое¹⁾. Чарами можно было прекратить бессонницу²⁾. Чары были весьма сильным орудием для причинения болезней людям. Если вообще чарами можно было вредить здоровью людей, каковое указание мы встречаем неоднократно³⁾, то в частности встречаются указания на то, что от чар человек лишился рассудка⁴⁾, терять зрение и т. п.⁵⁾.

Чародѣйство могло не только вредить здоровью, но и причинило смерть. Такъ, нѣкая Двилова обвинялась въ томъ, что она отравила жену отца чарами и сына его погубила чародѣйствомъ⁶⁾. Другой случай разсказывается такъ: чародѣй Кузьма подалъ въ руки женѣ жалобника кусокъ мяса, отчего она изсохла и умерла⁷⁾. Наконецъ, чародѣй могъ заговорить ребенка до рождения, такъ что онъ рождался мертвымъ⁸⁾, и т. п.

Вліянію чаръ были подвластны и отношенія людей между собою. Такъ, можно было очаровать, чтобы господинъ былъ благосклоненъ къ своему подчиненному⁹⁾, чтобы передать ему управление всѣмъ имуществомъ. Известно очарованіе въ томъ смыслѣ, чтобы очарованный по смерти своей жены женился на сестрѣ обвиняемой¹⁰⁾. Практиковалось также привораживаніе парней къ дѣвушкамъ¹¹⁾. Интересенъ одинъ разсказъ объ участіи чародѣйства въ отношеніяхъ мужа къ женѣ. Служанка пани Офанасовичевой разсказала, что пріятельница ея, госпожа Ференсова, по выходѣ замужъ жила шесть недѣль съ мужемъ „nie maie sprótku“. Тогда Офанасовичена посоветовала обратиться къ чародѣю Карпу, извѣстному во всей околицѣ. Тотъ пришелъ къ Ференсовой и только *la-szczką (łaską) uderzył po biodrach samę Ferensową u kazał iść iey do męża. I na tych miast mieli z sobą społeczność u do łózka niedopuszczisz*“¹²⁾.

Кремъ силы надъ людьми, чародѣйство имѣло вредное или полезное вліяніе на хозяйство, распространяя свою силу даже на внѣшнюю природу. Такъ какъ процессы касались преимуществу крестьянской среды, то естественно, мы и находимъ наиболѣе указаній на дѣйствіе чаръ въ кругу пнлій и предметовъ этой среды. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно встрѣтить указанія на то, что чарамъ придавалось весьма огромное значеніе въ хо-

зяйствѣ. Такъ объ одной чародѣйкѣ, считавшейся старшей, сказано, что она „умѣетъ чаровать людей, хлѣбъ, скотъ и что за хочетъ“¹⁾. Другая учила заклинать, чтобы пропадали скотъ и люди и дожда не было“²⁾. Одинъ чародѣй могъ чаровать на „лѣса, воды, людей, скотъ и на что захочетъ“³⁾. Андруль Тувкшайца чаровалъ „людей, хлѣбъ, скотъ“⁴⁾. Тѣмъ же свойствами отличалась нѣкая Катерина Ринкевичовна, чаровавшая людей, лѣса, хлѣбъ и воду⁵⁾. Другая чародѣйка очаровала домъ жалобника такъ, что скотъ его палъ, хлѣбъ погибъ и заболѣло дитя⁶⁾. Таковы общія цѣли чародѣйства по отношенію къ предметамъ хозяйства. Но встрѣчается не мало указаній на частные случаи примѣненія его. Такъ, напримѣръ, послѣ доенія коровъ истца чародѣйкой, онѣ начали давать мало молока, болѣть и падать⁷⁾ и т. п. Стоило только обладающему чарами пожелать, чтобы случился какой-либо уронъ въ хозяйствѣ, и это могло сбыться. Такъ, упомянутая уже не разъ жена Убы сказала свидѣлю Якову Янайтису: „твои коровы, которые сынъ мой пастъ, всѣ погибнутъ“,—послѣ чего двѣ коровы пали⁸⁾. Отъ пожеланія другой палъ весь скотъ въ домѣ⁹⁾. На Сугавдиону свидѣтели показали слѣдующее: свидѣтель не ссудилъ ей лошади въ дорогу; она сказала: „не долго ты будешь ѣздить на ней“; на третій день лошадь издохла¹⁰⁾. Отъ „похвалки“ другой погибли свиньи свидѣльницы¹¹⁾.

Впрочемъ, какъ и относительно людей, чародѣйство могло приносить и пользу хозяйству. Такъ, одна обвиняемая сознавалась, что знаетъ лѣкарства, которыя даются очарованному скоту¹²⁾. Другая чаровала коровъ „на молоко и телата“, т. е. чтобы онѣ давали больше молока и ежегодно телились¹³⁾. Одинъ чародѣй повѣсилъ въ полѣ на сухомъ деревѣ „jelita kole“, чтобы подлѣлись кони крѣпкіе къ работѣ¹⁴⁾. Одна вѣдьма хвалилась: „я доила одну только корову, а продала полтора ведра масла и еще себѣ оставила, саръ продала и нищимъ давала, а у васъ нѣтъ молока“¹⁵⁾.

1) Ibidem, 100.

2) Jucewicz, 205 и др.

3) Ibidem, 205.

4) Ibidem, 190, 38, 185.

5) Ibidem, 185.

6) Ibidem.

7) Ibidem, 204.

8) Арх. Сб., III, 100.

9) Ibidem, 165.

10) Ibidem, 205.

11) Акты Вил. Ком. VI, 511.

12) Арх. Сб. III, 145.

1) Jucewicz, 209.

2) Ibidem, 208.

3) Ibidem, 209.

4) Ibidem, 209.

5) Ibidem, 207.

6) Ibidem, 184.

7) Ibidem, 75.

8) Ibidem, 189.

9) Ibidem, 190.

10) Ibidem, 75.

11) Ibidem, 74.

12) Ibidem, 78.

13) Ibidem, 74.

14) Ibidem, 188.

15) Ibidem, 74.

Кромѣ влияния чародѣйства на судьбу человѣка, на его благосостояніе обладателямъ тайнаго чарованія приписывалось еще большее значеніе, хотя указаній на это мы находимъ немного. Мы уже приводили мѣста, въ которыхъ говорилось, что чародѣй могъ чаровать лѣса и воду. Въ процесссахъ сохранилось еще нѣсколько указаній на то, что вообще дѣйствію чаръ подвержены были и другія стихіи и явленія природы. Чародѣй могъ повелѣвать тучами. Такъ, Андрей Гламуйтисъ далъ показаніе, что дочь Убы, Софія, замѣтила, что небо покрылось тучами и собирался дождь, сняла съ себя сермягу, повернула ее—и тучи тотчасъ разошлись¹⁾. Петрова Ласыкова, чтобы остановить дождь, вѣшала на дворѣ котелокъ на рукояткѣ топора, который вѣшала въ стѣну; отъ этого тучи расходились²⁾. Затѣмъ находимъ указаніе на то, что чародѣямъ повиновался огонь. Такъ, слуга Сапѣги, въ дѣлѣ попадья Громыкиной, показалъ, что три раскаленные угля, вылетѣвшіе изъ трубы, упали: одинъ на избу, съ которой перелетѣлъ на другую избу и вогнулся въ балку, а другой вблизи воротъ³⁾. Вѣдѣніе чаръ жены Убы сгорѣло въ селѣ три дома⁴⁾; она же утѣрила одного крестьянина, что во время пожара огонь не коснется его хаты, потому что онъ человѣкъ добрый⁵⁾.

Указанныхъ цѣлей чародѣйство достигало только съ помощью какихъ-либо средствъ, имѣвшихъ таинственное значеніе, дѣйствій или словъ. Имѣющіеся въ процесссахъ данныя представляютъ довольно богатый источникъ для опредѣленія такихъ способовъ чарованія. Такъ, чаровать можно было: посредствомъ заговора, взгляда, какихъ-либо особыхъ таинственныхъ дѣйствій, предметовъ, напитков и наконецъ „зелья“, т. е. различныхъ травъ, „зельемъ, питьемъ, альбо подлѣтьемъ, шептаньемъ“, какъ выражались въ актахъ⁶⁾.

Относительно чарованія исключительно заговоромъ или взглядомъ указаній встрѣчается весьма немного. Попадья Громыкина заговорила дитя, чтобы оно родилось мертвымъ⁷⁾; она же показала, что „дѣткамъ зась малымъ умовляють уразы и нишые дефекты дѣтей малыхъ“⁸⁾.

Одна чаровница чаровала скотъ „взглядомъ и ласканьемъ“⁹⁾, другая только взглядомъ¹⁰⁾. Хотя заговору и взгляду приписывалось особое таин-

ственное значеніе, однако заговоръ чаще соединялся съ какимъ-либо магическимъ дѣйствіемъ. Указанія на послѣдній способъ чарованія особенно многочисленны. Это, быть можетъ, происходитъ и оттого, что свидѣтели и истцы скорѣе могли подмѣтить со стороны заподозрѣннаго лица какое-либо дѣйствіе, которое могло бы имъ показаться страннымъ, необъяснимымъ и опаснымъ, чѣмъ услышать заговоръ, подмѣтить особенный взглядъ и т. п.

Чтобы повредить здоровью людей, жена Убы употребляла, напр., такіе дѣйствія. Она цѣлую недѣлю засушивала въ дыму поворожденного незаконнаго ребенка (nierzadne splodzonego), затѣмъ погребла; спусти нѣкоторое время она его выкопала, вѣроятно, для того, чтобы доказать, что ребенокъ не былъ умерщвленъ ею (przyniosła na ukazanie); но когда ей приказано было отнести, она разсыпала эти кости въ огорождѣ сосѣда своего Рудзя, послѣ чего вся семья сосѣда „не имѣли здоровья“ и даже скотъ ежегодно пропадалъ¹⁾. Сухіе дубовые листья втыкались въ углы дома и строений, чтобы и въ домѣ все сохло²⁾. Чародѣйка Гирніова вымыла въ ведрѣ ноги, вследствие чего издохли четыре лошади, пившія изъ того же ведра³⁾. Выше мы видѣли, что коровы начали болѣть и издыхать отъ того, что чародѣйка ихъ выдоила⁴⁾. Приданіе шерсти съ произнесеніемъ заговора служило для очарованія скота и всего дома⁵⁾. Для очарованія хлѣбовъ, употреблялось слѣдующее средство: изъ гарнца въ гарнецъ переливалась вода съ зельемъ, названіе котораго неизвѣстно, и потомъ этой водой окроплялись поля⁶⁾. Наконецъ, съ цѣлью повредить хлѣбу на полѣ, часто практиковалось завиваніе „завитокъ“⁷⁾.

Всѣ указанныя таинственныя дѣйствія клонились ко вреду человѣка. Для принесенія пользы людямъ посредствомъ колдовства также были соотвѣтственныя дѣйствія. Такъ, не разъ упомянутый уже чародѣй Карпъ предложилъ такое средство противъ тоски: въ первомъ мѣсяцѣ нужно набрать въ новый гарнецъ, немного больше половины его, рѣчной воды, черная ее внизъ по теченію, и стараться ни одной капли не пролить изъ этой воды; притомъ за водой нужно идти, ни съ кѣмъ не разговаривая по дорогѣ, такъ же нужно и возвращаться съ водой; въ этой водѣ нужно спарить зелье (вѣроятно dziewiędziosniork⁸⁾ biały, каковое названіе написано въ заголовкѣ средства, хотя и въ самомъ текстѣ его и нѣтъ), залѣ-

1) Ibidem, 191.

2) Ibidem, 129.

3) Арх. Сб., т. III, 109, 101, 100.

4) Jucewicz, 189.

5) Ibidem, 191.

6) Арх. Сб. III, 122.

7) Арх. Сб. III, 100.

8) Арх. Сб. III, 125.

9) Jucewicz, 205.

10) Ibid., 208, 207.

1) Ibidem, 189.

2) Ibidem, 182.

3) Ibidem, 196—7.

4) Ibidem, 183.

5) Ibidem, 189.

6) Ibidem, 207.

7) Badania Archeologiczne, E. Tyszkiewicz, Wilno 1850, 37.

8) Въ другомъ актѣ по-русски: девятерникъ. Арх. Сб. III, 151.

Доняръ-Запольскій.

пивъ горшокъ тѣсомъ, и этимъ снадобемъ нужно умываться въ концѣ мѣсяцъ (na zeisici miesiaca) три раза въ недѣлю: въ среду утромъ, въ четверть вечеромъ и въ субботу предъ восходомъ солнца. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ все это продѣлывается съ другою травкою—центурией (centuria), а затѣмъ съ зельемъ, называемымъ „odtesnik“, которое растетъ по ржи и на межахъ, сѣроватаго цвѣта (farby płowej¹⁾). Тотъ же Карпъ предложилъ для лѣченія различныхъ болѣзней еще нѣкоторые рецепты²⁾.

Одна обвиняемая по дѣлу объ очарованіи маршалка Сапѣга, общала, если ее выпустятъ, сдѣлать такъ, что маршалъ будетъ здоровъ, веселъ и скоро женится. При этомъ она предложила такой рецептъ. Когда Сапѣга придетъ, пусть возьметъ изъ гумна девять колосьевъ ржи и изъ каждого по девять зеренъ, потомъ взять девять хлѣбцовъ и изъ каждого вырѣзать сверху по куску. Все это намочить въ сосудѣ съ виномъ или пивомъ, и набрать въ другой сосудъ рѣчной воды, черпая противъ теченія; потомъ эти сосуды поставить въ банѣ, вынувши доски въ полу. Въ сосудѣ долженъ стать Сапѣга и поливать самъ себя съ головы, или же поручить вѣрному человѣку. Послѣ обмыванія нужно пустить на воду эту смѣсь и хлѣбъ, выбравши только зерна, при чемъ 9 зеренъ нужно носить при себѣ, а остальные воткнуть въ молодое плодовое дерево, замазавши воскомъ. Затѣмъ, когда Сапѣга будетъ куда-нибудь ѣхать, нужно положить булку хлѣба надъ воротами, въ которые онъ пройдетъ. Кусокъ этого хлѣба онъ долженъ носить всегда при себѣ, а остальной тщательно спрятать³⁾. Встрѣ-

¹⁾ Арх. Сб. III, 167—8.

²⁾ Мы приведемъ ихъ цѣликомъ въ подлинникъ, потому что съ одной стороны они представляютъ большой интересъ, а съ другой потому, что языкъ, которымъ они переданы, не вездѣ понятенъ, и мы предоставляемъ каждому объяснять тѣ или другія выраженія по своему.

³⁾ „Olow wylewac tak: wziądz wodę, jako idzie, y mówic: ia k tobie przyszedł z Naswieszam Pannam wody brać y natą wodę wylewac udczu wsiakuu chorobu y strachu y przepłocy krowneg Jana jego głowy wsiakuu chorobu poty bęła, pokym ołowia nie wylewała, a coeper potym wilewaniu Naswieszam Panna niech będzie na pomoc, a ma to liadz raz y, tho za kazdym razem ołowiu z wodi wziącz y roszyrzacz do dziewiątego razu roszęgacz y na tęg wodę lycz. Ty kłocz od kłocz trzy dziewiec ostropes dac wypicz w occie, a mów nowi: Panna Naswieszam! umawiaui osmdziesiąt y robi holowniow y pluszuiuu yzplenieniu y ktoru kotwiek kluciu wyhorowie osmdziesiąt chorogu wo wlaw koscieny choroby. Na uplawi biali głowi. Pomiot święny w piwie uparzyc y pod podeszwę przylozyc, dziewiec kaminie rospalacz y swinie gnoi naklacz y pywem parzyc, na krzeste siedząc. Jesco krowi czarni, żeby zadnia odmienia nie biła zadni włosy inszy nie billo u tli krowi, skrobacz lewi rok od białich uplaw a tęg rok trzeba żeby ku wirszu ztrobane tak wiele jak bobkowa dziarna, dacz wypycz w winie albo w piwie lub w occie.. Babkę wziącz z listkami y nazieniem uwarzyc y pycz od tego, takze tego zieleu w luskę kłasc. Do pani Mogielniczky po ziele posłacz od pani swiecinikowi (= по-падни) prosząc o dziewięczziornik y o alosniuk“ (Арх. Сб., т. III, 167).

³⁾ Арх. Сб. III, 102.

чаются и менѣ сложные рецепты лѣченія. Такъ, чтобы парни любили дѣвуху, послѣдней нужно было умываться древеснымъ цвѣтомъ (drzewem z kwiatem) на первый день Пасхи, передъ восходомъ солнца; затѣмъ составъ этотъ занести въ одной рубахѣ и закопать подъ хлѣвъ дома того парня, любовь котораго желательно приобрести¹⁾.

Отосительно того, какимъ образомъ чародѣйство помогало домашнему хозяйству, мы почти не встрѣчаемъ указаній. Извѣстенъ одинъ только фактъ: Уба, вынесши въ поле „jelita (кишки) kole (?)“, повѣсилъ на сухой яблонѣ, объяснивъ потомъ, что это сдѣлано для того, чтобы водились крѣпкія рабочія лошади²⁾. Наконецъ, мы уже видѣли, какъ поступали чародѣи для разогнанія тучъ.

Всѣ разсказанныя дѣйствія чародѣевъ получаютъ опредѣленный характеръ по своему назначенію—принести предъ или пользу людямъ или хозяйству. Но есть нѣсколько указаній на такія дѣйствія, которые не имѣли опредѣленнаго назначенія, или по крайней мѣрѣ характеръ ихъ не выяснился, но которые тѣмъ не менѣ были признаны судомъ или свидѣтелями за чарованіе. Такъ, одна обвинялась въ томъ, что она чаровала хлѣбъ, залязывала рожъ (очевидно, дѣлала „завитки“), терла руками овесъ, говоря, что изъ этого овса она испечетъ хлѣбъ съ липовыми листьями, затѣмъ во время игрища передъ Ивановымъ днемъ несла съ поля огонь,— всѣ эти дѣйствія признаны были чародѣйствомъ³⁾. Другая колдунья, чтобы повредить дому свидѣтеля, бросила у воротъ его палку, шелягъ (мѣдный грошъ) и нитки⁴⁾. Не разъ встрѣчаемъ указанія на то, что чары можно было подбрасывать⁵⁾. Наконецъ, однимъ изъ чародѣйскихъ средствъ служило окуриваніе какимъ-то составомъ⁶⁾.

Къ дѣйствіямъ, употреблявшимся при чарованіяхъ, близко стоитъ употребленіе отдѣльныхъ предметовъ съ тою же цѣлью. Такъ, могилевская мѣщанка Орина обвинялась въ томъ, что она втыкала ножъ въ притолоку, обносила какимъ-то зельемъ дворъ и домъ и давала чары въ нищѣ⁷⁾. Попадаѣя Громыкина употребляла съ какою-то цѣлью „Agnusek“⁸⁾. На чары же употреблялась каша изъ жукотъ⁹⁾, подкова лошади, на кототорой ѣз-

¹⁾ Акты Вилен. Арх. Ком. VI, 511.

²⁾ Jucewicz, 188.

³⁾ Ibidem, 201.

⁴⁾ Ibidem, 195.

⁵⁾ Арх. Сб., т. III, 101.

⁶⁾ Ibidem, p. 124—5.

⁷⁾ Ист.-юр. мат. Созонова, т. IX, 293.

⁸⁾ Арх. Сб., III, 108. (Agnus Dei; тутъ же и описаніе его).

⁹⁾ Jucewicz, 207.

дять тотъ, кого жакоуть очаровать ¹⁾, кости ²⁾, земля ³⁾, дохлый поросенок ⁴⁾ и, какъ мы уже видѣли, высушенный трупъ ребенка.

При лѣченіи болѣзней употреблялись яйца: нужно взять три яйца, выпустить желтокъ и бѣлокъ, набрать въ скорлупу стоячей воды, слить ее въ другую посудину и вылить эту воду на бревно, (матипу?) въ избѣ (на bierwioło w uzbie rominąwszu rotębę pierwszą), упомянувъ, противъ какой болѣзни выливается ⁵⁾. Родильницъ окуривали бобровой струей, перьями живыхъ куропатокъ, „перестрѣломъ“, церковнымъ муромъ и освященными травами, „енорожець“ пить даютъ, то есть орлій камень *мѣають*“ (*имплють*) ⁶⁾. Чародѣй Кузьма далъ женѣ свидѣтеля кусокъ мяса, отъ чего она заболѣла и умерла ⁷⁾; одна, привлеченная къ суду, причинила болѣзнь тѣмъ, что дала яблоко ⁸⁾.

Нерѣдко вода, пиво, вино, даже роса служили для чарованія, давались также чары въ пищу ⁹⁾. Боязнъ къ лицамъ, заподозрѣннымъ въ чародѣйствѣ, была настолько велика, что одинъ свидѣтель рассказывалъ, что не далъ подозрѣваемой въ колдовствѣ напитокъ святой воды, боясь, что она проситъ на чары ¹⁰⁾.

Интересна „протестація“ Василія Паука объ очарованіи его дома водою: „...въ ночи, нѣтъ вѣдома кто, подышавшы (подойдя) на знакъ чаровъ, ворота и стѣны дому пана Василія Пауковича... зъ улицы не вѣдати чимъ позаливаль...; хтось за тымъ заливаньемъ на здоровье самага пана Василія Пауковича, пани малжонки (жены) и дѣтей ихъ чугаетъ (покушается). За чымъ менечы (думая) чары починенны, а не будучи безвѣщнымъ здоровья, маетности (имущества) и фортуного въ пожитую поваженья, тое позаливане воротъ и стѣнъ за разомъ того часу врадови обвелъ (объявилъ начальству)“, и занесъ, на случай открытія виновника, въ градскія книги ¹¹⁾.

Болѣзни насылали посредствомъ чарованія на пиво, водкѣ, пищѣ ¹²⁾. Одинъ потерялъ умственный способности, очарованный на водкѣ ¹³⁾. Полоцкий мѣщанинъ Василій Брикутъ обвинялся въ чародѣйствѣ, при чемъ боль-

шая часть свидѣтелей говорили что онъ давалъ чары въ пиво и водкѣ. Такъ, онъ „Петра Демидовича виталь (угощалъ) пивомъ по-полудню, а до вечера трохе не розервало, ажъ мусели людзи ему Брикуну кланять се, абы отходзиць (отчароваль)“. Нѣсколькимъ людямъ онъ причинилъ болѣзнь и смерть поднесши чары въ водкѣ ¹⁾. Недонитое вино или водка были употреблены, чтобы „запутати дорогу“ Сашѣ предъ женитьбой ²⁾. Также давалась каша, составъ которой неизвѣстенъ ³⁾.

Интересно употребленіе при чарахъ росы и инея. Чародѣйка Бѣло-розова собирала росу въ гарнецъ и кропила этимъ хлѣба, чѣмъ приносила имъ вредъ ⁴⁾. Другая, собирая росу съ травъ и деревьевъ, чаровала ею хлѣбъ, скотъ и людей ⁵⁾. Про одну рассказывали, что она умѣетъ, собравши иней, дѣлать градъ (*lody i gady robić*) и такимъ образомъ портить хлѣба ⁶⁾.

Употребленіе металловъ при чародѣйствѣ почти неизвѣстно. Есть указаніе лишь на то, что выливаніе олова служило средствомъ противъ различныхъ болѣзней ⁷⁾.

Употребленіе при чарованіи разныхъ травъ было сильно развито, но, къ сожалѣнію, сохранилось весьма немного точныхъ указаній на названіе и способы употребленія этихъ травъ. Большею частью встрѣчаются лишь общія указанія на употребленіе при чарахъ травъ и другихъ растений, „зелья“, также какъ и на ихъ назначеніе ⁸⁾. Изъ болѣе точныхъ указаній извѣстно, напр., что собирались какіе-то цвѣты во ржи, чѣмъ наносился вредъ хлѣбамъ ⁹⁾, какую-то траву, собиравшуюся во время кукованія кукушки, давали коровамъ и курамъ ¹⁰⁾. Иногда употреблялись и хлѣбные злаки, молодой ячмень ¹¹⁾, рожь ¹²⁾, овесъ съ липовыми листьями ¹³⁾. Кромѣ того употреблялись сухіе дубовые листья, которые затыкали въ углы дома для того, чтобы въ немъ все сохло ¹⁴⁾, и листья неизвѣстнаго дерева, которое дѣвушки вмѣсто съ цвѣтами мочили въ водѣ и мылись, чтобы парни ихъ любили ¹⁵⁾.

1) Археогр. Сб., I, 338—346.

2) Арх. Сб., III, 100.

3) Jucewicz, 182.

4) Ibidem, 208.

5) Ibidem.

6) Ibidem, 206.

7) Арх. Сб. III, 117, 125, 144.

8) Ibidem, 124—5, 122, 101; Jucewicz, 207, 182 и др.

9) Jucewicz, 183.

10) Ibidem, 74.

11) Ibidem, 204, 203.

12) Арх. Сб. III, 101.

13) Jucewicz, 201.

14) Ibidem, 182.

15) Акты изд. Вил. Арх. К., VI, 511.

1) Арх. Сб., т. III, 100.

2) Акты Вил. Комм., т. VI, 511.

3) Арх. Сб., т. III, 100.

4) Jucewicz, 76.

5) Арх. Сб., т. III, 146.

6) Ibidem, 124—5.

7) Jucewicz, 204, 203.

8) Jucewicz, 185.

9) Истор.-юр. мат. Созонова, т. IX, 293; Jucewicz, 208.

10) Арх. Сб., т. III, 108.

11) Археогр. Сб. Вил. Комм., I, 307.

12) Jucewicz, 207.

13) Ibidem, 205.

Изъ другихъ растений употреблялись: табакъ, очарованный которымъ умеръ ¹⁾, денетерникъ, рута ярая, употреблявшіеся для лѣченія ²⁾, „dziewięciornik i alosnik“, тоже какъ лѣкарство ³⁾, центурия и „odtesknik“, которое послѣ во ржи ⁴⁾.

Но всѣ эти дѣйствія и средства не всегда могли успѣшно дѣйствовать сами по себѣ: нужны были еще какія либо таинственные слова, заговоры. Формулы заговоровъ сохранилось въ процессахъ не много, такъ какъ они составляли тайну колдуновъ и уносились ими на костеръ.

Нѣсколько заговоровъ, попавшихъ въ процессъ со словъ подсудимыхъ, мы уже привели; приведемъ еще нѣсколько другихъ, какіе нашлись. Такъ, одна служанка показала, что ее учила чародѣйка, прядя шерсть, говорить: „какъ это веретено кружится, пусть скотъ и овцы выкрутятся изъ дома моего господина, чтобы сталъ пустой“ ⁵⁾. Затыкая сухіе дубовые листья въ углы чужихъ строеній, колдуны говорили: „какъ эти листья изсохли, такъ пусть сохнетъ такой-то“ ⁶⁾.

Люція Марианна сознавалась, что ее учила одна чаровница такимъ заклинаніямъ: „дьяволъ, заступи дорогу такому-то, ѣдущему на торгъ, чтобы онъ не имѣлъ счастья и обнищалъ“; и другое: „дьяволъ, вытри некло этимъ мѣшкомъ, засѣки (такой-то), чтобы амбаръ ея былъ пустой“ ⁷⁾.

Когда нужно было „отходить“ чары, говорилось, поливая воду черезъ рѣшето молодыми вѣтками: „какъ эта вода не остается на рѣшетѣ, такъ на этихъ вѣткахъ пусть не остается ворожба, ни одна вредная вещь“ ⁸⁾.

А вотъ еще одинъ рецептъ съ заговоромъ, предложенный обвиняемой въ колдовствѣ, противъ дѣйствія чаръ: нужно взять въ банѣ изъ печи три раза по 9 углей, затѣмъ пойти за водой и всыпать уголья въ воду; потомъ крошитъ этой водой черезъ рѣшето молодыми вѣтками съ такимъ заговоромъ: „какъ эта вода не задерживается въ рѣшетѣ, такъ пусть „перелогъ“ и все зло не удержится (въ домѣ)“ ⁹⁾.

Къ сожалѣнію, въ судебныхъ процессахъ очень мало приводится дословныхъ заговоровъ, а между тѣмъ теперь они имѣли бы для насъ громадное значеніе.

Вотъ всѣ немногочисленные этнографическія данныя, какія можно было извлечь изъ напечатанныхъ до сихъ поръ процессовъ о чародѣйствѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ XVII и XVIII вв. Тщательныя записи со временныхъ видовъ колдовства и знахарства въ этомъ краѣ, безъ сомнѣнія, покажутъ, что большинство изложенныхъ здѣсь взглядовъ и понятій и до сихъ поръ твердо держатся въ нашемъ народѣ.

¹⁾ Jucewicz, 185.

²⁾ Арх. Сб. III, 135.

³⁾ Ibidem, 167.

⁴⁾ Ibidem, 167—8.

⁵⁾ Jucewicz, 183.

⁶⁾ Ibidem, 209.

⁷⁾ Ibidem, 183.

⁸⁾ Арх. Сб. III, 146

⁹⁾ Ibidem.

В. Н. Тяпинскій, переводчикъ евангелія на бѣлорусское нарѣчіе.

I—II.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранится обширный рукописный сборникъ разнообразнаго содержанія, въ которомъ между прочимъ вклеено неполное (отъ Матѳея и Марка) печатное евангеліе съ рукописнымъ предисловіемъ. Изъ начала этого предисловія явствуетъ, что переводчикъ евангелія и составитель предисловія называется Василиемъ Тяпинскимъ.

Мѣсто изданія неизвѣстно; не ясно также, вышла ли книга въ свѣтъ, или осталась не допечатанной. Наконецъ совсѣмъ неизвѣстна біографія автора. При такихъ условіяхъ и цѣль перевода евангелія на бѣлорусское нарѣчіе тоже не ясна, такъ какъ предисловіе не говоритъ прямо о религіозномъ міровоззрѣніи переводчика. Загадочная обстановка, которой окружено все Евангеліе Тяпинскаго, дала поводъ ученымъ сдѣлать о немъ разнорѣчивыя предположенія.

Первый наиболѣе подробно высказался о Тяпинскомъ архимандритъ Леонидъ, сдѣлавшій рядъ широкихъ предположеній. По его мнѣнію, Тяпинскій—протестантъ, покровительствуемый Радзивилломъ, жилъ со своею „кочевой типографіею“ въ Несвижѣ; время перевода имъ евангелія архимандритъ Леонидъ относитъ къ 1570 г. ¹⁾ Но его предположенія не подтверждены имъ документальными данными.

Проф. П. В. Владиміровъ имѣлъ случай дважды высказаться по интересующему насъ вопросу. Въ своемъ изслѣдованіи о Ф. Скоринѣ онъ ставитъ Евангеліе Тяпинскаго на ряду съ Пересопницкою рукописью въ число памятниковъ православной переводной литературы ²⁾. Изслѣдуя шрифты евангелія Тяпинскаго сравнительно съ Скорининскими изданіями, онъ находитъ ихъ весьма близкими къ краковскимъ изданіямъ послѣдняго: „буквы

въ рамкахъ,—говорить онъ,—по всей вѣроятности перешли непосредственно изъ виленской типографіи Скорины въ „убогую друкарню“ Тяпинскаго, тогда какъ строчный шрифтъ его заимствованъ изъ Несвижской типографіи, а нѣкоторые украшенія изъ Кракова“ ³⁾. Разбирая тексты евангелія Тяпинскаго сравнительно съ Пересопницкою рукописью, онъ готовъ высказать догадку объ ихъ общемъ источникѣ—Скоринѣ и др. ⁴⁾.

Проф. Е. Ф. Карскій въ одной изъ своихъ работъ специально изслѣдовалъ языкъ Евангелія и вслѣдъ за проф. А. И. Соболевскимъ призналъ его бѣлорусскимъ (Каратаевъ называлъ его „малороссійскимъ“) ⁵⁾. Оба изслѣдователя въ вопросѣ о годѣ изданія ссылаются на архим. Леонида. О религіозномъ міросозерцаніи Тяпинскаго авторъ опредѣленно на этотъ разъ не высказывается, но въ своей позднѣйшей работѣ о западно-русскихъ псалтиряхъ г. Карскій уже настоячиво доказываетъ, что Тяпинскій анти-тринитарій; сравнивая тексты его евангелія съ текстами Буднаго, онъ считаетъ послѣдняго однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ перваго; наконецъ относитъ изданіе Тяпинскаго къ 1580 г. ⁶⁾.

Однако выводы г. Карскаго неудовлетворили проф. Владимірова. Въ своей рецензіи на трудъ перваго г. Владиміровъ останавливается и на его выводахъ о пособіяхъ Тяпинскаго, находитъ такое сличеніе недостаточно полно введеннымъ, указываетъ общій источникъ обоихъ переводовъ—церковно-славянскій текстъ и настаиваетъ на своемъ прежнемъ мнѣніи объ источникѣ Тяпинскаго—Скоринѣ ⁷⁾.

Такимъ образомъ два почтенные ученые, вполне компетентные въ вопросахъ западно-русскаго языка и литературы, кореннымъ образомъ не сходятся въ вопросѣ о религіозномъ міровоззрѣніи Тяпинскаго; базисомъ для ихъ сужденій служить языкъ Евангелія. Спорный вопросъ о религіозныхъ убѣжденіяхъ В. Тяпинскаго разрѣшается компетентными свидѣтельствами Ш. Буднаго, приведенными изъ очень рѣдкихъ его сочиненій въ замѣткѣ проф. Брикнера. Такъ Будный въ предисловіи къ кн. „O przednieyszych wiary chrystiańskiej artykułach“ (1576) говоритъ, что въ 1574 г. былъ синодикъ въ Литвѣ—„zebranie nasze w domu brata miłego Wasila Ciapińskiego“; здѣсь Будный излагалъ свое исповѣданіе. Другое свидѣтельство Брикнеръ встрѣтилъ у Буднаго же въ его „Urząd miecza“ (1583): рассказывая о съѣздѣ литовскихъ сочиніанъ въ Лоскѣ, гдѣ обсуждался волновавшій этихъ сектантовъ вопросъ о владѣніи земельною собственностью

¹⁾ Тамъ-же, стр. 213—204.

²⁾ Тамъ-же, стр. 234.

³⁾ Въ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варш., 1893, стр. 119.

⁴⁾ Западно-русскіе переводы псалтири въ XV—XVI в. Варш. 1891.

⁵⁾ Научное изученіе бѣлорусскаго нарѣчія въ послѣднія 10 лѣтъ (Отгисскъ изъ Кіев. Univ. Изв. 1898 г., стр. 14).

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1884, V, разборъ „Описанія“ Каратаева.

²⁾ Докторъ Францискъ Скорина, Спб. 1888, стр. 30.

и о войнѣ, Будный говорить: „ozwał się jeden szlacheic, Basil Ciapiński a przy nim i innych kilka, że to nie jest precziw nauce ewanelskiej, urząd mieczowy, także imienie szlacheckie trzumać, na wojnę jachać, praw używać itd. Sparli się z nim bracia polscy, ale iz wieszor był, dali cobie pokój. Na-za-jutż też różno się rozjechali“¹⁾. Этими свидетельствами устанавливаются принадлежность Типинского къ содинянству, его связь съ Буднымъ, наконецъ то, что владѣтель „убогой друкарни“ былъ дѣйственнымъ членомъ секты; вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельство Буднаго даетъ извѣстную точку опоры для біографическихъ поисковъ, такъ какъ изъ него открывается, что Типинскій былъ литовскій шляхтичъ, владѣвшій имѣніемъ; документы Литовской Метрики дѣйствительно подтверждаютъ это.

Уже одинъ фактъ перевода Типинскимъ евангелія на бѣлорусское нарѣчіе могъ бы вполнѣ оправдать интересъ со стороны историка и историка литературы къ его біографіи; но Типинскій не только переводчикъ евангелія и дѣятельный членъ содинянской секты; его предисловіе къ евангелію представляетъ собою весьма видный памятникъ политической литературы того времени. Давая весьма мало для характеристики религіознаго мировоззрѣнія его автора, предисловіе это въ яркихъ чертахъ представляетъ панъ національных убѣжденій самого Типинскаго и той среды, выразителемъ которой онъ является; оно не мало также говоритъ намъ о состояніи современнаго общества. Несмотря на высокое значеніе этого памятника, далеко выходящаго за предѣлы обычныхъ предисловій къ современнымъ переводамъ книгъ религіознаго содержанія, на него до сихъ поръ не обращали никакого вниманія въ литературѣ. Правда, что писатель, блестяще справившійся съ техникою перевода евангелія²⁾, излагаетъ свои мысли въ предисловіи весьма неудобнопонятно, тяжелымъ слономъ, употребляетъ немало полонизмовъ и пр. Эта литературная особенность предисловія можетъ быть объяснена только тѣмъ, что мы имѣемъ дѣло съ черновымъ наброскомъ: въ одномъ мѣстѣ рукописи встрѣчаемъ на поляхъ приписку—очевидное дополненіе, которое хотѣлъ сдѣлать авторъ³⁾.

Съ разбора предисловія мы и начнемъ.

I.

Самая важная черта въ мировоззрѣніи нашего автора—это его глубокая любовь къ русскому народу, членомъ котораго онъ себя считаетъ. Онъ много разъ говоритъ объ этомъ: „Рад покажу мою вѣроу которую маю, а злща народу своему рускому“, начинается Типинскій свое предисловіе. Евангеліе онъ переводитъ „зъ зычливости ку моєи отцине“. Себя онъ называетъ „русиномъ“ (стр. 1). О русскомъ народѣ и особенно о его языкѣ Типинскій очнь высокаго мнѣнія, хотя и скорбитъ о неуваженіи, которымъ онъ пользуется въ его время. Русский народъ, говоритъ онъ, „зацный“, прежде былъ „довстипный, ученый“; мудрость въ словѣ Божьемъ была въ народѣ „праве яко врожона“ (стр. 3).

Но Русь составляетъ самую близкую вѣтвь славнаго и ученаго народа славянъ, которымъ (т. е. славянамъ) „а што можетъ бытъ прироженнаго одно не русъ“ (стр. 3). Свое предисловіе онъ обращаетъ „къ зацной монархіи словенской“. Тѣмъ, кто стѣдится письма и слова Божія на русскомъ языкѣ, Типинскій съ гордостью указываетъ на ученость и просвѣтительныя заслуги славянъ и ихъ Первоучителей. „Тутъ быхъ я имъ (хулителямъ) ихже хотъ одного зъ мнозства личыб оныхъ словинъ Иоанна або Григорія, которыхъ дле великое нетолко в своемъ, але тежъ и в разныхъ языкахъ науки и для вѣчное ихъ вымовы, ажъ золотостустыми звали“. Если бы они оба были живы, Типинскій взялъ бы ихъ себѣ „за причину до нихъ въ томъ, а на остатокъ за светка имъ тоє речі“; если бы они теперь были, то они увидѣли бы, какъ „окраса и оздоба народу ихъ в потомствѣ ихъ отнята, а просто загинуоула“. Достаточно вспомнить о „давнихъ часахъ“, чтобы видѣть, какой „то былъ зацный, славный, острый, довстипный народъ; ихъ в умеетности, и яко многократъ постороніе учоныя народы ихъ мудростъ муседи похвалы“ и даже отъ нихъ учиться. Въ примѣрѣ такихъ заслугъ онъ приводитъ славянскій переводъ четвероевангелія и апостола, — „которые могутъ мовитъ передъ тысячею лѣтъ отъ нѣкоторого зъ словянъ выложено“. Этотъ переводъ употребляется въ церквахъ сербскихъ, московскихъ, волошскихъ, болгарскихъ, хорватскихъ и др. „Тотъ мужъ нашъ миланъ словенинъ“ такъ самостоятельно („дластне“) перевелъ съ греческаго языка, что трудно даже различитъ, какой языкъ переводчикъ зналъ лучше—греческій или славянскій; но еслибъ онъ даже и не лучше зналъ греческій языкъ, тѣмъ славянскій, то все-таки въ этомъ переводѣ мы имѣемъ не малый „знакъ“ того, что „людь“ славянскій „былъ довстипный“ (стр. 3).

Человѣкъ, имѣющій столь высокое представленіе о древнемъ славянствѣ, его языкѣ, не менѣе горячо почитаетъ заслугу „славной“ (стр. 1) славянской вѣры. Онъ ссылается въ данномъ случаѣ на „памятники“ и приводитъ въ примѣрѣ „памяти годные“, „синоди“, которые славяне имѣли не только

1) Archiv für Slavische Philologie, 1896. XVIII, стр. 629.

2) Ср. вѣрную характеристику литературныхъ достоинствъ перевода, сдѣланную А. И. Соболевскимъ: „живой, чистый бѣлорусскій языкъ“, Карскій, „Къ исторіи звуковъ“, стр. 119.

3) См. стр. 5 примѣч. въ изд. П. В. Владимірова (Кіевская Старина, 1889, январь); этимъ изданіемъ мы дальше пользуемся. Знаки препинанія разставляемъ согласно ихъ теперешнему употребленію.

съ папами римскими, но и съ другими; множество людей къ вѣрѣ изъ блуда „выдвигали“, въ разныхъ языкахъ учеными были, „а тому яко животъ светобливы вѣли, яко тежъ межи собою злыхъ фалшивыхъ и вере братовъ знашали (устраивали), лечили, направляли“; какъ наконецъ учителей своихъ „водне науки слова божого светобливымъ малженствомъ отъ иныхъ отдѣлили и ихъ тымъ оздобеныхъ всимъ народомъ и верамъ и пошине ку прикладу праве, яко свечу чистостю малженства свѣтячюу были показали“. Много пришлось бы о нихъ говорить, замѣчаетъ авторъ, но рѣшается остановиться только на одномъ примѣрѣ славянской мудрости, которая извѣстна и очевидна для всѣхъ, кто „безъ писма“ (т. е. кто не имѣетъ переводовъ Священнаго писанія на родномъ языкѣ). Славяне „даже такъ великое светобливости свое“ были, помимо другихъ народовъ, „такимъ гоимымъ даромъ были отъ Пана оздобени“, что не говоря уже о папѣ римскомъ, но и другихъ болѣе въ то время „наученшихъ народовъ“, какъ то въ Ливіи, Антиохіи, Пентаполіи, Сициліи, Месопотаміи, Палестинѣ, Финикіи, даже и сосѣднихъ народовъ, какъ французовъ, англичанъ, испанцевъ, влоховъ, нѣмцевъ, поляковъ—однимъ словомъ, всѣхъ христіанскихъ народовъ, они „в слово боже прозрѣвши, сами одни только того были доказали, же подлугъ науки апостольское своимъ влоснымъ языкомъ отъ такъ давного часу слово боже выложили и мели и намъ zostавили“. Этотъ примѣръ всѣ другіе народы только въ наше время „обачили“ и „не безъ малого забуренья и ображенія“ что перевели на свои языки слово божье съ латинскаго языка.

Таковы были національныя представленія Типинскаго. Онъ гордился тѣмъ, что онъ—русины, указывалъ на заслуги славянства въ прошломъ и даже не прочь былъ ихъ преувеличивать—можетъ быть, и безосновательно; онъ гордится своимъ русскимъ и славянскимъ происхожденіемъ.

Здѣсь безполезно привести два указанія. Происходя изъ Полоцкой земли, какъ увидимъ ниже, Типинскій могъ себя считать русиномъ по преимуществу. Въ XVI в. Русью, русскими восточными землями въ Литовско-русскомъ государствѣ считались именно Подлинне, Подвѣпирье въ отлѣченіе отъ Украйны (Южной), Волины, Подляхій, Жмуди и Литвы. Далѣе Типинскій даже въ подлинныхъ на официальныхъ актахъ употреблялъ русское письмо; не даромъ онъ въ своемъ предисловіи укоряетъ тѣхъ, кто „не смѣетъ“ подписываться по-русски (стр. 2, прим.).

Однако авторъ, столь высоко цѣнившій „достоинность“, „умѣтность“, мудрость, заслуги предковъ, съ прискорбіемъ наблюдалъ глубокое паденіе этихъ прекрасныхъ національно-религіозныхъ качествъ въ современномъ ему обществѣ. Онъ видитъ передъ собой отступничество отъ національности среди наиболее видныхъ его членовъ, грубость и релігіозную неграмотность простого народа и находитъ причины этого явленія въ пониженіи въ рус-

скомъ народѣ образованности вообще и въ особенности въ умственномъ и нравственномъ паденіи учителей народа—духовенства.

Вѣра, говоритъ Типинскій, „яко устала, яко загнула; обачиване речей жалосныхъ квалтомъ слова до устъ гонит“. Кто изъ богобоязливыхъ людей „не задержитъ“ (т. е. слово жалостныхъ), глядя на такую „казнь божию“, кто не будетъ плакать, видя въ средѣ великихъ княжатъ, знатныхъ пановъ, столь многихъ невинныхъ дѣтей, музей и женъ, въ средѣ такого ученаго народа, какъ русскій, „загнѣбае а просто възгардоу“ своего славнаго языка; вслѣдствіе того пренебреженія, „за покараньемъ Панскимъ она ясна и въ словѣ божьемъ мудрость“, которая была у нихъ врожденной, отошла отъ нихъ и ея мѣсто заступила „такая оплаканная неумѣтность... же уже некоторые и писмомъ се своимъ, а злѣща въ словѣ божьемъ встыдають“. Хуже всего то, что духовенство само не изучаетъ русскаго письма, не знаетъ его, не имѣетъ нигдѣ для науки школы, „зачимъ въ польскіе, або въ иные писма за такою неволю, немало и оу себе и дети не безъ встыдоу своего бы се одно почули немало заправують“ (стр. 2—3).

Типинскаго особенно безпокоитъ паденіе образованности въ русскомъ смыслѣ. Указавъ на заслуги славянскаго языка, на то, что переводъ Священнаго писанія на славянскій языкъ послужилъ примѣромъ для всѣхъ народовъ—какъ было раньше приведено, авторъ въ сильныхъ выраженіяхъ обращается къ панамъ, требуя ихъ поддержки въ дѣлѣ поднятія образованія въ томъ же смыслѣ (т. е. при посредствѣ Священнаго писанія на русскомъ языкѣ): онъ совѣтуетъ панамъ быть достойными своихъ славныхъ предковъ и „вступити“ на ихъ мѣста, такъ какъ ни откуда нѣтъ, вслѣдствіе нашихъ грѣховъ, иной помощи. „Только вы, паны, могли бы притти на помощь изъ любви къ своей отчизнѣ“; „простота человека беднаго послонитого на васъ очи завжды оудала и удеатъ и за вами идетъ“. Онъ совѣтуетъ панамъ показать примѣръ, притти на помощь отчизнѣ въ недостаткѣ науки „грубой простотѣ“, братѣ своей, „если только у васъ есть сколько-нибудь милосердія“ для „богобойнаго“ человѣка; „улитоване“ есть самое лучшее, ближе всего подходящее къ добротѣ божіей, качеству. Онъ даетъ и еще совѣтъ панамъ, какъ помочь „народу вашому неумѣтностью заведенному и утрапенному“; просить митрополитовъ и владыкъ озаботиться о распространеніи наукъ (стр. 4—5).

Типинскій не читаетъ словъ для характеристики тогдашняго духовенства, какъ высшаго такъ и низшаго. Такъ, непосредственно за приведеннымъ выше обращеніемъ къ панамъ мы встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто, которое приводитъ въ почти дословномъ пересказѣ: наконецъ ради вѣчной заплаты себѣ отъ Бога, вы бы (т. е. паны), помогая вашему народу „неумѣтностью заведенному и утрапенному“, „митрополита вашего“, владыкъ и учителей вашихъ до того просьбами вашими вѣли, чтобъ они не предавались подку-

памь, посуламъ „дле поседаня столиць одинъ передъ другимъ, не доживотен и привилеев одинъ надъ другимъ обварованейшихъ“, но *сами* учились бы слову божію и другіхъ „братъхъ вапу“ къ тому же побуждали; чтобы они (т. е. духовные) заложили школы и выдвинули науку слова божьяго, такъ мого лѣтъ „занедбану“. Онъ указываетъ тутъ же и на средства для заведенія школъ и на то, что эта наука не должна походить на мнѣшнюю; школы должно устроить на средства маенностей и имѣній, которыя предки пановъ дали духовенству „не на марнотрацтва, не на строй и што такого, але дле наукъ“; эти средства надо употребить на развитіе наукъ, но не такихъ, какъ теперь—„яко тепер на вѣчный свой стыдъ только прочести и то ледво в своемъ языку небольшъ учатсе“. „Которыхъ (т. е. братьевъ) я,—заканчиваеъ Тяпинскій свою рѣчь,—не одному, которому (изъ пановъ и духовенства, къ которымъ онъ обращается), але всѣмъ изъ стою потребою (въ образованіи) отчизны вапое богопонойной пилности, ростропности и верности поручаю и zostаюу, просечи Пана (Бога), абыхъ былъ *ютов*, если она (отчизна) до конца згинетъ (вслѣдствіе паденія образованія, о чемъ авторъ выше сѣтуетъ), з *нею згинутъ*, або если черезъ *вапу* ретунюкъ будетъ выдвинена, з вами и з нею выбринуть“ (стр. 5).

Эти мѣста чрезвычайно важны для характеристики мировоззрѣнія автора. Его свѣдаетъ горячее желаніе придти на помощь своей родинѣ, насадить въ ней науки, сдѣлать ее достойной своихъ предковъ, въ его словахъ звучитъ страстный призывъ къ лучшей и образованнѣйшей части тогдашняго общества; это общество авторъ убѣждаетъ повліять на митрополитовъ и владыкъ измѣнить свой образъ жизни и отдать свои средства на поддержаніе и укрѣпленіе науки слова божья; самъ авторъ, будучи человѣкомъ незнатнымъ и небогатымъ, очевидно, не надѣется поддѣйствовать на духовенство. Самъ онъ отдаетъ свои силы на благо отчизны и готовъ погибнуть вмѣстѣ съ ней, если это и ей суждено,—если общество не придетъ ей на помощь.

При его взглядахъ ничто не мѣшало ему видѣть темныя стороны въ жизни духовенства, ничего не побуждало его падить духовныхъ, какъ это дѣлали и православнѣйшіе люди его времени, въ родѣ К. Острожскаго и др. Правда, духовенства Тяпинскій не падалъ. Онъ бросаетъ духовенству упрекъ, что оно не только забыло еврейскій языкъ, но плохо понимаетъ и славянскій (стр. 5 прим.). Самое печальное, по его мнѣнію, то, что такъ называемые „духовные учителя письма русскаго и слова божія не знаютъ, не понимаютъ и не изучаютъ“ (стр. 3).

Да это и понятно. Онъ принимается за переводъ евангелія только потому, что духовенство не желаетъ за него взяться: „поневажъ которымъ бы то властенъ учинити пристого митрополитове, владыки и нихто з учоныхъ черезъ многіи час не хотѣла“ (стр. 1). Тяпинскій не скрываетъ, что

ему пришлось испытать не мало непріятностей отъ разныхъ лицъ (вѣроятно и отъ духовенства), когда онъ задумалъ свой переводъ: вмѣсто того чтобы „з выкриканіемъ“ хвалить и радоваться, что посреди нихъ появился русинъ, поставившій себѣ цѣлью принести пользу своей Руси, многие оказались совсѣмъ неблагогодарными, а нѣкоторые даже, вмѣсто помощи „або дяки и зазростью платити хотѣли“. Но, скромно замѣчаетъ Тяпинскій (стр. 2), „не одно ми тое все для моее повинности, и ку нимъ зчылиости не естъ прикро, але и овшемъ, за ласкою Пана Бога вдаячно“. Заботясь о ихъ же спасеніи, онъ стремится ко славію божіей достигнуть конца въ своемъ дѣлѣ (стр. 1—2).

Вообще, у Тяпинскаго было не мало враговъ; вѣроятно, что враждебныя отношенія къ нему многихъ возникли какъ разъ на почвѣ задуманнаго имъ перевода. Можетъ быть, какъ человѣкъ недостаточный по своимъ средствамъ, онъ обращался къ кому-нибудь за матеріальной помощью; какъ человѣкъ „неученный“, безъ вліянія, онъ можетъ быть встрѣтилъ насмѣшки, преграды. Такъ въ концѣ своего предисловія онъ говоритъ о своихъ врагахъ: обыкновенно бываетъ, что при жизни человѣка „въ дарѣхъ“ (дарови-таго), особенно своего или „собо знаемаго люди скромне и безъ образы зноситъ не могутъ“; поэтому онъ и не надѣется такихъ людей никакими доводами „спирати“, полагая, что Справедливый Судья „речъ нашу пофалитъ, хотя ее такъ непріятелі възгаржають и выкидають“. Въ заключеніе онъ проситъ всѣхъ „побожныхъ“, „абы жадное васни немели противъ тымъ которіе насъ щипанемъ огвижанемъ преследуютъ“. Очевидно, у переводчика былъ широкій кругъ недоброжелателей на почвѣ предпринятаго имъ дѣла.

Итакъ, любовь къ родному народу и горячее желаніе помочь его умственному преуспѣнію проникаетъ все предисловіе Тяпинскаго.

Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ убѣжденій автора—къ его религіи. Въ виду свѣдѣтельности Буднаго о соціианствѣ Тяпинскаго, насъ можетъ интересоватъ не то, къ какому исповѣданію принадлежалъ переводчикъ, но лишь вопросъ о томъ, какъ усвоены были имъ ученія секты. Но здѣсь необходимо прежде всего замѣтить, что предисловіе не даетъ на этотъ счетъ ясныхъ указаній. Мало того, когда авторъ говоритъ о „славной“ славянской вѣрѣ, о духовествѣ, которое не заботится о переводѣ евангелія на русскій языкъ, и о распространеніи образованія, то у читателя легко можетъ возникнуть представленіе о принадлежности автора къ православію. Думать, что авторъ и самъ колебался въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, или тѣмъ болѣе, что предисловіе написано до перехода его въ сектанство, нѣтъ никакихъ оснований. Последнее предположеніе невозможно уже въ виду указанной г. Карскимъ зависимости переводчика отъ перевода Буднаго: Евангеліе поэтому приходится относить ко времени около 1580 г., т. е. къ тому, когда о соціианствѣ Тяпинскаго мы знаемъ со словъ Буд-

наго. Поэтому, въ некоторую темноту въ вопросѣ о религіи автора предисловія можно объяснить иными мотивами. Прежде всего необработанность предисловія въ литературномъ отношеніи несомнѣнно вредитъ ясному пониманію мысли автора. Затѣмъ авторъ не имѣлъ нужды говорить о своей принадлежности къ соцініанству, можетъ быть, полагая, что это и такъ извѣстно. Общая цѣль его предисловія—доказать пользу чтенія евангелія на родномъ языкѣ, какъ „сумы закону божьего“, ведущей къ лучшему „розсудку“ въ дѣлѣ пониманія религіи; а образование съ цѣлью уясненія религіозныхъ истинъ онъ тѣсно связываетъ съ образованіемъ вообще. Но, съ другой стороны, предисловіе, можетъ быть, преслѣдуетъ и цѣль полемическую, когда авторъ его говоритъ о неспособности духовенства вести дѣло народнаго образованія. Однако надо помнить, что авторъ принадлежитъ къ весьма умѣреннымъ соцініанамъ; это, конечно, уменьшало полемическій задоръ; при его горячей любви къ родному народу, онъ не отдѣлялъ себя отъ „грубой простоты“ и, быть можетъ, переводилъ евангеліе въ убѣжденіи, что оно будетъ способствовать распространенію образованности не только среди сектантской братии, но и среди лицъ, еще не подвергшихся воздѣйствію реформаціонныхъ идей. Въ предисловіи нѣтъ намековъ на исключительно сектантскія цѣли перевода. Притомъ, переводчикъ, работавшій въ послѣднемъ направленіи, едвали могъ бы скорбѣть о томъ, что митрополитъ и епископы сами не перевели евангелія; не могъ бы жаловаться на отсутствіе сочувственнаго отношенія къ своему дѣлу со стороны духовенства; странна была бы съ этой точки зрѣнія одна изъ цѣлей перевода—для „двиченья“ тѣхъ, кто не сочувствуетъ переводу,—очевидно, духовенства, о которомъ онъ говоритъ нѣсколькими строками выше (конечно, протестанты не отвергали переводовъ Священнаго писанія); незачѣмъ, наконецъ, было бы и отпѣивать съ особую силою того, что переводчикъ издаетъ русскій и славянскій тексты „такъ или они все вездѣ во всехъ своихъ церквахъ чтоут и мают, не одно для лѣпное ихъ вѣри, жесе не новое што, але ихъ же властное имъ подаетъ“, а также для „лѣпного розсудку“ и „двиченья“ въ ученѣмъ славянскомъ языкѣ (стр. 2). Высказавши эту цѣль перевода, авторъ говоритъ очевидно о духовенствѣ, но говорить о немъ (какъ и въ другихъ мѣстахъ) въ третьемъ лицѣ. Ясно, что онъ предназначаетъ свое евангеліе не для однихъ сектантовъ.

Сказанное выше, дополняя вопросъ о цѣляхъ перевода (не только для сектантовъ, но и для православныхъ и даже для самого духовенства), способно нѣсколько разъяснить то неопредѣленное положеніе переводчика-соцініанина, которое онъ занялъ по отношенію къ представителямъ ортодоксальнаго исповѣданія.

Съ другой стороны, если вѣрно предположеніе о двойственномъ назначеніи перевода евангелія, то этого нельзя не отмѣтить, какъ весьма ха-

рактерной черты въ міровоззрѣніи нашего автора: религіозная терпимость далеко не была достояніемъ всѣхъ сектантовъ того времени.

Однако нельзя сказать, чтобы въ предисловіи не было нѣкоторыхъ указаній на религіозныя убѣжденія его автора. Такъ, о православномъ духовенствѣ онъ очень часто говоритъ во второмъ и третьемъ лицѣ. Онъ переводитъ евангеліе для лучшей „ихъ“ вѣры, указываетъ на паденіе науки „межи ними“, въ средѣ тѣхъ, „што се межи ними зовутъ духовными“; онъ обращается къ православнымъ панамъ съ предложеніемъ просить „митрополита вашего“, владыкъ и учителей „вашихъ“ о поднятій въ народѣ образованія и т. п. Такимъ образомъ онъ отдѣляетъ себя отъ приверженцевъ православія.

Но съ другой стороны, нѣсколько фразъ предисловія обличаютъ догматическія представленія автора его. Въ этомъ отношеніи наиболѣе цѣнное указаніе заключаетъ начало: „Радъ покажу *люю вѣру*, которую маю, а зланиа народу своему роускому. Ты *ее* онимъ давнимъ вѣкомъ славноу, предковъ своихъ оумѣрностью, покорне *яю* довнимаю подтвердять, а естли ест в чомъ блудна, оны то *поправятъ*. Вежде *держу* же (е?) *неимачей*, одно зъ евангеліи отъ Бога чрезъ Христа Пана и его апостоловъ поданое, которая ест *сума* закону божьего, которая зъ словенского абы имъ тежъ ихъ власнымъ языкомъ роускимъ в друкою вышла“ (стр. 1). Такъ начинается свою „предмову“ В. Тишинскій. Здѣсь мы встрѣчаемъ указаніе на то, что вѣра автора отлична отъ господствующей и что основаніемъ ея, „суммой“ служитъ одно только евангеліе. И въ другомъ мѣстѣ онъ считаетъ евангеліе *катехизисомъ*; такъ въ надписи на первомъ листѣ передъ „предмовой“ читаемъ: „Катехизисъ або соума науки детей въ Христе Иисусе“ (стр. 2, прим.). Названіе *катехизиса* относится только къ переведенному имъ евангелію, такъ какъ Тишинскій только его считаетъ основаніемъ вѣры. Наконецъ, встрѣчаемъ и намекъ на то, что нашъ авторъ не признавалъ святыхъ. Такъ, когда ему приходится упомянуть имена Іоанна Златоустаго и Григорія Велікаго, то онъ не называетъ ихъ святыми, каковой эпитетъ прибавилъ бы православный писатель. Далѣе два мѣста предисловія обличаютъ въ его авторѣ рационалистическое отношеніе къ религіи. Онъ дважды повторяетъ, что изученіе евангелія должно вести читателя къ „лѣпшому розсудку“, Богъ побудитъ читателей „ку статочному розсудку и ку уместности“ (стр. 2).

Если приведенныя мѣста обличаютъ догматическія воззрѣнія автора и рационалистическое отношеніе его къ религіи,—исполнѣ присущія соцініанской доктринѣ,—то нѣкоторыя общія черты его убѣжденій доказываютъ, что Тишинскій глубоко проникъ и нравственнымъ ученіемъ соцініанства. Стоитъ только вспомнить, какъ высоко онъ цѣнитъ образованіе и школы, съ какою силою онъ говоритъ о вышнемъ долгѣ каждаго—объ „улятованіи“ къ „грубой простотѣ“,—во всемъ этомъ легко узнать убѣжденного пред-

ставителя социализма. Къ этому слѣдуетъ добавить, что Тяпинскій при-
мыкалъ къ болѣе умѣренному направленію исповѣдуемаго имъ ученія, такъ
какъ признавалъ совѣстимымъ съ догматами религіи участіе въ войнѣ,
владѣніе земскими имѣніями (это мы знаемъ изъ свѣдѣтельства Буднаго и
изъ актовъ) и самъ даже владѣлъ невольною челядью; все это, какъ из-
вѣстно, отвергалось крайними послѣдователями ученія, напр. Март. Чехови-
чемъ и др.

Принадлежа самъ къ одной изъ сектъ, Тяпинскій однако неодобри-
тельно отзывался о развившемся въ его время религіозномъ разномысліи:
онъ говорить о немъ, хотя, правда, весьма неопредѣленно. Такъ, въ концѣ
предисловія есть мѣсто, въ которомъ, повидимому, Тяпинскій съ сожалѣ-
ніемъ говорить о существующихъ религіозныхъ распрахъ: „теперь на око
видим, ижъ вездѣ вси рѣчи злыми розсудками такъ сѣт попсованы, ижъ не
можетъ бытъ ничего такъ добре поведено, на што бы потваръ не могла бытъ
оучинена, а ни тежъ жаднѣтъ отъ того, чого се разхвати, отступитъ нехочетъ,
абы се здалъ в чомъ поблудитъ“ (стр. 5). Такимъ образомъ предисловіе Тя-
пинскаго вскрываетъ и его религіозныя убѣжденія.

Въ такомъ видѣ представляются намъ религіозныя убѣжденія Тяпин-
скаго.

Изъ того, что говорилось выше о разныхъ сторонахъ его міровоззрѣ-
нія, можно ясно представить себѣ и цѣль его перевода евангелія на рус-
скій языкъ: любовь къ родинѣ, сознаніе паденія въ ней образованности,
негодность официальныхъ учителей религіи и, главное, глубокое сознаніе
пользы Священнаго писанія на родномъ языкѣ—вотъ общіе мотивы, выте-
кающие изъ его убѣжденія, побудившіе его переводить. Но при этомъ самъ
Тяпинскій не разъ высказывается болѣе опредѣленнымъ образомъ о цѣляхъ
своего перевода и въ томъ же духѣ. Онъ беретъ переводить „зъ зычли-
вости къ мои отчизнѣ“ (стр. 1). Онъ переводитъ евангеліе и при немъ
помощникъ славянскій контекстъ слово въ слово такъ, какъ его читаютъ
во всѣхъ церквахъ не для лучшей вѣры, такъ какъ это не что-нибудь но-
вое, но „ихъ (его хулителей, о которыхъ онъ тутъ говорить) же властное“,
„для дѣлшнаго имъ розсудку, надто для ихъ самихъ причина“ въ славян-
скомъ языкѣ. Такимъ образомъ нашъ переводчикъ сознаетъ, что на славян-
скомъ языкѣ евангеліе не вѣрмъ понятно и чтобы его сдѣлать общедо-
ступнымъ, онъ его переводитъ. Онъ предвидитъ и такихъ читателей, ко-
торымъ наиболѣе нужно Священное писаніе на русскомъ языкѣ,—дѣтей,
не только взрослыхъ: надо, чтобы не только сами (взрослые), но и дѣти
„смыслы свои неако готовали, острили и в вѣрѣ приучивали тымъ часомъ
тотъ катехизисъ“. Когда они познакомятся съ св. писаніемъ, Богъ побудитъ
„къ можнейшимъ наукамъ в словѣ своемъ, къ статочному розсудку и къ
оумстности“ (стр. 2). Тяпинскій, повидимому, весьма заботился о подро-

стающимъ поколѣнію, потому что въ надписи на первомъ листѣ мы встрѣ-
чаемъ приписку: „катехизисъ або сума науки *детей* въ Христѣ „Исусѣ“. Очевидно, ставя высоко значеніе евангелія въ дѣлѣ вѣры, онъ хотѣлъ наз-
вать свое изданіе катехизисомъ и, можетъ быть, предназначить его пре-
имущественно для подрастающихъ поколѣній: не даромъ онъ такъ скорбитъ
объ ихъ ослѣпленіи.

Указывая на цѣли перевода, Тяпинскій не забылъ оговорить и его
способы. Объ этомъ онъ говоритъ дважды. Онъ переводитъ „не смысловымъ
або красомовнымъ выводомъ, не залечеными а ни часу оугажаячими словы,
але яко сирязливыи, простыи а ширіи, правдивѣ вѣрне, а отвористѣ“. Для
перевода онъ съ немалымъ трудомъ добывалъ книги „старыя давныя“ (стр. 1).
Онъ самъ сознается, что переводъ и изданіе достались ему не безъ боль-
шой трудности (стр. 2). Онъ сознаетъ, что въ его изданіи могутъ быть
ошибки, почему проситъ читателя „побожного“ не приписывать его ошибокъ
„нашомъ злости, але людемъ крѣпкости а неумѣстности“ (стр. 6).

Если трудно было выполнить переводъ, то не менѣе трудно было для
Тяпинскаго его напечатать. Ученые, занимавшіеся интересующимъ насъ
Евангеліемъ, дѣлаютъ, какъ мы видѣли, различныя предположенія о мѣстѣ
типографіи и особенно о томъ, было ли все Евангеліе напечатано. Тяпинскій
что въ предисловіи и на этой страницѣ есть достаточныя указанія. Тяпинскій
говоритъ, что онъ „услужуетъ“ народу русскому „зъ убогое свое мѣстно-
сти“; такъ какъ „именечко“ его не велико, то ему пришлось „наладъ“
не по силамъ: очевидно приходилось занимать средства, пришлось ѣздить
въ далекія мѣста, доставая *старыя книги* и разныя типографскія принад-
лежности; вслѣдствіе этого печатаніе, очевидно, шло медленно (онъ ѣздилъ
въ „минулыя лѣта“)¹⁾—значитъ, дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ)—приходи-
лось какъ бы сънова не разъ начинать („а правѣ все до того зачинаючи
знову“, стр. 1). Его затрудняло также параллельное печатаніе славянскаго
и русскаго текстовъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ его „дру-
карня“ являлась „убогой“ (стр. 2). Изъ этихъ мѣстъ очевидно, что Тяпин-
скій владѣлъ собственной небольшою типографіей, находившейся вѣроятно
у него въ имѣніи.

Относительно того, все ли евангеліе было отпечатано, Тяпинскій гово-
ритъ два раза: онъ говоритъ, что имъ „выдруковано“ „писанія святого Мат-
фея и святого Марка и початокъ Луки“. Далѣе, объясняя цѣль своего из-
данія, онъ говоритъ, что читатели узнаютъ слово божье „естъ ли не заразъ“,

1) Это мѣсто о разѣздахъ, вѣроятно, подало поводъ архим. Леониду сдѣлать
предположеніе о странствующей типографіи Тяпинскаго: онъ ясно говоритъ, что
что ѣздилъ за принадлежностями и книгами; съ типографією ему, очевидно, не за-
чѣмъ было путешествовать.

вжды з своимъ часомъ оузнать, имъ впередъ подаю" (издаю). Такимъ образомъ, Типинскій предполагалъ, не ожидая окончанія всего перевода, выпустить уже отпечатанную имъ часть его. Но вышла ли въ свѣтъ и эта часть—неизвѣстно.

Таковы данныя предисловія, характеризующія мировоззрѣніе его автора и задачи его переводческой дѣятельности.

Передъ нами одна изъ свѣтлыхъ личностей эпохи расцвѣта реформационнаго движенія въ Западной Руси. Не получивъ широкаго образованія, Типинскій однако быстро усвоилъ лучшія, благороднѣйшія стороны соціанскаго ученія—глубокую любовь къ низшей братіи и сознаніе пользы образованія. Свои убѣжденія онъ свѣдѣлъ приложить къ дѣлу и жертвуетъ своимъ трудомъ и своими небольшими средствами для того, чтобы дать своимъ соотечественникамъ наиболѣе полезное, по его мнѣнію, орудіе образованія—евангеліе на родномъ языкѣ. Онъ проникнутъ національною гордостью, вызваетъ къ былой славіи славянства; въ этомъ отношеніи онъ является однимъ изъ предшественниковъ Ю. Крижанича. Любовь къ своей Руси онъ ставитъ выше религиозныхъ несогласій и свой переводъ дѣлаетъ изъ любви къ отчизнѣ, безъ различія религиозныхъ убѣжденій своихъ соотечественниковъ. Но любовь къ родинѣ не мѣшаетъ Типинскому видѣть темныя стороны въ состояніи современнаго ему общества; онъ, сектантъ, не радуется умственному и нравственному паденію официальныхъ учителей уже чуждой для него религіи и, напротивъ, пытается поднять образованность и въ ихъ средѣ. Паденіе православнаго духовенства засвидѣтельствовано исторією и отзывами современниковъ¹⁾, и Типинскій нисколько этого не превеличиваетъ. Съ другой стороны, во взглядѣ на значеніе перевода евангелія на современный языкъ онъ сходится съ лучшими людьми вѣка, хотя и противоположныхъ религиозныхъ убѣждений. Стоить вспомнить цѣль переводчика Пересопницкаго евангелія—"для лепшого выразуменія люду христіанскаго послодигото", учительнаго евангелія, изданнаго Гр. А. Ходкевичемъ—"выразуменія ради простыхъ людей" и дѣятельность Ф. Скорины²⁾. Но важно то, что Типинскій понимаетъ вопросъ шире: онъ имѣетъ въ виду не только цѣли религіи, но и поднятіе, путемъ образованія, національнаго самосознанія. Онъ пишетъ въ то время, когда колонизація края дѣлаетъ первые шаги³⁾, первый начинаетъ борьбу съ нею и—что весьма замѣча-

тельно—не на почвѣ религиозной (какъ это было впоследствии), но—на національно-культурной.

Въ заключеніе слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о научномъ образованіи Типинскаго. Однако этотъ вопросъ могъ бы быть рѣшенъ только на основаніи изслѣдованія состава его прижизненныхъ къ переводу, чего мы однако не могли сдѣлать. Что же касается до соотвѣстныхъ мѣстъ предисловія, то оно даетъ въ этомъ отношеніи весьма немного и это немногое говоритъ не въ пользу нашего автора. Такъ, напр., онъ какъ будто не сочувствуетъ ясно представляется себѣ національность Іоанна Златоуста и Григорія Великаго. Его перечень христіанскихъ странъ (Пентаполиа, Месопотамія, Финикія) отзывается знакомствомъ съ географическими пособиями, устарѣвшими на нѣсколько вѣковъ. Впрочемъ, нашъ авторъ и самъ говоритъ о себѣ, что онъ «не влох не нѣмецъ або не доктор и ниякій постановенныя межѣ поны» (стр. 1).

II.

Изложивъ содержаніе предисловія Типинскаго къ Евангелію, характеризующее мировоззрѣніе переводчика, обратимся къ тѣмъ краткимъ свѣдѣніямъ о его жизни и дѣятельности, которыя удалось найти въ документахъ Литовской Метрики Моск. Арх. Мин. Юст.¹⁾ и въ архивѣ Греко-уніатскихъ митрополитовъ²⁾. Документъ эти, правда, немногочисленны; притомъ въ нихъ тщетно было бы искать определенныхъ указаній на религиозныя воззрѣнія нашего автора; это судебные акты, мѣнныя, вообще документы, рѣшающіе матеріальную обстановку Типинскаго. Это вполнѣ понятно, такъ какъ другіе (напр. частная переписка) и не могли бы попасть въ официальные книги великокняжеской канцеляріи.

Къ сожалѣнію, по нашимъ документамъ нельзя точно опредѣлить времени жизни Типинскаго: первый по времени актъ съ его именемъ помѣченъ 14 іюлемъ 1564 г. (С. Д. Л., 46, л. 859); въ послѣднемъ говорится о тяжбѣ между его сыновьями; актъ записанъ 22 іюля 1604 г., но въ немъ сказано, что возникшее между ними дѣло рѣшалось городскимъ полоцкимъ³⁾.

¹⁾ Поиски мои въ Метрику были вызваны письмомъ пр. А. И. Соболевскаго, обратившимъ мое вниманіе на возможность нахождения въ ней свѣдѣній о Типинскомъ.

²⁾ Копія документа изъ архива б. греко-ун. митрополитовъ любезно доставлена мнѣ многуважаемымъ А. Н. Львовымъ, за что приношу ему глубокую мою признательность.

³⁾ Такимъ образомъ дѣло должно было бы находиться въ соотвѣстныхъ полоцкихъ книгахъ; тамъ же могли бы быть и другіе документы о Типинскомъ. Я весьма обязанъ архивариусу Витебскаго Центрального архива Д. И. Довгяло, произведшему, по моей просьбѣ, поиски въ своемъ архивѣ. Къ сожалѣнію, въ сохранившихся книгахъ никакихъ упоминаній не встрѣтилось. Однако я считаю себя глубоко обязаннымъ Д. И. Довгяло за его поиски.

¹⁾ Данныя объ этомъ сгруппированы въ ст. г. Прохаски: *Z dziejów unii brzeskiej*. (Kwartalnik Historyczny, 1906, III).

²⁾ П. В. Владиміровъ, Докторъ Францискъ Скорина, стр. 30—31.

³⁾ Вспомнимъ, что Типинскій жалуется на предочтеніе, оказываемое польскому языку и на обученіе ему съ дѣтства, отбѣтивъ свидѣтельство Баркулабовской лѣтописи стр. 20 и 22 переиздана мною въ Киевск. Унив. Изв. 1898 г. дек.).

судомъ 1 января 1604 г. (С. Д. Л. 76, л. 278). Такимъ образомъ, если сыновья спорили о наслѣдствѣ, дѣлили его въ 1603 г., то очевидно Типинскій умеръ около этого года, а можетъ быть и въ 1603 г.; въ 1564 г. онъ уже былъ совершеннолѣтнимъ, такъ какъ велъ тяжбу объ имѣніи, бышемъ у него на залоговомъ правѣ, т. е. ему было по крайней мѣрѣ лѣтъ 20—25.

Изъ нашихъ документовъ мы узнаемъ отчество Типинскаго и его полную фамилію: во всѣхъ документахъ онъ называется Василиемъ Николаевичемъ (Миколай Ивановича¹⁾ Типинскимъ или В. М. Типинскимъ-Омельяновичемъ (эта фамилія въ кн. С. Д. Л. 76, л. 278, Амеляновичъ въ З. Л. 64, 9 об.). Такимъ образомъ онъ носилъ двойную фамилію.

Типинскій принадлежалъ къ шляхетскому сословію; документы называютъ его: земенникъ нашъ (т. е. господарскій, С. Д. Л. 47, л. 161, З. Л. 47, л. 99), земенникъ повѣта Виленскаго (С. Д. Л. 46, л. 859), Минскаго (С. Д. Л. 58, л. 106), Лидскаго (З. Л., 64, л. 9), наконецъ онъ самъ и его сыновья называются земьянами воеводства Полоцкаго (С. Д. Л. 76, л. 278). Это разнообразіе въ названіяхъ повѣтовъ, къ шляхетству которыхъ принадлежалъ Типинскій, объясняется тѣмъ, что у него въ разныхъ повѣтахъ были земли, хотя и не въ одно время. Но родовое его имѣніе Типино лежало въ предѣлахъ Полоцкой земли.

Женатъ Типинскій былъ на княжнѣ Софіи Даниловнѣ Жижемской, представительницѣ захудалаго уже въ то время княжескаго рода: она всего одинъ разъ упоминается въ актахъ²⁾ подъ 1574 г. (З. Л. 64, л. 9 об.). Наконецъ, упоминаются два сына В. Типинскаго—Аврамъ и Тобиашъ³⁾ (С. Д. Л., 76, л. 278). Однако нѣтъ указаній, одинъ ли разъ былъ женатъ Типинскій.

Что касается до другихъ Типинскихъ, то о нихъ мало свѣдѣній въ Метрикахъ. Въ одномъ только случаѣ встрѣчаемъ коротенькую запись о пожалованіи кор. Сигизмундомъ Августомъ какому-то Фредриху Типинскому въ 1563 г. 10 службъ людей въ Борисовской волости, вслѣдствіе опустошенія непріятелями его имѣнія,—очевидно лежавшаго въ Полоцкой землѣ, района военныхъ дѣйствій (С. Д. Л., 53, л. 83 об.); въ другомъ случаѣ встрѣчаемъ замѣтку о дачѣ Матею Типинскому с. Головечи въ Могилѣнѣ⁴⁾. Въ ревизіи Полоцкаго воеводства въ 1558 г. рядомъ съ Миколаемъ Ивано-

вичемъ Типинскимъ названъ тоже владѣльцемъ Типина (очевидно отдѣльнаго уже двора) Матвій Ивановичъ—конечно, братъ его (стр. 24¹⁾).

Въ XVII ст. нѣсколько разъ въ витебскихъ и полоцкихъ книгахъ встречается эта фамилія, но не сыновья Василия Николаевича,—по поводу земельныхъ споровъ²⁾. Что Типинскіе рѣдко встрѣчаются въ документахъ, происходитъ отъ того, что эта мелкая земская фамилія не играла сколько-нибудь видной роли ни въ государствахъ, ни въ своемъ повѣтѣ.

Что касается имущественнаго положенія В. Типинскаго, то его можно опредѣлить по нашимъ даннымъ. О хозяйственномъ значеніи родового имѣнія Типина наши свѣдѣнія довольно скудны. Типино лежало въ нын. Лепельскомъ у. на границѣ съ Сѣннискимъ. При Миколаѣ Ивановичѣ здѣсь былъ дворецъ съ пашнею; въ имѣніи были: 2 слугъ пугныхъ на конной службѣ, ничего не платившихъ владѣльцу; отчизныхъ людей было 12 дымовъ, тяглые люди работали ему по 2 дня въ недѣлю. Сверхъ того въ Типинѣ сдѣло 4 куничниковъ, платившихъ всего 48 грошей въ годъ, да два отородника служили по одному дню въ недѣлю. Со всего имѣнія своего Типинскій обязанъ былъ ставить на службу одного коннаго воина (Ревизія Пол. воев.).

Кромѣ Типина Типинскій владѣлъ им. Версокимъ въ Лидскомъ повѣтѣ. Это имѣніе принадлежало первоначально его женѣ Софіи Даниловнѣ Жижемской, какъ имѣніе „материстое, которое ся ей правомъ прироченомъ по мате ее зъ делу достало“. Раздѣлъ у Типинскихъ съ сестрою Софіей Екаториною Данилевною и ея мужемъ Василиемъ Михайловичемъ Скипоромъ сопровождался споромъ, о чемъ, въ самыхъ общихъ словахъ, упоминаетъ нашъ документъ: „вед же права которыми не заедналъ такъ до еднанья в року отъ нароженья Сына Божого тисеча пятьсотъ семдесятъ осмомъ месеца апрѣля дванадцатаго дня у Лиде будущого зачатыхъ и ненарушонахъ, яко и по еднанью, што се кольебъ оповеданныхъ стало на земенина господарскаго повету Лидскаго Василя Михайловича Скипора и жену его Катерину Данилевну княжну Жижемскую, тыхъ правъ я самъ маю на нихъ доходити“—говоритъ онъ въ мѣновомъ актѣ. Софія Данилевна продала Версоку своему мужу за 600 кошь грошей литовскихъ „добровольне по своей доброй воли, уживаючи вольности в поправе в статуте описаное, на вечность“. Неизвѣстно, въ какомъ году состоялась эта сдѣлка,

¹⁾ *Scriptores rerum polonicarum*, t. V, p. 244 (ревизія Полоцкой земли 1558 г.).

²⁾ Въ книгѣ Г. Вольфа „*Kniazowie lit-ruscy*“ Софія не упомянута среди дѣтей Даниила Жижемскаго.

³⁾ Замѣтимъ, что оба сына носили библейскія имена, необычныя среди православныхъ того времени, но употреблявшіяся, какъ извѣстно, сектантами.

⁴⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, p. 143.

¹⁾ Часть Типина, въ 1591 г. находилась уже въ другихъ рукахъ: Мих. Служка закладываетъ свое имѣніе Типино въ Полоцкомъ пов. въ 1591 г. (Акты Вил., XIV, 41), но тогда еще живъ былъ Василий Николаевичъ и владѣлъ своею частью, сдѣловъ. Служкѣ принадлежала часть Матвѣя; какъ она перешла къ нему—неизвѣстно.

²⁾ Напр., Акты Витебскія, т. XXVI, p. 138, 477, 497, XXIII, 430, XXV, 192 и пр.

но изъ ссылки Статутную поправу слѣдуетъ заключить, что продажа совершена во всякомъ случаѣ послѣ 1565 г.

Имѣніе Версока было весьма по своему хозяйственному значенію. Въ немъ, по обычаю того времени, былъ дворъ, расположенный надъ р. Верскою, съ гриднею, свирномъ, стайнею; при домѣ—садъ, ставище, выгонъ, сѣножатъ, поля и проч. угодія. Дворъ Типинскаго находился бокомъ съ дворомъ В. Скипора, раздѣляясь только-что выстроеннымъ заборомъ. При дворѣ встрѣчается небольшой поселекъ крестьянъ „отчизныхъ и непохожихъ“—всего 5 службъ земли, на которыхъ насчитано 11 крестьянскихъ хозяйствъ. Эти службы сидѣли на дворной землѣ, надѣлы которой были въ разныхъ мѣстахъ. Кромѣ того при дворѣ Версокѣ находилось 12 человѣкъ невольной челяди и 2 человѣка „заставныхъ“ отъ князя Шуйскаго, заложенныхъ „до отданья“ имъ еще матери Софій Данильевны въ 15 конахъ грошей.

По неизвѣстнымъ причинамъ, можетъ быть, вслѣдствіе споровъ съ родственниками-сосѣдами, Типинскій мѣняетъ свою Версоку съ землянымъ ошменскимъ Миколоаеъ Яновичемъ Братишевскимъ на имѣніе послѣдняго Польковское Ошменскаго повѣта. Мѣновая сдѣлка совершена въ самой Версокѣ 28 февр. 1579 г. въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей—мелкихъ господарскихъ землянъ; но среди подписавшихся нѣтъ родственниковъ продавцовъ—Екатерины и Василія Скипоровъ. На мѣновомъ листѣ Типинскій подписался „писмомъ русскимъ“. 24 марта того же 1579 г. мѣновой актъ внесенъ въ книги Метрики Литовской, въ Вильнѣ.

Типинскій передаетъ свое имѣніе Братишевскому „за всимъ отъ мала до велика, позятки, яко ся выше поменило и за всеми крутны и прощаницами... на вѣчность на вси приплые часы вѣчне ему самому, дѣтемъ и потомкамъ и падкомъ его поступилъ“. Впрочемъ, Типинскій въ этого имѣнія переводить „до иного имени моего“ всю невольную челядь—„которыхъ я Василій Типинскій вѣчне при себе и вѣчне при немъ (имѣніи) быти мають“. Въ случаѣ если бы Типинскій вздумалъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, вчинить искъ о возвращеніи ему имѣнія Братишевскимъ, то назначается „зарука“ 600 копъ грошей на врядъ и въ 600 копъ грошей Братишевскому. Всѣ судебныя иски, споры о владѣніи, равно какъ и споръ съ Скипорами Типинскій принимаетъ на себя, совершенно устранивъ отъ нихъ новаго владѣльца¹⁾.

28 марта того же 1579 г. въ Версокѣ же совершонъ мѣновой актъ, которымъ Братишевскій передаетъ свое имѣніе Польковское Типинскому. Мѣновой актъ совершенъ почти въ такихъ же выраженіяхъ, передающихъ

на вѣчность Типинскому Польковское имѣніе, въ какихъ онъ передавалъ свое.

Польковское имѣніе было выслужено Братишевскимъ на вѣчность за женой воеводы витебскаго Станислава Кипки Ганной Яновной, урожд. Радивилловной, въ моментъ заключенія акта бывшей уже вторично замужемъ за Криштофомъ Садовскимъ. На Братишевскомъ лежало обязательство ставить въ ея „почотѣ“ коня. Ганна и Криштофъ Садовскіе дали особый листъ Типинскому, которымъ позволяютъ ему промѣнять это имѣніе на свое и освобождаютъ на вѣчность отъ службы въ „почотѣ“ Ганны Яновны¹⁾.

Такимъ образомъ Типинскій сдѣлался владѣльцемъ Польковскаго имѣнія. Оно лежало въ Ошмянскомъ повѣтѣ надъ рѣкой Вельею, среди земель Жидискихъ крестьянъ князей Вишневецкихъ. При имѣніи были поля, сѣножатъ, два участка соснового лѣса и 2 пустошины; въ центрѣ же находился дворецъ. Земли Польковскаго имѣнія были уже раздѣлены на волоки, на 4 волокахъ сидѣло 7 домохозяевъ, да два крестьянина жили отдѣльно въ с. Гординятахъ.

Вотъ и всѣ небольшія сдѣлкія объ этомъ имѣніи Типинскаго²⁾.

Съ документомъ заключенной объ обмѣнѣ имѣніями сдѣлки, у Типинскаго произошелъ казусъ, который мы здѣсь и передадимъ для полноты о немъ свѣдѣній. На другой день по совершеніи сдѣлки (30 марта) по приказанію короля Стефана Баторія въ судныя книги Метрики было занесено слѣдующее заявленіе Типинскаго: „Поведилъ передъ его королевской милостію земенить повету Меньскаго Василій Типинскій, ижъ вчинивши з... Братишевскимъ мену на именье“, оба контрагента предъявляли королю листы до канцелярен нашею ку вписанью до книгъ канцелярен нашею дали, ино въ канцелярен нашей пригодне тотъ листъ Миколоа Братишевскаго менованый на именье Польковское ему данний инъкауствомъ змазалсе; ведъже предъ въ томъ месцу змазаномъ писмо значно и прочесть его можеть“. Типинскій „обаяючися, чтобы эти помарки листу „не вадило“, сдѣлалъ настоящее заявленіе, и получилъ эту выписъ (С. Д. Л., 58, л. 108).

Кромѣ имѣній Польковскаго и Типина, Типинскій владѣлъ еще на залоговомъ правѣ имѣніемъ *Свиранъ*³⁾ въ Виленскомъ пов. Это тоже небольшое имѣніе поступило въ Типинскому въ залогъ отъ старосты румборскаго п. Миколоа Остика до 1564 г. О раздѣлахъ имѣнія въ этомъ году можно судить по жалобѣ Типинскаго на наѣздъ и захватъ людей его п. Юріемъ Остикомъ. Такъ, въ немъ было 9 службъ людей съ тивуномъ, на которыхъ жило 13 домохозяевъ крестьянъ. Кромѣ того при Свиранскомъ

1) Зап. Л. 64, л. 9 об.—14.

2) Тамъ-же, 14—19 об.

3) Нынѣ въ Свѣцянскомъ уѣзд. Вилен. губ., въ Комешинской волости.

1) Зап. Л. 64, л. 9 об.—14.

имѣніи было девять пустошинъ, на которыхъ тоже жила заставные люди. На пустошинахъ было засеяно въ 1564 г. 20 бочекъ жита, 2 бочки пше- ницы, 4 бочки ячменя, 4 бочки ярицы, 12 бочекъ ярицы, 8 боч. гречихи, 1 бочка гороху. Кромѣ того на тѣхъ же пустошинахъ были посеѣны за- ставного боярина Бобровскаго, впрочемъ ушедшаго ко времени начала тяжбы и оставившаго посеѣвъ въ 12 бочекъ жита, 8 бочекъ разной ярицы. При тѣхъ же пустошинахъ были сѣнжати на 100 возовъ сѣна (С. Д. Л. 46, л. 85 об.).

Мы не знаемъ, когда и въ какой суммѣ было заложено Типинскому имѣніе Свираны; не знаемъ также, было ли оно въ концѣ концовъ выку- плено владѣльцами Остиками, или, по обычаю того времени, это имѣніе было перезаложено Типинскимъ. Во всякомъ случаѣ хозяйственное значеніе и этого владѣнія было весьма скромно.

Однако Типинскому пришлось изъ-за него выдержать многолѣтній про- цессъ съ братомъ покойнаго М. Остика, Юріемъ. Поводомъ къ нему послужилъ уже начинавшій входить въ то время въ обычай внезапный наѣздъ Остика на Свираны.

19 июля 1564 г. Типинскій явился передъ земскимъ виленскимъ уря- домъ, на которомъ тогда сидѣлъ намѣстникъ виленскій Стан. Тамшей, съ заявленіемъ: „иждь дей дня вчерашнего во второкъ его милость панъ Юрей Остикъ, староста brasлавскій ротмистръ его королевское милости, наехавши на именье его Свиранское, которое маєт в заставе от брата его милости пана Миколая Остика, старосты румборскаго, молно квалтовне нетъ ведома для чего отнять“ (слѣдуетъ описаніе имѣнія). „Которого онъ именъ за людьми тыхъ пустошинами вышей менеными былъ в зуполномъ а добро- вольномъ держанію и жививанію черезъ немалый часъ. То пакъ дей панъ Юрей Остикъ квалтовне зобравши яко люди, пустошинны, збоже и сено- жати того именъ вышей менованого Свиранскаго привернулъ ку двору свое- му Оранскому“ (С. Д. Л., 46, л. 859 об.).

Это заявленіе и послужило началомъ продолжительнаго процесса.

Заявивъ уряду, Типинскій отправился къ королю въ Парцовъ. Король „мощю вивирности нашео господарское“ приказалъ возвратитъ захваченный при наѣздѣ пустошинны и посеѣвы, для чего посланъ былъ дворянинъ го- сподарскій Каспоръ Новоселицкій; послѣдній возвратилъ Типинскому земли ¹⁾. Тѣмъ не менѣе убытки, причиненные наѣздомъ, возмещены не были потер- пѣвшему, почему истецъ, основываясь на первомъ мандатѣ королевской вла- сти, призвалъ въ судъ Ю. Остика по дѣлу о возмращеніи убытковъ. Судеб- ное разбирательство происходило 12 января 1565 г. въ Вильнѣ на валь-

номъ сеймѣ въ судебномъ засѣданіи маршалковского суда. Судъ составляли въ этой сессіи слѣдующія лица: п. Гр. Воловичъ, п. П. И. Софла, п. С. П. Нарушевичъ, п. Матв. Петковичъ и др.

Типинскій предъявлялъ искъ объ учиненіи ему „нагорода“ „за квалтъ и за шкody въ онъ часъ ему починенные“.

Истецъ явился на судъ лично; въ числѣ его свидѣтелей встречаемъ владѣльцу заставного имѣнія п. Миколаевою Остиковича. Юрій Остикъ по- ручилъ дѣло вести вмѣсто себя прокуратору Яну Лонскому, хотя и самъ былъ въ судѣ; его мѣсто заступилъ плебанъ Бурдыньскій—главный винов- никъ процесса.

Адвокатъ Лонскій указалъ на слѣдующія обстоятельства: Юрій Остикъ, какъ „подавца“ Ворнянской плебаніи отдалъ ее своему служебному плебану Матусу Бурдыньскому вмѣстѣ со всеми ея доходами и фундами; между этими фундами наданы отъ его предковъ на плебанію и люди въ Орня- пахъ: „прото Типинскій жадного слушного права до нихъ не маєт и того яко костельного пристойне держати и жививати не могъ“. Однако отбѣтъчикъ никакого наѣзда не чинилъ лично, земель и хлѣбовъ не забиралъ; если же самъ Бурдыньскій, какъ плебанъ, „о тые люди и земли з нимъ починалъ“, то истцу предоставляется право вѣдаться съ нимъ самимъ ¹⁾.

Типинскій прежде всего представилъ письменныя доказательства: за- логовой актъ Миколая Остика и его жены, которымъ оба обязывались „отъ братьи и всихъ кривныхъ своихъ“ „очищать“ Свираны, листъ п. Миколая къ служебнику о передачѣ двorca въ козованіе Типинскаго и о составле- ніи реестра, „з людьми и зо всимъ“, какъ его первой на него (Остика) дер- жалъ ²⁾ (служебникъ),—реестръ имѣнія съ перечнемъ людей и имущества, переданный ему служебникомъ Мыслькомъ, въ силу приказанія своего па- на. Затѣмъ слѣдовало показаніе п. Миколаевою, заявившей: „иждъ воспо- ложъ з мужомъ своимъ возлымъ паномъ Миколаемъ Остикомъ тые люди и земли при томъ дворцу Свиранскимъ, яко свои властныи Типинскому зо- ставили“; если Бурдыньскій имѣетъ какія-нибудь права на это имущество, онъ долженъ искать ихъ на ней и ея дочери Ганнѣ Миколаевнѣ книгитѣ Львовой Коширской, какъ „дѣдичкѣ“ имѣнія. Наконецъ, истецъ предста- вилъ еще выписки изъ книгъ, свидѣтельствующія о наѣздѣ и „приверне- ніи“ людей къ имѣнію п. Ю. Остика, предлагаая при этомъ допроситъ и самого Бурдыньскаго. Суднѣ дѣйствительно „неоднокротъ пытали“ Бурдыньскаго доказать: „если бы якие иные обороны ку праву належачые на то в себе мель“. Однако Бурдыньскій „жадное обороны правное не показалъ“, утверждая только, что эти люди—„властность плебанен своео Ворнянское

¹⁾ Королевскаго мандата, выданнаго въ Парцовѣ, не сохранилось, но объ этомъ говорится при разборѣ нижеслѣдующаго иска.

²⁾ Въ этомъ мѣстѣ въ нашемъ актѣ несомнѣнный пропускъ, но онъ, повиди- мому, не мѣшаетъ знакомству съ общимъ ходомъ дѣла.

у Тяпинского былъ *взялъ*, а на то никотораго урядовного и водде права учиненного поступку не показалъ; но считая, что у него уже начать процессъ съ Тяпинскимъ, предлагалъ ему вести дѣло „*передъ урядомъ и притомъ духовнымъ*“ о то, яко о речъ костельную. На это Тяпинскій представилъ слѣдующій доводъ: такъ какъ Бурдыньскій уже выступилъ отвѣтчикомъ передъ сибѣтскимъ судомъ, то „подле звичаю права посполитого“ долженъ его ядѣсь продолжать.

Маршалковский судъ, по обычаю, доложилъ королю о результатахъ судоворенія. Король съ панами радами постановилъ такое рѣшеніе: въ видъ сознанія Бурдыньскаго въ отнятія земель и въ виду того, что онъ „заступилъ“ въ судѣ мѣсто своего пана, отводъ его въ духовный судъ не признанъ подлежащимъ удовлетворенію; съ Бурдыньскаго присуждено иству за набѣздъ 12 рублей, а въ скарбъ штрафу 12 рублей. Далѣе суду пришлось опредѣлить размѣры убытковъ, понесенныхъ Тяпинскимъ. Такъ какъ послѣдній въ день набѣзда не былъ въ имѣніи, то реестръ „шкодъ“ представлялъ бывшій при немъ служебникъ его Войтехъ Вырыковский и предлагалъ присягнуть въ вѣрности счета убытковъ. Такъ какъ Бурдыньскій не имѣлъ „оселости“ въ Литвѣ, то Тяпинскій настаивалъ на взятіи тотчасъ же его подъ стражу. Но бывшій тутъ же Ю. Остикъ поручился за плебана, такъ какъ онъ имѣлъ „оселость“ въ его имѣніи. Въ день, назначенный для присяги, Бурдыньскій не пожелалъ присягнуть. Въ виду этого король вынесъ окончательное рѣшеніе объ убыткахъ въ такой формѣ, что они должны быть уплачены по счету Вырыковского, соглашавшагося на присягу, — въ размѣрѣ, по статутовой оцѣнкѣ, 197 копѣ грошей; такимъ образомъ съ Бурдыньскаго въ пользу Тяпинскаго наложено было взысканіе всего въ суммѣ 217 копѣ грошей (въ томъ числѣ вини за набѣздъ 12 рублей—20 копѣ грошей). Срокъ уплаты назначенъ слѣдующій: первые 100 копѣ должны быть уплачены черезъ 12 недѣль, вторые 100 копѣ черезъ слѣдующія 12 недѣль, а 17 копѣ черезъ 4 недѣли послѣ второго срока. Если бы Бурдыньскій не уплатилъ, то взысканіе должно быть обращено на имущество Ю. Остика, какъ поручителя. Если Бурдыньскій имѣетъ какое-нибудь право на Свираны, можетъ ихъ искать на наслѣдникахъ М. Остика (С. Д. Л. 47, л. 161—163).

Впрочемъ, разсказанное дѣло—только начало процесса. Не было въ обычаѣ пановъ того времени исполнить постановленіе суда, хотя бы и королевскаго. Такъ поступилъ и Ю. Остикъ.

8-го сентября 1566 г. король по просьбѣ Тяпинскаго, пишетъ „упоминальный“ листъ Остику объ уплатѣ присужденныхъ на Бурдыньскомъ убытковъ. Оказывается, что Бурдыньскій въ срокъ не уплатилъ. Мало того, король уже разъ посылалъ упоминальный листъ съ дворяниномъ къ Остику, но послѣдній „яко первой сего выroku нашему досыть нечинячи, такъ

и о тое напоминанье и листъ нашъ ничего недбаючи“,—платить не хочетъ. Поэтому король, на основаніи Статута и сеймовой уфалы посылаетъ къ Остику вторично дворянина съ приказаніемъ вести Тяпинскаго во владѣнныя частью имѣнія Орияны въ суммѣ достаточной для обезпеченія 217 копѣ. Остику король приказываетъ: „тѣмъ бы милостю о томъ ведать и тому дворянину нашему противенъ не былъ подѣ закладомъ“ 200 копѣ грошей. Если же и теперь Остикъ окажетъ сопротивленіе и неповиновеніе, король угрожаетъ дать приказаніе виленскому воеводѣ „рушнить поивѣтъ“, согласно Статуту (Зап. Л. 47, л. 99 об.—101 об.).

Надо замѣтить, что за время процесса Остикъ успѣлъ уже изъ ротмистра и старосты браславскаго сдѣлаться воеводой мстиславскимъ,—т. е. получить весьма важный и отвѣтственный урядъ. Какъ мало на него подействовали королевскія угрозы, видно изъ заявленія, сдѣланнаго 6-го декабря 1567 г., т. е. болѣе года спустя послѣ грознаго листа, дворяниномъ господарскимъ Матвеемъ Ивановичемъ и занесеннаго въ книги господарскія канцелярейскія. Когда названный дворянинъ явился въ имѣніе Остика „за онымъ листомъ господарскимъ Тяпинскому на увязанье выимѣне пана Остика поменное даннымъ до пана Остика до имения его Козлишюкъ прышоль, маючи пры собе людей стороннихъ, шляхту, хотячыся в той сумѣ водде листу господарскаго увезати, ино дей панъ Юрей Остикъ имения своего за тую суму на служебину его Матисъ Бурдыньскомъ сказаную, не поступилъ, и еще дей яко на того дворянина, такъ и на Тяпинскаго отповеди вдѣлалъ“. И просить тотъ дворянинъ записать его „сознанье“ въ книги (С. Д. Л., 51, л. 108 об.).

Такимъ образомъ, процессъ осложнился личнымъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ Тяпинскому Остикомъ. Къ сожалѣнію наши акты не сохранили намъ конца дѣла: добился ли Тяпинскій возвращенія убытковъ, или нѣтъ.

Тяпинскому пришлось вести не одинъ этотъ процессъ. Сохранился документъ, указывающій еще на одно дѣло, но, къ сожалѣнію, нельзя выяснитъ всего хода его.

Въ 1585 г. 20 августа (по Грегорианскому календарю) занесенъ былъ слѣдующій позовъ В. Тяпинскаго въ городскія кievскія книги: возный Кіевского повета Янъ Войтковскій положилъ 3 іюля 1585 г. въ с. Воробьевцахъ кievскому митрополиту Онисифору Петровичу (Дѣвочкѣ) „листъ“ „вноминальный“ объ учиненіи „справедливости“ Тяпинскому съ атаманомъ Яцкомъ Семеновичемъ Осеемъ и другими Митрополичьими подданными с. Воробьевки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и позовъ городскій на судъ 11 сентября. Жалоба Тяпинскаго на Воробьевскихъ крестьянъ и ихъ владѣльца митрополита заключалась „о неучетены и зсоромотены слуги его милости Мар-

ка Заленского, о пограблении коня из седломъ и о ивнен речи" ¹⁾. Очевидно, на службу Типинского было совершено нападение митрополитскими людьми, можетъ быть, по приказанию самого Онисифора; самъ митрополитъ не удовлетворялъ жалобы Типинского и не взыскалъ убытковъ съ своихъ подданныхъ, почему жалобщикъ и призываетъ его къ городскому суду. Къ сожалѣнью, мы только и обладаемъ этими коротенькими свѣдѣнiями о распрѣ Типинского съ Онисифоромъ Дѣвочкой.

Вотъ обзоръ матеріальнаго положенiя Типинскаго и пережитыхъ имъ невзгодъ. Не знаемъ, удалось ли ему сохранить свое имущество до смерти и передать его своимъ сыновьямъ. Имѣющееся у насъ спорное дѣло между послѣдними не выясняетъ этого.

1 января 1604 года между Абрамомъ и Тобіапомъ Типинскими должно было разбираться въ Полоцкомъ городскомъ судѣ дѣло. Абрамъ жаловался на своего брата за „выбитіе“ его изъ „спокойнаго держанья“ имѣнiемъ его Типинымъ, на захватъ обидчикомъ „збожья разного и жита“, затѣмъ на неутдачу ему братомъ „садибы старое небожыка отца ихъ“ и за неуплату ему положенной въ договорѣ о передачѣ ея неустойки (очевидно, между ними состоялось раньше соглашеніе), наконецъ, „за пограбленіе будованья, заматовъ, плотовъ двориныхъ около того двора его“. Вотъ все, что актъ говорить о началѣ дѣла, которое повело къ дальнѣйшимъ спорамъ.

Тобіашъ, вызванный на судъ городской къ 1 января 1604 г. не явился, почему и былъ осужденъ заочно: съ него присуждено взыскать на его имѣнiи Типинѣ убытковъ въ пользу брата на сумму 254 копѣ грошей литовскихъ и для взысканiя ихъ, съ вводомъ въ имѣнiе, судъ отправлялъ полоцкаго вознаго Балтрома Банковского. Послѣдній въ положенный срокъ явился въ Типино въ сопровожденiи 3 шляхтичей для „увезанiя“ въ имѣнiе. Но Тобіашъ оказалъ возмону и сторонѣ сопротивление „моцно боронилъ и отправки чинить не поступилъ“. Тогда отправился въ Типино судья городской „урокожонный“ Янъ Рагоза 25 iюля 1604 г. „на увезаніе за тую верху помененую суму и за зарукъ“. Результатъ былъ тотъ же. Тогда судья отправлялъ донесеніе королю о „выволанiи“ Типинскаго. Въ отвѣтъ на это донесеніе король и издастъ уже 22 iюля того же года для свѣдѣнiя всей шляхты Литовской свой листъ о „выволанiи Тобіаша“ выполняючи дальшій и срочный поступокъ правный его Тобіаша Типинскаго за такового упорного и врану нашего непослушного, сказали есмо его за всихъ панствъ нашихъ выволати и симъ листомъ нашимъ выволанцомъ чинимъ. Прото приказуемъ вамъ (шляхтѣ), абысте, з нимъ никоторого сполку, общованья не мели, въ домахъ своихъ и нигдѣ переховывати не смели подъ винами, в праве, посполитыми описанными. Што абы всимъ до ведомости приходило

вамъ вранникомъ земскимъ и ктродскимъ полоцкимъ приказуемъ, абы сесь нашъ листъ водугъ звычайу, до книгъ публиковали, и то черезъ возныхъ обволати и копенъ з него списуючи на местцахъ звычайныхъ прибивати велели конечно“ (С. Д. Л. 76, л. 278).

Изъ только-что изложеннаго акта видно, что сыновья Типинскаго дѣлили только одно Типино между собою: быть можетъ, отецъ ихъ, въ своихъ заботахъ объ изданiи Евангелiя, успѣлъ растратить другія свои имѣнiя.

Мы извлекли всѣ данныя, которыми только удалось добыть, для сужденiя о личности и о мировоззрѣнiи переводчика бѣлорусскаго евангелiя.

Типинскій происходитъ изъ мелкаго земьянства Подвинской окраины Литовской Руси. По имущественному своему цензу, онъ является мелкимъ землевладѣльцемъ; его два собственныхъ двора и одинъ закладной весьма мелкія имѣнiя сравнительно съ громадными латифундіями тогдашнихъ землевладѣльцевъ даже средней руки. Въ своей жизни нашему автору пришлось испытать не мало огорченій въ борьбѣ съ сильными людьми: мы отмѣтили три процесса—съ его родственниками по женѣ Скипорами, съ Ю. Остикомъ и митрополитомъ. О второмъ изъ нихъ наши свѣдѣнiя оказались довольно подробными и все дѣло является насиліемъ надъ слабымъ,—впрочемъ это обычное явленіе того времени; можетъ быть, въ томъ же родѣ былъ и процессъ съ Онисифоромъ Дѣвочкой, который оставилъ о себѣ нелестную память въ исторiи. Жизненные передраги, матеріальная недостаточность наложили свою печать и на единственное самостоятельное литературное произведеніе Типинскаго—его предисловіе къ Евангелiю: въ немъ онъ неоднократно жалуется на пановъ, высшихъ церковныхъ сановниковъ и вообще на духовенство; онъ жалуется на свою матеріальную несостоятельность, мѣшающую ему успѣшно печатать приготовленный имъ переводъ, на траты на типографію—все это прекрасно сходится съ данными о его матеріальномъ положенiи.

По своимъ религіознымъ убѣжденіямъ онъ примыкалъ къ социніанству. Но Типинскій не порывалъ связи съ роднымъ народомъ. Напротивъ, онъ глубоко огорченъ паденіемъ національнаго самосознанiя и образованности въ средѣ своихъ соплеменниковъ въ виду наступающаго ополченiя; онъ гордится плодами древне-русской культуры и въ ея возрожденiи видитъ спасеніе русской національности; возрождающаяся русская культура должна быть основана однако на школахъ и наукахъ на русскомъ языкѣ; конечно, первая книга, которая необходима для поддержанiя и обоснованiя этой русской культуры—должно быть евангеліе на вполне понятномъ для всѣхъ языкѣ. Религія, изучаемая въ національной школѣ и на родномъ

¹⁾ Архивъ б. греко-ун. митроп. № 108.

языкъ, послужить прочнымъ залогомъ культурной крѣпости русской народности. Основные мысли Типинскаго нѣсколько напоминаютъ идеи, проводившіяся Иваномъ Мелешкомъ въ его известной сеймовой рѣчи; а И. Мелешко, имя котораго напрасно нѣкоторые считают псевдонимомъ, происходилъ изъ той же Полоцкой Руси, былъ соотчужденъ и современникомъ нашего автора.

Бѣлоруссы.

Этнографическій очеркъ *).

Среди деревенской обстановки и занятій пахаря и рыболова бѣлорусъ еще сохранилъ много любопытныхъ особенностей, какъ въ языкѣ, общемъ строѣ мировоззрѣнія, вообще во всемъ умственномъ укладѣ жизни, такъ и въ обстановкѣ вѣшняго быта. Общий колоритъ бѣлорусской рѣчи, фигура и одежда бѣлоруса рѣзко выдѣляютъ его отъ великорусовъ и малорусовъ. Бѣлорусское мѣщанство далеко не такъ консервативно: въ настоящее время національный бѣлорусскій костюмъ на городскихъ жителей—уже болшая рѣдкость. Мѣщанство болѣе или менѣе крупныхъ городовъ быстро утрачиваетъ чистую бѣлорусскую рѣчь, которая подвергается сильному великорусскому влиянію; въ иныхъ городахъ, особенно Минской губ., гдѣ влияніе польскаго элемента и католицизма было гораздо сильнѣе, преобладаетъ среди мѣщанства польскій языкъ. Такимъ образомъ въ городахъ среди мѣщанства слышится или польская рѣчь, или великорусская съ сильной примѣсью бѣлорусской фонетики, что придаетъ рѣчи горожанъ весьма неблагозвучный колоритъ. И вѣшня обстановка быта городского ремесленника, огородника, горожанина уже говца въ сильной мѣрѣ подверглась городскому влиянію. Горожанинъ уже гнушается богатѣмъ запасомъ бѣлорусскихъ пѣсенъ и сказокъ, жадно усваивая солдатскую, фабричную пѣсню или какой-нибудь романсъ въ безобразной передѣлкѣ. Только еще нѣкоторые основные черты умственного уклада бѣлоруса сохраняются въ городскомъ пиджачникѣ: вѣрный нечистую силу, въ помощь для борьбы съ ней знахаря, кое-гдѣ скотское выполнение свадебнаго, родиннаго или рождественскаго обряда напоминаетъ о кровной связи мѣщанина съ окрестными селами. О мѣстной бѣлорусской интеллигенціи, подобной, напр., малорусской, рѣчи быть не можетъ, такъ какъ ея не существуетъ. Независимо отъ того, къ ка-

*) Ст. помѣщенная въ „Россія“ изд. подъ ред. В. П. Семенова, т. IX.
Довгара-Запольскій.

кому классу общества принадлежит образованный белорусъ, прошедшій среднюю или высшую школу, онъ охотно оставляетъ родной край и ищетъ мѣста на чужбинѣ. Немногіе поэтому изъ окончившихъ курсъ въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ возвращаются на родину, да и возвращающіеся рѣдко поддерживаютъ связи съ сельскимъ людомъ. Эти факты, столь обычные для всей Россіи, въ белорусскихъ губерніяхъ имѣютъ еще особыя причины. Въ краѣ отсутствуетъ крупная фабричная и заводская промышленность, а существующая находится въ рукахъ нѣмцевъ и евреевъ; въ краѣ нѣтъ единого крупнаго центра административнаго или культурнаго, который могъ бы присасывать къ себѣ образованную молодежь, въ трехъ губерніяхъ отсутствуетъ и земство. Въ тѣхъ же трехъ губерніяхъ земледѣліе находится преимущественно въ рукахъ поляковъ; если полякъ стремится къ административной карьерѣ, онъ долженъ искать ее внѣ предѣловъ своего родного края; если полякъ не выплывъ изъ сферы польской культуры, то для него естественнымъ центромъ является Варшава, въ крайнемъ случаѣ Вильна, Киевъ. Такимъ образомъ три белорусскія губерніи находятся въ особомъ условіи, не представляющихъ широкаго поля для приложения интеллигентнаго труда; мѣста же по администраціи охотно замѣщаются выходцами изъ великорусскихъ губерній въ цѣляхъ обрусенія края.

Итакъ, съ настоящимъ, кореннымъ белорусомъ можно познакомиться только въ его бѣдной деревнѣ, среди болотъ и лѣсовъ. Мало того, чѣмъ глуше эта деревня, чѣмъ больше она удалена отъ города тѣмъ населеніе ея является болѣе интереснымъ для наблюдателя потому, что городскіе обычай, вліяніе школы и церкви начинаютъ проникать въ села и нарушаютъ первобытный жизненный укладъ ихъ.

По наружности белорусса очень трудно отличить отъ двухъ другихъ разновидностей русскаго племени — великороссовъ и малороссовъ. Прежде всего онъ средняго роста, скорѣе приземистъ; онъ не такъ широкъ и плотнѣе, какъ великорусъ. Даннныя о ростѣ новобранцевъ, разработанныя проф. Д. Н. Анучинымъ, даютъ слѣдующія величины средняго роста:

Смоленская губ.	1.634	мм.
Витебская „	1.642	„
Могилевская „	1.637	„
Минская „	1.634	„

Такимъ образомъ ростъ новобранцевъ въ Витебской и Могилевской губ. можно признать среднимъ, а въ Смоленской и Минской — нѣсколько ниже средняго. Въ частности по уѣздамъ болѣе высокій ростъ новобранцевъ констатируютъ Анучинымъ для Порѣскаго, Красненскаго и Мозырскаго у.у., а болѣе низкій — для Пинскаго, Климовичскаго, Двин-

скаго, Рѣжницкаго и Люцинскаго у.у. Вообще среди новобранцевъ разсматриваемой области попадаетъ отъ 2 до 3% очень высокихъ. Белорусъ отличается свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, а женщины очень часто обладаютъ весьма тонкими чертами лица. Свѣтлые или свѣтлорусые волосы являются преобладающими среди белорусскаго населенія, точно такъ же какъ и сѣрый или голубой цвѣтъ глазъ. Такимъ образомъ у белорусса нѣтъ того высокаго роста и той стройности, которой обладаетъ малорусъ, и нѣтъ той осанки, степенности, которая составляетъ украшеніе великорусскаго типа. Несмотря на это общее впечатлѣніе, выносимое при встрѣчѣ съ типичнымъ белорусомъ, весьма для него благоприятно: въ немъ замѣтна мягкость въ чертахъ лица, которую удачно дополняетъ протѣйный взглядъ сѣрыхъ или голубыхъ глазъ; все это очень хорошо гармонируетъ съ нѣсколько хрупкимъ, на первый взглядъ, физическимъ строеніемъ всего организма. Нѣкоторая скудность, которую отличается физиономія центральнаго белорусса, также нѣсколько не портитъ общаго впечатлѣнія. Вообще белоруссы представляютъ собою едва ли не самый чистый типъ славянскаго племени. Это объясняется тѣмъ, что белорусское племя въ своемъ историческомъ прошломъ не сплывалось съ другими народностями, тогда какъ великороссы, занимая земли финскихъ племенъ, смѣшивались съ ними, а малорусское племя представляетъ собою очень пеструю смѣсь древне русскихъ племенъ съ тюркскими народностями. Белорусская народность никогда не подвергалась завоеванію неславянскаго племени; даже татары не пошли глубже Смоленской области, но и здѣсь они были недолго. Сліяніе съ Литвой, а затѣмъ съ Польшей не могло повліять на измѣненіе белорусскаго типа, такъ какъ и изъ Литвы, и изъ Польши переходило въ русскія земли исключительно дворянство, притомъ вообще въ небольшомъ числѣ. Конечно чистота белорусскаго типа подвергается измѣненіямъ по мѣрѣ приближенія къ предѣламъ малорусской и великорусской народностей. На пограничьи съ Литвою и латышами белорусскій типъ не подвергся измѣненіямъ, по югъ и юго-западъ Минской губ. весьма замѣтны слѣды скрещиванія малорусскаго и белорусскаго племени, а въ Смоленской — белорусскаго и великорусскаго, притомъ на столько сильнаго, что границы того и другого племени въ этой губерніи до сихъ поръ окончательно не установлены. Слѣды скрещиванія съ малороссами встрѣчаются спорадически: напр. крайній югъ Рѣжницкаго уѣзда населенъ типичными белоруссами, но въ заприпятской части Мозырскаго уѣзда встрѣчаются села съ населеніемъ малорусскаго типа, хотя и говорящимъ по белорусски. Этотъ смѣшанный типъ учащается съ приближеніемъ къ границамъ Пинскаго уѣзда и переходитъ на сѣверъ отъ Припяти, протягиваясь по сѣверной окраинѣ этого уѣзда къ Гродненской губ.

Бѣлоруссы отличаются отъ другихъ двухъ русскихъ народностей и своимъ нарѣчіемъ. Бѣлорусская рѣчь слышится далеко за предѣлами разсматриваемыхъ бѣлорусскихъ губерній: насчитываютъ 68 уѣздовъ, въ которыхъ бѣлорусское населеніе или преобладаетъ, или является въ значительныхъ группахъ¹⁾.

Важнѣйшія особенности бѣлорусской рѣчи заключаются въ слѣдующемъ. Прежде всего бѣлорусское нарѣчіе (какъ и южно-великорусское) выделяется своимъ *аканіемъ*. Оно состоитъ въ томъ, что всякое неударяемое *о* или *е* (*и*) выговаривается какъ *а*, *я*, т. е. бѣлорусъ говорить *агава*, *сяло*. Иногда впрочемъ *а* и *е* произносятся какъ *ы* и *и*, напримѣръ, *мылыда*, *нисемъ*. *О* подвергается еще и другому измѣненію: подъ удареніемъ оно въ нѣкоторыхъ говорахъ превращается въ двугласное *оу* или *уо*, напр., *доумъ* (домъ) и т. п. Аканье и яканье бѣлорусскаго нарѣчія ставятъ его въ связь съ южно-великорусскими акающими говорами, но въ бѣлорусскомъ нарѣчій есть еще другія особенности. Такъ, *в* и *л* въ срединѣ словъ передъ слѣдующими согласными и на концѣ слова измѣняются въ *у*, произносимое кратко, вродѣ какъ въ малорусскомъ нарѣчій. Это очень характерная особенность нарѣчія. Бѣлоруссы говорятъ *шаукавы*, *дау*, *воукъ*, *братоу*. Такой же очень важной чертой является бѣлорусское *дзеканіе*, *цеканіе* и *цоканіе*. Первое и второе явленіе заключается въ томъ, что мягкое *д* и *т* передъ гласными и въ концѣ слова произносятся какъ *дз* и *и*, т. е. говорятъ: *дзидъ* (дѣдъ), *гядзъ*, *тихи* (тихо), *биць* (бить). Дзеканіе и цеканіе составляютъ общую особенность нарѣчій, но цоканіе встрѣчается только въ сѣверо-восточномъ углу бѣлорусской территоріи, т. е. въ пограничныхъ съ Псковской губ. частяхъ Витебской (Себежской, Витебской и Городокской у.у.) и кое-гдѣ въ Смоленской губ., именно близъ ея границы съ Тверской. Оно состоитъ въ замѣнѣ *ч* черезъ *ц*, т. е. говорятъ *пцалка* (пчелка), *крупцина* (кручина) и т. д. Далѣе, бѣлорусское *р* произносится всегда твердо и не знаетъ послѣ себя мягкихъ гласныхъ (царѣ, гарачій), *з* произносится какъ французское *н*, т. е. съ придыханіемъ, близко къ *х*, какъ въ южно-великорусскомъ и малорусскомъ нарѣчій. Мягкія согласныя передъ мягкими (йотированными) гласными удваиваются, напр., *вяселле*, *стачиванне*. Въмѣсто

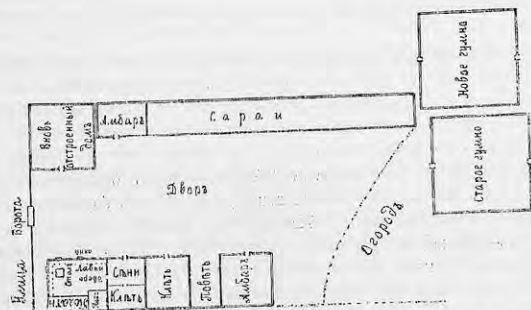
1) На бѣлорусскомъ нарѣчій говорятъ кромѣ Могилевской, Минской, Витебской и Смоленской губ., за исключеніемъ восточной части посаднѣй, еще въ слѣдующихъ губерніяхъ: въ большей части Виленской губ., въ сѣверной части Черниговской, въ Гродненской (половина), въ Сувалкской (Августовскій уѣздъ) наконецъ отдаленныя поселенія въ Курляндской, Ковенской и на западныхъ окраинахъ Тверской, Калужской и Орловской (въ послѣднихъ трехъ очень не чисто вълѣдствіе метисаціи съ преобладающимъ родственнымъ великорусскимъ племенемъ).

великорусской группы *жеж* бѣлоруссы произносятъ *жедз*, *жедч*, *здж*, т. е. говорятъ: *прыяжедзаць*, *дажедза* (дождя). Бѣлорусское *с* передъ слѣдующими согласными выговаривается мягко, напр. *сѣвай*. Наряду съ особенностями согласными выговариваются въ замѣнѣ гласныхъ и согласныхъ звуковъ, бѣлорусское нарѣчіе знаетъ рядъ особенностей свойственныхъ ему, въ окончаніяхъ формъ склоненій и спряженій.

Бѣлорусское нарѣчіе является преемникомъ говора, которымъ изъяснялись древніе кривичи, вѣроятно и дреговичи. Этотъ говоръ отличался отъ общерусскаго языка уже въ XIII—XIV в. Важнѣйшія нынѣшнія особенности бѣлорусскаго нарѣчія, напр., *у* вмѣсто *в* и *л*, *р* твердое, *н* вмѣсто *з* замѣтны уже въ XIV в., цеканіе и дзеканіе—съ XVI в.

При знакомствѣ съ бѣлоруссами и ихъ бытомъ эти бѣлые замѣчанія о нарѣчій, которые мы привели, будутъ небезполезны.

Для того кто не привыкъ къ общему колориту края, бѣлорусское село, вся внѣшняя его обстановка, могутъ показаться мало привлекательными—сѣренькими, бѣдненькими. Все сѣро и даже темно-сѣро: бѣлый

Планъ дома и усадьбы богатого крестьянина дер. Краглевичи
Телеханской вол. (сѣв. часть Пинского у.).

нарядъ бѣлоруса очень скоро превращается въ грязно-сѣрый, построенная изъ сосновыхъ или еловыхъ бревенъ изба также скоро темнѣть, а соломенная на ней крыша пріобрѣтаетъ грязно-желтый оттѣнокъ, пока не покроется оазисами темноватой зелени. Окружающія деревню поля

и огороды гармонируютъ съ этой обстановкой, такъ какъ почва ихъ состоитъ изъ суглинка и сунеси, иногда съ большими пятнами чистаго песка. Эта наружная бѣдность иногда поражаетъ свѣжаго наблюдателя, но тотъ, кто привыкъ къ этой обстановкѣ, кто приглядѣлся къ ней пристальнѣе, повнимательнѣе, тотъ найдетъ и въ ней много привлекательнаго.

Сельскія поселенія Бѣлоруссiи въ общемъ невелики: село въ полтора-два дѣсяти избъ уже считается очень большимъ и понадается рѣдко. Въ Витебской Бѣлоруссiи нерѣдко можно встрѣтить деревню въ пять—десять избъ. Особенность въ расположенiи селенiй составляютъ еще такъ называемыя *приселки*. Приселокъ—это одинъ или нѣсколько дворовъ, выселившихся куда-нибудь на лѣсную поляну, или на расчищенное лѣсовище изъ ближайшаго селенiя; это новый поселокъ, изъ котораго въ нѣсколько поколѣнiй образуется настоящая деревня. Появленiе такихъ приселковъ объясняется расположенiемъ крестьянскихъ полей: при существующей чѣреполюсницѣ крестьянскiя поля нерѣдко оказываются вдали отъ поселенiй, среди казенныхъ или помѣщичьихъ лѣсовъ и угодiй; разбѣгивающiяся семьи охотно основываютъ приселки, избѣгая неудобствъ въ пользованiи полями, разбросанными въ различныхъ мѣстахъ.

Въ бѣлорусской деревнѣ мало зелени, такъ какъ сады здѣсь весьма рѣдки. Зато устройство дворовъ дышетъ хозяйственностью. Въ противоположность живописнымъ малорусскимъ бѣленнымъ мазанкамъ, стоящимъ болѣею частью одиноко во дворѣ, обнесенномъ кое-какъ полуразвалившимся плетневою изгородью, къ которой съ внутренней стороны двора пристроены несложные сараишки, — дворъ бѣлорускаго крестьянина построенъ весьма основательно. Дома въ селѣ болѣею частью выстраиваются въ одну улицу. Жилыя избы довольно обширны, иногда въ двадцать—пятнадцать аршинъ въ квадратѣ. Жилое помѣщенiе стоитъ не одиноко: къ нему пристраиваются сѣни, имѣющiя ту же ширину, что и изба, но нѣсколько уже ея; непосредственно къ сѣнямъ примыкаетъ клѣтъ или истопка. Клѣтъ обычно бываетъ такихъ же размѣровъ, какъ и изба. За истопкой въ одну линiю тянутся хлѣвы. Въ богатомъ хозяйствѣ хлѣвы идутъ вокругъ двора четырехугольникомъ, заканчиваясь противъ избы амбаромъ, называемымъ *клуною*. Между сараями, обываенно противъ воротъ, устраивается *„новть“*—крытое помѣщенiе, съ двухъ или трехъ сторонъ залущенное сѣнами. Здѣсь лежатъ сельско-хозяйственныя орудiя, телѣги, наколотыя дрова и проч. За линiей сараявъ (на сторонѣ противоположной воротамъ) тянутся огороды.

Важную часть въ хозяйственныхъ постройкахъ представляетъ *гумно*. Гумна выстраиваются или позади огородовъ, или если жилыя строенiя

расположены въ одну линiю,—черезъ улицу, противъ жилья; въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ гумна устраиваются внѣ села. По внѣшнему виду гумно не трудно отличить отъ другихъ построекъ: оно имѣетъ при невысокихъ стѣнкахъ очень высоко приподнятую крышу, образующую широкій навѣсъ со стороны вѣзда. Гумно окружено небольшою лужайкою, за которой тянутся поля или огороды. На пригумненной лужайкѣ въ южныхъ уѣздахъ разсматриваемой области возвышается еще высокiй *„переломъ“*—два высокiе столба, соединенными поперечными жердями, въ которые вкладываютъ снопы для просушки. Гумна бываютъ вообще весьма солидныхъ размѣровъ. Въ среднѣй широкой стороны гумно имѣетъ ворота, на противоположной сторонѣ которыхъ находятся тоже ворота, или легко разбираемый простѣнокъ. Средняя часть гумна занята *„токомъ“*—глинянымъ поломъ, тщательно утрамбованнымъ; на токѣ происходятъ молотѣба. По обѣ стороны токовища складываютъ снопы. На гумнѣ же находится сушильня (*сенья, рея, осетъ*—овинъ). Сушильня представляетъ собою небольшое строенiе съ выкопанной внутри ямой, въ которой раскладывается во время сушки огонь; надъ ямой сдѣланы рѣшетки, въ которыя складываютъ снопы. Выволоченный хлѣбъ поступаетъ въ закроа *„клуны“*. Какъ-бы ни было велико гумно, но въ хорошемъ хозяйствѣ оно не вмѣщаетъ въ себя всего сжатаго хлѣба; поэтому въ богатомъ хозяйствѣ на пригумненной лужайкѣ встрѣчаются скирды сложенного въ снопы хлѣба. У богатаго хозяина скирды стоятъ по нѣсколько лѣтъ, составляя его запасный капиталъ.

Къ надворнымъ строенiямъ слѣдуетъ еще отнести и баню—*„банька, лазня“*. Впрочемъ бани встрѣчаются преимущественно въ Витебской и Смоленской губернiяхъ, какъ болѣе близкихъ къ сѣвернымъ великороссамъ—охотникамъ до бани; да впрочемъ и здѣсь баня встрѣчается далеко не у всякаго хозяина. Бѣлорусскъ большой охотникъ попариться, но, за отсутствiемъ бани, подобно южному великоруссу, прибѣгаетъ къ домовой печи, солидные размѣры которой даютъ возможность въ ней попариться. Гдѣ строятся бани, тамъ онѣ бываютъ весьма миниатюрныхъ размѣровъ—до двухъ сажень длины, въ полторы сажени ширины и въ сажень высоты, съ крохотнымъ предбанникомъ. Витебскiй бѣлорусскъ очень любитъ свою *„лазенку“*, а матери берутъ туда съ собой и грудныхъ дѣтей. Усердно распаривъ тѣло вѣнникомъ, бѣлорусскъ охотно бѣжитъ *„окунуча“* въ сосѣднее озеро или рѣченку, а зимою покатаются въ снѣгу, чтобы съ новыми силами отдаться банному удовольствию.

До сихъ поръ шла рѣчь о хозяйственныхъ строенiяхъ. Пора теперь заглянуть и въ жилую крестьянскую *избу*. Бѣлорусская хата всегда строится на улицу, но ходъ имѣетъ со двора. Крыша ставится высокая и покрывается болѣею частью соломой, или рѣже драницами; наружная

стѣна крыши, какъ въ старыхъ великорусскихъ избахъ, стоитъ отвѣсно; она украшается иногда рѣзбою на боковыхъ доскахъ. Изъ наружныхъ украшений употребительна также и рѣзба на доскахъ, окружающихъ окна, особенно тѣхъ, которыя выходятъ на улицу. Избы строятся бревенчатые, изъ соснового или елового дерева. Фундамента не дѣлаютъ, окружая вмѣсто него избу заваленкою („приза“).

Внутренний видъ бѣлорусской хаты соответствуетъ вѣнскому. Проста хата внутри, но вся она служитъ хозяйственнымъ цѣлямъ. Плохо обтесанные съ внутренней стороны бревна кое-какъ смазываются гли-

ной съ мѣломъ. Потолокъ рѣдко бѣлится. Полъ досчатый, или гораздо чаще земляной. Украшений почти нѣтъ. Можно указать развѣ на то, что иконы иногда обвѣшаны полотенцами, вытканными на концахъ весьма неслож-

Усадьба крестьянина дер. Углы Дерловичской волости (Рѣчичкаго у.).

ными узорами. Изрѣдка можно видѣть нѣкоторое изящество въ иконахъ: ихъ тогда бываетъ довольно много, разной величины и разнаго содержанія и въ хорошихъ покупныхъ рамкахъ. Среди иконъ особенно часто встрѣчается извѣстное лубочное изображеніе св. Георгія въ борьбѣ со змѣей. Вотъ и всѣ тѣ черты обстановки, которыя относятся, такъ сказать, къ роскоши, въ которой отражается вкусъ обитателей здѣшней избы.

Все остальное убранство состоитъ изъ стола, стоящаго передъ скамьями—„лавками“ въ углу подъ образами, „лавокъ“ изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ, тянущихся у двухъ стѣн—лѣвой отъ входа и той, которая противъ дверей; скамьи неподвижно прикрѣплены къ стѣнамъ. Направо отъ входа находится большая печь, занимающая иногда около четверти всего помѣщенія. Между печкой и стѣной находится „палатка“—досчатая нары, на которыхъ спятъ. Впрочемъ встрѣчаются уже и кровати,—большія, на которыхъ спать чуть ли не цѣлая семья. Къ обстановкѣ избы слѣдуетъ еще добавить, что съ лѣвой стороны у дверей вы всегда встрѣтите „крѣсна“ или „верстанъ“, т. е. несложнаго устройства ткацкій станокъ. Другой мебели не бываетъ. Вмѣсто стульевъ слу-

жать небольшія скамьи, хотя иногда можно видѣть деревянный стулъ грубой работы. Надо замѣтить, что въ Витебской Бѣлорусіи надъ полатями подъ потолкомъ устраиваются еще другія полати (называемыя „полѣ“). Онѣ дѣлаются нѣсколько уже нижнихъ, причемъ между печкой и полатями оставляется нѣкоторое пространство. „Полѣ“, полати и печь служатъ для сна. На печь и верхнія палаты забираются старики, да дѣти, или тотъ, кому хочется погрѣться. Пространство между полатями (нарами) и землянымъ поломъ не остается безъ употребленія: здѣсь въ земляномъ полу вырывается яма, которая служитъ погребомъ. Кроме того въ зимнюю пору подъ нарами держатъ телятъ, ягнятъ, для чего подпольное пространство ограждается отъ избы рѣшеткой.

Печь также служитъ многообразнымъ хозяйственнымъ нуждамъ, помимо своего прямого назначенія. Печи бываютъ глинобитныя, или кирпичныя. Съ наружной стороны печь имѣетъ цѣлый рядъ „печурокъ“, т. е. углубленій, въ которыя хозяйки кладутъ лучину и разныя хозяйственные принадлежности; въ другихъ печуркахъ мужчины сушатъ одежду, лапти.

Между поломъ и основаніемъ печи остается большое пространство, называемое „подпечьемъ“, въ которомъ имѣютъ свое мѣсто помѣны куры.

Для освѣщенія въ старыхъ избахъ еще встрѣчается особая свѣтильня, называемая „коминотъ“. Къ потолку въ серединѣ избы прикрѣпляется воронка, вылетенная изъ лозы и плотно обмазанная глиною, имѣющая въ упрямомъ концѣ около $\frac{3}{4}$ аршина и спускающаяся внизъ на столько, чтобы не мѣшала ходить по ней взрослымъ людямъ. Къ „комину“ подвѣшивается жаровня, на которой зажигаютъ лучину. Дымъ выпускается черезъ трубу, устроенную въ потолкѣ и крышѣ.

Изъ избы двери ведутъ въ обширныя сѣни, которыя также служатъ различнымъ хозяйственнымъ цѣлямъ. Во многихъ домахъ здѣсь стоятъ ручные жернова, тутъ же вы встрѣтите кадки, ступы и проч. Лѣтомъ хозяйки выносятъ въ сѣни свои „крѣсна“, такъ какъ въ избѣ такъ очень жарко. Лѣтомъ же сѣни служатъ и столовою для всей семьи. Изъ сѣней дверь ведетъ въ клѣть. Она строится довольно прочно, такъ что при разростаніи семьи холодное помѣщеніе легко превращается въ теплое. Клѣть служитъ для склада хозяйственныхъ припасовъ въ вообще всего добра. О богатствѣ человѣкъ говоритъ, что у него „полная клѣть“. Тутъ стоятъ „кубы“, т. е. кадки со всякимъ добромъ, замѣняющія собою сундуки и комоды.

Одежда бѣлоруса имѣетъ весьма незатѣйливый видъ. Нижняя часть мужской одежды состоитъ изъ рубахи русскаго покроя, т. е. съ косымъ воротомъ и весьма узкимъ воротничкомъ. Воротничокъ иногда вы-

шивается красною тесьмою. Въ болѣе колонизованныхъ мѣстностяхъ носить „*коопаровую кошулю*“ съ прямыми разлѣзомъ, широкимъ воротникомъ, который огibaетъ цвѣтной платочекъ, замѣняющій собой галстухъ. Рубашки носятъ на выпускъ и неизмѣнно подпоясываются особымъ поясомъ. Поверхъ сорочки одѣваютъ „*кымызелку*“—жилетку изъ сукна или холста, застегивающуюся металлическими пуговицами или пшурочками. Первая верхняя одежда представляетъ собою „*насовъ*“, который бываетъ двухъ типовъ—съ низенькимъ, едва замѣтнымъ воротникомъ и „*кыаняровъ*“—съ высокимъ отладнымъ воротникомъ; тотъ и другой насовъ шьется изъ холста, но насовъ съ короткимъ воротникомъ дѣлается въ талію и съ карманами, обшиваемыми синею тесьмой. Напротивъ „*кынировый насовъ*“ представляетъ собою собственно балахонъ съ широкими полами, не суживающійся въ талію. Въ Витебской губ. насовы дѣлаютъ цвѣтные, напр., темные, коричневые, синіе; впрочемъ холстъ, употребляемый на насовы, не имѣетъ сплошной окраски, такъ какъ при тканьи такого холста бѣлыя нитки перемѣтаются съ цвѣтными. Насовъ, замѣняющій собою сюртукъ, не пользуется всеобщимъ распространеніемъ. Зато *свитка* или *серма* изъ бѣлаго или сѣраго сукна домашнего приготовления можетъ быть признана національной одеждой бѣлорусса. Сукно, употребляемое на свитки, готовится на мѣстныхъ сукновальныхъ и обычно бываетъ весьма грубой работы. Свиты имѣютъ точно такой же покрой, какъ и насовы, причемъ очень часто рукава и воротники обшиваются тонкой кожей. Тонкой же цвѣтной тесьмой дѣлаются нашивки и узоры на груди. Свита съ широкимъ воротникомъ, сшитая не въ талію, считается болѣе дорожной одеждой, тогда какъ свита въ талію и съ узкимъ воротникомъ употребляется въ парадныхъ случаяхъ. Хозяинъ безъ свиты можетъ принимать у себя гостей, зайти по дѣлу къ сосѣдѣ и проч. Но отправляясь въ церковь, въ парадныя гости, принимая у себя званыхъ гостей, крестьянинъ непременно натянетъ на себя свиту и подожметъ широкимъ и въ нѣсколько обхватовъ поясомъ, несмотря на лѣтнюю душливую жару или на жарко натопленную печь.

Верхнюю одежду зимой составляютъ овчинный нагольный тулупъ—*кожухъ*, который бываетъ или длиннымъ (для пути), или короткимъ (для работы около дома). Вышшимъ видомъ *кожуха* бѣлоруссъ не интересуется. Если поэтому онъ хочетъ принарядиться зимою, напр., идучи на ярмарку въ сосѣднее мѣстечко, отправляясь въ церковь, то поверхъ тулупа онъ натягиваетъ свиту. Тулупъ также обязательно подпоясывается.

Поясъ, какъ мы видимъ, въ одеждѣ бѣлорусса играетъ весьма видную роль. Поясъ дѣйствительно считается украшеніемъ и иногда хороший поясъ служить нѣсколькимъ поколѣніямъ. Поясъ представляетъ со-

бою шерстяную ткань изъ красныхъ или красныхъ и синихъ нитокъ съ разводами и узорами; ширина пояса очень различна, но доходитъ до четырехъ—шести вершковъ; длина пояса рассчитывается на два или четыре обхвата, и кромѣ того на концахъ онъ украшается бахромой.

Типичный для бѣлорусса головной уборъ, теперь уже быстро вытѣсняемый рыночными картузами,—это высокая шапка изъ того же толстаго сукна, изъ котораго дѣлаются свиты; она имѣетъ форму усѣченного конуса съ завороченными вверхъ небольшими краями. Такая „*маремка*“ употребляется какъ зимою, такъ и лѣтомъ; впрочемъ въ послѣднее время года иногда носятъ „*брыли*“ т. е. широкополая соломенные шляпы.

Женская одежда состоитъ изъ сорочки, юбки („*спадница*“), кофточка, застегивающейся у воротника на одну пуговицу, съ короткими полами, едва доходящими до поясицы, или „*китлика*“—пшуровки, плотно облегающей грудь и спину и напоминающей корсетъ безъ планшетонокъ. Этотъ нарядъ дополняется фартукомъ. Нарядная женская сорочка шьется съ широкимъ, гладкимъ воротникомъ, съ широкими наплечниками и рукавами, оканчивающимися узкими и тонкими обшлагами. Наплечники, обшлага рукавовъ и воротъ на груди иногда прошиваются цвѣтными нитками. Въ послѣднее время „*спадница*“ все чаще и чаще дѣлается изъ ситца, но это новшество еще не распространилось повсемѣстно. „Старосвѣтская“ женская „*спадница*“ дѣлается или изъ обычнаго бѣлаго холста, или изъ домашней шерстяной матеріи. Нарядная шерстяная юбка („*андаракъ*“) дѣлается изъ такой-же матеріи, только нѣсколько болѣе грубой, какъ и мужскіе пояса, и бываетъ синяго цвѣта, краснаго или краснаго съ синимъ съ разводами и узорами. Изъ такого же сукна лучшаго качества дѣлаютъ китлики. Впрочемъ есть мѣстности, гдѣ женщины носятъ всю одежду исключительно изъ холста, т. е. юбку, пшуровку и даже фартукъ; только зимою онѣ носятъ сѣрые или черныя шерстяныя юбки. Такой нарядъ женщины преобладаютъ въ Пинскомъ уѣздѣ и въ тѣхъ мѣстностяхъ Мозырскаго уѣзда, которые прилегаютъ къ Пинскому. При бѣломъ головномъ уборѣ этотъ нарядъ является довольно оригинальнымъ.

Верхняя одежда женщинъ ничѣмъ не отличается отъ мужской: т. е. женщины носятъ такіе же свиты и *кожухи*, какъ и мужчины. Поэтому очень обычно мужчины и женщины носятъ одну и ту же одежду. Надо только замѣтить, что свита въ парадныхъ случаяхъ является болѣе или менѣе необходимымъ одѣніемъ только для старухъ и пожилыхъ женщинъ; дѣвушки же и молодыя женщины набрасываютъ свиту только въ непогоду, или въ холодъ и снимаютъ ее при входѣ въ избу. Замужнія женщины дополняютъ свой нарядъ въ важныхъ случаяхъ большимъ аткомъ, который накидывается на плечи.

Зато женский головной убор отличается разнообразіем смотря по мѣстностямъ, и иногда затѣйливостью. Дѣвушки впрочемъ не носятъ никакого головного убора. Дѣвчѣнъ коса или спущена, причѣмъ концы ея переплетаются „китайками“, т. е. ленточками, или же укладываются вокругъ головы. Только въ пенасѣ или для дороги дѣвушка набрасываетъ на голову платокъ, подвязанный подъ подбородкомъ. Непокрытая голова — признакъ дѣвчачества. Кое-гдѣ еще сохранился старинный дѣвчаческій головной уборъ—вѣнокъ изъ парчевой или какой-нибудь яркой матеріи. Вѣнокъ дѣлается изъ стараго ситца, лубка или бересты; эта основа обшивается холстомъ на который уже накладываются вѣнчаная матерія. Въ настоящее время такіе дѣвчачьи вѣнки составляютъ уже болѣзнь рѣдкости, и ихъ чаще всего можно видѣть на молодой и ея дружкахъ, когда свадебный поѣздъ направляется въ церковь, или изъ церкви.

Самым распространенным головным нарядом замужней женщины является платок, который повязывается следующим образом: на переднюю часть головы накладывается особая настилка из льна, без которой впрочем обходиться, если женщина обладает толстой косой; затѣмъ повязывается платокъ, такъ что онъ прикрываетъ верхнюю часть лба и плотно охватываетъ всю голову; завязывается платокъ на лбу, причемъ опорой для узда является указанная подкладка; по обѣ стороны головы платокъ образуетъ нѣчто вроде роговъ.

Во многих волостях Полѣсья женщины до сихъ поръ носятъ „намитки“ — уборъ, который еще въ недавнее время имѣлъ весьма широкое распространеніе. Намитка имѣетъ видъ узкаго полотенца съ проститыми узорными концами. Весь головной уборъ строится такимъ образомъ: прежде всего на голову плотно укладываютъ „тканину“ — плашу дына, зашитого въ холст; тканца прикрывается чепцомъ, сверху котораго уже повязывается намитка. Способъ ношенія намитки самый разнообразный и бываетъ весьма затѣливымъ; но впрочемъ это разнообразіе представляетъ особенность извѣстной округи и строго держится въ данной мѣстности. Такъ, въ однихъ мѣстностяхъ середина намитки охватываетъ подбородокъ, такъ что спускается съ него, и затѣмъ концы ея записываются на серединѣ головы и, свернутые въ трубки, виспадаютъ на плечи. Въ другихъ мѣстахъ намитка складывается и плотно облегаетъ подбородокъ, падая на плечи сборками. Очень характеренъ головной уборъ въ *Давидъ-Городицкой* волости Мозарскаго уѣзда. Здѣсь вмѣсто тканцы подъ чепецъ подкладываютъ ситечки вершка въ два—три выского; очень длинная намитка подвязывается такимъ образомъ, что два конца ея торчатъ на передней части головы въ видѣ роговъ, а концы свѣшиваются на плечи, доходя до пояса.

Остается сказать, насколько словы обь обуви. Употребленіе *латей* до сихъ поръ еще пользуется очень широкимъ распространеніемъ, какъ среди мужичитъ, такъ и среди женщинъ. «*Черешки*»⁴ (башкины) употребляютъ дѣвушками и молодыми женщинами, а болѣе пожилыя носятъ сапоги.

Относительно детской одежды надо заметить, что оно по устройству ничем не отличается от одежды взрослых. Впрочем, дети лет до семи довольствуются летом одними сорочками.

Отъ описанія внѣшняго строя белорусскаго быта перейдемъ къ другимъ чертамъ его. На первый планъ въ данномъ случаѣ надо выдвинуть *семейныя* и *междудеревенскія отношенія*. Какъ извѣстно, въ белорусскаго господствуетъ *подворная* форма крестьянскаго землевладѣнія, почему интересъ обычно-правовыхъ отношеній сосредоточивается главнымъ образомъ въ семьѣ.

Семья и семейные отношения среди белорусов представляли бою еще много архаичных особенностей. Прежде всего господствующей формой семейного строя является такъ называемая большая семья, т. е. такая, которую составляютъ отецъ съ женатыми сыновьями или замужними дочерьми, или семейная община, т. е. семья состоящая изъ нераздѣленныхъ братьевъ, дѣдей съ племянниками, сдольниками и проч. Выдѣль сыновей при жизни отца считается еще явленіемъ необычайнымъ. Хорошая зажиточная семья понимаетъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ большого числа рабочихъ рукъ, почему и принимаетъ всяческія мѣры противъ раздѣловъ. Раздѣлы счѣтаются зломъ, къ которому старики относятся весьма пристрастно; но зло это неизбежно надвигается и на белорусскую деревню, прививаясь къ молодому поколѣнію. Причину все болѣе развивающихся раздѣловъ слѣдуетъ видѣть не въ измѣненіи обычнаго правового взгляда крестьянства, но въ тѣхъ экономическихъ условіяхъ, къ которымъ оно поставлено въ послѣднее время. «Объединіе семей», говоритъ одинъ изъ изслѣдователей (Довнар-Заношскій), «малоземельность, неурожай, часто бывшіе въ послѣднее время, трудность найти заработки и между тѣмъ доволно значительныя подати, обременяющія хозяйственный бюджетъ крестьянина,—вотъ общія причины, вызывающія раздѣлы. Слѣдствіемъ раздѣловъ не менѣе хорошо извѣстныхъ. Старшіе члены семьи, выдѣлявшіеся уже со взрослыми сыновьями, еще перебиваются кое-какъ; но младшіе, обремененные подростками, падаютъ, безсильно жаждя тяжести труда, въ концѣ концовъ бросаются на посторонніе заработки, снѣзая, и все хозяйство приходится въ упадокъ. Вѣтшія причины, вызывающія, по объясненіямъ крестьянъ, раздѣлы, выражаются ссорами среди членовъ семейства. Ивану кажется, что Степанъ лѣнивъ, что онъ могъ-бы въ одинъ день скосить сѣнокосъ, да затянуть на дру-

гой, а тут пошли дожди, и сѣно пропало; а Степану въ свою очередь кажется, что по винѣ Ивана пала кобыла, цѣлый годъ кормившаяся соломою съ крышъ, и т. д. до безконечности. Всякому кажется, что если бы онъ одинъ косилъ, не полагаясь на брата, то дождь не сгноилъ бы сѣна, да и кобыла, хоть безъ сѣна, а жила бы и т. д. Братья еще кое-какъ терпятъ, младшій уступаетъ старшему и тотъ и другой понимаютъ тяжелое положеніе хозяина-одиночки. Но женщины сживаются съ большимъ трудомъ. Онѣ ссорятся другъ съ другомъ изъ-за дѣтей, работы и пр., и если самъ хозяинъ не пользуется достаточнымъ авторитетомъ, не крикнеть въ-время, то эти ссоры ведутъ къ раздѣлу: жены пользуются всякимъ случаемъ, чтобы возбудить враждебныя отношенія между мужьями.²

Итакъ раздѣлы проникаютъ въ правовую строй бѣлорусской семьи. Но, не смотря на это, старый строй, т. е. нераздѣльная семья являются здѣсь еще господствующей формой семьи. Народныя обычно-правовыя воззрѣнія болѣе рельефно выдѣляются въ большой семьѣ, такъ какъ она держится предписаніями обычая. Иное дѣло малая семья: здѣсь личныя отношенія берутъ верхъ надъ обычно-правовыми.

Большія семьи Бѣлоруссін по количеству членовъ достигаютъ весьма почтенныхъ размѣровъ, напр. пятнадцати душъ, а семейныя общины доходить до 25—30, а иногда и 50 человекъ. Въ составъ семейной общины входятъ прежде всего родственники, напр. нераздѣленные братья, дядя и племянники, затѣмъ лица, прившедшіе въ общину при посредствѣ брака, напр. невестки и зятя (*примаки*), принятые въ домъ тестя, родственники, или даже не родственники, принятые на условіяхъ *долгичества*, наконецъ пріемыши. Такимъ образомъ въ составъ семейной общины входятъ какъ родственники, такъ и чужеродцы. Связь, которая въ данномъ случаѣ объединяетъ тѣхъ и другихъ,—это общій трудъ на общемъ участіи земли. Положеніе кровныхъ родственниковъ въ описываемой семьѣ весьма понятно. Но необходимо выяснять тѣ условія, на которыхъ принимаются въ семью чужеродцы.

Сдольникъ (отъ слова доля—часть, соучастникъ) или семейныя приглашаются въ семью, въ которой отсутствуетъ необходимое количество рабочихъ рукъ при достаточномъ или даже большомъ земельномъ надѣлѣ: остается вдова съ малолѣтними дѣтьми, не можетъ сама управлять хозяйствомъ и принимаетъ къ себѣ сдольниковъ; захудалшій по тѣмъ или другимъ причинамъ домохозяинъ подскиваетъ себѣ сдольника со здоровыми руками и иногда съ хозяйственнымъ инвентаремъ и деньгами. Сдольникъ или семейникъ, являясь въ принимающую его семью, заключаетъ обыкновенно съ домохозяиномъ письменное или устное условіе. Онъ занимаетъ положеніе члена семьи. Если въ семьѣ домохо-

зяинъ самъ заправляетъ хозяйствомъ, то сдольникъ оказывается по отношенію къ нему въ положеніи младшаго брата, или сына, смотря по разницѣ въ дѣтахъ; въ случаѣ же смерти домохозяина, или отсутствія его въ моментъ пріема, сдольникъ можетъ замѣнять его мѣсто. Принося въ семью свое имущество и главнымъ образомъ свой трудъ, сдольникъ и его семья получаютъ и право на движимое и недвижимое семейное имущество. Такимъ путемъ безземельный крестьянинъ приобретаетъ землю.

Другимъ лицомъ, принимаемымъ въ семью, является примакъ. Крестьянинъ очень неохотно идетъ въ примаки къ тестю. „Примачья доля—собачья“ говорятъ бѣлоруссы. Но малоземелье и вообще имуществонная захудалость заставляетъ иногда парня перебраться въ семью жены. Здѣсь его положеніе сходно съ положеніемъ сдольника. Примакъ приноситъ свой трудъ, а иногда и движимое имущество. Этотъ трудъ даетъ ему и его семьѣ право на часть общей земли. Наслѣдованіе примака и его дѣтей послѣ тестя объясняется именно приложеніемъ труда къ землѣ, такъ какъ, по народнымъ понятіямъ, дочери при сыновьяхъ не получаютъ правъ на землю. Вообще положеніе примака въ семьѣ тестя основывается не столько на родственныхъ связяхъ, сколько на имущественныхъ, почему примаки весьма часто заключаютъ съ семьей жены формальный договоръ.

Наконецъ остается сказать два слова о пріемныхъ дѣтяхъ. Народный обычай не знаетъ формальнаго усыновленія. Но съ другой стороны онъ различаетъ двойное положеніе пріемныхъ дѣтей въ семьѣ. Пріемная дочь или сынъ только тогда пользуются своими правами, когда усыновленіе ихъ совершено или посредствомъ письменнаго акта, опредѣляющаго ихъ участіе въ общемъ имуществѣ, или при посредствѣ заявленія принимающаго передъ сельскимъ сходомъ, или наконецъ вслѣдствіе такого-же заявленія при свидѣтеляхъ. Принимающій объявляетъ пріемна „за сына мѣсто“, или „за дочь“. Если эта формула не была употреблена письменно или устно при актѣ пріема, тогда ни сельскій сходъ, ни волостной судъ не признаютъ пріемша усыновленнымъ, но простымъ работникомъ.

Состоитъ ли большая семья изъ родственниковъ или изъ родственниковъ и пріемныхъ членовъ, она управляется одинаковымъ образомъ.

Представитель бѣлорусской семьи не носитъ особаго specialнаго названія; это „хозяинъ“ для постороннихъ, „бацька“ для дѣтей и „дядька“ для младшихъ членовъ семьи. Значеніе домохозяина прежде всего опредѣляется тѣмъ, что онъ заступаетъ всѣмъ мужскими работами въ хозяйствѣ. Распределеніе работъ дѣлается обыкновенно вечеромъ за ужина-

номъ. Если приходится начинать какую-нибудь часть хозяйственныхъ работъ, напр., посѣвъ, жатву, то хозяйинъ за ужиномъ совѣтуется со старшими членами семьи и дѣлаетъ соответствующее распоряженіе. Хозяинъ почти всегда бываетъ и казначеемъ въ семьѣ: у него хранятся общія деньги, онъ получаетъ выручку отъ хозяйственныхъ продуктовъ, производитъ платежи и т. д. Впрочемъ храненіемъ денегъ иногда завѣдуетъ хозяйка. Наконецъ хозяйну-же принадлежитъ и наблюдение за поведеніемъ молодыхъ членовъ семьи: онъ понуждаетъ дѣтвухъ работать болѣе усердно, слѣдитъ за нравственностью молодежи, наказываетъ провинившихся, отпускаетъ на заработки свободныхъ отъ общихъ работъ, отдаетъ въ наймы младшихъ членовъ семьи, если это окажется нужнымъ и т. д. Какъ представитель семьи, хозяйинъ окруженъ знаками почета и уваженія. Онъ садится за столомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ—на *куту*, въ углу подъ образами такъ что сидѣтъ на кутѣ—синомимъ хозяина дома; прочие члены семьи по старшинству садятся рядомъ съ хозяйномъ за столомъ, женщины на противоположной сторонѣ, а хозяйка всегда съ краю. Хозяинъ является представителемъ и хранителемъ домашнего благочестія: передъ началомъ ѣды онъ творитъ общую молитву и начинаетъ самъ ѣсть, и уже за нимъ остальные члены по старшинству. Онъ наблюдаетъ за соблюденіемъ праздникоу, причемъ самая почетная роль выпадаетъ на долю хозяина въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обрядахъ выражается почитаніе умершихъ предковъ; во время «дзядоу» (поминальная вечеря), онъ призываетъ души умершихъ «дзядоу—бабакъ» «на вечеру», отливаетъ имъ часть пива на столъ, ставитъ ее за окно на ночь и проч. Во всѣхъ этихъ чертахъ бѣлорусскаго хозяина нетрудно узнать воликорусскаго большака, сербскаго домашина, нетрудно видѣть, что на немъ отразились черты древняго домохозяина. Впрочемъ власть хозяина въ семьѣ не бываетъ деспотической, потому что всякая несправедливость съ его стороны по отношенію къ кому-нибудь изъ членовъ семьи, неопытность въ работахъ, неумѣло распоряженіе имуществомъ, наконецъ пьянство и дѣнь—неизбѣжно ведетъ къ разрыву семьи, къ раздѣлу ея, или переходу домохозяйства въ другія руки, напр., къ старшему сыну въ семьѣ, или къ брату хозяина. Хозяинъ обязанъ не только дѣлать то, чего требуютъ интересы семьи, но и своей личной работой онъ долженъ служить примѣромъ для остальныхъ членовъ семьи: въ тяжелой крестьянской работѣ хозяйинъ выступаетъ первымъ, и взмахъ косы хозяина опредѣляетъ скорость работы остальныхъ косарей и т. д. Хозяинъ не можетъ также произвольно распорядиться общими имуществомъ, тѣмъ болѣе землею. Вотъ почему въ сколько-нибудь важная имущественныя дѣла глава семьи совершаетъ съ совѣта и согласія всѣхъ членовъ семьи. Народный обычай выработалъ цѣлый рядъ условій, регулирующихъ се-

мейныя отношенія. Этими условіями подвергается не только такой глава семьи, какъ старшій братъ, дядя, сдольникъ, но даже и отецъ. Въ этомъ отношеніи рѣшенія волостныхъ судовъ представляютъ любопытные образчики народнаго взгляда на семью и соотношенія ея членовъ: при разборѣ жалобъ младшихъ членовъ семьи на своего главара судъ вообще становится на сторону послѣдняго, но весьма рѣдки случаи, когда судъ налагаетъ наказаніе на жалобщика, младшаго члена семьи, за непослушаніе старшему, но въ то-же время наказываетъ и старшаго за то, что онъ не умѣлъ внушить къ себѣ должнаго уваженія.

Подобно тому, какъ хозяйинъ является распорядителемъ хозяйственныхъ работъ, связанныхъ съ земледѣліемъ, уходомъ за скотомъ и пр.,—хозяйка является распорядительницей домашнихъ работъ. Если въ семьѣ есть нѣсколько женщинъ, то хозяйка распоряжается ихъ работами по дому, по огороду, по приготовленію платы, бѣлья. Хозяйкой обыкновенно бываетъ жена домохозяина; впрочемъ въ случаѣ смерти домохозяина, когда его мѣсто заступаетъ старшій изъ сыновей, или слѣдующій изъ братьевъ, иногда управленіе домашнимъ хозяйствомъ остается въ рукахъ вдовы; при сыновьяхъ это явленіе обычное. Въ болѣе сложной семьѣ положеніе вдовы домохозяина зависитъ отъ личныхъ ея качествъ. Личныя-же качества хозяйки дома сказываются и въ тѣхъ случаяхъ, когда она по смерти мужа занимаетъ его мѣсто при взрослыхъ сыновьяхъ или племянникахъ. Переходъ власти домохозяина ко вдовѣ его не считается правиломъ, но и перѣдокъ, находясь въ зависимости отъ различныхъ житейскихъ условій.

Вообще положеніе женщины въ бѣлорусской семьѣ не можетъ быть названо угнетеннымъ. Въ хозяйствѣ она является помощницей своего мужа, а сфера домоводства ей принадлежитъ цѣлкомъ. Народный взглядъ требуетъ, чтобы дѣти оказывали почитеніе матери, а младшіе члены семьи—хозяйкѣ и вообще старшимъ женщинамъ. Мать имѣетъ большое вліяніе на дѣтей: дѣвушки вообще вырастаютъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ матери, а мальчики походятъ на ея-же попеченія вплоть до 14—15 лѣтъ, когда они уже становятся помощниками пахари. Въ случаѣ смерти мужа, народный обычай предоставляетъ матери опеку надъ малолѣтними дѣтьми. Наконецъ женщина въ бѣлорусской семьѣ обладаетъ своимъ, отдѣльнымъ отъ семейнаго, имуществомъ. Такое личное имущество прежде всего складывается изъ того приданаго, съ которымъ женщина переходитъ въ семью мужа; кромѣ того женщина имѣетъ свои частные заработки, которые она получаетъ отъ продажи огородныхъ овощей, льну, полотенецъ, домашней птицы. Этими путями каждая мать копитъ приданое для своей дочери.

Въ силу сказаннаго и отношенія мужа къ женѣ въ бѣлорусской семьѣ представляютъ мало примѣровъ жестокаго и грубого обращенія.

Въ случаѣ взаимныхъ споровъ народный судъ чаще становится на сторону жены и строго относится къ мужу. Даже народныя пѣсни говорить только о страданияхъ жены, выносимыхъ ею отъ мужа-пьяницы, но въ нихъ трудно найти такіе мотивы, въ которыхъ воспѣвалось-бы горе жены вслѣдствіе ея подчиненнаго положенія.

Положеніе женщины ухудшается тогда, когда она остается вдовой съ малолѣтними дѣтьми въ нераздѣленной семьѣ. Жизнь въ семьѣ мужа въ такомъ случаѣ оказывается весьма тѣсной. Иногда вдовы уходятъ съ дѣтьми въ семью своихъ родныхъ или къ родственникамъ; въ такомъ случаѣ родные мужа обязаны дать на „воспитаніе“ (такъ выражаются крестьяне) извѣстное количество свѣтныхъ припасовъ. Если же вдова остается въ семьѣ мужа, то она оказывается въ положеніи работницы. Престарѣлые члены семьи тоже находятся въ нѣсколько особомъ положеніи. Если отецъ становится очень старъ, заправляя хозяйствомъ самъ не можетъ, то веденіе хозяйства переходитъ въ руки старшаго сына. Иногда въ такихъ случаяхъ происходятъ раздѣлы сыновей. Престарѣлый отецъ, чтобы предотвратить раздоры въ семьѣ послѣ своей смерти, самъ дѣлитъ ихъ. Въ такомъ случаѣ онъ выстраиваетъ отдѣльныя избы для старшихъ сыновей, а младшій остается въ отцовской избѣ. Съ младшимъ обыкновенно поселяется и отецъ. Этотъ переходъ отца къ младшему изъ сыновей имѣетъ значеніе не только потому, что младшій менѣе опытенъ въ хозяйствѣ, но также и по слѣдующей причинѣ. Отецъ при дѣлѣжѣ земли между сыновьями оставляетъ небольшой клочекъ себѣ; эту землю пашетъ тотъ изъ сыновей, у котораго живетъ отецъ, а послѣ смерти отца эта земля поступаетъ въ раздѣлъ между сыновьями. Неудивительно поэтому, что иногда раздѣленные сыновья спорятъ о томъ, у кого долженъ жить отецъ. Одинъ изъ изслѣдователей обычнаго права передаетъ любопытный судебный процессъ, разбиравшійся волостнымъ судомъ: старшіе сыновья силою отняли отца у младшаго сына.

Обзоръ семейныхъ отношеній будетъ не полонъ, если не коснуться вопроса о возвращеніи бѣлорусса на бракъ. Уже изъ многого, что говорилось раньше, можно было заключить, что семейныя отношенія въ Бѣлоруссіи проникаетъ одно связующее начало. Этимъ началомъ является трудъ, полагаемый каждымъ членомъ семьи. Это особенно рельефно видѣется при образованіи сложной сдольнической семьи. Въ самомъ дѣлѣ сдольники получаютъ право на землю въ той семьѣ, въ которой онъ былъ принятъ. Въ такое-же отношеніе вступаютъ къ семьѣ тестъ примака. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, очевидно, въ основу принимается тотъ трудъ, который приносятъ съ собою эти члены семьи. Общій колоритъ старинныхъ семейныхъ отношеній также держится на общемъ трудѣ. Родственныя отношенія какъ-бы затушевываются этимъ трудовымъ началомъ, гос-

подствующимъ въ семьѣ. То-же начало выступаетъ и во взглядѣ бѣлоруссовъ на бракъ.

Соображенія экономическаго характера имѣютъ первенствующее значеніе при заключеніи браковъ въ семьяхъ стариннаго покроя. Какъ парень, такъ и дѣвушка въ большой семьѣ подчиняются тому выбору, который дѣлаютъ старшіе. Суть вопроса заключается или въ привлеченіи въ семью новаго работника, или въ томъ, что семья должна лишиться рабочихъ рукъ. Поэтому всегда торопятся съ женитьбой старшаго сына для того, чтобы привлечь въ семью работнику-молодуху; напротивъ, старшую дочь стараются придержать годъ-другой въ домѣ, чтобы воспользоваться ея работой. Не менѣе важны и другія соображенія, когда, напр., при обилии дочерей въ семьѣ нужно подыскать примака, или когда при малоземельѣ надо отдать сына въ прѣимы и т. д. Все это очень важныя соображенія въ крестьянскомъ быту. Тѣ-же соображенія побуждаютъ иногда родителей заключать договоръ относительно брака малолѣтнихъ дѣтей. Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ вопросъ о приданомъ въ крестьянскомъ быту не играетъ никакой роли: дѣло идетъ только о рабочихъ рукахъ. Дѣло въ томъ, что приданое бываетъ очень незначительно; приданое въ видѣ денегъ — новшество, практикуемое только у богатыхъ крестьянъ. Обычное-же приданое крестьянской невесты заключается въ „дубляхъ“, наполненныхъ платками, холстомъ, да въ нѣсколькихъ штукъ скота. Но при этомъ „выправка“, „посагъ“ составляетъ собственность невестки, на которую семья мужа не имѣетъ правъ. Вотъ почему приданое не играетъ роли при заключеніи брака. Если вы поговорите со стариками и старухами, то они вамъ скажутъ, что и красота невесты мало нужна для хозяйства, куда требуются только хорошія рабочія руки.

Правда, молодое поколѣніе уже сильно возмущается противъ такого взгляда, и среди него личныя симпатіи начинаютъ получать преобладающее значеніе. Это особенно замѣтно въ малыхъ семьяхъ, гдѣ весь семейный режимъ не столь суровъ, не столь скованъ традиціонными взглядами.

Съ точки зрѣнія народныхъ юридическихъ взглядовъ бракъ обставляется слѣдующими формальностями. Послѣ сватовства происходитъ договоръ, такъ называемыя вторыя и третья „запоины“. Уже послѣ сватовства отказъ считается безславіемъ для той стороны, которая его получила. Отказъ послѣ запоинъ имѣетъ еще и другую сторону: отказавшаяся сторона должна возмѣстить убытки, понесенныя другой стороной; убытки эти заключаются какъ въ расходахъ на угощеніе, такъ и въ потерѣ рабочаго времени. Въ глазахъ крестьянъ актомъ, закрѣпляющимъ брачную сдѣлку, является вся процедура свадебнаго ритуала. Церковное вѣчаніе является такимъ образомъ недостаточнымъ. Среди бѣлорусскихъ крестьянъ едва-ли существуетъ понятіе о формальномъ разводѣ, но зато прак-

тика жизни выработала развод без посредства церкви: неполадившие супруги просто расходятся. Тут возникает только вопрос имущественный. Если обе стороны расходятся добровольно, то жена забирает свое приданое, внесенное ею в дом мужа, а муж-примак забирает свое имущество, с которым он явился в дом тестя или вдовы. Если же одна из сторон оставляет другую, то последняя считает себя в праве удержать имущество первой. Оттого в случае споров в волостном суде судья старается установить, кто кого из супругов "прогнал".

Таков строй семейных отношений среди белорусского крестьянства. В эти отношения, как мы нераз видѣли, проникает объединяющее начало, регулирующее их, именно труд. Крестьянская семья проникнута трудовым началом. Это представляется особенно ясным там, где труд прилагается к землѣ. Сама земля для белоруса имѣет значение по столько, по сколько к ней прилагается труд пахаря. Оттого мы и встрѣчаем такой взгляд в народном обычном правѣ, что право на землю признается за лицом, приложившим к ней свой труд. Отсюда в народном представлении вытекает право на землю сдольника, примака; отсюда же согласно тому же взгляду, в прежнее время отставные солдаты лишались своего права на часть надѣла, так как долгое время отсутствовали и не прилагали в семьѣ труда к землѣ. Таким образом это народное пониманіе труда и его права на поземельную собственность резко отличается от понятія о собственности, установившагося в культурных слоях.

Бѣлорусская деревня, по своимъ понятіямъ, по общему колориту жизни, далеко в настоящее время не является однородной. В однихъ мѣстностяхъ господствуютъ старые обычаи, традиціонные взгляды, в другихъ вырабатываются новыя жизненныя условія. Это разнообразіе замѣтно не только в области юридическѣхъ понятій, но оно резко бросается в глаза даже при бѣгломъ взглядѣ на вѣшнюю обстановку жизни крестьянина. Типъ стараго хозяина — настоящаго „жихира“ — очень не похожъ на типъ хозяина, уже подвергшагося вліянію городской культуры. Изба и дворъ „старожитаго жихира“ отличаются прежде всего консервативной вѣшностью: вся обстановка представляетъ собою дѣло рукъ членовъ семьи. Такое поновѣденіе, какъ керосинъ, самоваръ, незнакомы въ подобной семьѣ. Приемы хозяйства тоже чисто дѣдовскіе. Такой „богатырь“ уклоняется отъ дѣятельности на сходахъ, отъ выборныхъ должностей. Зная цѣну рабочихъ рукъ в семьѣ, подобный крестьянинъ является рѣзкимъ противникомъ раздѣловъ. Онъ не видитъ и большой пользы въ грамотности. Соха и грамота для него являются несовмѣстимыми. Оттого неудивительно, что народная школа в глухихъ

уголкахъ Бѣлоруссіи далеко еще не получила права гражданства. Учителямъ иногда съ трудомъ приходится собирать школьниковъ. Собираніе ихъ дѣлается при посредствѣ волостныхъ правленій и сельскихъ старостъ. Вотъ, напр., какія трудности приходилось преодолѣвать школьнымъ дѣтелямъ въ одномъ изъ такихъ глухихъ уголковъ. Дѣло касается Мухомовской волости Рѣчицкаго уѣзда, занимающей глухой юго-восточный уголокъ Заприпетскаго Полесья: „Трудность собиранія мальчиковъ въ школу“, замѣчаетъ въ 1890 году одинъ изъ наблюдателей (Довнаръ-Запольскій¹⁾), „доходить до того, что уже записавшихся учениковъ приходится ловить. Вотъ какія, напр., затрудненія встрѣчалъ въ этомъ дѣлѣ настоятель одной изъ мѣстныхъ церквей, прослужившій одновременно лѣтъ около пятнадцати въ качествѣ народнаго учителя въ своемъ же приходѣ. Такъ какъ школы обслуживаютъ здѣсь болѣе или менѣе обширные районы, то въ его школьный округъ было причислено три деревни, изъ которыхъ ближайшая отстояла на 8 верстъ, а самая дальняя — верстъ на 10—12. По установившемуся почти во всей губернной обичаю, при народныхъ школахъ утверждены интернаты для учениковъ изъ сѣлскихъ деревень. Староста собираетъ съ деревни нужное число продуктовъ для учениковъ, проживающихъ въ школѣ, и свозитъ ихъ туда. Но изъ интерната собранные поневолѣ мальчики нерѣдко самовольно уходятъ къ родителямъ, которые со своей стороны покровительствуютъ блудцамъ; или же, отправившись на праздникъ домой, ученики не приходятъ по нѣскольку недѣль, пока волость не вытребуетъ ихъ черезъ старосту. Для предотвращенія такихъ побѣговъ почтенному настоятелю пришлось прибѣгать къ такимъ мѣрамъ: онъ отпускалъ учениковъ только на двухдневные праздники, но на второй праздничный день къ вечеру самъ отпраивался въ деревню и забиралъ съ собою своихъ школьниковъ. Онъ передавалъ мнѣ, что кромѣ постоянныхъ просьбъ, особенно матерей, не забирая отъ нихъ дѣтей, ему нѣсколько разъ приходилось наталкиваться на такую сцену: мать ложится на порогъ избы, проситъ его не забирать сына и такимъ образомъ загораживаетъ входъ. Даже угрозы не допустить къ причастію оказывались неэффективными. Какія трудности приходилось испытывать учителю, занимавшему одновременно авторитетное положеніе священника; каково же обыкновенному учителю? По описанный типъ стариннаго крестьянина, равно какъ и его враждебное отношеніе къ школѣ, постепенно смѣняются. Въ деревенской средѣ трудно уже встрѣтить и иной типъ крестьянскаго „богатыря“. Это чело-вѣкъ, не чуждающийся никакихъ новшествъ, самъ грамотный или, если самъ неграмотенъ, то во всякомъ случаѣ понимающій значеніе школы.

1) Замѣтка относится къ 1890 г.

Въ настоящее время жизнь белорусскаго села быстро измѣняется, потребности въ образованіи растутъ, печальныя явленія описанныя выше, съ каждымъ десятилѣтіемъ отходятъ въ область преданій.

Жизнь деревни измѣняется, перерабатывается подъ вліяніемъ двухъ условій: общаго роста культуры и экономическихъ условій. Вообще говоря, белорусы въ моментъ освобожденія крестьянъ были поставлены въ довольно благоприятныя условія, такъ какъ размеры наѣловъ можно признать вполне достаточными, даже при не вездѣ благоприятной почвѣ. Но теперь наѣльная земля оказывается уже не всегда достаточной. Бѣлорусъ прежде всего пахарь. Разъ онъ чувствуетъ недостатокъ въ землѣ, онъ теряется, не умѣя выйти изъ затруднительнаго положенія. По натурѣ довольно пассивный, бѣлорусъ не отличается предпримчивостью. Это большой недостатокъ его характера, сложившійся вѣками, подъ вліяніемъ крупнаго права и того, что области торговли и ремесла всегда были для него недоступны вследствие конкуренціи такого промышленнаго и бойкаго элемента, какъ евреи. Очень возможно, что уменьшеніе земли, при неподготовленности и отсутствіи предпримчивости, во многомъ способствовало усиленію пагубнаго порока — пьянства, и безъ того сильно развитаго среди населенія. Пьянство укоренилось здѣсь вѣками. Уже писатели XVI в. были поражены необыкновеннымъ развитіемъ этого порока въ средѣ западно-русскаго населенія: „здѣсь всѣ пьютъ“, рассказываетъ одинъ изъ нихъ (Михалонъ Литвинъ), „пьютъ мужичины, женщины и дѣти, пьютъ въ праздничное и рабочее время“. Какъ это ни печально, но надо сознаться, что пьянство среди бѣлорусовъ не уменьшилось съ теченіемъ времени. Трудно указать хоть одного наблюдателя, случайно или понапавшаго въ Бѣлорусію, или живущаго въ ней постоянно, который не обратилъ бы вниманія на этотъ порокъ. Вотъ напр., въ какихъ мрачныхъ краскахъ описываетъ одинъ этнографъ (г. Инчукъ) этотъ порокъ: „Водка и пьянство—вотъ второе, послѣ невѣжества, несчастіе бѣлоруса, его разорит! И всѣ, кому только нужно, съ полнымъ успѣхомъ пользуются этой губельной слабостью бѣлоруса для своихъ цѣлей. Одна-другая чарка водки, которою деревенскій факторъ охотно угощаетъ своего сосѣда-крестьянина въ счетъ будущей уплаты, дѣлаетъ то, что нерѣдко часть крестьянскаго хлѣба еще на корню давно продана еврею, или принадлежать ему какъ плата за выпитую водку и другіе долги“. И далѣе авторъ описываетъ печальныя сцены, которыя къ сожалѣнію, хорошо знакомы всякому наблюдателю бѣлорусской жизни: стоитъ подъ вечеръ заглянуть въ базарный или ярмарочный день на базаръ любого мѣстечка или городка, чтобы убѣдиться въ поголовномъ опьяненіи деревенскаго люда, привезшаго для продажи часто послѣднія крохи; стоитъ выйти на дорогу, ведущую изъ мѣстечка, чтобы увидѣть поголовное движеніе пьянаго люда.

Пьянство, быть можетъ, единственная черта, которая съ невыгодной стороны характеризуетъ бѣлорусскаго крестьянина. Въ общемъ же онъ отличается многими весьма симпатичными чертами. Бѣлорусъ отличается бережливостью, почти скупостью, расчетливостью выдержкой, которая такъ мало гармонируетъ съ его физической хилостью. Оттого бѣлоруссы—прекрасные рабочіе на такихъ трудныхъ работахъ, какъ гонка плотовъ, баржъ, при земляныхъ и мостовыхъ работахъ. Бѣлорусъ отличается гостеприимствомъ, склонностью къ веселію и довѣрчивостью, хотя ее можно и не сразу списать. Отсутствіе злонамянности въ бѣлорусѣ рѣзко бросается въ глаза всякому, кто съ нимъ сталкивается. Вообще онъ обладаетъ кроткой натурой. Весьма возможно, что эта черта, плохо понятая поверхностными наблюдателями, создала легенду о приниженности, заботистости бѣлоруса. Это мнѣніе широко распространено, но оно далеко не справедливо. Вотъ, напр., впечатлѣніе, вынесенное безпристрастными наблюдателями. „Хотячія представленія о типѣ бѣлорусскаго крестьянина“, говоритъ г. Грузинскій, „рисуетъ онъ неказистымъ... тѣлеснымъ и придаленнымъ тяжелой жизнью въ болотистомъ, бѣдномъ краю. Мои личныя впечатлѣнія были не таковы. Я увидѣлъ бѣлоруса крупнаго сложения, хотя и худощавымъ... Но главное, я не замѣтилъ и слѣда угнетенности, заботистости. Манера держать себя и говорить, дѣйствительно, отличалась отъ великорусской своей медленностью, сдержанностью, но въ ней видѣлась скорѣе степенная важность, я бы сказалъ, задумчивость, не лишенная достоинства. Выразительныя фізіономіи встрѣчаются очень часто, среди женщинъ и дѣвушекъ много прямо красивыхъ лицъ“. Эта характеристика особенно важна, потому что это наблюденіе заѣзжаго москвича. Но, спрашивается, почему же создалось сдѣлалось ходячимъ мнѣніе: общае невыгодное представленіе о бѣлорусѣ? Это объясняется вотъ чѣмъ: въ 60-хъ годахъ русскіе публицисты изъ всѣхъ силъ старались представить бѣлоруссовъ самымъ несчастнымъ, самымъ угнетеннымъ народомъ въ мірѣ для того, чтобы показать, какъ тяжело отразилось въ краѣ господство польскихъ помѣщиковъ и евреевъ. Публицисты тогда наговорили много недѣлаго, много и вѣрнаго, забывая, что крупное право окрѣплялось русскими законами, что оно едва-ли легче было и въ Великорусіи и что вездѣ оно имѣло тяжелыя послѣдствія. Теперь пора уже русскому обществу отыскать отъ этихъ предрассудковъ.

При отсутствіи предпримчивости бѣлорусъ однако отличается сильнымъ развитіемъ воображенія и впечатлительностью. Онъ охотно уходитъ въ міръ мечтаній, воображенія. Стоитъ прислушаться къ разговорамъ деревенскихъ парней, когда они събѣдуются на ночлегъ для пастьбы лошадей: разгоряченные лица цѣлую ночь ведутъ бесѣду о всевозможныхъ

ужасах, говорить о самых фантастических, недоступных их пониманию предметах. Полет фантазии необыкновенный! И чего только не перескажет собеседнику рыболов, тихо скользящий на своей лодочке-дугеубке в почной тиши по серебристой глади рѣки: каждый кустъ въ его воображеніи живетъ таинственной жизнью. Мельникъ въ тиши наступающего вечера сообщить вамъ съ увѣренностью рассказъ о жизни духовъ, населяющихъ его запруду, и т. д. Этотъ міръ, міръ фантазій, отличивъ въ представленіи бѣлорусса, въ его сказкахъ, пѣсняхъ, обрядахъ. Эта старина въ бѣлорусскій очень интересна, и къ ней мы сейчасъ перейдемъ.

Духовная жизнь бѣлорусса имѣетъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ для наблюдателя проявленій. На мировоззрѣніи бѣлорусса отразились слѣды отдаленнаго прошлаго. Повсемѣстно въ Россіи еще сохраняются въ большей или меньшей степени слѣды языческихъ культовъ и вѣрованій. Но бѣлоруссу въ этомъ отношеніи бесспорно принадлежать первенство. Это и въ настоящее время еще страна, о которой можно сказать словами поэта: „тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ, русалка на вѣтвяхъ сидитъ“. Природа Бѣлоруссіи съ ея болотами и лѣсами положила свой отпечатокъ на его мировоззрѣніе. Историческія условія, заключавшіяся въ отчужденіи сельскихъ классовъ населенія отъ болѣе культурныхъ, способствовали укрѣпленію въ массѣ различныхъ суевѣрій, придали имъ живучесть: эти условія, по существу, въ извѣстной мѣрѣ дѣйствуютъ и въ настоящее время, такъ какъ школа, церковь и больница далеко еще не получили повсемѣстнаго распространенія.

Въ воззрѣніяхъ бѣлорусса нетрудно найти слѣды древнѣйшихъ языческихъ вѣрованій, выражающихся въ фетишизмѣ. Такъ прежде всего истрѣбляются остатки культа *огня*. При переходѣ въ новое жилище бѣлорусъ переноситъ изъ стараго огня съ очага; безъ этого нельзя ожидать прежняго довольства. Ни одинъ бѣлорусъ не плюнетъ въ огонь, боясь получить „вогникъ“ (накожная болѣзнь, при которой лицо покрывается струпами). Въ глухихъ мѣстахъ въ каждой семьѣ стараются подержать свой огонь, тщательно загребая уголья въ печурку. Домашній огонь одолажаютъ весьма неохотно, а въ извѣстные дни, въ праздники, во время нѣкоторыхъ сельскихъ работъ, хозяйка ни за что не одолжитъ огня изъ домашняго очага сосѣдѣ, такъ какъ вѣрить, что за огнемъ можетъ уйти домашнее благосостояніе. Во многихъ мѣстностяхъ Бобруйскаго уѣзда на Рожиной недѣлѣ справляютъ женитьбу „кѣмина“. Обрядъ очень напоминаетъ жертвоприношеніе огню. Къ этому времени кѣминъ бѣлятъ, украшаютъ зеленью и въ зажженный на немъ огонь бросаютъ кусочки сала и масла. *Вода* тоже составляетъ предметъ почитанія, въ особенности ключевая. Нѣкоторые источники пользуются особымъ почи-

таніемъ. О многихъ изъ нихъ рассказываютъ, какъ о такихъ, вода которыхъ излѣчиваетъ тѣ или иные болѣзни. Почитаніе ключей и колодезь даетъ начало такъ называемымъ „прощамъ“. Проща — это ключъ или колодезь обыкновенно гдѣ-нибудь въ лѣсу или надъ болотомъ. Сдѣлавшись почему-либо предметомъ почитанія, такое мѣсто привлекаетъ къ себѣ многихъ поклонниковъ, каждый изъ которыхъ оставляетъ на прощѣ свое послѣднее приношеніе — полотенце, пачму льна; дѣвушки кладутъ ленточки, или обвязываютъ ими срубъ колодца; деньги бросаютъ обыкновенно въ воду. Въ такихъ мѣстахъ вскорѣ появляется крестьяне, ставятъ иконы, выстраиваютъ часовенку и приглашаютъ въ извѣстные дни духовенство служить молебень. Всѣ приношенія, дѣлаемые прощѣ, поступаютъ въслѣдствіе этого въ пользу причта ближайшей церкви. *Камни* тоже составляютъ предметъ почитанія. Такимъ почитаніемъ пользуются обыкновенно камни, отличающиеся величиной и какими-нибудь особенностями, въ которыхъ крестьяне распознаютъ или человѣческую фигуру, или слѣды человѣческой ноги. Бѣлоруссы вѣрятъ, что такіе камни иногда обладаютъ сверхъестественными свойствами. Въ Могилевской губерніи рассказываютъ о камняхъ-кравцахъ (кравецъ — портной): стѣбитъ положить съ вечера на этотъ камень сукно и сказать ему, что надо сшить, а къ утру одежда будетъ уже готова. Нѣкоторые камни используются почитаніемъ и привлекаютъ къ себѣ поклонниковъ. Въ Игуменскомъ уѣздѣ близъ села *Пережиря* находится два камня на разстояніи другъ отъ друга около ста сажень; одинъ изъ нихъ называется *Демьянъ*, другой — *Марья*. Еще въ недавнее время на поклоненіе къ этимъ камнямъ стекался людъ изъ отдаленныхъ мѣстностей, потому что ходили слухи о многихъ исцѣленіяхъ. Весьма понятно, что согласно основному складу жизни бѣлоруссы съ особеннымъ почтеніемъ относятся къ *землѣ* и къ ея производительнымъ силамъ. При переселеніяхъ крестьяне берутъ съ собою узелокъ земли „для здоровья спользительна. Переѣдешь въ другую сторонушку чужую — тамъ иные климаты, тамъ и вода для нашего брата большую уграду можетъ дѣлать, а какъ всыпать родной земелки въ воду, такъ никакая земля тебѣ ничемъ“ — объясняютъ смоленскіе мужики. Отсюда происходитъ и почитаніе *лабды*. Крошить хлѣбъ, сорить имъ — большой грѣхъ: всякую крошку хлѣба, упавшую на полъ, слѣдуетъ непременно поднять. Во всѣхъ бѣлорусскихъ обрядахъ хлѣбъ въ разныхъ видахъ играетъ весьма почетную роль, и во всѣхъ этихъ обрядахъ сказывается почитаніе хлѣба, какъ символа производительной силы земли. Таковы, напр., обряды, выполняемые во время рождественскихъ святокъ, и въ особенности свадебный ритуалъ. Центральнымъ моментомъ свадебнаго обряда является печеніе каравая; пѣсни, которыя поются въ это время, выполняемые тогда-же обряды, наконецъ изобра-

жения из тѣста, дѣлаемые на каравай, ясно указываютъ на то, что онъ является символомъ плодородія. Въ этомъ-же смыслѣ въ белорусскомъ быту есть множество обрядовъ, связанныхъ съ культомъ солнца и солнечныхъ божествъ.

Культъ *предковъ* оставилъ также весьма разнообразныя слѣды въ мировоззрѣніи белоруссовъ. Этотъ культъ наиболее рельефнымъ образомъ выразился въ почитаніи домового. Разказами о домовомъ, объ его палатахъ еще полно белорусское село. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей передаетъ разсказъ крестьянина, который самъ будто-бы былъ очевидцемъ, какъ домовый являлся на „дзбды“ во время общаго ужина. Домового нетрудно видѣть; для этого, напр., слѣдуетъ на вечернѣ въ церкви взять зажженую свѣчу, принести ее горящею же домой и подняться съ нею на чердакъ. Тутъ будетъ лежать домовый въ видѣ собаки или голаго человѣка; надо прикрыть домового и, когда онъ спроситъ, что нужно, чистосердечно изложить ему свои нужды. Онъ постарается удовлетворить ихъ. По нѣкоторымъ указаніямъ, домовый живетъ подъ печкой, отчего онъ называется также *подпечникомъ*. Домового также называютъ *хатникомъ* или *господаремъ*. Этотъ господинъ требуетъ къ себѣ почитенія. Чтобы снискать благоволеніе домового, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при закладкѣ новаго дома отрѣзываютъ пѣтуху голову и кладутъ ее подъ угловой камень. Во время „дзядоу“ для домового отливаютъ часть пиши. Если семья живетъ въ мирѣ съ „господаремъ“, то онъ вообще бываетъ для нея полезенъ, предупреждая объ угрожающемъ несчастіи, и вообще можетъ быть весьма полезнымъ. Передъ крупной бѣдой домовый въ полночь плачетъ и стонетъ. Когда нужно умиловать домового, прибѣгаютъ къ его содѣйствію, во время домашней бѣды ему дѣлаютъ „относы“ — краху хлѣба съ солью, завязанной въ тряпочку; „относъ“ кладутъ на ворота, подъ повьѣ, въ какую-нибудь печку, печурку. „Относы“ домовымъ дѣлаются и въ нѣкоторые праздники. Хозяинъ, принеся „относы“, становится на колѣни и обращается съ молитвой къ домовому. Вотъ, напр., такая молитва, записанная въ Смоленской губ.: „Хозяинъ-батюшка, частный домовый! Хозяюшка-матушка, частная домовая! Вотъ я вамъ хлѣбъ-соль принесъ — примите. Можить іонъ сказалъ глупыя слова, можить іонъ (больной) насъ унизиу, можить іонъ призвеу нечистоту у хлѣва. Прастия яму! Примите хлѣбъ-соль и бирагитя статокъ и надворья“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ домовыхъ приглашаютъ во время заговѣвъ и поминальной вечера къ общему столу: „Царь-домовой, царца-домовица, съ малыми дѣтками милости просимъ съ нами заговлять“. Вообще вся усадьба въ представленіяхъ белорусса является мѣстопробываніемъ различныхъ духовъ. Такъ, въ хлѣвахъ и конюшняхъ живетъ *хлятникъ*; это тотъ-же домовый, но живущій въ сараѣ. Если хозяинъ или хозяйка не умѣютъ съ нимъ ладить, то онъ можетъ принести много бѣдъ: заѣздить лошадей,

отнять молоко у коровъ и т. д. Въ банѣ живетъ особый духъ — *баникъ*. На гумнѣ — *гуменикъ*, *свинокъ* (въ олинѣ), или *осетникъ*. Для знакомаго хозяина свинокъ очень полезенъ. Онъ подметаетъ гумно, отъ него зависяетъ увеличить количество вымолота изъ сноповъ и т. д. Всѣ свои работы услѣдственные духи дѣлаютъ по ночамъ и скрываются, какъ только запоетъ пѣтухъ.

Усадьбные духи, если и поминаются иногда, то въ общемъ отличаются благорасположеніемъ къ хозяину. Но за чертой усадьбной осѣдлости уже начинается дѣятельность злыхъ духовъ, съ которыми трудно ладить крестьянину. Глухой лѣсъ, мрачный въ плохую погоду, рвущій и стонущій во время бури, является мѣстопробываніемъ *лысовика*. Это ужасное существо, громаднаго роста, съ необычайно сильнымъ голосомъ и съ ярко-блещущими глазами. Человѣкъ боится встрѣчи съ лѣсовникомъ, такъ какъ онъ или напугаетъ, или даже задушитъ. Иногда лѣсовникъ не позволяетъ даже вѣтхать въ лѣсъ: остановится при встрѣчѣ съ нимъ лошадь, да такъ и стоитъ до разсвѣта. Лѣсовника можно замѣтить въ лѣсу по громадной тѣни. Лѣсовникъ кричитъ, какъ ночныя птицы, воетъ, какъ звѣри, или плачетъ, какъ ребенокъ. У лѣсныхъ есть жены; это души загубленныхъ лѣсными дѣвушекъ, которые прокляты были родителями, или подняли на нихъ руку; онѣ „хитаются“, то есть качаются на вѣтвяхъ деревьевъ. Лѣсовника иногда вступаютъ въ сношенія съ людьми.

Водяникъ живетъ въ рѣкахъ и озерахъ, въ особенности возлѣ мельницъ подъ шлюзами и въ омутѣхъ рѣкъ. Водяные похищаютъ людей, понавившихся имъ. Похищенные водянымъ мужчины становятся такими-же водяными, а женщины — русалками. Мельники, по общераспространенному мнѣнію, водятся съ водяными. Водяной — царь надъ водой и рыбой. Его нѣкоторые даже видѣли; онъ „кашлатый“ (косматый), съ большой бородой и зелеными волосами. Водяной однако не все время живетъ въ водѣ, такъ какъ его гоняетъ Богъ. Такъ, до Крещенія водяной сидитъ въ водѣ, а потомъ переходитъ въ лозу, отчего и называется лозовикомъ, потомъ онъ переходитъ на сушу, въ прибрежную траву и только послѣ Спаса снова попадетъ въ воду.

И лѣшій и водяной — все это разновидности нечистой силы. Вообще нечистая сила представляется белоруссамъ въ самыхъ разнообразныхъ и очень рельефныхъ видахъ. Что-бы не предпринимать белоруссъ, куда-бы онъ не отправлялся, вездѣ и всегда онъ долженъ опасаться присутствія невѣдомой для него, но страшной силы. Представителями ея являются „начисники“, черти. Белоруссы очень хорошо знакомы съ чортомъ, знаютъ доподлинно всѣ проявленія его дѣятельности и способы борьбы съ нимъ. Белорусскія представленія не знаютъ величественнаго образа сатаны; белорусскій чортъ вообще мелкобравчатый. По возвращенію белорусса, на дѣгъ неприступной трисины възсѣдаетъ старшій чортъ и оттуда разсылаетъ под-

власных ему чертей дѣлать зло людям. Черти живутъ въ болотѣ, и въ каждомъ болотѣ есть свой старшій чортъ и подчиненные ему младшіе. Чортъ имѣетъ тѣлесный образъ: съ виду онъ черный, косматый, на головѣ имѣетъ два небольшихъ рожка, на ногахъ и рукахъ — острые когти, сади — хвостъ. Впрочемъ чортъ можетъ принимать всевозможные виды. Чорта не трудно увидѣть; стоитъ, напр., во время сильнаго вихря плынуть три раза и сказать: „чортъ, чортъ, покажи хвостъ“; тогда можно замѣтить вертичагося и произвождащаго вихрь „начискака“. Черти женятся, имѣютъ дѣтей и живутъ семьями. Когда подымается вихрь, бѣлорусъ убѣжденъ, что это ѣдетъ чортова свадьба. Черти живутъ обществами, любятъ сходбища и музыку. Чортъ не прочь также вступить въ связь и съ женщиной, но отъ такой связи рождаются разные уроды. Чортъ все дѣлаетъ для того, чтобы получить душу человѣка. Дѣлаетъ это онъ при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Въ первомъ чортъ сидитъ на окнѣ и записываетъ смѣшанныхъ и разговаривающихъ; записи ведутся на воловьей шкурѣ. Чортъ иногда является человѣку въ разныхъ видахъ и не прочь подшутить надъ нимъ. Впрочемъ совсѣлительный мужикъ можетъ пугать чорта и самъ надъ нимъ посмѣяться. Вотъ какой, напр., по этому поводу передаютъ рассказъ. Одинъ путникъ разложивъ надъ болотомъ огонь и сталъ на немъ поджаривать на веретелѣ сало; поджарить сало, помажетъ имъ хлѣбъ и ѣсть. Выскочилъ чортъ изъ болота, поймалъ лягушку и сталъ ее поджаривать: поджарить лягушку и смажетъ ею хлѣбъ путника. Последній рассердился и сунулъ чорту сало въ зубы такъ, что у чорта зубъ выпалъ. Отъ страха чортъ бросился въ болото, но „старшій“ прогналъ его изъ болота. Вышелъ чортъ на берегъ и началъ страдать путника: будетъ тебѣ за то, что ты у меня зубы повывалъ. Но человѣкъ пригрозилъ, что отъ него всѣмъ чертямъ хорошенько достанется. Побѣждалъ чертенокъ въ болото, рассказать объ угрозахъ „старшему“, но тотъ приказалъ чорту примириться съ путникомъ. Чортъ не помирился, ушелъ изъ болота поселился подъ мельницей и сталъ портить станъ.

Вообще бѣлорусъ олицетворяетъ всякую бѣду, всякое несчастье. Оттого и болѣзни онъ представляетъ себѣ въ видѣ злыхъ существъ, духовъ, которые вселяются въ человѣка. Такъ, *побой* (параличъ) производятъ тотъ духъ, который кружится въ вихрѣ. *Лихорадка*, столь обычная въ бѣлорусскомъ Полѣсьѣ, представляется бѣлорусу въ образѣ злой, безобразной старухи. Тетка-лихорадка выходитъ весной изъ-подъ земли и шатается повсюду, пока не наткнется на кого-нибудь, спящаго на весеннемъ солнышкѣ. Она подкрадывается къ спящему, плѣдуетъ его и тогда уже не разстается съ нимъ. Оттого бѣлорусы избѣгаютъ весной спать на открытомъ воздухѣ. Лихорадку можно выгнать изъ человѣка такими средствами, которыхъ она не любитъ. Для этого, напр., даютъ пить настой изъ полыни; есть и на-

ружное средство отъ лихорадки: напр., посятъ на шеѣ осыященное пасхальное яйцо, пока оно не высохнетъ. Лихорадку и другія болѣзни, можно обмануть. Про одного больного рассказываютъ, что онъ, ожидая въ урочный часъ свою неотвязчивую гостью, притворился умершимъ, легъ подъ образомъ, роднымъ приказалъ плакать и причитать; пришла лихорадка, повѣрила и ушла. Лихорадку можно иногда и испугать, напр., ружейнымъ выстрѣломъ надъ больнымъ, такъ какъ лихорадка большая трусиха. Другія болѣзни тоже поражаютъ человѣка, являясь въ видѣ духовъ. Въ особенности много рассказовъ ходитъ о холерѣ. Холера является въ село въ образѣ женщины, мужчины или черной коровы. Рассказываютъ, что когда въ одномъ селѣ люди начали умирать отъ холеры, то крестьяне сосѣдняго села рѣшили не пустить къ себѣ непрощенную гостью и устроили караулъ. Разъ ночью караульщики увидѣли, что изъ пораженного болѣзью села пробирается черная корова. Крестьяне убили ее, и съ тѣхъ поръ болѣзнь прекратилась во всей округѣ. Вообще о холерѣ ходитъ очень много самыхъ разнообразныхъ рассказовъ.

Смерть въ воображеніи бѣлоруса также представляется въ видѣ особаго существа. Смерть „душитъ людей“; однако она поражаетъ не тѣхъ, кого хочетъ, но того, кого назначаетъ Богъ. Есть множество примѣтъ, по которымъ можно узнать приближеніе смерти. Напр., станетъ трещать непогашенная печь съ лѣвой стороны — умереть хозяйка, затрещитъ съ правой — умереть хозяинъ; запоетъ курица цѣлухомъ — непременно въ домѣ долженъ быть покойникъ. Бѣлорусы не имѣютъ сколько-нибудь отчетливаго представленія о загробной жизни, но зато они знаютъ много рассказовъ о мертвецахъ и ихъ явленіяхъ живымъ людямъ. Тѣло покойника, находясь въ землѣ, по представленію бѣлоруса, сохраняетъ свою чувственность. Поэтому не слѣдуетъ ложиться на могилу оттого, что можно придавить покойника и нарушить его покой. Не слѣдуетъ также разворать могилы, потому что покойники будутъ являться во снѣ и требовать, чтобы разрозненные части ихъ скелета снова были сложены вмѣстѣ. Если умершему на томъ свѣтѣ жинется плохо, то онъ является живымъ родственникамъ, чтобы тѣ оказали ему помощь, т. е. помолились бы за него. По покойникъ не слѣдуетъ много плакать, потому что покойникъ всюду носитъ съ собой выплаканные надъ нимъ слезы; не слѣдуетъ поэтому отгонять его ноши. Рассказываютъ, что одна мать очень плакала по своей дочери и хотѣла ее непременно видѣть. Ей посоветовали забраться въ церковь ночью въ день празднованія Всѣхъ Святыхъ. Ровно въ полночь мать увидѣла свою дочь, которая съ трудомъ тащила за собой полную бочку выплаканныхъ слезъ. Съ тѣхъ поръ мать перестала оплакивать дочь.

Пошленье обыкновеннаго мертвеца рѣдко приносятъ живымъ людямъ какое-нибудь несчастье: человѣкъ отдѣляется только испугомъ. Гораздо

страшнее появление съ того сѣла „вупора“; въ видѣ упыря приходятъ по ночамъ покойники, которые въ жизни занимались колдовствомъ. Тѣло такихъ покойниковъ не разлагается, почему и легко узнать упыря, если открыть его могилу. Появляясь по ночамъ въ домѣ, упыри причиняютъ зло людямъ. Иногда впрочемъ упыри являются по ночамъ къ себѣ домой и выполняютъ разныя домашнія работы. Чтобы избавиться отъ этихъ посѣщеній, надо вскрыть могилу упыря, отсѣчь ему голову, а въ спину вбить осиновый колы.

Говоря о различныхъ вѣрованіяхъ бѣлорусса, надо отмѣтить еще одно очень распространенное — вѣру въ оборотничество. Бѣлорусъ твердо убѣжденъ въ томъ, что человѣкъ можетъ превратиться въ какое-нибудь другое существо; есть „заклятые“ люди, которые обратились въ камни; колдуну могутъ прикидываться различными животными, но тверже всего и наиболѣе распространена вѣра въ превращение людей въ волковъ. Бѣлорусъ очень отчетливо представляетъ себѣ этого рода оборотничество, настолько отчетливо, что нетрудно встрѣтиться съ крестьянникомъ, который можетъ вамъ поразсказать о *вовулакахъ* со словъ какого-нибудь лица, будто-бы бывшаго оборотнемъ. Въ одномъ сборникѣ бѣлорусскихъ разсказовъ передается, напр., слѣдующій наивный разсказъ. Разсказчикъ-крестьянинъ говоритъ, что будто-бы лѣтъ пять тому назадъ онъ встрѣтился на дорогѣ, въ лѣсу со страшнымъ-престрашнымъ человѣкомъ, съ покосившимися глазами. Разсказчикъ спрашиваетъ его: „отчего ты, человѣче, такой „поврежденный“? — „Да, братъ, будешь „поврежденный“, когда нѣсколько лѣтъ побѣгаешь волкомъ.“ — „Да, развѣ ты былъ вовулакомъ?“ Спутники зашли въ сосѣдній кабачокъ и бывший оборотень разсказалъ о своемъ несчастіи.

Поссорился онъ со своей сосѣдкой, такъ какъ, укладывая крышу на свое гумно, бросилъ нечаянно въ сосѣдскій огорождъ нѣсколько сноповъ и поломать конопил. Поссорились изъ-за этого, поспорили, и сосѣдка пообѣщала за это отплатить. Черезъ недѣлю побѣжалъ разсказчикъ съ кумомъ на мельницу. На обратномъ пути стали пастись лошадей. Сдѣлалось ему тошно, нудно и захотѣлось непременно пролѣзть черезъ хомутъ. Пролѣзъ, сталъ волкомъ и побѣжалъ. Три года бѣгалъ волкомъ одинъ, а на четвертый былъ наконецъ принятъ волками въ ихъ сообщество и сталъ вмѣстѣ съ ними бѣгать. Разъ „апостолъ Юрій“ приказалъ имъ съѣсть рабочаго коня, такъ запахъ предназначеннаго животного слышенъ былъ волкамъ верстъ за сто. Бѣжали они за этимъ конемъ сто верстъ, а другихъ не трогали, потому-что не приказано было. Съѣли коня и такъ наѣлись, что цѣлую недѣлю бѣги не хотѣли. Въ другой разъ захотѣлось волкамъ ѣсть. Волки послали въ стадо разсказчика. Онъ подкрался и похитилъ поросенка. Вдругъ его окрикнулъ пастухъ: „эй ты, что-же ты взялъ безъ спросу?“ Такъ разсказчикъ и сталъ и ни съ мѣста, вокругъ него — яма. Волки кричатъ: „бросай да убѣ-

гай“. Пришелъ пастухъ и сказалъ: „кинь“. Разсказчикъ бросилъ, а пастухъ взялъ пугу (пастушескій кнутъ), перебилъ ее нѣсколько разъ и ударилъ его двѣнадцать разъ. Слѣла съ разсказчика волчья шкура, и онъ сдѣлался человѣкомъ, только „повраждонъ“ видомъ.

Въ этомъ наивномъ разсказѣ сосредоточена полная теорія бѣлорусса объ оборотничествѣ. Изъ него-же видно, что это суевѣріе поддерживается въ народнѣйшей средѣ проходимицами, которые за рюмку водки охотно выдаютъ себя за бывшихъ вовулаковъ.

Оборотничество бываетъ добровольное и недобровольное. Чаровникъ, если ему нужно, можетъ на время превратиться въ волка. Для этого колдунъ отыскиваетъ въ лѣсу осиновый пенъ, на которомъ при рубкѣ не положено крестнаго знаменія, хватаетъ зубами за его край и черезъ голову перекидываетъ на противоположную сторону пня. Иные прибѣгаютъ къ другимъ способамъ. Когда такому оборотню надо превратиться въ человѣка, онъ подходитъ къ тому мѣсту съ противоположной стороны и продѣлываетъ тоже самое. Но въ большинствѣ случаевъ оборотничество является слѣдствіемъ дурного человѣка-чаровника. Иногда-же оно происходитъ вслѣдствіе заклятія, произнесеннаго въ лихую годину. Чародѣй чаще всего прибѣгаетъ къ заклятію свадебнаго поѣзда, отчего сваты наблюдаютъ, чтобы не обидѣть къ заклятію свадебнаго поѣзда, отчего сваты наблюдаютъ, чтобы не обидѣть во время свадьбы сосѣднаго знахаря. Въ Бѣлоруссіи ходитъ много разсказовъ о превращеніи чародѣями цѣлыхъ свадебныхъ поѣздовъ. Превращенные въ вовулаковъ поѣзжане съ жалобнымъ воемъ спрыгиваютъ съ возовъ и убѣгаютъ въ сосѣдній лѣсъ. По однимъ разсказамъ, вовулаки живутъ и убиваютъ въ сосѣдній лѣсъ. По другимъ разсказамъ, вовулаки живутъ совсѣмъ по-волчьи, по другимъ, — избѣгаютъ мясной пищи, въ особенности несѣдобныхъ животныхъ. Утромъ они умываются, проводя мордой по росистой травѣ, и даже въ весеннюю пору разгребаютъ землю вслѣдствіе призывки къ пахотѣ. Оборотни всегда заговариваются на известное количество лѣтъ, и никто не обладаетъ ередствомъ сократить этотъ срокъ, даже самые сильные чародѣи. Тутъ можетъ помочь только случайность, напр., окрикъ какого-нибудь человѣка, произнесенный въ подходящее время, или же самъ вовулакъ случайно промгнетъ подъ дугой перваго экипажа того поѣзда, который былъ заговоренъ, и т. п.

Итакъ бѣлорусъ окруженъ множествомъ всевозможныхъ опасностей. Олицетворя болѣзни и всякое зло, представляя себѣ природу, населенную разнообразными духами, болѣею частью враждебно относящуюся къ человѣку, имѣя такихъ же духовъ въ собственной усадьбѣ и даже въ хатѣ, бѣлорусъ оказался-бы въ крайне затруднительномъ положеніи, если-бы онъ по многимъ признакамъ не предугадывалъ грядущаго несчастія, если-бы онъ не зналъ признаковъ дѣятельности того или другого духа, если-бы онъ наконецъ не умѣлъ заранѣе принять соотвѣствующихъ мѣръ. Но есть цѣлый рядъ способовъ предотвратить несчастіе, перехватить лѣшаго-чорта, ту

или иную болѣзнь и т. д. Тутъ главнымъ образомъ надо самымъ тщательнымъ образомъ слѣдить за всякаго рода примѣтами и остерегаться во-премь; если примѣты предвѣщаютъ какое-либо зло, надо распознать, отъ кого оно исходитъ. Если несчастье уже случилось, есть рядъ способовъ отъ него избавиться, но при этомъ опять-таки надо знать не только средства, но и виновника несчастья.

Бѣлорусъ очень суеверенъ и обладаетъ очень обширнымъ и сложнымъ кодексомъ примѣтъ и средствъ для предотвращения несчастій. Отъ постоянно насторожѣ. Прежде всего человѣкъ можетъ предвидѣть будущее при посредствѣ сновидѣній. Толкованіе сновъ играетъ большую роль. Оно основано или на созвучіи словъ (напр., видѣть мукѣ — предстоитъ мука, видѣть снѣгъ — предстоитъ смѣхъ), или на сходствѣ внѣшнихъ признаковъ (напр., ягоды, горохъ во снѣ предвѣщаютъ слезы, блянь — письмо), или на противоположеніи признаковъ различныхъ понятій (видѣть ангела нехорошо, видѣть бѣса — къ добру, видѣть гостей — мертвецъ будетъ). Иногда толкованіе сновъ повторяетъ собою примѣты и повѣрья.

Бѣлорусъ также вѣритъ въ лихую годину, отъ него избѣгаетъ говорить о здоровьѣ своемъ или близкихъ людей, вообще о какомъ-либо благополучіи; а если и говоритъ, то снѣшать сдѣлать оговорку: „не у гетымъ часи, не у гетымъ рази“. Остерегаюсь наклевать на себя бѣду, бѣлорусъ боится сглазу — „уроковъ“, „суроцовъ“. Особенно часто сглазу подвергаются дѣти и беременныя женщины, почему и тѣхъ и другихъ очень берегутъ. Порча отъ „суроцовъ“ сосредоточивается главнымъ образомъ въ головѣ и груди; поэтому матери высасываютъ болѣзнь дѣтей: ежедневно по три раза высасываютъ глазъ и грудь противъ сердца.

Есть множество средствъ для того, чтобы узнать порчу; для этого, напр., съ банной камени снимаютъ три раскаленные камни — съ вершины, середины и снизу — и бросаютъ въ ведро съ водой. Если верхній камень шипитъ больше другихъ, то дитя „осушено“ мужчиной; если шипитъ больше нижній — женщиной; средній — не опредѣляетъ пола. Есть возможность предотвратить себя отъ сглазу, для чего носить въ тѣлой полѣ платя въ толстую остріемъ вверхъ иглоку, толченую соль въ шейномъ платкѣ и т. д.

Для всякаго положенія человѣка, для всякаго случая въ жизни существуетъ рядъ примѣтъ и средствъ для того, чтобы предотвратить несчастье или достигнуть желаемого. Жизнь ребенка еще до рожденія и послѣ обставлена длиннымъ рядомъ всевозможныхъ предостереженій. Нечего и говорить о томъ, что вопросъ о бракѣ и сама свадебная церемонія также необыкновенно богаты примѣтами. Кто хочетъ имѣть красивую жену, тотъ долженъ опоясываться двумя поясами втеченіе трехъ насальныхъ дней. Для дѣвочки, желающей пораньше выйти замужъ, въ народѣ хранится богатый запасъ средствъ, которыми можно этого достигнуть, и примѣтъ, по кото-

рымъ можно предугадать. Достаточно великъ запасъ средствъ для привораживанія любимого или любимой. Во время свадьбы опытные сваты и свахи узнаютъ все подробности будущей жизни молодой четы и принимаютъ рядъ предосторожностей противъ порчи молодыхъ.

И вообще въ жизни надо остерегаться неосторожныхъ дѣйствій, которыя могутъ повлечь за собою большее или меньшее несчастье, въ особенности болѣзни. Не слѣдуетъ наступать босыми ногами на метлу потому, что могутъ появиться судороги въ ногахъ; не слѣдуетъ вертѣть шапку на кулакѣ потому, что будетъ болѣть голова; когда пьешь болотную воду, надо помянуть Моисея, и тогда грязная вода не будетъ вредна; очень полезно носить въ карманѣ „четверговую“ соль, что помогаетъ отъ боли въ животѣ; надо избѣгать употребленія въ пищу почки и мозгъ животныхъ; отъ первыхъ человѣкъ не растетъ, отъ вторыхъ — глупѣетъ. Есть множество и другихъ примѣтъ. Разными дѣйствіями предотвращается отъ сосѣдняго пожара нагая дѣвушка или молодуха оббѣгаетъ трижды съ полной крынкой молока вокругъ горящаго строения и бросаетъ крынку въ огонь. Скотъ подвергается всевозможнымъ чарамъ, почему также уходъ за скотомъ обставляется цѣлымъ рядомъ дѣйствій, имѣющихъ цѣлью предотвратить несчастье, ублажить хлѣвника, предотвратить чары и т. д.

Вообще бѣлорусъ главѣйшимъ образомъ обращаетъ свое вниманіе именно на предотвращеніе тѣхъ или другихъ несчастій, или на то, чтобы добиться въ томъ или иномъ успѣха. Охотникъ умѣетъ заговаривать ружье, мельникъ умѣетъ ладить съ водянымъ, тѣсничій — съ тѣшимъ, обыкновенный хозяинъ — съ домовымъ; воръ обладаетъ рукой убитого имъ человѣка, или свѣчей, вытопленной изъ жира убитого; шинкарь постарается добыть хоть кусокъ веревки, на которой повѣсился человѣкъ. Все это забота о будущемъ.

Теперь посмотримъ, какъ бѣлорусъ борется съ уже надвинувшейся бѣдой. Для этого существуетъ множество средствъ, известныхъ всякому обыкновенному смертному. Если болѣзнь или что-либо иное произошло отъ домового, то хозяинъ дома знаетъ, какъ его ублажить. Противъ болѣзней есть множество ходячихъ средствъ. Бѣльмо можно вылѣчить печенымъ яйцомъ; на большой зубъ надо положить кусочекъ мыла, которымъ обмыли умершаго, или надо съѣсть мышиные хлѣбные огрызки; отъ желтухи помогаетъ питье отвара изъ клоповъ; желудочная боль унимается, если кто-нибудь подуеетъ на животъ больного; боль въ синѣхъ прекращается, если большой ляжетъ у порога и кто-нибудь черезъ него переступить. Такъ какъ болѣзнь — духъ, то его можно выгнать изъ больного разными чисто механическими дѣйствіями: напр., положивъ больного у порога животомъ къ низу, надо трижды подпрыгнуть на его синѣхъ; иногда прибѣгаютъ къ катанію

больного, ставят горшки на живот; последнее дѣлается такимъ образомъ: на животъ больного кладутъ дощечки или корку хлѣба, зажигаютъ на ней пучекъ льна и прикрываютъ горшкомъ; въ данномъ случаѣ проносятся то-же, что и при ставленіи розкоятъ.

Не всегда однако блѣорусъ знаетъ средство отъ болѣзней или отъ иной бѣды. Тогда онъ обращается къ людямъ свѣдущимъ, каковыми являются *знахари, видьмаки, знахарки и видьмы*. Въ Бѣлорусіи очень много лицъ, свѣдущихъ въ тѣхъ или иныхъ сферахъ колдовства. Мелкія чары могутъ нанести очень много; они же могутъ и помочь въ неважныхъ случаяхъ. Но такіе вѣдунны не имѣютъ большого значенія, такъ какъ рядомъ съ этимъ существуетъ профессиональное колдовство. Такіе чаровники часто пользуются славой, выходящей далеко за предѣлы села или волости. Они обыкновенно бывають весьма необщительны, живутъ особнякомъ; большею частью это мельники или лѣсники по профессіи, иногда рыболовы. Окрестные крестьяне выказываютъ очень большой почетъ къ такимъ вѣдмакамъ и даже въ разговорахъ между собою избѣгаютъ называть ихъ чаровниками, боясь мести. Чародѣйство — очень старое явленіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и уже свидѣтельства XVI—XVIII вѣковъ говорятъ о многихъ процессахъ по преслѣдованію вѣдмъ и чародѣевъ. Тогда ихъ усердно ловили и казнили, добываясь пытками признанія. Вотъ любопытное показаніе половины XVIII столѣтія — письмо управляющаго имѣніемъ графа Тышкевича къ своему пану: „Ясневельможный панъ! Съ возвращающимися крестьянами доношу, что съ вашего позволенія съжегъ я шесть чаровницъ: три сознались, а остальные — нѣтъ. Двѣ изъ нихъ престарѣлыя, третья тоже лѣтъ пятидесяти, да къ тому же однадцать дней онѣ всѣ просидѣли у меня подъ чаномъ, такъ, вѣрно, и другихъ заколдовали. Вотъ и теперь господская рознь въ духѣ мѣстахъ заломана. Я собираю теперь съ десяти костеловъ святую воду и буду на ней варить кисель: говорить, непременно всѣ колдунны прибѣдутъ просить киселя; тогда еще будетъ мнѣ работа!“

Профессиональное вѣдмачество не дается даромъ. Чаровникъ—служитель нечистой силы; онъ отдалъ душу чорту и отъ него получаетъ свои силы и знаніе. Вѣдмачество передается отъ одного вѣдмака къ другому. Передача эта бываетъ обыкновенно на смертномъ одрѣ: вѣдмакъ напечтываетъ воду и даетъ еѣ испить своему преемнику; иногда сила и знаніе вѣдмака заключаются въ особой книгѣ, которая, по увѣренію блѣоруссовъ, лежитъ гдѣ-нибудь подъ камнемъ въ глухомъ лѣсу. Получивъ отъ вѣдмака соотвѣствующее указаніе, его преемникъ долженъ найти эту книгу и проспать въ данномъ мѣстѣ ночь, положивъ книгу подъ голову; послѣ этого книга опять кладется на мѣсто, а новый вѣдмакъ приобретаетъ всю силу своего учителя.

Сила чаровника заключается въ томъ, что онъ знаетъ всѣ чары, кото-

торыя могутъ принести человѣку добро и зло. Настоящій „вѣдмакъ“ умѣетъ не только сдѣлать зло, но и исправить сдѣланное. Вѣдмака можно и узнать. Для этого надо припрятать кусочекъ сыра, который ѣдятъ на заговѣнахъ предъ Великимъ постомъ, и носить этотъ сыръ въ мѣшечкѣ подъ мышкой втеченіе Великаго поста. Во время пасхальной заутрени, когда священникъ будетъ провозглашать: „Христосъ воскресъ“, надо за попомъ говорить: „у меня сыръ есть“. Тогда всѣ вѣдмаки будутъ просить сыра, но давать его имъ не слѣдуетъ. Нѣкоторые вѣдмаки обладаютъ умѣніемъ понимать разговоръ животныхъ и птицъ; для этого они ѣдятъ соусъ изъ ужаснаго мяса. Одни вѣдмаки бывають сильнѣе въ своихъ чарахъ, другіе — слабѣе. Иногда вѣдмаки вѣрятся своей силой. Вотъ одинъ такой разсказъ. Женился однажды въ селѣ солдатъ. Въ томъ-же селѣ жилъ великій вѣдмакъ; всѣ звали его на свадьбы, а солдатъ не посылалъ. Когда ѣхалъ свадебный поѣздъ, вѣдмакъ превратилъ участниковъ его въ воякулаговъ. Солдатъ оказался еще болѣе сильнымъ въ чарахъ: махнулъ платкомъ — всѣ снова сдѣлались людьми, а у вѣдмака на голоѣ выросли рога. На свадьбѣ всѣ просили солдата, чтобы онъ простилъ своего врага. Тотъ простилъ и пригласилъ его къ себѣ на свадьбу. На свадьбѣ снова заспорили чаровники и стали пробовать свою силу.

Вѣдмаки лѣчатъ различныя болѣзни обыкновенно посредствомъ напечтыванія надъ водкой или водой. Примѣниваютъ иногда въ воду порошки и настои изъ травъ. Обыкновенно они отпускаютъ длинныя ногти для того, чтобы удобно было носить подъ ними порошокъ, который они незаметно бросаютъ въ пищу или питье. Чары можно производить не только надъ тѣми предметами и лицами, которымъ хотѣтъ сдѣлать вредъ, но также и надъ тѣми, которые имѣютъ съ первыми какое-либо соотношеніе или соприкосновеніе; очень многія чары производятся надъ слѣдомъ человѣка, для чего берутъ землю изъ-подъ лѣвой паты слѣда, скатываютъ ее въ шарикъ и затѣмъ превращаютъ въ порошокъ. Для очарованія скота чаровники стараются достать клочекъ шерсти отъ скота, того хозяина которому хотѣтъ принести вредъ. Порча хлѣба производится при посредствѣ „заломовъ“ и „завитковъ“; они дѣлаются въ ржи и пшеницѣ около времени Ивана Купала, когда хлѣбъ наливаются. Переломанная въ трехъ или четырехъ пучкахъ рожь или пшеница перевивается красной шелковой ленточкой или ниточкой, причѣмъ произносятся заговоры. Если крестьянинъ нашелъ у себя въ хлѣбѣ заломъ (осмотрительные хозяева дѣлають обходъ своихъ полей послѣ Купальскаго дня), то приглашаютъ священника отслужить молебенъ и тогда вырываютъ съ корнемъ заломъ.

Въ Бѣлорусіи ходитъ масса разсказовъ о вѣдмакахъ. Бѣлоруссы увѣрены, что вѣдмы находятся въ любовной связи съ чортомъ, отъ котораго онѣ узнають таинственныя свойства нѣкоторыхъ травъ и корней; въ кореньяхъ онѣ

подмешивают порошок или жидкость из вываренного лясичьего сердца или кошачьей печени. Когда вѣдма выплещет добытую ею чудесную жидкость, она дѣлается легкой, невидимой и может носиться по воздуху. Вѣдмы слетаются на таинственное бѣсовское игрище или шабаш, которые бывають ночью гдѣ-нибудь на высокой горѣ; холмы, вершины которых покрыты песком и лишены крупной растительности — „лясные горы“ — считаются именно такими горами, на которыя слетаются вѣдмы. Главный шабаш вѣдмъ бываетъ въ самую бурную ночь между Ильинымъ и Успеннымъ днями; эта ночь известна подъ названіемъ воробьиной или рибиной.

Если при жизни вѣдма и вѣдмакъ пользуются почетомъ и достаткомъ, которые доставляетъ имъ ихъ ремесло, то зато бѣлоруссы вѣрятъ, что смерть чародѣя бываетъ очень мучительна: нечистая сила не хочетъ выйти изъ его тѣла, а когда выходитъ, то присутствующіе замѣчаютъ быстро убѣгающее животное въ видѣ свиньи, поросенка или курицы. Такъ какъ крестьяне на косякахъ дверей и оконъ выжигаютъ кресты свѣчю, принесенной съ вечера въ частый четвергъ, то душа чародѣя не можетъ выйти черезъ окна и двери; поэтому для облегченія предсмертныхъ мукъ раскрываютъ потолокъ въ избѣ надъ ложемъ умирающаго или просверливаютъ дыры въ стѣнѣ. При кончинѣ чародѣевъ и погребеніи ихъ обыкновенно свирѣпствуютъ страшная буря; чтобы унять ее, надо на дно вырытой могилы опустить осиновый крестъ.

Все предыдущее изложеніе ясно показываетъ, чѣмъ занято воображеніе бѣлоруса и что составляетъ сущность его мировоззрѣнія. Послѣ этого можно не удивляться, что религіозный горизонтъ бѣлоруса очень не широкъ; легко также предвидѣть, что и религіозныя представленія подвержены сильному влиянію суевѣрій. Космогоническія представленія бѣлорусовъ носятъ отпечатокъ странной смѣси библейскихъ сказаній и народной фантазіи. Во всѣхъ разсказахъ о происхожденіи міра фигурируютъ два существа — Богъ и дьяволъ; Богъ сдѣлалъ для человѣка полезные предметы, напр., равнину, хлѣбные злаки, цѣлебныя травы, полезныхъ животныхъ; дьяволъ создалъ горы, сорныя растенія и вредныхъ животныхъ. Богъ вдулъ въ человѣка добрую душу, а чортъ — злую, отчего человѣкъ склоненъ дѣлать зло. Богъ въ представленіи бѣлоруса является добрымъ старикомъ, который когда-то ходилъ по землѣ, дѣлая добро хорошимъ людямъ и наказывая дурныхъ. Не всѣ узнавали Бога и потому не всѣ оказывали ему услуги; поэтому однихъ онъ наказывалъ, а жизнь другихъ дѣлалъ счастливою.

Напримѣръ, по одному разсказу, Богъ шелъ дорогой и увидѣлъ бабу, которая жала жито. Богъ попросилъ бабу показать ему дорогу, но та отказалась за недоуговомъ; за это Богъ сдѣлалъ такъ, что она никогда не могла управиться въ работѣ. Дальше встрѣтилъ Богъ мужика за сохою; погово-

рили оба; мужикъ попотчивалъ Бога нюхательнымъ табакомъ и показалъ ему дорогу. И Богъ сдѣлалъ такъ, что мужикъ всегда сталъ управляться съ работою.

Бѣлоруссы не всегда тверды въ вопросѣ о количествѣ верховныхъ божествъ. Одинъ изслѣдователь, г. Романовъ, занесъ въ свой сборникъ такой отвѣтъ крестьянина по этому поводу: „Богъ его знаетъ, сколько есть боговъ. Главный, надо полагать, одинъ, а Иисусъ Христосъ сынъ его. Духъ Святый — это уже не Богъ — это Духъ Божій“. Апостолы и праздники, по понятіямъ бѣлорусовъ, — тоже боги, но меньшіе; каждый изъ нихъ чѣмъ-нибудь завѣдуетъ: Илья завѣдуетъ громомъ, св. Юрій завѣдуетъ зѣбрами и скотомъ, св. Фролъ — лошадьми, отчего ему лошади и „святкують“, т. е. празднуютъ, св. Николай — нивами, Кузьма-Демьянъ — „ковальскій богъ“ и т. д. Представленіе о Богѣ и святыхъ отличаются реализмомъ. Такъ, со своими просьбами женщины обращаются преимущественно къ Божіей Матери и жескимъ святымъ. Интересно, напр., такой разсказъ. Встрѣчаетъ одна соседка другую и спрашиваетъ: „куда ты идешь, кума?“ — „А вотъ я иду въ костелъ закупить мшу (обѣдню) на своего „лютаря“ (равнозначащее слову Каинъ, причѣмъ подразумѣвается мужъ). „Такъ ты, кума, смотри, не ошибись, не купи мши на Пана Іезуса: они мужичины всѣ одинаковы — другъ за друга, какъ жидъ за жидомъ, тинуть. Смотри не ошибись и купи мшу Маткѣ Божьей“.

Святые, по понятіямъ бѣлорусовъ, ходили по землѣ и являлись людямъ въ человѣческомъ образѣ. Въ отношеніяхъ другъ къ другу святые не чужды чисто человѣческихъ недостатковъ. Ходили когда-то по землѣ Микола съ Юрьемъ. Встрѣчаютъ они мужичка на пашнѣ, поздоровались съ нимъ и сказали: „Богъ на помощь“. Мужикъ отвѣтилъ. Пошли дальше святые и заспорили о томъ, кому изъ нихъ мужикъ „здравствуй“ далъ“. Поспоривъ, они снова вернулись къ мужику и спросили его. Мужикъ подумалъ, да и говоритъ: „Ну, конечно, этому старому“ (т. е. Миколѣ). Тогда св. Юрій сталъ насылать на мужика всякія бѣды, потому что разсердился на него, а св. Микола сталъ предохранять его отъ бѣдъ, насылаемыхъ Юрьемъ. Долго такъ пробовали они свою силу надъ мужичкомъ. Наконецъ Юрій такъ разсердился, что рѣшилъ сжечь весь дворъ мужика со всѣмъ его добромъ. И тутъ помогъ св. Микола, научивъ мужика поставитъ въ Юрьевъ осенній день св. Юрію самую большую свѣчу, св. Миколѣ — меньшую, а всѣмъ святымъ — самую маленькую.

Бѣлоруссы считаютъ праздники не отвѣченными понятіемъ, но олицетворяетъ и ихъ. Праздникъ самъ наказываетъ виновнаго за нарушеніе своей святости. Бѣлорусская женщина никогда не засидится за работою поздно вечеромъ въ субботу, потому что боится наказанія отъ „святой недѣльки“. По этому поводу ходитъ множество разсказовъ, напр., о томъ, какъ „святая

педьлька" испугала засидѣвшуюся въ субботу вечеромъ бабу, прокатившись по хатѣ „трупай головой" и т. д.

Итакъ, все міровоззрѣніе бѣлоруса проникнуто чертами, въ которыхъ самымъ причудливымъ образомъ языческія вѣрованія переплелись съ христіанскими: на представленныхъ бѣлорусахъ отразились очень древнія черты языческихъ вѣрованій и понятій; съ другой стороны сказывается и воздѣйствіе средневѣковаго литературнаго репертуара, напр., апокрифовъ, духовныхъ стиховъ и пр. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени еще далеко не выяснено какъ наличное богатство бѣлорусскихъ вѣрованій, такъ и ихъ происхожденіе. Но то, что сказано по этому поводу, далеко еще не представляетъ всего запаса пережитковъ глубокой старины, которые сохранились среди населенія. Отголоски языческихъ воззрѣній на божество, иногда очень отчетливыя черты языческихъ божествъ не менѣе рельефно сказываются въ обрядахъ бѣлорускаго крестьянства. Бѣлорусъ съ большимъ почтеніемъ относится къ обряду; для него обрядъ — это актъ священнодѣйствія, установленный предками, освященный вѣками и потому требующій къ себѣ уваженія и точнаго выполненія. Школа и заносы изъ города, вліяніе церкви, очень сильное въ послѣднее время, не могутъ окончательно побороть привычки къ выполненію обрядовъ, достигая лишь того, что обряды выполняются съ сокращеніями и со стороны молодежи не всегда серьезно. Въ самомъ дѣлѣ жизнь бѣлоруса изо дня въ день обставлена извѣстными обрядностями. Кругъ обрядовъ двоякаго рода: обряды сопровождаютъ бѣлоруса отъ рожденія, даже еще до появленія на свѣтъ, и свою многотрудную жизнь бѣлорусъ оканчиваетъ среди сложнаго ритуала, совершаемаго его близкими; и послѣ смерти родные будутъ совершать обряды, посвященные покойникамъ. Это одинъ кругъ обрядовой жизни. Но рядомъ съ нимъ существуетъ и другой; это годичный обрядовой кругъ. Онъ выполняется изъ года въ годъ. Въ немъ отразилась трудовая жизнь бѣлоруса, такъ какъ, по существу, годовые обряды являются пережитками аграрнаго культа; даже игры молодежи втиснуты въ общій строй обрядовой жизни и являются такою-же частью обряда.

Въ сказанномъ легко убѣдиться изъ бѣлаго знакомства съ обрядовой стороной бѣлорусской деревни. Сначала мы разскажемъ о трехъ важнѣйшихъ обрядахъ, сопровождающихъ жизнь бѣлоруса, именно объ обрядахъ при рожденіи ребенка, свадьбѣ и похоронахъ.

Народное суевѣріе обставляетъ будущую мать цѣлымъ рядомъ предписаній, при посредствѣ которыхъ стараются обезпечить здоровье ребенка. Нѣкоторыя изъ такихъ предписаній по существу могли-бы быть даны въ цѣляхъ гігіены, но, конечно, объясненіе ихъ и выполненіе отличаются суевѣріемъ. Народный взглядъ боится „урока", слеза; это его основная точка зрѣнія. Такъ, беременная женщина должна избѣгать встрѣчъ съ медвѣдемъ

или волкомъ, потому-что вслѣдствіе испуга младенецъ можетъ родиться съ плѣшью, „лашкой" на головѣ, съ шерстью дикаго звѣря, наконецъ съ лапами вмѣсто рукъ. Беременной женщинѣ не слѣдуетъ выходить на пожаръ, потому-что если она отъ испуга схватится за какую-нибудь часть своего тѣла, то ребенокъ родится съ большимъ краснымъ пятномъ въ соответственномъ мѣстѣ. Нельзя ничего перерубать топоромъ на порогѣ близи кровати беременной, потому-что у дитяти будетъ разсѣчено ухо или ротъ, или оно родится съ шестью пальцами на одной изъ конечностей. Въ этомъ родѣ длинный рядъ предписаній оберегаетъ будущаго младенца. Когда приходитъ время родовъ, женщина поступаетъ въ полное распоряженіе бабьеповитухи. Повитуха въ селѣ пользуется большимъ почетомъ; она-же является дѣтскимъ врачомъ, потому-что знаетъ, какія дѣтскія болѣзни происходятъ отъ глаза, и знаетъ отъ болѣзней заговора и другія средства. Бабкой можетъ быть женщина, уже переставшая рожать, и наилучшей считается та, у которой дѣтей было много, и она не умерла. Ремесло деревенской бабки, за которое обыкновенно берутся бѣдныя женщины, бабыльки, почти всегда соединяется съ мелкимъ запихарствомъ. Присутствіе повитухи по существу очень мало облегчаетъ больную, такъ какъ средства, которыми она обладаетъ, заключаются въ наговорахъ и разныхъ символическихъ дѣйствіяхъ; нѣкоторыя прибѣгаютъ еще къ кое-какимъ снадобьямъ изъ травъ, но употребленіе ихъ не всегда счастливо кончается. Появленіе новорожденнаго также обставляется бабкой разными заговорами и дѣйствіями. При купаніи ребенка въ корыто кладутъ нѣсколько кусочковъ хлѣба, соли и щетку изъ свиной шерсти. Родильницу (по мѣстному „породуху") усердно посѣщаютъ сосѣди, принося ей различные кушанья. На третій день послѣ родовъ бывають „взливки" или „узвары", для чего приготавливаютъ закуску, водку и созиываютъ гостей преимущественно женщинъ. Послѣ хорошей выливки подгулявшая бабка садится въ сани или на возъ, остальные-же бабы берутся за оглобли и везутъ повитуху въ корчму. Бабка подгоняетъ ихъ длинной хворостиной. Поднимается шумъ, пьяный бабій крикъ, сопровождаемый смѣхомъ, понуканіемъ и остротами. Въ корчмѣ продолжается пѣанство. Послѣ обряда крещенія, который бываетъ въ церкви или на дому у священника, въ домѣ родителей собираются гости. Послѣ угощенія подается „бабина каша", которую она приноситъ съ собой. Послѣ шутливаго предложенія бабки отвѣдать ея каши присутствующіе кладутъ монеты въ горшокъ. Деньги поступаютъ бабкѣ. Затѣмъ породуха даритъ кумовьевъ и бабу. Обряды при крещеніи сопровождаются многочисленными пѣснями, въ которыхъ сыплются остроты по адресу „породухи", бабки и въ особенности кума и кумы.

Очень интересенъ свадебный обрядъ. Родители жениха, остановивъ свой выборъ на невестѣ, иногда, наведя окольными путями предваритель-

ния справки насчет согласия родителей дѣвушки, приглашаютъ сватовъ. Эту почетную обязанность обыкновенно выполняютъ родственники жениха, люди почтеннаго возраста и по возможности уважаемые въ селѣ. Немало бываетъ выпито водки во время предварительныхъ совѣтовъ родителей жениха со сватами. Совѣщанія ведутся не о выборѣ невесты, но о порядкѣ свадебнаго обряда, приглашенія гостей, о будущихъ расходахъ и т. п. Когда опредѣлится день, въ который рѣшится отправиться „въ сваты“ (наиболѣе благоприятнымъ днемъ считается воскресенье), тогда предварительно угощаютъ сватовъ и производятъ цѣлый рядъ гаданій, чтобы убѣдиться, насколько благоприятенъ день. Со сватами или со сватомъ отправляется обыкновенно и отецъ жениха; съ собою они берутъ бутылку водки и краюху хлѣба. Сваты, прїѣхавъ или придя къ дому невесты, становятся подъ окномъ и говорятъ: „Пустите, люди добрые, на ночь!“— „Здоровеньки были, идите въ хату!“— отвѣчаютъ имъ. Войдя въ избу, сваты ставятъ на столъ бутылку съ водкой и кладутъ краюху хлѣба. Послѣ предварительныхъ разговоровъ о постороннихъ предметахъ, старшій изъ сватовъ спрашиваетъ у родителей невесты: пѣтъ ли у нихъ телушки для продажи, на что имъ отвѣчаютъ, что продали бы, если бы были купцы. Такой отвѣтъ считается благоприятнымъ, и завязывается дѣловой разговоръ. Между сватаньемъ и свадьбой бывають еще „запойны“. На нихъ присутствуютъ женихъ и невеста и приглашаются наиболѣе солидные изъ родственниковъ обѣихъ сторонъ. За выпивкой (водку пьютъ ложками изъ общей чашки) ведутъ переговоры о бракѣ, порядкѣ свадьбы и т. д. Въ концѣ попойки невеста даритъ сватамъ, отцу жениха и самому жениху полотенца. Въ промежутокъ между „запойнами“ или „змовинами“ и днемъ свадьбы, когда идутъ приготовления, подруги невесты собираются у нея, проводятъ время въ угощеніи и въ пѣніи пѣсенъ. Въ этихъ пѣсняхъ изображается грусть молодой дѣвушки, которой приходится оставлять отчий домъ и идти къ чужимъ отцу и матери; невеста, сдѣлавшись молодой, навсегда разстанется съ прежней веселой жизнью, съ подругами; она не покажется уже на деревенскомъ игрищѣ, въ пляскѣ, на деревенской вечеринкѣ; у нея будетъ суровой мужъ, злая свекровь. Пѣсни спрашиваютъ невесту, о чемъ она горюетъ, почему она проливаетъ горькія слезы: не плачетъ-ли она потому, что ей жаль разстаться со старикомъ-отцомъ, со старухой-матерью, съ роднымъ подворьемъ? Но не объ этомъ горюетъ невеста: она оплакиваетъ свою русую косу „да дѣвоцко красу“. На огородѣ мята, макъ и другія „краски“ (цвѣты) заросли лебедью; почему-же дѣвушка ихъ не полетѣ, почему не плететъ себѣ вѣнка? Теперь ей уже не до цвѣтовъ, потому-что прїѣхалъ женихъ. Дѣйствительно, бѣлорусская дѣвушка, начиная со „змовины“, много плачетъ; если она выходитъ замужъ и по любви, то все-таки, по традиціи, она оплакиваетъ свое „дѣвоцтво“.

Церковное вѣнчаніе не играетъ существенной роли среди „выселла“; иногда оно даже совершается за недѣлю до выполненія свадебнаго обряда, и молодые въ эти дни каждый живетъ у своихъ родителей. При вѣнчаніи и при слѣдованіи въ церковь и обратно дружки только заботятся о выполненіи разныхъ символическихъ дѣйствій для того, чтобы уберечь молодую чету отъ чаръ. Богатія свадьбы справляются такимъ образомъ, что сначала пиръ происходитъ отдѣльно въ домѣ жениха и въ домѣ невесты, и только вечеромъ женихъ со своей дружиною отправляется въ домъ невесты. Вообще свадебный обрядъ допускаетъ нѣкоторые варианты, хотя главнѣйшіе моменты его, какъ напр. посадъ невесты, караванный обрядъ и нѣкоторые другіе, строго выполняются. Вотъ, напр., въ краткихъ чертахъ описаніе обряда, практикуемаго въ южной части Рѣчичкаго уѣзда. Здѣсь „выселла“ совершается послѣ вѣнчанія черезъ нѣсколько дней. Утромъ, въ день, назначенный для „выселла“, женихъ со своею дружиною закусываютъ. Послѣ закуски родители благословляютъ его вмѣстѣ съ дружиною (называемой бо-арями) и отправляются за невестой. При выходѣ поютъ:

Иванку матка родила,
У дорогу выпраўляла;
Мѣсяцамъ абгарала,
Зароу падяразала:
Бѣзъ, дзига, радзоеное,
На свае суджоное!

На дворѣ у невесты ихъ уже ожидаютъ. Здѣсь стоитъ столъ, покрытый скатертью, на немъ стоятъ чашка и лежить ложка. Дружина съ шумомъ подъѣзжаетъ къ воротамъ; ихъ сначала не пускають, торгуются, но наконецъ выпускаютъ. Отецъ жениха наливаетъ полную чашку водкой, а дружокъ изъ ложки угощаетъ всѣхъ присутствующихъ. Хоръ поетъ:

Чій, чій каравай выше?
Чіе дзяцятко краше?
Нашъ, нашъ каравай выше!
Наше дзяцятко краше!

Угощеніе происходитъ очень торжественно и чинно. Но чинность прерывается идругъ тѣмъ, что одна изъ снахъ въ вывернутомъ тулупѣ обѣгаетъ всю толпу и скрывается въ сѣни. Молодежь гоняется за нею съ хлыстами и кнутами.

Послѣ этого совершается весьма важная церемонія. Женихъ со своею матерью и дружиной подходитъ къ сѣбичнымъ дверямъ избы. Въ сѣняхъ за порогомъ сидятъ невеста, ея мать и дѣвушки. Обѣ матери имѣють въ рукахъ восковыя свѣчи. Когда сойдутся оба хора, поютъ:

А чій коўнъ, а чій коўнъ.
По загаряду бѣгае (2).
Да капыцяхкомъ, да капыцяхкомъ

Краяни разбивае? (2)
 А у краяни, а у краяни
 Агню дасявае? (2)
 Ай у краяню, а у краяни,
 Дай же нам агню (2)
 Запалащи, засващящи жениху свачу! (2)

При этих словах свѣчи у обоих матерей зажигают и продолжают:

Приступиси, сващечко, до мяне, до мяне! (2)
 И у цѣбе свѣчи, и у мяне свѣчи (2)
 И у цѣбе дзиця, и у меня дзиця (2),
 Сѣбеомо свѣчки да купки,
 Звѣздамо дѣтки до хатки,
 Да да адной матки! (2)

Свахи, т. е. матери жениха и невесты, стоя на сѣмечномъ порогѣ, слѣвливаютъ свои свѣчи въ одну:

Миръ зъ міромъ міравалися,
 Сваха зъ свахою цававалися (2)
 На дѣтвамъ морози, на сѣмичвамъ порози (2).

Свахи цѣлуются и входятъ въ хату, за ними невеста съ друзьями и женихъ съ дружиною.

Дружко поочередно приглашаетъ почетнѣйшихъ родныхъ и знакомыхъ благословить „днѣзя и княгиню“. Молодые стоятъ посрединѣ избы. Послѣ благословенія дружко обводитъ ихъ вокругъ стола трижды. Женихъ садится затѣмъ на „куту“, невеста — возлѣ него. Тутъ-же разсаживаются отецъ, мать, дружки и всѣ гости. Вносятъ каравай, приготовленный еще наканунѣ, украшенный цѣтками. Отецъ жениха наливаетъ чашку водкой, а дружко обноситъ гостей ложкою водки.

Послѣ пѣнія нѣсколькихъ пѣсень и маленькой закуски начинается вторая часть обряда — завиваніе косъ невесты. Избранныя свахи — завивальщицы становятся на скамейку по обѣ стороны невесты. Одна снимаетъ пѣнонь съ головы невесты и расчесываетъ волосы ея. Другая въ это время жирно намазываетъ ихъ. Затѣмъ сваха беретъ по приди волосъ невесты и жениха, скручиваетъ ихъ и продѣваетъ черезъ кольцо. Она спрашиваетъ благословенія: „косы смалци“. Послѣ троекратнаго „Вогъ благославици“ другая сваха тою же свѣчей, которую скрутила на порогѣ, прикасается трижды волосы молодыхъ, продѣтые черезъ кольцо. Послѣ этого на невесту сейчасъ-же одѣваютъ женскій головной уборъ. Раздаются отчаянныя рыданія невесты, всхлипыванія присутствующихъ, особенно женщинъ, и грустное, протяжное пѣніе друзей:

Ой, добры мой отецъ, што купишъ дочцѣ чепецъ!
 А лепшайшая маці, што казала завиващи...

Свахи при завиваніи поютъ:

А я табѣ, сестричко, завиваю,
 Щасцемъ, долюю асыпваю;
 Ай, будзъ здорона якъ вода,
 Будзъ богата якъ земля,
 Будзъ прыгожа, якъ рожа¹⁾!

Женихъ даритъ деньгами завивальщицъ. Послѣ обѣда и танцевъ начинается обменъ подарками: дѣлятъ каравай и всѣ дарятъ невесту, а мать ея даритъ родню жениха. Затѣмъ весь поѣздъ удаляется вмѣстѣ съ невестой въ домъ жениха. Послѣ закуски молодыхъ ведутъ спать. На утро слѣдуетъ дѣленіе караваевъ жениха и дареніе его. Еще дня три продолжается пиръ, ходятъ другъ къ другу родня жениха и невесты въ такъ называемыя „перезвы“. Этимъ свадьба и заканчивается.

Въ послѣднее время не всегда исполняется, или исполняется съ сокращеніями обрядъ буженія молодыхъ на утро послѣ первой брачной ночи: этотъ обрядъ называется „калинкой“. Исполняется онъ такимъ образомъ. Дружина молодого утромъ является въ его домъ и съ пѣснями будитъ молодыхъ. Въ однихъ мѣстахъ „маршалокъ“, т. е. старшій дружко входитъ въ клѣтъ, беретъ рубашку молодой, свертываетъ ее и, припшиливаетъ къ ней красную ленту, вноситъ въ избу. Тутъ уже собралась свадебная компанія. Вскорѣ съ друзьями въ избу входитъ молодой и молодая, и тогда начинается угощеніе сладкой водкой. Затѣмъ молодой съ дружиною ѣдутъ къ тестю. Иногда поднимаютъ молодыхъ свахи и онѣ же везутъ сорочку къ тестю. Вообще обрядъ „калинки“ сопровождается дикимъ весельемъ и пьянствомъ. Въ пѣсняхъ, наполненныхъ очень нескромными намеками, прославляется молодая. Зато, если молодая не окажется невинной, всѣ тотчасъ расходятся, и празднество прекращается.

Описание свадебнаго обряда представляетъ и само по себѣ непосредственный интересъ. Но онъ интересенъ еще и въ другомъ отношеніи. Народъ безсознательно выполняетъ мелочныя черты обряда. На каждый моментъ обряда имѣетъ длинную исторію, являясь остаткомъ бытовой черты, или религіознаго вѣрованія, восходящаго къ отдаленному прошлому, часто къ первобытной культурной жизни. Въ свое время каждый моментъ обряда имѣлъ опредѣленный смыслъ. Для подтвержденія сказаннаго достаточно привести, хотя-бы нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній. Формы заключенія брака въ первобытной стадіи человѣческой культуры сводились сначала къ умыканію, похищенію невесты, затѣмъ къ куплѣ-продажѣ ея. Наша начальная лѣтопись свидѣтельствуетъ, что эти формы брака господствовали въ древнѣйшій періодъ у русскихъ славянъ. Въ бѣлорусской свадьбѣ встрѣчается рядъ моментовъ, которые являются пережитками этихъ формъ брака. Сваты,

¹⁾ Роза.

приходя въ домъ невѣсты, ведутъ сначала торгъ о продажѣ имъ телушки. Друзья не пускаютъ жениха въ домъ, требуя отъ него выкупа за невѣсту. Въ пѣсняхъ женихъ и его дружина изображаются воинами, которые всѣмъ полкомъ идутъ на тестя, воюютъ съ нимъ и силою отнимаютъ дѣвицу. Когда женихъ является въ домъ тестя, его сначала не пускаютъ, и женихова дружина собирается разломать ворота. Даже такой обрядъ, какъ расчесываніе дѣвичьей косы и одѣвание женскаго головного убора, не является случайнымъ: похищенная женщина — раба своего господина почему и не можетъ носить такого головного убора, какой носятъ свободные люди; поэтому молодой и одѣваютъ женскій головной уборъ, расплетая косу — признакъ дѣвчести (у другихъ народовъ замужнія женщины брѣютъ голову, какъ это дѣлалось въ древнѣйшее время и по отношенію къ рабамъ).

Это — бытовые черты. Но свадебный ритуалъ представляетъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ и религиозный актъ. Земледѣлецъ совершаетъ обряды, которыми онъ желаетъ умиротворить божества, способствующихъ плодородію въ семьѣ, въ скотѣ, въ хлѣбѣ. Онъ тѣсно связанъ съ душами предковъ и совершаетъ обряды въ ихъ честь. Молодые съ обрядами и пѣснями обходятся вокругъ стола, поклоняются нечи, домашнему очагу. Въ этихъ обрядахъ отразилось почитаніе предковъ. Молодую сажаютъ на посадъ, т. е. на квашню, покрытую тулупомъ шерстью вверхъ: этимъ желаютъ снискать у божествъ богатство и плодородіе (въ народномъ представленіи — мохнатый — богатый, плодородный). Нечего и говорить, что караванный обрядъ представляетъ собою священнодѣйствіе аграрному божеству: караванъ есть олицетвореніе самого божества, которому поклоняются и которое желаютъ умиротворить. Однимъ словомъ въ бѣлорусскомъ свадебномъ обрядѣ отразились очень древніе черты вѣрованій и быта.

Теперь перейдемъ къ *похоронному обряду* (похороны по бѣлорусски называются „хаутуры“). Погребальные обряды открываютъ передъ нами несма интересныя черты крестьянскаго быта; отъ нихъ вѣсть сѣдо старину, въ нихъ мы находимъ прекрасное подтвержденіе обычаямъ нашихъ предковъ, о которыхъ имѣемъ лишь неясныя указанія въ историческихъ источникахъ. Смерть встрѣчаетъ бѣлорусскій крестьянинъ безстрашно и покорно, съ поистинѣ рѣдкою твердостью духа. Объ этомъ единогласно свидѣлствуютъ всѣ наблюдатели. Завѣщаніе дѣлается обыкновенно устно, причемъ умирающій съ поразительными подробностями дѣлаетъ свои распоряженія, въ которыхъ онъ не забываетъ упомянуть малѣйшихъ обстоятельствъ настоящей и будущей жизни оставляемыхъ имъ близкихъ людей. Большею частью тутъ же дѣлаются и указанія на обстановку предстоящаго погребенія. Многие въ среднемъ возрастѣ запасаются „смертной рубахой“, а нѣкоторые — „домовьемъ“, т. е. гробомъ, за много лѣтъ до смерти. Когда наступаетъ послѣдняя агонія, умирающему даютъ въ руки „громническую“

или „страстную“ свѣчу, освященную въ страстной четвергъ. Въ домѣ царяется полная тишина, необходимая (по увѣренію крестьянъ) для того, чтобы душа спокойно рассталась съ тѣломъ. Какъ только въ тѣлѣ незамѣтно никакихъ признаковъ жизни, въ домѣ поднимается общій плачъ. Но нужно „обряжать“ покойника. Кто-нибудь изъ старшихъ раскладываетъ огонь, грѣетъ воду, а между тѣмъ призываются сосѣди или знакомые, которые моютъ и одѣваютъ покойника: мужчины — мужчину, а женщины — женщину. Домашніе и родственники во все время пребыванія покойника въ домѣ не принимаютъ никакихъ работъ. Гробъ дѣлаютъ также знакомые, или же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лица, которые считаютъ своею обязанностью дѣлать гробы и вообще помогать домашнимъ въ погребеніи. Обыкновенно они дѣлаютъ все даромъ, считая свое дѣло христіанскою обязанностью. Покойника въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ моютъ на соломѣ, головою къ востоку. Солома эта сжигается гдѣ-либо на перекресткѣ. Вообще воду, употребленную на омовеніе, выливаютъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никто не ходитъ. Лицамъ, мывшимъ покойника, непременно даютъ выпить водки, иначе покойникъ не будетъ „пріять имъ“. Одѣваютъ покойника въ чистое лѣтнее платье, ноги обуваютъ въ лапти и рѣдко въ сапоги, а голову обертываютъ красной матеріей или одѣваютъ шапку, иногда же кладутъ ее въ гробъ, смотря по мѣстности. Дѣвушку и парня одѣваютъ какъ къ вѣнцу.

Когда покойника обрядили, его кладутъ на лавку подъ образами такъ, чтобы входящему въ избу голова приходилась по лѣвую руку, а ноги по правую, или же мужчину — по правую руку отъ входа, женщину — по лѣвую. На „покутъ“ у изголовья кладутъ кусокъ ржаного хлѣба, но чаще зажигаютъ свѣчу, вставивъ ее въ насыпанную чучку овса или ржи. Какъ только покойникъ обряженъ, кто-либо изъ старшихъ членовъ семьи отправляется въ церковь, чтобы оттуда забрать „прочесу“, т. е. крестъ и хоругвь (въ Витебской губ. въ прежнее время употреблялся еще и колокольчикъ, которымъ звонили во время хода похоронной процессіи); при этомъ онъ извѣщаетъ причтъ и даетъ „на трезвонъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ приглашается кто-либо изъ причта или изъ грамотныхъ крестьянъ для чтенія псалтыри — „псалтырникъ“, который и читаетъ псалмы до погребенія у богатыхъ, или хотъ нѣсколько времени у бѣдныхъ. Одновременно извѣщаются родственники и знакомые о постигшемъ семью бѣдствіи и приглашаются на поминальный обѣдъ.

Между тѣмъ родные и знакомые изо всей деревни одинъ за другимъ сходятся отдать послѣдній долгъ покойнику — помолиться, что почти всякій считаетъ своею обязанностью. Женщины выражаютъ свою скорбь плачемъ, голошеніями и причитаніями, причемъ особенно усердствуютъ родственницы и люди, близкіе къ покойнику. Женщины голосятъ поочередно, одна за другой: наплакавшись вволю, голосищая отходить къ толпѣ, ей мѣсто зани-

масть другая и т. д. Причитания, которые говорится при этомъ, представляютъ глубокий интересъ. Въ нихъ оплакивается горе семьи, которую покидаетъ отецъ, мать или взрослый работникъ, указывается тяжелое положение вдовы и т. д.; мать въ словахъ, исполненныхъ невыразимой горечи, оплакиваетъ потерю дорогого, любимого дитяти; пересчитываются всѣ хорошія стороны характера умершаго, его отношенія къ семьѣ, сосѣдямъ, наконецъ привычки и т. п. Вообще эти причитанія полны трагизма. Нужно замѣтить, что онѣ не представляютъ собою, повидимому, уже готовыхъ, вполне законченныхъ произведеній народнаго творчества, которые, какъ пѣсни, повторяли-бы плакальщицы. Тогда конечно такой искусственной постановкой дѣла нарушался бы истинный, неподдѣльный трагизмъ. Плакальщицы знаютъ очевидно лишь схему причитанія при извѣстныхъ случаяхъ, общія мѣста ихъ, но сами варьируютъ частности, почему отъ богатства фантазій и талантливости плачущей зависитъ форма самаго причитанія. По этой же причинѣ они разнообразны до безконечности. Въ приготовленіяхъ домашнихъ, въ посѣщеніяхъ и голошеніяхъ родныхъ и знакомыхъ, чтеціи псалтыри время проходитъ до погребенія. Погребаютъ обыкновенно на второй или третій день. Особенно интересно послѣднее выпрашеніе покойника изъ дому. Въ этой части похороннаго обряда наиболѣе отражаются остатки чисто языческихъ вѣрованій народа. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окунаютъ гробъ травами, освященными 24 июня, или въ Вербное воскресенье, или же кладутъ такіа травы подъ подушку. Въ Новогрудскомъ у. гробъ обматываютъ нѣсколько разъ ярко-красной ниткой. Почти повсемѣстно кладутъ въ гробъ любимые предметы покойника: если онъ былъ плотникъ—топоръ, если особенно хорошо плелъ лапти—недоплетенный лапотъ и т. д. Бываютъ даже случаи, когда просятъ у священника позволенія положить скрипку,—предметъ особенно дорогой для покойнаго; если покойный курилъ табакъ или нюхалъ, кладутъ въ гробъ люльку (трубку) или табакерку. Кромѣ того встрѣчаются указанія на то, что въ гробъ кладутъ хлѣбъ, соль, пиво, водку и пр. Еще оригинальнѣе слѣдующее. Въ Новогрудскомъ и Игуменскомъ уу. Минской губ. на голову надѣваютъ шапку и въ руки даютъ платокъ, чтобы покойникъ не встрѣтился на томъ свѣтѣ со знакомыми съ непокрытой головой и голыми руками; въ карманъ кладутъ мѣдную монету, чтобы покойникъ могъ купить себѣ мѣсто на томъ свѣтѣ. Монету бросаютъ также и въ могилу, если тамъ находятъ кости раньше погребенныхъ людей, чтобы новый покойникъ могъ купить себѣ мѣсто среди нихъ, иначе раньше погребенные будутъ его гнать. А въ одномъ случаѣ мы встрѣчаемъ рассказъ, что въ гробъ положили мыло, оставшееся отъ омовенія, и срѣзанные при этомъ ногти; послѣдніе будто-бы нужны для того, чтобы сбѣжать изъ нихъ лѣстницу для восхожденія на небо. Въ Горещкомъ у. Могилевской губ. кладутъ еще восковую свѣчу для освѣщенія пути во время слѣдованія на

страшный судъ. Снарядивъ такимъ образомъ покойника, тѣло выносятъ. Существуетъ обычай выносить ногами впередъ, иначе всѣ въ домѣ перемрутъ. При выносѣ беременныя женщины уходятъ, потому что ожидаемый ребенокъ можетъ родиться блѣднымъ, какъ мертвецъ, или же мертвымъ.

Интересны обряды, съ которыми соединено желаніе, чтобы осиротѣвшая семья не нуждалась въ хлѣбѣ. Для этого при выносѣ кто-либо изъ родственниковъ или дѣлавшихъ гробъ посыпаетъ вслѣдъ гроба ичемемъ; или обсыпаетъ три раза присутствующихъ, или посыпаетъ хлѣбными зернами скамьи и полъ. Старшій въ домѣ точно такъ по поднятій покойника садится на то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ, чтобы здѣсь сидѣли всѣ живые. Покойника непременно везутъ на кладбище, хотя-бы оно было и близко. При этомъ особеннымъ почетомъ пользуются везущая гробъ лошади. Вмѣсто повода ее ведутъ за полотенце или кусокъ полотна. Въ Витебской губ. старшій въ домѣ цѣлуетъ ей копыта съ причитаніями. Предварительно ее кормятъ на дворѣ и впрягаютъ только за нѣсколько минутъ до выноса тѣла. Послѣ погребенія, на телѣхъ, на которой везли тѣло покойнаго, никто не ѣдетъ; она нѣкоторое время должна оставаться безъ употребленія, и ее непременно ставятъ оглоблями къ улицѣ, а не во дворъ. Лошадь распрягаютъ на гумнѣ, гдѣ она остается, пока не явится надобность выполнить при ея помощи какой-либо хозяйственной работы. Въ Гродненской губ. кто-либо изъ старшихъ членовъ семьи при выносѣ наливаетъ въ миску около тарнца чистой воды, всыпаетъ туда съ кварту овса и, обойдя три раза вокругъ запряженной лошади, обливаютъ ее этой смѣсью.

Со двора печальная процессія отправляется на кладбище при всеобщемъ плачѣ и соотвѣствующихъ причитаніяхъ родныхъ. Въ присутствіи священника голошенія происходятъ сдержаннѣе. Существуетъ обычай, что дочери садятся на гробъ и, прижимая къ нему головами, плачутъ во все время пути. Когда процессія проходитъ по деревнѣ, хозяинъ дома, около котораго проходитъ процессія, выходитъ за ворота и набожно крестится; когда кто спитъ въ это время, его будятъ, а спящему ребенку кладутъ въ изголовье головную щетку, а въ ноги ножъ. Если провозятъ тѣло около дома, хозяинъ котораго жить не въ ладахъ съ покойнымъ, то онъ выходитъ изъ дому, если желаетъ простить, становится на колѣни и, взявъ немного въ руку земли, потираетъ ею и говоритъ: „Добрый быѣ чловѣкъ. Дарую я табѣ“.

Послѣ отпѣванія и засыпанія могилы всѣ бывшіе на похоронахъ возвращаются обратно въ домъ. Хозяинъ дома и кто-либо изъ старшихъ входитъ первымъ, беретъ свѣчу, горѣвшую на „покутѣ“, ударяетъ ею крестообразно въ косякъ двери и бросаетъ ее наотмашъ. Бабы собираютъ овецъ и бросаютъ его на мѣсто, никѣмъ не попираемое. Старшая-же женщина, войдя въ хату, беретъ горбушку хлѣба и, скобля мѣдный грошъ, говоритъ,

оборачиваясь къ двери: „дзѣды, бацьки, матульки, дзядухны, цетуны, прымне къ себѣ помершаго нашаго бацюхну (или другого кого) я живеци тамоки зъ имъ добре, не поспорце“; этимъ она включаетъ новопредставленнаго въ число умершихъ родичей. Когда всѣ собрались, начинается похоронный обѣдъ, къ которому приглашаются всѣ присутствующіе.

Садятся за столъ по старшинству, причѣмъ дѣлавшіе гробъ занимаютъ видное мѣсто. Причѣмъ, если онъ присутствуетъ, пользуется особымъ предпочтеніемъ. Главную роль изъ блюдъ играетъ ячменная каша—„куцця“. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ интересный обычай—приглашеніе покойника къ обѣду. Такъ, въ Горечкомъ у. (Могилевской губ.) присутствуютъ трижды пробуютъ кутью, приглашая покойника: „хадзи кудцю ѣсца“. Вообще вѣрованіе въ то, что послѣ смерти умершихъ не сразу оставляетъ семью, весьма распространено. Такъ, въ Витебской губ. распространено вѣрованіе, что покойникъ въ продолженіе сорока дней является въ свой и чужіе дома и можетъ наносить вредъ людямъ, съ которыми не дружилъ при жизни. Въ Могилевской губ. подѣ образа ставятъ чарку съ водою, чтобы покойникъ могъ прогнать „смагу“. А въ Быховскомъ у. той же губерніи полотенце, на которомъ вели лошадь, везшую его, въ продолженіе шести недѣль разстилаютъ подѣ образами на лавкѣ и на него ставятъ стаканъ съ водою, которая каждый день мѣняется. Дни поминовенія раздѣляются на „трапины“ (третій день), „дзевяцины“ (девятый день), „сарачины“ (сороковой), „паўгадки“ (полгода), „угодки“ (годъ по кончинѣ), затѣмъ „прикладзны“—добавочный день ко всѣмъ поминовеніямъ. Достаточные стараются во всѣ эти дни отслужить заупокойны панихиды и литургии, менѣе достаточные отслуживаютъ одну-двѣ. Но зато всякій день поминовенія сопровождается „жалобнымъ“ столомъ, къ которому приглашаются родственники, всѣ что-нибудь дѣлавшіе при погребеніи и священникъ. На „жалобный“ столъ печется „завдароўны“ хлѣбъ и варится „сыта“ (растворъ меда); это необходимыя части стола. Если служитъ литургія, то часть кушаній несутъ въ церковь, а по окончаніи литургіи несутъ ихъ на могилу поминаемаго; „сыту“ несутъ послѣ литья въ домъ священника, гдѣ и дѣлятъ между присутствующими. Интересно и то, что есть обычай, по которому кто-нибудь изъ родственниковъ постится съ утра отъ кануна дня поминовенія до окончанія литургіи. Когда соберутся всѣ къ „жалобному“ столу, священникъ благословляетъ „завдароўны“ хлѣбъ и первую частичку его даетъ пожившемуся; затѣмъ одѣляетъ хлѣбомъ всѣхъ членовъ семьи покойнаго и даетъ по частичкѣ на каждую семью, участвовавшую на поминкахъ, а иногда и на каждую семью въ селѣ или въ деревнѣ.

Конечно обиліе „жалобнаго“ стола зависитъ отъ достатка семьи умершаго, а также отъ того, кто изъ членовъ семьи умеръ: поминки по дѣтямъ и вообще младшимъ членамъ не отличаются особой торжественностью и

обиліемъ стола и происходятъ въ тѣсномъ кругу семьи и близкихъ родственниковъ, но поминки по хозяину и хозяйкѣ стараются, даже и бѣдные, справлять по всей старинѣ.

Дни *общаго поминовенія* покойниковъ, или „дзяды“, отличаются у бѣлоруссовъ очень интересными особенностями. Всѣхъ „дзядоў“ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ насчитываютъ четверо,—„четырадзяды“: суббота передъ масляной недѣлей, предъ радоницей („радоўничныя“), понедѣльникъ предъ днемъ св. Троицы („траѣчныя“) и наканунѣ дня св. Николая („Микайлаўскія“). Каждые „дзяды“ сопровождаются обильнымъ ужиномъ; число блюдъ должно быть не менѣе девяти, обычно ихъ готовятъ больше. Всѣ домашніе должны собраться въ домъ къ этой вечерѣ; если кто въ отлучкѣ то спѣшитъ домой. Интересъ „дзядоў“ заключается въ слѣдующихъ обрядахъ. Приготовивъ кушанья, всѣ сосуды съ ними ставятъ на приспѣчѣ или на лавкѣ противъ печи. Затѣмъ хозяинъ зажигаетъ восковую свѣчу и ставитъ ее передъ иконами, въ какой-нибудь сосудъ кладетъ горячихъ угольевъ, бросаетъ туда нѣсколько кусочковъ воска и кадитъ трижды. Вся семья, по указанію домохозяина, начинается молиться; молитвы сопровождаются земными поклонами. Начинается вечера—„дзядованье“. Во время нея хозяйинъ откладываетъ на столъ по три кусочка или ложки каждого блюда. По окончаніи ужина свѣчи тушатся хлѣбномъ коркомъ или блиномъ. При столѣ наблюдаютъ, куда идетъ дымъ отъ потушенной свѣчи: если вверхъ, все будетъ благополучно, если наклонно, и особенно въ дверь,—въ семью кто-либо скоро умретъ. Затѣмъ хозяйка беретъ сосудъ съ остатками пищи и разливаетъ ее на края стола. Остатки кушаній оставляютъ на столѣ до утра: души покойниковъ, по крѣпкому убѣжденію народа, слетаются ночью ужинать. Конечъ обряда заключается въ томъ, что хозяйинъ или хозяйка, забравъ полную кружку воды, поливаютъ отъ стола до двери, причѣмъ говорятъ: „Што не доѣли, не допили, то пдзниця на паперъ на дворъ“. Думаютъ, что произнесеніемъ этихъ словъ удалить души изъ хаты до слѣдующихъ „дзядоў“.

Перейдемъ теперь къ тому обрядовому кругу, которымъ начинается и оканчивается крестьянскій годъ. Эти обряды начинаются *Рождественскими Святками*, когда закрома земледѣльца уже значительно уменьшились, и онъ подумываетъ о будущемъ урожаѣ. Эти святки называются „калядоў“, „калядками“ и считаются съ вечера 24-го декабря до полудня 7-го января. Обряды, выполняемые втеченіе коляды, весьма разнообразны и касаются всего строя крестьянской жизни. Въ эти дни крестьяне три раза справляютъ сочельникъ, который называютъ кутьей, именно вечеромъ 24 декабря, подъ новый годъ (богатая кутья) и наканунѣ Крещенія (голодная кутья). Главнымъ кушаньемъ во время кутьи является ячменная каша—кутья. „Богатая кутья“ называется такъ потому, что она состоитъ изъ скоромныхъ

блюдь. Она также называется кутей „святого козлика“, потому что козлик, когда Иисусъ Христосъ лежалъ въ ясляхъ, своими рогами бросалъ на него сѣно, — „штопъ дзятка на змерала“; поэтому и обращаются въ Васильевъ день, когда пьютъ водку: „святой козлики, святой Василейко, надзляи Боже здоровейкомъ“. Голодная кутя бываетъ постной. Ужинъ въ каждую кутю отличается обиліемъ. Какъ передъ ужиномъ, такъ и послѣ него члены семьи занимаются гаданьемъ. Старшіе гадаютъ о будущемъ урожаѣ, совершаютъ обряды, вслѣдствіе которыхъ скотъ долженъ во-время приходить съ пастбищъ домой, не отбиваясь отъ стада; выражается пожеланіе, чтобы хорошо росли огородные овощи, сѣно. Последнее дѣлается такимъ образомъ: послѣ ужина всѣ отходятъ подальше отъ стола, хозяйинъ садится за столъ, а противъ него садится жена. Мужъ спрашиваетъ: „бабо, чи бачишь ты мене?“ — „Не бачу“. — „Кабы-же ты не бачила за гурками, за гарбузами, за кашустою свѣту!“ Молодежь гадаетъ о женихахъ и невѣстахъ. Вечеріе праздничныхъ вечеровъ молодежь ходитъ по домамъ съ пѣніемъ колядокъ, а также съ козой. Хожденіе съ козой состоитъ въ слѣдующемъ: въ первый день Рождества Христова вечеромъ собирается челоѣкъ пять — десять молодыхъ мужичинъ, выбираютъ изъ среды своей дѣда и такъ называемую „козу“; этому послѣднему одѣваютъ сдѣланную изъ дерева или соломѣ голову съ рогами, подобную козливой, вывернутый полушубокъ и отправляются по деревнѣ съ колядой. Впереди шествуетъ „дѣдъ“, онъ же и спрашиваетъ разрѣшеніе у хозяевъ войти. Последній встрѣчаетъ ихъ съ охотой. Колядники входятъ и начинаютъ пѣть колядку. Въ колядкѣ говорится объ обстоятельствахъ рожденія Спасителя. Пропѣвъ хоромъ передъ столомъ, становятся толпою около лавки; наконецъ изъ толпы выходитъ дѣдъ и ведетъ козъ поскакать да повеселить хозяевъ. Коза выходитъ, скачетъ, кланяется хозяину и хозяйкѣ, а въ это время поютъ хоромъ общезвѣстную пѣсню: „Го, го, коза, го, го, сива!“ и т. д.

Послѣ пропѣнія колядокъ серьезнаго содержанія начинаютъ пѣть юмористическія колядки, которыя прерываются шутками и остротами дѣда (всегда большого остряка) и остальныхъ, сопровождаемыхъ всеобщимъ смѣхомъ. Колядованіе заканчивается обращеніемъ колядниковъ къ хозяевамъ: „Да поклонись (поетъ козѣ) гаспадару, гасподини, штобъ нашу казу дай додарили: рашато ауса, на верхъ колбаса, рашато гречки на варенички“.

Хозяйка выноситъ имъ хлѣбъ, крупу и кусокъ сала. Дѣдъ все это забираетъ, складываетъ въ мѣшокъ, благодаритъ хозяевъ, кланяется, и колядники удаляются дальше. Такимъ образомъ въ ночь они обходятъ всю деревню; свой сборъ обыкновенно продаютъ и собранные деньги, руб. 5—12, отдаютъ въ церковь. Въ нѣкоторыхъ приходахъ этотъ обычай уже выведенъ вслѣдствіе усилій мѣстнаго духовенства. Кромѣ козы водятъ еще „медвѣдя“; переодѣтый медвѣдемъ парень выдѣлываетъ разныя штуки по приказанію

своего вожака. Хожденіе со звѣздой также весьма обычно. Наканунѣ новаго года съ колядой небольшими группами ходятъ дѣвушки; содержаніе колядокъ, распѣваемыхъ ими, составляютъ надежды на будущій урожай и расхваливаніе красоты и удалства домашнихъ.

Кромѣ того въ колядные вечера молодежь обоого пола собирается на игрища и вечеринки. Есть нѣсколько специальныхъ игръ, напр., „женитьба Терешки“, „Яцерь“ и др., которыя выполняются именно въ это время. Молодежь угощаетъ другъ друга на вырученные хожденіемъ съ колядами денги. Святочные игры, благодаря большому количеству выпиваемого вина и тому, что онѣ происходятъ по ночамъ, и наконецъ тому, что онѣ обыкновенно пародируютъ женитьбу, сопровождаются объясненіями, поцѣлуями и вообще весьма свободными отношеніями играющихъ. Пѣсни и припѣвки, которыя поются въ это время, перенослены весьма грубыми, циничными остротами.

Масляница среди бѣлорусскихъ обрядовъ не играетъ большой роли, такъ же какъ и нѣкоторые великопостные обычай. Празднованіе Пасхи сопровождается хожденіемъ „*волочебниковъ*“. Собирается большая толпа крестьянъ во главѣ съ „починальникомъ“ и отправляется по домамъ пѣть „волочебныхъ“ пѣсни. Содержаніе этихъ пѣсней обыкновенно бываетъ таково. Въ нихъ разсказывается, что волочебники пришли къ честному мужу, къ богатому дому, и затѣмъ описывается богатство, которое они здѣсь увидѣли. Богатый, славный „гаспадаръ“ славится своимъ дворомъ. Дворъ подметенъ павлиньимъ перомъ, золотымъ крыломъ. Въ избѣ стоятъ тесовые столы; столы застланы зеленою китайкою; на столахъ стоятъ серебряные кубки; въ кубки налито зелено вино, черное пиво, да сладкій медъ. Въ „волочебныхъ“ пѣсняхъ воспѣвается нива хозяина, желтѣющая густой рожью. Хлѣвы хозяина наполнены добрыми конями. Славному „гаспадару“ помогаютъ св. Юрій, св. Илья и св. Николай. „Волочебные“ пѣсни также воспѣваютъ доблести отцѣльныхъ членовъ семьи, хозяйки, дѣвушки, парня. Всѣ онѣ кончаются напоминаніемъ о томъ, что „волочебниковъ“ надо одарить. Пасхальные праздники у бѣлорусовъ кончаются „радовницей“, справляемой во вторникъ на Фоминой недѣлѣ. Все село высыпаетъ на кладбище, неся съ собою обильные запасы остатковъ пасхальнаго стола. Семья располагается вокругъ могилъ умершихъ родственниковъ. Часть принесенныхъ яствъ съѣдается тутъ-же; часть отдается нищимъ за помянаніе душъ усопшихъ. Въ этотъ день также служатъ панихиды. Къ вечеру на кладбищѣ обыкновенно раздаются голошенія женщинамъ по умершимъ.

Пасха своимъ „волочебничаніемъ“ и „радовницей“ стоитъ среди весеннихъ обрядовъ нѣсколько особнякомъ. Рядъ весеннихъ праздниковъ сопровождается кланіемъ („гуканемъ“) весны и пѣніемъ „веснянокъ“. Первую веснянку поютъ 2-го февраля, затѣмъ прекращаютъ пѣніе и возоб-

повляют его с 9-го марта, когда зима с лѣтом „сустракается“. Веснянки поют в течение всего весеннего времени до Купальскаго дня. Бѣлорусскія дѣвушки обладают очень обширным репертуаромъ весеннихъ пѣсенъ. По своему строю коротенькія весеннія пѣсенки отличаются отъ другихъ пѣсенъ тѣмъ, что въ серединѣ пѣсни имѣютъ припѣвы въ родѣ ауканья, что звучитъ очень красиво, когда пѣсня разносится надъ широкою гладью разлившейся рѣки или въ лѣсной чащѣ. Почти каждый вечеръ весною дѣвушки нѣсколькими группами выходятъ на берегъ рѣки или озера, или за деревню въ поле; когда одна группа пропоетъ одинъ куплетъ пѣсни, другая группа подхватываетъ и поетъ или другой куплетъ, или другую веснянку. Содержаніемъ весеннихъ пѣсенъ служатъ призывъ веснѣ, распускающаяся зелень; другой отдѣлъ веснянокъ говоритъ о „залетахъ“ молодого парня, козака къ дѣвушкѣ, или о ссорахъ дѣвушки замужъ, о зломъ свекрѣ, неслюбомъ мужѣ и о потерѣ дѣвичьей косы. Пѣсни отличаются задумчивостью тона и тихой грустью, чему соответствуютъ музыкальные мотивы.

Пѣвнѣ веснянокъ прерывается нѣсколькими весенними обрядами, которые касаются или всего села, или же только одной молодежи. Общій пѣсенный сельскій праздникъ—это *Юрьевъ день* (23 апрѣля). Св. Георгій считается покровителемъ лошадей и вообще рабочаго скота, который въ этотъ день обыкновенно выгоняютъ впервые на пашню. Въ Бѣлорусси также очень распространено представленіе о томъ, что св. Юрій „отмыкаетъ землю“. Уже наканунѣ Юрьева дня хозяинъ съ пастухомъ выгоняютъ скотъ изъ хлѣва такимъ образомъ: передъ хлѣвнымъ порогомъ стелятъ шубу шерстью вверхъ и заворачиваютъ въ нее кусокъ хлѣба и яйцо. Скотъ выгоняютъ такъ, чтобы онъ прошелъ по шубѣ; хлѣбъ и яйцо отдается пастуху. На утро, передъ выгономъ въ поле скота животнымъ вытираютъ подгрудокъ *страстной* или *обходной* свѣчами (обходная свѣча—та, которая горѣла въ церкви въ Свѣщеніе Господне). Затѣмъ хозяинъ и хозяинка окуриваютъ скотъ „свѣнтельской“ травой (собираемой съ того мѣста, гдѣ во время крестнаго хода стоятъ священники при чтеніи Евангелія). Затѣмъ все село провожаетъ скотъ до выхода въ поле. Въ этотъ-же день хозяева обходятъ поля съ караваемъ и освященною вербою, причемъ въ пѣсняхъ выражается пожеланіе о томъ, чтобы св. Юрій „пустилъ росу“ и далъ теплое лѣто. Пастухи послѣ полдня также обходятъ скотъ съ зажженной головней, горстью соли и освященною водою; все это дѣлается для того, чтобы волки не хватали скота. Дѣвушки въ этотъ день „юрятся“, т. е. выбираютъ себѣ подругу на весь годъ.

Дни св. Троицы сопровождаются обрядами, въ которыхъ преимущественно принимаетъ участіе молодежь. Эта часть весеннихъ праздниковъ весьма интересна. Наканунѣ Троицына дня сѣютъ коноплю. Это дѣлаютъ обыкновенно къ вечеру, такъ какъ послѣ посѣва конопли ничего нельзя

дѣлать—иначе конопля не будетъ удачна. Вечеромъ-же подъ окнами ставить березки и украшаютъ зеленою внутренность избы; полъ посыпаютъ аиромъ (*Acorus calamus*). Въ самый Троицынъ день крестьяне приносятъ въ церковь цвѣты и травы для окропленія ихъ святою водою. Освященная въ этотъ день трава служитъ для окуливанія скота и избъ передъ грозой. Дѣвушки послѣ полудня отправляются въ лѣсъ вить вѣнки. Онѣ украшаютъ себя вѣнками, сплетенными изъ любистка, аира, полыни, буквицы, изъ вѣточекъ березы и черемухи; всѣ эти растенія считаются чародѣйственными, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые употребляются при привораживаніи. Подойдя къ рѣкѣ, дѣвушки бросаютъ вѣнки въ воду, и чей вѣнокъ скорѣе приплыветъ къ берегу, та дѣвушка раньше другихъ выйдетъ замужъ; если вѣнокъ потонетъ, то обладательница его умретъ в течение года. На второй день Св. Троицы дѣвушки, запасшись закуской и водкой, отправляются въ лѣсъ. Здѣсь онѣ принимаютъ съ пѣснями заивать вѣнки. Каждая дѣвушка выбираетъ двѣ небольшія березки и связываетъ верхушки ихъ въ видѣ вѣнка, затѣмъ съ пѣсней проходитъ подъ этими вѣнками. Въ лѣсковыхъ мѣстностяхъ дѣвушки выютъ вѣнки изъ березовыхъ вѣточекъ, сорванныхъ съ тѣхъ же березокъ, которые каждая дѣвушка связала, и съ пѣснями идутъ къ рѣкѣ гадать; въ другихъ же мѣстностяхъ дѣвушки пляшутъ и поютъ пѣсни вокругъ завитыхъ березокъ. Во всякомъ случаѣ завитыя березки остаются в течение недѣли; въ воскресенье дѣвушки приходятъ развѣсить вѣнокъ. Хорошей примѣтой считается, если березки къ тому времени не завянутъ. По выполненіи всѣхъ этихъ обрядовъ дѣвушки поютъ пѣсни, въ которыхъ говорится о томъ, какъ красная дѣвица „покумилася, погудылилася съ бѣлой березонькой“; въ другихъ пѣсняхъ сравнивается ростъ и красота молодой березки съ ростомъ и красотой молодой дѣвицы, или говорится о томъ, что бѣлая кудрявая береза радуется, потому что красныя дѣвицы несутъ ей подарочки; за ними идутъ къ березкѣ съ подарочками старыя бабышки и старые старики; всѣ кланяются березѣ, потому что она бѣлая, кудрявая и моложавая. Пѣсни, съ которыми дѣвушки идутъ въ лѣсъ и обратно, говорятъ объ ожиданіи милой своего милаго.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлорусси сохранился еще одинъ любопытный обычай, пріурочиваемый къ Троицыну дню. Этотъ обычай называется „кустомъ“. Послѣ обѣда собирается компанія дѣвушекъ, выбираетъ самую красивую, одѣваетъ ее въ болѣе нарядное платье, волосы украшаютъ множествомъ лентъ, на голову кладетъ большой вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ и закрываетъ лицо бѣлой вуалью. Дѣвушки водятъ „кустъ“ по деревнѣ, останавливаясь передъ каждымъ домомъ, и поютъ пѣсни. Въ пѣсняхъ встрѣчается припѣвъ: „гдѣ куста водили, тамъ шенечена родила“.

Во многихъ мѣстностяхъ Бѣлорусси крестьяне глѣбятъ, что около Троицына дня изъ воды выходятъ на сушу русалки; выйдя изъ воды, онѣ

остаются на сушѣ втеченіе всего лѣта. Русалки днем ходят по полям и лѣсамъ, ночью-же качаются на деревьяхъ; крестьяне боятся встрѣчѣ съ русалками, потому-что онѣ могутъ зашкелотать человѣка. Особенно опасной является недѣля, слѣдующая за Троицкими днемъ, почему она и называется „русальной“. Дѣвушки втеченіе этой недѣли собираются по вечерамъ и поютъ особыя „русальныя“ пѣсни, а въ послѣдній вечеръ той-же недѣли дѣвушки ходятъ въ лѣсъ и вѣшаютъ на деревья вѣнки изъ цвѣтовъ въ надеждѣ умиловить русалокъ. Въ Рѣчицкомъ у. выполняютъ еще обрядъ провожанія русалки. Этотъ обрядъ исполняется или въ Петровскіи заговѣны, или въ день Ивана Купала. Церемонія эта происходитъ слѣдующимъ образомъ: парни и дѣвушки собираются въ лѣсу и раскладываютъ нѣсколько костровъ одинъ за другимъ въ рядъ; выбравъ одну изъ дѣвушекъ, навѣбѣе красивую, убираютъ ей голову вѣнкомъ изъ цвѣтовъ и травъ и, ставъ по обѣ стороны ея, поютъ пѣсни. Украшенная цвѣтами дѣвица называется „русалкой“. Пропѣвъ нѣсколько пѣсенъ на мѣстѣ, дѣвушки вмѣстѣ съ русалкой удаляются къ ручью. Здѣсь онѣ поютъ и гадаютъ, а затѣмъ русалка снимаетъ съ себя вѣнокъ, вѣшаетъ его на дерево, и вся компанія возвращается къ кострамъ. Здѣсь продолжаютъ игры и пѣніе.

Весенніе праздники заканчиваются шумнымъ Купальскимъ вечеромъ. Канунъ и день *Ивана Купала* справляются въ разныхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи съ различными варіаціями. Въ Бѣлоруссіи очень распространено убѣжденіе въ томъ, что въ таинственную ночь съ 23 на 24 іюня разпѣвается папоротникъ; кто найдетъ этотъ красно-огненный цвѣтокъ, тотъ будетъ обладать свѣдѣніями о зарытыхъ кладахъ. Въ эту ночь всѣ деревня и животныя разговариваютъ между собой. Разговоръ этотъ можно подслушать, много можно узнать изъ него и сдѣлаться знахаремъ. Нечистой силѣ тоже очень много работы въ этотъ день; она развѣиваетъ въ Купальскую ночь на лошадахъ, почему крестьяне не выпускаютъ лошадей въ эту ночь на подножный кормъ. Въ эту ночь вѣдьма отнимаетъ молоко у коровъ, принадлежащихъ непріязненнымъ ей сосѣдямъ, почему хозяйки принимаютъ рядъ мѣръ противъ очарованія скота. Вечеромъ наканунѣ Ивана Купала молодежь собирается около ржаного поля; здѣсь зажигаютъ костры; молодежь распѣваетъ пѣсни и прыгаетъ черезъ огонь. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ парни выходятъ группами въ поле изъ села, причемъ во главѣ каждой группы шествуетъ парень, несущій зажженное колесо (оно густо обмазывается смолой или дегтемъ) на высокомъ шестѣ. Поодаль отъ молодежи располагаются люди солиднаго возраста и проводятъ время въ бесѣдахъ. Въ Гомельской уѣздѣ къ вечеру 24 іюня пріурочивается еще очень интересный русальный обрядъ. Дѣвушки выходятъ изъ деревни, взбираются изъ своей среды русалку и съ пѣснями вьютъ вѣнки. Самый большой вѣнокъ одѣваютъ на голову русалкѣ; выбираютъ также маленькую дѣвочку, которая

называется дочерью русалки, и въ тоже время дѣлаютъ соломенное чучело на подобіе человѣка. Когда все готово, русалка съ распущенными волосами остается въ одной сорочкѣ, а если она посмѣлѣе, то раздѣвается и доната. Русалка со своею дочерью становится во главѣ компаніи съ пѣсней: „Поведу я русалочку до бору, а сама вернусь до дому. Проведу русалочку и въ темный боръ, а сама пойду и въ татковъ дворъ“. Добѣжавъ до поля, раскладываютъ большой костеръ, бросаютъ въ него соломенное чучело, прыгаютъ вокругъ костра и поютъ купальскія пѣсни.

За Иваномъ Купалой слѣдуетъ рядъ обрядовъ, относящихся къ жатвѣ. *Время жатвы* сопровождается массою пѣсенъ лирическаго содержанія, причемъ какъ начало жатвы, такъ и окончаніе ея сопровождаются особыми обрядами. Прежде всего совершаются „зажинки“. Хозяйка съ дочерью или невестками отправляется на ниву и срѣзываютъ первый снопокъ. Этотъ снопокъ съ пѣснями несутъ домой и ставятъ его на лавкѣ подъ образами. Въ дни жатвы крестьяне иногда созываютъ „толочку“, т. е. приглашаютъ сосѣдокъ помочь въ работѣ. При толочкѣ хозяйка обильно угощаетъ пришедшихъ къ нему на помощь. Ко времени толочки принаровлены особыя „толочанскія“ пѣсни. Окончаніе жатвы называется „обжинками“ или „дожинками“. Изъ ржи дѣлаютъ вѣнокъ и крестъ; одна изъ дѣвушекъ одѣваетъ вѣнокъ на голову и идетъ въ домъ того хозяина, на полѣ котораго окончили жатву. Дѣвушки идутъ съ пѣснями, а хозяева устраиваютъ имъ обильное угощеніе. На дожинки къ каждому хозяину собирается толпа, такъ какъ всѣ дѣвушки, которыя окончили жатву у себя, идутъ помотать сосѣдямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ еще обрядъ „завиванія бороды“. На краю поля оставляютъ недожатую ржи на снопокъ. Три дѣвушки, только по три раза, обжинаютъ кругомъ эту рожь, такъ что остается только нѣсколько колосьевъ. Тогда всѣ женщины садятся вокругъ оставшихся колосьевъ, и одна изъ нихъ черезъ полу платья (чтобы земля не была голая), выпаливаетъ между колосьями траву и кладетъ сюда кусокъ хлѣба съ солью. Затѣмъ она беретъ въ руки колосья, сворачиваетъ ихъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ и солью и все это пританцовываетъ къ землѣ. Всѣ живные обряды сопровождаются пѣснями. Въ этихъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ обращеніе къ широкому полю, къ золотистой нивѣ, къ колосистому житу; выражается пожеланіе, чтобы въ полѣ жито стало густыми снопами. Въ пѣсняхъ толочанскихъ и дожиночныхъ женщины обращаются съ поздравленіями къ славному господарю, у котораго родился густой хлѣбъ, выражаютъ пожеланіе о будущемъ урожаѣ, или-же говорятъ о предстоящемъ жнищамъ угощеніи. Но тяжелое время жатвы наводитъ жнищ на размышленіе о тяжелой семейной жизни. Живныя пѣсни — это чудная мелодія, выливающаяся изъ женскаго сердца. Въ мотивахъ живныхъ пѣсенъ вы встрѣчаете отголоски самыхъ задумчивыхъ мыслей женщины. Длинной чередой проходить передъ слу-

шателем отдельные жизненные моменты радости, горя, тревоги, тоски, ненависти и ревности, целая драма разбитой жизни. Вьлая береза осенью говорит со своей листвою о предстоящей разлуке; дѣвушка говорит с матерью: „Моя матулько, моя родная! Якъ мы разстанемся!“ Приѣдутъ сваты, возьмутъ дѣвушку; но она утѣшаетъ мать, проситъ не тужить: дочь не забудетъ о матери. Дочь убивается, горюетъ, мать обезпечена, не предчувствуетъ ли мать, что она попадетъ къ злой свекрови? Со слезами дочь объясняетъ матери, что ее ожидаетъ много оскорблений и горя, много труда въ чужой семьѣ. Вообще горе женщины, переходящей изъ родной въ чужую семью, очень рѣзкими штрихами рисуется въ живыхъ пѣсняхъ. Какъ бы ни работала молодуха, какъ бы ни была скромна въ чужой семьѣ, все таки ею недовольны. Пойдетъ молодуха на жатву и за работой затянетъ звонкую пѣсню; услышитъ свекоръ эту пѣсню и скажетъ, что невѣстка лѣнива, — оттого и поетъ; услышитъ ее голосъ родной бабушка и скажетъ: „милая дочь, много сдѣлала, довольна работой“.

Кромѣ пѣсенъ, приуроченныхъ къ массѣ обрядовъ, бѣлорусская народная поэзія весьма богата лирическими пѣснями. Эти пѣсни приурочены къ извѣстнымъ временамъ года; такъ, въ Петровскій постъ поютъ петровскія пѣсни, въ Филипповъ — филипповскія и т. д. Но содержаніе ихъ одинаково. Это лирическія пѣсни, посвященныя женской долѣ. Въ пѣсняхъ бѣлорусовъ много красоты и граціи. Когда бѣлорусская дѣвушка гдѣ-нибудь въ лѣсу или на поляхъ затянетъ веснянку, въ ее пѣснѣ отражается ликование весенней природы, тихая радость пробуждающейся весны; любовь и нѣга неудержимо летятъ въ голосъ пѣвицы. Это — гимнъ веснѣ. Въ полѣ во время жатвы раздается тихая, грустная мелодія, способная вызвать у слушателя искреннія слезы: это молодуха оплакиваетъ свою горькую судьбу. Но когда женщины возвращаются домой, въ особенности послѣ дождикомъ, то изъ ихъ груди выливается веселая, здоровая пѣсня, въ которой чувствуется довольство послѣ упорнаго дневного труда. Мотивы пѣсенъ, приуроченныхъ къ другимъ временамъ года, выделяются грустнымъ настроеніемъ, вполне гармонизирующимъ со словами. Всѣ наблюдатели, изучавшіе жизнь бѣлорусской деревни, отмѣчаютъ любовь бѣлоруса къ пѣвию. Музыка бѣлорусскихъ пѣсенъ отличается и отъ великорусской, и отъ малорусской. Въ бѣлорусской пѣснѣ нѣтъ той широты, размаха, по которымъ легко узнать великорусскій мотивъ. Въ бѣлорусской пѣснѣ нѣтъ и той своеобразной „веселой грусти“, которой отличается малорусское пѣніе. Мелодія бѣлорусской пѣсни нѣсколько однообразна, заунывна, но мила и граціозна. Вообще преобладаютъ минорные тона, иногда съ мажорнымъ перехватомъ или окончаніемъ. Только нѣкоторыя свадебныя пѣсни и нѣкоторыя веснянки поются въ мажорномъ тонѣ. Но преобладающій грустный тонъ въ пѣснѣ еще не значитъ, что бѣлоруссы не умѣютъ веселиться. Всѣ игровыя пѣсни, многія изъ обрядовыхъ, плясовые отличаются веселымъ, разухабистымъ тономъ.

Вмѣстѣ съ пѣсней бѣлоруссы любятъ и танцы. Несмотря на общій грустный колоритъ поэзіи танцы и пѣніе, которымъ они сопровождаются, отличаются неподдѣльной веселостью. Изъ бѣлорусскихъ танцевъ наибольшимъ распространеніемъ пользуются „лявониха“, „мяцелица“, „подушечка“ и нѣкоторые другіе; впрочемъ народные бѣлорусскіе танцы быстро вытѣсняются передѣлкой городскихъ.

Танецъ „подушечка“ состоитъ въ слѣдующемъ: парни и дѣвушки, взявшись за руки, составляютъ кругъ. Одинъ изъ парней входитъ въ середину, избираетъ дѣвушку, проплясываетъ съ нею нѣсколько разъ въ кругѣ, плѣдуетъ ее и бросаетъ, а самъ соединяется съ хороводомъ. Оставленная дѣвушка избираетъ себѣ для танца новаго парня и т. д. Хороводъ въ это время поетъ, мѣрно подплываетъ, двигаясь то вправо, то влѣво. Танецъ „мяцелица“ отличается бурнымъ исполненіемъ. Собираются въ пары; каждая пара соединена полотенцемъ или поясомъ. Какъ только раздается музыка и пѣсня, начинается настоящая мяцелица: первая пара, пройдя подъ полотенцемъ второй, пропускаетъ ее подъ свое полотенце, затѣмъ то-же продолжаютъ съ третьей парой, третья со второй и т. д. Одновременно такимъ образомъ вертятся всѣ пары, и надо много ловкости, чтобы не быть сплеченнымъ въ этой кутерьмѣ. Движеніе паръ сопровождается мѣрнымъ припотопываніемъ въ тактъ дуды или скрипки. Танцующіе все время поютъ разухабистую пѣсню:

„Курыць, вѣнць мяцелица.
Чаму стары ня женицца?
Якъ же яму жаніцца?
Усѣ будзѣтъ дзвінціцца.
Ухъ, ухъ, уха-ху!
Яныкі голова у снягу.
— А якъ гэта да-й ня снѣгъ.
Тогда будзѣць людзямъ снѣгъ!
Ухъ, ухъ, уха-ху!
Гэта-жъ я быу на таку.
— А якъ гэта да-й ня пыль,
То адъ дѣўкі будзѣць тыль,
Охъ, охъ, оха-хо!
Гэта-жъ на мяѣ малако.
— А якъ яго не састрѣмъ,
Каго въ танецъ павядзюмъ?

Охъ, охъ, аха-ха!
Гэта-жъ на мяѣ да-й мука,
— А якъ яна ня слянца.
Кто на стараго да-й нагладнца?
Курыць, вѣнць, закурцадсь,
Мая дѣўка разаліцась.
— А якъ же ей не разаліцца,
Калі стары да яѣ масціцца?
А хоць стары—не паганый,
Ліцо дужый и румяный.
— А што кому до того?
Можа я пайду за яго!
Курыць, вѣнць мяцелица,
Пеунѣ (вѣрно) стары аженицца.
— А што кому да таго?
Можа я люблю яго.

Вообще бѣлоруссы охотно предаются необузданному веселью, обладая очень богатымъ и разнообразнымъ подборомъ плясовыхъ припѣвковъ. Пѣсни, танцы и игры сопровождаются обильнымъ употребленіемъ вина. Любовь къ вину, пляска и веселье иногда съ большимъ комизмомъ описываются въ пѣсняхъ. Вотъ какъ, напр., бѣлорусъ подтруниваетъ надъ своими-же грѣш-

ками въ одномъ стихотвореніи составленномъ еще въ періодъ крѣпостного права (приводимъ съ сокращеніями):

Гей, кабъ намъ быць вяселѣй!
Гей, кабъ намъ быць пасмѣлѣй!
Пайдземъ, брадцы, въ кабакочъ,
Выпьемъ горѣлки крыочокъ.
Будземъ пиць горѣлку въ рядъ!
Пили бакки и дзды
И мы ступимъ въ ихъ сѣдны:
Ены горя называли,
Горѣлку добре сцелили (пили залпомъ).

Далѣе описывается самый пиръ:

Дзидзяка сѣдзны, пишку (трубку) куриць,
Пьецъ горѣлку, вочы жмуриць;
А дзядина (тетка) не уважаецъ,
Цѣлкомъ чарочки глотаецъ.
Савка скачецъ, цешецъ, цешецъ,
Уморився, ледва дышецъ.
Силиванъ зъ Бориса шкемци (смѣется),
Пьецъ горѣлку, духту (взлоръ) мелиць;
За языкъ въ малыкъ (затылокъ) зловить,
Ажъ дбомъ завери отворить;
Хведосъ за угломъ козлы дзере,
А Микита носомъ оре.
Ци имъ черци надавали?
Значъ, что мѣрку перебрани?

Но тутъ является господскій экономъ съ кнутаомъ въ рукахъ и разгоняетъ всю веселую компанію.

Вмѣстѣ съ пѣніемъ бѣлоруссы очень любятъ и музыку. „Музы́ка“ — скрипачъ является любимымъ гостемъ на свадьбахъ и игривахъ молодежи. Даже простое появленіе „музы́ки“ въ деревнѣ вызываетъ къ нему всеобщее вниманіе, и онъ всегда можетъ быть увѣренъ, что въ воскресный день и даже подъ праздникъ получить и обильное угощеніе, и посильное подношеніе. Кромѣ скрипачей въ старой Бѣлоруссіи были еще „дудары“. И теперь кое-гдѣ ихъ можно встрѣтить съ „дудомъ“ въ Витебской Бѣлоруссіи. Дуда состоитъ изъ кожаного мѣшка, видомъ своимъ напоминающаго бычачій пузырь или бурдюкъ; въ верхнюю часть дуды, образующую небольшую шейку, вставляется деревянная трубочка вершка (около 8 вершковъ длиною) съ пестью клапанами на лицевой сторонѣ и однимъ на нижней; эта трубочка на-

зывается „пираборомъ“. Въ головкѣ этого перебора, которая находится внутри корпуса, вставляется пищикъ изъ крѣпкаго пера. Кромѣ того въ переборъ вставляются два „гудки“, т. е. длинныя трубочки не одинаковой длины; эти трубочки изъ перебора идутъ въ корпусъ дуды. Сдѣланная такимъ образомъ дуда даетъ цѣлую октаву звуковъ простой гаммы. За отсутствіемъ музы́ки съ его скрипкой или дударя съ дудой молодежь довольствуется самодѣльными инструментами, сдѣланными изъ лозовой коры или изъ ствола бузины — „пищичками“, „посвирѣлками“, „жулейками“.

Особенную категорію музыкантовъ и пѣснопѣицевъ представляютъ собою „лири́ики“. Они впрочемъ извѣстны больше въ южной части Бѣлоруссіи, и „лира“, быть можетъ, занесена сюда подъ малорусскимъ вліяніемъ. Съ „лирами“ ходятъ „старцы“ — слѣпцы. Въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи старцы ходятъ безъ „лиры“. Бѣлорусскихъ старцевъ было бы ошибочно принимать за профессиональных нищихъ, т. е. бѣдняковъ, живущихъ исключительно подаяніемъ. У многихъ изъ нихъ есть не только свои избы и пады земли, но и заведено хорошее хозяйство. Физическій-же недугъ побуждаетъ ихъ ходить со „старцевою торбою“. Старцы иногда ходятъ группами, человѣка по два и по три, иногда-же по одиночѣ. Никакой „кирмашъ“, т. е. ярмарка, никакой „фестъ“, т. е. храмовой праздникъ, не обходится безъ присутствія многочисленныхъ старцевъ. Они разсаживаются гдѣ-нибудь неподалеку отъ церкви и распѣваютъ свои „старцовскія“ пѣсни, иногда подъ разнообразный аккомпаниментъ лиры. Каждая группа старцевъ окружена толпою внимательныхъ слушателей. Къ протяжному, заунывному пѣнію старца относятся съ большимъ почтеніемъ, такъ какъ ихъ пѣсни считаются поучительными. Тутъ слушатели знакомятся съ тѣми мучениками, которыхъ постигаютъ грѣшники въ аду, съ тою наградою, которую получаютъ люди богобоязненные и чуждые нищихъ и т. д. Группы слушателей переходятъ отъ однихъ старцевъ къ другимъ и съ одинаковымъ умиленіемъ, глубокими вздохами и со слезами въ десятый разъ выслушиваютъ хорошо имъ знакомый стихъ. И слушатели не оставляютъ посильными подаяніями пѣицовъ. Больше бѣдные изъ старцевъ ходятъ также и по деревнямъ, въ особенности лѣтомъ. Какъ только въ деревнѣ станетъ извѣстно о появленіи старца, къ нему собираются группы за группой слушатели. У каждаго старца или у группы ихъ имѣется свой „повадиръ“ — мальчикъ, котораго старцы нанимаютъ для того, чтобы онъ ихъ водилъ. Среди старцевъ встрѣчаются и женщины, но бѣлоруссы предпочитаютъ слушать стихи отъ мужчинъ. Во многихъ мѣстностяхъ существуютъ особая „старцевія“ организаціи. Всѣ старцы извѣстной округы въ извѣстномъ пунктѣ имѣютъ икону, которую считаютъ своею и въ честь которой справляютъ праздники. Во главѣ округы стоитъ особый староста, который получаетъ годовое жалованье. Всѣ старцы данной округы дѣлаютъ извѣстный взносъ. Въ дни празднованія избранной

иконы всё старицы собираются, причем делается проверка их взноса. После обрядов устраивается „громадский“ обед. Непременной принадлежностью пира бывает медь, приготовляемый самими слесарями. Праздник продолжается несколько дней. В этом „старейком“ обычае нельзя не узнать древних братиных, на которые собирались все братчики известного братства, причем медоварение составляло неизменную принадлежность братского пира.

Песни обрядовые, лирические, плясовые, рекрутские, „пьяницы“, наконец духовные стихи, при всем их обилии и разнообразии, далеко еще не исчерпывают богатого запаса белорусского народного творчества. К этому следует еще добавить богатый материал народных сказок, пословиц, загадок и заговоров. Но белорусское творчество небогато историческими песнями: их немного, и содержание их исключительно вращается в области прежних крепостных отношений. В прежнее время в Белоруссии были еще известны и былинны, эпические сказания. Теперь же эпос здесь неизвестен. Однако в белорусских сказках и в некоторых песнях сохранились следы эпических сказаний о князе Владимире Красном Солнышке, Алеше Поповиче, о Илье Муромце с его противниками Идолищем Поганим и Соловьем Разбойником и т. д.

Белорусское прошлое*).

(По поводу статей А. Пыпина, помещенных в „Вестник Европы“ прошлого года).

I.

Обозревая прошлогоднюю журнальную литературу, относящуюся собственно к Белоруссии, мы должны сознаться, что прошлый год не прошел совершенно безследно в русских журналах в вопросах, касающихся изучения родного нашего края. Не прошел безследно именно потому, что в прошлогодних номерах „Вестника Европы“ появилось 4 статьи известного ученого А. Пыпина, посвященные изучению Белоруссии, — „Белорусская этнография“.

Белоруссия еще до сих пор представляет для большинства русских людей своего рода terra incognita; она так мало известна в русском обществе, о ней так мало пишут и говорят, в научном отношении она так мало исследована, что труд г. Пыпина является дорогим вкладом в литературу, относящуюся к Белоруссии, а мы, белорусы, должны быть вполне признательны маститому ученому за то, что он принял на себя труд разъяснить интереснейшие и важнейшие факты исторической и литературной жизни нашей родины.

Задача, положенная г. Пыпиным в основу статей своих „Белорусская этнография“, заключается в исследовании литературы, как польской так и русской, посвященной изучению Белоруссии и особенно ее этнографии; таким образом он пытается прислать взгляды той и другой литературы на историческую судьбу и современное положение этого края. Нечего и говорить о важности подобного рода исторического анализа: только таким образом возможны прочная, основанная на фактах исторических и этнографических, постановка взглядов всего русского общества на прошлую судьбу и современное состояние нашего края, а следовательно

*) Печатались в газете „Минский Листок“ за 1888 г.

и постановка его будущих отношений к остальным частям общего нашего отечества.

Что такое именно назначение должны иметь статьи „Бѣлорусская этнография“ и по мысли самого автора, видно, какъ намъ кажется, изъ первыхъ же строкъ этого изслѣдованія. Г. Пыпинъ такъ начинаеъ свои статьи: „Можетъ быть поставленъ вопросъ: существуетъ ли „Бѣлорусская этнография“, т. е. слѣдуетъ ли трактовать отдѣльно матерьялы, относящіеся къ этой западной отрасли русскаго племени? Существуетъ ли сама бѣлорусская народность?“ (В. Е., апрѣль, стр. 644).—Далѣе, указавъ на то, что русское общество и литература только въ недавнее время начали интересоваться одноплеменной имъ Бѣлорусіею, только въ самое позднѣйшее время, послѣ польскаго возстанія 60-хъ годовъ, русское общество узнало новость о существованіи родственнаго ему бѣлорусскаго племени, онъ задается такимъ вопросомъ: „Существованіе бѣлорусскаго „племени“ также не подлежитъ сомнѣнію, вопросъ идетъ о томъ, на сколько и въ какихъ сторонахъ своего характера это племя отличается отъ того великаго племени, которое составляетъ зерно и господствующую народность русскаго государства? Отвѣтъ на это дадутъ и исторія племени, его языкъ и бытовые черты“ (стр. 645). Однако центръ тяжести въ изслѣдованіи г. Пыпина ложится, какъ и слѣдовало ожидать, на анализъ литературы, относящейся собственно къ этнографіи Бѣлоруссіи. Въ видѣ же отвѣта на приведенный выше вопросъ, онъ предлагаетъ небольшое вступленіе (стр. 645—666), въ которомъ пытается выяснитъ нѣкоторые отношенія Бѣлоруссіи къ Польшѣ и Россіи.

Подробное изслѣдованіе этихъ отношеній не входитъ въ задачу изслѣдованія г. Пыпина. Однако изслѣдованіе историческихъ отношеній Бѣлорусскаго племени къ его сосѣдямъ, а также изслѣдованіе отношеніе его языка къ сосѣднимъ и бытовымъ этнографическимъ особенностямъ, имѣютъ для насъ весьма важное значеніе. Поэтому мы, въ свою очередь, постараемся сдѣлать очеркъ историческихъ отношеній Бѣлоруссіи къ ея сосѣдямъ.

II.

Въ одной изъ прошлыхъ статей мы уже имѣли случай указать границы древней Бѣлоруссіи въ періодъ ея въ IX—XII в. Нужно замѣтить, что границы эти, съ незначительными измѣненіями, оставались въ продолженіе всей исторической жизни Бѣлорусскаго племени и остаются до настоящаго времени. Мы указали также, что страна, образовавшая въ послѣдствіи Бѣлоруссію, населена была нѣсколькими племенами: Дреговичами, Кривичами (Полоцкими и Смоленскими) и Радимичами. Разсмотримъ, въ какомъ отношеніи были эти племена къ остальнымъ племенамъ древней Руси.

Древнѣйшія извѣстія о нашихъ предкахъ застаютъ ихъ уже раздѣленными на множество племенъ, поселившимися по большей части нѣмѣш-

ней Россійской равнины; племена эти уже тогда не составляли одного общаго цѣлага; они различались какъ по своимъ правамъ и обычаямъ, такъ и по языку и степени образованности. Объ этомъ прямо и неоднократно упоминаетъ начальный лѣтописецъ, говоря: „Поляномъ же живущимъ особъ по горамъ сямъ“—„Поляномъ же живущимъ особъ и владѣющимъ роды своими, яже и до сѣя братья бяху Поляне, и живыху каждо съ родомъ своимъ на своихъ мѣstechъ, володѣюще каждо родомъ своимъ“¹⁾; далѣе лѣтописецъ ясно указываетъ на то, что русскія племена имѣли между собою этнографическія различія, говоря: „Имѣющимъ бо обычай свой, и законы отецъ своихъ и преданія каждо свои поротъ. Поляне бо своихъ отецъ обычай имяху тихъ и кротокъ... А Древляне „живяху звѣрьскимъ образомъ, живуще скотъскы... А Радимичи и Вятичи, и Северо одинъ обычай имяху... Сиде же обычай творяху и Кривичи и прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божіа, но творяху сами себѣ законъ“²⁾. Эти слова начального лѣтописца ясно указываютъ на то, что уже въ древнѣйшій періодъ Русскія племена не составляли одного цѣлага.

Одно племя жило особо отъ другого, управляясь своимъ родомъ, имѣя своего князя. Лѣтописи неоднократно указываютъ на существованіе отдѣльныхъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ князьковъ у древне-русскихъ племенъ: „и по сей братья почаша, дръжати родъ ихъ княженіе въ Поляхъ, а въ Деревляхъ свое, а Дроговичи свое, а Словѣне свое въ Новгородъ, а друзи на Полоцѣ, иже и Полочанѣ“³⁾. Далѣе мы встрѣчаемъ интереснѣйшее мѣсто при описаніи Олегова похода въ Грецію въ 907 г. „И заповѣда Олегъ... дати уклады на Русскіе города... по тѣмъ бы городамъ сѣяху князи подъ Ольгомъ суще“⁴⁾; кромѣ того лѣтописи даже называетъ по имени такихъ князей, какъ Малъ, Полоцкій Рогволодъ, рассказываетъ народное преданіе о Турѣ, Радимѣ и Вяткѣ. Эти замѣчанія лѣтописца для насъ особенно важны: они такимъ образомъ неопровержимо устанавливаютъ то положеніе, что древнерусскія племена, не составляя одного этнографическаго цѣлага, не представляли собою ничего политически-цѣлага. И этотъ строй государственности, положенный въ основу древне-русской жизни, сохранился надолго, до полного подчиненія восточной Руси Московскому началу государственности, а западной—Литовскому. Конечно, значеніе и власть племенныхъ князьковъ не слѣдуетъ представлять себѣ въ томъ видѣ, въ какомъ то и другое проявляется въ послѣдствіи, особенно въ Восточной Руси. Князья племени представляютъ изъ себя старѣйшинъ, которые съ по-

¹⁾ Ипат. стр. 4, 5 и еще см. на 7.

²⁾ Ипат. стр. 7—8.

³⁾ Ипат. 6 стр.

⁴⁾ Ипат. 18 стр.

мощью вѣча правили племенемъ, т. е. творили въ немъ судъ на основаніи
обычнаго права и предводительствовали на войнѣ. Уже въ X вѣкѣ мѣстные
національные князья уступаютъ мѣсто князьямъ изъ одного рода Рюрико-
вичей. Русь объединяется подъ властью одного княжескаго рода. Объеди-
неніе это вызвано скорѣе внѣшними причинами, чѣмъ внутреннимъ стрем-
леніемъ племенъ къ соединенію. Этнографическое различіе племенъ мѣшало
во все продолженіе древняго періода къ сліянію въ одно цѣлое. Это разли-
чіе поддерживалось неудобствами географическаго положенія, занятаго Русью.

Многіе современные историки видятъ въ равнинности и обширности
страны, занимавшей огромное пространство и нигдѣ не ограниченной есте-
ственными предѣлами, залогъ и причину соединенія подъ одной властью
русскихъ племенъ. Однако это не совсемъ вѣрно. Именно равнинность и
обширность Россійской низменности, покрытой сплошными непроходными
лѣсами¹⁾, болотами озерами, рѣдко населенной, содѣйствовало раздѣленію,
какъ этнографическому, такъ и политическому, а не соединенію Русскихъ
племенъ. Раздѣляющее начало, заключенное въ устройствѣ поверхности
и географическомъ положеніи, состояло именно въ томъ, что сообщеніе
между племенами, какъ въ обыденной жизни частныхъ лицъ, такъ и въ
политической жизни племенъ, затруднялись отдаленностью ихъ другъ отъ
друга. Въ самомъ дѣлѣ, не легко было пробраться въ отдаленный Ново-
родъ или Полоцкъ; трудное и долгое путешествіе предстоило изъ Ново-
рода въ Кіевъ и Тмутаракань, на Крымскомъ полуостровѣ, принадлежавшую
въ XI вѣкѣ Руси и населенную, какъ доказываютъ изслѣдованія, русскимъ
племенемъ²⁾. Удобство путей сообщенія, заключающееся въ выгодномъ ра-
сположеніи рѣкъ нашей страны³⁾, по возможности смягчало этотъ недоста-
токъ нашего географическаго положенія, давая возможность вести торговлю
и политическія сношенія. Но для частныхъ лицъ, для общаго культурнаго,
обширность страны представляла не мало препятствій; препятствія заклю-
чались также и въ природномъ характерѣ страны: рѣки, болота и непрохо-
димый лѣсъ отдѣляли одно племя отъ другого. Препятствія эти по суще-
ству весьма незначительны, но они несомнѣнно имѣли важное вліяніе въ
древности, которое сказывается по настоящее время⁴⁾. Одно племя или да-
же отдѣльный родъ, окруженное рѣками, болотами, лѣсами, вырабатывали ка-
кой либо новый обычай, образовались у него новыя слова, неизвѣстныя

¹⁾ Лѣсами была покрыта въ древности не только сѣверная Русь, но и южная
ея часть. Объ этомъ изслѣдованіе П. В. Голубовскаго „Печенегъ, Торки, Половцы.“

²⁾ См. Голубовскаго: „Истор. зем. Сѣверской до половины XIV в.“

³⁾ См. статьи наши „Древняя Бѣлоруссія“.

⁴⁾ Объ этомъ смотр. блестящую статью Костомарова „О федеративныхъ нача-
лахъ въ древней Руси“.

другимъ наконецъ измѣняло костюмъ и т. д., и все это могло уже служить
для мѣстныхъ племенныхъ отличій¹⁾.

Мы указали на внутреннія причины, мѣшавшія русскимъ племенамъ
слиться въ одно цѣлое. Однако, внѣшнія обстоятельства заставили ихъ
вступить еще въ IX вѣкѣ въ союзъ между собою, главнымъ двигателемъ
котораго были Поляне и ихъ кіевскіе князья. Внѣшнія обстоятельства эти
были: съ востока походы на Русь Хазарь, а съ сѣвера—варяжскихъ дру-
жинъ; сюда же пужно отнести и внутренніе несогласія племенъ; кромѣ то-
го и кіевскіе князья, усилившіе добровольнымъ присоединеніемъ нѣкото-
рыхъ племенъ, стремились къ покоренію остальныхъ. Происходитъ борьба
кіевского централизованнаго начала съ русскими племенами, устремившими-
ся къ децентрализаци и самовластной самостоятельности. Борьба эта про-
должалась до конца X в.; послѣдними были побѣждены Родичицы Влади-
ромъ Святославичемъ 984 года²⁾.

Первоначальное, при Игорѣ, Олегѣ, Святославѣ, подчиненіе русскихъ
племенъ Кіеву выражалось въ томъ, что они платили дань³⁾ кіевскимъ
князьямъ; мѣстные князья еще оставались у власти надъ своими племена-
ми. Союзъ съ сильнымъ кіевскимъ княземъ представлялся имъ выгоднымъ
потому одному, что послѣдній могъ защитить ихъ отъ сосѣдей. Но пока
племена имѣли своихъ князей, неоднократно мы видимъ стремленіе нѣко-
торыхъ изъ нихъ возвернуть зависимость отъ Кіева: племена дѣлаютъ по-
пытки возстать и отдѣлиться (напр. возстаніе Древлянъ въ 913 г. и др.⁴⁾).
Съ другой стороны, и Кіевскіе князья стремятся къ ниспроверженію пле-
менныхъ князей; они стараются, вмѣсто такихъ князей, садить своихъ
мужей, воеводъ. Но не все племена соглашались на это⁵⁾; тогда князья,

¹⁾ Что это такъ, можно привести не мало фактовъ. Такъ, напр. извѣстно,
что прозвища, даваемые одному племени въ насмѣшку надъ другимъ, служили при-
чиною кровавыхъ столкновений. Когда въ 1016 г. Ярославъ сошелъ на берегахъ
Днѣпра съ Святославомъ, воевода послѣдняго, желая вызвать на битву Новгород-
цевъ, подражалъ имъ, говоря: „Что придете съ хромцемъ симъ, (Ярославомъ) а
вы платящии суще? а приставимъ вы хоромъ рубить нашихъ“ (Ипат. 99). Новгоро-
дцы до того оскорбились этимъ, что съ особенною яростью бросились на Святославо-
во войско и побѣдили его. И въ настоящее время мѣстныя отличія одного племени
отъ другого служатъ причиною насмѣшекъ и враждебныхъ столкновений. Вѣзюроевъ
Мозырскаго уѣзда при всякомъ удобномъ случаѣ выругаетъ своего сосѣда Волянца
„хохломъ“, а послѣдній Вѣзюроева „лпонономъ“.

²⁾ Ипат. 55.

³⁾ „Устави (Олегъ) дани Словѣнамъ, и Кривичамъ, и Мерямъ“. Ипат. 13. „Иде
Игорь на Древлянъ и побѣдивъ возложи на нихъ дань больше Ольгови“ Ипат. 25.
„Побѣди Святославъ. Витичъ и дань на нихъ возложи“. Ипат. 14 и мн. др.

⁴⁾ Ипат. 25.

⁵⁾ Новгородцы требуютъ себѣ отдѣльнаго князя у Святослава, не желая упра-
вляться княжескимъ посадникомъ. См. Ипат. 45.

Довнаръ-Запольскій.

удовлетворяя требование, посылают к важнейшим племенам своих сыновей. С этого начинается, так называемый, удельный период древнерусской истории. Хотя удельный период не мало занимал русских историков, хотя ему посвящены труды лучших исследователей, но это интереснейшее время русской истории до сих пор еще остается загадочным, не выясненным.

Для объяснения сущности удельной системы многие историки предлагали различные теории, но однако в действительности ни одна не оказывается состоятельной¹⁾. Не вдаваясь в критический разбор теорий, пытающихся разъяснить удельный период, укажем на главную его сущность. В действительности в удельно-вѣчевом период русской истории мы замечаем: 1) проявление и развитие племенной жизни народностей, составивших тогдашнюю Русь, 2) борьбу князей и 3) слияние княжеских интересов с интересами земств. В чем же выражалось проявление племенной жизни русских племен?

Прежде всего оно выразилось в усилении вѣча, как выразителя народной воли. Вообще, вѣче играет весьма видную роль в удельный период.

Развитие самостоятельности какой либо из русских земель шло параллельно с развитием вѣчевого порядка. В развитии вѣчевого порядка выражалось развитие общественного самосознания племени. Как только вѣче принимало болѣе или менѣе устойчивое положеніе, оно немедленно требовало себя князя, не желая подчиняться княжеским чиновникам. Но и подучив князя, вѣче нѣкоторых городов, гдѣ оно получало особенное развитие, старалось ограничить самый институт княжеской власти, т. е. заставить князя править на договорном началѣ. Вѣче стремилось по возможности уменьшить влияние княжеской власти на внутреннѣя дѣла страны, предоставив ему выполнять функции верховнаго вождя въ военных предпріятіях и верховнаго суда въ особенно важных случаях. Главнѣйшая цѣль, къ которой стремилось вѣче—право выбирать князя. Полоцкое вѣче, какъ наиболѣе развившееся, достигло этого уже въ половинѣ XII в.

Особенное развитие вѣчевого порядка, а потому и національной само-

¹⁾ Приведемъ важнѣйшія изъ мнѣній. Карамзинъ полагалъ, что великіе князья раздавали волости своимъ дѣтямъ въ силу отеческой къ нимъ любви. Знаменитый авторъ „Исторія Россіи“ С. М. Соловьевъ и его многочисленныя послѣдователи—раздачу земель великимъ князьямъ, какъ родоначальникомъ княжескаго дома и слѣдовательно, вся русская земля представлялъ одно родовое мнѣніе княжеской семьи, а борьбу князей между собою они признаютъ борьбою за княжескія родовые счеты. Костомаровъ видитъ въ борьбѣ племенъ и князей борьбу народностей. Наконецъ еще одно важное мнѣніе проф. Сергѣевича, который выводитъ въ удельно-вѣчевомъ укладѣ договорное начало между князьями и городами.

стоятельности мы видимъ въ жизни Полоцкаго княжества; не менѣе самостоятельности проявляетъ къ концу XII в. Смоленское вѣче; развитие Туровскаго вѣча почти не замѣтно. Прослѣдить развитіе вѣчевого уклада въ древнихъ белорусскихъ княжествахъ весьма интересно, но мы оставимъ до другаго раза.

Въ основѣ своей развитіе вѣчевого уклада, какъ представителя народной воли и власти, оказывало на умственную политическую жизнь страны самое благотворное воздѣйствіе и могло повести къ самымъ блестящимъ результатамъ. Но когда вѣча еще были слишкомъ молоды, началась упорная партійная борьба. Особенно эта борьба была ожесточена во второй половинѣ XII в. въ Полоцкомъ княжествѣ. Борьба партій, неустойчивость правленія, внутренніе раздоры и борьба съ пригородами: Минскомъ, Друцкомъ и др. окончательно ослабили Полоцкое княжество и способствовали его паденію. Развитіе вѣчевого уклада Полоцкаго княжества дошло до того, что Полоцкъ превратился въ концѣ XII в. въ *республику*: объ этомъ ясно говорить одно извѣстіе: *Полоцкѣмъ вѣчемъ ся справляли какъ Великій Новгородъ и Псковъ*¹⁾.

Другое враждебное обстоятельство, клонившее къ упадку древнерусскую жизнь, вызывавшее новыя и новыя междоусобія и ожесточенную борьбу—эта борьба *главныхъ городовъ* съ ихъ *пригородами*. Пригороды поднимали борьбу вслѣдствіи того же стремленія къ самостоятельности, вслѣдствіи княжескимъ посадникамъ; пригороды не желаютъ управляться княжескимъ посадникомъ; они призываютъ себя самостоятельнаго князя. Такъ извѣстна долгая, упорная борьба Полоцкихъ пригородовъ Минска, Друцка, Города съ Полоцкомъ. Борьба эта только ослабляла силы страны.

Кромѣ всѣхъ этихъ бѣдствій удельно-вѣчевого періода нужно еще прибавить споры и борьбу князей за личные родовые счеты.

Удельный князь былъ лично самостоятеленъ въ распоряженіяхъ надъ своею областью и если сѣлся, то только вѣчемъ. Но во вѣчныхъ дѣлахъ, въ отношеніяхъ къ другимъ удѣльнымъ князьямъ, въ случаѣ когда общее дѣло, напр. походы, требовали общаго соединенія русскихъ князей, удѣльный князь повиновался великому кievскому князю, или въ большинствѣ случаевъ общему совѣту князей.

Таково было положеніе древне-русскихъ областей до начала XIII в. Мы остановились особенно на этихъ основахъ русской жизни, потому что они имѣли, какъ увидимъ, для Бѣлоруссіи весьма важное рѣшающее значеніе въ послѣдующей жизни, въ послѣдующихъ ея отношеніяхъ къ Литвѣ и московской Руси, остановились еще и потому, что до сихъ поръ никто, насколько намъ извѣстно, не бралъ на себя труда проанализировать исто-

¹⁾ Этого же Быховца въ изданіи Нарбутта.

рические отношения белорусских племен к соседям, а в разбираемых статьях г. Пыпина об этом сказано вскользь.

Правда, указанные условия древне-русской жизни во многом содействовали ослаблению внутренних сил Руси, потому что выдвигали целый ряд междоусобиц. Однако, в них были и прекрасные зачатки будущего; эти зачатки мы видим в развитии вичевого уклада и самостоятельности отдельных областей: эти начала могли повести к соединению Руси на чисто *федеративных* основах, с полной областной самостоятельностью; областная же самостоятельность имела бы то важное значение, что не мешала бы каждой составной части государства развиваться самостоятельно на выработанных ею исторических основах. Но однако, пока складывался порядок новой жизни на Руси, зачатки которой мы указали, пока происходило брожение, татарское иго с одной стороны и Литовское завоевание с другой приостановили свободный рост русских земель, и Литовцы для западной части, Монголы для восточной внесли свои своеобразные начала, которым поневоле должны были подчиняться русские племена, как подчиненные.

Что-же такое была Литва, что она внесла с собою в основы древней белорусской жизни, в какие, наконец, условия стали подчиненные и владычества?

III.

Литовское племя впервые появилось под этим именем на страницах летописных извещий в X вѣкѣ. Оно тогда уже не представляло собою этнографического цѣлаго, состоя изъ нѣсколькихъ племенъ: Ятвяговъ, Прусовъ, Жмуди, собственной Литвы, Латышскихъ племенъ и др. Однако, первые извѣстия о Литвѣ отличаются крайнею скудностью и неопредѣленностью. Только во второй половинѣ XII в. на нее начинаютъ обращать вниманіе въ Зап. Европѣ и въ концѣ этого вѣка слагается на устьяхъ Западной Двины нѣмецкій военный орденъ, имѣющій цѣлью обращеніе язычниковъ литовцевъ въ христіанство.

Сношенія Литвы съ Русью начались съ X вѣка; сношенія эти не имѣли характера политическихъ отношеній одного государства къ другому. Какъ ни скудны извѣстия о сношеніяхъ литовско-русскихъ¹⁾ до половины XIII вѣка, однако можно вывести о Литвѣ заключеніе, что племена эти не составляли одного политически цѣлаго народа, дѣлились на множество самостоятельныхъ племенъ и дѣйствовали, въ столкновеніяхъ съ русскими, отдѣльными группами.

¹⁾ О нихъ см. Ипат. стр. 108, 212, 340, 355, 419, 452, 455, 456, 483, 492 503 и др. Татищевъ, т. I, стр. 318, 301 и др.

Многія изъ пограничныхъ литовскихъ племенъ платили дань полоцкимъ князьямъ, даже въ глубинѣ литовскихъ земель были литовско-русскіе княжества, гдѣ князья были русскіе, зависѣвшіе отъ полоцкаго. Кромѣ мирныхъ колонизаціонныхъ сношеній Кривичей и Дреговичей съ Литовцами, летописи упоминаютъ только о военныхъ походахъ русскихъ князей на Литву, каковыя походы, вѣроятно, вызывались отложениемъ литовскихъ данниковъ или желаніемъ принудить платить дань еще не завоеванныя племена. Въ такомъ видѣ представляются литовско-русскіе отношенія до конца XII вѣка.

Но уже въ концѣ означеннаго вѣка и въ началѣ слѣдующаго между литовскими племенами замѣчается значительное возбужденіе. Возбужденіе это клонилось къ соединенію литовскихъ племенъ въ одно цѣлое, слѣдовательно, къ централизациі племени и къ сплоченію его подъ властью князя. Возбужденіе это и потребность въ соединеніи вызвана была двумя или даже тремя причинами, чисто вѣщными характера: съ сѣвера на Литву начиналась нападать нѣмецкій орденъ, притѣснять и грабить покоренныя племена, обращать насильно въ христіанство и тѣмъ заставляя ихъ отказываться отъ родной зажиточной страны, отъ вѣры отцовъ, къ которой литвины питали глубокое и упорное почтеніе; съ лишеніемъ старой языческой религіи и съ обращеніемъ въ католичество, литвины лишались своей національной свободы, политической независимости и должны были подчиняться власти корыстолюбивыхъ рыцарей. Въ такое положеніе стали соплеменники и сосѣди Литвы—Латыши; такая же участь грозила коренной Литвѣ и Жмуди. Литовскому народу предстояла борьба съ могущественнымъ, искуснымъ въ военномъ дѣлѣ, непріятелемъ. Между тѣмъ раздѣленіе ихъ на мелкія племена, разединенность политическихъ мало указывали на возможность успѣшной борьбы. Нужно было сплотиться и сплоченіе это выразилось въ лицѣ одного великаго князя, который успѣлъ собрать литовскія силы и съ ними вступилъ въ борьбу съ рыцарями. Какъ произошелъ въ литовскихъ племенахъ этотъ переворотъ въ направленіи политической жизни,—мы не знаемъ. Извѣстия позднѣйшихъ литовскихъ летописей, въ родѣ Быхонца, не заслуживаютъ въ данное время вниманія: онѣ заносили только отдаленныя преданія, циркулировавшія въ народной массѣ.

Итакъ, давленіе нѣмецкихъ орденовъ была одна изъ причинъ, заставившихъ литовскія массы слиться въ одно цѣлое, хотя подчиненіе одному властелину не было въ ихъ правахъ: любовь къ свободѣ и національной независимости была сильна въ литовскомъ народѣ; она время отъ времени проявляется въ послѣдующія эпохи, и мы видимъ немало случаевъ реакціи въ пользу восстановленія прежнихъ порядковъ.

Другая причина централизациі литовцевъ, сплоченія ихъ, лежала въ основѣ сношеній ихъ съ Русью. Съ конца XII вѣка русскіе полоцкіе князья

все чаще и чаще вмѣшиваются въ свои внутреннія дѣла Литвы. Она является въ видѣ вспомогательныхъ отрядовъ въ русскихъ войскахъ, заходитъ въ русскія земли. Само собою разумѣется, что подобныя отношенія не могли не отразиться на развитіи политическихъ взглядовъ литовскаго народа; знакомство съ Русью, съ русскими порядками, знакомство съ русскими военнымъ устройствомъ и государственными основами положило глубокій слѣдъ на созданіе порядковъ новаго литовскаго государства. Появленіе литовскихъ дружинъ съ ихъ предводителями въ предѣлахъ русской территоріи возбуждало въ нихъ желаніе захватить, пользуясь русскими междоусобицами, пограничные русскіе уѣзды. Вслѣдствіе этого мы видимъ, что первые литовскіе князья утвердились въ пограничныхъ русскихъ городахъ: въ Полоцкѣ и Новгородѣ Литовскомъ (Новогрудкѣ) и оттуда уже распространяли, посредствомъ удачныхъ политическихъ экспроприатъ, власть свою надъ собственною Литвою. Русскіе безъ боя подчинялись литовскимъ князьямъ, напротивъ они даже сами приглашали къ себѣ князей изъ Литвы. Очень понятны причины такого отношенія русскихъ городскихъ общинъ къ своимъ иноземнымъ избранныкамъ. Причины этого обуславливаются, какъ внутренними, такъ и внѣшними условіями тогдашняго состоянія Западной Руси: нѣкоторыя части ея потерпѣли сильное пораженіе отъ татаръ и естественно стремились примкнуть къ сильному здоровому литовскому организму, съ другой стороны, внутренній раздоръ вѣчевыхъ общинъ, борьба и несогласіе внутри собственныхъ предѣловъ побуждали западно-русскіе города обратиться къ литовскимъ князьямъ. Соединеніе русскихъ земель съ литовскими, подъ главенствомъ князей изъ рода послѣднихъ, принесло несомнѣнную пользу обоимъ народамъ. Литовцы внесли въ государственную и общественную жизнь современнаго русскаго общества новыя, здоровыя начала, послужили крѣпкимъ военнымъ оплотомъ со стороны сосѣдей; русское племя внесло съ своей стороны въ литовскую народную стихію свои начала, свою выработанную культуру, далеко превосходившую литовскую и стоявшую на равной степеніи съ западно-европейскою; русскіе поддерживали и материально юное литовско-русское государство, они дали литовцамъ готовыя культурныя начала, готовые образцы государственнаго и общественнаго устройства, торговля связи и проч., воспользовавшись которыми литовцы быстро поднимаются на пути гражданственности; юное государство быстро растетъ, и уже къ концу XIV в. дѣлается грознымъ для сосѣдей, извѣстнымъ Европѣ; Литва и Русь, соединившись въ одно государство, внесли вѣрный залогъ для взаимнаго совмѣстнаго существованія. Залогъ этотъ — сознаніе взаимной полезности, сознаніе общности интересовъ обоихъ государствъ и при всемъ томъ полнѣйшая равноправность. Это были важнѣйшія условія, на которыхъ утвердилось соединеніе двухъ народностей, различныхъ по происхожденію и языку. Обѣ народности давно знали другъ

друга, давно, повидимому, готовилось, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, ихъ соединеніе, и потому когда оно совершилось, два народа сошлись на основахъ взаимнаго уваженія и равноправности.

Литовцы и русскіе имѣли одинаковыя права, одинаково служили князю; самую замѣчательную черту Литовско-русскаго государства до конца XIV вѣка была *реалистическая вѣротерпимость*. Въ Европѣ того времени не было государства, гдѣ бы въ такой степени была развита терпимость къ вѣрѣ другихъ, какъ въ Литвѣ. Православіе развивалось въ ней совершенно свободно, но въ тоже время сюда проникало и католичество (въ Вильнѣ было при Гедиминѣ два католическіе монастыря). Уже въ XIII вѣкѣ мы видимъ многихъ не только частныхъ лицъ литовскаго происхожденія, но даже князей, исповѣдующихъ православіе. Но на ряду съ нимъ господствующее религіе признавалось языческая Литовская. Замѣчательно, что такое отношеніе Литовскихъ князей къ чужой религіи вызывалось не только политическими взглядами, но полнымъ признаніемъ вѣротерпимости, какъ кореннаго убѣжденія литовскаго общества. Подтверженіемъ этому могутъ служить слова язычника-Гедимина посланъ папѣ, предлагающимъ ему креститься: „Если я когда нибудь имѣлъ намѣреніе креститься, то пусть меня самъ дьяволъ креститъ! Я дѣйствительно говорилъ, какъ написано въ грамотѣ, что буду почитать папу какъ отца, но я сказалъ это потому, что папа старше меня; всѣхъ стариковъ: и папу и Рижскаго архієпископа, и другихъ, я почитаю какъ отцовъ; сверстниковъ своихъ и люблю какъ братьевъ, тѣхъ же, кто моложе меня, я готовъ любить какъ сыновей. Я говорилъ дѣйствительно, что дозволю христіанамъ молиться по обычаю ихъ вѣры, Русинамъ по ихъ обычаю и Полякамъ по своему; сами же мы будемъ молиться Богу по нашему обычаю. *Всѣ мы видѣ почитаемъ одного Бога!*“¹⁾ Въ этихъ словахъ, какъ намъ кажется, выражались не одно личное мнѣніе Гедимина, но въ нихъ отражалось признаніе вѣротерпимости всѣмъ литовскимъ обществомъ.

Говоря о быстромъ ростѣ русско-литовскаго государства, нельзя не замѣтить еще того не маловажнаго обстоятельства, что Литва въ началѣ своего перваго появленія на исторической сценѣ, была въ періодѣ того воинственнаго настроенія, которое переживаютъ почти всѣ народы. Такой періодъ характеризуется всегда особеннымъ воинственнымъ оудивленіемъ народа, который устремляется съ необыкновенной энергіей къ завоеваніямъ; въ періодъ этотъ появляются замѣчательныя личности, становящіеся во главѣ народа. Нужно отдать полную справедливость, что первые литовскіе

¹⁾ В. В. Антоновичъ: „Очерки исторіи Великаго княжества Литовскаго до половины XV ст.“ Киевъ 1872 г.

князья представляли собою замѣчательный примѣръ мужества, стойкости ума и энергии въ своихъ дѣйствіяхъ, проникнутыхъ истиннымъ сознательнымъ стремленіемъ къ народной пользѣ. Рядъ этихъ князей начинается Мендовомъ, котораго считают первымъ историческимъ княземъ Литовско-русскаго государства; твердость въ политическихъ стремленіяхъ, умъ и необыкновенная энергія—характеристическія черты его: рядомъ ловкихъ политическихъ приемовъ онъ заставлялъ всю Литву и Жмудъ соединиться подъ его властью, соглашается даже креститься въ трудныхъ обстоятельствахъ, но потомъ опять переходитъ въ язычество, удививъ западно-европейскій міръ своимъ вѣроломствомъ; политикою Мендовга была начертана дальнѣйшая дѣятельность литовско-русскихъ князей, которая сводилась къ централизаціи земель собственно литовскихъ и западно-русскихъ и на упроченіе власти великаго князя. Слѣдующая централизованной политикѣ, русско-литовскіе князья Витенъ, Гедеминъ, Ольгердъ, Кейстутъ и Ягайло въскорѣ соединили подъ свою власть всѣ собственно-литовскія земли и изъ западно-русскихъ: Полоцкія, Турово-Пинскія, Волынскія, Кіевскія и Подольскія. Смоленскія земли, управлявшіяся полу-самостоятельными князьями тяготѣли на Литвѣ. Ольгердъ, посредствомъ умной и дальновидной политики, даже стремился распространить свое вліяніе на Псковъ и Новгородъ, и въ этихъ республикахъ была уже подготовлена сильная партія, тяготѣвшая на Литвѣ, но верхъ взяла партія Московская.

Основы единенія Русской и Литовской народностей зиждились, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, на равноправности, взаимномъ пониманіи полезности союза и вѣротѣримости. Русскія области во внутренней своей жизни не лишались своихъ правъ и обычаевъ; кромѣ великаго князя, въ большинствѣ городовъ, какъ Новгородъ, Полоцкъ и др., были удѣльные князья, управлявшіе страной съ согласія вѣча; въ отношеніи государственнаго устройства, литовскіе князья слѣдовали русскимъ традиціямъ. Преобладаніе въ новомъ государствѣ русскихъ культурныхъ началъ было особенно замѣтно. Даже литовскимъ государственнымъ языкомъ былъ русскій языкъ. Князья опирались на русскій элементъ даже въ борьбѣ съ собственными Литовскими племенами, когда въ нихъ появлялись протесты противъ новыхъ порядковъ.

На указанныхъ основахъ взаимнаго сближенія образовалось прочное соединеніе обоихъ племенъ. Но однако политическія обстоятельства конца XIV и начала XV вѣка стали на пути соединенія. Рядъ этихъ препятствій начинается со времени принятія великимъ княземъ Литовскимъ Ягайломъ католичества и сближенія Литвы съ Польшей.

Принимая католичество и Польскую корону, Ягайло подписалъ въ Вѣнѣ въ 1385 г. политическую унію Литвы съ Польшей. Въ 1387 г.

онъ пріѣхалъ въ Вильно крестить Литовцевъ въ католичество и въ тоже время были приняты мѣры къ подавленію греко-восточнаго исповѣданія. Ягайло велѣлъ всѣмъ литвинамъ, жившимъ въ Литвѣ и на Руси, перейти въ католичество *изъ всякой другой секты*, запретилъ католикамъ вступать въ браки съ православными. Этими мѣрами начался рядъ притѣсненій русскихъ со стороны Польско-литовскихъ государей. Послѣдствіемъ на свободу православна было въ тоже время послѣдствіемъ на русскую культуру и на русскую народность. Отсюда возникаетъ рядъ недоразумѣній и раздоровъ.

Городельскій сеймъ 1413 года, на который съѣхались всѣ литовскіе удѣльные князья, подтвердилъ Ягайлово обѣщаніе уніи Литвы съ Польшей. Однако осуществленіе этой уніи совершилось только черезъ 2 столѣтія на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года. Условия Городельской уніи заключались въ томъ, что Литва соединяется съ Польшей подъ главенствомъ польскаго короля, но сохраняетъ внутреннее управленіе, согласное съ литовскими законами, избираетъ великаго князя съ согласія польскаго сейма; съ своей стороны и поляки не могутъ избирать короля безъ согласія литовскаго народа. Все внутреннее правленіе литовско-русскаго государства не подверглось измѣненіямъ, поляки допускали въ княжество наравнѣ со всѣми другими иностранцами, и не имѣли права занимать высшихъ государственныхъ должностей. На Городельскомъ же сеймѣ были проложены первые шаги вліянія Польши въ культурномъ отношеніи на Литву. Желая сблизиться съ польскими, поляки стараются водворить въ ней свои государственные порядки; король, въ видѣ особой милости, даруетъ литовскому католическому дворянству польскія шляхетскія привилегіи, гербы и т. п. Дѣйствуя подобнаго рода мѣрами, поляки постепенно старались сблизиться съ литовцами и съ тѣми русскими, которые принимали католичество.

Теперь русскому народу приходится бороться съ польскою культурой; вліяніе его на католическую Литву постепенно падаетъ; послѣдняя, принимая польскіе порядки, заражается духомъ католическаго нетерпимости. Русское племя, вмѣстѣ съ значительнымъ большинствомъ литовцевъ, еще не успѣвшихъ ополячиться, постоянно противопоставляетъ отпоръ польско-католическимъ притязаніямъ, оно старается поддержать всякое стремленіе къ отдѣленію Литвы отъ Польши, поддерживаетъ такихъ князей, какъ Свидригайло и проч. Русское вліяніе было еще сильно до самой Люблинской уніи.

Однако, несмотря на всѣ усилія польской знати подчинить своему вліянію литовскій народъ, присоединить къ королевству часть русскихъ земель и даже всю Литву имъ не удалось до конца XVI вѣка. Не обращая вниманія на договоры и обѣщанія Ягайлы, литовцы избираютъ послѣдующихъ князей безъ согласія польскаго сейма и вообще дѣйствуютъ вполне само-

стоятельно, преграждая въ то же время доступъ польскому влиянію въ краѣ, не дозволяя полякамъ долго оставаться въ литовскихъ земляхъ, покупать имѣнія и занимать значительныя государственныя должности. Литовцы хорошо понимали опасность, грозившую имъ въ случаѣ соединенія съ поляками, и открыто высказывали передъ королями желаніе, чтобы «напове поляцы не имѣли тоѣ жадоści, абы тоѣ панство наше милости отчизное было унижено и привлечено къ нимъ».

Во второй половинѣ XVI ст. поляки воспользовались правленіемъ Сигизмунда-Августа, избраннаго на литовскій и польскій престолы, чтобы окончательно утвердить соединеніе Литвы съ Польшей. Извѣстно, что декларация объ инкорпорации Литвы была утверждена литовско-русскими вельможами по приказанію короля, взяшаго на себя отвѣтственность за все сдѣланное противъ воли представителей Литвы и Руси. Уніи 1569 года, признаваемая многими современными польскими историками за братскій союзъ двухъ государствъ, положила конецъ самостоятельному существованію литовскаго народа. Въ дѣйствительности соединилась съ Польшей не одна только Литва, но и соединенные съ нею земли бѣлорусскія и малорусскія, составившія чуть не девять десятыхъ всего литовско-русскаго княжества.

Оставивъ въ собственности Литвѣ нѣкоторыя автономныя права, Сигизмундъ, по требованію поляковъ, прямо присоединилъ къ польскимъ провинціямъ Украинскія земли: Кіевъ, Подолію, Волинь и Черниговъ. Такимъ образомъ Литва составила изъ бѣлорусскихъ провинцій и собственно литовскихъ. Польскіе политики, руководившіе Люблинскимъ сеймомъ, соединяя Литву съ Польшей, приняли на себя трудную обязанность удовлетворять всѣмъ многочисленнымъ потребностямъ литовско-русскаго государства; они начали вводить свои польскіе порядки, вмѣстѣ съ которыми проникала польская національная и религіозная исключительность; поляки старались перенести свою шляхетскую республику, признававшую вѣдь городовъ только два сословія: шляхту и хлопцовъ, на новую почву. Последующія событія ясно доказали, какіе плоды принесла злосчастная Люблинская унія.

Поляки и ихъ приверженцы въ Литвѣ торжествовали заключеніе «братскаго союза» двухъ народовъ. Но соединеніе это готовило гибель новому государству. Въ составъ Польши вошли теперь разнородные по религіи и по національностямъ элементы, разнородные по своему географическому положенію. Польскіе политики не хотѣли, да и не могли понять нуждъ новыхъ своихъ подданныхъ. Преслѣдованіе православной вѣры, уничиженіе всего того, что напоминало собою русское и литовское, не католическое, начавшееся непосредственно послѣ Люблинской уніи,—внесло разрывъ и въ безъ того уже разнородные элементы польско-литовскаго государства. Составныя части его начали стремиться къ разьединенію. Угне-

тенный православный людъ сталъ искать выхода; южно-русы нашли для себя этотъ исходъ въ казачествѣ и Запорожской Сѣчи; бѣлоруссы, которыхъ положеніе было гораздо хуже, у которыхъ не было степныхъ пространствъ, куда бы они могли устремить свое движеніе, глухо роптали противъ новаго владычества, старались всѣми мѣрами содѣйствовать казацкимъ дружинамъ, возставшимъ противъ Польши, а часто и сами брались за оружіе.

Къ злосчастной Люблинской уніи присоединилась Брестская церковная унія 1596 г., какъ естественное послѣдствіе первой. Это было новое посягательство, не только на Польшу, но и всего католическаго міра на національную самобытность западно-русскаго земель. Брестская унія, доставившая столько торжества католичеству, ускорила паденіе польско-литовскаго государства. Два вѣка поляки шагъ-за-шагомъ стремились къ присоединенію Литвы и Западно-русскаго земель, и менѣе чѣмъ въ два вѣка новое государство пало.

Когда бѣлоруссы и малоруссы поняли, наконецъ, невозможность дальнѣе претерпѣвать польско-католическое иго, они стали искать вѣншей точки опоры, вѣншей силы, которая поддержала бы ихъ въ предстоящей борьбѣ. Такой силой была Москва, единовѣрная и родственная, на которую и обратили свои взоры западно-русы.

IV.

Въ то время, когда Литва собирала русскія земли на западѣ, Москва на востокѣ была занята тѣмъ-же.

Однако политика въ данномъ случаѣ той и другой имѣла важное различіе.

Московское царство возникло изъ маленькаго небольшого удѣла и причиною его возникновенія были личныя качества первыхъ московскихъ князей. Нужно отдать полную дань справедливости, что развитіе и управленіе московскаго государства всецѣло составляетъ заслугу первыхъ князей его. Послѣ татарскаго нашествія восточныя области Россіи пришли въ страшное запустѣніе; города и села были разорены; люди, кто оставался живъ, разбѣжались или попали въ плѣнъ; вся страна представляла печальную картину разрушенія.

Въ это время выдвигаются одинъ за другимъ энергическіе московскіе князья. Они собираютъ народъ въ свой маленький удѣлъ, переманиваютъ бояръ и крестьянъ изъ сосѣднихъ княжествъ, даруютъ имъ всякія льготы, строго наблюдая, чтобы ни тѣ, ни другіе не могли перейти отъ нихъ въ другой удѣлъ; они собираютъ казну, скушаютъ сосѣднія земли, завлаждаютъ ими, вырешиваютъ у хановъ и т. д. Всѣ московскіе князья похожи одинъ на другого, всѣ дѣйствуютъ, сознательно или безсознательно, по

строго начертанному плану, раздѣляя и губя сосѣдей, собирая по клочкамъ Русь и въ то же время приобретаѣя всякими происками, съ помощью подарковъ, вліяніе въ Золотой Орду.

Частиѣ имъ благопріятствовало. Грозная Золотая Орда въ XIV в. была раздражаема сама внутренними смутами: ханы смѣнялись по нѣскольку разъ въ годъ; власть ихъ совершенно упала. Для каждаго въ отдѣльности русскаго княжества она была страшна своею грозною силою и особенно грознымъ прошедшимъ. Но московскіе князья сумѣли воспользоваться ордынскими неурядицами, и такимъ образомъ сама Орда помогла ихъ возвышенію, утверждая великое княженіе за Москвою, дѣлая послѣднюю судьбою надъ остальными русскими княжествами, возлагая на нее собраніе дани со всей Руси. Все это было на руку Москвѣ. Почти въ полтора столѣтія она усилилась на столько, что очутилась во главѣ восточной Руси и дала сильный отпоръ своимъ властителямъ татарамъ.

Условія возникновенія и усиленія московскаго государства были таковы, что политическій укладъ его сложился изъ трехъ главнѣйшихъ началъ, на долгое время ставшихъ основой его устройства, внутренней и внѣшней политики. Долгое и близкое сожителство съ татарами, сношенія съ ними оставили на московскомъ княжествѣ сильное вліяніе необузданнаго татарскаго деспотизма, татарскихъ понятій о властелинѣ и подчиненномъ. Съ другой стороны, не менѣе сильно было вліяніе византійское, проникшее въ Россію съ появленіемъ Софіи, жены Іоанна III. Наконецъ третье условіе, — былъ самый способъ собранія московскими князьями русскихъ земель, большинство которыхъ досталось имъ или вслѣдствіи завоеваній, или заѣзанныхъ и подарковъ, т. е. такимъ именно образомъ, что они становились личною собственностью князя. Народъ принималъ только пассивное участіе въ собраніи земель; дѣло это личное князей и высшей боярской элиты: если народъ и сходилъ со всѣхъ сторонъ подъ высокую руку московскаго князя, то сходилъ потому, что подъ этой высокой рукой жить было покойно и удобно; татары почти не появлялись, князья не любили вести междоусобныхъ войнъ, стремились къ захватамъ посредствомъ политическихъ сдѣлокъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ народъ, отдававшійся Москвѣ, терялъ свои политическія права: не было уже шумныхъ вѣчевыхъ сходокъ, партійной борьбы, никто не смѣлъ ратовать за народныя интересы; Москва налегала всюю своею тяжестью, увеличивая или уменьшая права и обязанности своихъ подданныхъ, не желая знать ихъ нуждъ и требованій. Все это вносило гармонировало съ вліяніемъ, проникшимъ изъ Орды и Византіи. Князья, по правамъ подхода ближе къ татарамъ, во внѣшнихъ отношеніяхъ стараются подражать византійскимъ императорамъ. Уже современники Іоанна III жалуются на то, что князь оставляетъ древніе княжескіе обычаи, пренебрегаетъ совѣтами бояръ, не позволяетъ имъ перечить себѣ, и управлять

государствомъ самъ-третьей. Ко всѣмъ этимъ порядкамъ присоединяется религиозная нетерпимость, которая поддерживалась крайнимъ упадкомъ образованности среди Московскаго государства вообще и особенно среди духовенства. За предѣлами «высокой власти» московскаго государя всѣ были бусурмане; и поляки, и турки, татары и даже православные малоруссы и бѣлоруссы, которыхъ московскіе политики не могли отличать отъ сосѣднихъ поляковъ и литовцевъ. Во главѣ московской дипломатіи стояли полнѣйшіе узники взглядами на жизнь, на сосѣдей, не справлявшіеся съ исторіей и современнымъ положеніемъ странъ, которые захватывали ихъ войсками. Они на все смотрѣли съ своей исключительной, узкой великорусской точки зрѣнія; вслѣдъ примѣняли свои порядки, не справляясь съ духомъ и условіями страны; все, что не подходило подъ мѣрку великорусскихъ понятій, что хоть немного возмущалось надъ ними въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, они стремились переждать, перекроить по своему. Если среди московскихъ политиковъ и поднимался какой либо честный голосъ, вроде боярина Ордына Нащокина, предостерегавшій ихъ отъ неминуемыхъ послѣдствій, на этотъ голосъ терпѣлся среди криковъ узколобой дипломатіи.

Понятно, что при такихъ условіяхъ тогдашней московской политики, уже первыя столкновенія москвитянъ съ бѣлоруссами и украинцами повели къ пѣлому ряду недоразумѣній, раздоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, условія жизни бѣлорусскаго народа отличались совершенно противоположнымъ направлениемъ, сравнительно съ жизнью московской. Мы видѣли, что бѣлорусскій народъ до конца XIV вѣка, т. е. именно до того времени, когда въ Московскомъ государствѣ уже ясно обозначались указанныя нами порядки, до этого времени онъ жилъ самостоятельною жизнью, управлялся прежними вѣчевыми порядками и, какъ культурно-господствующая національность, имѣлъ огромное вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю дѣла страны. Образование въ немъ не только не остановилось, но напротивъ еще сильнѣе поднялось, вслѣдствіе знакомства съ европейскимъ западомъ, который тогда стремился къ выработкѣ лучшихъ социальныхъ условій, и вообще пользовался относительною свободой.

Съ соединеніемъ Литвы съ Польшей, положеніе западно-русскаго народа ухудшилось. Однако за бѣлоруссами оставались важныя права и преимущества: такъ, бѣлорусскіе мѣшани управлялись магдебургскимъ правомъ, имѣли суды; кромѣ-того, множество бѣлоруссовъ имѣли шляхетскія права и соединенныя съ ними преимущества. Терпѣло больше всего крестьянство, на него обрушивалась вся тяжесть польскаго давленія. Но и въ Московскомъ государствѣ внутреннія дѣла были едвали не хуже. Никто не имѣлъ равнозначныхъ правъ, всѣ одинаково были холопы; но въ этомъ то и заключалась бѣда: большій холопъ давилъ меньшаго и т. д. На меньшихъ холоповъ, т. е. на крестьянъ

ястно и горожанъ, обрушивалась вся тягость московскихъ порядковъ; не даромъ говорили представители на земскомъ сборѣ въ 1642 г.: „а разорены мы хуже турскихъ крымскихъ и басурманъ московскою волокитею, отъ неправдъ и несправедливыхъ судовъ“. Положение московскихъ людей едва ли было не хуже западно-русскихъ: у послѣднихъ по крайней мѣрѣ были кое какія права, да при томъ они пользовались частыми смутами, чтобы воспользоваться пріобрѣтеніемъ новыхъ правъ, чтобы отомстить своимъ угнетателямъ, чего не могли дѣлать великорусскіе люди. Важнѣйшія причины, заставлявшія западно-русскія земли искать выхода изъ польской неволи, заключались въ религиозныхъ преслѣдованіяхъ, которыя слиялись и съ національной нетерпимостью поляковъ. Что еще больше возбуждало бѣлорусовъ, такъ это то, что тутъ же рядомъ съ ними жили католики, пользовавшіеся всѣми широкими правами польскихъ шляхты. Какъ люди развите по своему времени, большинство бѣлорусовъ прекрасно понимали всю выгоду польскихъ шляхетскихъ правъ, и конечно, ихъ національное чувство сильно оскорблялось несправедливымъ отношеніемъ къ нимъ властителей.

Между тѣмъ, справедливо говоря, польская конституція была образомъ свободнаго правленія, котораго не достигало ни одно современное ему государство. Недостатокъ ея, бывшій причиной паденія Польши, заключался не въ самой сущности, но въ болѣе или менѣе внѣшнихъ обстоятельствахъ, именно, что польская конституція признавала только одно шляхетское сословіе, внѣ котораго не могло быть равноправныхъ гражданъ и, что особенно важно, она не согласовалась съ понятіями и общественною правдностью своихъ гражданъ; простой народъ былъ совершенно устраненъ отъ правленія, поработенъ, такъ что изъ него не выходило на общественную арену новыхъ дѣятелей съ здоровыми жизненными задачами, а шляхетское сословіе было слишкомъ деморализовано, чтобы пользоваться своими правами безъ злоупотребленія. Въ отношенія къ русскимъ землямъ польская политика поступалась своей узкой шляхетско-католической точкой зрѣнія, не признавая правъ народа и вообще православныхъ. Польскіе политики, въ своемъ стремленіи централизовать разнородныя національности, изъ которыхъ состояло государство, не пренебрегали никакими средствами.

Въ этомъ пунктѣ, т. е. въ стремленія къ централизаціи національностей, которыхъ историческія и народно-бытовыя традиціи складывались къ децентрализаціонной жизни, федеративному устройству, московское правительство имѣло полное сходство съ польскимъ. Польское начало вносило въ Бѣлоруссію шляхетскую аристократическую республику, московское начало — боярскую олигархію; то и другое государство совершенно исключали де-

мость, тогда какъ бѣлорусскій народъ былъ прежде всего, по своимъ историческимъ и народно-бытовымъ традиціямъ, въ высшей степени демократиченъ. Во всемъ не великорусскомъ московское начало видѣло вообще не русское, не православное, и стремилось къ его уничтоженію. Критеріумомъ для такого отличія русскаго отъ не русскаго часто служили въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ земляхъ однѣ внѣшнія отличія. Насколько въ этомъ отношеніи были близоруки московскіе политики, видно изъ слѣдующаго мѣста изъ манифеста Алексѣя Михайловича къ православнымъ. Польша и Литва, когда онъ вступилъ въ предѣлы послѣдней въ 1654 г.: „и вы вы, православные христіане, освободились отъ злыхъ, въ мирѣ и благоденствіи прочее житіе проводжали; и сколько вась Господь Богъ на то добро дѣло возставилъ, прежде нашего царскаго прішествія раздѣленія съ поляками сотворите, какъ вѣроу такъ и чиноу (наружностью), хохлы, которые у вась на головахъ постригите“ (Соловьевъ). При такомъ узкомъ обрядовомъ отношеніи къ Западно-Русскимъ провинціямъ, которыя отвоёвывали москвитыне отъ Польши, понятно, не могло произойти соединенія. Бѣлоруссы сами призывали великорусовъ, сносились съ ними, измѣняли полякамъ, но какъ только они почувствовали на себѣ тяжесть московскаго управленія, они очутились въ безвыходномъ положеніи и начали мало по малу снова тянуть къ Польшѣ. Вступая въ подданство подъ „высокую руку“ московскаго Царя, бѣлорусскіе города, однако, старались выговорить себѣ свободу внутренняго управленія, какъ Могилевъ, Смоленскъ и др.: они стремились такимъ образомъ избѣгнуть гоненій на свою народность и православіе со стороны Польши, но свято держались старинныхъ порядковъ свободы, самоуправления; вотъ какъ напр., договаривались Смоленяне въ 1514 г. съ Иваномъ Васильевичемъ: „Даемъ вѣдати, что намъ былъ челомъ нашъ Богомолецъ, наше Смоленскіе воеводы Владыка Варсанофій и урядники, окольничіе, и князи, и бояре, и мѣщанѣ и черные люди, о томъ, что намъ ихъ пожаловати, *держати въ ихъ старинѣ*, какъ ихъ держалъ Князь Великій *Витовтъ*, и иные прежидніи Государя ихъ, по той утвержденной грамотѣ, какову далъ имъ Александръ король... а которые отчины за ними, а намъ въ тѣ не вступатися, а развода имъ самимъ не чинити“ и ¹⁾ т. д. Тѣ же льготы, даже такіе, какъ ношеніе національной одежды и пр. выговорилъ себѣ въ 1654 г. Могилевъ. Однако, даже даровавъ бѣлорусскимъ городамъ свободу ихъ прежняго самоуправленія, московскіе заправила не съумѣли войти съ ними въ дружескія братскія отношенія, нарушали ихъ права, наносили обиды гражданамъ по своимъ московскимъ обычаямъ. Города стали измѣнять Москвѣ, переселиться на сторону Польши. Отношенія обострились

¹⁾ Никитинъ „Исторія города Смоленска“, приложение стр. XXVIII.

часто до того, что напр. Могилевцы перебили однажды 7-ми тысячный московский гарнизон.

Вступая въ Бѣлоруссію, Москва не имѣла определенной, напередъ выработанной соціальной системы, не знала страны, куда ее звали; она не слала въ покоряемыя страны всю тигость своего воеводскаго управленія, московской волокиты; однимъ словомъ, вносила ту же деморализацію, только на восточно-русскій ладъ, каковую несло польское владичество съ запада, т. е. то отъ чего бѣжали бѣлоруссы.

Въ виду такого положенія дѣлъ, соединеніе Великой Россіи съ Бѣлоруссіею не могло произойти въ XVII в. при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Мы не будемъ подробно останавливаться на слѣдующихъ отношеніяхъ Россіи къ Бѣлоруссіи, такъ какъ это повело бы насъ слишкомъ далеко и отняло бы много времени и мѣста, да при томъ характеръ этихъ отношеній достаточно выясненъ въ упомянутыхъ статьяхъ г. Цыпина. „Бѣлорусская Этнографія“. Прибавимъ, что взгляды русскаго правительства на Бѣлоруссію не особенно измѣнились и послѣ окончательнаго присоединенія ея къ Россіи. Въ 1796 г. Екатерина, присоединяя къ своимъ владѣніямъ бѣлорусскія земли, считала и особенно любила называть ихъ землями „отъ Польши возвращенными“, но „возвращеніе это понималось въ томъ смыслѣ, что Полоцкъ, Минскъ и др. города составляютъ наслѣдіе дома св. Владиміра“, представительницею котораго она себя считала. Однако, въ чемъ заключалось, это „наслѣдіе“, что собою оно представляло въ прошломъ и настоящимъ, объ этомъ тогдашняя дипломатія не справлялась, хотя съ особеннымъ удареніемъ указывала на то, что Россія только возвращаетъ принадлежавшія ей земли по династическимъ правамъ, но неправильно „захваченныя“ Польшею. Обыкновенно же до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, Бѣлоруссія считалась официально „Литвою“, или даже, особенно западныхъ части ея, просто „Польшею“. Вслѣдствіе такого взгляда, вмѣсто того, чтобы выдвигать мѣстный элементъ, ему покровительствовать начали выдвигать въ первое время польскій элементъ. Сюда же присоединилось гибельно подѣйствовавшее „обрусеніе“ Бѣлоруссіи: посылались чиновники изъ великорусскихъ губерній, большинство которыхъ не оправдало намѣренныхъ правительствъ: это были люди, не могшіе ужиться, не имѣвшіе мѣста на родинѣ или ѣхавшіе въ Бѣлоруссію изъ жажды къ быстрой наживѣ.

Такіе люди не только не привлекали къ себѣ мѣстныхъ жителей, но напротивъ отталкивали ихъ. Притомъ, неравномерныя отношенія къ краю, поднятіе то польскаго элемента въ немъ (при Павлѣ Петровичѣ и Александрѣ I), то великорусскаго, посредствомъ присланныхъ чиновниковъ, дѣйствовало крайній не благопріятно на мѣстныхъ жителей: послѣдствіемъ этого мы видимъ быстрое ополченіе края въ первое время русскаго владичества; вмѣсто того, какъ можно было бы ожидать, что здѣсь выдвигается

мѣстный бѣлорусскій элементъ, выдвигается вдругъ польскій, пришлый. Не только великорусская дипломатія, но даже ученые, какъ напр. Карамзинъ, не всегда имѣли ясное понятіе и о прошломъ о современномъ состояніи Бѣлоруссіи: они указывали на право меча, на династическія права Россіи по отношенію къ „Литвѣ“ и „Польшѣ“, т. е. по отношенію къ бѣлорусскимъ провинціямъ, забывая о томъ, что тамъ живетъ народъ, который имѣетъ большое сходство съ великоруссами, что тамъ тоже Русь (только не Великороссія).

Въ 1835 г. извѣстный историкъ Устряловъ доложилъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода Протасову и министру народнаго просвѣщенія Уварову, что литовское княжество—тоже Русь. Протасовъ, для котораго это важно было, „по политическимъ соображеніямъ“, и Уваровъ пришли отъ этого „въ восторгъ“ (выражая его на французскомъ языкѣ); они рѣшили точасъ-же „доложить“ объ этомъ государю. Такъ необширные были понятія русскихъ политиковъ о странѣ, которою они уже правили около полу-столѣтія.

Мы остановимся пока на этихъ историческихъ данныхъ объ отношеніяхъ Бѣлоруссіи къ сосѣдямъ и постараемся опредѣлить, какое отношеніе къ нимъ она занимаетъ въ настоящее время.

Въ настоящихъ очеркахъ мы коснулись главнѣйшихъ моментовъ исторической судьбы Бѣлорусскаго народа. Уже изъ этихъ былыхъ очерковъ можно, какъ кажется, вывести заключеніе, что Бѣлорусское племя имѣло свою исторію, отличительную отъ исторіи сосѣднихъ, родственныхъ ему племенъ, свои историческія традиціонныя начала, что эти начала оно когда то упорно отстаивало. Кромѣ того, Бѣлорусскій народъ имѣетъ этнографическія отличія отъ сосѣднихъ народностей, отличается отъ нихъ складомъ своего развитія, понятій и наклонностей. Въ устахъ его еще сохранилась масса пѣсенъ, многія изъ которыхъ дышутъ родной, завитой стариной, и рисуютъ бытовую обстановку жизни; въ нихъ воспѣвается бѣлорусъ свою радость и горе; въ нихъ слышится отдаленная пѣсня языческихъ временъ, теперь уже не понятная современнымъ поколѣніямъ, предки которыхъ воспѣвали ихъ ибкогда въ тѣсныхъ дубровахъ предъ своими богами.

Много есть пѣсенъ, въ которыхъ бѣлорусъ вспоминаетъ о своемъ прежнемъ несчастіи: это хватающая за душу пѣсня народа—раба, стонущаго среди гоненій, подъ игомъ чужеземной неволи...

Вообще, народное наше творчество составляетъ наше великое богатство, которымъ бѣлоруссы могутъ гордиться, которое должны поддерживать и сохранять. Наконецъ, есть еще заглавъ у бѣлоруссовъ—свой языкъ, отличающійся отъ языковъ сосѣднихъ племенъ важными фонетическими и ле-

кисческими особенностями. Язык этот имѣть свою исторію: признаки его замѣтны съ очень древнихъ временъ.

На этомъ языкѣ писанъ цѣлый рядъ грамотъ, договоровъ, литературныхъ памятниковъ и даже извѣстный Литовскій Статутъ; онъ былъ государственнымъ языкомъ въ средніе вѣка, до нач. XVII вѣка, на всемъ обширномъ пространствѣ Литвы и Бѣлоруссіи. На немъ сохранилась наша обширная средневѣковая литература; наконецъ, какъ литературный языкъ, онъ извѣстенъ еще въ половинѣ настоящаго вѣка, когда появилось не мало писанныхъ этимъ языкомъ беллетристическихъ произведеній.

Мы не станемъ подробно останавливаться на этнографическомъ отличіи бѣлоруссовъ и ихъ языкѣ, какъ такъ, полагаемъ, вопросъ этотъ достаточно обследованъ научной литературой¹⁾.

Признавая вопросъ объ этнографическихъ особенностяхъ и языкѣ бѣлоруссовъ достаточно рѣшеннымъ и извѣстнымъ читателямъ изъ научной литературы, остановимся на томъ, что составляетъ для всякаго народа его языкъ, исторія и этнографическія особенности. Группа людей, имѣющая свои традиціонныя историческія начала, свои этнографическія особенности и языкъ, такая группа людей составляетъ уже отдѣльную народность, племя, однимъ словомъ *народный организм*.

Какъ зачинается каждый народный организмъ,—пока наука не даетъ намъ определенныхъ формъ его зачаточнаго состояніи; этотъ вопросъ предстоитъ рѣшить антропологи.

Зато историческія изслѣдованія даютъ намъ право вывести общія заключенія о ростѣ народнаго организма, его отпаденіяхъ, силѣ и значеніи въ настоящее время. Настоящая жизнь народа есть сумма всего пережитаго имъ, какъ бы онъ не былъ молодъ,—результатъ борьбы и развитія массы предшествовавшихъ поколѣній и, наконецъ, результатъ идей, внесенныхъ разными поколѣніями, вырабатываемый и пережитый другими. Все это и составляетъ сущность жизни народнаго общественнаго организма въ далное время.

Народный организмъ не есть произведеніе данной жизни народа, по по преимуществу мы его разсматриваемъ какъ результатъ прошедшаго, какъ сумму работы предшествовавшихъ формаций поколѣній. Одно поколѣніе идетъ за другимъ, одно смѣняетъ другое,—и каждое изъ нихъ оставляетъ слѣдъ въ исторіи.

¹⁾ Укажемъ по языку труды Карокаго, Надешева, Будуна-де-Куртона, Карпинскаго („Говоръ Пинчукскій“) и мн. др. По этнографіи имѣемъ сборники Романова, Шейна, Носовича и др.

Этотъ слѣдъ каждого поколѣнія выражается въ измѣненіи общественныхъ и бытовыхъ формъ народной жизни, что вмѣстѣ влияетъ на нравственный и социальный строй народа. Бытовые и общественныя формы измѣняются у каждаго народа и въ измѣненіи этихъ формъ состоитъ прогрессъ этого народа. Каждое такое измѣненіе формъ народной жизни, внесенное или отдѣльнымъ поколѣніемъ или цѣлымъ рядомъ ихъ, удерживается въ обществѣ жизни болѣе или менѣе продолжительно, пока, наконецъ, въ свою очередь не состарится и не вытѣсняется новою работою послѣдующихъ поколѣній.

Изъ такихъ формаций и складывается народная жизнь, народный организмъ. Сколько помнитъ себя человѣчество, сколько могли проявиться современные ученые, археологи, филологи и антропологи, въ прошедшую доисторическую жизнь, вездѣ народный организмъ представляетъ уже результатъ жизни предшественниковъ; однако каждое поколѣніе складывается изъ отдѣльныхъ жизней индивидуумовъ и каждый отдѣльный индивидуумъ имѣетъ въ себѣ идеи времени, и по жрѣбъ силу выполняетъ частности ихъ. Такимъ образомъ работа органическаго поколѣнія разлагается на болѣе мелкую частичную работу индивидуумовъ.

Совокупность идей индивидуумовъ есть выраженіе работы поколѣнія. Природа общества есть природа идей и мы пока еще не знаемъ, гдѣ еще кромѣ общества, возникаютъ, рождаются идеи, будетъ ли состоять общество изъ отдѣльныхъ лицъ, или изъ многихъ, изъ цѣлаго народа.

Идеи, вырабатываемыя послѣдующими формациями поколѣній народа, по частностямъ создаются отдѣльными индивидуумами, которые вносятъ свою лепту въ общую сокровищницу народной жизни: изъ идей индивидуумовъ рождаются и формируются идеи общества. Но въ то же время каждое предшествующее поколѣніе его вырабатываетъ основу для послѣдующаго развитія поколѣній и отдѣльныхъ индивидуумовъ. Задача работы народнаго общественнаго организма сводится къ выработкѣ высшаго, въ нравственномъ и умственномъ смыслѣ, индивидуума. Высшая степенъ развитія индивидуальной жизни и свободы — это высшая степенъ развитія каждаго народа въ частности, въ общемъ всего человѣчества.

Чѣмъ выше стоитъ общество, тѣмъ свободнѣе, въ нравственномъ, умственномъ и социально-политическомъ отношеніяхъ въ немъ поставленъ индивидуумъ. Чѣмъ разнообразнѣе и свободнѣе жизнь индивидуумовъ, тѣмъ быстрее общество движется на пути прогресса. „Что предохраняло до сихъ поръ Европу отъ подобной участи (Китай)? Почему семья европейскихъ народовъ была до сихъ поръ не неподвижною, а постоянно совершенствующеюся частью человѣчества? Не потому, конечно, чтобы европейскіе народы

имѣли какое нибудь превосходство предъ другими народами, такъ какъ это превосходство, если оно и существуетъ, во всякомъ случаѣ есть слѣдствие, но не причина, а потому, что они постоянно отличались большимъ разнообразіемъ характеровъ и культуры. Индивидуумы, классы общества, народы, все это представляетъ въ Европѣ весьма рѣдкое разнообразіе, и всѣ эти разнообразія стремились къ прогрессу весьма различными путями",—говоритъ извѣстный Джонъ Стюартъ Милль. „Этому разнообразію путей“,—заключаетъ онъ далѣе,—„Европа и обязана, по моему мнѣнію, своимъ прогрессивнымъ развитіемъ.“¹⁾ Въ развитіи народнаго общественнаго организма имѣетъ значеніе не одно только равномерное развитіе поколѣній и составляющихъ ихъ индивидуумовъ, но и другіе факты, оказывающіе на народъ то или другое воздѣйствіе. Мы не можемъ согласиться исполнѣть съ теоріей нѣкоторыхъ историковъ, извѣстную въ русской исторической наукѣ подъ именемъ *субъективной*, представителемъ которой является маститый ученый С. М. Соловьевъ; теорія эта видитъ въ народномъ общественномъ организмѣ альфу и омегу его существованія и развитія, такъ что воздѣйствіе *постороннихъ* факторовъ не можетъ оказывать на него своего вліянія: пораженія народовъ, даже его передвиженія, появленіе сильныхъ историческихъ личностей—всѣ подобныя явленія оказываются безъ воздѣйствія на народную жизнь. Разъ зародился народный общественный организмъ, у него уже есть свои политическія и социальныя задачи, у него уже заранѣе опредѣлена форма служенія человечеству и пр. Къ функционированію этихъ задачъ стремится народъ, хотя и безсознательно; въ этомъ состоитъ его міровая миссія и цѣль жизни.

Ничто постороннее не можетъ воспрепятствовать ему къ достиженію цѣлей, появившихся при зародышномъ состояніи организма: онъ неуклонно стремится къ своимъ задачамъ. Такъ гласитъ исторія субъективная. Съ нею нельзя исполнѣть согласиться: въ дѣйствительности исторія даетъ намъ противоположныя факты. Она намъ указываетъ, что различныя факторы исторической жизни имѣютъ важное значеніе въ жизни народа.

Они не только усиливаютъ или замедляютъ выполненіе историческихъ функций въ жизни народа, но и вліяютъ на умственный и социально-политическій складъ его.

Такъ, на жизни Московскаго государства отразилось нѣсколько татарское его, сношенія его съ Византіею, сліянія его сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ великорусскихъ колонизаторовъ съ финскими племенами и пр.; еще и до сихъ поръ вліяніе этихъ историческихъ факторовъ нельзя отрицать въ жизни современной Великороссіи.

Татарско-византійское вліяніе, начиная съ XV вѣка, красной нитью проходить по всей политической исторіи Великорусскаго племени; мало того: оно оставило свой слѣдъ въ семѣи, въ характерѣ великоросса. Можно ли отрицать, какъ это дѣлаютъ субъективисты, значеніе и вліяніе татарскаго яга?

Какъ согласить сравнительно высокій уровень образованія и развитія древне-русскихъ племенъ, или ихъ социально-политическое устройство съ послѣдующимъ рабствомъ и отупѣніемъ Московскаго народа.

Въ жизни каждаго народа мы можемъ наблюдать подобные этому примѣры воздѣйствія историческихъ факторовъ на складъ народной жизни.

Соединеніе Вѣлоруссіи и Литвы съ Польшею ускорило политическую смерть послѣдней, подготовивъ ей тотъ историческій гробъ, куда вело ее неустройство Рѣчи Посполитой. Для Вѣлоруссіи тоже соединеніе оказалось гибельнымъ въ томъ смыслѣ, что послѣдовавшая религіозная и социальная борьба ея населенія съ шляхтою оторвала силы Вѣлорусскаго племени отъ работы надъ саморазвитіемъ и содѣйствовало тому политическому омертвѣнію ея, которое сказалось въ послѣдующихъ событіяхъ.

И такъ, нужно признавать вліяніе на жизнь каждаго народа различныхъ историческихъ факторовъ, но задача исторіи указать, на сколько тотъ или другой факторъ имѣлъ дѣйствительное наченіе въ жизни народнаго общественнаго организма.

Таково развитіе народнаго общественнаго организма. Мы позволили себѣ остановиться на свойствахъ его потому, что намъ придется еще указать на значеніе сложившагося уже организма. Сложившійся народный организмъ имѣетъ, какъ мы видѣли, свои историческія традиціонныя начала принадлежностью его бытаетъ его языкъ, литература устная или даже письменная и этнографическія особенности, связанныя болѣе или менѣе съ природными условіями мѣстоположенія народа и его истеріею; прибавимъ ко всему этому особенности географическаго положенія и физиологическаго строя организма индивидуумовъ,—и мы получимъ признаки и качества, которыми обособляется одно племя отъ другого, одинъ народъ отъ другого, которая даютъ ему права называться *народомъ, племенемъ* въ семѣи другихъ народовъ.

Эти признаки племени имѣютъ великую силу для общественнаго организма; они поддерживаютъ его, иудтъ и совершенствуются съ нимъ рука объ руку и, наконецъ, пока они существуютъ, будетъ существовать народъ, племя.

Особенно важнымъ тутъ является языкъ: пока въ народѣ живъ его языкъ,—живъ и самъ народъ, съ потерей его племя лишается своего *народнаго* самознанія и исчезаетъ въ массѣ поглотившей его силы.

Не мало народностей погибло, утративъ свои племенные особенности:

¹⁾ См. его «Утилитаріанизмъ и о свободѣ», пер. Невѣдомскаго С. П. В. 1882 г. стр. 293 и 294.

на сѣверо-востокѣ такъ затерялись въ массѣ великорусскихъ колонистовъ турко-финскія племена, нѣмецкіе колонисты основали цѣлыя государства на развалинахъ славянскихъ племенъ, болѣе слабыхъ по своимъ особенностямъ.

Такъ умираетъ народъ, теряя свои особенности и сливаясь съ болѣе сильнымъ племенемъ, поглотившимъ его.

Но за то и наоборотъ: народъ, лишенный политической жизни, подавляемый внутреннимъ гнетомъ, иногда на цѣлыя столѣтія сходящій съ политической арены и какъ бы замирающій,—такой народъ, если онъ не потерялъ своего языка, этнографическихъ особенностей и пр.,— снова выдвигается на арену, если не политической, то по крайнѣй мѣрѣ социальной и умственной жизни. Таковы свойства и крѣпость народного общественного организма: сохраняя свои особенности, онъ не можетъ погибнуть, затеряться, пока не свершитъ своей миссіи въ общей исторической судьбѣ міра. Такъ было со многими племенами. Не такъ то давно, въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго вѣка, многіе и забыли о существованіи нѣкоторыхъ западно-славянскихъ и юго-славянскихъ племенъ: ихъ, съ потерей политической самостоятельности, считали сходящими съ жизненной арены, жалкими остатками.

Имя нѣкогда великой Чехія къ этому времени уже почти сошло съ карты Европы; большинство чеховъ, особенно горожанъ и дворянства, лишилось языка, и признаки чешской національности жили еще кой-гдѣ въ деревняхъ. Но это были бѣдные крестьяне, подавленные работой, забывшіе о своемъ великомъ прошломъ, шедшіе по пути омѣчченія; многіе гнушались чешскаго имени: оно дѣлалось чуть ли не позорнымъ. Чешскіе крестьяне сохранили только свой языкъ, забытую народную поэзію, въ которой слышалась иногда отдаленная пѣснь о славномъ прошломъ.

Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ—Чехія и чехи измѣнились: о нихъ заговорили европейская наука и современная печать, чехъ съ гордостью поднялъ голову; онъ имѣетъ теперь богатую литературу, языкъ ихъ раздается съ высоты профессорской кафедры, чехи много сдѣлали въ области науки, они приобрѣли себѣ политическія права и требуютъ автономіи; многіе, омѣченные уже, чехи снова возвратились въ лоно своей народности. Произшло, такимъ образомъ, возрожденіе чешской народности.

Нашлись патриоты, которые напомнили чехамъ объ ихъ историческомъ славномъ прошломъ, о томъ, что ихъ языкъ, какъ и языки другихъ народовъ, былъ нѣкогда языкомъ литературы, что онъ и теперь еще не потерялъ своихъ особенностей и своей прелести и можетъ служить для развитія новой литературы.

Такимъ же образомъ и на тѣхъ же основахъ произошло возрожденіе и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Еще недавно, послѣ австро-венгерской

войны, поляки всему міру заявили, что австрійское правительство „выдумало“ русиновъ въ отпоръ польскимъ стремленіямъ. Правда, правительство дѣйствовало тогда не безъ задней мысли, желая ослабить поляковъ, но относительно русинской народности оно поступило вполне справедливо, даровавъ ей кой-какія политическія права и официально признавъ ея существованіе; съ тѣхъ поръ литература и языкъ русиновъ получили право гражданства.

Возрожденіе сербовъ началось послѣ изданія Караджичемъ собранія сербскихъ народныхъ пѣсень; для возрожденія Болгарскаго племени много потрудились Велелитъ, наконецъ, начало малорусской новѣйшей литературы считается съ появленія „Энеиды“ Котляревскаго.

Конечно, возрожденіе каждой славянской народности сопровождалось массой различныхъ мелкихъ причинъ, но это были побочныя обстоятельства. Главное состояло въ томъ, что славянскія народности не успѣли утратить своихъ племенныхъ особенностей, а потому возрожденіе ихъ нужно признать обязательнымъ.

Послѣ указанія на законность возрожденія народныхъ организмовъ, при извѣстныхъ условіяхъ, для насъ возникаетъ весьма важный вопросъ: что представляеть, по существу, возрожденіе національности—положительное для нее благо, или зло?

Вопросъ этотъ весьма важенъ, такъ какъ съ рѣшеніемъ его выясняется, слѣдуетъ ли народности стремиться къ возрожденію, или нѣтъ. Окончательный отвѣтъ на это дастъ будущее, когда будутъ подведены итоги возрожденію различныхъ народностей, проявившемуся въ нашѣмъ вѣкѣ. Однако, въ данное время кое-что уже можно видѣть изъ исторіи и результатовъ возрожденія славянскихъ народностей.

Когда тѣмъ или другимъ обстоятельствомъ данъ толчекъ къ возрожденію народности, силы ея обновляются, въ ней начинается новая жизнь, кипучая дѣятельность на поприщѣ общественномъ и научномъ.

Дѣятельность вызываетъ новые таланты изъ среды народной. Силы, вызванныя возрожденіемъ, отдаютъ свой трудъ своей родинѣ.

Возбужденіе въ жизни народа всегда полезно, потому что оно вызываетъ усиленную дѣятельность общественную, вызываетъ новыя силы.

Во время такого возбужденнаго состоянія народъ весьма много переживаетъ, что способствуетъ быстрому его культурному росту. Исторія возрожденія славянскихъ народностей представляетъ наглядные тому примѣры. Возродившаяся Малороссія выдвинула изъ себя цѣлый рядъ сѣтлвыхъ, талантливыхъ личностей, обратившихъ свои интеллектуальныя силы на пользу своего народа; это были: профессоръ—Водянский, Гулакъ-Артемовскій, Максимовичъ, Костомаровъ и др., цѣлый рядъ ученыхъ, не занимавшихся только высокаго общественнаго положенія, и наконецъ, солидный рядъ по-

этовъ и беллетристовъ, начиная съ Котляревскаго, Шевченка, Квитка, Гребенки и многихъ др.

Всѣ эти люди воздвиглись къ своей дѣятельности вслѣдствіе горячей любви къ своей родинѣ, ея прошедшему и настоящему, вслѣдствіе искренняго желанія помочь ей, облегчить ея страданія, вывести ее изъ мрака невѣжества, въ которомъ находилась Малороссія; большинство ихъ вышли сами изъ среды невѣжественной и это имъ придавало силы въ послѣдующей борьбѣ. Кому неизвѣстны пламенные, хватающія за душу обращенія Шевченка къ своему народу?

„ пошли
Подай души убогой силу,
Щобъ огненно заговорила,
Щобъ слово пламенемъ взялось,
Щобъ людямъ сердце ростошило
И по Украйни пронеслось.
И на Украйни свѣтилось
Те слово чистое, кадыло
Чистѣйшей истины“.

Или извѣстное его:

„Обнимайтежъ, брати мой,
Найменшого брата;
Нехай мати усмихнеца,
Заплакана мати...
И забудеться срамотня
Давня година,
И оживъ добра слава,
Слава Украйны;
И свить ясний, не вечерній
Тухенько засяе...“

Огненные слова Шевченка дышутъ горячей любовью къ родинѣ и ея населенію; послѣднее составляетъ отличительную черту всѣхъ, какъ современныхъ ему, такъ и послѣдующихъ и настоящихъ дѣятелей Малороссіи.

Таковы свойства не только малорусскаго возрожденія, но и всякаго славянскаго племени: въ Чехіи, въ Сербіи, въ Хорватіи—ездѣ мы встрѣчаемъ ту же идею, руководящую мѣстныхъ дѣятелей: горячую самоотверженную любовь къ родинѣ, подтверждающую плодотворную дѣятельность на ея пользу.

Мы удерживаемся отъ приведенія другихъ примѣровъ, что выходитъ за предѣлы предначертанной нами статьи.

Скажемъ только, что все, что даетъ намъ въ настоящее время исторія возрожденія славянскихъ народностей, въ виду вышеприведенныхъ отли-

чительныхъ качествъ, сопровождающихъ его, оно должно быть признано великимъ благомъ для каждой народности.

Что касается собственно бѣлоруссовъ, то это племя еще ждетъ своего изслѣдователя, который бы указалъ на основаніи изученія его прошлаго и настоящаго, положеніе его среди родственныхъ ему славянскихъ племенъ.

Въ какое отношеніе оно станетъ къ нимъ, покажетъ будущее. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни одного труда, который бы обнималъ современное состояніе, или прошлая судьбы Бѣлоруссіи.

Конечно, это очень печально и вся вина въ этомъ падаетъ на ученыхъ, вышедшихъ изъ среды бѣлоруссовъ, по обратившихъ свои силы на другіе предметы.

Между тѣмъ, прошлое Бѣлорусскаго племени представляетъ для изслѣдователя не мало интереса. Исторія его не блещетъ знаменитыми битвами, завоеваніями, у него не было полководцевъ, которымъ хронисты вложили бы въ уста рѣчи, но за то исторія его въ высшей степени интересна въ бытовомъ отношеніи, исторія борьбы бѣлорусскихъ культурныхъ началъ съ польскими.

Въ изученіи быта народа и заключается главный интересъ исторіи; въ этомъ отношеніи наша родина представляетъ не початый край.

Остается только желать, чтобы въ самомъ скоромъ времени было изслѣдовано прошлое и настоящее Бѣлоруссіи, чтобы современники, зная его, могли начать снова культурную работу въ пользу своего племени, какъ это было и есть у другихъ, раньше насъ пробудившихся, славянскихъ народностей...

Солнышко и мѣсяцъ въ бѣлорусской свадебной поэзии *).

Почитаніе солнца и мѣсяца, какъ божествъ-покровителей брака, представляетъ очень распространенное явленіе въ первобытныхъ языческихъ религіяхъ. Обычно мѣсяцъ является началомъ мужскимъ, женихомъ, солнце — невестою, хотя встрѣчаются и обратныя представленія. Эти небесныя свѣтила являются, по общему представленію аріевъ, божественною брачною парой; бракъ которой служитъ прототипомъ человѣческихъ браковъ. Какъ божествамъ, живущимъ въ бракѣ, люди отдавали подъ покровительство солнцу и мѣсяцу земные браки. Вотъ отчего въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ аріевъ мы встрѣчаемъ не мало остатковъ поклоненія этимъ божествамъ. Кромѣ того, любовь мѣсяца и солнца, ихъ бракъ, повели къ созданію прекрасныхъ поэтическихъ мифовъ.

Уже гимны Ригъ-Веды поютъ о бракѣ Сомы-мѣсяца съ Сурью, — солнцемъ или солнечной дочерью. Въ германскихъ сказаніяхъ — солнце — Frau Sonne, мѣсяцъ — Herr Mond. Мифы грековъ и римлянъ не менѣе богаты сказаніями о бракѣ солнца и мѣсяца.

Въ народныхъ воззрѣніяхъ до сихъ поръ сохраняются крупныя слѣды почитанія солнца и мѣсяца, особенно послѣдняго, какъ брачныхъ божествъ; они — устроители браковъ. Нѣмецкая дѣвушка, возлюбленный которой равнодушенъ къ ней, говоритъ, обращаясь къ мѣсяцу: „Поздравляю тебя, богъ, любезное вечернее свѣтило; я охотно смотрю на тебя сегодня и всегда; покажись на краю лоза моему возлюбленному; не дай ему сна, не дай ему покоя, чтобы онъ долженъ былъ придти ко мнѣ“ (Wuttke, Deutsche Aberglaube 342). Калабрійская невеста такъ обращается къ мѣсяцу, проси его о счастья въ супружеской жизни: „Мѣсяцъ, святой мѣсяцъ, дай мнѣ счастливую судьбу“ (Dorzi, La tradizione gr.-lat. negli d. Calabria, p. 55).

* Напеч. въ „Мин. Листкѣ“ 1894 г. № 80.

Особеннымъ интересомъ отличаются литовскія пѣсни. Мы приведемъ одну изъ нихъ:

Мѣсяцъ—батюшка
Долю выдѣлялъ.
Солнце—матушка
Приданое готовила.
Сетинъ—братецъ
Въ поле провожалъ,
Звѣзды сестрицы
Кушаки ткали,
Божье дерево—мой милый
Вѣнокъ сплеталъ.

(Юшкевичъ, Литовскія нар. пѣсни, СПб. 1867, 5 — 6).

Въ славянскихъ мифахъ и поэзіи солнце и мѣсяцъ играютъ очень важное значеніе. Мѣсяцъ считается подателемъ здоровья, богатства. Солнце въ славянской поэзіи является то мужскимъ, то женскимъ началомъ. Великороссы называютъ его царь, князь, болгарскія пѣсни — женихомъ, хорваты представляютъ солнце статнымъ воиномъ. По женскій обликъ солнца обычай: великорусскія пѣсни называютъ его красной дѣвицей, сербы представляютъ его съ длинными волосами, а чехи знаютъ о солнцѣ — матери. Не менѣе обычно представленіе о солнцѣ и мѣсяцѣ, какъ супружеской парѣ (Nanus Machal, Nakres slovanskeho bajeslovi, Praha, 1891, стр. 44—45, 47, 54; Сумцовъ, о свадебныхъ обрядахъ, 51).

Въ бѣлорусской народной поэзіи, особенно свадебной, мы находимъ очень значительныя остатки почитанія мѣсяца и солнца, при чемъ первый — неизмѣнно мужское начало, второе — женское. Рядомъ съ этимъ невеста иногда называется „зоранькой“, сравнивается съ нею, такъ что наши пѣсни поютъ то о свадьбѣ мѣсяца съ солнышкомъ, то мѣсяца съ зоренькой, утренней зарей.

Въ пѣснѣ, въ которой свадебная дружина напоминаетъ, что пора невестѣ ѣхать въ домъ жениха, говорится, что невеста должна просить благословенія у родителей, сосѣдей и

У яснаго солнца,
У широкаго мѣсяца,
У дробныхъ звѣздъ. (Шейнъ, Матер. II 145).

Этотъ отрывокъ интересенъ указаніемъ, что солнце, мѣсяцъ и звѣзды призываются благословить невесту, какъ божества — покровители брака.

Небесныя свѣтила, по понятіямъ бѣлорусса, — источники всякаго благоденствія, ихъ товарищъ — дробень дождикъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ одна колыдка:

Застилайте столы, кладите пироги (въ жертву),

Къ намъ найдуть любые гости:

Первый гостикъ—ясень мѣсяцъ,

Второй гость—жаркое солнышко;

Третій гость—дробень дождикъ;

Ясень мѣсяцъ выхвалается:

Якъ выйду я, выйду поздно съ вечера,

Да враздуются кушцы въ дорожи,

А рыба въ морѣ, звѣри въ полѣ.

Отъ солнца „взрадуется“ „люди хрещенный“, а отъ дождика—въ полѣ „всякая папаница“ (Радченко, Гомельскія пѣсни, 115).

Сопоставленія невѣсты съ солнцемъ мы встрѣчаемъ въ сравненіяхъ, въ родѣ слѣдующихъ:

- 1) Ишло мило солнышко коло лѣсу,
Ровяло искоры по закустѣцу,
Ишла, ишла Машечка коло столика и т. д. (Шейнъ, Матер., II, 332).
- 2) На дворѣ сонейко заходзиць,
Кацяринка Марцянка проводзиць. (Янчукъ, по Минск. губ., 51).
- 3) Отчини, матынька, вакопца,
Вязу тебѣ невѣсту, якъ сонца. (Шейнъ, Вѣл. п., 348).
- 4) Адчини, мамухна вакопца,
Вотъ табѣ невѣстка, якъ сонца (Piosnki wesniacze Чечота, 44).
- 5) Ой, жарка, жарка да у лузи калина,
Да ще найжарчѣй таго да папенька у матки.
Па дворѣ ходзи, увесь дворъ красуня,
Да на ганю узышла, гаян зазвигѣла,
Да у хату зашла, якъ сонца узышло,
На посаdzi сѣла,—якъ рожка сыѣла. (Мое собраніе изъ Бобр. у.).

Во всѣхъ этихъ отрывкахъ очевидно сопоставленіе невѣсты съ солнцемъ.

Съ другой стороны, встрѣчаемъ сравненія невѣсты съ зарей, зоренькой, въ родѣ слѣдующихъ:

- 1) Што то за зора
У татки на дворѣ?
Дзѣвечка съ ципломъ ходзиць,
Дзѣвечекъ побуждаецъ. (Шейнъ, 87).
- 2) Да не зорка сѣщица,
Тамъ Гануличка ходзила,
Тамъ Ивановна ходзила,
Зѣ залатыми ключами. (ib., 293).

Мѣсяцъ всегда является мужскимъ началомъ:

Да у мѣсяца два рожичька вострѣпкихъ:

Одинъ рожичикъ зимну воду освящу,

Други рожичикъ на неби збѣду суличу.

Ды у Андрейка два брацятки роденькихъ и т. д. (Шейнъ, Вѣлор. п., 324).

Рожки мѣсяца—два брата его. Но и самъ женихъ—мѣсяцъ. Это видно изъ слѣдующихъ сопоставленій:

- 1) Чи высокъ мѣсяцъ на зарѣ,
Ти хороши, пригощи Иванъ на конѣ. (Радченко, Гомельскія пѣсни, 81).
- 2) Ой, что-жъ это за мѣсячко,
Въ ночи сѣтити, а въ день нѣ?
Ой, чтожъ это за милый,
Лѣтомъ любииць, а зимою—нѣ? (ib. 127).
- 3) Да аткель ясень мѣсяцъ изйде?
Да аткель малады дзѣвчичка прыдзе?
Зыйшоу ясень мѣсяцъ зъ зорими,
Прыѣхау малады дзѣвчичка зъ сестрами (Янчукъ, по Мінской губ., 57).
- 4) Откуль, отсюль ясный мѣсяцъ взышоувъ,
Откуль, отсюль Игнатка пришоувъ
Откуль, отсюль ясный мѣсяцъ блеснуувъ,
Откуль, отсюль Игнатка у ворота скакнуувъ (Дембовецкій, Опытъ, т. II, 686).

Мать родила жениха, говорится въ пѣснѣ, и

Мѣсяцемъ обгороздила

Зарей подпирала (Шейнъ, Мат., II, 344).

Но наиболее интересный мотивъ—это бракъ мѣсяца и солнца, которое называется иногда красной дѣвицей, или бракъ мѣсяца съ зоренькой. Иногда невѣста мѣсяца прямо называется „дзѣвчачкой“:

Да мѣсячикъ, дзѣвчичка, мѣсячикъ,

Чаму ты стоишь да не сядзешъ?

Ци ты сабѣ мѣсячйка да не найдзешъ?

Да кладзи таліаро на миси,

Для свое дзѣвчачки садзили (Мое собраніе).

Это поется передъ выкуномъ невѣсты; мѣсячикъ, подобно жениху, долженъ купить себѣ невѣсту. Но чаще онъ, какъ бравый молодецъ, добываетъ себѣ дѣвицу. Онъ не боится тѣсти и предупреждаетъ о своемъ нападеніи:

Мѣсячикъ навокала неба ходзиць,

Малады Антосяка изъ Ганнаю за столъ заходзиць.

Листъ писани, да да цесыци,—слаци:

— Будзь сабѣ, песыца, да ня погнави,
Я у пѣбе буду, да тысячу людю,
Да памінь таго людю я самъ тамъ буду.
Не дзеля обѣду, не дзеля снаданья,
Але къ своей Ганнацы на заручанья (Мое собраніе).

Другія пѣсни прямо говорятъ о женитьбѣ мѣсяца и солнышка: мѣсяць—женихъ, солнышко—невіста:

Божа раданька перелѣтѣла
Черезъ тую рыдельку (изба) Лукашкину.
Веселая рыдалька Лукашклина,
А у кути мѣсяць—Лукашечки,
А на палу рыдельки теплое совнушко,
Теплое совнушко—Прасковічка (Дембовецкій, I, 524).

Приведемъ еще одну пѣсню изъ Смоленской губ.:

Изъ-за моря синяго,
Изъ-за лѣса темнаго,
Изъ-за поля чистаго
Выхадзю ямень мѣсяць,
По заутрань ранешенька
Выходило красно солнышко,
Ямень мѣсяць—то Иванушка,
Красно солнце—то Аленушка (Шейнъ, Мат., II, 423).

Другія пѣсни говорятъ о бракѣ мѣсяца и зораньки. Мѣсяць—„пероборничекъ“.

Перебравъ усихъ зоричекъ,
Якъ выбравъ сабѣ Зоричку,
Хоть маленьку—ясеньку,
Межъ усихъ Зоричекъ видненьку,

Такъ и пероборничекъ дѣтинка—перебираетъ дѣвушекъ (Дембовецкій, I, 549).

Женихъ вѣзжае съ своею невістою въ избу, подобно тому какъ мѣсяць „взводитъ зораньку“:

А взыйшовъ мѣсячикъ надъ избою,
А узвелъ Зораньку за собою:
Тутъ табѣ, Зорынька, свѣту ждатъ.
А узѣхавъ Иванька къ татку на дворъ,
А увезъ Марьячку за собой:

Тутъ табѣ, Марьячка, вѣкъ вѣкувать. (Романовъ, Бѣл. Сбор., I, 358).

Сродный мотивъ развивается въ одной пѣснѣ, записанной въ Смо-

ленской губ., но гораздо полнѣе: ее поютъ, когда свадебный поѣздъ отправляется въ домъ жениха:

Возмовъ мѣсячекъ
Надъ избою
Енъ узвевъ Зораньку
За собою,
Поставивъ Зораньку
Поплечъ сабѣ:
„Стой, моя Зоранька,
Якъ я стою“.
— Я уже, мѣсячекъ,
Настався.
„Свящи, моя Зоренька,
Якъ я свѣчу“.
— Ой, я уже мѣсячекъ,
Насвѣщився,
По цемныхъ тученькахъ находзився.
Узѣхавъ Петрушка

На бацькинъ дворъ и т. д. (Шейнъ, Мат., II, 451).

Мѣсяць-женихъ, его невіста—зоранька, звѣзды—его сваты:

Залѣзные калы звеняць,
Да сивы кони иржаць.
Ды узѣхау мѣсяць надъ избой,
Ды ня знаць мѣсяца за звѣздами,
Только знаць мѣсяць по Зораньцѣ,
Ды ня знаць Хведарки за сватами,
Ды знаць Хведарку по шапоццѣ:
На имъ шапочка, какъ жаръ горыць,
За нямъ сваточки, якъ макъ цвицяць. (Шейнъ, Бѣл. п., 367).

Въ одной пѣснѣ поется о свадьбѣ мѣсяцева сына и зорькиной дочери. Эта пѣсня еще замѣчательна и тѣмъ, что поется въ началѣ свадебнаго пира, т. е. собственной свадьбы, и служить, такъ сказать, обращеніемъ къ мѣсяцу и зоранькѣ:

Ай мѣсяць сына жениць,
Зорка дочку замужъ даецъ,
Ай мѣсяць у радысьци,—
Зоринька у жалысьци.
— Ай свекрыка сына жениць,
Ай щепынька дочку замужъ даецъ,
Ай свекрыка у радысьци,
Ай щепынька дый у жалысьци (Шейнъ, Мат., II, 6).

Приведенныя данныя о мѣсяцѣ, солнцѣ и зарѣ даютъ право сдѣлать тотъ выводъ, что бѣлорусская народная поэзія, преимущественно свадебная, сохранила остатки сказаній о свадьбѣ мѣсяца съ солнцѣмъ или съ зарей. Эта божественная брачная пара, прототипъ человѣческаго брака, является покровительницей послѣднихъ; къ мѣсяцу и солнцу обращаются пѣсни въ надеждѣ на ихъ благословеніе, освещеніе заключаемаго брака.

Свадебныя пѣсни Пинчуковъ *).

Пинчица и ея жители Пинчуки давно интересуютъ и науку и образованное общество. Это край чудовищныхъ болотъ, первобытныхъ лѣсовъ, о которомъ въ обществѣ ходитъ немало чисто мифологическихъ разсказовъ. Онь остается, въ самоѣ дѣлѣ, до сихъ поръ мало извѣстнымъ. Этнографическія изслѣдованія, изученіе его населенія, его нравовъ и обычаевъ, языка, экономическаго состоянія—все это почти не затронуто наукою. Одни описанія устарѣли, неполны, другія—въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ разбросаны въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ за прошлые годы, недоступныхъ для публики.

Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ я рѣшился познакомить интересующихся читателей съ маленькой частичкой изъ быта населенія этого края. Одна изъ интересныхъ особенностей Пинчуковъ—это ихъ пѣсни. Лирика ихъ отличается высокими поэтическими качествами, обнимая самыя разнообразныя стороны народной жизни. Я выбралъ отдѣлъ свадебныхъ пѣсней. Разбирая поэтическія мотивы этихъ пѣсней, можно выяснять цѣльныя поэтическія образы главныхъ лицъ обряда, жениха и неvěсты, ихъ отношенія между собою, къ семьѣ своей и чужой и пр. Рядомъ съ мотивами, имѣющими интересъ только съ точки зрѣнія изученія народной лирики, мы встрѣчаемъ и мотивы изъ отдаленнаго религіозно-бытоваго прошлаго. Присутствіе послѣднихъ понятно, потому что свадебный обрядъ и пѣсни создавались вѣками и цѣлые вѣка сохраняются народомъ. Ясно поэтому, что въ народныхъ пѣсняхъ о свадьбѣ мы встрѣчаемъ и такіе мотивы, которые рисуютъ намъ брачныя отношенія въ болѣе первобытную эпоху. Выясненіе всѣхъ этихъ мотивовъ и составляетъ предметъ предлагаемаго очерка.

*) Напеч. въ 1893 г.

Довнаръ-Запольскій.

Материалом для него послужили пѣсни, записанныя лично авторомъ въ Пинчинѣ¹⁾. Кромѣ того я воспользовался и сборниками моихъ предшественниковъ²⁾.

I.

Невѣста.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ Пинчуковъ отразились мотивы и отдаленнаго культурно-религіознаго прошлаго, и рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ картины современной повседневной жизни.

Центральными лицами, къ которымъ такъ или иначе относится большая часть пѣсень,—это, конечно, женихъ и невѣста, ихъ отношенія другъ къ другу, къ семьѣ своей и чужой, ихъ будущее счастье и пр.

Съ особенной симпатіей и тихою грустью относится пѣсни къ молодой. Собираясь къ вѣнцу „дѣвонька росу брала“ съ зеленой руты; этою росой она умывается. По другой пѣснѣ, роса она собираетъ съ яблони. Русая коса ея („роса кса“)—до пояса, „сукынька да до мурѣвки“ на ней „рутинный вѣнчонокъ, шоуковый косычокъ“ Сама она—„чирвона-бѣла“. Въ общемъ, одна пѣсня такъ рисуетъ наружный видъ молодой:

Тонкая бы былина, чирвоная бы калина,
Высокая бы тополина.

Другая пѣсня говоритъ, что невѣста—
Наражена як панятко,
Посажена як князятко.

„Не сварыся, матка“, говорится въ другомъ мѣстѣ невѣстою, что я опоздала: въ новомъ костелѣ долго „барылася“: „стояла годину, шуки звѣчали, стояла другую—люде не познали“:

Чи то мѣпанка, чи то боярка?
На ей сива свита зъ окладомъ шита,
Перецень кованы и другѣ коханы³⁾.

Одна пѣсня дѣлаетъ очень поэтическое сравненіе невѣсты съ пчелою, хмарою, дождикомъ и пр. Мы приведемъ этотъ интересный отрывокъ, въ которомъ народная поэзія собрала всѣ любимые обороты, чтобы охарактеризовать симпатичную для нея личность:

Да сіяла невѣста чоронъ макъ,
Нѣ удавалася свюкру ў знакъ:

¹⁾ Книга вышла въ 1895 г., подъ загл. „Пѣсни Пинчуковъ“, Кіевъ.

²⁾ Эти сборники: Буляковский „Пивички“ С.П.В. 1892 г., Zienkiewicz, Piosnki gminne Ludu Pińskiego, Kovno, 1851, ст. Бочковского въ IX т. Zbióra wiadomości do anthropol. kr.—Краковской Академіи Наукъ. и ст. Кольберга въ XIII т. того же собрания.

³⁾ Zienkiewicz, p. 66.

Ой лисомъшла пчолою,
Пыдъ сало подошла хмарою,
А ў сало узышла дожджикомъ,
На дыръ силыла рычкою,
А ў сини упала шуюю,
А ў хату ўлизла павою,
За столомъ сѣла павою;
И свикратко нѣ познаў,
Да и панею назваў.

Подобныя сравненія мы встрѣчаемъ и въ другихъ пѣсняхъ. Вчера рѣчка была быстрою, говорится въ одной изъ нихъ, сегодня притихла, потому что на нее понапыли „човнычки“, понавесли лозы:

Ты быстрая рыченка!
Ты ўчора была быстрѣнка,
А тепѣра стоишь тихѣнка,
— Якъ же мни быстрѣнкой бути?
Що на мене човнычки напылили,
Що на мене лозоньки нависли!

Такъ и молодая Ганночка: вчера она была веселая, сегодня „смутненка“ сидитъ. Что за причина, спрашиваетъ пѣсня?

— Якъ же мни веселѣнкой бути?
Що ослѣла мене чужая сторона,
Все Януськова родина¹⁾.

Вообще, пѣсни охотно сравниваютъ женщину съ атмосферической вой. По одной—„бѣгло солнце протиў хмары“ и просить у нея спрятаться: такъ и невѣста бѣжитъ къ матери и просить спрятать ее отъ жениха.

Народная поэзія даетъ невѣстѣ самыя нѣжныя сравненія. Въ одной пѣснѣ она сравнивается съ „кункой“—куницей: „да фхалы жъ мы тымъ слѣдомъ, куды наша кунка бѣгла“. Кунка бѣжала, „росыцу потрусила“ и пригласила всѣхъ гостей на „одынъ вчорокъ, на солодки мѣдокъ“ Но особенно часто она называется „завулькой“,—кукушкой. Она пошла на дворъ свекра, какъ лѣсная кукушка въ садъ, откуда—„сюды глієне, й туды глієне,—некуда вылатѣть“: съ одной стороны вишневый садъ, съ другой виноградъ.

Другая пѣсня спрашиваетъ:

Джѣ наша зузулечка,
Чи у орла пыдъ крылечкомъ,
Чи у миснца ў поков,
Чи у батѣньки коморы?

¹⁾ Zienkiewicz. 110—112.

Ее собираются по что бы то ни стало добыть: изъ подъ крыла орла ее „выстрѣлять“, изъ покоя мѣсяца выкатить, а у батюшки выпросить. Далѣе встрѣчаемъ сравненія невесты съ „соколкой“, „голубкой“ и др. (Zienkiewicz, 104, 96).

Волюшко прелестью дышутъ сравненія невесты съ грустной калиной, одиноко стоящей на лугу, или съ розой, украшающей собою сады. Я приведу одну относящуюся сюда пѣсенку цѣликомъ:

Ой, шарка, шарка ¹⁾ да калина ў лузи,
Шарчей калины да дѣвонька у батьки!
По двору ходыла, весь дворъ скрасила ²⁾,
За соломъ сѣла, якъ рожа сѣла;
Коло ее дѣвочки, якъ василечки,
Коло ее молядки, якъ бѣлы лебедки.

Судьба дѣвушки сравнивается съ судьбой розы, стоящей „около сыножатъ“: розѣ не вымокать тамъ, а дѣвушкѣ не вѣковать у батюхны. Дочь у матери—„гожа якъ червона рожа“ (Bykovski, 20).

Въ другой пѣснѣ невеста сопоставляется съ калиной, стоящей у моста. Черезъ мостъ ѣдетъ дружина з женихомъ во главѣ; онъ вынимаетъ свою „шабельку“ и собирается рубить калину, но она стала просить его: „не сѣчи, не рубай, женишок, бо мэнэ, калыну, крѣль сады“, „дождь поливалъ, „а тѣбѣ дѣвоньку Богъ годовалъ“. Молодая дѣвонька „засмутила“, опечалила всю семью, подобно тому, какъ калина весь дугъ „закрасила“:

Ой, ў лузи калына,
Весь дугъ закрасила,
Наша дѣвонька да молодэнька
Увесь рыдъ засмутила (Bykovski, 20).

Калина въ народныхъ пѣсняхъ относящихся къ невестѣ, служитъ не только простымъ поэтическимъ сравненіемъ, но имѣетъ связь и съ народными воззрѣніями, находящими оправданіе въ взглядахъ первобытнаго человѣка на природу вообще, какъ на обладательницу высшей производительной силы; растительность, будучи сама слѣдствіемъ великой производительной силы природы, является въ народномъ представленіи сама носительницею той силы. Такъ какъ въ извѣстный періодъ человѣческаго развитія, который можно назвать общимъ именемъ родового или патріархальнаго, главное цѣлью брачнаго сожителства было произведеніе потомства, способнаго продолжать служеніе домашнему очагу, культу предковъ, то человѣкъ естественно обращался ко всѣмъ тѣмъ си-

ламъ природы, олицетворенной имъ въ разныхъ проявленіяхъ подъ именемъ отдѣльных боговъ, отъ которыхъ, по его мнѣнію, зависѣла производительная сила вновь образуемой черезъ бракъ семьи. Не забудемъ при этомъ, что во всѣхъ извѣстныхъ языческихъ свадебныхъ ритуалахъ, на ряду съ моленіями къ божеству о дарованіи новобрачнымъ потомства, мы встрѣчаемъ такіе же моленія къ божеству и о дарованіи плодородія скота и умноженія другихъ богатствъ, что зависѣло отъ тѣхъ же божествъ. Вотъ почему и растительность, олицетворенная въ болѣе развитыхъ религіяхъ (какъ Сомъ у Индусовъ, Гаома у Иранцевъ, Фрея у Германцевъ, быть можетъ, Лада у Славянъ и пр.) и неолицетворенная—въ неразвитыхъ, такъ тѣсно связана съ свадебными обрядами и пѣснями всѣхъ народовъ. Сюда относится, напр., употребленіе вѣнковъ на свадьбахъ, украшеніе нѣвѣями избѣ, выставленіе деревца подъ окнами брачнаго дома или на крышѣ его, наконецъ, далѣе—употребленіе соломѣ и хлѣба. Люди украшаютъ себя цѣвѣями и листьями, ставятъ во дворѣ деревца, углы въ комнатахъ устилаютъ зелеными вѣтвями, полъ устилаютъ соломой, молодыхъ кладутъ спать на соломѣ, сажаютъ ихъ на хлѣбную квашню, обсыпая хлѣбными зернами и пр.—все для того, чтобы символически низвести производительную силу природы, заключающуюся въ растительности, на брачную пару и основываемое ею домохозяйство.

Но, какъ извѣстно, всѣ эти обряды достигаютъ своего апогея, когда молодыхъ ведутъ въ кѣтѣ и когда ихъ будятъ. Во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссии всѣ эти обряды извѣстны подъ общимъ названіемъ „калинка“, „чирвоная“, „красная, чирвоная горѣлка“ и т. п. Къ этимъ обрядамъ приуроченъ цѣлый рядъ пѣсень, въ которыхъ такъ или иначе упоминается „чирвоная калина“. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этихъ обрядахъ и пѣсняхъ: связь съ обрядами калины, ее зпятетъ „чирвоной“, сопоставленія ея съ невестой достаточно говорить сами за себя. Я ограничусь лишь для подтвержденія сказаннаго приведеніемъ выдержки изъ одной пѣсни, записанной въ Игуменскомъ у. Мать невесту: „ў лузи добыла“, „ў калюжы ¹⁾ купала, подъ берозкою спаць кала, подъ калинкою спаць бала“. Невѣста ногою калинку „укранула“ (ударила)—

Тая калинка капнула
Да на мой шпильчѣй рукавецъ,
А на мой сѣвичныи падалецъ.

Послѣ сказаннаго понятно и участіе калины въ свадебныхъ пѣсняхъ и частое сравненіе невесты съ калиною. По одной изъ нихъ Ганночка „закадала“ (захотѣла) калиноваго вѣночка, просить отца

¹⁾ Шарка—красива, отъ шарыща—красоваться.

²⁾ Украшила.

¹⁾ Лука.

похвать въ долину по калину, но отецъ прїѣхалъ — калина не цвѣтѣтъ. Она проситъ мать, брата, — результатъ тотъ же. Тогда дѣвушка обращается къ своему милому. Янусько прїѣзжаетъ и „калинонька зацвѣтае“:

Часть и пора и годинька
Зацвѣла калинонька (Zienk., 100).

Въ другихъ пѣсняхъ дѣвушки украшаютъ гривы лошадей, которые должны везти свадебный поѣздъ, калиною, хата родителей жениха, куда собираются везти невѣсту — „калиною обтыкана“, невѣста провожаетъ своего отца до калинова моста и проч.

Къ описанной характеристикѣ невѣсты остается прибавить, что пѣсни хвалятъ ее и за то, что она „тонко прала, давноко ткала, бѣленько бѣлыла“ полотенца и скатерти, раздаваемая жениховой дружинѣ въ подарокъ. Не разъ пѣсни отмѣчаютъ и то, что невѣста „хоть вона по ночи ходыла“, не всетаки „при себѣ красу носыла“ —

Да носыла красу до часу,
Держала праўдоньку ў сэрдэчку,

т. е. сохранила цѣломудріе.

Но не все представляется невѣстѣ и ей окружающимъ въ радужномъ свѣтѣ. Невѣста красива, наряжена „як панятко, князятко“, но ошибочно было бы думать, что она рада тому, что происходитъ вокругъ нея. Невѣста грустна, въ слезахъ. Причина ея горя — неизвѣстность будущаго. Волненіе ея доходитъ до того, что, прїѣхавъ отъ вѣнца, она не можетъ „слоўца промовыць“: „слезки да набѣгаютъ, слоўца не згадають“. Ее легко узнать среди сіяющихъ лицъ гостей и родныхъ, потому что у нея „по плачамъ кэска, а по личку слезка; ў ручкахъ хустанька — безъ вѣтру мае, безъ вѣтру мае, безъ сонца ссяе“.

„По плэчкамъ кэска, по лицу — слезка то вона“ — говоритъ другая пѣсня.

Въ горѣ, ожидая неизвѣстнаго будущаго, невѣста вспоминаетъ о своей долѣ и призываетъ ее: „Охъ, й доля жъ ты, доленька!“ — обращается къ ней молодая. Если доля добрая — пусть идетъ съ нею до „шлюбу“, если злая — лихая, — пусть плыветъ на море съ водою. Доля встрѣчаетъ ее на возу при отъѣздѣ въ церковь, идетъ передъ ней, но всетаки доля эта неизвѣстная, сомнительная: дѣвушка скорѣе предполагаетъ худшее.

Ненадежность будущаго заставляетъ дѣвушку дорожить настоящимъ. Она боится потерять главные атрибуты своего дѣвичества: *дывичню косу*, „всему роду прыкрасу“, и *вѣнокъ*.

Коса — гордость дѣвушки. Пѣсни особенно восхваляютъ русую косу, доходящую до пояса. „Держи, дѣвонька, своихъ кысь“ предупреждаетъ ее пѣсня. Съ потерей косы женщина перестаетъ быть дѣвушкой, становится

„молодыцей“, надъ ней налжеть тяжелая власть мужа. Ходить дѣвушка по двору, „зорачки пидъ зору“, и говоритъ матери:

Зваты матинка, дождь будэ,
На мою кэску мла (мгла) надэ,
Тобѣ, батенько, жалъ булэ.

Коса красота дѣвушки. За нею гонятся хлопцы, ломаютъ отцовскія ворота, а потому пѣсня торопитъ родителей скорѣе проити дочь, — „нехай она ў косяхъ не ходыть, да нехай хлопцоў не зводыть“. Пѣсни предупреждаютъ дѣвушку, чтобы она не дала расчесывать своихъ косъ: „Молодая дѣвонька, не давай кэски рваты“. Другая пѣсня советуетъ ей выбѣжать на „вулоньку“:

Кидайся, мэтайся, завиватыся не давайся.

Но всетаки родители безжалостно пропили ей косу, братъ продалъ за канчукъ. Въ отчаяніи невѣста говоритъ:

Распустю косу по кованому поясу,
Да нехай моя русая коса шарытца,
Да нехай мои роднай маты жалитца

Другая пѣсня говоритъ, что „уплети“ (ленточки, которыми переплетаютъ косу) нужно отдать матери: пусть она, прижавъ ихъ къ сердцу, обольется горькими слезами, вспоминая о своей дочери. Мать пропневаетъ, отдастъ свою дочь, но скоро раскается и „уплети“ ей будутъ служить горькимъ напоминаніемъ.

Плачь дѣвочки о косѣ носитъ глубоко поэтический характеръ. Она плачетъ о ней, убивается, потому что коса — дѣвочья краса —

Да поплакала дівонька по косѣ,
Не такъ же она по косѣ,
Якъ по своей материной роскошѣ!

(Булгаковский, 101, № 16).

Она распустила свою русую косу „по білыхъ плечикахъ“ —

Ой, не жалъ же мнѣ русой косы,
Що я ей распустила,
Якъ жалъ же мнѣ свого батенька,
Що я его разгнѣвала (Булгаковский, 101, № 15).

Дѣвушка думаетъ, что она чѣмъ либо прогнѣвала своего отца, и онъ отдастъ ее замужъ, заставитъ расплести русую косу.

Дѣвушка плачетъ о косѣ больше, чѣмъ о разлукѣ съ матерью, отцомъ. Коса ея — это бѣлый жемчугъ, какъ поэтически выражается пѣсня (Булгаковский, 101, № 14). Вышла дѣвушка и стала подъ червоной калиной, „ручки згорнула, таяко востхнула, силененько заплакала“. Мать спрашиваетъ ее: отчего плачешь? Отецъ спрашиваетъ: жалѣешь ли меня стараго, или роднаго подворя?

Я не жалую ¹⁾ тебе старого,
 Ни подворья твоего,
 Якъ жалую русое косы.
 Дѣвоцкое красы.
 Гдѣхъ дѣвочки грающъ,
 Косками маюць ²⁾,
 Тамъ мене не примаюць;
 А гдѣхъ молодочки суму сумують ³⁾,
 Тамъ мене потребуюць. (Zieñk., 54—56).

Съ косою тѣсно связанъ другой атрибутъ дѣвчества—вѣнокъ. Пѣсня приглашаетъ дѣвушечку отправиться въ садъ взять на вѣнокъ руту въ пучки. По другой пѣснѣ вѣнокъ купленъ на рынкѣ и сирятанъ „у скринкѣ“. Снять вѣнокъ означаетъ тоже, что распустить косу, т. е. переходъ отъ дѣвчества въ замужество. Дѣвушка хотѣла еще побыть у отца—„у батѣнки побыты, хороше ходиты“. Но женишокъ ей не далъ: онъ „зняў вѣночокъ, наложиў наметочекъ, зняў зыленѣньки, наложиў биленьки“. Вѣнокъ былъ только одинъ, но и того не пришлось износить дѣвушкѣ:

Одного была звела,
 Дай й того не зносила,
 Януську зложила (Zieñk., 114).

Пѣсни о косѣ и вѣнкѣ имѣютъ значеніе не только какъ превосходные образцы народной лирики. Сопоставляя ихъ съ свадебными обычаями бѣлоруссовъ и другихъ народовъ, мы находимъ въ нихъ отголоски религиозно-бытовыхъ мотивовъ. Въ настоящее время въ народномъ сознаніи, конечно, затерялась первоначальная связь грустныхъ мотивовъ пѣсенъ о косѣ дѣвушки съ другими обычаями; эту связь можно открыть лишь съ помощью сопоставленій.

Извѣстенъ цѣлый рядъ обычаевъ изъ быта какъ европейскихъ такъ, и другихъ народовъ, которые указываютъ, что съ обрѣзаніемъ волосъ человекъ лишается свободы, изъ свободнаго состоянія, переходить въ несвободное. Такъ, обрѣзанные волосы по дренне-германскимъ и французскимъ обычаямъ служили признакомъ несвободнаго состоянія; наоборотъ, длинные волосы—отличительный признакъ людей свободныхъ (*Revue des trad. populaires*, t. III, p. 403—405). Спенсеръ собралъ цѣлый рядъ данныхъ изъ быта австралійскихъ дикарей, указывающихъ что длинные волосы могутъ

носить лишь свободные люди; рабы и женщины носить волосы коротко остриженные (Обряд. учредл., 94—98).

Мы видѣли, что въ пѣсняхъ дѣвушка жалуется о потерѣ косы, которую продаетъ отецъ, или братъ жениху. Конечно, въ настоящее время женщины не обрѣзываютъ своихъ косъ, но въ свадебномъ ритуалѣ сохранился одинъ обычай, который символизируетъ отрѣзываніе дѣвичьей косы при переходѣ ея къ мужу. Во время обряда, называемаго посадомъ невесты, братъ послѣдней или дружокъ подстригаетъ часть волосъ или же прижигаетъ ихъ. Съ этого момента невеста перестаетъ носить распущенные по-дѣвичьи волосы, и вскорѣ на нее надѣваютъ нарядъ замужней женщины, который, какъ извѣстно, тщательно скрываетъ волосы. Этотъ обрядъ указываетъ на то, что первоначально существовалъ обычай, требовавшій обрѣзанія волосъ дѣвушки при выходѣ ея замужъ. Судя по аналогичнымъ даннымъ, лишеніе волосъ женщины связывалось съ переходомъ ея въ несвободное состояніе, въ подчиненіе мужу.

Этотъ обычай имѣетъ тѣсную связь съ обычаями другихъ народовъ. Такъ, слѣды подрѣзыванія волосъ невесты, какъ актъ брачной церемоніи, мы встрѣчаемъ у др. Индусовъ, Грековъ, Эстовъ, у нѣкоторыхъ Славянъ и пр.; у Римлянъ волосы невесты растрепывали особымъ колемъ; этотъ обычай сохранился почти повсемѣстно въ современной Италіи. Если съ теченіемъ времени и переставали лишать женщину ея естественнаго украшенія и начали довольствоваться лишь символизированіемъ обряда, пристригая или прижигая волосы, то всетаки обычай запрещалъ для замужнихъ женщинъ ношеніе волосъ распущенными. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли существовать народъ, гдѣ бы обычай позволялъ носить женщинѣ замужней непокрытые волосы или, по крайней мѣрѣ, такую же прическу, какую носятъ дѣвушки. Извѣстно, что у русскаго народа женщины всегда покрываютъ головы свои платками, дѣвушки носятъ распущенныя косы. Этотъ обычай относится и ко всѣмъ Славянамъ, др. Индусамъ, Грекамъ, Римлянамъ, Нѣмцамъ, Итальянцамъ, финскимъ племенамъ и пр. Замѣтимъ, что и среди общества, чуждаго требованіямъ народнаго обычая, принято, однако, что замужнія женщины носить прическу нѣсколько иную, чѣмъ дѣвушки.

Послѣ этихъ замѣчаній обратимся къ вопросу, насъ занимающему. Такимъ образомъ, понятно, что въ пѣсняхъ о косѣ, которую дѣвушка можетъ носить распущенною и которую она, съ выходомъ замужъ, должна будетъ прикрыть,—въ этихъ пѣсняхъ невеста оплакиваетъ потерю своего дѣвчества, потерю свободы; ей придется подчиниться мужу, перейти въ чужую семью, натерпѣться горя. Пока она носила косу и вѣнокъ,—она была свободной, независимой, не знала „женоцкаго“ горя. Но наступаетъ день брачныхъ обрядовъ, обычай велитъ скрыть подъ платкомъ косу,—признакъ свободнаго дѣвчества,—и молодая естественно обливается горь-

¹⁾ Жалую.

²⁾ Машутъ.

³⁾ Тяжелую думу думаютъ; ср. бѣл. сумно.

кими слезами. Ея отчаяніе выразилось въ массѣ коротенькихъ, но глубоко поэтическихъ пѣсень.

Мы рассмотрѣли одинъ отдѣлъ пѣсень, относящихся къ невѣстѣ, рисующихъ намъ обликъ ея безъ отношенія къ окружающему люду. Такая грусть лежитъ на всемъ обликѣ молодой, но эта грусть переходитъ въ море отчаянія, когда невѣста начинаетъ прощаться съ своими родными. Мы скорѣй перейдемъ къ рассмотрѣнію и этихъ пѣсень, а теперь займемся пѣснями, относящимися къ другому виновнику свадебнаго торжества—женеху, молодому.

II.

Женихъ и его дружина. Похищеніе дѣвцы.

Тогда какъ пѣсни, относящіяся къ невѣстѣ, много занимаются душевнымъ ея состояніемъ и внѣшнимъ видомъ—наоборотъ,—пѣсни о женихѣ останавливаются болѣе надъ тѣми дѣйствіями, которыя онъ совершаетъ съ своею дружиной. Впрочемъ, мы встрѣчаемъ и описаніе внѣшняго вида жениха. Теща легко можетъ узнать своего новаго зятя, потому что—

Нашъ зять чернобровый,
Пудъ имъ коникъ сыный,
И на ручкахъ соколыки,
А на ѣмъ шапка красна,
Якъ зырочка ясна.

Молодой представляется въ пѣсняхъ бравымъ молодцемъ, предводителемъ боевой дружины. Пѣсни сравниваютъ его съ соколомъ, съ соловьемъ и, наконецъ, съ голубемъ. Дѣвонька ѣдетъ подъ вѣнецъ съ „паничемъ“, ее вѣчаютъ съ „королемъ“. Его можно узнать, потому что отъ него „мадомъ пахнетъ, а виномъ дышетъ“.

Молодецъ—женихъ сидитъ на конѣ и пристально смотритъ на свою милую, какъ соколъ на соколку:

Чемъ же то за соколикъ
На воручечкахъ сѣдигъ?
На соколку пишно глядитъ
Зъ подъ правого крыльца,
Зъ подъ золотого паря (уменьш. отъ перо).

Это не соколъ смотритъ на соколку, а молодой Янусько сидитъ на конѣ и „пишно“ смотритъ на свою Ганочку:

Зъ подъ правое ручи,
Зъ подъ білого кожуха (Zienk., 104).

Съ большими подробностями пѣсни останавливаются на томъ, какъ

собирается женихъ добыть себѣ невѣсту, какъ онъ ее добываетъ и пр. Здѣсь мы встрѣчаемся съ переживаніемъ похищенія, умычки женщины. Всѣ народы, по скольку ихъ исторія и современный бытъ разслѣдованы наукою, переживали, а многие изъ менѣ развитыхъ переживаютъ и въ настоящее время—такой моментъ въ исторіи своей, когда женщина могла сдѣлаться женою мужчины не иначе, какъ будучи похищена имъ. При болѣе первобытномъ состояніи, женщины похищали другъ у друга враждующія племена, обращая похищенныхъ въ своихъ женъ—плѣнницъ. Обычай брать жену изъ другого племени—рода (такъ наз. экзогамія) укореняется, дѣлается священнымъ обычаемъ. Племена, жившія въ мирѣ между собою, покупали другъ у друга женъ, а враждовавшіе—добывали силою. Обычай похищенія до того укоренился, что въслѣдствіе былъ обставленъ религіозными церемоніями (это видно изъ обрядовъ свадебъ), сдѣлался, слѣдовательно, достояніемъ религіи и началъ практиковаться даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда предварительное состоялось соглашеніе между женихомъ и родителями невѣсты. Обычай умиканія настолько силенъ, что въ пѣсняхъ и свадебныхъ обрядахъ народовъ, давно уже забывшихъ о реальномъ похищеніи женщины, какъ напр. у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ и др.,—встаки до сихъ поръ встрѣчаемъ переживанія, непонятныя для самихъ исполнителей обрядовъ, воспоминанія о бытовавшемъ нѣкогда обычаѣ. Славяне тоже пережили время, когда парень долженъ былъ похищать себѣ жену. Объ этомъ вполнѣ опредѣленно свидѣлствуютъ извѣстное мѣсто изъ лѣтописи Нестора и др. источники, а у восточныхъ великороссовъ и сербовъ и до сихъ поръ встрѣчаются случаи похищенія (такъ наз. „самокрукты“) дѣвицъ. Въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ славянскихъ воспоминанія объ этомъ обычаѣ очень живы.

Въ пинскихъ пѣсняхъ отраженіе сказаннаго обычая выразилось очень яркими, живыми чертами. Очень интересно то обстоятельство, что мы можемъ по пѣснямъ прослѣдить всѣ отдѣльные моменты похищенія дѣвицы: передъ нашими глазами проходитъ полная картина болѣе древнихъ бытовыхъ отношеній. Пѣсни поютъ о молодцѣ и его дружинѣ, добывающихъ дѣвицу, поютъ о томъ, какъ ее добываютъ, какъ „воюютъ“ съ тестемъ, какъ увозятъ молодую плѣнницу; въ то же время пѣсни не забываютъ и о субъективномъ состояніи дѣйствующихъ лицъ, особенно невѣсты, горе которой—любимая черта народной поэзіи.

Снаряжая сына на трудное дѣло, мать „оперезала его мѣсянемъ, зыркою застѣгнула, долею оплнула“. Женихъ не самъ отправляется въ дорогу: онъ собираетъ родъ весь свой, всю „роднину“, онъ припадаетъ „до ножекъ“ своему батеньку—

Мый батюхо, родный мой родыноньку,
Близкую и далекую, богатую и убогую:

Богатую да попытуса, а бидную порадытуса,

Богатая на славоньку, а бидная на порадоньку.

Родъ жениха долженъ составить дружину, съ которою онъ и ѣдетъ добывать невесту. Рой пчелъ хочетъ полетѣть на соловьи меды, на желтые цвѣты. Но это не рой, это женихъ и его родня. Онъ хочетъ поѣхать, передъ тестемъ „статы“, т. е. съезжаться, собѣ дѣвоньку ѣзаты“. Въ нѣсколькихъ пѣсняхъ женихъ сравнивается съ мѣсяцемъ: расходился асентъ мѣсяцъ по небу, „сбираючи свои зырночки ў громаду“:

Да засвѣтимо ѣсѣ разомъ.

Такъ и молодой женишекъ собираетъ свою роднину:

Да поѣдмо усѣ разомъ на войну,

Да зовемо мойго тѣстаника, што ў дому,

Да возьемо млада дѣвоньку съ собою.

Въ другомъ вариантѣ пѣсня кончается болѣе подробнымъ описаніемъ „войны“:

Станемо съ своимъ полкомъ пудъ ганкомъ,

Да выбѣмо крамэну ¹⁾ стѣну крамѣнкомъ,

Озьемо млоду дѣвоньку изъ вѣнкомъ.

Упоминаніе о родѣ встрѣчаемъ и въ другихъ пѣсняхъ, связанныхъ съ тѣмъ же вопросомъ. Въ одной пѣснѣ, отражающей въ себѣ уже болѣе мирныя отношенія семьи жениха и невесты, женихъ проситъ своего отца пробѣжать по „роднынѣ“, собирать „музыки рѣзаты“²⁾, выбрать „дружатка—скакунца“ (дружку—хорошаго плисуна), чтобы дружина, гдѣ стала—заиграла, гдѣ сѣла—запѣла—

Бо тамъ чужая сторона,

Щобъ не було сорома.

Родъ также присутствуетъ при пропоевѣ дѣвицы, т. е. при ея куплѣ—продажѣ. Отмѣтимъ еще интересное выраженіе „рыдъ спѣвати“, т. е. пѣть родъ, родовую пѣсню.

Собравъ дружину, женихъ собираетъ и все нужное для отправления. Онъ, припавъ къ ногамъ батюхны, проситъ, чтобы тотъ приготовилъ девять коней, а десятую жеребицу „пудъ мою молодцу“. У него отборные кони, пригодные для богатырей, они стоятъ „у золота плота“, воды не пьютъ, бѣлками бьются, дороженьку чувятъ. Женихъ самъ кормитъ ихъ передъ дорогою, коситъ сѣно и до „станника“ поситъ. Ъѣзьте, коники мои, говоритъ онъ имъ, потому что поѣдемъ на войну,—

Будамъ тѣтя воевати,

Соби дѣвоньку браты.

Коней кормятъ пшеницею изъ новыхъ корытъ. Имъ предстоитъ „ве-

¹⁾ Каменную, кременную отъ слова кременъ.

²⁾ Отъ слова рѣзати: рѣзатый музыка—хорошо „рѣзущій“, играющій на скрипкѣ.

лына дорога“; на этой дорогѣ трое „ворытецъ“: въ одні ворота—„сонейко грае“, въ другія—„мисячицъ“ свѣтитъ, въ третьи—„женишокъ“ ѣдетъ. Поѣздъ такъ хорошъ, что „мѣсто“, черезъ которое онъ проѣзжаетъ, „дивуе“: чытѣ сынъ ѣдъ?

А тому надлѣвши, кому зятѣмъ будъ.

Солнце и мѣсяцъ сопутствуютъ жениху. Ему приходится пройти трудный путь: невеста предупреждаетъ его, чтобы онъ подковалъ коника „на штыры ноги“. Ъхать придется „борамъ—корѣнемъ“—„полемъ—крамѣнемъ“:

Быръ будъ шумѣты, кременъ звинѣты,

Чужымъ же людѣмъ за диво будъ.

Для большаго успѣха въ предпріятіи ѣдутъ ночью. Женихъ посылаетъ впередъ соловья дать вѣсть о себѣ тестю:

Бѣдъ зять воевати,

Соби дѣвоньку браты.

Въ самомъ дѣлѣ, не съ добрыми мыслями ѣдетъ женихъ съ дружиною къ своему будущему тестю. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ пѣсня, которую я привожу цѣликомъ въ виду ея глубокаго интереса:

Жаль батюхна, жаль, жаль,

А матѣры еще жалѣчей,

Що бѣро дочку жоўнеръ.

Замѣтай, матка, попалъ,

Бо мы твою дочку ўхопѣмъ,

Озьемо да рученьками,

Повьземо да кониченьками,

Ухопѣмо да бѣленькими,

Повьземо да воронѣнькими,

Озьемъ да повьземо,

Да положимо снати,

Што схочемо, то зробимо

Да вашому дѣтѣты,—

Съ крышокъ палиныца,

А съ дѣчины молодца.

Ясно, что съ невестой собираются расправиться какъ съ плѣнницей. Приѣхавъ на тестевъ дворъ, дружина съ женихомъ во главѣ ведетъ себя, какъ самые страшные непріатели. Женихъ вѣзѣхалъ на „зализный мостъ, на зализный мостъ да копытца знесъ“. Желѣзные мосты дружина ломаетъ, „тонкіе обрусъ“ разрываетъ:

Зализные мосты ковали ковалы,

Тонкіе обрусъ ткачи ткалы,

Бѣлые лебедзи на моры бѣялы.

Не удивительно, что такихъ страшныхъ враговъ боится весь родъ

невѣсты. Боятся и она сама, виновница нападенія, боятся, быть можетъ, большае другихъ.

Родъ невѣсты предвидитъ нападеніе жениховой дружины. Онъ желаетъ узнать заранее о приближеніи врага, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ. Пѣсня обращается къ невѣстѣ:

Молодая Ганночка!
Выйди за ворожичка!
Выйди къ дороженьки:
Ци стогне доруженька,
Ци шумитъ дубравушка,
Ци не ѣдутъ сваты твои,
Ци не везутъ розкуй—косы,
Ци не везутъ розлей—слезы? (Zienk., 96—98).

Дружина жениха приближается шумно, на лошадахъ, ѣдетъ открыто дорогою: топятъ лошадиныхъ копыта далеко слышно и къ нему со страхомъ прислушивается дѣвушка. Они везутъ ей недоброе: разоньютъ (раскуютъ—раскуй—косу) ей косу, разольютъ слезу. Но вотъ женихъ приближается. Выбѣжало двое коней, Ганночка услышала въ коморѣ топотъ: „по кого, коники, бѣжине?“

Да по тебе, Ганночка, по тебе,
По твое билзе личенько,
По твою косуныку русую,
По твою слезуныку дробную,
По твое кубальце тесова,
По твое подушки пухова. (Zienk., 92).

Вотъ зачѣмъ бѣгутъ кони. Невѣста хочетъ спрятаться. Объ этомъ говорится въ одной пѣснѣ съ мифологическимъ оттѣнкомъ. Солнце бѣжитъ „противъ хмары“ и проситъ его „заховать“, такъ и невѣста бѣжитъ „противъ матоньки“ и съ отчаяніемъ проситъ „заховать“ ее:

Нэ заховаю, мые дытятко,
Сваты нахалы, щобъ тебѣ ўзятъ.

Дѣвица хорошо знаетъ, что женихъ, который ѣдетъ, ее „не жалуетъ“, и готова лучше утонуть. Она боится „того жаўнера“, что сидитъ „край ее“ и закрывается отъ него.

Но всетаки дружина съ женихомъ выпила бочку „мэдочку“ и „выбѣдылы, выкрутылы отъ маты дочку“. Теперь ее собираются везти къ себѣ и сдѣлать съ нею, — „што схочемо“, сдѣлать молодицу. Женихъ не даетъ невѣстѣ „хорошо пожить“ у батюшки, онъ снялъ вѣнчечекъ, положилъ наметочку. Но уже увезенная изъ родительскаго дома, уже въ „долыгѣ“, она „еще выглядаз родныну“, очевидно, надѣясь на помощь. Но родна не гонится, чтобъ отбить дѣвицу. Она думаетъ, что мать боится враговъ:

Да чаго, матонько, боисса?
Чи знэваженьки боисса?
Не бойса, матонько, не бойса,
Ў чирвоны черенныкы бойса,
Тощи вороги пидъ ноги,
А подкиўками пороги.

Одна пѣсня, записанная у Зенькевича, напоминая собою известное мѣсто изъ Слова о Полку Игоревѣ, сравниваетъ сватовъ съ синими голубями, косы дѣвицы—бѣлымъ жемчугомъ, слезы ея—живое золото. Эта пѣсня богата высоко поэтическими элементами:

Ў суботоньки на недиленку
Снивса мни сонъ дивноньки:
Сивы голубы да наленули,
Бѣлы жемчуръ розвернули,
Живэ золотого розсыпали.
— Да мое жъ дитятко родна!
Мало умны розумъ маешъ,
Що сего сну не стадеши:
Сивы голубы—сваты твое;
Бѣлы жемчугъ—коски твое;
Живэ золото—слѣзки твое (Zienk., 58).

Добывъ дѣвицу, молодецъ привозитъ ее къ матери и спрашиваетъ у последней:

Чи рада ты, моя матонько,
Што я зъ войны зѣздыў,
Звоеваў да дѣвокъ—панночъ,
Вибраў себѣ пану—молоду дѣвоньку?.

Трудно было добыть дружинѣ дѣвицу. Поэтому, сватъ, пріѣхавъ съ „войны“, приказываетъ дѣвушкамъ (женщинамъ своего рода):

Да нэ отчиняйтъ дѣрыны,
Да нэ выпускайтъ зѣтрыны,
Я своего коника утониў,
Покуль зѣтрыну половиў,
Я свое ботаньки потоптаў,
Покуль зѣтрыну ўсю ўлапаў.

Такъ крѣпко держать дорого доставшуюся роду плѣнницу.

Вотъ какъ представляютъ себѣ пинскія пѣсни похищеніе дѣвушки. Онѣ даютъ возможность прослѣдить сборы въ путь, самый процессъ борьбы и ея конецъ, и описываютъ весь этотъ процессъ въ живыхъ яркихъ краскахъ. Эта живость воспроизведенія былого культурнаго прошлаго свидѣлствуетъ, что умница оставила глубокіе слѣды въ міросозернаніи Пинчука.

Разсматривая вышеприведенные данные с точки зрения их пригодности для этнологических выводов, мы прежде всего обратим внимание на участие рода в добычании дѣвцы для одного из своих членов.

Жених является предводителем своего родового полка. Эти указания на участие рода глубоко замѣчательны. Мало того, мы можем даже составить понятие о томъ, какъ представляютъ пѣсни себя этотъ родъ, дружину.

Родъ этотъ составляетъ отдѣльное цѣлое, враждебное роду невесты; у него есть общіе интересы—побѣдить тестя, добыть дѣвицу для одного изъ своихъ членовъ, онъ заботится о томъ, чтобы на чужихъ людяхъ ему не было „соромъ“, наконецъ, онъ имѣетъ одного общаго представителя въ лицѣ батюхны жениха, по приказанію котораго весь родъ собирается на войну; батюхна выправляетъ его, заботится о немъ, хотя его личнаго участия мы не видимъ въ поѣздѣ: онъ представляетъ возможность выказать свою военную доблесть молодому члену рода. Последнему въ первый разъ представляется возможность показать свое мужество въ поддержаніи родовыхъ интересовъ, показать, что онъ будетъ достойнымъ представителемъ ихъ.

Родъ невесты—несомнѣнно враждебенъ роду жениха. Последний распоряжается съ невестой какъ съ плѣнницей, „звѣриной“. Оба рода перебиваются между собой:

Отсунѣтся совы,
Налецуды соколы,

говоритъ дружина жениха, выкупивъ невесту.

Осины, осины нашу пролисочку
То грибы, то грибыца,
Боровые масляница

коритъ невестина дружина жениховъ.

Эта враждебность обоихъ родовъ проходитъ и въ другихъ пѣсняхъ и поддерживается обрядами.

Когда пѣсни говорятъ о „родѣ“, „родынѣ“, то, разумѣется, представление ихъ объ этомъ родѣ ограничивается понятіемъ всей родни, родственниковъ, свойственниковъ. Всѣ они и составляютъ родъ, родню, какъ понимаетъ народъ эти слова въ настоящее время. Ясности представленія о строгой организованности рода, какъ онъ представляется наукою, не существуетъ. Но приведенная совокупность данныхъ едва ли не указываетъ на то, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ отдаленнымъ переживаніемъ родового быта. Это предположеніе тѣмъ болѣе плѣнительно, что вообще большинство свадебныхъ обрядовъ, сама организация ритуала относятся, повидимому, именно къ этому періоду челоушескаго развитія (О знач. дружины жениха и рода въ свал. обрядахъ см. мою ст. „Бѣлорусская свадьба въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ“).

III.

Продажа невесты. Братъ ея.

Последующая стадія въ развитіи брачныхъ формъ—именно купля-продажа дѣвушки—отразилась гораздо слабѣе въ нашихъ пѣсняхъ. Онѣ хорошо знаютъ о выкупѣ, пропой невесты, но упоминаютъ лишь объ обычаяхъ, не давая возможности возстановить весь актъ.

Пропиваетъ дѣвицу весь родъ ея, слѣдовательно, весь родъ ея участвуетъ въ ея продажѣ, а родъ жениха—въ куплѣ. Последний, пайда невесту въ коморѣ у батюхны, говоритъ:

Мы тѣбѣ выпросимо, мы тѣбѣ выважимо
Золотомъ вагою, повеземо зъ собою.

Прѣѣхали „Ильвувцы“ (отъ слова Львиль), сыплютъ червонцы на скамьи, чтобы только мать продала невесту:

Торгуй, моя матэнько, по бѣры,
Лѣпша я у тѣбѣ, якъ вони—

говоритъ дочь. Но мать отдаетъ ее: „наихалы тые люди, штобъ тѣбѣ ўзныты“. Пропиваетъ весь родъ, но главную роль играетъ мать и отецъ: „Пропыѣ батько, пропыла маты одъ себѣ работничку“.

Дружина пѣсня говоритъ:

Да запята дівонька,
Шовкомъ хустонька напшта:
Запивавъ ей ўсей родъ,
Да ей батэнько наперужъ (Булаковскій, 96, № 2).

Сваты особенно упрашиваютъ отца отдать дѣвицу. Зозулька ковала, что дѣвушка семь лѣтъ замужъ не пойдетъ. Но это оказалось неѣвѣрнымъ:

Якъ прышла я изъ красокъ,
Ажъ мэнэ да запивають,
Мадъ, вино на стулѣ (столѣ) носать,
И мого бацюхну просятъ (Zieŋk., 48).

Поэтому невеста больше жалуется на отца, мать мало виновата въ ея несчастьи:

Не жалѣ же мнѣ завзуденку,
Що рано заковала,

но жалѣ ей „на батѣхна“, что дѣвица у него „не вгуляла“, не много „вкрасовалася, но тилько извѣнчалася“ (Bykowski, 16, № 23).

Продажа и пропой невесты встрѣчаются часто въ пѣсняхъ, но не представляютъ ничего характернаго.

Но интересно отмѣтить роль брата въ продажѣ дѣвицы. Извѣстно, что „братъ“, т. е. старшій дружокъ (родной братъ или ближайшій родствен-

никъ) играет во всемъ свадебномъ обрядѣ крупную роль и у жениха, и у невесты (у каждого свой). Этотъ „братъ“ вмѣстѣ съ сватомъ руководитъ всемъ ритуаломъ. Въ обрядѣ, символизирующемъ куплю—продажу невесты, „братъ“ жениха покупаетъ ее у „брата“ невесты. Пѣсни также хорошо знаютъ объ этой продажѣ братомъ сестры.

Братейко-татаринъ, онъ продастъ „кэсоньку“ за канчукъ (нагайку), бѣлое лице за „шостагъ“, а родную сестру отдастъ „такъ“, т. е. даромъ—говоритъ пѣсня.

Расплѣѣ братко кэску,
Да разлѣѣ же мнѣ слѣзку,
Да по бѣлому лыченку,
По червоннымъ натрудничку—

говоритъ по адресу брата другая. Гдѣ подвязалъ братъ „уплѣты“, спрашиваетъ пѣсня: бросалъ ли онъ ихъ на Дунай, или подвязалъ ими свои „ботоньки“; если подвязалъ себѣ ботоньки,—то „якъ ноженькою ступивъ“,—свою сестрицу вспомнить. Конечно, братъ будетъ жалѣть о сестрѣ, но тогда будетъ уже поздно.

Пѣсня передъ посадомъ приглашаетъ брата сѣсть на стулъ и учиться „торговать“ сестру.

Достойно замѣчаніе и то, что и въ пинскія лирическія пѣсни проникала та же враждебность отношеній между братомъ и сестрой: и тамъ братъ является то главнымъ виновникомъ несчастья дѣвцы, отдавъ ее за нежелаемаго, то онъ мѣшаетъ сестрѣ соединиться съ милымъ¹⁾.

Интересъ пѣсенъ къ брату невесты объясняется не однимъ родствомъ ихъ. И въ другихъ свадебныхъ ритуалахъ братъ является распорядителемъ судьбы невесты, играетъ видную роль, какъ напр. у древнихъ Индусовъ (Вс. Миллеръ, Оч. арийской мифологіи, 21—22), у южныхъ славянъ (Юрич. Вѣстн., 1877, № 1, 99) и др. У Новозеландцевъ и др. менѣе культурныхъ народовъ братъ имѣетъ фактическую власть въ распоряженіи продажей сестры и въ настоящее время (Post, Studien Zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts, p. 164). Указанные факты даютъ возможность сдѣлать тотъ выводъ, что участіе брата невесты въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ можетъ рассматриваться какъ отдаленный пережитокъ той эпохи человѣческаго развитія, когда родство и старшинство въ родѣ считалось только по матери, т. е. по женской линіи (т. наз. матриархатъ, материнскій родъ) и, слѣдовательно, когда братъ матери имѣлъ право распоряжаться судьбою своихъ младшихъ родственниковъ, будучи представителемъ семьи, рода (М. Ковалевскій, Первобытное право, I, 136).

¹⁾ См. мою статью „Женская доля въ пѣсняхъ Пивзучковъ“.

Разставаніе невесты съ роднымъ домомъ.

Выше было сказано, что рядомъ съ остатками прошлаго быта въ пинскихъ пѣсняхъ отразились мотивы современной жизни. Нашимъ пѣснямъ известны и такіе отношенія жениха и невесты, когда они другъ для друга „милый“ и „милая“.

Невеста напоминаетъ жениху—„не залейца“ другой, „не забывайца“ дѣвоньки. Но ему и забыть трудно: куда ни пойдешь, она у него „на умѣ“, за столъ сядетъ „край ея“.

Возьму за ручку—тѣпленько,
Къ сердцу прыгору—мыленько.

Она ходитъ по лѣску и „гукаетъ“ жениха: не „баўса“, потому что уже все готово для встрѣчи молодого. Она выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу и съ „цукромъ (сахаромъ) у папери“, и съ „виннымъ яблочкомъ у кипени“. Молодая проситъ молодого прійхать въ понецѣльникъ раненько. Но молодой говоритъ, что у нея ворота скрипильныя, батюхно сварливый. „Я ворота подтешу, своего батюхна попрошу“, отвѣчаетъ невеста. Молода дѣвонька не правду говорила: она и замужъ пошла и женишка полюбила. Невѣста находитъ утѣху и поддержку въ молодомъ: „Нежалостливы“ батюхно выдаетъ ее противъ „нычки“, да и проводничка не даетъ, и дорожки не кажетъ, и самъ съ ней не идетъ. Гдѣ ей молодой спатъ: на водѣ ли, или въ зеленой дубравѣ, или у батюшки въ коморѣ? Но ее утѣшаетъ молодѣ Тимыхъ:

Не журься, мила Прысенко,
Не будешь почоваты на води,
Ни ў зеленой дуброви,
Ни у батеньки ў каморы,—
Тай будешь почоваты
Да на тѣсенѣй кровати,
Да на пуховыхъ подушкахъ,
Да на шуконныхъ радюшкахъ.

Но даже, если невеста и идетъ къ милому, она не знаетъ, какъ приметъ ее чужая семья, для которой она всетаки будетъ чужой. Тѣмъ тяжелѣе ей положеніе среди новой семьи, если она попала туда, какъ плѣнница, или какъ купленная. Она съ грустью, съ тяжелымъ сердцемъ, часто съ упреками къ своимъ, покидаетъ родную семью и вступаетъ въ чужую. Мы рассмотримъ отношенія ея къ той и другой семьѣ. И опять таки, и здѣсь, какъ и среди другихъ мотивовъ, отразились болѣе древнія черты быта рядомъ съ современными. Невѣста то плачетъ, прощаясь съ домашними, посылаетъ имъ упрекъ за отдачу, пропой ея, то спокойно спѣшивать къ жени-

ху, собирая какъ можно больше даровъ, приданого. Уже, приѣхавъ отъ вѣнца,—она не слуга своего отца, она принадлежитъ другому, тести она и должна слушаться. Дай, дѣвица, батюхнѣ водицы „изъ дыльнаго колодеза, изъ крыницы“, говорить пѣсня—

— Уже и тебѣ, батюхна, нѣ слуга,

Уже моя водица дорога.

Подъ высокимъ лѣсомъ брала дѣвица ягоды, много ихъ набрала, но понесетъ мимо батькового двора на свекратковъ:

На ѣстимъ мой батюхно ягдыокъ,

Бо упустишь золотой кубокъ изъ ручокъ:

Да ѣстимъ мое свекратко ягдыки,

Бо оно ѣзило золотой кубокъ у ручки.

Дѣвушка покончила счеты съ родной семьей, но ей тяжело разстаться съ нею. Она плачетъ даже по предметамъ утвари, покидаемымъ ей:

Да нѣ куръ кудаже, перьячко скаче,

Молилася дѣвонька по краснахъ плаче.

Но, конечно, живые люди дороже предметовъ: мать очень близка къ дочери, она приходитъ въ ужасъ при мысли о разлукѣ.

Моя матынько, моя родная,

Разлука мнѣ съ тобою!

— восклицаетъ съ отчаяніемъ молодая при мысли о разлукѣ съ матерью. Прощальныя слова дышутъ отчаяніемъ: пристыны матынько, близко-близынько, говорить пѣсня, уклони тобѣ голову къ низко-низенько, къ скамьямъ землицу покрою, слезками ноженъки помую.

Въ другой пѣснѣ дочь проситъ мать полетѣть ей сегодня, потому что завтра уже не придется, завтра завладѣть ею Инусько:

Моя матко родна!

Полилѣй да мене циперь,

Бо вже зантра не дилѣцмежъ,

Да у себѣ да не мѣцмежъ,

Оддаси боярамъ на руки,

Инуську на вѣки (Zienk., 116)

Одна пѣсня дѣлаетъ прекрасное сравненіе невѣсты, прощающейся съ своей матерью—съ березою расстающейся съ дубровонькою. Дуброва защищала березу отъ вѣтра и дождя, такъ и дочь у матери важнаго, т. е. труднаго дѣла не дѣлала, только танцы водила. Вотъ эта пѣсня:

Схилялася береза

Черезъ гору въ долину,

Склонилася Ганночка

Черезъ скамлю маценцы:

— Дзякуй тоби, дубрувунька.

За твое годованьейко!

Якъ я у цибе бугала,

Буйного витру не чунала,

Друбного дцу не видала.

Склонилася Ганночка

Черезъ скамлю маценцы:

— Дзякуй тоби, моя маценка,

За твое годованьейко!

Якъ я у цибе бугала,

Важнаго дѣла не робила.

Позно по воду не ходила,

Все тихіе тоньки (танцы) водила.

Дзякуй тоби, моя матынько,

За твое годованьейко! (Zienk.).

Конечно, съ выходомъ замужъ эти порядки измѣнятся: придется „важное“ дѣло дѣлать, поздно ночью за водой идти и пр.

Но и сама мать не хочетъ разстаться съ дочерью: не хочу твоихъ низкихъ поклоновъ, говорить она, встань съ воза да иди за мною. Тоже говорить мать въ другой пѣснѣ. Дочь проситъ подать ей руку,—не вернуть ли ее домой. Рада бы я и обѣ подати, да нельзя вернуть назадъ, говорить мать. По другой пѣснѣ почти въ такихъ же словахъ невѣста прощается съ отцомъ своимъ. Ей хотѣлось бы побыть еще у батюхны, „хороше походить“, потому что у батюхны „все горы да горы мнѣ ходити удоволи“, а „у свекраки ей гулять невульно“.

Съ упрекомъ обращается она къ матери, отдающей ее на чужую сторону на тяжелую работу, отрывающую ее отъ роднаго дома. Она все дѣлала, что только нужно было для матери, а та отдастъ ее. Чѣмъ и тебѣ „дѣла“, (надоѣла), что ты отдашь мени отъ дома, сиранинаешь дочь.

Чи и тобѣ кошули не прала,

Чи и тобѣ постальки не слала?

Прала тобѣ кошулку на моры,

Слала тобѣ постальку у каморы.

Въ другой пѣснѣ она выражаетъ ту же мысль:

Я жъ тоби була женчикъ хорошій:

Я тоби жала, гроши не брала.

Теперь ты будешь нанимать жнецовъ, платить имъ деньги, сама будешь свое добро съ поля собирать.

Но такъ или иначе молодая должна сдѣлаться членомъ новой семьи; въ этой семьѣ она съ мужемъ составитъ часть, а потомъ, быть можетъ, и сама станетъ ея главою. Поэтому, ей приходится подумать и о своемъ будущемъ достаткѣ, о томъ, чтобы ни отъ кого не было „доганы“ (упрека).

как говорить одна лирическая пѣсня, за то, что она вступила въ семью безъ статка, безъ приданаго. Тутъ мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ пѣсенъ, рисующихъ управленіе молодой. Очень замѣчательно, что молодую даритъ племя, роднина:

Нашу дѣвоньку да племячко даруе;

Самъ Богъ садить на покута, лепшую долю готуе.

Другая выражается въ томъ же смыслѣ:

У нашей дѣвоньки да волькая роднина,

Якъ скинъ по шляпечку, то буда скотына.

Такимъ образомъ родъ—племя участвовало въ защитѣ дѣвицы отъ нападенія жениха, оно, далѣе, продавало ее ему и, наконецъ, когда смѣнились бытовья условія, выправляетъ ее въ чужую семью. Забота лежитъ не только на родныхъ отцѣ—матери, но и на цѣломъ родѣ—племеніи, которое прежде всего и есть господинъ надъ своими сочленами.

Но главное участіе въ выправѣ играетъ, разумѣется, мать. Она заботится и о томъ, чтобы одарить, по обычаю, всю женихову родню; невѣстѣ нечего хлопотать о томъ, что не хватитъ подарковъ: есть у нея мать, она и добудетъ, она достанетъ, „колы пѣ станэ“. Мать хорошо прядла, звонко ткала, бѣленько бѣлила полотно на подарки, она некоротила кросень, „дытьята норовыла“ и раздастъ длинные куски полотна. Еще больше заботится мать, чтобъ уложить полный „кубель“ своей дочери. „Лады, матко, лады, Усе ѣ кубель влады“, говоритъ пѣсня, не оставляя меньшей дочери, потому что та еще не „набала“, т. е. мало еще поработала на батьковомъ хозяйствѣ. Батько въ свою очередь даритъ дочь „черною коровою“. Дочь не хочетъ отъ него „ни поля, ни загна, ни межи, ни разоры, да хочу жъ и коровы, пуховые подушки, шоѣковыя радюжки“,—говоритъ другая пѣсня. Матери же она оставляетъ все домашнее хозяйство—„новый двѣр и хлѣвецъ“, а себѣ желаетъ лишь „повѣнъ кубалъ платя“. Молодая убѣждаетъ со всѣмъ добромъ изъ батьковаго подворья ночью, она проситъ „свзтовую зырѣнку“ взойти раненько, засвѣтитъ ясененько, пока она выѣдетъ изъ батьковаго подворья:

Покиль я выкотю кублы изъ коморы,

Покиль я выведу корову изъ обору,

На скверовы возы, що стоять при дорози.

Невѣста является во дворъ свекра—„повѣнъ двѣр статку жене, поѣну влѣтъ добра вѣзэ, статочку до рогатого, одѣ батьки да богатаго, матери да розумной“. Ее свекоръ не узналъ и „панею“ назвалъ.

Такъ собирается молодая въ чужую семью. Послѣдніе мотивы уже дышутъ современнымъ порядкомъ вещей. Что же встрѣчаетъ она въ новой семьѣ?

Невѣста и семья жениха.

Уже собираясь въ новую семью, невѣста сидитъ „хмурѣнька“:

А якъ же мни бути веселою,

Коли мэнэ осила чужина,

Усе женишкова родина.

Осѣла невѣсту чужина и даже ея наружный видъ измѣнился. Мать едва узнаетъ ее. „Учора“, т. е. у матери она была въ вѣнчикѣ, а сегодня „ѣ сарпаночку“, вчера была „ѣ чирвоному, а теперѣ ѣ залѣному“. Куда ты, дѣвица, ходила, спрашивается пѣсня, что головку „зболыла“ (бѣлый женскій головной уборъ)? Она ходила въ вишневый садъ, на ея голову цвѣтокъ упалъ, „да мою голоѣку убраѣ“.

Невесело рисуетъ пѣсня будущую семью. Куда тебя батько отдастъ, спрашивается невѣсту пѣсня: „чи ѣ турки, чи ѣ татары, чи ѣ турецкую землю, чи ѣ вильскую семью?“ И такъ рисуетъ ея будущее положеніе въ этой „турецкой землѣ“:

Тамъ земля кременистая,

Тамъ семья норовистая,

Твоего ходу перохаживать муть (начнутъ),

Твое діло перолаживать муть.

Темными красками описываетъ другая пѣсня свекровь, съ которой невѣстѣ больше всего придется имѣть дѣло. Чужая мать безъ вѣтру вѣсть, безъ солнца грѣть, она „безъ крыѣдыньки сварить, непраѣдыньку говоритъ“,

Якъ покорыть словами,

Оболѣсса слезами.

Чужая мать ждала только работницу въ домъ: „ѣсю вычененьку изъ спала, тамъ собѣ робѣтничка достала“.

Радуется она. Это новая работница—„ѣ дымъ дымоваты (въ домъ до-мовать, хозяйничать), а ѣ поли жито жаты“—

А ѣ дымъ дымовинчочку,

А ѣ поли работничку.

Главное достоинство невѣсты, чтобы она была

И ручал, рабочая,

И до дѣла охвачая (Zienk., 192).

Въ новой семьѣ ожидаютъ работника, на котораго всякій не прочь извалить часть своей работы. У батьки ея были „бѣлыя“ руки, да будутъ ли бѣлыя у свекра? Вотъ какъ будутъ прикаживать ей въ новой семьѣ:

Уставай, невѣста, равненько,

Да бѣжи по водичу хутѣнько,

Да помый рученьки бѣленько.

У свекра „ѣсюды роѣвенько, мнѣ гуляты невольненько“. Всѣ

хвалить отца невесты, а свекра „судить“, не хвалить. Но невеста узнала об этом уже послѣ того, какъ „пирогі помѣняли, подарки подавали“ послѣ вѣчана. Теперь уже поздно, пусть лучше не говорятъ: „мого сэрца на сушить“.

Въ новой семьѣ нужно угождать свекру и свекрови: свекра ей совѣтуетъ называть батькомъ; для свекрови она готовить тонкій кужель на подарки. Въ новую семью она входитъ „зъ дарами да зъ низенькими уклони, да съ тонкими кужелими“.

Этими чертами ограничиваются наши пѣсни о судьбѣ молодой въ ея будущемъ домѣ.

Черты эти сравнительно блѣдны съ тѣми густыми красками, какими рисуетъ себѣ „валыку“ семью пинская женщина въ лирическихъ пѣсняхъ. Послѣднія останавливаются съ большими подробностями на различныхъ сторонахъ горькаго житья—бытья молодой женщины въ семьѣ ея мужа. Объ этомъ мнѣ уже приходилось говорить въ другомъ мѣстѣ^{*}).

Теперь мы разсмотрѣли всѣ пѣсни, относящіяся собственно къ жениху и невестѣ и лицамъ, ихъ окружающимъ. Но на этомъ не заканчивается разнообразіе мотивовъ свадебной лирики Пинчуковъ. Намъ остается еще разобратъ въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, стоящихъ отдѣльно отъ предыдущихъ: это пѣсни коровайницъ; за ними слѣдуютъ пѣсни, поющія о бракѣ краснаго солнышка съ яснымъ мѣсяцемъ.

VI.

Коровайныя пѣсни.

Маленькія коровайныя пѣсни, большую частію четверостишія, занимаютъ описаніемъ самого короная и способонъ его приготовления, поясняютъ то, что дѣлаютъ коровайницы,—женщины нарочно для того избранныя и пользующіяся огромнымъ почетомъ во все время своей работы и до окончанія свадьбы.

Мать собираетъ ихъ „по мѣсяцу и по зырnochкамъ и по яному солнцу“, говорить пѣсня.

Къ работѣ надъ короваемъ призываютъ самого Бога:

Прибуди, прибуди

Самъ Господь до насъ,

Да тѣпъръ у насъ вѣзалечко

У Божій части.

Кудрявая коровайница печь мететъ, „хорошуха“ поправляетъ, „и

^{*} См. названную мою статью „Пинская доля въ пѣсняхъ Пинчуковъ“.

Бугъ помогаетъ“, рассказываетъ пѣсня. Участіе божественной силы въ печеніи коровай простирается до того, что

Самъ Бугъ коровай мѣситъ,

А Пречистая сѣять,

А янголъ воду насытъ,

Христосъ приступае,

Хустою накрывае.

Другая пѣсня такъ призываетъ Пречистую:

Пречистая маты!

Сѣбечокъ сукати,

Ходи къ намъ до хаты,

Сей домъ освѣтити.

Вошечку топтати,

Коровай замѣсити (Zienk., 74).

Съ той важностью, которую придаетъ коровай присутствіе божественной силы, вполне гармонируютъ и описаніе самого хлѣба и эпитеты, которые ему даются. Его „гилбютъ“ (мѣсятъ) „на скамьи“ „золотыми перстенками“. Обычный эпитетъ коровай—„ясный“, другой эпитетъ—„дымный“. Его мажутъ дровинымъ масломъ (отъ коровы, въ первый разъ отелившейся), за которымъ бѣгутъ „до новой клѣти“, или „до новаго мѣста“. Коровай имѣетъ золотыя „вѣття“:

Да зеленъ яворъ на дворы,

А у явора вѣття зеленѣе,

А коровай гилбуть на столи!

А у коровай золотѣе.

Одна пѣсня даетъ такое замѣчательное описаніе самого коровай:

Коло околыночку^{*} пишки,

Звѣрху—сыръ и масло,

По сэрэдынь—ѣсъ зэрночки,

У сэрэдынь доля и шастъ!

„Зэрночки“—это зорочки, звѣзды.

Это описаніе дополняется другими. Коровай пекутъ на линовомъ листу:

Росты, коровай, якъ липыныя,

А пишечки—якъ зэрночки (зорочки).

А голечко якъ дубечко!

Коровай качаютъ на серебрѣ, сажаютъ на золотѣ:

Короваю, мой раю,

Съ тобою граю,

На серебри качаю.

На золотѣ сажаю (Булгаковскій, р. 108).

Пишечки, о которыхъ поетъ пѣсня,—это звѣздочки и разныя изображенія изъ тѣста по краямъ коронайнаго хлѣба. Изображаютъ чаще всего птицъ: непременно пѣтуха, перепелокъ, потомъ цѣтки и пр. Пѣсни также говорятъ объ этомъ. Отецъ собираетъ сѣсѣдокъ коровай сгибать, чтобы коровай былъ—

^{*} Повидимому, околыночко—кругъ, окружіе верхнее хлѣба, коло околыночку—по окруженію.

Съ квѣтками, зъ прѣрѣлками,
Зъ дорогами да макушками (Zienk., 70).

Наконецъ, хлѣбъ, идущій на коровай, тоже особенный. Это непременно пшеница, пшеница старая, доброкачественная. „Годи“ тебѣ семь лѣтъ въ стогѣ стоять, обращается къ ней пѣсня, время изъ тебя готовить коровай—

Пшеничка друба,
На всё сподобна (Zienk., 72).

Таково приготовленіе коровай и его внѣшній видъ.

Коровай подходитъ, растетъ необычно, ростъ его тоже замѣчательнъ. Пѣсня сравниваетъ его ростъ: „якъ хмѣль на тычинѣ, а пшеница на нывѣ“. Другая пѣсня начинается тѣмъ же сравненіемъ, но затѣмъ говоритъ:

Росты, коровай, росты,
Да на гору дывиса,
Да за лбынь бориса,
А якъ буде коровай росты,
То мы будемъ коровай трысты.

Коровай, подходя въ квашнѣ, выбиваетъ „дубовое дѣнце“. Пьяныя коровайницы тѣсто покрали „то ў мѣхѣ, то ў кишеню—своимъ дѣткамъ на вѣчеру“, но тѣсто „набрыняло“ (разбухло) и оборвало кишени.

Даже неодушевленные предметы выражаютъ свое удовольствіе по поводу печенія коровай:

Припечекъ рогоче,
Пичъ коровай хоче.

По изготовленіи, коровай несутъ въ клѣтъ.

Пѣсни описываютъ и этотъ моментъ. Даже про коровайницу, которая несетъ его, говорится, что „на ии свята шоукомъ шита, соболями подбита“. Пѣсни обычно говорятъ, что коровай спрашиваютъ у печи, есть ли стѣжечка до клѣтки?

Ты, коровай, не пытайся,
Да до клѣтки добрайся.

Другая советуетъ ему опереться на пороги и добираться до клѣтки. По другимъ пѣснямъ коровай несутъ на жито: „да постаѣтъ коровай да на батьковомъ жити“. Одна пѣсня въ этомъ родѣ очень интересна:

Да зышоу місячикъ високо,
Запаслы коровай далѣко,
Да поставили на жити,
Суды намъ, Боже, спожиты!

Коровай сравнивается съ мѣсяцемъ, выносятся на жито, потому что въ немъ есть сила, способствующая плодородію поля.

Наконецъ, къ коровайнымъ же пѣснямъ относится цѣлый рядъ пѣсенъ

шуточныхъ. Коровайницы медлятъ сажать въ печь коровай: меду ли онѣ напились, или въ морѣ утонули? спрашиваетъ пѣсня, или отъ собаки не отбились, добавляется варьянтъ. Коровайницы напились такъ, что имъ „до дому не видно“, онѣ порастеряли свои свитки, спяща онѣ раскрали все тѣсто и т. под.

Выше я собралъ всѣ черты пѣсенныхъ мотивовъ, характеризующихъ какъ самую коровай, такъ и способъ ея изготовленія. Коровай, какъ обрядовый хлѣбъ, и самъ коровайный обрядъ имѣетъ огромное значеніе не только въ Пинской свадьбѣ, но также и у Бѣлорусовъ, Малороссовъ, и на всемъ пространствѣ Вѣликороссіи; мало того, аналогичные обряды съ свадебнымъ хлѣбомъ мы встрѣчаемъ почти у всѣхъ Славянъ, у народовъ Западной Европы, у древнихъ Индусовъ, Грековъ, Римлянъ и у многихъ неарійскихъ народовъ. Это обстоятельство даетъ прочное указаніе на особенную важность обрядового свадебнаго хлѣба въ религіозномъ мировоззрѣніи различныхъ народовъ. Я буду имѣть случай говорить болѣе подробно объ этихъ обрядахъ въ другой работѣ, первая глава которой я уже имѣлъ случай цитовать („Бѣлорусскія свадьбы въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ“) и къ которой интересующіеся могутъ обратиться. Здѣсь же я ограничусь лишь нѣсколькими замѣчаніями, основанными на изученіи пинскихъ пѣсенъ.

Начнемъ съ общей характеристики коровай и коровайнаго обряда, которая вытекаетъ изъ предложенныхъ выше пѣсенъ.

Прежде всего печеніе коровай представляется дѣломъ особой важности: Божественная сила призывается къ короваю и охотно участвуетъ въ печеніи его. Коровай носятъ звать „дивный“, „ясный“, онъ имѣетъ золотыя вѣтви, его качаютъ золотыми перстнями, сажаютъ на серебрѣ. Эти черты указываютъ на связь нашего коровай съ божествами. Далѣе, онъ стоитъ въ тѣсной связи съ растительностью: его голышко, какъ „дубечко“, онъ растетъ какъ липа, хмель, или пшеница на нивѣ.

Связь коровай съ растительностью и особенно съ хлѣбной важна. Тому, кто знакомъ съ народной религіозной символичкой, будутъ знакомы слова проф. Потебни: „Къ числу символовъ солнечнаго бога слѣдуетъ отнести и хлѣбъ“ („О знач. нѣкот. обрядовъ и повѣрій“, р. 39). Божества, отъ которыхъ зависить ростъ хлѣба, или же самъ хлѣбъ, олицетворяющій эти божества, отражаютъ въ себѣ производительныя силы природы, бога—производителя, оплодотворителя. Связь коровай съ деревомъ имѣетъ тотъ же основной смыслъ. Дубъ же считается у всѣхъ народовъ деревомъ по преимуществу антропоморфическимъ: по преданію Грековъ жезлы его возбуждали страсть (De Gubernatis, La Mythologie des Plantes, II, 64 и сл.). Имѣя такую тѣсную связь съ элементами растительной силы божества, коровай и самъ растетъ необычно, съ особенною силой, о чемъ поютъ пѣсни.

Но все, что обладаетъ божественною силой, можетъ, по народнымъ

представлениям, передавать эту силу другим предметам и лицам. Вот почему коровай, символ бога—производителя, несут, по пѣснѣ „на батюково жито“, чтобы онъ способствовалъ его росту; въ срединѣ коровай „щасте и доля“, а при несеніи выражается пожеланіе—„дай, Боже спожити“,—говорится въ предположеніи, что его божественныя свойства полезны и людямъ.

Мы уже указали на связь нашего коровай съ солнцемъ. „Хлѣбъ пообеще, говорить Потебня, и въ особенности коровай, сближается съ солнцемъ“ (idid, 51)—выводъ, сдѣланный на болѣе широкомъ матеріалѣ и вполне подтверждаемый и нашими пѣснями. Божество, символомъ котораго служить коровай,—богъ, дающій всякое изобиліе, плодородіе полей, скота и людей; ему умѣстно поклоняться на свадьбахъ, посредствомъ которыхъ мужчина и женщина вступаютъ въ союзъ для произведенія потомства. Коровай символъ бога—оплодотворителя, котораго обыкновенно видятъ въ нашемъ Ярилѣ. Печеніе коровай—часть культа Ярилы—Дионисія. Въ самомъ дѣлѣ, съ этимъ не трудно будетъ согласиться, если принять въ расчетъ то оргиастическое настроеніе, которое неизмѣнно сопутствуетъ печенію коровай: пѣсня и веселіе сопровождаются шутками и пѣснями часто совсемъ не двусмысленнаго содержанія (какъ это бывало и въ древнихъ культахъ), изъ тѣста лѣпятъ фаллосы или же изображенія людей и животныхъ въ непозволительныхъ позахъ; такіа изображенія иногда и теперь запечатлѣны на коровай, хотя это и начинать выходитъ изъ обычая.

VII.

Мѣсяцъ и Солнышко

Но функции Ярилы въ народномъ представленіи тѣсно связаны съ функциями солнца, оплодотворяющаго своими лучами землю, вообще съ солярнымъ божествомъ. Ярило самъ солярное божество, то солнце, то мѣсяцъ. Свѣтло, съ которымъ связанъ коровай—и въ пинскихъ пѣсняхъ почти исключительно—мѣсяцъ.

Я напомнимъ стихъ уже приведенной пѣсенки:

Да й вышоу мисячикъ высоко,

Занесли коровай далеко.

Сопоставленіе съ мѣсяцемъ—очевидно. Пинки коровай—„зерночки, зырокчи“, или же въ срединѣ мѣсяцъ, окруженный звѣздочками. Напомнимъ, что и наружная форма коровай сближаетъ его съ мѣсяцемъ, окруженнымъ звѣздами: въ срединѣ коровай лѣпятъ мѣсяцъ, по краямъ—звѣзды, а затѣмъ ужъ и другія изображенія (Zienkew., p. 68). Вотъ почему мѣсяцъ въ пѣсняхъ играетъ выдающуюся роль, тогда какъ солнце служитъ лишь для сравненій.

Мы встречаемъ лишь такіа сравненія, какъ „сонейко грубе“ „сонейко

грае“, коровайничъ мать собираетъ „по ясному сонцу“. Солнце сравнивается съ невестой, о чемъ скажемъ ниже.

Совсемъ другое отношеніе къ свадьбѣ мѣсяца и звѣздъ. Мѣсяцъ свѣтитъ свадебному поезду. Пѣсня призываетъ его посвѣтить женихову поѣзду, когда тотъ ѣдетъ добывать невесту:

Свѣты, свѣты, ясенъ мисяцу, надъ нами,

Еще ѣхаты чотыры мли борами.

Но мало того, мѣсяцъ сравнивается съ мужскими дѣйствующими лицами. Мѣсяцъ—отецъ невесты, она—

У батюхны ў коморы

Якъ у мисяца ў колы.

Взошли два мѣсяца, говорить пѣсня, и оба „ясенькіе“: а у жениха два „дядухны“ и оба „радненькіе“, затѣмъ два жениховыхъ брата оба сравниваются съ мѣсяцами (Zienkew., p. 80). Въ другой, два жениховыхъ брата называются „рожками“ мѣсяца:

У мисяца два рожки,

У Януська два братки (Zienkew., 86)—

одинъ коня сѣдлаетъ, другой научаеъ жениха, чтобы онъ выбралъ невесту не въ золотѣ, а въ „розумѣ“.

Послѣднія сравненія мѣсяца важны лишь потому, что указываютъ, что въ мѣсяцѣ признавалось мужское начало. Особенный интересъ имѣютъ сопоставленія мѣсяца съ женихомъ. Шапка жениха „якъ зырокча ясна“. Мать выражала сына,

Мисяцемъ оперезала,

И зыркою застѣгнула.

Цѣлый рядъ пѣсень, въ которыхъ говорится о добычаніи невесты, начинается сравненіемъ:

Расхадѣса мисячикъ по небу,

Да збираючи зурочки ў громаду:

Да засвѣтимо усь разомъ по небу.

Здѣсь уже женихъ прямо сравнивается съ мѣсяцемъ, зырокчи—его войско.

Мѣсяцъ—самъ женихъ. Это сравненіе упорно поддерживается:

Ишовъ мисячикъ до зырки,

Ишовъ молодойчикъ до дивки (Bukowski, p. П. № 2).

Мѣсячикъ по небу ходитъ, какъ Янусько за столъ заходитъ—

Ясенъ мисячикъ по небу бродитъ,

Молоды Янусько за стулъ заходитъ (Zienkew., 78).

Особенно интересно слѣдующее сравненіе:

Ишла тѣщенка зорею,

А зить мисяцемъ за ею (Bukowski, 22).

Отождествление мѣсяца, такимъ образомъ, съ женихомъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Звѣзды, зорочка, представляются обычно женскимъ началомъ. Дѣв-стры жениха—дѣв зырочка (Zieikiew., 80). „Тѣшенько, моя зырочко“,—обращается женихъ къ своей тещѣ. Мать невѣсты печалится, что женихъ разбилъ ей комору, разлучилъ ее съ дочерью, но тотъ утѣшаетъ ее:

Не журися, моя матынько,	Изъ своего жоноу;
Я назадъ къ вамъ іду,	А моя жиночка,
Зъ святою зороу,	Якъ у неби зырочка (Bykowski, 19).

Подобное сравнение находимъ еще въ одной пѣснѣ:

Убирайся, дѣвонько, зъ хаты да мяталкою,
А зъ двора перепалкою,
За ворота зыркую.

Какъ видно изъ приведенныхъ нами отрывковъ, звѣзды, зорочки представляются въ пинскихъ пѣсняхъ въ женскомъ образѣ, причемъ не разъ онѣ прямо сопоставляются съ невѣстою.

Не менѣе интересны пѣсни, относящіяся къ солнцу. Если мѣсяцъ является началомъ мужскимъ, вообще и женихомъ въ частности, то немало находимъ указаній и на то, что пѣсни олицетворяютъ солнце въ женскомъ образѣ, въ невѣстѣ.

Сонэйко колесомъ на гору ідр.
Да дѣвонька къ вѣчанью фѣд.

Другая характеризуетъ невѣсту такъ: у нея

Изъ рукавицъ вѣтрець віе,
Изъ личенька солнце гріе,
Умна да розумна,
Хороша да богата (Булаковский, 107, № 40).

Лицо невѣсты—солнце. Въ другомъ мѣстѣ невѣста уподобляется солнцу такъ:

Погледи, матинько, въ оконце,
Уже твое дитятко ялъ солнце (Zieik., 64).

Отождествление невѣсты съ солнцемъ несомнѣнно повліяло на связь невѣсты съ „золотомъ“, часто замѣняющимъ въ народныхъ пѣсняхъ само солнце. Золото „завынигло у пикагулки“, когда невѣста заплакала (Zieik., 66), она мететъ сѣни „золотою мяталкою“ (ibid. 60); пріѣхавъ отъ вѣнца, невѣста раскипаетъ золото (Булаковский, 98, № 7 и др.); невѣста очень часто сравнивается съ „золотымъ кубкомъ“ (Zieik., 50).

Сравнение, отождествление жениха съ мѣсяцемъ, невѣсты то съ звѣздою, то съ солнцемъ, не одно поэтическое сравнение, но имѣетъ болѣе глубокий смыслъ. Народная поэзія какъ современныхъ (Русскихъ, Литовцевъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ и др.), такъ и болѣе древнихъ народовъ (Индусовъ, Грековъ, Римлянъ и др.), даетъ возможность заключить, что въ народномъ

мировоззрѣніи существовало представленіе о бракѣ небесныхъ свѣтилъ, причемъ чаще мѣсяцъ представляется мужемъ, солнце или зоря—женою, но у другихъ народовъ (напр. Грековъ) и наоборотъ. Это представленіе лежитъ въ основѣ народной мѣологии. Чтобы объяснить себѣ происхождение подобнаго вѣрованія, нужно обратить вниманіе на то, что всякая первобытная религія имѣетъ въ основѣ своей обоготвореніе производительной силы природы, покорившей впервые сознание первобытнаго человѣка и заставившей его поклоняться себѣ. Поклоненіе это выразилось въ массѣ различныхъ проявленій: въ почитаніи растительности, воды, огня, животныхъ, олицетворенныхъ въ видѣ отдѣльныхъ божествъ или въ непосредственномъ поклоненіи. Но и различные предметы на землѣ, животныя, воды, смѣна временъ года и т. п. считалось человѣкомъ также проявленіемъ производительной силы природы. Чтобы объяснить себѣ происхождение всего, онъ бралъ аналогію изъ жизни собственной и окружающихъ его животныхъ. Какъ люди и животныя отъ сношеній самца съ самкою производятъ потомство, такъ и высшія существа, мѣсяцъ и солнце, небо и земля, вступая въ бракъ между собою, производятъ всѣ прекрасныя вещи въ этомъ мірѣ. Вотъ почему и земля называется матерью не только у Славянъ, но у Индусовъ, Грековъ, Римлянъ, Германцевъ, Галловъ и др., а небо является ей супругомъ—оплодотворителемъ; средство оплодотворенія—въ Славянской мѣологии—дождь. Такимъ образомъ, первобытная религія знаетъ дѣв высшія божественныя пары—небо и землю, мѣсяцъ и солнце.

Этимъ то и объясняется отраженіе въ свадебной поэзіи Пинчуковъ мотивовъ о мѣсяцѣ—женихѣ и солнцѣ—невѣстѣ. Отраженіе это, правда, не особенно яркое, но всетаки достаточное для того, чтобы привлечь его къ извѣстнымъ мѣологическимъ воззрѣніямъ болѣе первобытной религіи.

Обращаясь въ заключеніе къ тѣмъ даннымъ, которыя можно извлечь изъ представленнаго обзора мотивовъ пинской свадебной поэзіи, я считаю нужнымъ напомнить общіе выводы.

Пѣсни наши представляютъ мотивы культурно-историческаго и мѣологическаго характера; на ряду съ тѣми и другими мы встрѣчаемся съ картинами обиденныхъ житейскихъ отношеній уже новѣйшаго времени.

Къ мотивамъ историко-культурнаго характера относятся: 1) пѣсни объ участіи рода въ женитбѣ и выдачѣ замужъ своихъ молодыхъ соченовъ, 2) пѣсни о добычаніи и куплѣ невѣсты, объ участіи брата ея.

Среди мѣологическихъ мотивовъ видное мѣсто занимаютъ переживанія почитанія великой производительной силы природы; почитаніе это выразилось въ поклоненіи хлѣбу и хлѣбныхъ пѣсняхъ и въ пѣсняхъ о свадьбѣ мѣсяца и солнца.

Этими выводами опредѣляется значеніе пинскихъ свадебныхъ пѣсней, изъ этнологическаго матеріала.

Первобытные формы брака *).

I.

Этнология и первобытный брак. — Безразличное смирение полов. — Гетеризм бытовой и религиозный.

Наука о человеке, в самом обширном значении этого слова, в последнее время достигла таких необыкновенно важных результатов, что взгляд на его первобытную культуру совершенно изменился. Многие из того, что еще так недавно считалось вполне установленным, казалось истиной, оказывается диаметрально противоположным тому, что добыто современной этнологией. Современная этнология или, как некоторые не совсем точно называют ее, социология, является высшею точкою современнаго научнаго прогресса. Она охватывает все отрасли знания, стараясь выжать из них все, что относится к человеку, и таким образом воссоздать его начальную историю, историю его культурной жизни, и искать затѣм уже законовъ человеческого развитія. Нигдѣ такъ наглядно не проявлялось значеніе и успѣхъ молодой науки, какъ въ вопросѣ объ исторіи брачныхъ и вообще семейныхъ отношеній. И это вполне естественно, потому что исторія семейныхъ отношеній самымъ тѣснымъ образомъ связана съ историческимъ ходомъ прогресса вообще. По исторіи семьи и брака можно наилучшимъ образомъ слѣдить за постепеннымъ ростомъ культуры. Каждый новый шагъ въ исторіи брачныхъ формъ сопровождается высшимъ фазисомъ развитія даннаго народа. И, наоборотъ, всякое новое проявленіе высшей культуры непременно идетъ параллельно съ новой высшею формою брачныхъ отношеній. Больше или меньше правильная форма брачныхъ отношеній дала первый толчекъ къ установленію частной собственности, и эту первую собственностью была женщина. Въ исторіи права собственности слѣдуетъ искать исторію брака, говорить Жиро-Телонъ; оба эти

института имѣли одну и ту же форму и повиновались однимъ и тѣмъ же законамъ развитія¹⁾.

Въ настоящемъ очеркѣ мы постараемся представить формы брака въ ихъ постепенномъ развитіи въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ предметъ трактуется въ современной этнологической наукѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что то, что у насъ называется семьею и бракомъ, вовсе не существовало на первобытныхъ ступеняхъ развитія, не существовало также и той дѣстницы родства по матери и отцу, которую признаемъ мы. Наиболѣе первобытное состояніе половъ извѣстно подъ названіемъ *безпорядочно сожительства*. Оно характеризуется полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было формъ семьи и брака. У многихъ современныхъ дикарей не существуетъ даже слова, означающаго бракъ; это замѣчается, напр., у калифорнскихъ индѣйцевъ, у амазонцевъ и др.; тѣмъ болѣе не существуетъ брачныхъ обрядовъ, а у бушменовъ въ языкѣ нѣтъ даже различія замужней женщины отъ дѣвушки²⁾.

Такъ, о жителяхъ Венецуэлы въ Южной Америкѣ Геррера разсказываетъ: они не соблюдаютъ никакихъ правилъ супружескаго сожительства, но берутъ столько женъ, сколько хотятъ, а женщины берутъ столько же мужей, сколько пожелаютъ; между ними не существуетъ ревности; живутъ они въ домахъ человекъ по 160 (G. Telen, Les origines). Среди индѣйцевъ средней Америки женщины безразлично принадлежатъ всемъ родственникамъ. Миссіонеры, отправлявшіеся въ 20 годахъ нашего столѣтія въ Австралію, были приведены въ ужасъ отношеніемъ между обоими племенами на Сандвичевыхъ островахъ: сожительство братьевъ и сестеръ представляетъ здѣсь обычай, говоритъ одинъ изъ нихъ; туземцы не имѣли стыда и воздержанія болѣе, чѣмъ животныя: мужья имѣли по нѣсколько женъ и жены по нѣсколько мужей, и все сжились были одни съ другими, какъ кому хотѣлось (ib. 61). Подобными описаніями полны разсказы современныхъ путешественниковъ объ австралійскихъ и американскихъ дикаряхъ. Но тѣ же данныя приводятся и древними писателями. Очень интересный разсказъ изъ жизни арабовъ приводитъ Страбонъ. Все родственники имѣютъ общую собственность и одну жену. Они считаются братьями между собою и наказываютъ смертью всякое прелюбодѣіе, каковымъ признается всякое сожительство съ представителями другого племени. Первый, кто входитъ къ общей женѣ, остается съ ней, оставивъ у дверей свою палку: она служитъ знакомъ его присутствія, и никто другой уже не войдетъ къ ней. Одинъ царь имѣлъ 15 сыновей и одну дочь, отличавшуюся красотой. Все братья любили ее и посѣщали одинъ за другимъ. Наскучивъ

* Напечатано въ 1892 г.

1) Les origines du mariage et de la famille.

2) Лейбоксъ, Первобыт. Культ., p. 62—3.
Довнаръ-Запольскій.

безпрестанным посещением, она сблала палки точно такіе же, как у ея братьев, и попеременно ставила их у дверей. Наконец, случайно, братья открыли шутку своей сестры.

Геродот рассказывает о Тамимах, что „они сходились публично, как животные“. А Жакмонь тоже сообщает про одного индусского раджу, который прогуливался с одною из своих жень на спине слона et s'ébattoit publiquement avec sa compagne (Letourneau, L'évolution du mariage et de la famille, p. 51).

Вот что находим мы у древних и новейших писателей о первобытном отношении половъ. Исследования послѣдняго времени подтверждаютъ, что приведенные факты не представляютъ случайнаго явления, характеризующаго одно только или нѣкоторые племена, почему либо оказавшіяся наиболее безнравственными, съ нашей точки зрѣнія. Такія животныя отношенія половъ существовали у предковъ нынѣшнихъ европейцевъ. Конечно, свѣдѣнія, которыми мы обладаемъ на этотъ счетъ, не такъ положительно точно и подробны, какъ о современныхъ дикаряхъ, и это потому, что у предковъ нашихъ появилась письменность уже, разумѣется, въ иной періодъ, когда у нихъ образовалась правильная форма брачныхъ отношеній. Тѣмъ не менѣе народная поэзія, обычаи и обряды и древнѣйшіе юридическіе памятники оставили намъ несомнѣнные слѣды существованія первобытнаго смѣшенія половъ у древнихъ индусовъ, грековъ, латинянъ, кельтовъ, германцевъ и славянъ.

✱ Вообще, занимаясь исследованиемъ вопросовъ первобытной культуры, не слѣдуетъ забывать двухъ аксіомъ, на которыя опираются эти исследования. Первая аксіома состоитъ въ томъ, что развитіе разныхъ народовъ, какъ бы, повидимому, они не были различны по своимъ расовымъ отличіямъ, по языку и степени культуры (напр. какъ аріицы и краснокожіе или полинезійцы),—неизмѣнно проходило однѣ и тѣ же стадіи развитія. Такимъ образомъ, если мы можемъ установить, что какой нибудь обычай или институтъ, известное состояніе, наконецъ, хотя бы, напр., разсмотрѣнное отношеніе половъ, присущи всѣмъ дикимъ народамъ, находящимся на известной степени культуры, то отсюда мы имѣемъ право вывести заключеніе, что такое же точно состояніе переживалъ на той же ступени развитія и другой народъ, уже вышедшій изъ нея, хотя бы мы объ этомъ и не имѣли опредѣленныхъ данныхъ. Ни одинъ народъ не составляетъ въ этомъ случаѣ исключеній. И эта аксіома замѣчательно вѣрна и подтверждается тысячами фактовъ. Я не буду о ней распространяться; мы сейчасъ же будемъ имѣть случай убѣдиться на фактахъ въ справедливости ея.

Другая столь же великая аксіома заключается въ томъ, что народныя вѣрованія, преданія, обряды и обычаи, народная поэзія, а также и право отличаются величайшей костью. Народная пѣсня, сказка, обрядъ—

лучшая лѣтопись народной жизни. Проходить вѣка, тысячелѣтія, народъ достигаетъ высокой степени культуры, цивилизациа, а все-таки въ его пѣсняхъ и преданіяхъ, обрядахъ, нравахъ мы можемъ наблюдать всю исторію его жизни, начиная отъ самыхъ раннихъ ступеней цивилизациа, начиная съ того стаднаго состоянія, которое только что было нами описано. Разумѣется, это источники косвенные для исторіи народной жизни, но памятники столь же несомнѣнные, какъ и рассказы очевидцевъ. Мы будемъ имѣть случай не разъ убѣдиться, какъ тщательно народныя вѣрованія и поэзія сохраняютъ черты первобытной жизни, иногда съ мельчайшими подробностями. Методъ, который служитъ для открытія чертъ первобытной жизни, въ современныхъ намъ вѣрованіяхъ народа, извѣстенъ въ социологій подъ названіемъ метода переживаній, терминъ, впервые пущенный въ ходъ Леббогомъ. Вотъ, съ помощью этого метода переживаній и открываются отголоски первобытной жизни у народовъ, уже давно вступившихъ на путь цивилизациа.

Послѣ сказаннаго, которое всегда нужно имѣть въ виду при послѣдующихъ замѣчаніяхъ, перейдемъ къ дальнѣйшему изложенію предмета.

Итакъ, переходя къ народамъ индоевропейскимъ, мы прежде всего, остановимся на древнихъ народахъ. Послѣ исследования В. Ф. Миллера о бытовыхъ чертахъ въ книгахъ Ригъ-Ведъ, древнѣйшаго памятника индусскаго творчества, едва ли можно сомнѣваться въ отсутствіи безпорядочнаго сожителства среди индусовъ (первобытнаго періода. Названный ученый находитъ въ гимнахъ Ригъ-Веды слѣды сожителства брата съ сестрой, отца съ дочерью, нѣсколькихъ мужчинъ съ одною женщиною и пр. ¹⁾ Въ современномъ индусскомъ свадебномъ ритуалѣ невѣста на вопросъ жреца, кто былъ ея любовникомъ до брака, непременно должна назвать чье либо имя, хотя бы такового не было; это свидѣтельствуеетъ о существовавшей нѣкогда свободѣ половъ ²⁾).

Не менѣе убѣдительно и греческое преданіе о Кекропсѣ, по которому этотъ герой впервые установилъ правильный бракъ, возложилъ на супруговъ обязанность быть вѣрными другъ другу; слѣдовательно, греческое преданіе тѣмъ самымъ указываетъ, что были моменты, когда сношенія между полами не были регулированы ничѣмъ (Paul Gide, „Etude sur la condition de la femme dans le droit ancien et moderne“).

О древнихъ галлахъ мы имѣемъ свидѣтельство Цезаря, что они имѣли по нѣскольکو жень, общихъ для всѣхъ братьевъ, и родители жили съ дѣтьми (Ковал., Перв. пр., II, 7).

Что касается славянъ, то еще Несторова лѣтопись отмѣчаетъ, что

¹⁾ Очерки аріиской мнѳологіи т. I.

²⁾ Ковалевскій, Первоб. право, II, р. 12.

Радимичи и др. племена не имѣли браковъ, похищали себѣ женъ, жили по-скотски и не имѣли стѣдленія къ снохамъ. Въ томъ же духѣ описываетъ нравы древнихъ чеховъ Козма Пражскій ³⁾.

Не увеличивая своего изложения примѣрами, я останавливаюсь лишь на томъ, какъ стоитъ въ настоящее время въ наукѣ этотъ вопросъ о первобытномъ стадномъ состояніи общества. Джонъ Леббокъ въ своей „Первобытной культурѣ“ особенно напиралъ на это безразличіе въ половыхъ отношеніяхъ и на отсутствіе того, что можно было бы назвать бракомъ въ первобытномъ обществѣ. Но уже Спенсеръ въ своей критикѣ (Основанія социологии, т. II, гл. III) Леббоковской теоріи сильно сомнѣвается въ совершенномъ отсутствіи индивидуальнаго брака на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія. Онъ приводитъ два аргумента, подрывающихъ Леббоковскую теорію. Во-первыхъ, что слѣдѣя Леббоку, рядомъ съ коммунизмомъ въ отношеніяхъ къ женщинамъ существовалъ коммунизмъ въ отношеніи къ какой бы то ни было собственности. Индивидуальный бракъ начинается тогда, когда проявляется въ дикарѣ стремленіе къ частной собственности которую имѣлъ мужчина. Но ничто не доказываетъ, по мнѣнію Спенсера, чтобы не существовало частной собственности на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія: имѣлъ же дикарь стрѣлы, оружіе, которое составляло его личную собственность и т. д. Отсюда и стремленіе имѣть отдѣльную женщину.— Другой аргументъ тотъ, что уже у высшихъ животныхъ наблюдается нѣкоторый подборъ семьи и, что самцы вовсе не безразлично относятся къ той или другой самкѣ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ предполагать о существованіи нѣкотораго подбора среди дикарей. Мысль высказанная Спенсеромъ, поддерживается многими этнологами. Профессоръ Ковалевскій ограничиваетъ также сферу сѣщенія половъ, ссылаясь на изслѣдованія въ области зоологіи, ⁴⁾ а Летувно въ своемъ сочиненіи „L'Evolution du mariage et de la famille“ первыя три главы посвящаетъ разбору брачныхъ и семейныхъ, если такъ можно выразиться, отношеній среди животныхъ и приходитъ къ тому же выводу.

Такимъ образомъ, по мнѣнію большинства этнологовъ, безразличное общеніе половъ въ древнѣйшій періодъ предполагается болѣе или менѣе ограниченнымъ нѣкоторымъ подборомъ группъ, живущихъ въ коммунальномъ бракѣ. Какъ выражается этотъ подборъ въ наиболѣе дикомъ состояніи, они не даютъ опредѣленнаго отвѣта. Теперь перейдемъ къ тѣмъ

³⁾ Объ этомъ и др. свидѣтельствахъ о гетеризмѣ у славянъ см. ст. М. Ковалевскаго въ англ. журналѣ „Folk Lore“, „Marriage among the early slavs“. (изъ лекцій его въ Оксфордѣ, 1890 года, декабрь. Ср. также, „Rites et usages nuptiaux d'Ukraine“ par Volkov, въ жур. „L'Antropologie“, 1891 г., № 2, 4, 5.

⁴⁾ См. его Первоб. культура, II. То же онъ поворяетъ и въ своихъ послѣднихъ 20-цахъ, читавшихъ въ Стогольмѣ „Tableau des origines de la famille et de la propriété“, 1890 г.

переживаніямъ въ бытовой и религіозной сферѣ человѣческой жизни, которая оставила намъ переживанія эпохи первобытнаго общенія половъ. Явленіе это—*гетеризмъ*. Гетеризмъ—явленіе уже болѣе позднее, замѣчаемое даже въ эпоху установившихся брачныхъ и семейныхъ отношеній среди народовъ, у которыхъ преобладающею формою является уже моногическій бракъ. Такимъ образомъ, гетеризмъ—сопутствующее обстоятельство другимъ болѣе высокимъ формамъ брака, представляеть собою лишь переживанія первобытнаго коммунизма.

Гетеризмъ проявляется въ двухъ видахъ: въ началѣ, какъ только въ данномъ племени начинается устанавливаться индивидуальный бракъ, а таковой бракъ, какъ увидимъ ниже, начался съ похищенія женъ, а потомъ съ купли ихъ, — онъ представляетъ реальное явленіе. Отношенія между полами еще не регулированы, понятія о томъ, что мы называемъ нравственностью не существуютъ. Женщина вовсе не обязана воздерживаться въ половомъ отношеніи до того времени, пока случайно она будетъ похищена или куплена мужчиною. Дѣло другое, когда она будетъ похищена или куплена: тогда она становится вполнѣ собственностью своего мужа, его рабѣ и не можетъ располагать собою безъ позволенія мужа. Оттого то мы замѣчаемъ среди дикарей такое явленіе: цѣломудренность дѣвушки несколько не цѣнится, напротивъ, считается почетнымъ, если она приобретаетъ себѣ приданое проституціею; но зато замужнія женщины отличаются вѣрностью своимъ мужьямъ. Такъ, напр., въ Нука-Гави и вообще во всей Полинезій дѣвушки не выходятъ замужъ до 19—20 лѣтъ и въ это время они пользуются полною свободой. Среди жителей Америки замѣчается то же самое. Среди племени Хинукъ дѣвушки продаютъ себя, и родители получаютъ плату. То же самое встрѣчаемъ и у Эскимосовъ, Кафровъ, на Борнео и пр. (Letourneau, p. 63). Японскіе нравы въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны. Здѣсь дѣвушка пользуется большимъ почетомъ, если она добудетъ себѣ приданое проституціею. Отецъ и мать ей въ этомъ всячески способствуютъ. Напротивъ, дѣвушка, отдавшаяся своему любовнику безъ согласія отца, наказывается имъ 60 ударами за то, что уворовала имущество, принадлежащее отцу (G. Telon, p. 47—48). Замужняя женщина можетъ располагать собою лишь съ согласія мужа. Гостепріимные эскимосы считаютъ того мужа самымъ почтеннымъ, который безъ всякаго колебанія предлагаетъ свою жену гостю. Такіе обычаи гостепріимнаго гетеризма извѣстны всѣмъ краснокожимъ, американскимъ и африканскимъ племенамъ, а также и древнимъ грекамъ и римлянамъ. Лигуры предоставляютъ мужьямъ предлагать своихъ женъ друзьямъ, если они сочтутъ ихъ достойными. Въ Спартѣ же одобрялось поведеніе стараго мужа, если онъ заботился о пріисканіи для жены молодого любовника.—Сократъ, какъ передаетъ преданіе, предложилъ свою жену другу своему Алкивиадѣ, а Катонъ Старшій сдѣ-

заль то же самое для Гортензия (Плутарх, Letourneau, p. 65—67). Только что описанный род гетеризма можно бы назвать бытовым, потому что он имѣет тѣсную связь съ бытовой стороной жизни. Онъ стоитъ на срединѣ между устанавливающимися формами индивидуального брака, когда еще отголоски первобытнаго смѣшаннаго состоянія половъ довольно сильны и когда еще вовсе не установилось понятіе о томъ, что мы называем нравственностью. Онъ свидѣтельствуетъ лишь о поворотномъ пунктѣ въ этомъ отношеніи.

Но слѣдуетъ еще различать другого рода гетеризмъ—религіозный. Начало его кроется въ томъ же первобытномъ состояніи, но мотивы, которыми онъ поддерживается среди сравнительно высоко культурныхъ обществъ, совершенно другіе. Извѣстно, что многія бытовые черты обыденной жизни съ теченіемъ времени постепенно переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе въ видѣ обычая предковъ и наконецъ получаютъ религіозное освященіе, становятся какъ бы частью самой религіи, настолько тѣсно сливаясь съ нею, что уже трудно отличить начальные бытовые черты. Давленіе этихъ привычекъ, обычаевъ, мы сами испытываемъ въ повседневной жизни. У насъ, напр., существуетъ обычай ѣсть на Рождество непременно колбасы и вообще свинину, справлять масляницу, печь пироги на Пасху и т. д.; изъ года въ годъ исполняемъ мы это требованіе обычая, хотя прекрасно понимаемъ, что онъ не имѣетъ вовсе соотношенія съ тѣмъ религіознымъ торжествомъ, къ которому мы его приурочиваемъ. Такова сила обычая! Но для крестьянина пирогъ на Пасху, колбаса на Рождество уже не просто обычай, а законъ, и, вѣроятно, не многіе изъ нихъ смотрятъ на это иначе, какъ не на требованіе религіи. Но чѣмъ далѣе мы переходимъ въ глубь вѣковъ, тѣмъ крѣпче сила обычая, обычай—законъ самый строгій, а законъ бытовой—это законъ религіи. Оттого-то мы видимъ, какъ множество самыхъ обыкновенныхъ бытовыхъ отношеній становится со временемъ непреложнымъ закономъ общественной жизни. Мы будемъ еще имѣть возможность въ этомъ убѣдиться. А теперь замѣтимъ, что и первобытныя отношенія половъ, въ силу указанной живучести преданія, получили съ теченіемъ времени религіозное освященіе. Простой обычай, доставлявшій дѣвушкамъ половую свободу, съ теченіемъ времени, при установленіи индивидуальныхъ браковъ, съ установленіемъ болѣе прочнаго понятія о нравственности, доходитъ до того, что лишеніе дѣвушки цѣломудрія до брака становится обычаемъ и его беретъ подъ свое покровительство религія.

Нужно замѣтить, что весьма важные религіозные мотивы содѣйствовали такому переходу. Дѣло въ томъ, что основной мотивъ всѣхъ первоначальныхъ религій—это поклоненіе животному, оплодотворяющему началу. Первый древнѣйшій богъ индусовъ это *Сана*—самецъ, быкъ. Въ многочисленныхъ пѣсняхъ Ригъ-Веды, посвященныхъ ему, самымъ почетнымъ

для него эпитетомъ считается „самецъ“—„orshan“, что значить въ то же время и быкъ—какъ наглядное проявленіе той же силы. Богъ Зендъ-Авесты, не менѣе древняго памятника Иранцевъ,—„быкъ, рожденный единымъ“¹⁾. Очевидно, первобытнаго человѣка поражала прежде всего творческая сила природы. Онъ видѣлъ, какъ земля, смоченная дождемъ, производила растенія, какъ солнце, появляясь на небѣ, оживляло все своимъ свѣтомъ и т. д. Беря для объясненія этой животельной силы солнца и земли матеріаль изъ собственной жизни, онъ, конечно, видѣлъ въ солнцѣ величайшую оплодотворяющую силу, сравнивая его съ мужчиной. Отсюда и поклоненіе солнцу. Эта идея проникаетъ рѣзко въ первобытныя религіи. Съ теченіемъ времени понятія осложняются, пантеонъ боговъ увеличивается, старые боги замѣняются новыми, носящими не столь грубый характеръ, но старая идея живетъ и переживаетъ самую религію. Мы видимъ культъ Венеры въ Римѣ, Милиты и Астарты въ Вавилонѣ, Дородиты, Ваха и Приана у грековъ, наконецъ Ярилы или Тура (быка) у древнихъ славянъ и т. д.

Такое широкое распространеніе поклоненія оплодотворяющему началу вполне объясняетъ намъ идею религіознаго гетеризма; дѣвушка предъ вступленіемъ въ бракъ, должна была искупить себя, отдавъ свою невинность Богу. „Женщина, — оставшая дѣвичество, — говоритъ Жиро-Телонъ,—должна слѣдовать примѣру великой матери, ненасытной земли и имѣть одну только цѣль—оплодотвореніе. Богиня требуетъ отъ всякой дѣвушки своего народа, чтобы она отдавалась всякому, кто потребуетъ; бракъ, т. е. связь исключительно съ однимъ человѣкомъ,—это нарушеніе божественныхъ законовъ. Всякое препятствіе со стороны человѣка принципамъ произведенія есть грѣхъ передъ богиней, которая одна можетъ по своей прихоти разорвать цѣпи и освободить женщину отъ оковъ цѣломудрія“ („Les origines“ p. 20).

Эта религіозная концепція повела къ религіозному гетеризму, нѣсколько примѣровъ котораго мы приведемъ.

У нѣкоторыхъ негрійскихъ племенъ женщина должна провести первую брачную ночь въ безпорядочномъ половомъ сожитіи. То же самое извѣстно о жителяхъ Америки. Однородныя явленія разсказываютъ древніе писатели о гетеризмѣ на о. Самосѣ, во Фракіи, Коринѣ, въ Александріи у ливійцевъ и др. (Страбонъ, Діодоръ).

У Афинянъ тотъ же обычай мы видимъ при совершеніи мастерей въ честь Афродиты, въ Римѣ во время вакханалій и др.

Геродотъ передаетъ такой разсказъ о посвященіи вавилонскихъ дѣвушекъ. Ни одна изъ нихъ не могла выйти замужъ, прежде чѣмъ не отда-

¹⁾ См. Кузиковскаго „Опытъ изученія вакхическихъ культовъ“ и его же „Къ вопросу о религіозныхъ представленіяхъ о быкѣ“ Зап. Новорос. универс., т. 43.

валась какому нибудь иностранцу у храма Милиты и не получала отъ него какой нибудь мелкой монеты, которая для нея служила затѣмъ талисманомъ.

Въ Индіи это религиозное prostituteированіе имѣетъ мѣсто и въ настоящее время. Здѣсь даже существуютъ храмы, въ которыхъ дѣвушки посвящаютъ себя, видя въ этомъ служеніе божеству. Въ Гоа, Калькутѣ и др. жрецы сами принимаютъ на себя обязанность божества, вступающаго въ связь съ дѣвушкой.

Въ средневѣковой Европѣ этотъ гетеризмъ выразился въ *jus primae noctis*, правѣ первой ночи. Съ жрецовъ, представителей божества, это право перешло къ владѣльцамъ. Отъ нихъ начало зависѣть позволеніе вступать въ бракъ и вмѣстѣ съ тѣмъ освященіе этого позволенія посредствомъ права первой ночи.

Довольствуясь этими наглядными примѣрами, я перехожу дальше къ указанію слѣдовъ тѣхъ же культовъ въ языческой религіи славянъ и въ обрядахъ современныхъ.

Въ мифологіи русскихъ славянъ богъ-оплодотворитель извѣстенъ подъ названіемъ Ярилы, иногда же онъ называется въ древнихъ поученіяхъ Туромъ, что свидѣтельствуется о поклоненіи быку, какъ наглядному выраженію силы плодородія природы. Образъ Ярилы далеко не исчезъ, какъ и самое имя, изъ вѣрованій различныхъ уголковъ русскаго населенія, причемъ остатки поклоненія Ярилѣ носятъ вполнѣ опредѣленный видъ оргастическихъ культовъ.

Ближайшій интересъ для насъ представляетъ бѣлорусское преданіе о Ярилѣ. По разсказу Деревлянскаго, бѣлоруссы представляютъ себѣ его молодымъ, красивымъ, развѣзжающимъ на бѣломъ конѣ; онъ покрытъ бѣлою мантиею и на головѣ у него вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ цвѣтовъ. Празднество его происходитъ 27 апрѣля (вѣроятно, 24). Вечеромъ дѣвушки избираютъ одну изъ себя Ярилою, одѣваютъ ее такъ, какъ представляютъ себѣ Ярилу, сажаютъ на бѣлого коня. Вокругъ пляшетъ хороводъ дѣвицъ съ вѣнками на головахъ, причемъ поютъ пѣсни¹⁾.

Смыслъ праздника ясенъ: онъ совершается весной, когда земля, оплодотворенная весенними лучами солнца, рождаетъ всякое изобиліе. Цѣлѣ, употребляемые при этомъ случаѣ служатъ символомъ растительной силы земли. Этотъ праздникъ совпадаетъ съ днемъ св. Георгія, сюда же относятся и празднества Купалы; это потому, что черты языческихъ боговъ разложались на христіанскихъ святыхъ въ народномъ воззрѣніи: народъ подыскивалъ въ житіяхъ святыхъ сходныхъ чертъ съ своими богами, и черты послѣднихъ перенесъ на первыхъ.

¹⁾ Ж. М. Нар. Пр. 1846, кн. 1, Прибал., 20—21.

Не менѣе интересны также похороны „Кострубонки“ у малороссовъ или „Костромы“ у великороссовъ. Это также весенній праздникъ. Онъ состоитъ въ томъ, что женщины дѣлаютъ соломенное изображеніе Кострубонки—Ярилы со всѣми его естественными частями, поютъ, пляшутъ и плясываютъ и наконецъ голосятъ, какъ бы погребая его, причемъ допускается свобода тѣлодвиженій, а ночью мракъ покровительствуетъ свободѣ отношеній между полами²⁾.

Собранія, на которыхъ въ религиозныхъ видахъ допускается свобода въ отношеніяхъ половъ, практиковались въ средневѣковой Руси, и остатки ихъ можно наблюдать среди народа и въ настоящее время. Я сдѣлаю два—три указанія на этотъ счетъ.

Одинъ итальянскій путешественникъ XVI в., Роккалинни, описываетъ намъ одинъ изъ такихъ празднествъ въ Москвѣ. Бѣдучи ночью, онъ и проводникъ сбился съ дороги и наконецъ случайно забрѣли въ какое то селеніе, здѣсь ихъ ввели въ просторную избу. Здѣсь онъ увидѣлъ большое собраніе женщинъ и мужчинъ, плясавшихъ и пѣвшихъ пѣсни, опытныхъ винными парами. Черезъ нѣкоторое время тупили лучину, освѣщавшую избу, и присутствующіе предавались разврату. Такъ повторялось нѣсколько разъ въ ночь. Одинъ изъ присутствующихъ объяснялъ Роккалинни, что подобныя собранія въ извѣстные дни года составляютъ обычай этой страны (ст. Веселовскаго, въ Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этн. т. II.).

Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ отраженія тѣхъ же „звѣринскихъ обычаевъ“, о которыхъ говоритъ еще Лѣтопись.

Но далѣе, ученые согласны и въ томъ, что и наши извѣстные „вечорки“, малорусскія „вечерницы“, великорусскія „посидѣлки“ носятъ въ основѣ своей тѣже черты первобытнаго гетеризма. На вечеркахъ, въ настоящее время носившихъ въ общемъ вполнѣ певниный характеръ (за исключеніемъ подгородныхъ сель — здѣсь другія условія), дозволяется обычаемъ извѣстная свобода отношеній: всякій парень можетъ разговаривать, позволять себѣ нѣкоторыя шутки съ дѣвушкой, какихъ въ другое время этикетъ не дозволяетъ. Мало того, во многихъ мѣстностяхъ сохранился даже обычай, по которому дѣвушка осмѣивается и даже изгоняется изъ собранія, если она отталкиваетъ подсѣвшаго и шутящаго съ ней парня, хотя бы онъ ей не нравился: такъ требуетъ обычай.

Наши свадебные обряды также не лишены многихъ чертъ, указывающихъ на то, что одинъ изъ основныхъ мотивовъ свадебнаго обряда въ первобытномъ обществѣ—это поклоненіе, восхваленіе Бога-оплодотворителя. Въ самомъ дѣлѣ женитьба, въ глазахъ первобытнаго человѣка, имѣла главною цѣлью соединеніе двухъ лицъ для произведенія себѣ подобныхъ.

²⁾ См. ст. Ерименко о Ярилѣ въ Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этн., т. II.

Это считалось важнейшим, священнейшим обязанностью человека. Отсюда ясно, что поклонение Яриль в свадебном ритуале играет видную роль.

Так, в некоторых местностях Белоруссии (в Минск. губ.) после брачной ночи совершается так называемый „карагод“. Молодых ведут на гумно и обводят трижды вокруг сноа соломы, стоящего посредине, затем их и присутствующих угощают. Этот сноп соломы, если мы сравним его с праздничным „Кострубонки“, изображение которого дается также из соломы, то в нем нетрудно увидеть остатки поклонения Яриль. Куп соломы—это его изображение или же pars pro toto (черта, свойственная всем народам).

Сюда же относятся и свадебные подарки, даваемые самим женихом или его отцом лично невесте. Таким подарком чаще всего бывает монета или несколько монет, подаваемых невесте в виде или в виде. Подобный обычай известен не только белорусам и славянам вообще, но он практикуется, наприим, у итальянцев и у французов¹⁾. Эту плату обыкновенно считают как плату за невинность невесты, остатки того времени, когда она собирала, как мы видели себя приданое проститутке. Интересно, что во многих местностях Франции и Италии существует обычай, что всякий может танцевать с невестой, если даст ей какойнибудь подарок¹⁾. В этом обычае нельзя не видеть переживания искупления невесты перед вступлением в брак, когда она могла принадлежать в первую ночь всем мужчинам, обычай—потом перешедший на сенсоров и помешников, как мы уже видели.

От этих переживаний первобытного состояния полов переходим к рассмотрению простейших форм брака.

II.

Брак по группам. Полиандрия. Левиатъ. Снохачество.

В прошлом очерке мы рассматривали наиболее первобытную форму общения между полами—это беспорядочное половое сожителство и вырождение его—гетеризм. Конечно, эти отношения далеки от того, что мы называем браком, до которого вообще человечество не так скоро дошло. Первые зародки более или менее правильных отношений кроются в системах первобытного родства. Воля понятно, что, при от-

¹⁾ Carrence, le mariage chez nos pères, Pitre Biblioteca delle trazioni popolari siciliani, vol. XV. Usi e costumi, v. II.

¹⁾ Salomone Marino, „Archivio per lo studio delle tradizioni popolari“, 1890 г. Exenia nuptialiae.

сутствия какой бы то ни было правильности в сношениях, не может быть установлено родство ребенка. В начале ребенок не принадлежит никому. Даже нет связи между ним и матерью: богатая южная природа, неприхотливость первобытной жизни позволяют матерям очень рано оставлять на произвол судьбы своих детей. У некоторых диких матерей оставляют детей на шестом, даже третьем году жизни, а иногда их просто убивают, особенно девочек, так как они служат лишь бременем для племени.

Ребенок, таким образом, теряя связь с своими родителями, чувствует таковую лишь с своим племенем, среди которого он растет. Он дается, сыном этого племени и на всех взрослых смотрит как на отцов и матерей, на старших, как на дядю и бабу, а на ровесников—как на братьев и сестер. Вырастаю, он постепенно сам доходит до сгени отца и дяди по отношению ко всем младшим по возрасту. Таким образом устанавливается отношение, связь, данного субъекта к своему племени и в этой группировке лежат зачатки правильного брака.

Многие дикие и по настоящее время пользуются такой системой несложного родства и другой. Она преобладает у краснокожих Сев. Америки, у всех Малайцев, остатки ее находят у Черкесов и европейских народов. Для иллюстрации я приведу классический пример такой системы у жителей Гавайи в Полинезии. В общем их система повторяется почти у всех Малайцев, но в данном племени она поддерживается с замечательной строгостью.

По описанию знаменитых исследователей Фирена и Ходита (Kamilaroi and kupaia), Гавайцы раздвигаются на две больших группы—Камилароев у Курнаев. Каждая группа в свою очередь распадается на несколько триб. Так, Курнаи раздвигаются на Кумитов и Кроки. Каждая триба, далее, раздвигается на женщин и мужчин—это простейшее деление.

Для означения женщины в языке прибавляется *гор*: все мужчины или Кумиты или Кроки, все женщины Кумит-гор или Кроки-гор. Все Кумиты между собою братья, младшие из них—сыновья их, старшие—отцы. Все Кумит-гор—сестры, старшие из них матери, младшие—дочери.

Тоже самое деление и у трибы Кроки. Таким образом, здесь мы уже замечаем родство, которое принимается в расчет при половых отношениях. Ни один Кумит не может жениться на Кумит-гор, потому что она его или сестра, или мать, или дочь, смотря по возрасту. Но всякий Кумит считается мужем всякой Кроки-гор, т. е. женщины из другой трибы, всякий Кроки может быть мужем всякой Кумит-гор.

Такъ и въ обыденной жизни всякій Кумитъ называетъ всякую женщину изъ трибы Кроки (слѣдов. Кроки-горъ) своею женой послѣдня его—своимъ мужемъ; другихъ обозначеній не существуетъ. Подобныя же дѣленія у другого племени Камилароевъ и вообще у многихъ австралийцевъ, краснокожихъ и у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ.

Однако и при такой группировкѣ еще не существуетъ индивидуальных браковъ. Мужчины Кумитъ вовсе не заключаютъ какой нибудь опредѣленной связи съ женщиной Кроки; всѣ изъ нихъ мужа и жены и встрѣчаются, гдѣ пошло. Всякій живетъ среди своей трибы, среди своихъ „братьевъ“, „сестеръ“, „матерей“ и „отцовъ“. Дѣти, рождающіеся отъ Кроки-горъ—принадлежатъ трибѣ Кроки, считаются общими дѣтьми, слѣдовательно всякая дѣвушка изъ племени Кроки будетъ женой всякому мужчине изъ трибы Кумитъ, хотя бы то былъ ея отецъ. Это родство по группамъ наблюдается очень бдительно и всякое отступленіе считается предлободѣніемъ и виновные наказываются.

Мало того, даже женщины, похищенные изъ какого нибудь враждебнаго племени, рѣдко поступаютъ во владѣніе похитителя; онѣ считаются принадлежащими всему племени, составляютъ его собственность. Но среди этихъ же племенъ замѣчаются уже и признаки индивидуального брака. Начальники или вообще болѣе выдающіеся изъ племени часто монополизируютъ ту или другую женщину на время или даже навсегда, разумеется, если она изъ другого рода.

Другіе мужчины принуждены съ этимъ согласиться, уступая силѣ. Только во время праздниковъ или общественныхъ собраній, вожди должны давать полную свободу своимъ женамъ.

Болѣе опредѣленный шагъ къ индивидуальному браку мы замѣчаемъ у многихъ племенъ въ обычай заключенія брака на извѣстное время, напр., на нѣсколько мѣсяцевъ, годъ и болѣе. У нѣкоторыхъ же племенъ существуетъ обыкновеніе, чтобы мужъ и жена не расходились ранѣе года или трехъ по рожденіи ребенка. Такимъ образомъ, здѣсь уже замѣчается созданіе родственной связи между ребенкомъ и его родителями.

Однако, слабость сознанія родственной связи между ребенкомъ и родителями его вызвала еще одинъ фазисъ въ развитіи брачныхъ отношеній. Мы уже видѣли, что на самой первобытной ступени развитія дѣтя признаются сыномъ, дочерью цѣлаго рода племени. Но постепенно связь его съ общиной уменьшается, зато выдвигается другая болѣе естественная—это связь ребенка съ матерью. При безразличныхъ отношеніяхъ отецъ, разумеется, не всегда извѣстенъ, но мать знаетъ свое дѣтя и естественное чувство подсказываетъ ей близость къ нему.

Та стадія развитія въ сферѣ брачныхъ отношеній, въ которой признается родство ребенка съ матерью, въ которой уже образуется семья, цент-

ромъ коей является мать,—такой періодъ составляетъ *полиандрія* или *многомужество*. При многомужествѣ женщина имѣетъ неопредѣленное число мужей, связь съ которыми устанавливается тѣмъ или другимъ способомъ и уже есть то, что мы называемъ заключеніемъ брака; здѣсь мы видимъ ограниченіе первобытной неопредѣленности въ полномъ отношеніи, но отецъ все таки не играетъ существенной роли, онъ далеко еще не всегда извѣстенъ. Центромъ образующейся семьи является женщина. Родство считается только по ней, наследство распределяется точно также, близость къ отцу не имѣетъ значенія, наконецъ главою такого рода—племени является старшій по материнскому родству—дядя или братъ. Такъ, напр., въ древнемъ Египтѣ престолъ переходилъ къ старшей дочери, и фараономъ былъ ея мужъ (обыкновенно старшій братъ).

На первоначальной ступени своего развитія пробывающееся стремленіе къ ограниченію первобытнаго стаднаго состоянія половъ черезъ многомужество мало чѣмъ отличается отъ первой. Весь успѣхъ состоитъ въ томъ, что вмѣсто всякаго мужчины, цѣлаго племени или опредѣленной группы, мужемъ женщины можетъ быть только то или другое количество мужчинъ, родственные между собою; выборъ зависитъ отъ женщины, связь заключается торжественно и на извѣстныхъ условіяхъ, напр., на извѣстное время. Но женщина остается въ своей семьѣ, и мужъ ея является лишь временнымъ посѣтителемъ. Классическимъ образцомъ такой полиандріи считаютъ ученые племя Наироевъ на Малабарскомъ берегу въ Индіи, какъ описываютъ его португальскіе путешественники конца прошлаго вѣка.

Высокая цивилизація и богатство Наироевъ и въ тоже время низкая правдивость ихъ поразили первыхъ европейскихъ путешественниковъ.

Семья Наироевъ состоитъ изъ матери, ея дѣтей и ея братьевъ и часто состоитъ изъ 80—100 человекъ. Мужья наирокскихъ женщинъ лишь временные гости, являющіеся въ опредѣленные дни. Братъ матери — главное лицо въ семьѣ, ему повинуются всѣ племянники и племянницы, они называютъ его кормильцемъ, и смерть его оплакивается всѣми. Дѣти оплакиваютъ смерть дяди и наследуютъ ему, но не своему отцу или отцамъ, которые вовсе не пользуются привилегіею траура по себѣ со стороны своихъ дѣтей и жены. Мать пользуется высокимъ почтеніемъ, за ней слѣдуетъ ея младшая сестра и т. д. Все общее имущество принадлежитъ также женщинамъ.

Наирокскія дамы могутъ имѣть сколько угодно мужей, но довольствуются обыкновенно 8—12. Мужъ является въ опредѣленный день и долженъ облегчать трудъ своей жены. Въ свою очередь, мужчины могутъ имѣть также по нѣскольку женъ. Путешественники удивляются отсутствію ревности среди нихъ.

Интересны способы заключенія брака. Женщина получаетъ право рас-

полагает собою съ 10 — 12 лѣтъ. Мать устраивает большой праздник приглашает друзей и знакомых. Одинъ изъ молодыхъ людей объявляет себя супругомъ молодой дѣвушки и торжественно вѣшает ей на шею золотую монету на шолоковомъ шнурѣ, которую она потомъ всегда носить. Заявившій согласіе быть мужемъ дѣвушки не можетъ однако быть таковымъ впоследствии; если онъ не родственникъ, ему позволено пробывать всего нѣсколько дней съ новой „замужней“ женщиной; если же родственникъ—дѣло ограничивается одной только переменей, и мать обязана найти кого нибудь для сожителства съ своей дочерью на нѣсколько послѣ-свадебныхъ дней; это считается почетнымъ. По прошествіи дней 4—5, молодая женщина получаетъ право располагать собою; мать и ея старшій братъ стараются рекомендовать ей возможно большее число мужей, что считается почетнымъ (Giraud Telon, „Les origines“ р. 156 и сл.).

Такова типическая форма полиандріи въ ея первобытномъ грубомъ видѣ; какъ видитъ читатель, она мало еще отличается отъ стадности, хотя уже и составляетъ шагъ впередъ. И чѣмъ большее ограниченіе въ подборѣ женъ и мужей, тѣмъ большій шагъ впередъ дѣлаетъ развитіе человѣческихъ расъ. Болѣе высокій видъ многожества бываетъ уже тогда, когда одна жена имѣетъ нѣсколько родственныхъ между собою мужей, обыкновенно братьевъ. Болѣе тѣсный кругъ мужей и родственныя отношенія способствуютъ болѣе близости ихъ къ общей семьѣ, связъ между дѣтьми и отцами—братьями, очевидно, крѣпче. Оттого на этой ступени полиандрическаго брака мы уже наблюдали образованіе семьи: она состоитъ изъ жены, дѣтей и мужей, живущихъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ, мужчина—отецъ приближается къ такому положенію, когда онъ становится кормильцемъ своихъ дѣтей, а водвореніе послѣдняго въ домъ произвело совершенный переворотъ въ брачныхъ отношеніяхъ, какъ это мы увидимъ впоследствии. Хотя виды полиандрической семьи на разныхъ ступеняхъ ея развитія встрѣчаются у очень многихъ народовъ Азіи, Африки и Америки, но мы не будемъ останавливаться на перечисленіи ихъ; приведемъ только нѣсколько чертъ такой семьи у Тода-совъ, какъ образецъ указаннаго нами высшего порядка многожества.

„Когда имѣется четверо или пятеро братьевъ и когда старшій изъ нихъ, достигнувъ брачнаго возраста, возьметъ себѣ жену, то эта жена является притязаніе и на всѣхъ остальныхъ его братьевъ, какъ на своихъ мужей, такъ что, подростая и достигая возраста зрѣлости, всѣ они послѣдовательно сожительствуютъ съ нею, какъ мужья; точно также, когда у жены имѣется сестра или нѣсколько сестеръ, эти сестры, по мѣрѣ достиженія ими брачнаго возраста, становятся поочередно женами мужа или мужей своей старшей сестры; такимъ образомъ, семья, состоящая изъ нѣсколькихъ братьевъ, можетъ смотря по обстоятельствамъ, имѣть или одну жену на всѣхъ или нѣсколько, но будетъ ли ихъ одна или нѣсколько, во всякомъ случаѣ, вся

семья живетъ подъ одною кровлею, и всѣ они сожительствуютъ другъ съ другомъ безъ всякаго разбора“. Такъ описываетъ эту полиандрическую семью путешественникъ Шортъ (Спенсеръ, Инд. Соп. 709, II).

Дальнѣйшимъ вырожденіемъ этихъ обычаевъ признаютъ два ея явленія—снохачество и левиратъ. Они основаны на требованіи со стороны другихъ мужчинъ семьи, родственниковъ мужа, представляемомъ къ женѣ послѣдняго. При этомъ—снохачество это такое явленіе, когда подобное требованіе представляется къ женѣ родственника при его жизни, а левиратъ — только послѣ его смерти.

Такъ у Реддеевъ въ Южной Индіи женщина выходитъ замужъ за мальчика 5—6 лѣтъ, тогда съ нею живетъ кто-либо изъ родственниковъ мужа по матери или же отецъ его; дѣти, происшедшія отъ такого сожителства, считаются его дѣтьми. Снохачество подлилось на всемъ великорусскомъ сѣверѣ, гдѣ женихи младшихъ сыновей для того, чтобы имѣть въ семьѣ работницу.

Въ послѣднее время такіе порядки вызываютъ сильный протестъ въ молодомъ поколѣніи. ¹⁾ Еще Ломоносовъ возмущался ими. Классическимъ образцомъ левирата служитъ извѣстный расказъ Библіи о томъ, какъ Воозъ долженъ былъ наследовать землю и жену брата своего Елимелеха, Руоф. Принадлежитъ ли снохачество и левиратъ къ такимъ формамъ семейныхъ отношеній, которыя свойственны всему человѣчеству на извѣстной ступени развитія, или же являются свойственнымъ только нѣкоторымъ народамъ,—трудно сказать. Во всякомъ случаѣ оба явленія имѣютъ весьма широкое распространеніе среди древнихъ и новыхъ народовъ.

Слѣдуетъ только дополнить о причинахъ, которыми поддерживается существованіе обѣихъ формъ среди народностей, практикующихъ высшія формы брака.

Основаніе снохачества и левирата лежитъ, какъ мы сказали, въ устройствѣ и въ зрѣлостяхъ полиандрической семьи. Но съ теченіемъ времени взглядъ на женщину, положеніе ея самое измѣнялись. Женщина сдѣлалась рабой не только своего мужа, но и цѣлой семьи; властью въ семьѣ сдѣлался старшій изъ мужчинъ. Женщина покупалась или похищалась съ цѣлью приобрести работницу; кромѣ личнаго труда, отъ этой работницы требуется еще и произведеніе потомства, новыхъ работниковъ. Отецъ, приобретаая женщину въ этихъ видахъ для своего малолѣтняго сына, разумѣется, долженъ озаботиться, чтобы въ будущій семьѣ этого сына было побольше работницъ: когда сынъ подрастетъ, подрастутъ и дѣти его жены, которыя будутъ помогать ему. Это узаконяетъ сожителство родственника съ женою мало-

¹⁾ Многочисленные примѣры снохачества на Руси собраны у Смирнова „Очеркъ семейныхъ отнош. по обыч. праву русск. нар.“, а также въ ст. Веснина „Великорус. въ его свад. обряд. и пѣсняхъ“ въ „Русской Мысли“ за 1891 годъ.

лѣтнаго ея мужа; отсюда ясна живучесть свихачества. Но съ другой стороны, въ случаѣ смерти мужа, остающуюся вдову родственники покойнаго стараются удержать за собой, какъ работницу и производительницу новыхъ членовъ. На женщину уже затраченъ капиталъ, она сдѣлалась собственностью всей семьи.

Ясное дѣло, что семья покойнаго не хочетъ выпускать отъ себя доходную статью, извлекаетъ изъ нея всѣ выгоды. Брать или другой ближайшій родственникъ вдовы дѣлается ея мужемъ и приобретаетъ всѣ права на жену, дѣтей и имущество умершаго. Это, въ свою очередь, поддерживаетъ левирагъ.

III.

Похищеніе женщинъ и купля—продажа.

Въ бракахъ по группамъ кроется дальнѣйшее развитіе брачныхъ формъ. Оно состоитъ въ томъ, что индивидуальному браку, въ самыхъ зачаточныхъ стадіяхъ его, сопутствуетъ непременное условіе, — чтобы мужчина бралъ себѣ жену уже не изъ противоположной группы, съ которой разрѣшается бракъ, а изъ другого племени. Это и есть такъ наз. *эксгамія*, т. е. бракъ не въ средѣ своего племени. Въ противоположность эксгаміи существуетъ—эндогамія, т. е. бракъ индивидуальный въ средѣ самого племени (не семьи или рода даже). Какъ та, такъ и другая форма встрѣчаются и въ очень первобытныхъ обществахъ, и въ сравнительно культурныхъ, поэтому затрудненіе состоитъ въ томъ, какаѣ форма брака предшествоуетъ другой. Несомнѣнный фактъ, что эксгамія имѣла огромное вліяніе на развитіе брачныхъ формъ и должна быть признана въ тоже время такимъ явленіемъ, которое было или есть на извѣстной ступени развитія у всѣхъ народовъ; если нѣкоторые народы пережили періоды чистой эксгаміи, то всѣми мы можемъ найти у нихъ весьма осязательныя переживанія этого періода. Замѣтимъ здѣсь же, что съ эксгаміей сливается похищеніе женщинъ по той простой причинѣ, что при враждебномъ отношеніи первобытныхъ племенъ, мужчина не иначе могъ добыть себѣ жену изъ чуждаго племени, какъ похитить ее.

Итакъ, эксгамію всѣ ученые признаютъ непременнымъ фазисомъ въ развитіи брака. Но вопросъ спорный, что вызвало развитіе ея. Вопросъ этотъ впервые былъ поднятъ англійскимъ ученымъ Макъ-Леннаномъ въ его знаменитомъ „Primitive Marriage“. Причина, вызвавшая эксгамію, по его мнѣнію, — избытокъ дѣвочекъ въ средѣ племени, какъ лишняго бремени (очень распространенный фактъ, но едва ли безусловно повсемѣстный). Но послѣ основательной критики Герб. Спенсера это положеніе едва ли можно

принимать въ расчетъ. Спенсеръ, среди другихъ соображеній, видитъ на чашѣ эксгаміи въ захватѣ плѣнницъ и въ постоянной борьбѣ среди племени, сопровождающей человѣческое общество на первыхъ ступеняхъ его развитія. Хотя эта гипотеза далеко не обнимаетъ всѣхъ фактовъ, имѣющихся въ распоряженіи науки, и противъ абсолютнаго признанія ея могутъ быть сдѣланы весьма вѣсскія возраженія, тѣмъ не менѣе она хоть отчасти удовлетворяетъ истинному положенію вещей по крайней мѣрѣ на самыхъ первобытныхъ ступеняхъ культуры. Поэтому, доводы Спенсера принимаются въ расчетъ какъ учеными, придающими особенную важность похищенію жентъ (М. Ковалевскій и др.), такъ тѣми, которые или придаютъ ему малое значеніе (Летурно), или же считаютъ эндогамію болѣе важной формой въ развитіяхъ брака (Жиро Телонъ). Но всѣ, приводя означенную гипотезу, дѣлаютъ оговорки, свои дополненія и т. п., потому что она всетаки не объясняетъ вполне удовлетворительно причинъ возникновенія эксгаміи, ея живучести и тѣсной связи съ религіознымъ мировоззрѣніемъ. Нѣмецкій же ученый Постъ ставитъ эксгамію въ связь съ родовымъ бытомъ (Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts, 1890).

Такимъ образомъ вопросъ этотъ въ наукѣ далеко не можетъ считаться выясненнымъ; остается лишь одинъ неопровержимый фактъ—это всеобщность эксгамическихъ браковъ и связаннаго съ ними похищенія жентъ*). Къ разсмотрѣнію этихъ фактовъ мы и перейдемъ.

Похищеніе въ чистомъ видѣ встрѣчается у народовъ Африки, Австраліи, у большинства азіатскихъ племенъ. У этихъ дикихъ народовъ женщина служитъ предметомъ добычи, какъ и всякая другая вещь. Какъ только мужчина достигаетъ зрѣлаго возраста, онъ долженъ похитить себѣ жену, одну или нѣсколько, сообразно съ своимъ состояніемъ. Жены въ тоже время служатъ и рабынями своего господина. Онѣ не только готовятъ пищу, блюдаютъ домашнее хозяйство, кормятъ дѣтей и пр., но на ихъ же обязанности лежить и снабженіе пищи господина и всей семьи. Мужъ занимается только войной и охотой. Само похищеніе сопровождается необычайною жестокостью. Я разскажу для примѣра, объ обычаяхъ похищенія у Тасманійцевъ. У нихъ похищеніе уже бываетъ часто симулированное, т. е. такое, которое совершается по предварительному обоюдному согласію мужчины и женщины. Сравнительно мирныя отношенія способствуютъ этому, но тѣмъ не менѣе самый образъ похищенія совершается съ необычайной жестокостью. Желаящій похитить располагается и сторожитъ вблизи стоянки того племени, изъ котораго онъ рѣшился похитить. Лишь

*) Въ этомъ отношеніи весьма любопытную статью напечаталъ извѣстный антропологъ Тайлоръ, переведенную на русскій яз. въ „Этногр. Обзор.“ Зѣсь онъ показываетъ на цифровыхъ данныхъ соотношеніе эксгаміи къ эндогаміи.

только женщина остается одна, без мужчины, онъ быстро набрасывается на нее, сваливаетъ ее ударомъ кинжала, хватаетъ за волосы и тащитъ въ ближайшій дѣсъ, гдѣ уже ожидаютъ его товарищи, готовые задержать. Тутъ похититель, въ ихъ присутствіи, насилуетъ женщину, и съ этого момента она становится его женой. Иногда плѣлая дружина мужчинъ нападаетъ на спящее селеніе, связываетъ и уноситъ женщинъ. Жизнь красной австралики — это безконечный рядъ похищеній ея то однимъ, то другимъ племенемъ. Обиженное племя рѣдко переноситъ обиду; оно старается войной, опустошеніемъ, или подобнымъ же похищеніемъ вознаградить себя (Летурно, р. 111—112). Отъ этого безконечные счеты и войны.

Этого примѣра достаточно, чтобы понять характеръ похищенія въ первобытномъ обществѣ. Предки теперешнихъ культурныхъ народовъ практиковали тоже самое. Уже индусскій кодексъ Ману назначаетъ наказаніе похитителю. Факты похищенія извѣстны изъ Библіи, изъ мифовъ грековъ и римлянъ; у германцевъ и кельтовъ оно практиковалось въ эпоху ихъ столкновенія съ римлянами. Относительно славянъ всѣмъ извѣстны слова нашей начальной лѣтописи, гдѣ она говоритъ, что нѣкоторые племена умывали себѣ женъ и пр.

Умываніе еще живетъ и теперь на почвѣ Европы. Оно до послѣдняго времени было одною изъ обычныхъ формъ брака на Кавказѣ (см. „Адамы Кавказскихъ Горцевъ“ Леонтовича). Похищеніе на паперти церкви, передъ самымъ вѣнчаніемъ съ другимъ, считается актомъ подвига у Сицилійцевъ и похититель не преслѣдуется (Pitré, Biblioteca, v. XV). Очень интересны остатки похищенія у насъ на Сѣверѣ Россіи. Это такъ наз. браки самокрутки. Если родители невѣсты не желаютъ ее выдать за сватающагося парня, онъ съ дружиной друзей похищаетъ ее съ улицы, съ поля; односельцы и родственники, узнавъ о похищеніи, стараются отнять дѣвушку, иногда завязывается даже серьезная драка. Увезши дѣвушку, похититель вѣнчается съ нею въ ближайшемъ селѣ, и потомъ оба являются съ новинкой къ родителямъ невѣсты; тѣ сначала не хотятъ простить, но потомъ дѣло улаживается и справляется свадьба. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такое похищеніе считается обычаемъ и совершается съ согласія родителейъ невѣсты (Якушкинъ, Об. право, предисл., Веснянъ—ст. въ „Р. М.“ 1892 года).

Похищеніе женъ настолько тѣсно связано съ общимъ ходомъ развитія каждого народа, что оно оставило весьма глубокіе слѣды въ обычаяхъ и обрядахъ современныхъ культурныхъ народовъ. Эта связь съ обрядами несомнѣнно указываетъ на то, что похищеніе въоислѣдствіи получало религіозный характеръ и такой его характеръ отразился въ многихъ частяхъ свадебнаго ритуала, создававшегося, разумѣется, уже въ эпоху мирнаго сожительства племенъ, когда похищеніе, какъ грабежъ, было немислимо.

Всѣмъ извѣстно, напр., одинъ моментъ бѣлорусской свадьбы, когда позванъ жениха съ воинственными криками подбѣгаютъ къ дому невѣсты, стучатъ въ ворота и требуютъ чтобы ихъ пустили. Послѣ долгихъ споровъ ихъ выпускаютъ, они въ шапкахъ вываливаются въ хату, и послѣ угоненія стараются увести невѣсту силой; родственники и друзья послѣдней ее защищаютъ, происходятъ серьезная свалка двухъ подвыпившихъ кампаній. Аналогичный обрядъ извѣстенъ и у южныхъ славянъ, скандинавовъ, жителей Валлиса и др., но здѣсь дружина жениха является вооруженною, срубаются подъ окнами и пр.

Во всѣхъ этихъ обрядахъ нельзя не узнать симуляцію того же похищенія. Въ Тверской губ., у тамошнихъ бѣлорусовъ, женихъ собираетъ дружину, произноситъ съ ней клятву „стоятъ другъ за друга“ и отправляются вмѣстѣ раздобывать дѣвушку (Этн. Сб., т. I). Наконецъ, многія мелкія черты свадебнаго ритуала символически указываютъ на то подчиненное положеніе женщины, въ которомъ она должна оказаться послѣ брака, какъ похищенная или купленная своимъ мужемъ.

Обычай купли явился уже какъ результатъ болѣе мирныхъ отношеній племенъ. Сосѣднія племена по разнымъ причинамъ могли завязать между собою мирныя сношенія, напр. для торговыхъ дѣлъ и пр. Тогда борьба изъ за похищеній становилась тягостной, во многихъ случаяхъ наконецъ опасной, и вотъ постепенно устанавливается обычай купли. Къ тому же присоединяется, по вѣрному замѣчанію Летурно, и поддерживающій этотъ обычай—власть отца, владыки рода; дѣвушка его семьи становится доходной статьей для него. Продавая ее, онъ такимъ образомъ вознаграждаетъ себя за тотъ кормъ, который ей давалъ, и за ту ея работу, которой онъ воспользовался бы, если бы она оставалась дома. Обычай купли очень распространенъ. Незатѣмъ перечислять народности, среди которыхъ онъ существуетъ. Достаточно напомнить, что онъ распространенъ среди сѣверныхъ и восточныхъ нашихъ инородцевъ, на Кавказѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи и Сербіи. Среди кавказскихъ горцевъ, татарскихъ племенъ и др., плата за невѣсту называется *калымъ*. Обычай послѣдняго времени требуетъ, чтобы этотъ калымъ или часть его поступала въ пользу невѣсты, въ качествѣ приданаго, но раньше такого обычая небыло: родители невѣсты могли дать что нибудь и не дать ей, независимо отъ полученнаго ими калыма. Многие ученые видятъ въ обычаѣ передавать калымъ, или часть его невѣстѣ начало приданаго: сначала родители передаютъ дочери своей часть калыма, затѣмъ весь, прибавляя приданое и отъ себя; такимъ образомъ подучилъ начало институтъ приданаго. Обычай платы за невѣсту исчезъ, а обычай дачи приданаго остался, какъ выраженіе уже естественной любви родителей къ дѣтиямъ. Одинъ происхождение съ калымомъ имѣютъ и наши вѣновныя записи, практиковавшіяся еще въ эпоху треть-

яго Статута; но уже женихъ прямо дарилъ передъ бракомъ невѣсту, а потому эти записи могутъ быть сопоставлены и съ извѣстнымъ римскимъ институтомъ *donum ante nuptias*, а, можетъ быть, и съ нѣмецкимъ обычаемъ утренняго дара послѣ брачной ночи (*Morgengabe*).

Въ нашихъ свадебныхъ обрядахъ мы встречаемъ многочисленныя черты обряда купли—продажи невѣсты. Напоминамъ, что сюда относится вся процедура сватовства. Въ многихъ мѣстностяхъ сваты вовсе не говорятъ о невѣстѣ: разговоръ ведется о *продажѣ телушки* и пр. Потомъ извѣстенъ также обычай выкупа невѣсты, какъ одна часть свадебнаго ритуала: дружки окружаютъ невѣсту и не даютъ ее свату, пока тотъ не выкупитъ. Средние обычаи извѣстны нѣмъ индоевропейскимъ народамъ.

Свадебный ритуалъ, какъ уже было замѣчено, полонъ символическими выраженіями того подчиненнаго положенія женщины, въ которое попадала она, какъ купленная или похищенная мужемъ. Извѣстенъ, напр., обрядъ разуванія невѣстою жениха, какъ символъ ея подчиненія. Брачное кольцо имѣетъ тоже значеніе: первоначально кольцо давалось только невѣстѣ (у римлянъ непремѣнно желѣзное) и въ немъ справедливо видятъ символъ цѣпи, которая связывала жену съ мужемъ. И у насъ, и у южныхъ славянъ, невѣста входя въ домъ жениха, цѣлуетъ руки своего будущаго свекра и свекрови; тоже практикуется и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сициліи. Наконецъ, тоже значеніе имѣетъ подрѣзываніе женской косы,—это знакъ ея рабства. Остриженные волосы—признакъ не свободнаго состоянія, и у дикихъ жены всегда почти носятъ коротко остриженные волосы (Сиенсеръ, обрядовыя учрежденія) и т. д.

Сказаннаго достаточно, чтобы значеніе и отраженіе купли—продажи невѣсты въ народномъ міровоззрѣніи было достаточно ясно.

Замѣтки о бѣлорусскихъ говорахъ¹⁾.

Потребность въ широкомъ изученіи особенностей русскихъ говоровъ давно уже чувствовалась въ нашей наукѣ. Въ изслѣдованіи русской диалектологіи одинаково заинтересованы не только специалисты-филологи, но и этнографы и историки. Поэтому нельзя не отнести въ исполнѣ сочувственно на призывъ къ работѣ въ этомъ направленіи такого почтеннаго журнала какъ «Живая Старина». Отдѣльныя работы по описанію различныхъ говоровъ тѣмъ болѣе своевременны, что уже начать общій обзоръ русской диалектологіи такимъ извѣстнымъ ученымъ, какъ профессоръ Соболевскій.

Важность выясненія отдѣльныхъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ чувствуется едва-ли не сильнѣе, чѣмъ другихъ частей Россіи. Поэтому, авторъ настоящихъ замѣтокъ рѣшился подѣлиться съ читателями «Живой Старины» имѣющимися у него матеріалами по бѣлорусской диалектологіи. Нижеслѣдующія замѣтки не будутъ имѣть опредѣленнаго плана; авторъ предполагаетъ остановиться лишь на нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся изъ извѣстныхъ ему говоровъ Минской губерніи. Главная цѣль замѣтокъ—описать менѣе извѣстныя особенности говоровъ, и лишь въ первомъ очеркѣ авторъ дозволитъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя общія замѣчанія объ особенностяхъ бѣлорусскаго нарѣчія вообще, что исполнѣ уместно, потому что говоръ Ново-Сверженской волости, какъ лежащей въ Минскѣмъ уѣздѣ, принадлежитъ къ центральному бѣлорусскимъ. Матеріалы для настоящихъ замѣтокъ—исключо-

¹⁾ Ст., помѣщ. въ «Живой Старинѣ», 1893 г., кн. 1.

чительно рукописные, имѣющіеся въ распоряженіи автора. По нѣкоторымъ мѣстностямъ они собраны лично авторомъ, по другимъ—оставлены изъ надежныхъ источниковъ¹⁾.

1. Говоръ Ново-Сверженской волости Минскаго уѣзда.

Материалъ, которымъ я пользуюсь,—это записи пѣсень и сказокъ, сдѣланныхъ для меня въ этой мѣстности гг. Демидовичемъ и Ярмаковичемъ. Записи были сдѣланы по моей просьбѣ и по моимъ указаніямъ. Главнымъ образомъ я заботился о точности записи, которая, думаю, и достигнута въ возможной мѣрѣ. Количество записей—до 500 пѣсень и до 50 сказокъ.

Ново-Сверженская волость расположена въ юго-зап. части Минскаго у., по верхнему Нѣману, на границѣ съ Новогрудскимъ уѣздомъ. Замѣчу, что большинство записей относится къ д. Нейгертово этой вол., Кнотовицкнѣ, с. Никольску. Такимъ образомъ, избранныя нами мѣстность можетъ быть отнесена къ центральной части Бѣлорускаго нарѣчія, считая Минскій и Новогрудскій уѣзды его типичными представителями.

А. Гласныя О, Е, Ъ.

Изъ гласныхъ, звуки *о* и *е* представляютъ наиболѣе интересныя особенности не только даннаго говора въ средѣ бѣлорусскихъ, но и всего бѣлорускаго нарѣчія. Прежде всего *о* и *ь* на значительномъ пространствѣ этого нарѣчія являются звуками двоегласными: *Оу, уо, и ѳе*; двоегласіе это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что звуки *о* и *у, і* и *е* настолько тѣсно сливаются, что представляютъ одинъ звукъ—дифтонгъ, слышимый въ одной мѣстности рѣзче, въ другой весьма близко подходящій, а иногда совсѣмъ превращающійся въ чистый *о* и *е*. Съ другой стороны, будучи безударными, эти звуки

представляютъ другое замѣчательное явленіе бѣлорускаго вокализма—явленіе *а* канья.

Разсмотримъ сначала безударное *о* и *е, ѳь*.

Всякое безударное *о* произносится какъ *а*. Это явленіе наблюдаемъ какъ въ серединѣ словъ, такъ и на концѣ. Вообще, кажется, оно не имѣетъ исключеній въ данной мѣстности, если не считать таковыми случайнаго расположенія словъ въ пѣснѣ или рѣчи, гдѣ на *о* лежитъ логическое удареніе, или наконецъ обмолвокъ или опасокъ въ записяхъ. Такъ, въ серединѣ словъ мы встрѣчаемъ: *дзѣвачкуомъ, дзѣвачкѣ, ѳ канцѣ, пасѳоль, акѣнца, съ пуѳуначи, пахавайма, пѣть ганачкамъ*. Въ суффиксахъ и флексіяхъ: *жалка, сильня, вѣрня, правая рукоуѳ, дзѣтакъ, зѳ сыпуонкамъ, за вуйскамъ, друѳуляни, зѳ бѣлан, станьма, пахавайма, жита* (им. вин. ед.)¹⁾ и проч. Эти примѣры убѣдительно свидѣлствуютъ, что независимо отъ мѣста, занимаемаго безударнымъ *о* въ словѣ, оно переходитъ въ *а*. Однако есть разница въ природѣ этого *а*, какъ мнѣ кажется: *а* изъ *о*, стоящее передъ ударнымъ слогомъ и непосредственно послѣ него, слышится явственно, какъ *а*; стоящее же на второмъ отъ ударяемаго слога, послѣ или передъ нимъ, имѣетъ звукъ менѣе чистый, средній между *а* и *о*; послѣднее относится и къ тѣмъ случаямъ, когда безударнымъ *о* кончается слово. Поэтому не одинаково явственно слышимъ *а* въ: *канцѣ, дѣтакѣ, гадоуѳ* и въ: *ганачкамъ, пахавайма, жалка, жита*, равнымъ образомъ, во флексіи *ага* при довольно явственномъ конечномъ *а*, предыдущее *а* неясно: *злѣнага*. Г. Карскій объясняетъ подобные случаи тѣмъ, что *о* здѣсь можетъ переходить въ *а*, но можетъ и не переходить²⁾. Мнѣ кажется, что переходъ всегда происходитъ, но звукъ получается неясный.

Къ переходу *о* въ *а* тѣсно примыкаетъ замѣна *е* безударнаго и *ь*—черезъ *ја, а*. Еще К. Аппель указалъ, что правильная замѣна въ этомъ случаѣ наблюдается лишь тогда, когда *е* стоитъ передъ ударнымъ слогомъ³⁾. На этотъ случай мы находимъ полное подтвержденіе въ

¹⁾ Приводимыя слова я оставляю въ той формѣ, въ какой онѣ встрѣчены въ текстѣ записей.

²⁾ Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорускаго рѣчи, р. 43.

³⁾ Ст. О бѣлорускомъ нарѣчіи, Р. Фил. Вѣстн., 1880, № 2, стр. 198 и сл.

¹⁾ Автору не удалось выполнить своего плана, и данная статья осталась неоконченной.

Ново-Сверженскомъ говорѣ: *сялд*, *вялікая*, *свѣчѹ*, *сягднѧ*, *вялицѧ*, *цвѣярбзѧй*, *бярѹова*, *дзяўчѧна*, *бядѧ*, *вянуокѧ*, *блѣй*, *пасуочакѧ*, *сястрѧ*, *вяснѧ*, *свѣтлицѧ* и т. д. Однако, для *е* собственно мы наблюдаемъ достаточно правильный переходъ его въ *я* и тогда, когда оно стоитъ послѣ слога ударнаго: *вѣрѧмся*, *кѧмѧшь*, *Марѹсянька*, *вѣвѧду*, *лѧснѧсьня*, *галаснѧсьня*, *мѧльянькѧ*. Въ суффиксахъ и флексіяхъ: *сѹкѧнь*, *бывѧшь*, *дѧкѹямѧ*, *пракатѧмся*, *рашчѧтѧмся*, *зрѧя*, *бушѹя*, *пѧзѣцѧ*, *іѧщѧ*, *пѣцѧ*, *(пейте)*, *чѹя* и др.

Такъ какъ *р* въ бѣлорусскомъ нарѣчѣи абсолютно твердо, то *е* и послѣ него замѣнились не *я*, а *а*: *страчаѹся*, *рашчѧто*, *горай*, (*горѣй*, *хуже*), *чаравѧнѧ*, *выразѧлѧ*, *ракручѧчѧ*, *сѹстрѧчѧ*, *наракацѧ*, *рака* (*рѣка*), *гѡра* (*горе*), *прасть* (*презь*—*чрезъ*, когда оно свое удареніе передаетъ слѣдующему слову), *ѹ ращѧцѧ* и др.

Послѣ шипящихъ, которыя, какъ извѣстно, въ бѣлорусскомъ тверды: *пясочакѧ*, *грошай*, *грача*, *хочѧ*, *плача*, *чѣша*, *рѣчанькѧ*, *плачѧмѧ*, *узянѧнка*, *ручѧчѧ*, *жанѧ*, *вѣчѧра*, *жанѧтѧся*, *лутшѧй*, *ручанькѧ*, *шѧку*, *ращѧшѧ*, *панѧтѧ* ¹⁾, *чаравѧнѧ*, *панѧлѹю*, *цѧны* и пр. Аналогично: *сарѧнѧкѧ* и *сабѣѧ*.

Явленіе *аканья* представляетъ одно изъ важнѣйшихъ отличій бѣлорусскаго нарѣчѧ, хотя оно извѣстно южно-великорусскому говору, а также немногимъ сѣверно-великорусскимъ, но здѣсь оно является болѣе или менѣе спорадически и не отражается такъ рѣзко на всемъ строѣ говора. Безсоновъ даже высказываетъ мысль, что южно-великорусское *аканье* есть отраженіе, заимствованіе *аканья* бѣлорусскаго ²⁾. Это послѣднее исполнѣ возможно, но, разумѣется, московское *аканье* не есть «передѣлка» съ половины XVII ст., какъ выражается Безсоновъ, а скорѣе болѣе глубокій слѣдъ колонизаціоннаго движенія кривичей въ области Окскаго бассейна, продолжавшагося много столѣтій и закончившагося раньше окончательнаго обособленія бѣлорусскаго нарѣчѧ отъ праязыка русскаго. Бѣлорусское *аканье* ³⁾

замѣчается уже въ самомъ нач. XV в. Въ договорѣ Полоцка съ Рогою 1405 г. мы встрѣчаемъ всякой ¹⁾. Въ памятникахъ половины и конца этого стол. оно является уже господствующимъ: гр. 1478 г. *зѧ* *абого*, *станѧть*, *паслѧ*, ²⁾, въ Четвѣ 1489 г. оно представляетъ обычное явленіе: *пращѧеть*, *багѧта*, *вѧсло*, *весѧля* и пр. ³⁾. Однако *аканье* было извѣстно и раньше, по крайпей мѣрѣ *я* изъ *ь* находимъ уже въ половинѣ XIV в.: *поколя* (грам. 1340) и *дотоля* (1383 г.) и нѣк. др. ⁴⁾. При консервативности письма, оно въ первое время, въ XIV и нач. XV в., встрѣчается рѣдко, но съ конца XV и въ XVI в.—становится явленіемъ обычнымъ. *Аканье*, начавшееся въ древнѣхъ кривичскихъ и московскихъ говорахъ, окрѣпло на почвѣ чисто бѣлорусской, послѣ окончательнаго обособленія кривичскихъ и дреговичскихъ говоровъ. О безударное *потемнѣло* въ сознаніи народа, начало колебаться и перешло въ *а*. Но *а* изъ *е* пережило еще посредственный переходъ: сначала явились *о* изъ *е*, затѣмъ уже это *о* перешло въ *а* ⁵⁾. Колебаніе звука *е* относится къ очень раннимъ особенностямъ ⁶⁾ бѣлорусскаго нар.—къ XIII ст., напр. *чловека*, въ грам. Смол. кн. въ Ригу 1284: *пашому*, *вашому* ⁷⁾. Хотя эта черта не была преобладающею въ говорѣ, и на ряду съ развитіемъ *о* изъ *е* мы встрѣчаемъ уже переходъ этого новаго *о* въ *я* (съ XV в.), однако подобные примѣры проходятъ и въ XIV и XV вв.: *аюго* (грам. XIV в.), *чловѧтѧ* (гр. 1389 г. ⁸⁾; *ковѡръ*, *хочѡмѧ* и др. примѣры изъ Четвѣ 1489 ⁹⁾.

¹⁾ Соболевскій, Полоцко-Смоленскій говоръ. Р. Фил. Вѣстн. 86 г., № 1, р. 11.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Карпинскій, Четвѣ 1489 г. (изъ Р. Ф. В.), р. 10, 9.

⁴⁾ Недешевъ, Историч. Обзоръ зв. и морфол. особ. бѣлор. гов., р. 18 (отт.), но не до *коля*, какъ думаетъ г. Недешевъ. Ср. рец. Соболевскаго, Ж. М. Нар. Пр., 1885, № VI, р. 305.

⁵⁾ Соболевскій, Къ ист. русск. акающихъ говоровъ, Р. Фил. Вѣстн. 1884, № 3, р. 106.

⁶⁾ Соболевскій, Смол.—Пол. гов., Р. Ф. В. 1886, № 1, 13. Но въ др. р. памятн. эта черта встрѣчается уже въ XII в. (См. объ Антихристѣ, Галицкій Выголексинскій сб. и др.). Соболевскій, Лекціи, р. 62.

⁷⁾ Смол.—Пол. гов., Р. Ф. В., 81, № 1, В.

⁸⁾ Ibidem, р. 10, 11.

⁹⁾ Карпинскій, 10.

¹⁾ Но ручаемъ проф. Соболевскій производить отъ *ручѧй*. Ж. М. Н. Пр. 1885, VI, р. 305.

²⁾ Бѣлорусскія пѣсни, р. V.

³⁾ Объ *аканьѣ* въ Моск. пам. пол. XIV ст. см. Соболевскій, Лекціи по ист. р. яз., р. 69 г. (1-ое изд.).

Когда закончился этот переход *е* въ *а*, неизвестно; въ настоящее время онъ едва ли слышимъ гдѣ нибудь въ Бѣлор., но еще въ Статутѣ 1588 г. г. Карскій отмѣчаетъ формы: нашего, едучого, мачохи, человекъ ¹⁾. Однако сомнительнымъ кажется, чтобы всякое *а* изъ *е* прошло черезъ *о* и чтобы была такой моментъ въ языкѣ, когда бы послѣднее явленіе было всеобщимъ, или по крайней мѣрѣ преобладающимъ. Встрѣчающіеся одновременно факты (съ XV в.) *о* изъ *е* и *а* изъ *е* черезъ *о* противорѣчатъ послѣднему: появленіе *о* изъ *е* предшествовало появленію *а*, но и послѣднее явилось непосредственно за первымъ, а въ началѣ могло быть и одновременнымъ прямо изъ *е*. Очевидно, что подъ влияніемъ общаго процесса въ языкѣ, перехода отъ *о* и *е* (черезъ *о*) къ *а*, отдѣльныя реченія могли непосредственно перемѣнять *е* на *а*, недожидаясь посредственной ступени. Это возможно тѣмъ болѣе, что *о* изъ *е* мы чаще всего встрѣчаемъ послѣ шипящихъ (отвердѣніе которыхъ началось очень рано) и сравнительно въ другихъ немногихъ случаяхъ (говоръ въ Четьѣ 1489 г. и др.).

Покончивъ съ аканьемъ, перейдемъ къ другимъ случаямъ перехода безударнаго *о* и *е*.

Прежде всего встрѣчаемъ переходъ безударнаго *о* въ суффиксахъ и флексіяхъ въ *у*: прыгудушки, на рокитаву́мъ кусту, ѹ́ бѣлуй свици, бу́синькуй (дат. п.), вару́бужники, суботу́шки, ѹ́ довуныка, на праву́й, на лѣву́й, при ясу́й, на нову́мъ, на жуо́утумъ и др.

Такимъ образомъ, этотъ переходъ мы встрѣчаемъ лишь въ суффиксахъ *онька*, *енька* и въ дат. и предл. пад. женск. р. и твор. муж. им. прилаг. Кажется, указанными случаями и исчерпывается данное явленіе Ново-Сверженскаго говора. Въ серединѣ словъ встрѣтилось грумаду (ср. *оубесечили* въ Стат. 1588) ²⁾.

Смѣна *о* на *ы*, происшедшая, какъ думаетъ К. Анпель, уже послѣ перехода *о* въ *а* ³⁾ отражается въ говорѣ данной мѣстности лишь въ нѣсколькихъ примѣрахъ: зъ дры́улянаи хаты, дрыжи́цъ, подышподи́,

¹⁾ Р. Ф. Вѣстн., Къ ист. зв. и ф. бѣл. рѣчи, 1890 г. и 4, р. 203.

²⁾ Карскій, Р. Ф. Вѣстн., 1890 г., № 4, 208.

³⁾ Р. Фил. В., 1880, № 2, р. 208.

яблычки, кривавыя, дабрысыци (полагаемъ, что эту форму народъ связываетъ съ бродить, бродѣ).

Въ настоящее время явленіе перехода безударнаго *о* въ *ы* свойственно только сѣв.-восточн. бѣлорусскимъ говорамъ: приведенные у К. Анпеля примѣры всѣ относятся къ Витебскому, Лепельскому и Суражскому уу., нѣсколько словъ взяты изъ Дисненскаго и Выховскаго уу. Западно-бѣлорусскимъ говорамъ оно извѣстно лишь въ немногихъ случаяхъ, хотя это явленіе здѣсь не ново: ср. въ Четьѣ 1489—дрыжа́ху, кривавы́ ¹⁾.

Послѣдніе примѣры изъ Четьи, а также и наши примѣры представляютъ *ы* послѣ *р*; другихъ примѣровъ, кажется, нѣтъ, а потому они скорѣе соотвѣствуютъ малор. кривави, въ которыхъ *и* объясняется проф. Соболевскимъ какъ рефлексъ древняго глухаго звука ²⁾. Примѣръ подышолъ можетъ быть объясненъ и изъ подѣ-ис-шолъ ³⁾.

Равнымъ образомъ нашъ говоръ не представляетъ выдающихся особенностей перехода безударнаго *е*, *и*. Переходъ *и* въ *и* въ срединѣ словъ встрѣченъ нами лишь въ запывита́ла, цѣвила, усьмихну́ся. Кажется, другихъ примѣровъ не встрѣчается. Зато переходъ *и* во флексіяхъ дат. ж. и мѣстн. пад. въ *и*, а послѣ шипящихъ, *и* и *р*—въ *ы* можетъ быть признанъ общимъ правиломъ: ѹ́ лѣси, ѹ́ няволи, ѹ́ касьцели, ѹ́ звынтары, дѣѹ́цы, спроту́нды, на садзи, ѹ́ начы, на рѣщы, ѹ́ матальныцы, на галоваццы, ѹ́ горы, на моры и пр. Ср. въ грам. 1396 г.: на рѣцѣ, при вѣри и др. ⁴⁾.

Е въ нѣкоторыхъ суффиксахъ также можетъ переходить въ *и*: бѣлнѣнка, ранинѣнка, прыкрасинѣны, худинѣнка, въ префиксѣ *пре*: прыкрасна; въ срединѣ словъ только: семдзиса́тъ, дзисятка́ѹ, падлица́, циперь, пинѣкъ; частица *не* обыкновенно произносится *ни*, рѣже *ня*; наконецъ, въ мѣстном. *ми́ня*, *си́бе* (вин. п., дат. *табѹ*), *ми́не* (вин. п.), *си́бе*, *си́бя*. Перехода въ флексіяхъ глаг. 2 л. ед. ч. *еи́* въ *ишѹ*,

¹⁾ Карпинскій, р. 6.

²⁾ Очерки изъ ист. русск. яз., р. 73, и рец. на кн. Карскаго. Журн. М. Нар. Пр., 1887 г., № 5, 146; Потобиня, Замѣтки о малор. нар., р. 12.

³⁾ Соболевскій, Ж. М. Нар. Пр., 1885 г., № 6, р. 305.

⁴⁾ Недешевъ, 19.

въ родѣ будизмъ и пр. въ нашемъ говорѣ не встрѣчается. Оно болѣе присуще сѣверо-восточн. говорамъ.

Отмѣтимъ еще *e=ю* въ флексіяхъ: на крайнюмъ, на синюй и др.; сюда же относятся формы: Васьлюнку и ѹсюхъ=всѣхъ.

Перейдемъ теперь къ ударнымъ *о, е, ѵ*. Важнѣйшимъ явленіемъ представляется здѣсь переходъ *о* въ *ѹ*, а *ѵ* въ *іе*. Разсмотримъ, въ какихъ случаяхъ встрѣчаемъ первое явленіе, и постоянное ли оно или спорадическое.

Самый большой рядъ словъ съ *ѹ* тотъ, гдѣ ударное *о* находится передъ двумя или болѣе согласными, также передъ согласнымъ *ј*, или передъ однимъ согласнымъ, кончающимъ собою слогъ. Вотъ рядъ примѣровъ: *буо*льша, *навѹ*льна, *кукуо*льнана, *доо*нька, *буо*льна, *пуо*йд-зашъ, *гуо*рка (горько), *туо*льки, *вуо*зьмуцъ, *сакуо*тъ, *вуо*чками, *пахуо*тъ. *аѹ*тнички, *водачуо*бнички, *руо*днаники, *рабуо*тнички, *чабуо*ръ (родъ травы), *буо*рку, *падѹ*ръя, *кракуо*съ (растеніе), *сѹ*рютъ, *халуо*дная, *ѹ*спомни, *буо*рзыхъ, *вяѹ*рки, *друо*бы, *гуо*рняца (горнеться, прихлѣается), *гуо*рница, *плутничкаѹ*, *адѹ*орначка, *зѹ*орщикъ, *пѹ*рабуорщикъ, *пѹ*чка, *мѹ*жна, *загуо*нъ, *вуо*тка, *куо*пка, *жуо*нка, *руо*зна, *пѹ*зна, *галуо*ѹка, *изнѹ*ѹ (снова), *дуо*ѹга, *сѹ*вякруоѹ, *пѹо*ѹнать, *пѹ*руоѹя (норовъ, наровъ), *здѹ*руоѹя, *вуо*ѹкъ, *пѹ*труоѹка, *малуо*ѹчикъ, *вуо*йска, *буо*йся, *малуо*ѹця, *вуо*йту, *муо*й, *тѹ*ой, *разбуо*й, *пастуо*й и мн. др.

Исключенія на данные случаи сравнительно рѣдки, и, быть можетъ, объясняются, въ отдѣльных случаяхъ, вліяніемъ русскаго языка или меньшею отчетливостію произношенія; вообще въ прозѣ, въ разговорной рѣчи, такихъ исключеній больше: *ѹ*о чаще переходить въ чистое *о*, чѣмъ въ пѣсняхъ. Но и въ пѣсняхъ встрѣчаемъ: хлопчики, тонки (обычно), хвощики, пайомнички, скарджано, успомни, конь, злосщп; сюда же—Христось, вѣскрось. Къ этому относятся и случаи чистаго *о* передъ *дз* изъ *д* общерусскаго: *хodzацъ*, *ѹ* пародзи, *мало-данкуй*, *годи*, на *слабодзи* и мн. др. Вообще можно сказать, что *дз* изъ *д* не вліяетъ на удлиненіе *о* въ *ѹ*.

Напротивъ, въ коренныхъ слогахъ, гдѣ за *о* слѣдуетъ одна согласная, мы встрѣчаемъ повсемѣстно чистое *о*; *во*ля, *выно*сящъ, *Сѹ*-*бай*ка, *воранъ*, *хоча*, *скочила*, *заборы*, *дароги*, *горай*, *скоса*, *коранъ*,

повадъ, *поламъ*я, *варотами*, *укрою*, *дарозн*, *ѹ* новую *росячи*, *просячи*, *рожа*, *поле*, *кѹ*ничакъ, *сосянка*, *цхоня*, *паровичи*, *дуброва*, *вози*, *соли*, *паро*, *зловяцъ*, *звоняцъ*, *сирѹ*та, *гожы*, *широкая*, *почы*, *моры*, *косы*, *могущъ*, *харомы*, *высокуй*, *божа*, *паложи*мъ, *чырвоны*, *раскоши*, *пахо-дамъ*, *бочачка*, *словамъ*, да *дому* и мн. др.

И въ этомъ случаѣ исключенія нерѣдки, особенно въ пѣсняхъ, хотя почти нѣтъ примѣровъ, которые строго выдерживались бы повсюду. Такъ, встрѣчаемъ: *зѹ*вошникъ, *малуо*дунку, *дарѹо*жачку, *рыба-луо*вы, *ѹ*дувошку, *гавѹо*рыщъ, *луо*жа, *варѹо*щачакъ, *барѹо*дачку, *барѹо*-пунку, *галуо*вакъ, *малуо*дагъ, *карѹо*мачки, *пѹо*вянъ, *пѹо*вянѣки, *стуо*-ликамъ, на *дуо*бакъ и нѣк. др. Указанные только что примѣры легко могутъ быть объяснены вліяніемъ другихъ словъ, въ которыхъ *ѹ*о

Въ словахъ съ конечнымъ *о* ударнымъ послѣднее всегда чистое: *дно*, *вжо*, *зѹ*ляно, *вино*, *адно*, *яво*, *русѹ*. *парѹ*, *братѹ*, *чутѹ*, *лицѹ*, *кто*, *што*, *харано* и др.

Мы говорили до сихъ поръ только о коренныхъ слогахъ; обратимся къ флексіямъ и суффиксамъ. Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ едва-ли не слѣдуетъ принять за общее правило, что здѣсь *о* не переходитъ въ *ѹ*, то же относится и къ *о*, соединяющему суффиксы съ корнемъ такъ наз. соединительному. Возьмемъ рядъ примѣровъ: *кусочакъ*, *лѣсточакъ*, *пѹ*сопкія, *кляновы*, *зѹ*воцкія, *дубокъ*, *цисовы*, *дѣвчачокъ*, *мужычокъ*, *кулачокъ*, *вяночки*, *пановы*, *платочками*, *сала-докъ*, *мядокъ*, *заручонал*, *разлучонал*, *травою*, *чаѹномъ*, *маладой*, *ся-строю*, *рудой*, *булавой*, *самому*, *ѹ*давою, *кумою*, *рукавомъ*, *вадою*, *ви-номъ*, *другѹ*га, *варанѹ*га, *маладога*, *маладой*, *радиой*, *чужой*, *бѹдою* и др. Исключенія рѣдки и невыдержаны; напр.: на *живѹо*га, *залатѹо*му, *пабѹроумъ*, *дѣвчачкуомъ*, на *адѹо*мъ, *варѹо*мъ, *сѹѹѹо*мъ, *варѹнѹо*мъ, *галуѹо*мъ, *сарѹо*чку, *чахѹо*тка, *тынѹо*чакъ и др.

Въ виду важности разсматриваемаго явленія мы привели возможно большее число примѣровъ, чтобы имѣть право обобщить его. Приведенныя данныя прежде всего убѣдительно свидѣтельствуютъ, что переходъ *о* ударнаго въ *ѹ*, т. е. двоегласность его въ данномъ говорѣ представляетъ собою явленіе не спорадическое, но въ извѣстныхъ случаяхъ обычное и необходимое: именно, *ѹ*о является въ корен-

ныхъ, закрытыхъ слогахъ, гдѣ за о слѣдуютъ двѣ или болѣе согласныя, или одна согласная, заканчивающая слово. Наоборотъ—о передъ одной согласной (незаканчивающей слога), конечно, въ суффиксахъ и флексіяхъ—остается чистымъ. Качество согласныхъ не имѣетъ значенія. Примеры, противорѣчащіе указаннымъ правиламъ, должны быть признаны исключеніями, случайными отступленіями.

О йотированное (jo), если въ словѣ лежитъ удареніе тамъ, гдѣ и въ великорусскомъ, обладаетъ тѣми же свойствами, напр.: суджо-нушку, вясѣоль, зялѣоны, маѣо. Отмѣтимъ форму ручаѣомъ, происшедшую вслѣдствіе несмягчаемости ч; въ оконч. 3 л. ед. ч. глаголовъ: живѣюць, бяруць, завядуѣюць, вѣзюць, пасѣюць, идзюць, насѣюць и др. Отмѣтимъ необычныя въ великор. формы: хрѣсть (крестъ), пасѣоль (посолъ) и даже бясѣюду.

Остается отмѣтить еще извѣстныя въ бѣлор. ф.: свьяквыи, чарнабрывы, форма — змяю 1); а также единичные случаи е, э изъ о: акэцца, вянэчки, послѣднее—полопизмъ: wianeczki.

Здѣсь же уместно указать на: тудэю (изъ тудю), кудэю и тудэма, кудэма.

Б въ бѣлор. вообще отличается своею мягкостью сравнительно съ великор.; оно стоитъ только послѣ мягкихъ йотированныхъ согласныхъ, какъ уже замѣтилъ проф. Потебня 2) (говоримъ о ѣ ударяемомъ). Такимъ образомъ бѣлоруссы говорятъ бѣлѣый, звѣтѣрь, чалавѣкъ, и пр.; однако Ново-Сверженскій говоръ представляетъ собою еще болѣешую особенность: ударяемое ѣ въ немъ растягивается въ *іе*. Трудно сказать, всякое ли ударное ѣ произносится какъ *іе*, или же только въ нѣкоторыхъ словахъ: записывателемъ это написаніе употребляется въ весьма многихъ словахъ, хотя встрѣчаемъ и простое ѣ. Такимъ образомъ встрѣчаемъ: *іе*сца, *біе*лы, *ніе*тъ, *ѣ* *іе*си, *свѣ*тъ, *іе*шца, *табіе*, *сабіе*, *сіе*ли, *хлѣіе*ба, *віе*нчикъ, *нявіе*хна, *свѣіе*жуньки, *біе*лы, *бідны*, *ѣ* Масквѣ, *сіе*ра (сѣрая) и друг. Слова *іе*сця, *іе*шца сопро-

1) См. Анпеля, О бѣлор. нар., Р. Ф. В., 1880, № 2, 210; Потебня, Два изслѣдованія и пр., 59.

2) Зам. о малор. нар., 46.

вождаю написаніемъ *і*, потому что въ Бѣлорусскихъ говорахъ слова, начинающіяся мягкой гласной, всѣ, какъ кажется, йотируютъ начальную гласную. Трудно подвести подъ общее правило, когда ѣ выгоняется чисто, когда—какъ *іе*. Насколько мнѣ приходилось слышать въ другихъ мѣстностяхъ,—долгота ѣ, въ которомъ слышится *іе*, болѣе замѣтна тогда, когда бѣлорусъ дѣлаетъ особенное удареніе на этомъ слогѣ.

На этомъ основаніи, мнѣ кажется, можно объяснить, почему иногда въ словѣ свѣтъ, напр., ясно можно различить свѣтъ, иногда просто свѣтъ. Съ другой стороны, приведенные примеры, кажется, даютъ право заключить, что *іе* изъ ѣ появляется передъ твердымъ согласнымъ: свѣтъ, но бѣлѣньки, бѣлѣньки, при бѣдны. Третья, наконецъ причина появленія *іе*—склоненіе мягкихъ согласныхъ передъ нимъ; свѣіежуньки, свѣіецішкы, свѣіецянка. Послѣдній случай *іе* въ говорахъ Мозырскаго у., какъ мнѣ приходилось не разъ слышать, является очень обычнымъ.

Такъ какъ *р* въ бѣлор. абсолютно твердое, то оно съ ѣ не соединяется, а развиваетъ послѣ себя звукъ *іе*, иногда прямо *и* (рѣку, дат. п.—сястры, *ѣ* кары—въ корѣ и др.); гарыіеку, сустрыіеѣ: рѣчка, рѣчы.

Аналогичное явленіе послѣ шипящихъ: *ѣ* конціе (изъ концѣ), на щачіе (по щекѣ) и др.; замѣчательно, что въ рѣдкихъ случаяхъ и *е* ударное, очевидно, по аналогіи съ ѣ, переходитъ въ *іе*; *піе*чка, маііерка, *міе*ду, насыіеіь, *тріе*ска, *іе*сць (есть) и др. Примеры рѣдки.

Во флексіяхъ дат. ж. и предл. муж. и ж. р. ѣ переходитъ въ *и*: пры свѣчѣ, *ѣ* агнѣ, *ѣ* пачѣ и др. Въ срединѣ словъ въ мѣст. *ѣ*смы, зачѣмы, тѣмы (тѣмъ), чѣмы (чѣмъ).—*Е* въ ю въ суф.: яснѣіецянка, галаснѣіецянка, бялѣіецянка и пр. Ударное *е=и*: мноіе.

Изъ обзора особенностей ударныхъ о и ѣ въ нашемъ говорѣ, видно, что важнѣйшая ихъ черта—способность переходить въ *ю*, *іе*, на нихъ мы нѣсколько остановимся прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изученію.

Профессоръ Потебня неоднократно и настойчиво утверждаетъ, что *ю* изъ о и *іе* изъ ѣ есть особенность исключительно малорусская, встрѣчаемая въ сѣверныхъ говорахъ этого нарѣчія и этой особенности

«вовсе нѣтъ» ни въ бѣлорусскихъ, ни въ великор. говорахъ¹⁾, отрицая указанія Максимовича²⁾, что произношеніе ударнаго *о* какъ *у* болѣе свойственно бѣлор. говорамъ, чѣмъ малор., хотя послѣдній, очевидно, опирался на извѣстномъ ему произношеніи. Подобную мысль почтенный ученый высказываетъ неоднократно: форма *воол* (откуда *вудл*, вѣол *вуд*, и пр.) «не можетъ быть общерусской»³⁾. Мысль эта высказана почтеннымъ ученымъ много разъ⁴⁾ и при томъ такъ категорически, что изслѣдователямъ печего было и думать найти подобное явленіе въ Бѣлоруссіи.

Такое категорическое заявленіе оказывается преждевременнымъ. Приведенные нами примѣры говорятъ о томъ, что дифтонги *уо* и *іе* свойственны въ сильной степени одному изъ срединныхъ говоровъ бѣлорусскаго нарѣчія, составляютъ его неизмѣнную и важную примѣту. Но до сихъ поръ на эту особенность бѣлорусскаго нарѣчія не было обращено вниманія изслѣдователями просто потому, что имѣющіяся записи такъ еще не совершенны, что въ нихъ едва отражается эта тонкая, но характерная особенность. Однако и теперь можно собрать нѣсколько указаній на то, что и въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Такъ для Минской еще губ. мы имѣемъ рядъ прекрасныхъ записей изъ д. Подлѣсья Слуцкаго у., сдѣланныхъ г. Конацемъ и разбросанныхъ по сборнику г. Шейна⁵⁾: *доруожки*, *пудзо*, *воуита*, *горіелочку*, *бесіеда*, *дзіе*, *піе́чь*, *свіе́чачку*, *кліе́татку* и мн. др.⁶⁾. Встрѣчаемъ также и въ другихъ мѣстахъ Минскаго у. (д. Ячонка): *выбіе́гла*, *табіе́*, *зацвіе́тана*, и др.⁷⁾, Слуцкаго у. (д. Семенево)—*голууовку*⁸⁾—въ д. Островкахъ—*буо́рь*, *туо́мъ*, *руо́дная*, *куо́ски*

¹⁾ Зам. о малор. нар., 30.

²⁾ Ист. р. слов., 112.

³⁾ Къ ист. звуковъ русск. яз. Фил. Зап., 1876 г., т. I, 47.

⁴⁾ См. еще, напр., Замѣтки о малор. нар., р. 5 и др.

⁵⁾ Матеріалы для изуч. быта и яз. русск. нас. Сѣв.-Зап. Края, т. I, ч. 1.

⁶⁾ Ibidem, р. 27, 28, 22, 98, 347—350 и мн. др. Ср. рассказъ, написанный Слуцкимъ нар. въ „Календарѣ Сѣв.-Зап. Края“ на 1889 г., издав. подъ ред. М. Запольскаго.

⁷⁾ Матеріалы, ч. 1, 150.

⁸⁾ Ibidem, ч. 2, р. 208.

и мн. др.¹⁾. Въ Новогрудскомъ у. встрѣчаемъ формы *бу́тъ*, *ѣ* *вилюку́*²⁾, въ Игуменскомъ у.—*су* войны, *широку́*³⁾, въ Бобруйскомъ—*вупи́ть*⁴⁾, въ Борисовскомъ—*грумадоу́*⁵⁾; имѣемъ многочисленные указанія для Мозырскаго у.: въ с. Мелешковичахъ (недалеко отъ Мозыря): *ѣ* *новуомъ*, *ѣ* *бѣлесенькуо́у*, *червуо́ницеѣ*, *пирѣо́ухъ* и др.⁶⁾. Относительно Бобруйскаго у. добавимъ, по личнымъ наблюденіямъ, что подъ городомъ говорить—*друо́бный*, *вуо́ль* даже *уо́чань* (очень) и др. Въ западной части Мозырскаго у., на основаніи имѣющихся у насъ записей, говорить:—*вуо́ль*, *свіе́тъ*, по подл. вліяніемъ соединяхъ Пинчуконъ и *ву́ль*, *свѣтъ*. Объ этомъ говорѣ мы скажемъ подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ статей. Въ Пинскомъ говорѣ дифтонговъ почти нѣтъ, но зато чистое *у* на мѣстѣ ударнаго *о* обычно: *ву́ль*, *ку́нь*, *дру́бны*, *рудны* и т. п. О Пинскомъ говорѣ будемъ еще особо говорить въ слѣд. статьѣ. Наконецъ, юговосточный уголь Минской губ., по слѣданнымъ нами записямъ изъ Дерновичской волости Рѣчицкаго у., знаетъ *ѣу* на мѣстѣ *о* и *іе* на мѣстѣ *ѣ*: *стоу́лька*, *Боу́тъ*, *коу́нь*, *ліе́съ*, *свіе́тъ* и пр.

Послѣ этого, правда, бѣлаго обзора данной особенности въ говорахъ другихъ частей Минской губ. едва ли можетъ оставаться сомнѣніе въ томъ, что она свойственна въ большей или меньшей мѣрѣ всѣмъ говорамъ губ. Только наши печатные источники на этотъ счетъ еще очень не полны и не точны⁷⁾.

Мало того, не только въ Минской губ., но въ Могилевской (формы *бу́тъ*, *ву́ль*, *сту́лька* и др. въ записяхъ сказокъ г. Романова) обычны и свойственны едвали не всей губ., по не въ одинаковой степени⁸⁾, въ бѣлорусскихъ частяхъ Гродненской губ.⁹⁾, въ Смоленской

¹⁾ Ibidem, ч. 2, 290 и слѣд.

²⁾ Ibidem, ч. 1, 245, 246.

³⁾ Ibidem, 480, 501.

⁴⁾ Ibidem, ч. 2, 267.

⁵⁾ Ibidem, ч. 1, р. 486.

⁶⁾ Ibidem, 58, 59, 95.

⁷⁾ Для мѣстностей, гдѣ лично нами не сдѣланы наблюденія, мы пользовались сборн. г. Шейна, но о записяхъ его см. рец. въ „Кіевской старинѣ“, 1892 г. Май.

⁸⁾ По выраженію собирателя, о произносится „почти какъ *у*“ (вып. II, предисл. XV), т. е. мы имѣемъ *ѣу*, *ѣо*.

⁹⁾ У Бобровскаго (Гродн. губ.) имѣемъ *Буо́гъ*, *веселіе́чко*, и др., Ч. I, р. 828. Ср. Этногр. Сборн., т. III, р. 98—99. (Замѣтки о зап. ч. Гродн. губ.)—*це́йтъ*, *руо́къ* и др.

губ. (прим. въ сборникъ Добровольскаго) мы встречаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Только о Витебской губ. трудно сказать что либо определенное въ данное время.

Такимъ образомъ, дифтонги *yo*, *ye*, а также отчасти и *ie*, при болѣе внимательномъ изученіи бѣлорусской діалектологіи, должны быть признаны какъ основные признаки бѣлорускаго нарѣчія.

Что касается до характера дифтонговъ *yo*, *ie*, то еще г. Житецкій замѣтилъ, что перзвукъ эти съ долготой на *o* и *e*, т. е. *yo* *ie* не имѣютъ ничего общаго съ малорусскими говорами и характеризуютъ скорѣе нарѣчіе бѣлорусское¹⁾. Малорусское *i* изъ *o* и *ъ* получилось при посредствѣ ряда перзвуконъ изъ долгихъ *oo*, *ee* черезъ *yo*, первоначальные *yo*, *yō*, *yo*, *io*, въ послѣдующія *yi*, *yi*, *yo*, еще и теперь слышимые въ нѣкоторыхъ карпаторусскихъ говорахъ и въ сѣв. части Черниговской губ. (*кунь*, *муй*); рядомъ съ дифтонгомъ *yo*, *io* явились чистые *y*, *yo* которые затѣмъ большею частью перешли въ общемалорусское *i*, оставивъ лишь слабые слѣды въ окраинныхъ говорахъ. На существованіе посредствующей ступени въ переходѣ малор. *o* въ *i* черезъ *y* указалъ еще Головацкій. Потебня, а затѣмъ г. Житецкій дополнили это мнѣніе указанною послѣдовательною перехода. Мнѣнія обоихъ изслѣдователей по существу сходны. Проф. Потебня удовольствовался указаніемъ ряда перзвуконъ *конь*, *куэнь*, *кунь*, *куйнь*, *кунь*, *кинъ*²⁾; для *ъ* онъ указываетъ перзвукъ *ѣ* долгое равное великор. *e*, *ѣ*, (м. б. *e*) , *ы*, (*свѣет*, *свѣет*, *свѣит*, *свѣит*). Но г. Житецкій, рассматривая природу этихъ перзвуконъ, пришелъ къ заключенію, что малорусское *i* изъ *o* и *ъ* получилось именно вслѣдствіе долготы первой гласной дифтонговъ *yo* и *ie*³⁾. Съ этими перзвуками имѣютъ связь и *ы*, а изъ *o* (*кынъ*, *бэкъ*, *быгъ* въ Пинскомъ говорѣ). Г. Житецкій считаетъ развитіе *ы* при посредствѣ *y*⁴⁾; это объясненіе, кажется,

¹⁾ Очеркъ звуковой ист. малор. нар., 115.

²⁾ Два изслѣдованія..., р. 103—104

³⁾ Ibidem, 112.

⁴⁾ Оч. звук. ист. малор. нар. 115. Впрочемъ долгота *yo* имѣется въ виду и Потебней, когда онъ, въ позднѣйшемъ своемъ соч., ставитъ рядъ: *воол*, *воул*, *вуол*, *вул* и пр. Къ ист. звук. русск. языка. Фил. зап., 1876, I, 47.

⁵⁾ Оч. звук. ист. 113.

ближе къ истинѣ, чѣмъ если призывать *быгъ* пинское за отвердѣніе въ немъ малор. *i*. Пинскій говоръ является переходнымъ, въ немъ господствуетъ *ы* изъ *o*, а *уы* и *э* является болѣе или менѣе спорадически: малорусскаго же *i* изъ *o* въ немъ нѣтъ; потому, можно думать, что оно въ немъ и не развилось. Затѣмъ, появленіе твердаго открытаго *э* (бэкъ) можно предположить при посредствѣ дифтонга *ѣе*, который въ немъ иногда можно даже различить: *быгъ* *ѣе*; ср. съ этимъ им. множ. *касаре* = касарэ.

Такимъ образомъ, малорусское нарѣчіе получило свои два важнѣйшіе признака—*i* изъ *ъ* и *o* посредствомъ цѣлаго ряда перзвуконъ, послѣдовательно развившихся въ языкѣ. Причина, вызвавшая неустойчивость ударныхъ *o* и *ъ*, ихъ потенціи и растяженіе,—паденіе глухихъ звуковъ. Это послѣднее явленіе въ исторіи славянскихъ языковъ отразилось болѣе или менѣе во всѣхъ языкахъ въ колебаніи чистоты *o* и *ъ*, какъ ударныхъ, такъ и безъ ударенія. Въ чешскомъ появился перзвукъ *ǐ*, близкій къ нашему *yo* (*rǐd*, *bǐh*), въ польскомъ въ извѣстныхъ случаяхъ дало *y* чистое (*bóg*, *ród*). Русскій языкъ выдѣлился изъ старославянскаго до окончательнаго паденія въ немъ глухихъ. Паденіе ихъ совершилось уже на русской почвѣ, почему мы и видимъ различныя степени измѣненія *ъ* и *o* въ трехъ важнѣйшихъ нарѣчіяхъ русскаго языка, великорусскомъ малорусскомъ и бѣлорусскомъ. *O* начало колебаться и въ результатѣ дало малорусское *i* при посредствѣ *yo*, а *ъ* *ы*.

Въ нарѣчіяхъ бѣлорусскомъ и великорусскомъ преобладающею явилась вторая часть дифтонговъ *ѣ* и *e* которая и дала въ великорусскомъ чистое *o* и *e* (ѣ), а въ бѣлорусскомъ, въ средней и западной части его,—большею частью остались перзвукъ *yo*, *ie* съ наклономъ къ чистымъ *o* и *e*, и чѣмъ восточнѣе, тѣмъ эта наклонность къ чистымъ *o*, *e* ярче, вслѣдствіе содѣйствія съ великорусскими говорами (въ Смоленской губ.). Только о сѣв. части бѣлорусскихъ говоровъ, т. е. о говорѣ собственно Полоцкихъ Кривичей трудно сказать что либо определенное. Если бы отсутствіе этихъ особенностей не было отмѣчено въ предѣлахъ послѣднихъ говоровъ, то мы могли бы считать наши особенности остатками чертъ собственно Дреговичскаго

нарѣчія, такъ мало извѣстнаго намъ въ древнѣйшую пору, пот. что южныя и западныя окраины бѣлор. нарѣчія обладаютъ въ сильной мѣрѣ *yo* и *ie*.

Разсматриваемыя особенности съ трудомъ и теперь находятъ себѣ выраженіе въ нашей этнографической литературѣ, а потому неудивительно, что онѣ еще больше затрудняли переписчиковъ, и намъ трудно прослѣдить исторію этихъ особенностей. Однако на нихъ мы можемъ указать въ Четвѣ 1489 г.: апустоломъ, докоуле, оттоуле¹⁾. Впрочемъ, исторія бѣлор. нарѣчія едва затронута изслѣдователями (Недешевъ, проф. Владимірова о языкѣ Скорины, Очерки проф. Соболевскаго, статьи Карпинскаго и Карскаго въ „Р. Фил. В.“) Быть можетъ, послѣдующее изученіе памятниковъ дастъ намъ болѣе опредѣленные указанія и на этотъ счетъ.

Съ вопросомъ о перезвукахъ *yo* и *ie* тѣсно связанъ вопросъ о пограничныхъ говорахъ между малорусскимъ и бѣлорусскимъ нарѣчіями. Какъ извѣстно, говоры эти, и особенно Заблудовскій Гродненской губ., характеризуются, въ той или другой степени, присутствіемъ этихъ перезвуковъ.

Проф. Потебня перечисляетъ въ своемъ сочиненіи „Два изслѣдованія“ и проч. слѣдующія мѣстности съ перезвуками *ou, u*: въ Сосницкомъ у. Черниг. губ. (*тум, нуд*; по Кулину *вуд*), въ западн. части Вол. губ. (*пузно, стуй, муй*), въ Заблудовскомъ Гродн. губ. (*беруожа*²⁾). Позже, въ „Замѣтк. о малор. нар.“ онъ дополняетъ эти свѣдѣнія еще указаніями на уу. Пружанскій, Бѣльскій, Кобринскій, Врестскій Гродненской губ.³⁾, Кролевецкій и Козелецкій Черниг. губ. Гораздо неопредѣленнѣе у него свѣдѣнія о переходѣ *o* въ *yo* въ Угорщинѣ и вообще въ Галиціи, гдѣ, повидимому, этотъ перезвукъ болѣе приближается къ *ui, uy*. Этотъ перечень мѣстностей очень не полонъ. Во первыхъ, не хватаетъ свѣдѣній о средней части полосы, раздѣляющей оба нарѣчія, между Черниговской и Гродненской губ. Здѣсь,

¹⁾ Карпинскій, р. 11

²⁾ Два изслѣдованія, 101.

³⁾ Р. 23; Повидимому, эти уѣзды онъ выдѣляетъ въ „Бѣлостокскій говоръ“. Но это неясно: въ данной полосѣ столько перекрестныхъ говоровъ, что рѣчь о „Бѣлостокскомъ“ едва ли возможна.

впрочемъ, встрѣчаемъ также тѣ же перезвуки; такъ, наприм., въ Дерпичской волости, занимающей южный уголъ Рѣвnickаго у., существуетъ *ou* (*тоулька*) въ тѣхъ же случаяхъ, что и вообще въ Бѣлорусскомъ; затѣмъ онъ извѣстенъ всей при-Преплатской полосѣ Мозырскаго у., а въ Лавинской волости, сосѣдней съ Пинскимъ у., есть *u* при рѣдкомъ *ou*, въ самомъ Пинскомъ у. есть *u, э, ы*. На крайнемъ западѣ пограничной полосы можно указать на Кошольское, Хотычское и отчасти Клеванское разнорѣчія¹⁾ (уу. Бѣльскій, Радинскій и Константиновскій) и т. д. Однимъ словомъ важно, что перезвуки *yo, ie* встрѣчаемъ въ ихъ типичной формѣ именно на границѣ бѣлорусскаго нарѣчія съ малорусскимъ.

Обыкновенно эти разнорѣчія считаютъ наиболѣе арханчными остатками болѣе древняго періода въ малорусскомъ нарѣчьи. Главнымъ показателемъ этого признаются именно разсматриваемые перезвуки. Примѣрами изъ этихъ говоровъ, особенно изъ Заблудовскаго, широко пользуется Потебня въ своихъ сочиненіяхъ о малорусскомъ нарѣчьи, г. Житецкій пошелъ еще дальше, ища въ этихъ говорахъ разъясненія современныхъ звуковыхъ особенностей малорусск. нар., ставя очень высоко ихъ арханчскія черты.

Несомнѣнно, что малор. *i* изъ *o* и *ъ* прошло рядъ дифтонговъ, подобіе которыхъ видимъ въ этихъ говорахъ. Но слѣдуетъ ли искать арханчнхъ чертъ этого нарѣчія въ говорахъ именно этихъ мѣстностей,—это еще вопросъ. Дѣло въ томъ, что эти говоры, сохранивъ *yo* и *ie*, въ тоже время обладаютъ значительнымъ количествомъ признаковъ бѣлорусскаго нарѣчія. Въ нихъ преобладаетъ мягкость звуковаго строя (исключаемъ Пинскій говоръ), часто *дзеканье* и *цеканье*, твердость шипящихъ, твердость *p*, иногда даже перемежающееся *аканье*. Присутствіе послѣднихъ признаковъ неопредѣляетъ названныхъ изслѣдователей признавать говоры малорусскими, разъ въ нихъ есть *yo, ie*.

Мы бы чересчуръ отступили отъ намѣченной нами задачи, если бы взяли за подробное изслѣдованіе особенностей этихъ говоровъ и

¹⁾ Житецкій, Оч. зв. ист. малор. нар., прил.; также сообщ. свѣщ. Желховскаго. Р. Ф. В. 1834 г., кн. р. 256. О Константин. у. Сѣдлецкой губ. см. Янчука. Малороссійскія свадьбы.

их сравнения с белорусскими. Этот вопрос требует специальной работы, для которой однако существующие записи представляют пока очень неблагодарный материал. Обращая на этот вопрос внимание исследователей, мы позволим себе остановиться лишь на Заблудовском говоре.

Всякому, знакомому с сочинениями проф. Потебни, известно, что этот говор играет очень большую роль в его работах. Факты этого говора в работах уважаемого ученого приводятся чуть не на каждой страничке, но почти вездѣ съ замѣчаниями, что въ Заблуд. гов. встрѣчается такая особенность, каковая пѣсвойственна малор. нар.; это естественно потому, что заблуд. говоръ вполне белорусскій. Характеризуя говоръ, онъ заявляетъ, что одні изъ особенностей встрѣчаются въ малорус. говорахъ, другіи предполагаются ими ¹⁾. Въ Малорусскомъ предполагаются, а въ белорусскихъ—составляютъ обычное явленіе. Въ Заблудовѣ встрѣчаются: $d' = dz$, $m' = m$; e —смягчается, y и $и$ различаются, $o = yo$, $e = ieo$, $ъ = jъ$, $i = h$, $aj = dжe$, $a = y$, $y = e$, $л = в$ и др. ²⁾ Особенности вполне белорусскія. Отсутствуетъ аканье, которое пока однако должно оставаться подъ сомнѣніемъ ³⁾. Непонятное въ малор. $a = ye$ въ *удыерить*—представляетъ обычную бѣлор. форму ⁴⁾. P —твердое, $ъ$ послѣ него = *ме*: *рычка, рылочка* и др. какъ въ белорусскомъ. Заблудовскій говоръ не можетъ быть признанъ никомъ образомъ за малорусскій говоръ, а слѣдовательно и типичные въ немъ *yo* и *jъ*—черты белорусскія. И другіе пограничные говоры соединяють въ себѣ тѣ или другія черты белорус. и малорус. нарѣчій: опредѣленно отнести ихъ къ тому или другому, безъ натяжекъ, трудно.

Но перезвуки *yo* и *ie* здѣсь едва ли не черта белорусская. Въ соседнихъ малор. говорахъ (т. е. въ средней части Черниговск. губ. и средней Волины, хотя въ западной части есть *пузно, рузно*), эти особенности не встрѣчаются, да и вообще не играютъ никакой роли въ малор. нар., кромѣ переходныхъ предполагаемыхъ перезвуковъ. Въ

бѣлор. нар., во всей срединной и южной его территоріи они составляютъ коренную особенность. Между тѣмъ сохраненіе одинаковыхъ перезвуковъ въ сѣв. части Черниговской губ. и въ южной Гродненской, въ двухъ противоположныхъ концахъ, иначе не можетъ быть объяснено, какъ только вліяніемъ белорусск. нар. Допустимъ, въ Полѣсьи, въ лѣсахъ (хотя Брестъ и Гродно были очень видными пунктами въ Польско-Литовскую эпоху, а Брестъ и въ древнѣйшемъ періодѣ: здѣсь было постоянное движеніе, что должно было-бы вліять на ускореніе жизни языка),—здѣсь могли сохраниться архаичныя черты въ языкѣ, особенно, если вспомнимъ, что близкое къ этому имѣемъ и въ Зап. Волині. Но какимъ образомъ сохранились архаичныя особенности на такомъ перекрестномъ пунктѣ, какъ пограничье Сіверянъ и Радимичей,—территорія, черезъ которую проходила борьба Кіева съ Черниговымъ и Суздальемъ, территорія, на которой послѣдствіи столкнулись интересы великорусскіе, малорусскіе и белорусскіе? Однимъ словомъ, здѣсь мы менѣе всего можемъ ожидать архаизмовъ малор. языка: перезвуки *yo*, *ie* здѣсь являются, какъ и въ большинствѣ Гродненскихъ разнорѣчій, и поддерживаются подъ вліяніемъ соседняго белорусскаго нарѣчія. Или это нарѣчіе уступаетъ въ этихъ пунктахъ напору малорусскихъ элементовъ, но оставляетъ свое вліяніе въ этихъ и другихъ чертахъ, или же, наоборотъ, оно расширяется на этихъ окраинахъ, вытѣсняя элементы малорусскіе.

Покончивъ съ звуками *o* и *e*, перейдемъ къ другимъ звукамъ нашего говора.

Звуки *ы*, *и*. Сравнительно съ общеполор. употребленіемъ этихъ звуковъ Ново-Сверженскій говоръ не представляетъ особенностей. Произношеніе обоихъ звуковъ какъ и въ великорусскомъ. Нѣкоторые замѣны являются лишь случайными явленіями, большею частью въ сферѣ отдѣльныхъ словъ. Встрѣчаемъ замѣну *ы* черезъ *y*: въ префиксѣ—*вухадзили* и въ словѣ *калубелька*. На мѣстѣ *ы* является *a*—*внтруса*—*вытруса*, очевидно, вследствие перехода ударенія на *y*, аналогія съ *отыратся*—*отруся*. Въ суффиксѣ *ышко*—*ы* сдвигается *y*, *y*: *сопошко, акуюшко, судзенишко*. Болѣе крупное явленіе—это сдвигъ *и* на *e*. Оно бываетъ очень рѣдко въ корняхъ словъ, всегда подъ удареніемъ: *праседживали, седзя*. Съ этимъ явленіемъ интересно сопоставить: не

¹⁾ Два изслѣдованія, 143.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Зам. о малор. нар., р. 97; въ нѣск. пѣсняхъ изъ Заблудова, напечатанныхъ съ сборн. Гильдебранта, встрѣчаемъ *горышке, адзинъ* и др.

⁴⁾ Ibidem, 97.

пръѣтемо въ Четѣ 1489 г.¹⁾ Зато въ повелит. множ., подѣ удареніемъ, смѣна и через е—явленіе необходимое: пятажѣца, плѣца, приваѣца, учѣца, побудаѣца, приваѣца, пакаѣца, сяѣца, прасѣца и др. Явленіе—давніишее: въ Четѣ 1489 г.; пустьѣ, тво-ръте, говорѣте, помолѣтеся (Карпинскій, р. 9).

Конечное *ы* въ им. множ. подѣ удареніемъ переходитъ въ дифтонгъ *ые*, который иногда слышится просто какъ открытое э: зала-ты *ые*, ключѣ *ые*, арлы *ые*, валы *ые*, бары *ые*, звяры *ые*, листы *ые*, сицы *ые*, на-ранцы *ые*, мяды *ые*, сваты *ые*, вятры *ые*. Послѣ гортанныхъ это конечное *ые* (на мѣстѣ *и*) встрѣчается рѣже, произносится какъ среднее между *ые* и *ие*: палкѣ *ые*, гарникѣ *ые*, лучѣ *ые*, жалкѣ *ые*; сюда же отдѣльныя: голубѣ *ые*, даждусѣ *ые*.

Въ срединѣ словъ, смѣна *ы* на *ие* встрѣтилась только въ чаты-ры и кватѣра.

А не представлять также никакихъ особенностей. О смѣнѣ ударяемаго *о* въ *а* мы уже говорили. Отмѣтимъ нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ смѣны *а* другими гласными; *а* смѣняется е: глѣзичи, про-глѣзжала, рѣбичи (отъ рабѣтъ).²⁾ *А* ослабляется въ *іа* въ нарѣчійхъ: вѣрля, сильля (здѣсь *я* изъ *о*). *Я* смѣняется е въ род. п. мѣстоим. *мине, тебе, сибѣ*.

Союзъ *якъ* (какъ) почти всегда *икъ*; *я* смѣнилось подѣ вліяніемъ ударенія—е: да *песу*.

Въ *разный* произносится правильно *уо: рузны*.

Конечное *я* въ частнѣ *ся* колеблется, склоняясь часто къ е: *закачѣлѣсе, захачѣлѣсе* и пр.

¹⁾ Карпинскій. 9.

²⁾ Ср. свѣтого, сентѣбра, запѣзаль и др. въ Четѣ 1489 г., Карпинскій, 9, и изъ Сб. XVII в.: глѣди, пометають и др., Карскій, Р. Ф. В., 1890 2. 284.

Статистическіе очерки Сѣверо-Западнаго края¹⁾.

I.

Населеніе и пространство.

Сѣверо-Западный край Россіи, въ который входятъ 7 губерній: Минская, Виленская, Могилевская, Витебская, Гродненская, Ковенская и Смоленская²⁾, населенный кореннымъ бѣлорусскимъ и литовскимъ племенемъ, заключаетъ въ себѣ, по исчисленію Стрѣльбицкаго, 6583,61 кв. миль; пространство это настолько велико, что оно превышаетъ многія европейскія государства, напр. менѣ чѣмъ вдвое больше Турціи (3910 кв. миль), болѣе Норвегіи (5,909 кв. м.), Великобританіи (5718 кв. м.) и др.

На всемъ этомъ пространствѣ живетъ, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, до 9.646.746 душъ обою пола³⁾, что по плотности составитъ почти 1465 чел. на 1 кв. милю. Однако, всѣ губерніи населены далеко неравномѣрно и настолько, что въ самой плотно населенной Ковенской губ.

¹⁾ Напечатана въ 1888 г. Матерьяломъ для этой статьи, кромѣ цѣлѣныхъ книжекъ, издаваемыхъ губ. статистическими комитетами, послужили главнымъ образомъ губернаторскіе обзоры и изданія Центрального Статистическаго Комитета. Объ обзорахъ не упоминается въ текстѣ, потому что на нихъ нельзя было ссылаться, когда печаталась статья.

²⁾ Смоленскую губ. совершенно несправедливо многіе относятъ къ центральнымъ губ.; между тѣмъ она, по устройству поверхности, географическому положенію, почвѣ и экономическому состоянію, а въ особенности, по своему населенію, какъ одна изъ Бѣлорусскихъ губ., несомнѣнно принадлежитъ къ группѣ губ. Сѣверо-Западнаго края. Это признаютъ и такіе маститые знатоки Россіи, какъ Семновъ и др.

³⁾ Распределеніе населенія въ частности по губерніямъ представляется въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Минская губ. 1,680 тыс. (сотни и проч. мы отбрасываемъ), 2) Ковенская—1521 т., 3) Гродненская—1,353 т., 4) Смоленская—1311 т., 5) Витебская—1267 т., 6) Могилевская—1263 т. и 7) Виленская—1253 т.

Донинъ—Запольскій.

приходится 2061 чел. на одну кв. м., а въ самой мало населенной Минской губ. только 1013 чел.¹⁾

Незначительную плотность народонаселения Минской губ., конечно, нужно объяснить тѣмъ, что губернія эта, занимая огромное пространство (1659,14 кв. м.), покрыта большею частью озерами, болотами, лѣсами или вообще неудобной для поселеній землей. Такъ, изъ всей площади Минской губ., пахатной земли только 24,2% (1,818,612 дес.), остальная же земля покрыта лѣсомъ (38,3%), лугами, выгонами и проч. (14,5%), болотами и вообще неудобной для пашни (23% или 1,735,328 дес.).

Замѣтимъ еще одно немаловажное обстоятельство, указывающее на гораздо болѣе значительную разницу въ плотности населенія. Разсмотрѣніе плотности населенія по губерніямъ, какъ административнымъ единицамъ, не совсѣмъ удобно и не совсѣмъ вѣрно представляетъ общую картину края, потому что административное дѣленіе далеко не совпадаетъ съ природнымъ географическимъ характеромъ мѣстности; такъ, напр., Минскій и Новогрудскій уѣзды, сравнительно возвышенные, съ незначительнымъ пространствомъ неудобной земли (въ первомъ 7,3% общаго количества, а во второмъ 7,5%); между тѣмъ въ Мозырскомъ такой земли — 33,8%; подъ озерами въ первыхъ двухъ уѣздахъ считается менѣе одной квадр. версты, тогда какъ, напр., въ Пинскомъ, по исчисленію Стрѣльбицкаго, 47 кв. в., а въ Мозырскомъ 43,9 кв. в.; Минскій и Новогр. у.у. плотно (сравнительно съ остальными частями, конечно) населены (въ Минскомъ 1,505 чел. на 1 квадр. милю, въ Новогрудскомъ 2,245 чел.), а между тѣмъ въ административномъ отношеніи составляютъ одно цѣлое съ такими мѣстностями, какъ Пинскій, Мозырскій уѣзды: въ первомъ на 1 квадр. м. приходится 712 чел., во второмъ—387. Гораздо болѣе ясное представление о распредѣленіи народонаселенія въ нашемъ краѣ можно получить, если раздѣлить его на природныя географическія части. Такое дѣленіе наиболѣе удачно устанавливается, какъ намъ кажется, извѣстнымъ географъ Семеновъ²⁾; поэтому постараемся представить данныя о плотности населенія согласно предлагаемому имъ раздѣленію на *типическія* мѣстности.

Три губерніи *литовской* группы (Гродненская³⁾, Ковенская и Вилен-

¹⁾ По относительной плотности народонаселенія губ. стоятъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Ковенская—2061 чел. на 1 кв. м., 2) Гродненская—1920 ч., 3) Виленская—1920 ч., 4) Витебская—1545 ч., 5) Могилевская—1441 ч., 6) Смоленская—1287 чел. и 7) Минская—1013 чел.

²⁾ См. «Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи». Изд. центрального статистическаго комитета, вып. V. С.-Пет. 1882, стр. 1—10.

³⁾ Замѣтимъ, что названіе Литовской губ., приданное г-мъ Семеновымъ Гродненской губ., не совсѣмъ вѣрно: литовцы, въ числѣ нѣсколькихъ тыс. челов., на-

ска) представляютъ двѣ мѣстности, собственно *типиическую Литовскую* и т. н. *Бѣловѣжскую* (три уѣзда Гродненскій губ.: Слонимскій, Кобринскій, Пружанскій); послѣдняя представляетъ собою *переходную* мѣстность отъ первой къ Пинскому Полѣстью. *Литовская типическая мѣстность* составляетъ въ общемъ составѣ своемъ 1,911 кв. миль¹⁾, съ народонаселеніемъ въ 3,690,000 чел., что на одну квадратную милю составляетъ 2,459 чел. Это самая плотно населенная мѣстность Сѣверо-Западнаго края. Отъ нея идетъ переходъ къ бѣдно-населенному болотистому Пинскому Полѣстью и и другимъ частямъ Минской губ. Эту переходную мѣстность и составляетъ такъ назыв. Бѣловѣжская мѣстность, плотность населенія которой представляетъ значительную разницу съ предыдущей, именно на 1 кв. м. приходится 1,485 чел. (303 кв. м., съ населеніемъ въ 450 тыс. чел.).

Съ другой стороны, *Литовская мѣстность* отдѣляется на юго-востокѣ отъ Полѣся переходною мѣстностью—тремя уѣздами Минской губерніи (Минскій, Новогрудскій и Слуцкій), которая имѣетъ весьма значительную плотность населенія въ 2,018 чел.; эта мѣстность занимаетъ всего 330 кв. м., съ народонаселеніемъ въ 666 тыс. человѣкъ.

Замѣчательную разницу въ распредѣленіи населенія мы видимъ между только что указанными мѣстностями и Полѣсьемъ, которое занимаетъ остальную часть Минской губ. (кромя уѣзда Минскаго, Слуцкаго и Новогрудскаго), т. е. все теченіе Припяти и сѣверную часть ея бассейна и теченіе Березины; мѣстность эту можно назвать *Пинско-Березинскимъ Полѣсьемъ*. По устройству поверхности, распредѣленію водъ и почвъ она представляетъ обширное, однообразное пространство, весьма низменное²⁾, лѣсистое³⁾, съ большимъ количествомъ болотъ и озеръ и съ почвой, состоя-

являющаю лишь самую сѣверную часть этой губ., остальная часть населена чернорусами и бѣлорусами, а западныя окраины—поляками (мазурами); однако, мы удерживаемъ названіе мѣстностей г-на Семенова, независимо отъ того, насколько они удачны.

¹⁾ Замѣтимъ, что цифры пространства, принятые центральнымъ статистическимъ комитетомъ, разнятся отъ чиселъ, предлагаемыхъ Стрѣльбицкимъ; мы вѣдѣ будемъ придерживаться послѣдняго источника.

²⁾ Исключеніе составляетъ, повидимому, только сѣверная часть Борисовскаго уѣз., высшая точка котораго поднимается надъ уровнемъ моря на 947,7 англ. ф. (Домашковичи); остальная мѣстность Пинско-Березинскаго Полѣся поднимается, въ среднемъ, на 550 ф. (въ Игуменскомъ у. высшая точка 773 ф., низшая—448, въ Бобруйскомъ высшая—662, низшая 546 ф., въ Пинскомъ высшая (с. Лодины) поднимается на 589 ф., низшая (уровень воды въ р. Пинѣ у г. Пинска) на 435 фт. Между тѣмъ высшая точка Минскаго уѣзда (Лисья Гора) 1,129 ф., низшая 687 ф., въ Слуцкомъ у. высшая точка 732 ф., низшая 570 ф.; отсюда видно, какая огромная разниа существуетъ между двумя мѣстностями Минской губ. (См. «Материалы для ст. и геогр. Р. Минская губ.» Зеленскаго, т. I, стр. 118.

³⁾ Лѣсная площадь этихъ уѣздовъ занимаетъ 28 %

щей из суглинка и супеска и только мѣстами торфяную. Вслѣдствіе этихъ причинъ, мѣстность Пинско-Березинскаго Полѣсья незначительно населена: на обширномъ пространствѣ въ 1,329 кв. м. живетъ всего 1.013,000 чел. или 761 на 1 кв. м. Нѣсколько въ лучшихъ условіяхъ находится т. н. *Бѣлорусское Полѣсье*, состоящее изъ всей Могилевской губ., части Витебской (кроме у. Динабургскаго, Рѣжичскаго, Велижскаго, Люцинскаго и Дрисненскаго) и изъ Смоленскаго, Духовницкаго, Дорогобужскаго, Краснинскаго, Ельнинскаго и Рославскаго у. Смоленской губ.: она занимаетъ 1,758 кв. м., съ населеніемъ въ 2,625 тыс. чел. или 1,500 ч. на 1 кв. м.

Еще болѣе поразительна незначительность населенія въ мѣстности *Полесья верхняго Западной Двины* (Велижскій у. Витебской губ. и Бѣлѣйскій и Порѣчскій Смоленской губ.); тамъ приходится всего 573 чел. на 1 кв. м. (пространство 468 кв. м., населеніе 268 т.); мѣстность эта, покрытая озерами, представляетъ переходъ къ сѣверной озерной области Новгородской и Псковской губ.

Разсмотримъ еще 2 мѣстности: т. н. *Инфлянтскую* (уѣз. Дрисненскій, Рѣжичскій, Люцинскій и Динабургскій Витебской губ.), въ которой плотность на 1 м. 1,617 ч. и *Вяземскую*, составляющую переходъ отъ Бѣлорусской области къ центральной Московской; плотность населенія составляетъ здѣсь 914 чел. на 1 кв. м.

Не менѣе интересны данныя по статистикѣ городского и сельскаго населенія; данныя эти во многомъ уясняютъ также и распредѣленіе населенія. Приведемъ только процентное отношеніе городскихъ жителей къ остальной массѣ населенія: болѣе всего живутъ въ городахъ Гродненской губ., именно 17% всего населенія, затѣмъ въ Витебской 16,7%, въ Минской 14%, Виленской 10,8%, Ковенской 9,52%, Смоленской 8,5% и Могилевской 8,3%. Если принять въ расчетъ только одно не городское населеніе, то окажется, что плотность его увеличится въ губ., въ которыхъ наименьшій процентъ городскихъ жителей; особенно увеличеніе это замѣчательно въ Ковенской губ., въ которой, при значительной плотности населенія, процентъ городского населенія весьма не великъ.

Въ Минской губ., болѣе другихъ рѣдко населенной, дѣйствительное распространеніе (не городского) населенія даетъ цифру на 1 кв. м. гораздо менѣе высчитанной нами, потому что процентъ городского населенія довольно великъ. А въ мѣстности, названной нами Пинско-Березинскимъ Полѣсьемъ, плотность на 1 кв. м. даетъ всего 666 чел., если изъ общаго числа жителей отбросить городское населеніе.

Теперь обратимся къ распредѣленію народонаселенія по *труппамъ вѣроисповѣданій*. Около половины всего народонаселенія исповѣдываютъ *православную религію*, именно 4,265,000 чел., что составитъ 44,21% количества всего населенія края; наиболѣе православныхъ въ Смоленской губ. — 1,280 тыс.,

что составитъ 98% всего населенія губ. или 30% всего православнаго населенія Сѣверо-Западнаго края; такимъ образомъ, можно сказать, что эта губ. населена собственно православными, представители другихъ религій составляютъ въ ней незначительное меньшинство (катол. 3,000 и евреевъ 5,500 чел.). Крайне незначительно число православныхъ въ Ковенской губ., всего 33 тыс. чел., что составитъ 2,17% населенія губерніи. Православное населеніе Ковенской губерніи составляетъ, вѣроятно, по преимуществу, контингентъ служащихъ, притомъ населеніе это болѣе или менѣе пришлое, болѣе половины его живетъ въ городахъ (11,650 муж. и 3,890 женск.), въ уѣздахъ же живетъ всего до 18,000 чел. Въ остальныхъ губ. процентное отношеніе православныхъ къ общему количеству населенія выразится въ слѣдующихъ цифрахъ: въ Минской губ. 69%, въ Могилевской 83,06%, въ Гродненской 53,33%, въ Витебской 53,1% и въ Виленской 27,13%¹⁾.

Что касается до представителей римско-католической религіи, то ихъ во всѣхъ губерніяхъ оказывается 2,645,000 чел. или 27,42% всего населенія. Больше всего католиковъ, конечно, въ Ковенской губ. — 1,104 тыс. менѣе всего въ Смоленской — 3,000²⁾.

Представители еврейской религіи составляютъ третью по количеству группу населенія Сѣверо-Западнаго края; ихъ можно считать до 1,362 тыс. душъ, что составитъ 14,12% общаго населенія края. Однако, въ частности по губерніямъ, процентное отношеніе еврейскаго населенія къ общему числу населенія какой либо изъ губ. гораздо значительнѣе; исключеніе составляетъ только Смоленская губ., въ которой еврейскій элементъ крайне незначителенъ, всего 0,42% или около 5½ тыс. чел.

Въ остальныхъ 6 губерніяхъ процентъ евреевъ гораздо выше 14,12%, за исключеніемъ Могилевской (18%) и Витебской (11,47%); такъ, въ Гродненской губ. еврейское населеніе составляетъ 20,34% всего населенія, въ Минской 19,34%, въ Ковенской 16,2% и въ Виленской 15,6%³⁾. Слѣдовательно, въ Гродненской и Минской губ. на каждыя 100 душъ остальнаго населенія приходится въ 1-ой 26 ч. евреевъ, во 2-ой 24 чел.

Въ заключеніе интересно было бы привести данныя о раздѣленіи жителей Сѣверо-Западнаго края по національностямъ. Но такъ какъ офици-

1) Вотъ эти цифры: въ Смоленской губ. 1,280 тыс. правосл., въ Минской 1,159 тыс., въ Могилевской 1.049,000, въ Гродненской 721,000, въ Витебской 673,000 и въ Виленской 300,000 чел.

2) Въ остальныхъ губерніяхъ: въ Виленской 684,000, въ Гродненской 315,000, въ Витебской 315,000, въ Минской 170,000, въ Могилевской 25,000.

3) Предлагаемъ числа еврейскаго населенія въ губерніяхъ: въ Минской 325 тыс., въ Гродненской 275 тыс. д., Ковенской 247½ т. д., Витебской 150 т. д., Могилевской 164 т. д. и въ Смоленской 5½ тыс. д.

циальные источники об этом умалчивают, мы оставляем этот вопрос до другого раза (о сословиях мы еще будем иметь случай говорить).

II.

Народное образование.

Образовательные средства всего населения Северо-Западного края заключаются в нескольких разрядах учебных заведений, как то: народные школы, церковно-приходские, разных наименований городские училища, духовные училища, гимназии, прогимназии и несколько специальных учебных заведений, кроме того существуют частные и училища исключительно для евреев. Таким образом, все училища можно подвести под следующие категории: городских учебных заведений всех наименований, из которых воспитываются представители всех исповеданий (кроме военных училищ и духовных семинарий), сельские училища вместе с церковно-приходскими школами, которыми исключительно пользуются лица крестьянского сословия, наконец частные и специально еврейские училища.

Разсмотрим прежде общие данные о народном образовании.

Всех училищ в 7 губерниях Северо-Западного края насчитывается 5,756; в частности, по вышеуказанным категориям, они разделяются следующим образом: в городах разных наименований учебных заведений 287, сельских 4,068 и специально еврейских 839; остальные училища—частные и ремесленные школы.

Общее число учащихся во всех заведениях составляет 184,164 душ обоюбого пола; это число, согласно указанным категориям, распадается на следующие части: учащихся в городах 32,457, в сельских школах 131,168 и в специально еврейских 16,897 душ обоюбого пола.

Из этих данных мы видим, что средним числом на губернию приходится всего 822 учебных заведений и 28,881 учащихся; между тем среднее количество населения на губернию составляет около 1,378,000 душ обоюбого пола, так что на 6,716 человек приходится 1 школа, или на каждые 1,000 душ населения учащихся 22 чел. Недостаток в образовательных средствах становится еще виднее, если примем во внимание количество населения в школьном возрасте: известно, что на 2,000 населения приходится лиц школьного возраста, т. е. мальчиков от 7—15 и девочек от 7—14 лет, около 337; следовательно, в действительности получает образование одна только около 11,4% того числа населения, которое должно бы было в данный период воспитываться в каждой губернии.

Вышеизложенные средние выводы несколько иначе представляются

в частности по губерниям. Принимая во внимание только абсолютное количество учащихся в каждой губернии, то получим следующие данные.

Во губерниях:

1) Гродненской уч.	32,269	дтей обоюбого пола.
2) Минской	37,893	" " "
3) Могилевской	34,623	" " "
4) Виленской	25,066	" " "
5) Витебской	17,794	" " "
6) Смоленской	15,313	" " "
7) Ковенской	14,206	" " "

Из этих данных видно, что количество учащихся не пропорционально количеству населения в губерниях, так как по количеству населения Минская губ. занимает первое место, Ковенская второе и т. д.

Между тем, по количеству учебных заведений губернии распределяются в следующем порядке:

1) в Минской губернии	1,315	учебных заведений.
2) " Могилевской	1,293	" " "
3) " Гродненской	1,088	" " "
4) " Виленской	738	" " "
5) " Витебской	584	" " "
6) " Смоленской	509	" " "
7) " Ковенской	229	" " "

Порядок в распределении школ довольно близок к порядку распределения учащихся по губерниям. Кроме того, на распределение школ естественно должна была бы оказывать влияние и плотность населения: в местах более плотно населенных относительное количество школ должно было бы быть меньше, но за то количество учащихся в каждой школе больше; наоборот, в местностях с редким населением число учащихся в каждой школе должно уменьшаться, но за то увеличиваться количество школ. В этом случае расстояние местожительства учащихся от школы, если оно велико, затрудняет посещение училища учениками. Обширность района, на который распространяется действие учебного заведения, составляет отличительную черту условий народного образования в нашем крае.

Приведем по этому поводу данные в связи с средним количеством учащихся в каждом учебном заведении:

Губернии:	Кв. в. приходится на од. уч. зав.	Кв. мил. пр. на 1 учебное заведение.	Среднее число учащихся на 1 уч. зав.
1) Ковенская	156	3,2	62 об. пола.
2) Витебская	66,2	1,4	30 " "

3) Минская	61	1,26	28	"
4) Виленская	50,6	1,09	34	"
5) Смоленская	38	2	30	"
6) Могилевская	32,7	0,67	26	"
7) Гродненская	31,3	0,65	37	"

В среднем для всего Северо-Западного края выйдет, что одна школа захватывает районъ въ 55,5 кв. верстъ или 1,14 кв. м. и на одну школу учащихся приходится 32 души обоего пола. Слѣдовательно, районы, захватываемые каждою школою, настолько велики, что не могутъ удовлетворять нуждамъ населенія. Въ самомъ дѣлѣ: на пространствѣ 3,2 кв. м., которое составляетъ районъ каждого училища въ Ковенской губ., живетъ 6,600 чел., между тѣмъ изъ нихъ обучаются только 62, т. е. почти 0,9%. Вообще, отношеніе учащихся къ общему числу населенія крайне незначительно и въ среднемъ учащіеся составляютъ 2,01% всего населенія края. Меньшій процентъ въ Ковенской губ., именно 0,9%, вышій въ Гродненской—3%¹⁾. Количество душъ мужского и женскаго населенія, на которое приходится въ среднемъ одна школа, 1676²⁾.

Приведемъ еще характерныя данныя объ отношеніи учащихся къ количеству всего населенія. Оказывается, что 1 учащійся приходится на 107 душъ обоего пола въ Ковенской губ., на 85 въ Смоленской губ., на 70 чел. въ Витебской губ., на 50 ч. въ Виленск., на 42 въ Минской губ. и на 33 въ Могилевской губ., т. е. въ среднемъ одинъ учащійся на 52 чел. Теперь обратимся къ отношеніямъ учащихся обоихъ половъ между собою и къ остальному населенію. Дѣти мужскаго пола получаютъ образованіе въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ дѣвочки. Процентъ послѣднихъ по отношенію ко всему количеству женскаго населенія крайне незначителен; такъ, въ Могилевской губ. 1 учащійся приходится на 126 душъ женскаго пола всего населенія губ., или 14,4% всѣхъ учащихся, въ Ковенской губ. 1 дѣвочка приходится на 313 душъ женскаго пола, или 10,6% всѣхъ учащихся, въ Гродненской губ. одна на 132, или 12,6% и т. д.

Мы рассмотрѣли общія данныя о народномъ образованіи. Приведемъ еще сравненіе количества дѣйствительно учащихся съ тѣми, которые должны бы были получать образованіе въ данное время. Если предположимъ школьный возрастъ для мужскаго пола отъ 7 до 15 лѣтъ, а для женщинъ отъ 7—14, то получимъ (посредствомъ таблицы возрастовъ Буяковскаго), что на каждыя 10,000 душъ населенія приходится въ данномъ возрастѣ

¹⁾ Въ остальныхъ губерніяхъ: въ Минск. 2,3%, въ Витебск. 1,4%, въ Виленск. 2%, въ Смоленск. 1,13% и въ Могилевск. 2,7%.

²⁾ Въ частности по губ.: въ Ковенской 1 школа приходится на 6613 душъ, въ Смоленской на 2576, въ Витебской на 2126, въ Виленской на 1622, въ Минской на 1271, въ Гродненской на 1242 и въ Могилевской на 976 душъ обоего пола.

1,827 душъ мужскаго пола и на 10,000 женщинъ 1,544 душъ, всего на 20,000 душъ обоего пола выходитъ 3,371 чел. Такимъ образомъ, мы получимъ слѣдующую таблицу, указывающую, сколько могло бы быть приблизительно въ данное время учащихся и какой процентъ въ дѣйствительности учится:

Губерніи:	Число лицъ въ школьномъ возрастѣ.	Изъ нихъ обучается.
Гродненская	227,879	17,29%
Могилевская	212,878	15,91%
Минская	283,114	13,75%
Виленская	211,193	12,34%
Витебская	218,553	8,28%
Смоленская	220,969	6,98%
Ковенская	256,364	5,11%

Всего въ школьномъ возрастѣ до 1,626,000 душъ обоего пола, изъ которыхъ получаетъ образованіе только 11,32%, остальные 88,68% вовсе не получаютъ хотя бы начальнаго образованія.

Впрочемъ, данныя эти значительно видоизмѣняются, какъ увидимъ далѣе, если разсматривать вопросъ о народномъ образованіи, насколько имъ могутъ пользоваться различныя группы населенія.

Въ заключеніе общаго обзора не безинтересно было бы прослѣдить ростъ дѣла по народному образованію. Полное разсмотрѣніе этого вопроса повело бы насъ очень далеко, въ виду чего мы ограничимся только нѣкоторыми данными, именно, указаніемъ насколько поднялось дѣло народнаго образованія за послѣдніе 15 лѣтъ (1872—1887 г.). Ниже мы представимъ таблицу, показывающую количество населенія въ 1872 году, число учебныхъ заведеній всѣхъ родовъ, число учащихся въ нихъ, а также увеличеніе школъ и учащихся за 15 лѣтъ.

Губерніи.	Школъ въ 1872 г.	% увеличенія за 15 лѣтъ.	Учащихся въ 1872 г.	% увеличенія за 15 лѣтъ.	% увеличенія населенія за 15 лѣтъ.
Минская	527	150%	20358	86%	33%
Гродненская	456	139	17594	123	29
Виленская	384	100	15329	63	14
Витебская	258	126	9982	78	33
Могилевская	253	411	9836	252	17
Ковенская	216	6	10189	39	26
Смоленская	202	152	7540	103	—

Изъ этой таблицы мы видимъ, что процентъ возрастанія школъ и количества учащихся идетъ значительно быстрее возрастанія народонаселенія, откуда слѣдуетъ, что край значительно прогрессируетъ по пути образованія. Болѣе быстрое возрастаніе количества школъ сравнительно съ количествомъ учащихся свидѣтельствуетъ также, что населеніе не въ доста-

точной степени пользуется имеющимися в его распоряжении учебными заведениями и что при данном числѣ школ количество учащихся могло бы быть значительно больше. Особенно выдающееся явление между этими данными составляет незначительность увеличения числа школ и количества учащихся въ Ковенской губерніи.

Разсмотрѣвши общія условия состоянія дѣла народнаго образованія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, перейдемъ къ вопросу, какими образовательными средствами пользуются различныя группы населенія. Въ данномъ случаѣ можно, какъ намъ кажется, раздѣлить народонаселеніе Сѣверо-Западнаго края на три главныя группы: 1) крестьянское сословіе, 2) дворянство, духовенство и др. и 3) евреи. Первая группа пользуется исключительно сельскими народными училищами и церковно-приходскими школами (процентъ крестьянъ, обучающихся въ среднихъ и городскихъ учебныхъ заведеніяхъ не болѣе 1%), вторая группа пользуется городскими училищами и средними учебными заведеніями и, наконецъ, третья, евреи, имѣютъ исключительно свои школы, но въ то же время пользуются другими учебными заведеніями.

Наиболѣе неблагоприятно отзывается незначительное количество народныхъ школъ на крестьянскомъ сословіи: имъ приходится испытывать всю тяжесть неудобства, заключающагося въ томъ, что каждая школа захватываетъ весьма большой районъ. Такъ, начальныхъ народныхъ училищъ въ Сѣверо-Зап. краѣ 4068, такъ что каждая школа захватываетъ районъ въ 78 кв. в. Несмотря на такое неудобство, замѣтно особенное стремленіе крестьянъ къ образованію; данныя показываютъ, что процентное отношеніе крестьянъ не только не меньше, какъ слѣдовало бы ожидать, учащихся изъ другихъ сословій, но даже превосходить ихъ и превосходить значительно. Такъ, число школъ и учащихся вмѣстѣ съ процентнымъ отношеніемъ ко всему числу учащихся, выражается по губерніямъ въ слѣдующихъ данныхъ:

	Учащихся.	Школъ.	% всѣхъ учащихся.
Минская	30910	1249	82 ⁰ / ₀
Гродненская	28264	724	78 ⁰ / ₀
Могилевская	28428	1063	72 ⁰ / ₀
Виленская	15384	585	62 ⁰ / ₀
Ковенская	10186	182	72 ⁰ / ₀
Витебская	9970	310	59 ⁰ / ₀
Смоленская	7828	429	51 ⁰ / ₀

Эта таблица показываетъ, что учащіяся крестьянскаго сословія составляютъ значительное большинство въ 71⁰/₀; этотъ значительный процентъ объясняется не только тѣмъ, что крестьяне составляютъ большинство населенія, но и тѣмъ, что относительное количество учащихся изъ нихъ гораздо больше учащихся изъ другихъ сословій. Въ самомъ дѣлѣ: всѣхъ городскихъ

учебныхъ заведеній насчитывается 287 съ 32457 учащимися¹⁾; ими пользуется 1,513,000 населенія (за исключеніемъ евреевъ), такъ что учащіяся составляютъ едва только 1,1⁰/₀, между тѣмъ учащіяся изъ крестьянъ составляютъ 1,9⁰/₀ крестьянскаго сословія; кромѣ этого нужно замѣтить, что въ городскихъ училищахъ еще обучаются евреи (числа ихъ за недостаткомъ данныхъ нельзя опредѣлить точно) и крестьяне (почти 1⁰/₀ учащихся въ городскихъ школахъ) такъ, что процентъ учащихся въ городахъ мѣщанъ, дворянъ и духовенства долженъ быть ниже 1,1⁰/₀, а процентъ обучающихся въ начальныхъ школахъ изъ крестьянскаго сословія повысится съ 1,9⁰/₀, что составитъ болѣе 2⁰/₀ изъ всего крестьянскаго населенія.

Приведемъ еще интересныя данныя объ отношеніи числа школъ къ числу учащихся. Оказывается, что на 1 сельскую школу приходится 32 учащихся обоего пола²⁾, а въ городскихъ на 1 училище—113 учащихся; притомъ 1 сельская школа приходится на 1,664 душъ крестьянскаго населенія, а 1 городская на 5,272. Дѣтей крестьянскаго сословія въ школьномъ возрастѣ около 1,148,000 душъ обоего пола, изъ которыхъ обучаются 11,4⁰/₀.

Считаемъ интереснымъ отмѣтить еще одно немаловажное обстоятельство, во многомъ могущее иллюстрировать состояніе начальнаго образованія, именно отношеніе числа школъ къ числу крестьянскихъ дворовъ и селеній.

Губерніи:	Дворовъ на 1 школу.	Селеній на 1 shk. почти.
Ковенская	411	59
Витебская	302	45
Смоленская	287	23
Виленская	139	20
Могилевская	118	4
Гродненская	117	5
Минская	83	2

Эти цифры еще разъ доказываютъ, что каждая школа занимаетъ слишкомъ большой районъ, что положительно прештствуетъ дѣлу начальнаго образованія.

1) По губерніямъ эти числа распределяются слѣд. обр.:

Могилевская	4057 учащихся и 43 учебныхъ заведеній.
Смоленская	6827 " " 43 " "
Ковенская	2646 " " 25 " "
Гродненская	3338 " " 34 " "
Виленская	3557 " " 47 " "
Витебская	4638 " " 50 " "
Минская	5375 " " 45 " "

2) По губерніямъ: въ Ковенской 55 учаш. на 1 shk., въ Гродненской 39, въ Витебской 32, въ Виленской 29, въ Могилевской 27, въ Минской 24 и въ Смоленской 18.

Между тѣмъ совокупность всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ показываетъ, что крестьянское сословіе, не смотря на множество препятствій, ревностно стремится къ образованію настолько, что процентъ учащихся въ немъ выше процентнаго отношенія другихъ сословій. Явленіе это не случайное; оно поддерживается народомъ изъ года въ годъ. Такъ, 15 лѣтъ тому назадъ, въ 1872 году, начальныхъ школъ было 1,663 во всѣхъ 7 губ., а городскихъ 643 ¹⁾, но въ продолженіе 15 лѣтъ первыхъ увеличилось на 2,405, или по 160 въ годъ, вмѣстѣ съ тѣмъ количество учащихся увеличилось на 72,347, т. е. по 4,823 ежегодно.

Въ заключеніе обзора состоянія начального обученія въ нашемъ краѣ нужно замѣтить, что преобладающій характеръ школъ—школы для дѣтей обоего пола; число специально мужскихъ или женскихъ школъ крайне незначительно. За то большую половину всѣхъ школъ составляютъ церковно-приходскія школы, именно 2,591; въ нихъ учится 51,074 душъ обоего пола.

Что касается до школъ, предоставленныхъ исключительно евреямъ, какъ частныхъ, такъ и казенныхъ, то ихъ въ 6 губерніяхъ (кроме Смоленской, гдѣ ихъ нѣтъ) насчитывается 839 съ 16,897 учащихся. Если мы примемъ во вниманіе, что еврейскаго населенія въ краѣ 1,363,000 душъ обоего пола, то увидимъ, что одна школа приходится на 1,612 чел. всего еврейскаго населенія, или на 20 учащихся; эти общія данныя показываютъ, что положенія и образованіе для евреевъ также не блестяще.

Было бы весьма интересно привести данныя о расходахъ по народному образованію, но, къ сожалѣнію, источники наши не заключаютъ этихъ данныхъ.

III.

Поземельная собственность.

Приступая къ изложенію статистическихъ данныхъ о поземельной собственности, мы прежде всего должны указать на то, что въ нашихъ источникахъ, „Памятныхъ книжкахъ“ и губернат. обзорахъ почти вовсе не имѣется по этому вопросу никакихъ свѣдѣній; только въ „Памятной книжкѣ Ковенской губ.“ помѣщены весьма интересныя свѣдѣнія о числѣ сельскихъ обществъ, селеній и участковъ по волостямъ, числѣ душъ по ревизіи и о наличномъ составѣ крестьянскаго населенія, а равно о количествѣ земли и о цѣнахъ на оную по выкупнымъ и лотраціоннымъ актамъ и въ настоящее время за 1886 г. ,

¹⁾ Въ числѣ городскихъ школъ въ данныхъ Центр. статистич. ком. поставлены и городскія еврейскія, вотъ почему цифры городскихъ школъ за 1872 г. (673) больше нашей 283 (наши цифры безъ еврейскихъ школъ).

да въ „Памятной книжкѣ Минской губерніи“ сдѣланы выдержки изъ изданій Центрального статистическаго комитета. Конечно, нельзя не пожалѣть объ этомъ важномъ недостаткѣ изданій нашихъ статистическихъ комитетовъ. Въ виду этого мы воспользовались данными о поземельной собственности, изданными Центральнымъ статистическимъ комитетомъ.

Чтобы уяснить себѣ сущность сельско-хозяйственныхъ условій Северо-Западнаго края, рассмотримъ прежде всего общее распредѣленіе поземельной собственности по угодьямъ.

По даннымъ Центрального статистическаго комитета, вся площадь семи губерній Северо-Западнаго края представляетъ 29,797,963 десятины; число это нѣсколько меньше вычисленнаго Стрѣльбицкимъ, именно на 3,385,474, 5 дес., что составить почти 10,2% недочета; недочетъ падаетъ на рѣки, озера, дороги и проч. пространства; недочетъ произошелъ также, вѣроятно, и отъ неточности данныхъ комитета.

Означенное число десятинъ распредѣляется по угодьямъ слѣдующимъ образомъ: площадь пахатной земли составляетъ 30,8% (9,165,989 дес.), лѣсной площади 33,2% (9,994,441 дес.), подъ лугами 19,5% и, наконецъ, остальные 16,5% составляютъ земли неудобныя ¹⁾. Само собою разумѣется, что при далеко не одинаковыхъ условіяхъ, въ которыя поставлены различныя мѣстности Северо-Западнаго края, распредѣленіе земель по угодьямъ значительно измѣняется; тѣмъ плотнѣе населеніе какой либо мѣстности, тѣмъ относительное количество пахатныхъ земель больше, такъ какъ населеніе края преимущественно земледѣльческое, кроме того нужно брать во вниманіе природныя условія мѣстности, насколько онѣ благопріятствуютъ разработкѣ пахатныхъ полей. Въ самомъ дѣлѣ, въ трехъ болѣе плотно населенныхъ губерніяхъ мы замѣчаемъ и относительно преобладающее количество пахатныхъ земель надъ остальными; такъ, наиболѣе пахатныхъ земель въ Виленской губ., гдѣ приходится 40,2%, въ Гродненской 39,6% и въ Ковенской 36,2%, а во всѣхъ трехъ губерніяхъ въ среднемъ 38,6%. Такимъ образомъ, эти губерніи представляются наиболѣе обработанными; причина эта заключается какъ въ плотности ихъ населенія, такъ и въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ устройства поверхности; притомъ всѣ три губерніи сравнительно съ остальными лежатъ выше надъ уровнемъ моря и заключаютъ въ себѣ гораздо меньше озеръ, болотъ и проч. неудобной земли. Въ остальныхъ четырехъ губерніяхъ условія для хлѣбопашества менѣе удобны и притомъ онѣ менѣе населены, вслѣдствіе чего и относительное количество пахатныхъ земель значительно менѣе; въ Минской г. прихо-

¹⁾ „Статистическій Временникъ Россійской Имперіи“. Серия III, вып. IV, С.-Петербургъ. 1884.

дится 24,2% пашни, въ Витебской 27,2%, въ Могилевской 28,7 и въ Смоленской (болѣе друхъ возвышенной) 29,3; въ среднемъ для четырехъ губерній составятъ 26,8% пахатной земли общаго пространства.

Сообразно съ мѣстными условіями и съ количествомъ пахатной земли измѣняется и относительная площадь лѣсовъ, луговъ, выгоновъ и неудобной земли. Въ трехъ губерніяхъ: Гродненской, Ковенской и Виленской лѣса занимаютъ 25,4%, тогда какъ въ остальныхъ губерніяхъ 37,6%; разница весьма значительная. Въ Минской губ. лѣса занимаютъ 38,3% всей площади; въ ней же находится наибольшее количество неудобной земли, именно 23% (1,735,325) дес.

Приведенныя данныя по губерніямъ о раздѣленіи поземельной собственности далеко не точно характеризуютъ поверхность Сѣверо-Западнаго края мы уже имѣли случаи указать, что административные районы, на которые раздѣленъ край, вовсе не соответствуютъ природнымъ условіямъ его географическаго положенія. Это несоотвѣтствіе отражается и на распредѣленіи поземельной собственности. Такъ, напр., въ Минской губ. болѣе возвышенные уѣзды—Новогрудскій, Слуцкій и Минскій заключаютъ отъ 37,6% до 47,1% пахатной земли, тогда какъ въ среднемъ для всей губерніи едва приходится 24,2%, такъ какъ Пинскій уѣздъ заключаетъ 16,4% пашни; еще большую разницу замѣчаемъ въ Смоленской губ.: Вѣльскій уѣздъ ея содержитъ 11,1% пашни, между тѣмъ какъ Сычевскій 44,4%; разница въ томъ и другомъ случаѣ настолько значительная, что нѣтъ возможности разсматривать каждую губернію, какъ одно цѣлое, но нужно въ этомъ случаѣ прибѣгнуть къ раздѣленію на указанные нами районы, болѣе соотвѣтствующіе дѣйствительному положенію мѣстности.

Дѣйствительно, обращаясь къ даннымъ, согласно указанному нами раздѣленію Сѣверо-Западнаго края на мѣстности, мы замѣчаемъ, что количество пахатной земли постепенно уменьшается съ переходомъ отъ болѣе плотно населенныхъ мѣстностей (и въ то же время болѣе возвышенныхъ, а слѣдовательно и болѣе удобныхъ къ хлѣбопашеству) къ менѣе плотно населеннымъ. Такъ, на западѣ густо населенная литовская типическая мѣстность заключаетъ въ себѣ весьма значительный процентъ пахатныхъ земель—39,9%, относительное количество пахатныхъ земель съ переходомъ къ мѣстности Пинско-Березинскаго Подлѣсья постепенно уменьшается и въ послѣдней мѣстности оно едва составляетъ 19,7% общаго количества земли. Разность эта весьма значительна, но она происходитъ не вдругъ, а постепенно; переходъ этотъ явно отражается на *переходныхъ* мѣстностяхъ отъ литовской типической къ Пинско-Березинскому Подлѣсью; такъ, въ переходной Бѣловѣжской мѣстности пахатныя земли занимаютъ 31% (429,884 дес.), а въ Минской (Слуцкій, Новогрудскій и Минскій уѣзды) 41,6% (628,857

дес.); отсюда видно, что эти три уѣзда Минской губ. ближе подходятъ къ собственно литовской мѣстности, нежели Бѣловѣжская. Обширныя болота, лѣса, множество рѣкъ и проч. и къ тому же еще мало плодородная почва, характеризующіе остальную часть Минской губ., представляютъ весьма мало удобствъ для земледѣлія, такъ что въ Пинско-Березинскомъ Подлѣсьи количество пахатныхъ земель составляетъ 19,7%; при этомъ наименьшій процентъ падаетъ на Пинскій уѣздъ—16,4% и на Мозырскій 16,9%. Къ востоку отъ этой мѣстности, во всей Могилевской губ., части Смоленской (уѣзды Смоленскій, Краснинскій, Рославльскій, Ельнинскій, Дорогобужскій и Духовицкскій) и къ сѣверо-востоку въ части Витебской (уѣзды Лепельскій, Невельскій, Городокскій, Полодскій, Себежскій и Витебскій) поверхность снова повышается и плотность населенія увеличивается (въ Пинско-Березинскомъ Подлѣсьи 761 чел. на 1 кв. милью, а въ Бѣлорусскомъ 1,500 чел.), а потому и относительное количество пахатныхъ земель увеличивается до 29,4% (2,871,381 дес.), а на самой восточной окраинѣ Сѣверо-Западнаго края, въ *Вяземской* мѣстности, оно достигаетъ 41,5%, что составляетъ уже переходъ къ московской центральной области.

Сѣверныя части находятся далеко не въ лучшихъ условіяхъ; напротивъ, условія для земледѣлія тамъ настолько хуже, что въ мѣстности, названной нами Подлѣсьемъ верховьевъ Западной Двины, пахатныя земли едва достигаютъ 14,7%, а въ Инфлянтской—20,7%.

Считаемъ не лишнимъ привести всѣ эти данныя въ сводной таблицѣ:

Мѣстности.	Общее количество земли.	Пахатной.	Проценти. отношенія.
Литовская типическ.	8.545,455 дес.	3.408,279 дес.	39,9%
Бѣловѣжская	1.338,257 "	422,884 "	29,9%
Пинско-Берез. Подлѣс.	6.025,342 "	1.189,755 "	19,7%
Минская	1.511,123 "	628,857 "	41,6%
Бѣлорусск. Пол.	8.044,419 "	2.374,381 "	29,5%
Пол. верх. Зап. Двин.	1.650,170 "	242,515 "	14,7%
Инфлянтская	1.432,371 "	396,621 "	20,7%
Вяземская	1.199,825 "	494,197 "	41,5%

Площадь лѣсовъ, луговъ и выгоновъ, а также и неудобной земли находится въ полной зависимости отъ относительнаго количества площади пахатныхъ земель. Такъ, въ Литовской типической мѣстности, съ преобладающимъ количествомъ пахатной земли, лѣсная площадь занимаетъ 24,5%, а луга и выгоны тоже 24,5%, остальные же около 11% составляетъ неудобная земля. Въ переходной Бѣловѣжской мѣстности лѣса занимаютъ 29% (415,548 дес.), въ Минской 25,6% (382,694 дес.), а въ Пинско-Березинскомъ Подлѣсьи 41,6% (25,041,988 д.). Однако по относительному количеству лѣсной площади эта мѣстность должна считаться на 2-мъ мѣстѣ: первая въ этомъ отношеніи—Подлѣсье верховьевъ Западной Двины, гдѣ при-

ходится 51% лѣсной площади (842,573 дес.). Менѣ всего лѣсу, конечно, въ западныхъ окраинахъ и восточныхъ: въ Литовской типической мѣстности—24,5% и въ Вяземской 24%¹⁾.

Остальное пространство поземельной собственности состоитъ изъ луговъ, выгоновъ и неудобной земли. Какъ мы уже замѣтили, площадь луговъ въ общемъ занимаетъ 19,5% всей поверхности Сѣверо-Западнаго края, а неудобная земля 16,5%; въ частности колебанія по мѣстностямъ бываютъ весьма значительны; такъ, въ типической Литовской мѣстности луга занимаютъ 24,5%, а неудобная земля лишь около 11%, тогда какъ въ Пинско-Березинскомъ Полѣсьи луговъ 12%, а неудобной земли 26,5%, менѣ всего неудобной земли въ Минской мѣстности, 5,8% ея пространства.

Обратимся теперь къ даннымъ, указывающимъ распределение поземельной собственности между различными группами населенія.

Отличительною чертою Сѣверо-Западнаго края является крупное землевладѣнїе. Частнымъ личнымъ собственникамъ принадлежитъ въ краѣ 53,2% всей поземельной собственности; остальное пространство распределяется между крестьянами, которымъ принадлежитъ 10.623,172 десятины, или около 37,3% казною (немного менѣ 8%), церкви принадлежатъ 0,66% всей земли (въ томъ числѣ церквамъ 173,148 десятины или монастырямъ 17,552 дес.); остальные земли, въ количествѣ около 0,84%, принадлежатъ городамъ, различнымъ обществамъ и проч.

Разсматривая данныя о частной поземельной собственности въ частности по губерніямъ, можно замѣтить, что и тутъ преимущество находится на сторонѣ западныхъ губерній, Виленской, Гродненской и Ковенской; въ первой изъ нихъ частная собственность составляетъ 46,9%, во второй 40%, а въ послѣдней 48,6%, а въ общемъ по тремъ губерніямъ 45% (4.332,000 дес.) всей земли. Въ то же время относительное количество крестьянскихъ земель увеличивается до 45%, т. е. гораздо выше указанной нами средней нормы для всего края. Въ остальныхъ четырехъ губерніяхъ вла-

1) Приводить данныя о количествѣ лѣсовъ по мѣстностямъ:

Мѣстности.	Количество лѣсовъ площ.	% къ общ. чис- лу дес. мѣстн.
Литовская типическая . . .	2.107,824 д.	24,5%
Пинско-Берез. Полѣсье . . .	2.504,988 "	41,6%
Бѣлорусская	415,548 "	29,9%
Минская	382,694 "	25,6%
Бѣлорусское Полѣсье . . .	2.980,839 "	37,9%
Полѣс. верх. Зап. Дв. . . .	842,573 "	51,9%
Инфляндская	472,922 "	33,9%
Вяземская	287,052 "	24,9%

дѣльческая собственность является преобладающею: въ Минской губ. она составляетъ 60,7% всей земли, въ Могилевской губ. 57%, въ Витебской губ. 55% и въ Смоленской губ. 53,9%, что въ среднемъ составляетъ 57%. Такимъ образомъ, мы замѣчаемъ большое различіе относительнаго количества земель въ частной собственности между первую группою губерній и второю: въ частности же въ первой группѣ резко выделяется Гродненская губ., гдѣ эти земли составляютъ 40% и Ковенская губ. (48,6%); разница эта происходитъ, повидимому, отъ того, что въ Гродненской губ. весьма значительны процентъ казенной земли (до 480 тыс. дес.), именно 16%, чего не замѣчается ни въ какой другой губ. Сѣверо-Западнаго края; въ ней же наибольший процентъ (2%) земель въ собственности церкви, кампаний (въслѣдствіе развитія фабрично-заводской промышленности) и другихъ учреждений. Въ остальныхъ четырехъ губерніяхъ частная поземельная собственность распределяется съ менѣ замѣтной разницей; она является сильно преобладающею въ Минской губ. (60,7) и менѣ преобладающею въ Смоленской (53,9%). Однако, распределение ея по уѣздамъ въ первой изъ нихъ значительно видоизмѣняется; такъ, въ Игуменскомъ уѣздѣ количество частной поземельной собственности восходитъ до 73,3%, а наименьшее въ Борисовскомъ нисходитъ до 52,9%; разница, какъ мы видимъ, настолько значительная, что средняя цифра не можетъ служить достаточно вѣрнымъ отраженіемъ действительнаго распределения собственности. Тоже мы замѣчаемъ и относительно другихъ губерній: въ Оршанскомъ уѣздѣ, Могилевской губ., 64,5% находится въ частномъ владѣнїи, а въ Горецкомъ всего лишь 43,3%, въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Смоленской губ., 71,9%, а въ Сычевскомъ лишь 35,1% и т. д. Раздѣленіе по принятымъ нами мѣстностямъ въ данномъ случаѣ не можетъ установить болѣе или менѣ соответствующей средней цифры, такъ какъ размѣръ частной поземельной собственности во многомъ часто зависитъ отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ. Притомъ не столько важно для страны само количество частной поземельной собственности, какъ размѣръ ея во владѣнїи отдѣльныхъ собственниковъ; важно также, насколько размѣръ частной собственности влїетъ на крестьянское хозяйство, принимая во вниманіе не абсолютное количество крестьянскихъ земель, но размѣръ ихъ на каждый дворъ или душу. Къ этимъ вопросамъ мы еще обратимся.

Разсмотримъ составъ земель, находящихся въ частной собственности. Въ общемъ составѣ владѣльческихъ земель Сѣверо-Западнаго края заключаютъ въ себѣ около 12.420,124 дес. удобной земли, или до 80% всей земли, остальные 20% считаются неудобною. Количество пахатныхъ земель весьма незначительно, всего около 18,4% (2,851,498 дес.). За то лѣсная площадь владѣльческихъ земель составляетъ почти половину ихъ зе-

мель, 47,1% или 7.320,656 дес., что составляет почти 73,5% всѣхъ лѣсовъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Въ частности по губерніямъ данныя эти представляютъ не малую разницу.

Наибольшій процентъ пахатныхъ земель приходится въ трехъ западныхъ губерніяхъ Гродненской, Ковенской и Виленской, въ общемъ 34,1% (1.304,349 дес.); изъ нихъ ниже общей нормы въ Ковенской губ. 29,6%, въ Гродненской губ. пахатныхъ земель наиболѣе, именно 38,7%. Въ группѣ остальныхъ четырехъ губерній процентъ пахатныхъ владѣльческихъ земель крайне незначителенъ, въ среднемъ не превышаетъ 18%. Въ частности изъ губерній въ наименѣе благоприятныхъ, въ этомъ отношеніи, условіяхъ находится Смоленская, въ которой пахатныя владѣльческія земли занимаютъ 12,5% всего пространства владѣльческихъ земель; Витебская и Могилевская губерніи находятся въ этомъ отношеніи почти при одинаковыхъ условіяхъ: въ первой изъ нихъ изъ владѣльческихъ земель пахатныя составляютъ 17,5%, а во второй 17,8%; въ Минской этотъ процентъ повышается до 22,1%; последнее обстоятельство зависитъ отъ того, что часть ея, какъ мы уже указали, находится совершенно при другихъ условіяхъ, чѣмъ остальные уѣзды; въ этихъ уѣздахъ процентъ пахатной земли почти вдвое выше остальныхъ уѣздовъ; такъ, въ Минскомъ уѣздѣ онъ равняется 41,6% (63,537 дес.), а въ Новогрудскомъ 35,8%, между тѣмъ какъ въ Рѣчицкомъ лишь 15,9%.

Площадь лѣсовъ и луговъ соответствуетъ большому или меньшему количеству площади пахатныхъ земель. Площадь лѣсовъ на владѣльческихъ земляхъ въ Могилевской, Смоленской и Витебской губ. почти одинакова, именно: въ первой она занимаетъ 68,4% (1228 тысячъ дес.), во второй 67,8% (540,548 дес.) и въ послѣдней 67,4% (1,000 тыс. дес.). Въ остальныхъ четырехъ губ. лѣсная площадь занимаетъ 42,4%. Такимъ образомъ, въ среднемъ для всего Сѣверо-Западнаго края владѣльческая лѣсная площадь занимаетъ 47,1%, или 7.320,656 дес. Луга же занимаютъ почти 9%.

Обратимся теперь къ распредѣленію частной поземельной собственности между владѣльцами. Вообще всѣхъ частныхъ владѣльцевъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ считается 64,709; они владѣютъ, какъ мы уже указали, 15.182,336 дес. земли, такъ что средній размѣръ имѣній равенъ около 234 дес. земли. Размѣръ этотъ довольно значителенъ и по своей величинѣ онъ превосходитъ Московскую и центральную земледѣльческую области, такъ какъ въ первой на одного владѣльца приходится 86 дес., а во второй 123. По губерніямъ средній размѣръ собственности распространяется далеко не одинаково. Такъ, наименѣйшій средній размѣръ ея въ 95 дес. въ Гродненской губ., тогда какъ наибольшій въ Минской достигаетъ 470 дес. на одного владѣльца¹⁾. Большой интересъ имѣетъ распредѣленіе

¹⁾ Въ остальныхъ губ.: въ Виленской 181 дес., въ Ковенской 202, въ Витебской 336, въ Могилевской 204 и въ Смоленской 170 десятинъ. (Стат. позем. собств. нас. м. Ц. Ст. К. V).

собственности по размѣрамъ владѣній на крупную, среднюю и мелкую собственность. Если сочтемъ владѣльцевъ, имѣющихъ собственность, менѣе 100 дес. за мелкихъ собственниковъ, имѣющихъ же не болѣе 1,000 дес. за среднихъ и, наконецъ, имѣющихъ болѣе тысячи за крупныхъ землевладѣльцевъ, то окажется, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ: мелкихъ собственниковъ 55,531, которымъ принадлежитъ 1,118 тыс. дес. земли, что на каждого владѣльца составитъ менѣе 20 дес., среднихъ 10,534, которымъ принадлежитъ 3,557 тыс. дес., что на каждого человѣка составляетъ по 337 дес., и, наконецъ, крупныхъ владѣльцевъ 2,644; имъ принадлежитъ 10,457,000 дес., т. е. почти $\frac{2}{3}$ всей земли, принадлежащей частнымъ владѣльцамъ, болѣе $\frac{1}{3}$ всей земли въ краѣ; крупные собственники, въ числѣ 2644 лицъ, владѣютъ почти такимъ количествомъ земли, какъ почти 7 миллионновъ человѣкъ крестьянъ, которые имѣютъ всего лишь 10,623 тыс. дес., т. е. всего на 200 тыс. дес. болѣе крупныхъ помѣщиковъ; на каждого такого владѣльца приходится почти 4000 десятинъ. Интересно рассмотреть данныя, указывающія процентное отношеніе числа поземельныхъ собственниковъ мелкихъ, крупныхъ и среднихъ къ общему ихъ числу, а также процентное отношеніе занимаемыхъ ими земель. Для краткости приведемъ слѣдующую таблицу:

Губерніи.	% собственниковъ.			% собственности.		
	Мелкихъ.	Средн.	Крупн.	Мелкой.	Средней.	Крупной.
Виленская	78	18	3	12	32	55
Ковенская	74	23	3	12	36	52
Гродненская	91	7	2	10	29	61
Минская	79	14	7	3	11	86
Витебская	72	21	7	5	22	73
Могилевская	84	11	5	7	20	73
Смоленская	79	18	3	9	35	56

Тѣ же данныя гораздо опредѣлительнѣе выражаютъ характеръ землевладѣнія, если мы сгруппируемъ ихъ по принятымъ нами мѣстностямъ:

Мѣстности.	% собственниковъ.			% собственности.		
	Мелк.	Средн.	Крупн.	Мелк.	Средн.	Крупн.
Литовская	83	15	2	12	34	54
Вѣловѣжская	79	17	4	6	26	68
Вѣжурское Поле	80	15	5	8	28	64
Пинско-Берез. Пол.	80	13	7	2	8	90
Минская мѣстн.	76	19	5	7	22	71
Няфлянтская	66	24	10	3	14	83
Вяземская мѣстн.	86	12	2	7	33	59
Пол. верх. Зап. Двин.	76	18	6	8	27	66

Изъ этой таблички ясно видно, что преобладающій характеръ землевладѣнія—крупная поземельная собственность; процентъ мелкой и даже

средней собственности вообще крайне незначительны; он повышается только в Литовской типической местности вследствие развития в ней именной мелкопоместной шляхты.

Рассмотрим теперь условия крестьянского землеустройства.

Крестьянскому сословию Северо-Западного края принадлежит около $\frac{1}{3}$ всей земли, именно 10.623,000 десят. В частности по губерниям крестьянская собственность является преобладающею в западных губерниях: Виленской, Ковенской и Гродненской, где процентное отношение ее выше среднего для всего края, именно: в первой крестьянские земли занимают около 41%, во второй около 45% и в последней до 42%. Почти в таком же отношении находится и Смоленская губерния, в которой крестьянские земли составляют 43%. Процент крестьянских земель в рассмотренных нами губерниях, как мы видим, не велик, если принять во внимание численность крестьянского сословия. Однако же, в остальных трех губерниях относительная численность крестьянских земель еще незначительнее; из них в Минской она не превышает до 26%, в Витебской 37%, в Могилевской 39%.

Если рассматривать те же данные по местностям, то замечаем значительную разницу в распределении крестьянских земель: в типической литовской местности крестьянские земли составляют 44% всей земли; число это постепенно понижается в Пинско-Березинскому Полысью, где, как мы видели, особенно развито крупное землеустройство; так в Бѣловѣжской местности крестьянские земли составляют 37%, в Минской 36%, а в Пинско-Березинском Полысьи едва достигают 26%. Къ востоку отъ послѣдняго замечаем снова увеличение крестьянских надѣльных земель — в Бѣлорусскомъ Полысьи онѣ составляютъ 40%, а на восточной окраинѣ, въ Вяземской мѣстности, достигаютъ наибольшей относительной величины 55%. Въ мѣстности Полысья верховьевъ Западной Двины 36% и въ Инфляндской мѣстности 37%.

Что касается до состава земель, принадлежащихъ крестьянамъ, то пахатныя земли составляютъ преобладающую часть крестьянскихъ владѣний. Имъ принадлежатъ до 6.195,536 десятинъ пахатныхъ земель, что составляетъ 58,3% всей земли, обладаемой ими, или 21,8% всѣхъ земель Северо-Западнаго края, или ок. 68% всей пахатной земли. Такимъ образомъ, оказывается, что крестьяне, обладая лишь 37,3% всей поземельной собственности, одной пахатной земли имѣютъ 21,8% всего пространства, или 68% всей пахатной земли, и слѣдовательно, процентъ разработанной крестьянской земли несравненно выше помѣщичьей. За то несомнѣнно долженъ быть чувствителенъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ недостатокъ лѣсовъ, выгоновъ и луговъ. Въ этомъ отношеніи луга занимаютъ второе по пространству мѣсто среди крестьянскихъ владѣній, именно около 2.155,000

дес., или 20,4% всѣхъ крестьянскихъ земель. Лѣса и выгоны занимаютъ почти одинаковую площадь, именно по 8% (лѣса около 874 тыс. дес., выгоны около 857 тыс. дес.), остальное пространство поземельной собственности признается неудобной.

Такимъ образомъ, количество луговъ въ сравненіи съ остальной собственностью можно признать достаточнымъ, но лѣса рѣшительно мало; при этомъ крестьянские лѣса большею частью дровяные, строевой лѣсъ у нихъ чрезвычайная рѣдкость.

Чтобы лучше выяснить отношеніе различныхъ составныхъ частей крестьянской поземельной собственности, съ раздѣленіемъ ее на губернии и мѣстности, представимъ процентное отношеніе различныхъ угодій въ сводной таблицѣ:

% отношеніе къ общему числу крестьянскихъ земель:

Губернія:	% пахат. земли.	% луговъ.	% выгоновъ.	% лѣсовъ.
Витебская	57	22	7	8
Смоленская	58	22	3	12
Могилевская	58	18	5	14
Минская	57	19	9	10
Гродненская	65	16	12	2
Виленская	66	18	9	2
Ковенская	61	27	12	2
Въ среднемъ	58%	20%	8%	8%

Группируя те же данные по принятому нами раздѣленію на мѣстности, получимъ слѣдующіе выводы:

% отношеніе къ общему числу крестьянскихъ земель:

Мѣстности.	% пахат. земл.	% луговъ.	% выгоновъ.	% лѣсовъ.
Литовская типическая	60	20	13	2
Пинско-Берез. Пол.	58	21	10	14
Бѣловѣжская	59	23	13	1
Минская	69	16	10	3
Бѣлорусское Полысье	58	16	4	11
Пол. верх. Зап. Двины	39	23	3	23
Инфлянтская	58	25	11	2
Вяземская	56	22	4	5

Данные эти могутъ нѣсколько уяснить, насколько природныя условія благоприятствуютъ разработкѣ пахатныхъ земель: процентъ ихъ въ Полысьи верховьевъ Западной Двины, вследствие крайне неблагоприятныхъ условий мѣстности, незначителенъ, тогда какъ въ Литовской типической мѣстности

онъ довольно высокъ. Кромѣ первыхъ изъ этихъ мѣстностей въ остальныхъ пахатныхъ земли составляютъ большую половину крестьянскихъ земель. Относительное количество луговой площади въ общемъ должно быть достаточно, но лѣсная площадь занимаетъ весьма малое пространство и въ Вѣловѣжской мѣстности нисходитъ до 1%.

Чтобы уяснить окончательно характеръ крестьянскаго землевладѣнія въ нашемъ краѣ, обратимся къ даннымъ о пользованіи землей каждой единицы крестьянскаго сословія.

Крестьянское сословіе по своей численности составляетъ значительную часть населенія Сѣверо-Западнаго края, именно до 2,901 тыс. человѣкъ. Оно составляетъ 13,012 сельскихъ обществъ, обнимающихъ 69,977 селеній, такъ что каждое крестьянское общество, заключающа въ среднемъ болѣе 5 селеній, состоитъ почти изъ 530-ти душъ обоюго пола и владѣть 816,4 дес. земли, которая по угодіямъ распределяется слѣд. образ.: пахатной земли 476,1 дес., луговъ 166 дес., выгоновъ 66 дес., лѣсной площади почти столько же—67 дес.; остальная земля признается неудобной.

Число обществъ и среднее количество составляющихъ его душъ выражается по губерніямъ въ слѣдующихъ данныхъ:

Губерніи.	Число крест. обществъ.	Населеніе об. пола.
Витебская	1020	867
Смоленская	4134	266
Могилевская	1934	518
Минская	1647	679
Гродненская	2319	380
Виленская	984	887
Ковенская	983	1025

Особенно интересно прослѣдить, какъ распространены различныя составныя части поземельной собственности по обществамъ. Обращаясь къ этого рода даннымъ можно представить распредѣленіе угодій на крестьянскія земли въ слѣдующемъ видѣ:

Одному крестьянскому обществу (наличный составъ см. выше) принадлежатъ:

Количество земли въ десятинахъ:

	Пахатн.	Луговъ.	Выгоновъ	Лѣсн. площади.
Витебской	743	284	97	102
Смоленской	241	99	14	55
Могилевской	457	130	37	104
Минской	678	221	111	117
Гродненской	361	90	69	10
Ковенской	577	409	177	34
Виленской	897	240	134	21

Таблица эта показываетъ, что земельныя угодія въ различныхъ частяхъ края раздѣлены совершенно не равномерно; такъ въ Виленской губ., при 897 дес. пахатной земли, находящейся во владѣніи каждого крестьянскаго общества, луговой площади находится всего 240 дес., а лѣсной лишь 21, тогда какъ въ Витебской, при 743 дес. пахатной земли считается 284 дес. луга и 102 дес. лѣсу; между тѣмъ, средняя цифра населенія каждого виленскаго общества (887 человѣкъ) даже болѣе витебскаго (867 челов.) и т. д.

Вообще, при довольно равномерномъ распредѣленіи относительнаго количества пахатныхъ земель, распредѣленіе остальныхъ угодій крайне неравномерно и должно весьма неблагоприятно отзываться на благосостояніи крестьянскаго хозяйства.

Нужно замѣтить, что этотъ недостатокъ, если разсматривать его по принятымъ нами мѣстностямъ, оказывается еще чувствительнѣе. Такъ, хотя каждое общество Минской губ., состоящее, какъ мы указали, изъ 679 человѣкъ, при 1112 дес. всей земли, владѣть въ общемъ 117 дес. лѣсу, но въ одной части ея, въ Пинско-Березинскомъ Полѣсьи, каждое крестьянское общество изъ 523 человѣкъ, при 1062 дес. всей земли, владѣть 145,4 лѣсу, а въ другой Минской мѣстности, при 1235 дес. земли, которыми владѣть каждое крестьянское общество изъ 966 человѣкъ, состоитъ подъ лѣсомъ всего 34,9 дес. Данныя этого рода весьма интересны; мы приведемъ, для краткости, сводную ихъ таблицу:

Каждое крестьянское общество владѣть десятинами:

Мѣстности.	Число крест. обществъ.	Число душъ об. пола на 1 крест. общ.	Всей земли.	Луговъ.	Выгоновъ	Лѣса.
Литовская типическая	3527	684	1017	209	136	23
Вѣловѣжская	759	436	652	139	89	7,5
Пинско-Берез. Полѣсье	1221	523	1062	222,8	104	145,4
Минская	426	966	1235	206	131	34,3
Бѣлорусское Пол.	435	600	638	124	30,1	82
Пол. верхов. Зап. Дв.	1025	252	492	26,6	15,6	114
Инфлянская	309	1194	1629	431	183,6	50
Вяземская	1319	317	485	109	17,4	24

Сравненія приведенныхъ нами данныхъ о количествѣ десятины съ количествомъ ихъ владѣльцевъ уже показываютъ, что земли далеко, въ общемъ, недостаточно для населенія; недостатокъ этотъ является еще рѣзче, если мы разсмотримъ данныя о количествѣ крестьянской поземельной собственности по отношенію къ каждому отдѣльному представителю сословія.

Изъ этихъ данныхъ оказывается, что на одну душу обоюго пола приходится всей земли 1,54 дес., а пахатной лишь 0,89 дес. Такимъ образомъ

надѣль на каждую душу обоого пола, въ общемъ, весьма незначительна; но въ нѣкоторыхъ частяхъ разсматриваемаго нами краѣ онъ еще менѣе. Болѣе значительнымъ онъ оказывается въ губернныхъ менѣе плотно-населенныхъ, и наоборотъ.

Вотъ данныя о количествѣ всей и пахатной земли на каждую душу обоого пола наличнаго населенія:

Число десятинъ на душу обоого пола:		
	всей	пахатной.
Минская	1,73	1,06
Смоленская	1,73	0,90
Виленская	1,54	0,97
Могилевская	1,51	0,88
Гродненская	1,45	0,94
Ковенская	1,44	0,74
Витебская	1,29	0,75

IV.

Сельское хозяйство.

Разсмотрѣвши условія земледѣлія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, небыстрѣе будетъ взглянуть, какъ отзывается на странѣ выше ослѣдованное распредѣленіе поземельной собственности.

Земледѣліе является почти единственною отраслью сельскаго хозяйства. Хотя по количеству луговъ и выгоновъ край занимаетъ довольно удобное положеніе, но скотоводство крайне не развито и едва ли удовлетворяетъ нуждамъ мѣстнаго населенія. Такъ, напримѣръ, въ Минской губерніи въ 1886 году числилось всего рогатаго скота 646,169 штукъ, лошадей 246,131, простыя оведъ 462,169 штукъ и т. д.; конечно, такое количество скота для болѣе чѣмъ полуторамилліоннаго населенія губерніи весьма незначительно и, пожалуй, не удовлетворяетъ мѣстнымъ нуждамъ, если принять во вниманіе, что скотъ, особенно рогатый, весьма плохихъ породъ.

Съ другой стороны, и фабричная промышленность, кромѣ Гродненской губерніи, незначительна, сосредоточивается почти исключительно въ центральныхъ городахъ, а потому сельскій людъ и тутъ не можетъ найти себѣ заработка.

Въ виду этого, земледѣліе представляется не только важнѣйшею отраслью экономическаго благосостоянія страны, но и единственнымъ источникомъ народнаго богатства.

Приступая къ изложенію состоянія нашего земледѣлія, мы ограничимся только изложеніемъ результатовъ сельскаго хозяйства за прошлый годъ, съ указаніемъ, насколько результаты эти удовлетворяютъ нуждамъ населенія.

Прошлый 1887 годъ былъ болѣе счастливымъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи: согласно даннымъ, опубликованнымъ Центральнымъ статистическимъ комитетомъ, урожай этого года повсемѣстно почти въ Россіи далъ блестящій результатъ; такъ, рожь дала средній урожай самъ — 5,2, озимая пшеница 7,5, яровая пшеница 5,0, ячмень 5,6, овесъ 4, гречиха 2,9 и картофель 4,8. Урожайный годъ отразился благоприятно и въ нашемъ краѣ: рожь дала наивысшій урожай, въ среднемъ, самъ — 5,8, озимая пшеница — 5,6, яровая пшеница — 5,1, ячмень — 4,4 и наименьшій урожай дала овесъ — самъ 3,6, а картофель почти самъ — 5,4. Такія высокія цифры средняго урожая, при малоплодородной почвѣ, составляютъ явленіе исключительное, такъ какъ средній обыкновенный урожай рѣдко въ общемъ превосходитъ самъ 3.

Вообще, въ семи губернныхъ было собрано ржи озимой и яровой 12 008,727 четвертей, пшеницы 669,709 четвертей, овса 8,342,800 четвертей, ячменя 2,917,402 четверти и картофеля 19,849,660 четвертей. Большая часть сбора приходится на земли, принадлежащія крестьянамъ, такъ какъ они, какъ мы уже указали, владѣютъ значительною частью всей пахатной земли; крестьяне, почти безъ исключеній, пользуются трехпольною системою обработки земли, тогда какъ у помѣщиковъ, особенно крупныхъ, преобладаетъ четырехпольная система и даже многопольная.

Такъ, на крестьянскихъ земляхъ было собрано:

Озимой и яровой ржи, 8,299,798 четвертей, или 69,1% всего сбора.	
Озимой пшеницы	244,983 " " 54,3% " "
Яровой пшеницы	244,983 " " 78,3% " "
Овса	5,715,200 " " 68,2% " "
Ячменя	1,991,804 " " 68,3% " "
Картофеля	9,367,473 " " 73% " "

При этомъ нужно замѣтить, что въ среднемъ владѣльческія земли даютъ болѣе шій урожай, чѣмъ крестьянскія; это происходитъ потому, что крестьянскія земли менѣе удобряются и притомъ болѣе истощены трехпольною системою. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ, для примѣра, средній урожай ржи на одну десятину крестьянской и владѣльческой земли, по губерннымъ:

Губерніи.	Средній урожай на 1 дес.		Средній посѣвъ на 1 дес.	
	На владѣльч. землѣ	На крестьян. землѣ.	На владѣльч. землѣ	На крестьян. землѣ.
	Четвертей		Мъ ръ.	
Виленская	4,3	3,3	7,0	7,5
Витебская	4,8	4,0	4,8	8,3
Гродненская	4,8	4,2	7,0	6,9

Ковенская	6,6	5,3	8,8	8,6
Минская	4,1	3,8	7,2	7,2
Могилевская	4,2	3,9	8,5	8,5
Смоленская	6,0	5,0	10,1	10,8

Эти данные показывают, что почти при одинаковом среднем посеве на крестьянской и владельческой землѣ, урожай на землѣ послѣднихъ гораздо выше первыхъ, какъ мы видимъ въ Виленской, Гродненской, Минской и Могилевской губ.; или же даже при меншемъ посевѣ на владѣческой землѣ, урожай на ней получается болѣе, чѣмъ на крестьянской, какъ въ губ. Смоленской, Витебской; въ Ковенской губ. посевъ на крестьянской землѣ только на 0, 2 мѣры меньше владѣческой, но зато сборъ у владѣльцевъ болѣе, чѣмъ у крестьянъ на 1, 3 четверти. Тоже самое мы замѣчаемъ и относительно другихъ хлѣбныхъ растений.

Особенно сильно отражается истощенность крестьянской земли на посевѣ пшеницы; такъ, напримѣръ, въ Витебской губерніи средній посевъ озимой пшеницы на крестьянской землѣ равенъ 9 мѣрамъ, на владѣческой 8,1, а между тѣмъ сборъ въ первомъ случаѣ составляетъ лишь 3,8 четвер. съ десятины, а во второмъ 5,6; въ Ковенской губ., при 8,5 мѣрахъ посева, крестьяне получаютъ 6,4 четверти того же зерна, а владѣльцы, при 8,2 мѣрахъ посева, собираютъ 7,2 четверти на десятину; въ Гродненской губерніи крестьяне сѣли 7,2 мѣры озимой пшеницы, а владѣльцы 6,9, но первые получили только 4,8 четверти, а вторые—5,4. Такое же колебаніе замѣтно и относительно другихъ хлѣбныхъ, хотя не столь рѣзко. Такимъ образомъ, совокупность этихъ данныхъ доказываетъ, что качество владѣческой земли несравненно лучше крестьянской; крестьянская земля сравнительно съ владѣческой значительно истощена и для растений, требующихъ хорошей почвы, какъ пшеница, она даетъ, даже при значительномъ урожаѣ прошлаго года, весьма ничтожный результатъ. Отсюда вытекаетъ важное слѣдствіе, что почва крестьянскихъ полей не способна производить дорогого въ торговлѣ растенія—пшеницы, что должно отзываться крайне невыгодно на крестьянскомъ хозяйствѣ, такъ какъ имъ приходится сѣять на своихъ поляхъ менѣе цѣнные растенія; съ другой стороны, вообще, въ случаѣ неурожая, тягость его всецѣло должна отзываться на крестьянахъ, такъ какъ у нихъ земли недостаточно и она малоплодородна.

Вобщемъ, какъ недостатокъ земли, такъ и ея малоплодородность весьма неблагоприятно отзываются на благосостояніи крестьянскаго сословія. Такъ, не смотря даже на то, что прошлый годъ далъ особенно блестящій результатъ, который случается только въ нѣсколько лѣтъ, и послѣ такого года нельзя признать ниолнѣ обезпеченнымъ наше крестьянство отъ недостатка въ хлѣбѣ, отъ того, что оно вмѣсто ржи будетъ потреблять менѣе питательное вещество картофеля и проч. Такъ, на настоящій годъ, не смо-

три на хороший урожай, по расчету, не хватаетъ для продовольствія населенія важнѣйшаго продукта—ржи. Если примемъ на каждую душу населенія въ среднемъ по одной четверти ржи, $\frac{1}{2}$ четверти остальныхъ хлѣбовъ и 2 мѣры картофеля¹⁾ на продовольствіе въ продолженіе года, принявъ при этомъ во вниманіе количество, нужное для обезпеченія на слѣдующій годъ (предполагая размѣръ посева прошлаго года), то окажется, что на этотъ годъ *ржи не хватило* для населенія 441,255 четвертей, или 4,58% количества ржи нужнаго для продовольствія населенія.

Недостатокъ этотъ долженъ пополниться или прикупкою на сторонѣ, или болѣе усиленнымъ употребленіемъ прочихъ хлѣбныхъ продуктовъ и картофеля.

Недостатокъ во ржи распространяется только на пять губер. Сѣверо-Западнаго края, въ слѣдующемъ размѣрѣ (за вычетомъ количества нужнаго на обезпеченіе): въ Могилевской губ. недостаетъ 239,070 четвертей или 19% колич.,

въ Витебской губ.	47,209 четвертей или	19% колич.
„ Виленской „	144,531 „ „	11,1% „
„ Минской „	66,399 „ „	3,9% „
„ Гродненской „	37,285 „ „	2,7% „

Въ остальныхъ двухъ губерніяхъ, Ковенской и Смоленской оказываются излишекъ ржи: въ первой на 84,053 четверти, во второй на 209,186. Кромѣ того здѣсь не принято во вниманіе, что извѣстное количество ржи ежегодно потребляется винокуренными заводами.

Недостатокъ ржи восполняется или прикупкою ея, взамѣн остатка отъ прочихъ продуктовъ сельскаго хозяйства, или же болѣе болѣе потребленіемъ картофеля или другихъ хлѣбовъ; кромѣ того, многіе изъ малоземельныхъ крестьянъ арендуютъ земли у соседнихъ помѣщиковъ.

Что касается сбора остальныхъ хлѣбовъ, то онъ оказывается для настоящаго года благоприятнымъ на столько, что даетъ чистый остатокъ (за вычетомъ на обезпеченіе и продовольствіе по $\frac{1}{2}$ четверти на душу), почти въ 3,845 тыс. четвертей, который по губерніямъ распределяется слѣдующимъ образомъ:

	Чвертей.
Въ Смоленской губерніи остается	1,294,822
„ Ковенской „	795,442
„ Могилевской „	544,353
„ Минской „	505,115
„ Витебской „	409,870
„ Гродненской „	186,940
„ Виленской „	101,047

¹⁾ Такой расчетъ принимается и центральнымъ статистическимъ комитетомъ.

Ковенская	6,6	5,3	8,8	8,6
Минская	4,1	3,8	7,2	7,2
Могилевская	4,2	3,9	8,5	8,5
Смоленская	6,0	5,0	10,1	10,8

Эти данные показывают, что почти при одинаковом среднем посеве на крестьянской и владьческой землѣ урожай на землѣ послѣднихъ гораздо выше первыхъ, какъ мы видимъ въ Виленской, Гродненской, Минской и Могилевской губ.; или же даже при меншемъ посевѣ на владьческой землѣ, урожай на ней получается болѣе, чѣмъ на крестьянской, какъ въ губ. Смоленской, Витебской; въ Ковенской губ. посевъ на крестьянской землѣ только на 0, 2 мѣры меньше владьческой, но за-то сборъ у владьцевъ больше, чѣмъ у крестьянъ на 1, 3 четверти. Тоже самое мы замѣчаемъ и относительно другихъ хлѣбныхъ растеній.

Особенно сильно отражается истощенность крестьянской земли на посевѣ пшеницы; такъ, напримѣръ, въ Витебской губерніи средній посевъ озимой пшеницы на крестьянской землѣ равенъ 9 мѣрамъ, на владьческой 8,1, а между тѣмъ сборъ въ первомъ случаѣ составляетъ лишь 3,8 четвер. съ десятины, а во второмъ 5,6; въ Ковенской губ., при 8,5 мѣрахъ посева, крестьяне получаютъ 6,4 четверти того же зерна, а владьцы, при 8,2 мѣрахъ посева, собираютъ 7,2 четверти на десятину; въ Гродненской губерніи крестьяне сжали 7,2 мѣры озимой пшеницы, а владьцы 6,9, но первые получили только 4,8 четверти, а вторые—5,4. Такое же колебаніе замѣтно и относительно другихъ хлѣбовъ, хотя не столь рѣзко. Такимъ образомъ, совокупность этихъ данныхъ доказываетъ, что качество владьческой земли несравненно лучше крестьянской; крестьянская земля сравнительно съ владьческой значительно истощена и для растеній, требующихъ хорошей почвы, какъ пшеница, она даетъ, даже при значительномъ урожаѣ прошлаго года, весьма ничтожный результатъ. Отсюда вытекаетъ важное слѣдствие, что почва крестьянскихъ полей не способна производить дорогого въ торговлѣ растенія—пшеницы, что должно отзываться крайне невыгодно на крестьянскомъ хозяйствѣ, такъ какъ имъ приходится сѣять на своихъ поляхъ менѣе цѣнные растенія; съ другой стороны, вообще, въ случаѣ неурожая, тяжесть его всецѣло должна отзываться на крестьянахъ, такъ какъ у нихъ земли недостаточно и она малопродуктивна.

Вообще, какъ недостатокъ земли, такъ и ея малопродуктивность весьма неблагоприятно отзываются на благосостояніи крестьянскаго сословія. Такъ, не смотря даже на то, что прошлый годъ далъ особенно блестящій результатъ, который случается только въ нѣсколько лѣтъ, даже и послѣ такого года нельзя признать вполне обезпеченнымъ наше крестьянство отъ недостатка въ хлѣбѣ, отъ того, что оно вмѣсто ржи будетъ потреблять менѣе питательное вещество картофель и проч. Такъ, на настоящій годъ, не смо-

три на хороший урожай, по расчету, не хватаетъ для продовольствія населенія важнѣйшаго продукта—ржи. Если примемъ на каждую душу населенія въ среднемъ по одной четверти ржи, $\frac{1}{2}$ четверти остальныхъ хлѣбовъ и 2 мѣры картофеля¹⁾ на продовольствіе въ продолженіе года, принявъ при этомъ во вниманіе количество, нужное для обмѣненія на слѣдующій годъ (предполагая размѣръ посева прошлаго года), то окажется, что на этотъ годъ *ржи* не *хватало* для населенія 441,255 четвертей, или 4,58% количества ржи нужного для продовольствія населенія.

Недостатокъ этотъ долженъ пополниться или прикупкою на сторонѣ, или болѣе усиленнымъ употребленіемъ прочихъ хлѣбныхъ продуктовъ и картофеля.

Недостатокъ во ржи распространяется только на пять губер. Сѣверо-Западнаго края, въ слѣдующемъ размѣрѣ (за вычетомъ количества пужаго на обмѣненіе): въ Могилевской губ. недостаетъ 239,070 четвертей или 19% колич.,

въ Витебской губ.	47,209	четвертей или	19% колич.
„ Виленской „	144,531	„ „	11,4% „
„ Минской „	66,399	„ „	3,9% „
„ Гродненской	37,285	„ „	2,7% „

Въ остальныхъ двухъ губерніяхъ, Ковенской и Смоленской оказывается излишекъ ржи: въ первой на 84,053 четверти, во второй на 209,186. Кромѣ того здѣсь не принято во вниманіе, что извѣстное количество ржи ежегодно потребляется винокуренными заводами.

Недостатокъ ржи восполняется или прикупкою ея, взаменъ остатка отъ прочихъ продуктовъ сельскаго хозяйства, или же болѣе широкимъ потребленіемъ картофеля или другихъ хлѣбовъ; кромѣ того, многіе изъ малоземельныхъ крестьянъ арендуютъ земли у сосѣднихъ помѣщиковъ.

Что касается сбора остальныхъ хлѣбовъ, то онъ оказывается для настоящаго года благоприятнымъ на столько, что даетъ чистый остатокъ (за вычетомъ на обмѣненіе и продовольствіе по $\frac{1}{2}$ четверти на душу), почти въ 3,845 тыс. четвертей, которыя по губерніямъ распределяются слѣдующимъ образомъ:

	Четвертей.
Въ Смоленской губерніи остается	1,294,822
„ Ковенской „	795,442
„ Могилевской „	544,353
„ Минской „	505,115
„ Витебской „	409,870
„ Гродненской „	186,940
„ Виленской „	101,047

1) Такой расчетъ принимается и центральнымъ статистическимъ комитетомъ.

Почти $\frac{2}{3}$ настоящего остатка приходится на долю крестьянских земель, именно 2.506,977 четвертей; этот остаток, хотя неравномерно, падает на 6 губерний, и только в одной Виленской недостает в общей сложности 4,002 четвертей, в остальных губерниях остаток отъ сбора на крестьянских землях распределяется слѣдующимъ образомъ:

	Остается четвертей.	Чистый остатокъ на одну душу четвертей.
Въ Смоленской	1,050,471	0,95
„ Ковенской	412,258	0,41
„ Могилевской	359,596	0,36
„ Витебской	304,237	0,34
„ Минской	285,052	0,27
„ Гродненской	95,993	0,11

Въ среднемъ остатокъ для всего края составитъ 0,36 четверти на душу.

Теперь обратимся еще къ весьма важному продукту нашего сельского хозяйства—картофелю. Урожай прошлаго года составляетъ 12.849,660 четвертей. Если положимъ на годовое продовольствіе на 1 душу по двѣ мѣры его, то получится, за вычетомъ посѣва, чистый остатокъ въ 7.368,631 четверть, что въ общемъ дастъ на одну душу 0,77 четвертей.

Кромѣ продовольствія населенія, извѣстная часть хлѣба и картофеля уходитъ на винокуренные заводы; такъ, въ Минской губ. они потребляютъ ежегодно до 811 тысячъ четвертей озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ и 656,749 четвертей картофеля, въ Гродненской 290,484 четверти озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ и 712,679 четвертей картофеля¹⁾.

Изъ обзора данныхъ о состояніи урожая за прошлый годъ, мы видимъ, что, не смотря на то, что почти всѣ силы страны устремлены на добываніе сельскохозяйственныхъ продуктовъ, ихъ все-таки добывается недостаточно, даже для мѣстнаго населенія, хотя прошлогодній урожай былъ изъ наиболѣе выдающихся. Въ виду этого и центральный статистическій комитетъ призналъ половину Сѣверо-Западнаго края не обеспеченнымъ на настоящій годъ въ продовольственномъ отношеніи: изъ 66 уѣздовъ, составляющихъ край, 32 признаны имъ не обеспеченными, а именно: въ Витебской губ. 10 (всѣхъ уѣздовъ 12), въ Минской губ. 7 (всѣхъ 11), въ Виленской губ. 5 (всѣхъ 7), въ Гродненской губ. 3 (всѣхъ 11), въ Смоленской губ. 3 (всѣхъ 11), въ Ковенской губ. 2 (всѣхъ 7) и въ Могилевской губ. 2 (всѣхъ 9).

¹⁾ Къ сожалѣнію, мы не рѣшаемся привести данныя о количествѣ выкупишаго матерьяла на заводахъ другихъ губерній, такъ какъ мы не считаемъ имѣющимся у насъ данныя вполне достоверными.

левской губ. 2 (всѣхъ 9). Такимъ образомъ, нѣтъ губернія, которая могла бы вполне прокормить себя даже въ самый урожайный годъ. Недостатокъ въ хлѣбѣ больше всего, конечно, отзывается на земледѣльческомъ состояніи, т. е. на крестьянахъ, для которыхъ земледѣліе составляетъ почти единственный источникъ къ жизни.

Мы уже видѣли, что почти 650 тысячъ четвертей ржи не хватаетъ крестьянамъ собственно на продовольствіе; остатокъ остальныхъ хлѣбовъ по 0,36 четвертей на душу и 0,77 четверти картофеля слишкомъ не великъ, чтобы удовлетворить какъ недостатокъ въ ржаномъ хлѣбѣ, такъ и прочія нужды жителей; другія доходныя статьи крестьянскаго хозяйства, при современномъ его положеніи, крайне незначительны и рѣдко идутъ въ продажу; большую часть онъ съ трудомъ удовлетворяютъ нужды семей; а въѣдъ на этотъ, исчисленный нами, незначительный остатокъ крестьянинъ долженъ платить подати, одѣваться, покупать хлѣбъ (по крайней мѣрѣ строевой, но большею частью и дровяной) и пр. Администрація предпринимаетъ заисненія отъ нея мѣры къ тому, чтобы, на случай неурожая, населеніе не осталось въ безвыходномъ положеніи, но мѣры эти, какъ кажется, врядъ ли могутъ оказывать серьезную поддержку: ссуды изъ запасныхъ продовольственныхъ магазиновъ и капиталовъ разрѣшаются къ выдачѣ только въ случаѣ голода, происшедшаго отъ неурожая; поэтому въ настоящемъ году въ большей половинѣ края не предполагалось вовсе выдавать ссуду на обѣщаніе и продовольствіе. Конечно, предусмотрительно приготовленная администраціею помощь зерномъ или денежными ссудами бѣднѣйшимъ крестьянамъ, въ случаѣ неурожайнаго года, положительно необходима, предупреждая разореніе массы земледѣльцевъ.

Устроенные въ нашихъ губерніяхъ запасные продовольственные магазины не могутъ оказать серьезной поддержки населенію, такъ какъ предполагаютъ, по официальнымъ счетамъ, самыми скудными средствами.

Такъ, во всѣхъ семи губерніяхъ, по счетамъ, числилось въ запасныхъ магазинахъ въ 1887 году 1,549,324 чет. озимаго зерна и 893,831 чет. яроваго. Уже само по себѣ это количество весьма незначительно для семимилліоннаго почти населенія крестьянъ, такъ какъ на продовольствіе и обѣщаніе имъ необходимо ежегодно до 15 милліоновъ четвертей разнаго рода хлѣба. Слѣдовательно, въ случаѣ неурожая, запасные магазины могли бы, если бы дѣйствительно ихъ содержаніе соотвѣствовало официальнымъ отчетамъ, едва удовлетворить шестой части населенія, а между тѣмъ мы видѣли, что даже въ наиболѣе урожайный годъ почти половина Сѣверо-Западнаго края признана не обеспеченною въ продовольственномъ отношеніи и, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ четвертая или пятая часть населенія можетъ обратиться въ магазины за ссудами на обѣщаніе и даже на продовольствіе.

Но нужно еще принять во внимание, что, как количество запасных магазинов, так и количество их хлебных запасов далеко неравномерно распределяются по губерниям края. Так, в Смоленской губернии числится запасного хлеба 180,086 чет. озимого и ярового, что составляет около 6,5% количества нужного на продовольствие и обменение, в Витебской губ. 160,731 четверть, или 8%; между тем в последний, как мы указали, даже в урожайный год 10 уездных не обеспечены, а в первой 3.

Впрочем, в других губерниях количество числящегося номинального запасного хлеба несколько выше: в Минской губ. сохраняется 746,613 чет. озимого и ярового, или 34%, в Гродненской—419,029 чет. или 24%, в Могилевской—384,950 чет. или 14% и в Ковенской—384,947 чет. или 17% из количества нужного на обменение и продовольствие. Заметим, однако, что указанное нами количество хлеба только номинальное, так как значительная часть его находится в ссудах и подомках.

В прошлом году находилось в ссуду в 6 губерниях (кроме Смоленской) 815,605 чет. озимого и 122,165 чет. ярового хлеба, или почти 19,2% всех запасов. При этом в некоторых губерниях процент этот гораздо выше; так, в Витебской губернии 68% всех хлебных запасов находится в ссудах и подомках (115,943 чет.), в Виленской 31,2%, в Могилевской губернии 16,8% и в Гродненской 2%.

Кроме запасных магазинов, в губ. есть еще продовольственные капиталы с тем же назначением.

Они разделяются на несколько родов, имеющих в виду различные классы населения. Наибольшей суммой достигает, так называемый, сословный или мещанский продовольственный капитал, до 400 тысяч руб. в 6-ти губерниях, за исключением Могилевской, капиталы которой не приведены в известность.

В частности по губерниям и эта сумма разбивается на слишком незначительные части: в Смоленской губернии числится всего 15,071 руб. 14 коп., в Виленской 11,568 р. 29 коп., в Ковенской 81,712 руб.

Собственно сельский продовольственный капитал еще менее значительный; так, в Ковенской губернии его считается всего 41,950 р., в Витебской 32,821 р. 84 коп. и т. д. Вообще, продовольственные капиталы слишком не велики и притом в большинстве губ. не приведены в известность, или, быть может, их совсем нет.

Заметим еще, что почти все губ. находятся в неоплатных долгах в государственный продовольственный капитал; так, Смоленская губ. должна 951,118 руб. 50 коп., Витебская 599,331 р. 62 к., Виленская 375,350 р. 78 коп. и проч.

Подводя итоги сказанному нами о современном положении крестья-

нского хозяйства, можно, как кажется, вывести заключение, что крестьяне владеют слишком незначительной, в общем, частью поземельной собственности, размеры которой принимал при этом во внимание малолетородие и истощенность почвы, не могут удовлетворять нужды земледельческого класса даже при благоприятных условиях, и что принятые в настоящее время меры на случай бедствия от неурожая не могут оказать серьезной поддержки населению; конечно, такое печальное положение массы крестьянства могло бы улучшиться, если бы они могли иметь заработки на стороне, но таких заработков нет, за исключением сплава леса и возки его к пристаням; фабрики и заводы, в общем, незначительные в крае, как увидим, не могут оказывать серьезной поддержки; а между тем с истреблением лесов или с уменьшением вывоза его в некоторых местностях, вследствие нового закона, уменьшаются даже заработки при сплаве. Объединение массы и увеличение числа свободных рук, вследствие незначительности крестьянских надельов, отражается и на сравнительно низкой заработной плате; так, почтенная плата работнику, даже в летнее время, падает до 20—30 коп., а рабочий от 15 до 25 (на хозяйских харчах), тогда как в центральной Московской области и в южных губ. плата эта утраивается и больше.

V.

Фабрично-заводская промышленность.

Большее или меньшее развитие фабрично-заводской промышленности страны имеет важное экономическое значение в жизни ее населения; кроме того, что усиление промышленной деятельности скопляет капиталы в руках некоторых предпринимателей, что увеличивает общее богатство страны, но оно дает средство для заработка больше или менее значительной беднейшей части населения. Промышленность Северо-Западного края стоит настолько низко, что она ни в том, ни другом отношении не может оказывать значительного влияния на экономический строй жителей; между тем усиление ее было бы особенно желательным и выгодным в виду того, что, как мы уже видели, земледельческая часть населения не может быть обеспеченною в жизни добытанием одних лишь сельскохозяйственных продуктов, и потому некоторая часть рук свободна и может с успехом обратить свои силы на фабрики и заводы.

В то же время нельзя сказать, чтобы географические условия местности могли не благоприятствовать развитию промышленности и торговли; кажется, напротив, что положение Северо-Западного края между торговыми центрами—Центральной Московскою областью, первую в России в тор-

гово-промышленномъ отношеніи, Петербургомъ и Варшавой со всѣмъ Прибалтійскимъ краемъ, съ одной стороны, и съ другой—между Ригой съ Балтійскимъ моремъ и Кіевомъ и Одессой,—должно бы вызывать въ краѣ торговое промышленное движеніе, затѣмъ, обиліе горячаго матеріала, незначительная цѣна на рабочія руки и дешевизна мѣстныхъ произведеній все способствуетъ упроченію промышленности.

Однако, обращаясь къ статистическимъ даннымъ о нашей фабрично-заводской промышленности, можно видѣть, что она находится въ крайне низкомъ состояніи и только начинаетъ зарождаться въ нашемъ краѣ.

Такъ, всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ семи губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края считается до 4852¹⁾, которые вырабатываютъ на сумму въ 37,955,285 р. и даютъ работу 25,777 рабочимъ. Уже по этимъ общимъ даннымъ нельзя не видѣть, что какъ число мѣстъ производства, такъ и сумма производительности и количество рабочихъ рукъ, занятыхъ на этихъ фабрикахъ и заводахъ въ сущности весьма незначительны, сравнительно съ обширными пространствами и деятимилліоннымъ населеніемъ края. Последнее особенно бросается въ глаза, если мы сравнимъ настоящіе данныя съ данными о фабрично-заводской промышленности сосѣднихъ губерній.

Сосѣдняя Кіевская губернія съ населеніемъ въ 2,988,645 душъ обою пола, при условіяхъ гораздо болѣе благоприятныхъ для земледѣлія, доставила на своихъ фабрикахъ и заводахъ въ 1887 г. различныхъ произведеній на сумму 70,753,577 рублей, т. е. почти вдвое больше, при чемъ эта сумма мевше суммы производства 1886 года на 3,026,321 рубль; всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ этой губерніи насчитывается всего лишь 643 съ 34,685 рабочими.

Приведенныя данныя о количествѣ фабрикъ и заводовъ Сѣверо-Западнаго края, въ сравненіи съ кіевскими указываютъ, что промышленность его преимущественно мелкая, служащая для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. Такъ, въ Сѣверо-Западномъ краѣ каждая фабрика и заводъ вырабатываетъ въ среднемъ на незначительную сумму въ 7822,6 рубля и на ней работаютъ всего 5—6 человѣкъ, такъ что *каждый* рабочій вырабатываетъ различныхъ произведеній на 1472,5 р. Мелко-промышленный характеръ дѣятельности нашего края еще болѣе выясняется въ сравненіи съ Кіевскою губерніею, въ которой преобладаетъ крупная фабричная и заводская промышленность. Такъ, въ послѣдней каждая фабрика, въ среднемъ, вырабатываетъ на 110,036,6 рубля посредствомъ 54 рабочихъ.

¹⁾ По свѣдѣніямъ 1887 года по пяти губ.; по Могилевской же и Гродненской свѣдѣнія за 1886 годъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію данныхъ о распредѣленіи мѣстъ производства и суммы производительности въ частности, по губерніямъ Сѣверо-Западнаго края. Самая промышленная изъ губерній оказывается Гродненская, которая при 603 фабрикахъ и заводахъ съ 12,302 рабочими производитъ на сумму 8,255,092 рубля, что составитъ 21,7% всей суммы производства края; за ней слѣдуетъ Минская губернія съ общей суммой производства въ 7,468,604 р., или 19,64% всего производства (при 612 фабрикахъ и заводахъ и 3,555 рабочихъ), третья—Смоленская съ суммою производства на 7,083,172 р. (при 972 фабр. и зав. и 6,836 рабочихъ), четвертая—Ковенская—на 4,846,923 р. (при 955 фабр. и зав. и 3,685 рабочихъ), пятая—Виленская на 4,236,408 р. (при 413 фабр. и зав. и 3,090 рабочихъ), шестая—Могилевская, производящая на 3,868,120 р. (510 фабр. и зав. и 3,354 рабочихъ) и, наконецъ, послѣдняя—Витебская съ суммой производства на 2,196,966 рублей при 787 фабрикахъ и заводахъ съ 3,035 рабочихъ.

Мы уже указали, что наша промышленность принадлежитъ къ числу мелкихъ; очевидность этого, какъ намъ кажется, заключается въ незначительной средней суммѣ производительности каждаго промышленнаго заведенія.

Большія мануфактуры съ миллионными оборотами—всѣма рѣдки и находятся въ особенно промышленныхъ мѣстностяхъ—въ Гродненской губ. и Смоленской; такъ, напримѣръ, въ послѣдней, въ с. Ирпѣвъ Духовицкаго уѣзда находится ткацкая и бумаго-прядильная фабрика Хлудовыхъ съ оборотомъ въ 3,799,517 рублей при 2,636 рабочихъ.

Фабрики и заводы другихъ мѣстностей рѣдко имѣютъ обороты даже на нѣсколько сотъ тысячъ рублей; напротивъ, преобладаютъ небольшія промышленныя заведенія съ оборотомъ въ нѣсколько сотъ рублей при 1—5 рабочихъ. По общей суммѣ производительности на каждую фабрику выше всѣхъ губерній стоитъ Гродненская, въ которой на каждую фабрику приходится, въ среднемъ, произведеній на 13,689,9 рубля; наименьшая сумма производительности падаетъ на фабрики Витебской губ.—по 2778,9 рубля на каждую; въ остальныхъ губ. средняя сумма производства на каждое промышленное заведеніе выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ Минской—по 12,122 р., въ Виленской—по 10,258,4 р., въ Могилевской—по 7,585 р., въ Смоленской—по 7,287,2 р. и въ Ковенской губерніи—на каждую фабрику или заводъ, въ среднемъ, выходитъ по 5,072,2 рубля суммы производства. Такимъ образомъ, приведенныя данныя достаточно характеризуютъ направленіе промышленной дѣятельности Сѣверо-Западнаго края.

Такъ какъ фабрично-заводская промышленность нашего края по преимуществу стремится удовлетворить мѣстныя потребности, то она не

имѣть опредѣленныхъ районовъ дѣятельности, но распространена довольно равномерно по всему краю; число городов и уѣздовъ, дѣятельность которыхъ простирается до миллионныхъ оборотовъ, крайне незначительно, и притомъ тѣ изъ нихъ отличаются наиболѣе обширною дѣятельностью, въ которыхъ значительно мѣстное потребленіе, или тѣ, которые находятся на торгово-промышленныхъ путяхъ, благоприятствующихъ мѣстной дѣятельности; въ послѣднемъ случаѣ производство достигаетъ обширныхъ размѣровъ, такъ что продукты идутъ за границу района дѣятельности.

Къ числу центровъ, въ которыхъ сильна фабрично-заводская дѣятельность, нужно отнести прежде всего почти всѣ губернскіе города Сѣверо-Западнаго края, такъ какъ наличие населеніе ихъ, въ общемъ, довольно значительно, да при томъ они, по своему положенію, становятся естественными центрами мѣстнаго спроса. Изъ губернскихъ городовъ наибольшую дѣятельностью замѣчательны Ковно и Вильно: въ первомъ находится 49 фабрикъ и заводовъ съ 1210 рабочими, которые производятъ на сумму 1,580,296 р., что составляетъ 30,4% всего производства губерніи; въ Вильнѣ считается 37 фабрикъ и заводовъ съ 790 рабочими съ суммою производства въ 1,281,185 р.

Остальные губернскіе города производятъ менѣе чѣмъ на миллионъ рублей; меньше всего дѣятельность въ Витебскѣ: въ немъ считается 43 фабрики и завода, при 137 рабочихъ, съ суммою производства на 150,167 руб., или только почти на 7% всего производства губерніи, хотя оно весьма незначительно. Дѣятельность остальныхъ губернскихъ городовъ выражается въ слѣдующихъ данныхъ:

Города:	Число фабрикъ и заводовъ	Сумма производ-ства.	Число рабочихъ	% отнош. къ общей суммѣ производ. губ.
Смоленскъ	42	796,168	445	11,1
Гродно	32	695,036	951	8,3
Минскъ	51	657,011	475	8,8
Могилевъ	135	278,556	300	7,2

Другихъ мѣстностей, городовъ и уѣздовъ, съ значительными производствами весьма немного; дѣятельность ихъ обуславливается, въ большинствѣ случаевъ, удобнымъ географическимъ положеніемъ. Такъ, на западѣ, выдаются по суммѣ производительности нѣкоторые города и уѣзды Гродненской губерніи: изъ нихъ особенно выделяется Бѣлостокъ съ уѣздомъ, такъ какъ самъ городъ доставлялъ въ 1886 году произведеній на сумму въ 2,097,707 р., а уѣздъ на 3,280,908 р. (въ городѣ 76 фабр. и заводовъ съ 2,541 рабочимъ, въ уѣздѣ 132 съ 5182 рабочими); другой изъ выдающихся городовъ Гродненской губ., кромѣ самого Гродно,—Брестъ, производящій на сумму въ 174,253 р. на своихъ 34 фабрикахъ и заводахъ.

Значительная фабрично-заводская дѣятельность Гродненской губ., особенно Бѣлостока и его уѣзда, легко объясняется тѣмъ, что онъ служитъ естественнымъ продолженіемъ района промышленности Привислянскаго края и тѣмъ, что Гродненская губ. находится на выгодномъ пути изъ этого края въ центральную Россію.

Минская губ. представляетъ нѣсколько значительныхъ мѣстностей фабрично-заводской дѣятельности, сообразно съ природными условиями; болѣе другихъ выделяется Пинскъ съ уѣздомъ: въ городѣ находится 26 фабрикъ и заводовъ съ производствомъ 552,890 р., а въ уѣздѣ 51 фабрика и заводъ съ производствомъ на 1,150,560 р.; кромѣ этого замѣчательны: Бобруйскій уѣздъ (городъ производитъ на 253,728 р., уѣздъ—на 522,104 руб.), Рѣчицкій (одинъ уѣздъ доставляетъ произведеній на 1,150,155 р. при 54 фабрикахъ и заводахъ), Слуцкій и Новогрудскій уѣзды. Особенно выдающееся производство Пинскаго и Рѣчицкаго уѣздовъ зависитъ отъ ихъ важнаго положенія при рѣчной системѣ Припяти: первый находится у верховьевъ ея, а второй при истокахъ ея въ Днѣпрѣ.

Отмѣтимъ еще нѣкоторые изъ важнѣйшихъ пунктовъ промышленной дѣятельности въ другихъ губерніяхъ. Такъ, въ Ковенской губ., кромѣ Ковно и его уѣзда, замѣчательнъ г. Шаванъ съ уѣздомъ, въ которомъ считается 151 фабрика и заводъ съ производствомъ на 1,272,353 р. Въ Виленской губ. болѣе производительнымъ оказывается, кромѣ Виленскаго, Свенцянскій уѣздъ съ производствомъ на 519,353 р. Въ Витебской—только Рѣжницкій и Динабургскій уѣзды: въ первомъ считается 92 фабрики и завода съ производствомъ на 540,227 р. (кромѣ города), а во второмъ—30 фабр. и зав. съ суммою производства на 492,344 р. Въ Могилевской губ. выделяется своею промышленностью Гомель съ уѣздами, въ которыхъ находится 45 фабрикъ и заводовъ съ производствомъ на 1,330,105 р. при 1,032 рабочихъ. Наконецъ въ Смоленской губ., кромѣ губернскаго города и Духовицкаго уѣзда, замѣчательнъ Рославльскій уѣздъ съ 32 фабр. и заводами и суммою производства на 619,142 р. и Сычевка, производящій на 353,455 р.

Мы указали главнѣйшіе пункты фабрично-заводской промышленности Сѣверо-Западнаго края, чтобы выяснитъ характеръ распространенія ея; однако, это еще болѣе выясняется, если обратить вниманіе на мѣстности съ наименьшею производительностью. Данныя этого рода весьма интересны и поучительны, и мы, для краткости, приведемъ тѣ изъ городовъ, которыхъ общая сумма производительности менѣе 10,000 р. и изъ уѣздовъ тѣ, которыхъ сумма производства не превышаетъ 25 тыс. рублей. Вотъ эти данныя:

Города и уезды:	Число фабрик и заводов.	Сумма производства. Рубл.	Число рабочих.
Новоалександровск г.	7	5,030	13
Докшицы зашт. г.	7	3,963	7
Речица г.	5	4,038	8
Несвиж г.	3	2,514	4
Новотрудок г.	4	3,552	11
Мозырь г.	6	3,965	9
Дрисса г.	5	3,007	11
Лещель г.	7	7,852	25
Лодзья г.	5	2,150	9
Неведь г.	21	9,373	39
Мстиславль г.	3	3,802	4
Съвно г.	2	300	3
Чириков г.	12	5,710	21
Портьве г.	11	5,610	25
Юхнов г.	6	1,030	10
Соколка г.	3	10,000	15
Полоцкий уезд.	24	21,450	63
Витебский уезд.	36	20,780	159

Приведенныя нами данныя достаточно, какъ намъ кажется, характеризуютъ общее состояніе фабрично-заводской дѣятельности Сѣверо-Западнаго края.

Мы разсмотрѣли общія условія состоянія нашей промышленности и степені распространенія ея по различнымъ мѣстностямъ края.

Теперь перейдемъ къ вопросу о главнѣйшихъ видахъ промышленности.

Почти всѣ фабрики и заводы нашего края обрабатываютъ мѣстное сырье, растительное или минеральное. Издѣлія послѣдняго рода не многочисленны и служатъ только для мѣстнаго потребленія.

Главнѣйшую роль въ промышленности играютъ продукты сельскаго хозяйства, какъ напр.: хлѣбъ, картофель, кожи, сало, ненька, шерсть (почти исключительно въ Гродненской губерніи и только въ небольшомъ количествѣ въ Минской) и др., а также тѣсь, но въ крайне незначительномъ количествѣ.

Важнѣйшими продуктами нашей фабрично-заводской промышленности являются: винокуренье, пивоваренье, мукомольное дѣло, выдѣлка кожи, мыловаренье, свѣчные заводы, сыроварни, маслобойни и проч.

Первое мѣсто въ нашей промышленности занимаютъ винокуренныя заводы, общая сумма производительности которыхъ за прошлый годъ со-

ставляетъ почти $\frac{1}{3}$ всего производства края, именно 11,181,665 руб. Всѣхъ винокуренныхъ заводовъ считается 446, съ 3,361 человѣкомъ рабочихъ; слѣдовательно, каждый заводъ, въ среднемъ, вырабатываетъ на 25,071 руб., при 7—8 раб.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и главнѣйшее наше производство, винокуренье, носитъ характеръ мелкаго производства, между тѣмъ какъ въ другихъ губерніяхъ средняя сумма производительности достигаетъ несравненно большей средней величины; такъ, напримѣръ, въ Кіевской губ. каждый винокуренный заводъ вырабатываетъ спирта на 169,183 р., т. е. почти въ семь разъ больше, причѣмъ на кіевскихъ заводахъ каждый рабочий вырабатываетъ на сумму 12,564 р., тогда какъ у насъ всего лишь 3,324 р.

Частныя данныя, по губерніямъ, указываютъ на значительно неравномѣрное производство спирта въ каждой отдѣльной мѣстности, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Губерніи:	Число винокуренн.	Сумма производства.	% отношеніе ея ко всему производству губ.	Средняя сумма производства на каждый заводъ.	число рабочихъ.
		Рубл.		Рубл.	
Минская	1.0	5,344,171	71,56%	44,518	830
Могилевская	89	1,555,964	40,29%	17,483	835
Виленская	71	1,550,984	36,69%	21,845	410
Ковенская	23	1,020,647	21,02%	44,380	113
Витебская	32	373,901	17,02%	11,684	230
Гродненская	73	733,715	8,90%	10,078	519
Смоленская	38	602,281	8,50%	15,849	424

Другимъ важнымъ потребителемъ нашего хлѣбнаго продукта является пивоваренье. Всѣхъ пивоваренныхъ заводовъ считается 270 съ 1,079 рабочими; сумма производства ихъ 2,307,453 р. составляетъ 6,08% всего производства края.

Наибольшимъ производствомъ пива выдѣляется Гродненская (58 заводовъ, съ суммой производства на 530,222 р.), Ковенская (80 заводовъ, на 655,664 р.) и Виленская (54 зав., на 487,862 р.); въ остальныхъ губерніяхъ производство его сравнительно незначительно и въ Могилевской считается всего 10 заводовъ, съ производствомъ на 75,165 р.

Кромѣ пивоваренныхъ и винокуренныхъ заводовъ потребителями собственно хлѣбныхъ продуктовъ являются крахмальные, солодовенные, медоваренные и дрожжевые заводы; но они не представляютъ болѣе или менѣе значительныхъ промышленныхъ предприятий и сумма ихъ оборотовъ, при сравнительно большомъ количествѣ, ограничивается сотнями рублей, а иногда даже и десятками.

Слѣдуетъ указать также еще на заводы, обдѣлывающіе хлѣбные продукты. Въ хозяйственномъ отношеніи развитіе крупныхъ (паровыхъ) мукомольныхъ и круподерныхъ заводовъ представляло бы не мало выгоды для края въ сельско-хозяйственномъ отношеніи: мука и крупа, выдѣлываемая на подобныхъ паровыхъ заводахъ, оказывается несравненно доброкачественнѣе, чѣмъ на нашихъ деревенскихъ первобытныхъ мельницахъ и круподерныхъ; затѣмъ, на паровыхъ заводахъ при молотіи гораздо меньше теряется зерна и продуктъ обходится гораздо дешевле.

Поэтому нельзя не пожалѣть; что промышленность этого рода находится въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Такъ, въ Могилевской губ. вовсе не было въ 1886 году паровыхъ мельницъ. Въ остальныхъ губ., хотя официальное число ихъ довольно значительно, однако, данныя по нѣкоторымъ губерніямъ заключаютъ въ себѣ и болѣе крупныя обыкновенныя водяныя мельницы, да притомъ и общая сумма ихъ производительности настолько низка, что доказываетъ весьма незначительную ихъ дѣятельность, а, слѣдовательно, и полезность. Такъ, въ 6 губерніяхъ (кромѣ Могилевской) считается 859 мукомоленъ съ 1,407 рабочими; общая сумма ихъ производства составляетъ 1 мил. р. или 2,68% всего производства края. Частныя данныя по губерніямъ указываютъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ количество мукомоленъ и сумма ихъ производства нисходятъ до ничтожной величины. Такъ:

	Мукомоленъ	Сумма производимости.	Число рабочихъ.
въ Гродненской . . .	10	36,569	44
" Смоленской . . .	190	37,789	209
" Виленской . . .	2	132,710	22
" Минской . . .	24	239,580	87
" Витебской . . .	185	252,821	344
" Ковенской . . .	447	354,056	701

Еще незначительнѣе количество круподерныхъ: ихъ всего считается 53 съ 71 рабочимъ и съ суммою производства на 80,712 р., или 0,213% всего производства.

Изъ другихъ заводовъ, обдѣлывающихъ сельско-хозяйственные продукты, наиболѣе значительны по суммѣ производства кожевенные и свѣчные заводы; первыхъ считается 593 съ 1,733 рабочими и съ производствомъ въ 2.136,704 р., или 5,6% общей суммы производства.

Свѣчныхъ заводовъ, которыхъ считается въ 6 губерніяхъ (кромѣ Виленской, гдѣ ихъ не показано) 47, съ производствомъ на 1.179,910 р., или 3,11% всего производства, съ 220 рабочими. Остальные производства еще менѣе значительны; такъ, производительность маслобоенъ, которая встрѣчается только въ 3 губерніяхъ (въ Гродненской 21, въ Минской 10 и въ Могилевской 76), составляетъ 311,633 р., или 0,82% всего производства Сѣверо-Западнаго края.

Производство мыловаренныхъ заводовъ и сываренныхъ по суммѣ своей почти одинаково: первыхъ 68, съ производствомъ на 183,134 руб., а вторыхъ 66, съ производствомъ на 189,375 рублей.

Есть еще нѣсколько мелкихъ производствъ: канатныя фабрики (35, съ производствомъ на 80,528 р.), медоваренные, солодоваренные и проч., но онѣ незначительны.

Чтобы яснѣе представить состояніе промышленности каждой губерніи Сѣверо-Западнаго края и состояніе обработки въ нихъ важнѣйшихъ продуктовъ нашего сельскаго хозяйства мы предлагаемъ ниже сводную таблицу, съ указаніемъ на процентное отношеніе суммы cadaго производства ко всему производству губерніи; чтобы указать на характеръ самихъ промышленныхъ заведеній, мы прилагаемъ среднюю сумму (въ рубляхъ) производительности cadaго изъ нихъ: наконецъ, въ итогѣ предлагается средняя сумма производительности cadaго завода или фабрики и процентное отношеніе даннаго производства къ суммѣ производительности всего края.

Губернии.	Винокурен. заводы.		Пивоварен. заводы.		Кожевенные заводы.		Связальные заводы.		Мукомольные заводы.		Крупнопрес. и.		Маслобойные заводы.		Сыроварен. заводы.		Мясоперераб. заводы.		Качества фабрики.	
	Сумма произв-ва	% общ. произв.	Сумма произв-ва	% общ. произв.	Сумма произв-ва	% общ. произв.	Сумма произв-ва	% общ. произв.	Сумма произв-ва	% общ. произв.	Сумма произв-ва	% общ. произв.	Сумма произв-ва	% общ. произв.	Сумма произв-ва	% общ. произв.	Сумма произв-ва	% общ. произв.	Сумма произв-ва	% общ. произв.
Минская	44,518	71,56%	2,423	1,04%	1,292	1,01%	176,355	2,12%	9,982	3,22%	889	0,3%	2,096	3,2%	1446	0,13%	5571	0,67%	1754	0,09%
Могилевская	17,483	40,2%	7,516	1,9%	1,807	6,5%	804	0,15%	—	—	1446	1,5%	642	1,3%	1300	0,14%	2170	1,12%	4064	1,5%
Витебская	21,845	36,6%	9,034	11,5%	1,592	8,2%	—	—	66,350	3,14%	—	—	—	—	—	—	4632	0,44%	—	—
Белогорская	44,380	21,06%	8,195	13,5%	793	7%	235,588	19,9%	793	7%	—	—	—	—	—	—	8109	1,118%	1726	1,19%
Витебская	11,681	17,02%	7,891	9,4%	3,983	28,3%	4,788	1,08%	1,365	12%	88	0,4%	—	—	—	—	3741	0,85%	395	0,07%
Гродненская	10,078	8,9%	9,142	6,4%	3,375	1,3%	489	0,08%	3,657	0,44%	—	—	1076	0,27%	670	0,16%	2629	0,25%	—	—
Смоленская	15,849	8,5%	2,741	3,6%	1,232	8,7%	4,381	0,60%	199	0,53%	—	—	—	—	3004	4,08%	6750	0,19%	191	0,017%
	25,071	29%	8,546	6%	3,604	70%	25,105	3,1%	1,226	2,7%	150+	0,2%	2912	0,8%	2869	0,49%	1919	0,48%	2301	0,21

Мы привели данные о важнейших производствах, обрабатывающих нашу сельскохозяйственную продукцию. Они показывают, что почти половина (45%) нашей обрабатывающей промышленности занята обработкой произведений сельского хозяйства. Далее, данные эти свидетельствуют, что промышленность этого рода вообще мелкая, не исключая даже и винокурения; различные части ее довольно равномерно распределяются между всеми губерниями, за редкими исключениями.

Обратимся теперь к исследованию других видов нашей промышленности. По важности своей, нужно на первом плане поставить после заведений, обрабатывающих сельскохозяйственные продукты, — фабрики и заводы, обрабатывающие местные ископаемые продукты, частью лесные продукты. Таких продуктов не много и они мало ценные, но имеют важное значение в бытующей жизни населения, особенно беднейшей его части, как, напр., кирпичное производство, стеклянное, гончарное. Вся промышленная предпринимательность этого рода носит тот же характер мелкой промышленности; они разбросаны по всему краю, управляются небольшим числом рабочих (1—5 человек, редко больше), и имеют незначительную сумму годовых оборотов; кроме того, они раздробляются на множество мелких производств, согласно разнообразным потребностям местной жизни. Однако, судя по количеству мест производства их и суммы производительности, трудно допустить, чтобы заведения, даже и этого рода, могли удовлетворять местным потребностям, — так они в общем незначительны.

Приведем в одной общей таблице итоги производства.

Губернии.	Кирпичные заводы.	Стеклан. заводы.	Гончарные заводы.	Известковые заводы.	Паразовые заводы.	Цементные заводы.	Спичечные заводы.	Силикатные заводы.	Дегтярные заводы.
	Средняя сумма производства в каж. заводе.	Средняя сумма производства в каж. заводе.	Средняя сумма производства в каж. заводе.	Средняя сумма производства в каж. заводе.	Средняя сумма производства в каж. заводе.	Средняя сумма производства в каж. заводе.	Средняя сумма производства в каж. заводе.	Средняя сумма производства в каж. заводе.	Средняя сумма производства в каж. заводе.
Витебская	2963	0,63	12,612	1,2	—	—	—	—	—
Смоленская	708	0,91	56,146	4,9	—	—	—	—	—
Могилевская	661	0,5	15,047	1,6	—	—	—	—	—
Витебская	608,3	2,5	51,950	2,3	83	0,6	383	0,32	3250
Минская	940,3	0,74	10,000	0,13	829	0,5	897	0,035	6669
Гродненская	320,5	2,1	5,300	0,13	81	0,003	833	0,03	509
Ковенская	1399	2	5,738	0,12	530	0,24	1082	0,4	—
ИТОГО	1219	1,1	28,306	2,4	402	0,17	1125	0,2	2821
					0,23	9,496	1,4	9,370	0,5
									311
									0,1

Въ приведенной таблицѣ собраны всѣ данныя о производствѣ нашихъ естественныхъ продуктовъ. Какъ видно, оно не велико и едва достигаетъ 5,6% суммы всего производства. Незначительность производства объясняется, конечно, бѣдностью страны. Между тѣмъ нѣкоторые изъ указанныхъ родовъ промышленности имѣютъ важное значеніе въ жизненномъ обиходѣ нашего земледѣльческаго сословія, какъ то: гончарное (выдѣлка простой глиняной посуды), дегтярное и др. Кирпичное и известковое производство, не смотря на хорошее качество нашей глины, не могли у насъ сильно развиться вследствие обилія и дешевизны въ краѣ лѣса. Замѣтимъ еще, что приведенныя данныя достаточно опредѣленно подтверждаютъ высказанное нами раньше положеніе относительно мелко-промышленнаго направленія нашей фабрично-заводской дѣятельности. Намъ остается еще обратить вниманіе на два рода промышленныхъ заведеній, имѣющихъ также повсемѣстное значеніе, — на гвоздевыя фабрики и чугуно-литейные заводы; первая занимаютъ значительное мѣсто въ нашей промышленности: ихъ въ 3-хъ губ. считается 9 съ производствомъ на 1,522,312 р., или 4% всего производства; чугуно-литейныхъ заводовъ считается 11, съ производствомъ на 2,211,154 р.

Мы рассмотрѣли данныя о трехъ группахъ промышленности: 1) занимающуюся обработкою сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, 2) занимающуюся обработкою естественныхъ произведеній страны и 3) занимающуюся обработкою металловъ. Почти вся наша промышленность обращена на эти три группы производительности. Общій выводъ изъ полученныхъ нами данныхъ указываетъ на характеръ ея: она обращаетъ свои силы почти исключительно на мѣстныя произведенія, избирая притомъ такія производства, которыя доставляютъ необходимые предметы въ жизненномъ обиходѣ населенія. Въ виду повсемѣтнаго спроса на такія произведенія, объясняется значительное количество мѣстъ производства и въ то же время незначительная сумма ихъ годовыхъ оборотовъ, такъ какъ они удовлетворяютъ потребностямъ незначительной группы мѣстнаго населенія.

Такой выводъ представляютъ общія данныя, такъ какъ до 70% суммы всего производства падаетъ на три выше указанные группы. Однако, частныя данныя по губерніямъ измѣняютъ нѣсколько вышеизложенныя положенія; именно, оказывается, что двѣ изъ губерній, Смоленская и Гродненская, кромѣ обработки предметовъ мѣстнаго потребленія, успѣваютъ въ производствѣ другихъ предметовъ, которыми они могутъ, судя по суммѣ производительности, вести болѣе или менѣе обширную торговлю за предѣлами мѣстнаго района. Къ такимъ предметамъ нужно отнести издѣлія писчебумажныхъ, ткацкихъ, бумагопрядильныхъ фабрикъ и проч.

Для подтвержденія сказаннаго о составѣ промышленности каждой губ., приведемъ сводную таблицу процентныхъ отношеній первыхъ трехъ группъ, указанныхъ нами, ко всему производству губерній.

Производства.

Губернии.	I группа.	II группа.	III группа.	Общий итог.
Ковенская	65%	5%	19%	89%
Минская	83%	5%	0,65%	88,65%
Витебская	68%	9%	0,2%	77,2%
Могилевская . . .	52%	7%	5%	64%
Виленская	60%	4%	11%	75%
Смоленская	26%	10%	0,04%	36,04%
Гродненская . . .	18%	3%	0,9%	21,9%

Приведенные процентные отношения вполне характеризуют направления производств по каждой из групп. Гродненская и Смоленская губернии направляют свою деятельность на другие производства, о которых сейчас скажем, типа крупной фабричной промышленности. Среднею между ними и остальными губерниями стоит Виленская губ. Первые же две, по характеру своей промышленности, находятся под влиянием соседних губерний. Гродненская—Привислянского края, Смоленская—Московской области; одна и другая составляют естественные окраины восточной и западной промышленных областей. Усиление прочих производств Виленской губ. объясняется центральным положением ее среди Северо-Западного края и удобствами в торговом отношении; она, очевидно, стремится превратиться в одну из таких промышленных окраин.

Теперь нужно обратиться к составу производств, не подходящих под вышеуказанные рубрики групп, и имеющих место преимущественно в Гродненской и Смоленской губ., и отчасти в Виленской.

Из этих производств мы должны прежде всего обратить наше внимание на табачные фабрики; хотя они имеют повсеместное распространение и с значительною суммою производства, однако мы не причисляли их к одной из указанных групп, потому что они не обрабатывают местных продуктов.

Производство табачных фабрик составляет 2,371,713 р.; при этом считается 68 фабрик при 3708 рабочих; таким образом табачное производство составляет около 6% всего производства.

Приведем безынтересные данные о распределении этого производства по губерниям.

Губернии.	Число производств.	Сумма производства.	% отн. к общ. сумм. произв.	Средняя сумма производ. каждой фабр.	Число рабочих.	Среднее число рабочих на каждой фабрике.
Гродненская . . .	16	950,755	11,5%	59,435	1666	104
Виленская	7	461,752	10,9%	65,966	339	48
Смоленская	4	444,822	6,3%	111,203	107	27
Ковенская	11	242,182	5%	22,017	710	65
Витебская	10	137,943	6,3%	13,794	303	30
Могилевская	6	81,893	2,1%	1364	153	25
Минская	14	52,386	0,7%	13,659	430	31

Нам остается еще сказать о нѣк. крупных производствах, не входящих в состав первых трех групп.

Из таких производств отметим писчебумажные фабрики, которые находятся в двух губерниях: в Виленской 3 с суммою производ. на 348000 р. или почти 8%, и в Могилевской—1 с произв. на 707600 р. или почти 19% произв. губ.—В Смоленской губ. выделяется по своему производству 1 ткацкая и бумагопрядильная фабрика, которая при 2626 рабочих, доставила произведений в прошлом году на 3,799,517 р., что составляет почти половину производительности губернии. Ткацкая фабрика находится еще в небольшом числе в Гродненской губ. (9), производящих на 55,870 р. Вообще Гродненская губерния по направлению своей промышленности, значительно отличается от других, равно как и Смоленская. Так, приведем важнейшие производства.

Фабрики.	Число фабрик.	Сумма производства, рублей.	% общ. произв. губ.	Средняя сумма произв. каждой ф. рублей.	Число рабочих.
Суконные	26	365,249	4,4%	14,044	634
Сукон.-картонны.	142	3,826,885	46,3%	26,815	5814
Шерстяные	25	577,164	7%	23,088	740
Шоковые	2	345,000	4,1%	172,500	410

Приведенные данные достаточно характеризуют состояние и направление промышленности Гродненской и Смоленской губ.: в общем, они базисно подходят под тип крупной промышленности, а по составу своему совершенно отличаются от прочих губерний Северо-Западного края.

Въ заключение нашего очерка о фабрично-заводской промышленности слѣдовало бы упомянуть о положеніи рабочихъ, но официальные данныя за прошлый годъ, имѣющіяся у насъ подъ руками, не упоминаютъ объ этомъ; данныя же, собранныя фабричными инспекторами, были своевременно опубликованы въ газетахъ.

Зная общее состояніе нашей промышленности въ настоящее время, небезынтересно будетъ оглянуться назадъ и познакомиться съ ростомъ ея до послѣдняго времени.

Общее впечатлѣніе отъ данныхъ о ростѣ нашей фабрично-заводской промышленности состоитъ въ томъ, что промышленность увеличивается крайне медленно и весьма неравномѣрно. Увеличеніе довольно замѣтно, если разсматривать данныя съ 60-хъ годовъ; послѣднее же десятилѣтіе отличается сильными колебаніями. При весьма незначительномъ, въ общемъ, и не постоянномъ ростѣ за послѣднее десятилѣтіе, настоящее состояніе промышленности значительно понизилось сравнительно съ предшествующими годами.

Только двѣ губерніи, Ковенская и Смоленская, выработали произведеній въ 1887 году на большую сумму, чѣмъ въ какой либо изъ предшествовавшихъ годовъ; для всѣхъ остальныхъ губерній сумма производтельности этого года ниже какого либо изъ предшествовавшихъ. Годы наивысшаго производства—1883—1884 почти для всѣхъ губерній; въ эти годы наша промышленность поднялась до наивысшей своей величины; затѣмъ начинается поворотъ, въ смыслъ уменьшенія производтельности губерній, происходящій, какъ слѣдуетъ полагать, отъ извѣстнаго экономическаго кризиса, послѣдовавшаго за этими годами и продолжающагося, отчасти, до послѣдняго времени. Таково общее положеніе дѣлъ.

Мы уже замѣтили, что увеличеніе производтельности страны замѣтно только за большой періодъ времени; въ послѣднее десятилѣтіе усиленіе промышленной дѣятельности незначительно. Принявъ во вниманіе періодъ времени съ шестидесятихъ годовъ, мы замѣчаемъ, что наибольшее усиленіе промышленной дѣятельности замѣтно въ Минской и Ковенской губ. Такъ, въ первой изъ нихъ за послѣдніе 27 лѣтъ (отъ 1861—1887 г., вклю.) сумма производства увеличилась въ 13 разъ: въ 1861 г. въ ней считалось всего 70 фабрикъ съ суммою производства на 564,443 р. Производство Ковенской губ. за то же время увеличилось въ 10 разъ: въ ней въ 1861 г. считалось фабрикъ и заводовъ 317 съ 1148 рабочими и производствомъ на 468,163 р. Такимъ образомъ производтельность Минской губ. увеличивалась, въ среднемъ, почти по 259 тыс. р. въ годъ, а Ковенской почти по 162 тыс. р.

Это только двѣ губ., въ которыхъ сумма производства увеличилась такъ значительно; въ остальныхъ увеличеніе гораздо меньше; такъ въ Грод-

ненской губ. оно произошло въ 2,6 раза съ 1860 г. или всего на 4787 тыс. р., въ Витебской (съ 1862 г.) въ 2,2 раза или на 1,227 тыс. р., въ Виленской (съ 1868 г.)—въ 3,6 раза, или на 3113 тыс. р., и въ Смоленской (съ 1866 г.) въ 2,8 раза. Ежегодное увеличеніе производтельности этихъ губ. выражается въ слѣдующихъ диграхъ: въ Гродненской губ. сумма производтельности ежегодно увеличивалась въ среднемъ по 146 тыс. р., въ Виленской по 155 тыс. р., въ Витебской—по 15,600 р. и въ Смоленской—208 тыс. рублей. Указанное нами увеличеніе, въ сущности, незначительно, если сравнить съ другими губерніями, гдѣ въ тѣ же періоды сумма производтельности увеличилась на десятки милліоновъ рублей, а въ Московской губ. съ 1868 г. болѣе, чѣмъ на 100 милл. р.

Медленными шагами промышленность наша шла до конца 70-хъ годовъ, съ этого времени производтельность усилилась, но въ то же время замѣтно сильное колебаніе, а съ 1883—84 г. и паденіе. Въ самомъ дѣлѣ, приведемъ данныя за послѣднее десятилѣтіе (1881—1886 годъ включ.) общей суммы производства всѣхъ губерній.

Годы.	Сумма производтельности. Рубли.	Увеличеніе (+) или уменьшеніе ея сравн. съ предш. год.	% увеличенія или уменьшенія
1881	34.795,524		
1882	36.435,418 +	1.639,894 +	+ 4,7%
1883	38.197,371 +	1.761,953 +	+ 4,8%
1884	40.266,416 +	2.069,045 +	+ 5,3%
1885	35.892,706 —	4.373,710 —	+ 10,9%
1886	36.059,378 +	166,672 +	+ 0,9%

Изъ этой таблички видно, что промышленность наша съ 1881 года подвинулась впередъ на весьма незначительную сумму, а наивысшая точка ея развитія приходится на 1884 г., съ которой она замѣтно пала въ два послѣдующіе года.

Группируя тѣ же данныя по губерніямъ, принявъ во вниманіе отчеты за дѣлое десятилѣтіе (съ 1878 г.), нельзя не замѣтить значительной разницы въ развитіи нашей промышленности въ различныхъ губерніяхъ края.

Такъ, представимъ данныя, показывающія колебанія суммы производства сравнительно съ каждымъ предшествовавшимъ годомъ.

Год	Губернии					
	Гродненская	Виленская	Могилевская	Смоленская	Минская	Ковенская, Витебская
Увеличение суммы (+) или уменьшение (-) суммы производ. ср. пред. г. (въ рублях)						
1879	-365,218	+223,169	+21,650	+1,737,982	-	-
1880	-	-709,508	-177,041	-2,198,363	+149,686	-316,480
1881	+470,551	+688,484	+249,013	+1,537,410	+638,856	-160,991
1882	-130,906	+248,408	+222,128	+523,222	+554,003	+689,094
1883	+1,240,378	+1,474,888	+136,113	-1,062,422	-469,659	+188,678
1884	+1,416,374	+414,997	+529,939	+1,644,138	+639,030	-388,872
1885	-1,327,614	-1,642,280	-503,762	-1,036,443	-285,940	-358,484
1886	+518,219	+1,046,111	+342,976	-370,473	-1,074,426	+719,746
1887	-	-500,237	-753,575	+1,620,278	+347,117	+346,923

Вышеприведенныя данныя указываютъ на значительное колебаніе производительности.

Притомъ, въ большинствѣ случаевъ, вслѣдъ за поднятіемъ ея слѣдуетъ паденіе; наивысшаго уровня своего она достигаетъ въ періодъ 1883—84 года. Размѣры паденія суммы производства, превышающіе часто милліонъ рублей, при незначительномъ общемъ уровнѣ промышленности, должны были крайне неблагоприятно отзываться на общемъ экономическомъ строе страны.

Отношеніе данныхъ этой таблицы къ общей суммѣ производства каждаго года еще болѣе выяснится, если привести процентное отношеніе этихъ же данныхъ къ суммѣ производительности каждаго предшествующаго года.

Год	Губернии						
	Гродненская	Виленская	Могилевская	Смоленская	Минская	Ковенская	Витебская
	Процентное отнош. увелич. (+), или уменьш. (-) суммы производительности каждаго послѣд. года къ предъидущему.						
1879	проц. -3,5	проц. +8	проц. +0,7	проц. +37	проц. -	проц. -	проц. -
1880	-7	-14	-5	-34	+2	-9	-
1881	+5	+27	+8	+34	+9	-5	-
1882	-4	+8	+7	+9	+7	+21	-6
1883	+13	+42	+4	-17	-6	+4	+14
1884	-14	+8	+15	+31	+8	-0,9	+15
1885	-15	-31	-12	-17	-3	-8	+24
1886	+7	+30	+10	-6	-13	+19	-31
1887	-	-10	-20	-29	+5	+4	+4

Такимъ образомъ, за означенный періодъ послѣдовало абсолютное уменьшеніе суммы производства только въ Гродненской губ.: въ 1878 г. она равнялась 10.277,564 р., слѣдовательно, до 1887 г. уменьшилась на 2.022,474 р., или 20%. Въ остальныхъ губерніяхъ замѣтно абсолютное повышеніе суммы производительности: менѣе всего она увеличилась въ Могилевской губ.—на 58,441 р., или 1,6% (въ 1878 г. равнялась 3.047,104 р.), въ Минской на 488,667 р., или 7% (въ 1879 г. равнялась 6.979,937 р.), въ Витебской на 302,513 р., или 16% (въ 1881 г. равнялась 1.894,453 р.), въ Ковенской на 1.049,617 р., или 28% (въ 1878 г. равнялась 3.797,309 р.) и въ Смоленской на 2.395,083 р., или 51% (въ 1878 г. равнялась 4.688,089 р.); наивысшій процентъ увеличенія дала Виленская губ.—55%, или 1.484,728 р (въ 1878 г. сумма производительности равнялась 2.748,680 руб.).

Приведенныя данныя свидѣтельствуютъ о различныхъ причинахъ, обуславливающихъ ростъ промышленности нашихъ губерній; причины эти заключаются какъ въ географическомъ положеніи ихъ, такъ и въ направленіи самой промышленности въ различныхъ частяхъ края. Такъ, изъ предыдущаго мы видѣли, что промышленность 5 нашихъ губерній (Могилевской, Минской, Виленской, Витебской, Ковенской) направлена на обработку мѣст-

ных сырых произведений; съ увеличеніем населенія увеличивался и спросъ на эти продукты, увеличилось также количество мѣстныхъ произведений (напр. разнаго рода хлѣба, вслѣдствіе большого количества воздѣлываемыхъ полей и проч.)

Наконецъ, и рабочіе, обрабатывающіе на фабрикахъ и заводахъ мѣстные продукты, стоятъ предпринимателямъ дешевле, вслѣдствіе несложности самой работы (напр. на винокуренныхъ заводахъ и пр.) и привычки къ ней мѣстнаго населенія. Вслѣдствіе этихъ причинъ мы и замѣчаемъ значительный ростъ въ этихъ губерніяхъ промышленной дѣятельности. Замѣтимъ еще, что на такого рода производство экономической кризисъ послѣдняго времени не могъ оказать сильнаго вліянія (кромѣ, и то отчасти, вывоза спирта).

Медленный же ростъ производства этихъ губерній зависитъ отъ незначительнаго увеличенія спроса на нихъ и вообще отъ медленнаго теченія жизни въ нашемъ краѣ.

Нѣсколько иначе стоитъ положеніе другихъ двухъ губерній, Гродненской и Смоленской.

Гродненская губ., какъ мы уже замѣтили, и по характеру своей промышленности, и по торговымъ связямъ, всецѣло зависитъ отъ Привислинскаго края, который служитъ рынкомъ для ея произведений. Между тѣмъ промышленность послѣдняя, какъ наиболее связанная съ Западной Европой, потерпѣла въ послѣднее время, вслѣдствіе экономическаго кризиса, серьезные убытки; только въ самое послѣднее время товары ея начали появляться на московскихъ и петербургскихъ рынкахъ, что вызвало жалобу въ департаментъ торговли и мануфактуръ, поданную московскими фабрикантами, объ ограниченіи ввоза произведений Привислинскаго края. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ промышленность Гродненской губ. въ послѣднее время значительно пала.

Сказанное нами съ достаточной точностью подтверждается какъ на общихъ, выведенныхъ нами данныхъ, такъ и въ частности—на производствѣ суконныхъ фабрикъ этой губ. Вообще, суконныя фабрики имѣютъ въ ней преимущественное значеніе, такъ какъ на ихъ долю приходится болѣе половины всего производства; за ними, по важности, слѣдуютъ шерстяныя фабрики и шелковыя. Поэтому, производительность Гродненской губерніи основывается по преимуществу на хорошемъ сбытѣ этого рода произведений; улучшеніе или ухудшеніе его отражается на всей губерніи. Такъ, данныя о производствѣ суконныхъ, суконно-кортовыхъ и кортовыхъ фабрикъ за восьмилѣтіе, съ 1879 г. по 1886 г. включительно, располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 1879 г.—6,3 мил. р., въ 1880 г. 5,7 (—8,6%), въ 1881 г. 6,09, въ 1882 г. 6,05, въ 1883 г. 6,08, въ 1884 г. 2, въ 1885 г. 4,8, въ 1886 г. 4,2.

Особенно выдающееся явленіе представляетъ послѣдній, 1886 годъ: тогда какъ все производство губерніи увеличилось на 7% (518 тыс. руб.), сравнительно съ предшествующимъ годомъ, производство суконныхъ фабрикъ пало до 616 тыс. руб. Эти факты достаточно уясняютъ положеніе означеннаго рода мануфактуры, медленность ея развитія, неустойчивость ея современнаго состоянія и, если дѣла и дальше пойдутъ такимъ же образомъ, то и паденіе. Гродненская мануфактура не имѣетъ своихъ постоянныхъ рынковъ, но всецѣло зависитъ отъ Привислинскаго края, и болѣе всего отъ Варшавы; чѣмъ больше рынковъ для сбыта имѣетъ привислинская мануфактура, тѣмъ лучше пойдутъ дѣла гродненскихъ фабрикантовъ; при ухудшеніи дѣлъ первой, послѣдніе остаются на второмъ планѣ и при-нуждены сокращать свои операціи.

Смоленская губернія находится въ другихъ, болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Рынки сбыта ея произведений въ Москвѣ, на Нижегородской ярмаркѣ и далѣе къ востоку; она производитъ по преимуществу простые товары (ситца, миткаль и проч.), которые отчасти расходятся на мѣстѣ, и болѣею частью, выѣзѣтъ съ московскими товарами такого же рода, въ восточныя области Россіи, въ Азію и на Кавказъ. Экономическій кризисъ не могъ оказать тутъ сильнаго вліянія; даже, напротивъ, началъ оказывать весьма благотворное вліяніе; московскіе и владимирскіе фабриканты обратились къ изысканію новыхъ рынковъ для сбыта своихъ товаровъ и въ послѣднее время сдѣлали болѣе успѣхи въ Средней Азіи. Все это хорошо повліяло на промышленность Смоленской губерніи и она значительно поднялась за послѣднее время.

Въ предыдущихъ статьяхъ мы успѣли коснуться различныхъ сторонъ жизни нашего края. Однако, трудъ нашъ въ такомъ видѣ далеко нельзя назвать законченнымъ, полнымъ; мы не коснулись еще нѣкоторыхъ сторонъ, весьма даже существенныхъ. экономической жизни разбираемаго нами района. Такъ, напримѣръ, мы не сказали ничего о торговлѣ и промыслахъ сельскаго и городского населенія и проч., принуждены были отказаться отъ изслѣдованія нѣкоторыхъ частностей изъ вопросовъ, уже отчасти изслѣдованныхъ нами и проч. Причина, заставившая насъ отказать въ говорить о томъ или другомъ предметѣ, — недостаточность, неполнота существующихъ источниковъ, часто даже совершенное отсутствіе въ нихъ важнѣйшихъ данныхъ. Такъ, о торговлѣ официальные источники судятъ по количеству взятыхъ торговыхъ свидѣтельствъ, билетовъ и проч. Врядъ ли кажется, можно судить о торговлѣ по этимъ источникамъ, особенно въ нашемъ краѣ, гдѣ каждый еврей является торговцемъ, совершающъ часто значительныя обороты, а между тѣмъ немногіе изъ нихъ берутъ свидѣтельства; да и сами эти документы вовсе не могутъ указывать на сумму тор-

говых оборотов, но невольно является недоверие к выставленным цифрам; каким методом собиранія пользовались составители? Видно у нас, как известно, даже большіе коммерческія фирмы не ведут книгъ, торговых записей и пр.; если же нѣкоторыя еврейскія фирмы и ведутъ, то на еврейскомъ языкѣ, слѣдовательно, недоступномъ для составителей отчетовъ. Болѣе заслуживаютъ довѣрія отчеты начальниковъ рѣчныхъ дистанцій о прохожденіи чрезъ ихъ округа грузовъ, доставляемыхъ на рѣчныхъ судахъ; но даже и этихъ данныхъ мы не можемъ собрать. Вообще торговля Сѣверо-Западнаго края, по ея исключительному положенію и способу веденія, требовала бы серьезнаго изслѣдованія людей науки, на что не могутъ рассчитывать наши статистическіе комитеты. (Подобное изслѣдованіе было сдѣлано Инсономъ въ 60-хъ годахъ „Пинскъ и его районъ“. Спб. 69 г. Въ настоящее время эта работа, весьма добросовѣстная и интересная, во многихъ отношеніяхъ устарѣла, конечно).

Въ такомъ видѣ приходится встрѣчать не только данныя о торговлѣ, но даже и такія, собираніе которыхъ не можетъ встрѣтить большихъ затрудненій; такъ, не точны свѣдѣнія о народномъ образованіи, о санитарномъ состояніи и др. Вообще, бѣдность, неполнота, неопредѣленность статистическихъ данныхъ о Сѣверо-Западномъ краѣ поразительны. О вполнѣ научномъ трудѣ по разнообразнымъ вопросамъ нашей жизни, при настоящемъ положеніи источниковъ, еще нечего и думать. Мы съ трудомъ могли собрать хоть общія данныя, изложенныя въ предыдущихъ очеркахъ, а между тѣмъ мы имѣли возможность пользоваться всѣми изданіями центрального и губернскихъ статистическихъ комитетовъ и все-таки оказалось невозможнымъ обследовать многіе изъ вопросовъ, имѣющихъ существенную важность.

Въ заключеніе нашихъ очерковъ приведемъ данныя о состояніи податной части въ губерніяхъ нашего края. По смѣтѣ на 1887 г. ожидалось къ поступленію всѣхъ сборовъ, окладныхъ и неокладныхъ, 8,168,021 руб. недоимочныхъ и оклада 20,177,313 р., а всего 28,345,334 р., что на каждую душу наличнаго населенія составляетъ около 3 р., а на каждую мужскую рабочую душу (отъ 18 до 60 лѣтъ) почти по 12,5 р. Однако, цифра предполагаемыхъ сборовъ въ продолженіе года измѣнилась оттого, что къ нимъ были еще причислены нѣкоторые сборы, именно: недоимокъ на 1,335,914 руб. и оклада на 2,888,575 руб., всего на 4,224,489 р. Слѣдовательно, всего, вмѣстѣ съ причисленными налогами, подлежало взысканію 32,569,823 руб., или около 14 р. на рабочую душу.

Изъ этой общей суммы въ теченіе года было исключено недоимокъ на 1,533,807 р. и дѣйствительно взыскано было съ населенія: недоимокъ на 2,158,593 р. и окладныхъ сборовъ на 18,802,081 р.; всего 20,960,674 р., что составить на наличную душу 2 р. 15 к., а на рабочую душу почти 9½ р.

Вотъ данныя о налогахъ, сгруппированныя въ таблицу:

Губерніи:	Взысканіе податей и налоговъ.	На 1 ду- шу обо- его позо- всего на- селенія сезона прошл.
	(Руб.)	Рубл.
Минская	8,030,549	4,8
Могилевская	2,220,769	1,8
Смоленская	2,241,022	1,7
Ковенская	2,484,726	1,63
Виленская	1,967,045	1,5
Гродненская	2,131,871	1,5
Витебская	1,844,693	1,45

Сюда не вошли городскіе налоги, слѣд., общая сумма взимаемыхъ налоговъ нѣсколько увеличится.

Укажемъ, далѣе, на важнѣйшія статьи губернскихъ доходовъ. Болѣе одной трети настоящихъ сборовъ входитъ въ составъ неокладныхъ налоговъ по вѣдомствамъ разныхъ министерствъ (напр., за сѣнокосы, охоту, продажу лѣса и проч., по вѣдомству мин. гос. им., за гербовый сборъ и проч.).

Именно, по окладу 1886 года полагалось взыскать по неокладнымъ сборамъ 9,718,625 р.; въ продолженіе года къ нимъ было причислено 3,170,836 р., а дѣйствительно было получено отъ населенія 7,217,113 р. Остальные налоги составляютъ окладные сборы, именно взыскано было ихъ 13,742,561 р.

Окладные сборы состоятъ изъ подушнаго оклада, выкупныхъ платежей, взимаемыхъ исключительно съ крестьянъ (подушная подати взимаются только недоимки, такъ какъ сама она, какъ известно, отмѣнена); далѣе, изъ налоговъ, взимаемыхъ въ пользу духовенства съ лицъ польскаго происхожденія и имѣній, имъ принадлежащихъ (на дняхъ и эта повинность отчасти отмѣнена), и наконецъ, различныхъ земскихъ сборовъ, взимаемыхъ съ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ.

Такимъ образомъ, недоимки по подушной подати было взыскано въ прошломъ году во всѣхъ губерніяхъ 77,103 р., что на каждую крестьянскую душу составить немного болѣе одной копейки *).

Выкупные платежи составили въ прошломъ году 9,169,933 р. (недоимочныхъ 703,869 р. и окладныхъ 8,466,124 р.). Слѣдовательно, на каждую десятину крестьянской земли приходится по 86 коп., а на одну крестьянскую душу по 1 р. 35 к.

*) Всего крестьянскаго сословія считается 6,7.0,820 д. обоего пола.

Остальные окладные сборы составляют 4.575,568 р.; часть ихъ, въ количествѣ 648,006 р., недоимки и оклады, взимается исключительно съ лицъ польскаго происхожденія, а остальные 3.925,502 р. составляютъ поземельный сборъ и земскіе государственные сборы.

Въ общемъ на десятину изъ этихъ сборовъ приходится почти по 15 коп. Изъ этихъ окладныхъ сборовъ крестьянское сословіе вноситъ менѣе $\frac{1}{3}$ ихъ, именно около 1,593 тыс. р.; остальная сумма вносится частными собственниками.

Изъ всѣхъ этихъ сборовъ, на одну душу крестьянскаго сословія, безъ различія возраста, приходилось: недоимки по подушной подати 1 коп., выкупныхъ платежей 1 р. 35 коп. и поземельныхъ сборовъ 23,6 к., слѣдовательно всего 1 р. 59,6 коп. Такъ какъ крестьянъ мужскаго пола въ рабочемъ возрастѣ можно считать приблизительно около 1,769 тыс. чел., то всѣхъ вышеназванныхъ статей сборовъ на каждую рабочую душу крестьянскаго сословія пришлось: недоимки подушной подати 4,3 к., выкупныхъ платежей 5 р. 18 к., поземельнаго налога и земскихъ сборовъ 90 копеекъ, а всего 6 р. 12,3 коп. Впрочемъ, сумма эта, въ дѣйствительности, будетъ больше, потому что въ нашъ расчетъ не вошли волостные сборы, которые доходятъ мѣстами до 1 рубля. Поэтому, въ среднемъ, можно положить на каждую рабочую душу крестьянскаго сословія по 7 р., кромѣ этого крестьянинъ уплачиваетъ еще косвенные налоги въ видѣ акциза, гербовнаго сбора, что можетъ составить еще 1 р.

Кустарные промыслы Минской губерніи^{*)}.

Какъ въ наукѣ, такъ и въ обществѣ укоренилось мнѣніе, что въ Северо-Западномъ краѣ совершенно отсутствуютъ кустарные промыслы. Мнѣніе это настолько сильно, что даже специальная комиссія по изслѣдованію этихъ промысловъ и сельскаго хозяйства, изучая кустарное производство промышленной полосы Россіи и отчасти черноземной, ограничилась лишь нѣсколькими замѣчаніями, слишкомъ поверхностными, о состояніи сельскихъ промысловъ въ Бѣлоруссіи. Такъ, комиссія для изслѣдованія сельскаго хозяйства въ одномъ изъ своихъ докладовъ заявила, что въ Бѣлоруссіи, несмотря на скудную почву, крестьяне занимаются почти исключительно однимъ земледѣліемъ, а изъ подспорныхъ промысловъ берутся только за самые простые, какъ сплавъ дѣса, извозъ (Гр. ком. IV, 19 прил. I, отд. I). Относительно Смоленской губ. въ частности также комиссія заявляетъ, что значительное число рабочихъ дней теряется непроизводительно, такъ какъ работникамъ очень часто нечего дѣлать, въ особенности раннею весною. Впрочемъ, относительно нѣкоторыхъ губерній можно найти въ трудахъ этой же комиссіи лишь неопредѣленные указанія на выдѣлку здѣсь посуды, осей, саней, бочекъ и др. промыслы.

Однако, если мы обратимъ вниманіе на причины, вызывающія вообще въ Россіи кустарную промышленность, то найдемъ, что и въ нашемъ краѣ онѣ не только существуютъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще въ большей силѣ, чѣмъ въ губерніяхъ фабричныхъ или черноземныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ мы встрѣчаемъ ту же недостаточность земельного надѣла, малоплодородность почвы, продолжительность свободнаго отъ полевыхъ работъ времени, да еще ко всему этому присоединяется отсутствіе фабрикъ и заводовъ, которыя могли бы предъявлять спросъ на рабочія руки, и вообще незначительность отхожихъ промысловъ. Лѣсные промыслы занимаютъ весьма немного рабочихъ рукъ. Такъ, въ Минской губерніи, мѣстъ ихъ наибольшаго развитія, занято ими было въ 1887 г. немного болѣе 73 тыс. человекъ, что составитъ около 6% населенія. Слѣдовательно, въ нашемъ

^{*)} Въ дополненіе къ предыдущей статьѣ помѣщаемъ наст. ст., напечатанную въ 1890 г.

край существуют причины аналогичны тѣмъ, которые вызвали развитие кустарныхъ промысловъ въ черноземной полосѣ.

Съ другой стороны, если рассмотреть относительное число ремесленниковъ, имѣющихъ свидѣтельства на ремесло, той же самой Минской губерніи, то ясно станетъ, что они не могутъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ полуторамилліоннаго населенія губерніи. Такъ, всѣхъ городскихъ ремесленниковъ въ ней было въ 1887 г. 23,373 человекъ, мастеровъ и рабочихъ, что составитъ всего лишь 1,4% населенія губерніи, такъ что на каждаго ремесленника приходится по 73 человекъ остального населенія. Совершенно ясно, что 1,4% населенія, занимающіеся ремеслами, не могутъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ остальныхъ жителей губерніи, особенно если принять въ расчетъ разнообразныя потребности болѣе зажиточныхъ классовъ. Слѣдовательно, естественно, что для потребностей крестьянскаго населенія губерніи существуетъ особый классъ промышленниковъ земледѣльцевъ, которыхъ въ наукѣ и въ обществѣ принято называть кустарями. Предположеніе о существованіи кустарной промышленности можно сдѣлать уже по сопоставленіи вышеуказанныхъ данныхъ, хотя въ русской экономической наукѣ существуетъ взглядъ, подтвержденный заявленіями официальныхъ комиссій, что въ Вѣлоруссіи вообще отсутствуетъ эта часть промысловъ. Такой взглядъ установился вслѣдствіе того, что наша окраина вовсе не подвергалась изслѣдованіямъ въ этомъ направленіи.

Если же мы изслѣдуемъ изданные недавно Минскимъ статистическимъ комитетомъ *) материалы о кустарной промышленности, то при первомъ же взглядѣ на общіе итоги можно уже заключить, что этотъ родъ промысловъ занимаетъ видное число крестьянскихъ рабочихъ рукъ, не уступающее губерніямъ, въ которыхъ кустарный промыселъ считается занимающимъ видное мѣсто. Такъ, въ 9-ти уѣздахъ Минской губерніи занимающихся кустарными промыслами 20,216 крестьянъ почти исключительно муж-

*) Матеріалы эти изданы при Памятной Книжкѣ по Минской губерніи на 1890 г. Эти данныя далеко не могутъ быть признаны полными; въ нихъ вошли далеко не всѣ мѣстности, даже пріобрѣтшія себѣ извѣстность на болѣе или менѣе обширный районъ. Такъ напр., извѣстны во всемъ при-Припяти жители мѣст. Петрикова, почти поголовно занимающіеся всю зиму шитьемъ сапоговъ, продающіе свои издѣлія не только на ярмаркахъ южной части Минской губ., но и соседнихъ губерній, вовсе не названы въ опубликованныхъ данныхъ. Тоже случилось и съ выдѣлкою деревянной посуды въ м. Лахва, хорошо извѣстной въ томъ же районѣ. Несмотря на недостатки, данныя эти весьма важны, такъ какъ нельзя не признать за ними извѣстной доли правдивости. Къ сожалѣнію, форма, въ которой онѣ изданы, весьма неудобна для пользованія: издатели не прихвѣли къ изданію ихъ самыхъ обыкновенныхъ приемовъ при статистическихъ изданіяхъ. Было бы весьма желательно, чтобы и другіе комитеты послѣдовали примѣру Минскаго и собрали бы свѣдѣнія о кустарной промышленности.

чинъ, живущихъ въ 646 селеніяхъ; промыслы ихъ раздѣляются на 25 видовъ. Эта цифра вовсе не можетъ быть признана преувеличенною: насколько намъ извѣстно, сюда не вошли многія селенія, въ которыхъ процѣтаютъ тѣ или другіе промыслы (Петриково, Лахва и др.). Правда, сюда вошли не мало простыхъ сельскихъ ремесленниковъ, которыхъ не всѣ причисляютъ къ кустарямъ. Какъ бы то ни было, но это количество сельскихъ промышленниковъ не уступаетъ по количеству многимъ промышленнымъ и черноземнымъ губерніямъ. Такъ, въ Полтавской губ. всѣхъ ремесленниковъ 26,352 д. об. п. изъ коихъ собственно кустарей всего лишь 3728 чел.; въ Ставропольской губ. кустарей всего 2470 чел.

Указанное число кустарей (20,216 ч.) по уѣздамъ Минской губерніи распределяется слѣдующимъ образомъ.

У ѣ з д ы.	Число кустарей.	% отнош. къ общ. числу по губ.	% отнош. къ числу уѣзда.
Мозырьск	5817	48,80%	50%
Новогруд	4587	22,70%	2,10%
Слуцкий	3406	200%	20%
Игуменскій	2908	14,50%	1,60%
Пивскій	707	3,50%	0,40%
Борисовскій	665	3,30%	0,420%
Рѣчницкій	678	3,30%	0,50%
Бобруйскій	551	2,70%	0,360%
Минскій	350	1,70%	0,240%

Если эти поуѣздныя данныя сопоставить съ таковыми же другихъ губерній, то окажется, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ уѣздовъ не уступаютъ въ этомъ отношеніи уѣздамъ съ наиболѣе развитыми кустарными промыслами промышленной полосы. Такъ, наприм., въ Егорьевскомъ уѣздѣ всѣхъ сельскихъ ремесленниковъ 4750 чел., въ Разинскомъ 4000, Касимовскомъ 3800; Спаскомъ 4000, Сапожковскомъ 2400 и т. д. Всѣ эти данныя указываютъ на то, что кустарная промышленность Минской губ., а, вѣроятно, и всего Сѣверо-Западнаго края вовсе не находится въ такомъ перинотномъ состояніи, какъ объ этомъ обыкновенно думаютъ, и что слѣдовало бы обратить болѣе серьезное вниманіе какъ изслѣдователямъ, такъ и правительственнымъ сферамъ, въ которыхъ въ послѣднее время возникъ серьезный вопросъ объ оказаніи рациональной поддержки кустарямъ.

Рассмотримъ теперь отдѣльные виды кустарной промышленности Мин-

ской губ. и сумму производства их. Мы уже сказали, что промыслами занимается 20,216 чел., которые вырабатывают на сумму до 300 т. руб. в год. Замѣчательно, что усиленіе промышленной дѣятельности среди крестьянъ въ томъ или другомъ уѣздѣ вездѣ обуславливается большимъ или меньшимъ числомъ свободныхъ рукъ. Это можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ чиселъ, въ которыхъ мы обозначили количество пахатной надѣльной земли на душу об. пола и процентное отношеніе числа кустарей и суммы производства каждаго уѣзда къ общей суммѣ ихъ по губ.

У ѣ з д ы .	Десят. па- хат. надѣл. земли.	% отнош. рабочихъ.	% суммы ихъ произ- в. въ общ. сум.
Минскій	1,09	1,7	4,3
Бобруйскій	1,24	2,7	12,3
Рѣчицкій	1,52	3,3	8
Борисовскій	1,03	3,3	8
Пинскій	0,88	3,5	3,7
Игуменскій	0,97	14,5	16,7
Слуцкій	0,86	20	18
Новогрудскій	0,79	22,7	9,1
Мозырскій	1,09	48	19,2

Эта табличка ясно доказываетъ, что количество крестьянской земли играетъ весьма видную роль въ развитіи сельской промышленности: въ уѣздахъ, въ которыхъ крестьянскій надѣлъ больше, сельская производительность имѣетъ сравнительно весьма скромные размѣры и наоборотъ. Если мы при этомъ припомнимъ отношеніе кустарей каждаго уѣзда къ общему числу его жителей, каковыя данныя мы привели нѣсколько выше, то еще болѣе убѣдимся, что чѣмъ меньше надѣльной земли, тѣмъ большее число рукъ занято промыслами. Въ приведенныхъ данныхъ можно указать лишь на два явленія, повидимому, противорѣчающія вышесказанному—именно сильное развитіе промысловъ въ Мозырскомъ уѣздѣ, средній надѣлъ котораго довольно значителенъ, и низкое состояніе промысловъ въ Пинскомъ уѣздѣ при весьма низкомъ надѣлѣ. Но это обстоятельство легко объясняется, если принять во вниманіе чрезвычайно низкую по качественности почву Мозырскаго уѣзда и развитіе славянскаго и лѣсного отхожихъ промысловъ въ Пинскѣ.

Исходя, далѣе, характеръ сельской промышленности данной губерніи, нужно замѣтить, что она носитъ на себѣ характеристическія черты мѣстныхъ природныхъ условій съ одной стороны и служить, очевидно, для

удовлетворенія несложныхъ потребностей крестьянскаго населенія, съ другой.

Всѣ 25 видовъ сельскихъ промысловъ, для большаго удобства при обзорѣ ихъ, можно раздѣлить на пять группъ.

Первая группа, куда мы относимъ всѣ издѣлія изъ дерева*), занимаетъ весьма видное мѣсто: этимъ промысломъ занято 8,832 рабочихъ, т. е. 41% всего числа, вырабатывающихъ на сумму въ 132 тыс. руб., или 46% всей суммы. Почти всѣ промыслы этой группы распространены по всѣмъ уѣздамъ губерніи, охватывая собою 232 селенія. Наиболѣе важными изъ нихъ является теляжнй промыселъ, которымъ занято 2,487 чел., вырабатывающихъ на сумму въ 19,899 руб., или 6,5% общ. суммы, затѣмъ слѣдуютъ столярное и плотничье ремесло, (194 раб., на сумму 16,416 руб., или 58% вс. с.), бондарнымъ промысломъ занято 1,327 ч., зарабатывающихъ 12,339 р., и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ группа промысловъ, матеріаломъ для которыхъ служатъ скотоводство**); ими занято 4,341 чел., или 21% общаго числа работающихъ, на сумму 54 тыс. руб., или 2,2% всей суммы. По количеству суммы производства кожевнный промыселъ занимаетъ въ этой группѣ первенствующее значеніе: имъ занято 163 чел., производящихъ на 22,486 руб., что составитъ 7,8% всей суммы; затѣмъ шерстяной промыселъ даетъ 13,604 руб. 3,871 кустарямъ, производствомъ обуви занято 65 чел., зарабатывающихъ на 8,560 руб. Промыслы сѣтяной, клеенарный, выдѣла волоса не имѣютъ, по незначительности ихъ суммы производства, вовсе какого либо значенія.

Выдѣлка земледѣльческихъ орудій и металлическое производство (ножи, косы, серпы и т. п.) также занимаютъ видное мѣсто среди другихъ отраслей производства: ими занято 938 чел., вырабатывающихъ на 38 тыс. рублей. Эти промыслы распространены повсемѣстно.

Обработка минеральныхъ богатствъ страны (гончарный промыселъ и обработка камня) имѣетъ весьма незначительное распространеніе: имъ занято 394 чел., зарабатывающихъ въ годъ немного болѣе 8 тыс. руб.

Затѣмъ въ послѣднюю группу мы выдѣляемъ разнаго рода мелкіе промыслы, преимущественно домашняго характера.

Ими занято сравнительно довольно значительное число рабочихъ (5,353 чел.), по незначительности общей суммы производства (45 тыс. руб., т. е. почти по 9 руб. на рабочаго) указываетъ на ихъ небольшое значеніе въ сельско-хозяйственномъ обиходѣ. Только одинъ портяжный промыселъ,

*) Промысламъ: бондарный, теляжнй, мелкихъ деревянныхъ издѣлій (посуда и др.), токарная издѣлія, корзиночный гонка смолы и дегтя, а также изготовленіе матеріаловъ для деревянныхъ издѣлій.

**) Промысламъ: шерстяное производство, кожевнный, скорняжнй, шорный, обувь, сѣбной, клеенарный, выдѣла волоса.

который мы отнесли къ этой группѣ, занимаетъ 726 рабочихъ, которые вырабатываютъ 5,8% общей суммы.

Послѣ указанія на предметы обработки нашей сельской промышленности, интересно было бы выяснитъ какъ способы обработки разныхъ видовъ промышленности и способы сбыта получаемыхъ произведеній, такъ и значеніе ея въ сельско-хозяйственномъ быту, и, наконецъ, самую качественную сторону произведеній этой промышленности. Къ сожалѣнію, для выясненія этихъ важныхъ вопросовъ имѣющіеся матеріалы не даютъ ровно ничего. Единственно, что возможно опредѣлить болѣе или менѣе, да и то чисто апіорнымъ путемъ, это значеніе нашей кустарной промышленности въ сельско-хозяйственномъ обиходѣ. Значеніе различныхъ родовъ промышленности для крестьянина достаточно выясняется изъ сопоставленія среднихъ данныхъ о прибыляхъ, получаемыхъ однимъ рабочимъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что развитіе кустарныхъ промысловъ, особенно если они не успѣли получить въ данной мѣстности правильной организаціи, зависитъ какъ отъ болѣе или менѣе степени интенсивности затрачиваемого труда, такъ и отъ матеріаловъ для обработки и самыхъ орудій обработки произведеній; конечно, тутъ еще нужно принять въ расчетъ условія рынка. При чисто земледѣльческомъ характерѣ населенія данной мѣстности, кустарный промыселъ является лишь подспорьемъ въ сельско-хозяйственномъ быту, занимающимъ свободныя руки, когда нѣтъ полевыхъ или домашнихъ работъ. Поэтому, крестьяне преимущественно избираютъ тотъ родъ ремесла, который не требуетъ постоянного труда въ продолженіе года, къ которому земледѣлецъ можетъ обратиться только въ свободное время. Съ другой стороны, на обученіе какому нибудь ремеслу болѣе или менѣе трудному нѣтъ у крестьянина достаточно времени, такъ какъ снѣ уже съ десяти лѣтъ работникъ въ семьѣ. Наконецъ, дороговизна орудій обработки, устройство мастерской, необходимость имѣть оборотный капиталъ для закупки матеріаловъ для издѣлій, неудобство сбыта, неустойчивость рыночныхъ цѣнъ и т. д. выѣютъ на развитіе тѣхъ или другихъ видовъ кустарныхъ промысловъ. Конечно, во многихъ великорусскихъ уѣздахъ эти причины теперь уже не имѣютъ такого вліянія, что зависятъ отъ правильной во многихъ мѣстностяхъ организаціи сбыта произведеній и отъ слишкомъ незначительныхъ надбавокъ, которымъ бываетъ занята лишь часть семейства.

Однако, въ Минской губерніи всѣ указанія нами условія сельской промышленности имѣютъ весьма важное значеніе. Это довольно ясно видно изъ разсмотрѣнія среднего заработка въ различныхъ видахъ производства.

Такъ, въ среднемъ каждый рабочий получаетъ въ годъ 14,3 руб. Такая незначительная сумма, конечно не можетъ служить серьезнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Промыселъ является у нашего крестьянина не специальнымъ занятіемъ, а побочнымъ, къ которому онъ прибѣгаетъ во всякое

время и который не требуетъ оборотнаго капитала, устройства мастерской и проч.

Такимъ образомъ, наиболѣе распространенными промыслами являются такіе, какъ: плетеніе корзинъ и метелокъ, пряжа и издѣлія изъ льна и пеньки, деревянные издѣлія (посуда и др.), вышиваніе, вязаніе, шерстяное производство, бондарный и тѣлѣжный промыслы. Для всѣхъ ихъ не требуется затраты оборотнаго капитала, мастерской и, наконецъ, на нихъ можетъ быть употреблено свободное зимнее время. Поэтому неудивительно, что этими промыслами занято 80% (16,156 человѣкъ) всѣхъ кустарей губерніи. Зато и заработная плата каждаго рабочаго сравнительно незначительна: во всѣхъ промыслахъ она менѣе 10 руб., но зато большинствомъ ихъ можетъ заниматься семья, женщины и дѣти (плетеніе корзинъ, метелокъ, тканіе и др.) Даже разсматривая тѣ же данныя по уѣздамъ, мы замѣчаемъ, что эти производства носятъ тотъ же характеръ, исключенія очень рѣдки. Такъ, напримѣръ, въ Милоскомъ уѣздѣ на каждаго занимающагося тѣлѣжнымъ промысломъ приходится 200 рублей заработка, что указываетъ на спеціализацію его. Почти всѣ вышеназванные промыслы открываютъ себѣ рынокъ въ окрестныхъ селеніяхъ или ближайшихъ городахъ.

Промыслы, требующіе болѣе постоянной работы или же оборотнаго капитала, хотя и занимаютъ меньшее число рукъ, но за то доставляютъ большіе прибыли рабочему. Такъ отъ 10 до 25 рублей въ годъ зарабатываетъ 1096 человекъ, или 5% всѣхъ кустарей, на сумму всего 24,850 р. Сюда принадлежатъ занимающіеся гончарнымъ дѣломъ, портняжнымъ, токарнымъ издѣліями изъ кости и дерева. Максимумъ суммы производства въ гончарномъ дѣлѣ возрастаетъ (въ Рѣчицкомъ уѣздѣ) до 100 руб. на рабочаго.

Затѣмъ слѣдуетъ значительная группа (1369 чел., или 7%) лицъ, занимающихся приготовленіемъ матеріаловъ для деревянныхъ издѣлій (осей, ободьевъ и др.), скорняжнымъ промысломъ, изготовленіемъ земледѣльческихъ орудій, металлическими производствами и обдѣлкой камня. Въ среднемъ они зарабатываютъ отъ 25 до 50 руб. въ годъ каждый. Отъ 50 до 75 зарабатываютъ 62 челов. шорниковъ и сѣбѣжниковъ. Занимающіеся столярнымъ и плотничьимъ ремесломъ (194 чел.) вырабатываютъ отъ 75 до 100 руб.

Такимъ образомъ, мы видимъ постепенное восходящее рядъ отъ мелкаго и мелкопрібыльнаго производства, занимающаго огромное число рукъ, къ болѣе крупному. Въ послѣднемъ уже видна нѣкоторая спеціализація промысла, когда онъ начинаетъ быть главнѣйшей статьей бюджета, что видно изъ средней суммы прибылей. При томъ тутъ уже требуется предварительная подготовка и оборотный капиталъ (шпорное, металлическое производство и др.). Поэтому число рабочихъ, получающихъ отъ 100 до 150

руб. в год, хотя сравнительно не велико (77 чел., 0,3%), но указывает на болѣе или менѣе постоянное занятіе данными ремеслами (производство обуви и клеевареніе, максимумъ перваго достигаетъ въ Минскомъ уѣздѣ до 500 р. на человека, въ Бобруйскомъ до 300 руб. и т. д.). Кожевники получаютъ заработка отъ 150 до 200 руб. в годъ (163 чел.), а занимающіеся гонкой смолы и дегтя по 483 руб., а наибольшій заработокъ въ Бобруйскомъ уѣздѣ превышаетъ 600 руб.

Оглавленіе.

	Стр.
Очерки семейственнаго обычнаго права крестьянъ Минской губ.	1
Бѣлорусская свадьба въ културно-религіозныхъ пережиткахъ (Введеніе. I. Предварительныя приготовленія—63. II. Заручины—84. III. Обрядъ посады жениха и невесты—97. IV. Посада жениха—106. V. Посада невесты—121).	61
Ритуальное значеніе коровайнаго обряда у бѣлоруссовъ.	147
Женская доля въ пѣсняхъ Пинчуковъ.	159
„Талонъ“, повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ яз. В. Дунина-Маринкевича (изъ исторіи бѣлорусской письменности).	173
В. Дунинъ-Маринкевичъ и его поэма „Тарась на Парнасъ“. Очеркъ изъ исторіи бѣлорусской этнографіи.	192
Чародѣйство въ Северо-Западномъ краѣ въ XVII—XVIII вв.	214
Н. В. Тянинскій. Переводчикъ Евангелія на бѣлорусское нарѣчіе.	232
Бѣлоруссы. Этнографическій очеркъ.	257
Бѣлорусское прошлое.	317
Солнышко и мѣсяцъ въ бѣлорусской свадебной поэзіи.	346
Свадебныя пѣсни Пинчуковъ (Введеніе. I. Невѣста—354. II. Женихъ и его дружина. Похищеніе дѣвицы—352. III. Продажа невесты. Брать ея—359. IV. Невѣста и семья жениха—375. VI. Коровайныя пѣсни—376. Мѣсяцъ и солнышко—380).	352
Первобытныя формы брака (I. Эволюція и первобытный бракъ. Безразличное смѣшеніе половъ. Гетеризмъ бытовій и религіозный—384. II. Бракъ по группамъ. Поліандрія. Левиратъ. Снохачество—394. III. Похищеніе женщинъ и купля-продажа).	384
Замѣтки о бѣлорусскихъ говорахъ.	405
Статистическіе очерки Северо-Западнаго края (I. Населеніе и пространство—425. II. Народное образованіе—430. III. Поземельная собственность—436. IV. Сельское хоз.—448. V. Фабрично-заводская промышленность—454.	425
Кустарные промыслы Минской губерніи.	479

Имѣются въ продажѣ книги того же автора:

- Государственное хозяйство Вел. кн. Литов-
ское при Ягеллонахъ. Т. I. К. 1901. 4 р.
- Очерки по организациі западно-русскаго кре-
стьянства въ XVI в. К. 1905. 3 р. 50 к.
- Идеалы декабристовъ. М. 1907. 1 р. 25 к.
- Мемуары декабристовъ (Записки, письма, пока-
занія, проекты конституцій, извлеченные изъ слѣд-
ственного дѣла, съ вводной статьей). К. 1907. . . 1 р. 50 к.
- Тайное общество декабристовъ. М. 1907. . . 1 р. 25 к.
- Украинскія староства въ перв. пол. XVI в.
К. 1908. 1 р.
- Книга для чтенія по русской исторіи. Т. I.
М. 1904. 3 р.
- Вереvнныя и разрубныя книги Сѣвернаго
края. Слб. 1905. 1 р.
- Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской
земель до к. XII ст. К. 1891. 1 р. 50 к.
- Акты литовско-русскаго государства. В. I.
(1340—1524 г.). М. 1899. 1 р. 50 к.
- Пѣсни Пинчуковъ. К. 1895. 2 р.
- Баркулабовская лѣтопись. К. 1909. 25 к.
- Документы Моск. Арх. Мин. Юст. Т. I.
М. 1897. 2 р.